This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

LIBRARIES
UNIVERSITY
STANFORD

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. М. ПЯТКОВСКАГО.

ОДЪ IV. ЯНВАРЬ. 1885 ГОДЪ.

ВЪ ПЕРМИ БИБЛІОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. По градамъ и весямъ. (Изъ исторіи нашего времени). Романъ. Книга 1-я. Гл. I—IV. **Вологдина**. 5
II. Пѣснь грядущаго. Стихотвореніе **Л. И. Пальмина** 59
III. Жерминаль. Гл. I—VI. Романъ **Эмиля Золя**. 61
IV. Конгрессы и конференціи, какъ органы общенія между народами. **В. П. Даневскаго**. 134
V. Кладъ. (Изъ жизни и нравовъ лѣснаго края). **Ф. Д. Нефедова**. 175
VI. Накипь Парижа. Гл. I—VII. **Альберта Вольфа** 219
VII. Забытое сословіе. **Я. Абрамова**. 269
VIII. Скрыга Мортибой. Гл. I — X. Романъ **Вальтера Безанта и Джемса Райса** 303
IX. Маргаритка. (Изъ *Андерсена*). Стихотвореніе **Л. Н. Трефолева**. 370
X. Похороны. Историческій романъ въ 2 ч. Гл. I—IV. **Д. Л. Мордовцева**. 375
XI. Два стихотворенія **А. И. Орлова** 398

(см. на оборотѣ).

№ 1 «Наблюдателя» вышелъ 15-го Января 188[illegible] год

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. И. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ IV. ЯНВАРЬ. 1885 ГОДЪ.

ВЪ ГЛАВНОЙ БИБЛІОТЕКѢ

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. По градамъ и весямъ. (Изъ исторіи нашего времени). Романъ. Книга 1-я. Гл. I—IV. **Вологдина** 5
II. Пѣснь грядущаго. Стихотвореніе **Л. И. Пальмина** 59
III. Жерминаль. Гл. I—VI. Романъ **Эмиля Золя**. 61
IV. Конгрессы и конференціи, какъ органы общенія между народами. **В. П. Даневскаго** 134
V. Кладъ. (Изъ жизни и нравовъ лѣснаго края). **Ф. Д. Нефедова**. 175
VI. Накипь Парижа. Гл. I—VII. **Альберта Вольфа** 219
VII. Забытое сословіе. **Я. Абрамова**. 269
VIII. Скряга Мортибой. Гл. I — X. Романъ **Вальтера Безанта и Джемса Райса** 303
IX. Маргаритка. (Изъ *Андерсена*). Стихотвореніе **Л. Н. Трефолева**. 370
X. Похороны. Историческій романъ въ 2 ч. Гл. I—IV. **Д. Л. Мордовцева**. 375
XI. Два стихотворенія **А. И. Орлова** 398

(см. на оборотѣ).

№ 1 «Наблюдателя» вышелъ 15-го Января 188[illegible] года.

Современное Обозрѣніе.

XII. Заграничныя письма. **И. Денисова** . . . . . .
Нѣсколько общихъ замѣчаній о рабочемъ вопросѣ на западѣ.—Попытки соглашенія интересовъ труда и капитала.—Допущеніе рабочихъ къ участію въ прибыляхъ производства.—Фамилистеръ въ Гизѣ.—Его цѣли, современное состояніе, администрація, фонды, заработная плата.—Принципіальное основаніе распредѣленія прибылей.—Различныя категоріи членовъ фамилистера.—Размѣры ихъ личныхъ прибылей и сбереженій.—Ближайшее будущее фамилистера. — Его страховыя учрежденія. — Касса страхованія отъ нужды. — Пенсіонная касса. — Касса страхованія отъ болѣзней. — Аптечный фондъ. — Воспитаніе и обученіе дѣтей. — Библіотека. — Красильное заведеніе Ше. — Другія индустріальныя фирмы, практикующія систему дѣлежа прибылей.— Кому выгодна эта система?—Результаты ея. Общіе выводы и заключеніе.

XIII. Наши внутреннія дѣла 19
Народная сказка про „дурня“. — Унизительныя представленія объ „особенностяхъ“ русскаго народа. — Историческая справка. — Доказательства, что русскій народъ находится въ самой тѣсной связи и зависимости отъ общечеловѣческой цивилизаціи. — Неизбѣжность преобразованій и значеніе противорѣчивыхъ съ ними явленій.—Скопинское дѣло.—Мнимое бездѣйствіе.— Ошибки прежней банковой политики. — Дѣло Сарры Беккеръ.—Причины сомнѣній.—Преобразованія слѣдственной части.—Заявленіе министра юстиціи.

XIV. Политическая хроника. 39
Политическія встрѣчи новаго года двадцать лѣтъ тому назадъ и теперь.— Новогодняя рѣчь Вильгельма I.—Проченъ-ли миръ въ Европѣ? — Новый претендентъ на Конгское королевство, желающій пріобрѣсти его за 15 милліоновъ франковъ.—Благоразумная экспедиція генерала Уольслея.—Неблагоразуміе англійской высшей политики. — Внутренніе враги Европы. — Процессъ нидерландскихъ динамитчиковъ.—Анархисты, ненавидящіе соціалистовъ.— Взрывъ лондонскаго моста.—Колоніальная политика Бисмарка.—Новая Британія, превращающаяся въ Новую Германію.—Чѣмъ можно объяснить англійскія претензіи? — Повсемѣстные стратегическіе ключи. — Въ чемъ состоитъ главная идея политики Бисмарка?—Австрійско-католическая политика у себя и на Балканахъ. — Македонскія звѣрства. — Турецкое высокомѣріе. — Куда намъ идти: въ Афганистанъ, въ Корею или въ Абиссинію? — Развѣ мы еще не въ Гератѣ?—Шестая великая держава, «Times», ополчившаяся на шестую часть свѣта, Россію. — 1885-й годъ, какъ рѣшитель судебъ Франціи.—Французскіе анархисты. — Землетрясеніе въ Испаніи. — Жалобы ватиканскаго узника.—Россія, опередившая если не Европу, то, по крайней мѣрѣ, Австрію.

XV. Одинъ изъ праздниковъ русскаго слова. **В. З** 54

XVI. Новыя книги: 1) *Дриль*, Дм. **Малолѣтніе преступники.** Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ нею. *Выпускъ первый.* М. 1884 г. 2) **Отчетъ русскаго географическаго общества за 1883 годъ.** Спб. 1884 г. 67

XVII. Фонографъ (фельетонъ „*Наблюдателя*“): Рябь и зыбь роднаго прогресса. **И. Ф Василевскаго (Буквы).** 71

XVIII. Объявленія: 1) объ изданіи въ 1885 г. „Новорос. Телеграфа“; 2) о подпискѣ на журналъ „Стрекоза“; 2) о подпискѣ на журналъ „Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ“; 4) о подпискѣ на журналъ „Новый Русскій Базаръ“; 5) о подпискѣ на журналъ „Прогрессивное Сельское Хозяйство“.

Отъ Главной Конторы.

Комисіонная уступка для книжныхъ магазиновъ не распространяется на тѣ изъ нихъ, при которыхъ имѣются кабинеты для чтенія. Эти послѣдніе могутъ пользоваться уступкой только при выпискѣ одновременно свыше семи экземпляровъ журнала, но въ такомъ случаѣ не *пользуются уже разсрочкой.*

НА БЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ОБЩЕСТВЕННОЙ ФК ВЪ ПЕРМИ БИБЛІОТЕКИ

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 1-й. ЯНВАРЬ.

ПЕРМСКАЯ
Центральная Библиотека
имени Максима Горького
№ 255.907
2р 25к. 19 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1885.

MF78

Типографія и Хромолитографія А. Траншеля. Стремянная, № 12.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1885 ГОДУ (ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *проф. И. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамберъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій* (Буква), *Е. А. Вернеръ, П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г*, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, И. Н. Денисовъ, Ю. Г. Зарницкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, д-ръ Ивинъ, проф. А. Ѳ. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Круловъ, В. А. Крыловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лытневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Нечуевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. В. Старчевскій, Д. И. Стохѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа. Объемъ книгъ, значительно увеличенный въ прошломъ году (такъ что къ концу года подписчики, сравнительно съ 1883 годомъ, получили чтенія больше на 22 печатныхъ листа, т. е. на цѣлую ежемѣсячную книгу), будетъ еще болѣе увеличенъ въ 1885-мъ году и дойдетъ отъ 22-хъ до 30 печатныхъ листовъ, вмѣсто прежнихъ 20—25-ти. Цѣна же остается прежняя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		**За полгода:**	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . .	16 р.	Съ пересылкою за границу. .	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **17 р. с.**, получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра *Наблюдателя*: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**, изд. ред., въ которомъ помѣщены *три* романа: **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса*; **Фостэнъ**, *Э. Гонкура*, и **Эгоистъ**, *Вернера*. 2) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена* и 3) **Утѣха жизни**, романъ *Э. Золя*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоятъ **4 руб. 50 коп.**

Разсрочка платы допускается *исключительно* для гг. служащихъ, по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою.	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. №4). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журн

STANFORD UNIVERSITY
FEB 20 1984
STACKS
AP50 .V14;1
V33 1885

ОБЛАСТНАЯ
ВЪ ПЕРМИ
БИБЛІОТЕКА

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать три семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*, т. е. съ *доставленіемъ* ихъ въ Главную Контору журнала. Рукописи, принятыя *безъ обозначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Для личныхъ объясненій съ редакторомъ, просятъ обращаться по воскреснымъ днямъ, отъ 1 до 2 ч. пополудни, въ Главную Контору (Поварской пер., № 5). Контора открыта ежедневно отъ 10 до 4 часовъ, а по воскресеньямъ отъ 12 до 2-хъ. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только два раза въ мѣсяцъ:* **5 и 20 числа, отъ 1 до 2-хъ** часовъ. Если эти числа приходятся на праздники или воскресенья, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса.*
2) **Фостэнъ**, *Э. Гонкура.*
3) **Эгоистъ**, *Вернера.*

въ одномъ томѣ. 2 р.

4) **Гансъ-Филипъ**, *Ф. Шпильгагена.* Одинъ томъ. 1 р. 50 к.
5) **Утѣха жизни**, *Э. Золя.* Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *три* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣд. книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова.* Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій.* Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

БИБЛІОТЕКИ

ПО ГРАДАМЪ И ВЕСЯМЪ.

(Изъ исторіи нашего времени).

РОМАНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Вмѣсто пролога.

„12 марта 187.. г.

„Т*.

„Ты, быть можетъ, удивишься, старый дружище, что я забрался въ такую даль. Не удивляйся! Такъ нужно... Смышляевъ предложилъ мнѣ мѣсто землемѣра; я и ухватился за его предложеніе. Коротко и ясно. Давно я не писалъ тебѣ: некогда было. Теперь, на досугѣ, потолкуемъ. Если, дѣйствительно, у васъ устроится ремесленная школа, это будетъ прекрасно. На земство вы, конечно, можете вліять черезъ Р. Г. И „либераломъ“ брезгать не надо, и болтуны подчасъ тоже могутъ пригодиться. Писалъ нашему эскулапу; чтобы онъ собралъ свѣдѣнія о каменно-угольныхъ копяхъ въ Р—ской губерніи. Обѣщалъ.—Нижегородцы хотѣли напечатать твой экономическій очеркъ. Я, по крайней мѣрѣ, объ этомъ сильно хлопоталъ. Ты знаешь мое мнѣніе насчетъ такихъ очерковъ: только по такимъ очеркамъ можетъ составиться полная картина современнаго состоянія Россіи.—О Петербургѣ сказать много нечего. По прежнему люди толкутся на одномъ мѣстѣ, какъ комары... Я уже писалъ тебѣ, что сошелся съ нѣкоторыми литературными кружками. Насмотрѣлся, а еще пуще—наслушался я всякихъ диковинокъ вдоволь. На собраніяхъ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1885 ГОДУ (ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *проф. И. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій* (Буква), *Е. А. Вернеръ, П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г*, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, И. Н. Денисовъ, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, д-ръ Ивинъ, проф. А. Ѳ. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, баронъ Н. А, Корфъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Паперъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа. Объемъ книгъ, значительно увеличенный въ прошломъ году (такъ что къ концу года подписчики, сравнительно съ 1883 годомъ, получили чтенія больше на 22 печатныхъ листа, т. е. на цѣлую ежемѣсячную книгу), будетъ еще болѣе увеличенъ въ 1885-мъ году и дойдетъ отъ 22-хъ до 30 печатныхъ листовъ, вмѣсто прежнихъ 20—25-ти. Цѣна же остается прежняя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу	16 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **17 р. с.**, получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра *Наблюдателя*: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**, изд. ред., въ которомъ помѣщены *три* романа: **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса*; **Фостэнъ**, *Э. Гонкура*, и **Эгоистъ**, *Вернера*. 2) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена* и 3) **Утѣха жизни**, романъ *Э. Золя*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоятъ **4 руб. 50 коп.**

Разсрочка платы допускается *исключительно* для гг. служащихъ, по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
FEB 20 1914
STACKS
AP50 V.4:1
N33 1885

ОБЛАСТНАЯ КНИГА
ВЪ ПЕРМИ
БИБЛІОТЕКА

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать три семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 10 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*, т. е. съ *доставленіемъ* ихъ въ Главную Контору журнала. Рукописи, принятыя *безъ обозначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Для личныхъ объясненій съ редакторомъ, просятъ обращаться по воскреснымъ днямъ, отъ 1 до 2 ч. пополудни, въ Главную Контору (Поварской пер., № 5). Контора открыта ежедневно отъ 10 до 4 часовъ, а по воскресеньямъ отъ 12 до 2-хъ. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только два раза въ мѣсяцъ:* **5 и 20 числа, отъ 1 до 2-хъ** часовъ. Если эти числа приходятся на праздники или воскресенья, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса.*
2) **Фостэнъ**, *Э. Гонкура.*
3) **Эгоистъ**, *Вернера.*

} въ одномъ томѣ. 2 р.

4) **Гансъ-Филипъ**, *Ф. Шпильгагена.* Одинъ томъ. **1** р. 50 к.
5) **Утѣха жизни**, *Э. Золя.* Одинъ томъ. **1** р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *три* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣд. книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова.* Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій.* Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

ВЪ ПЕРМИ БИБЛІОТЕКИ

ПО ГРАДАМЪ И ВЕСЯМЪ.

(Изъ исторіи нашего времени).

РОМАНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Вмѣсто пролога.

„12 марта 187... г.

„Т*.

„Ты, быть можетъ, удивишься, старый дружище, что я забрался въ такую даль. Не удивляйся! Такъ нужно... Смышляевъ предложилъ мнѣ мѣсто землемѣра; я и ухватился за его предложеніе. Коротко и ясно. Давно я не писалъ тебѣ: некогда было. Теперь, на досугѣ, потолкуемъ. Если, дѣйствительно, у васъ устроится ремесленная школа, это будетъ прекрасно. На земство вы, конечно, можете вліять черезъ Р. Г. И „либераломъ“ брезгать не надо, и болтуны подчасъ тоже могутъ пригодиться. Писалъ нашему эскулапу, чтобы онъ собралъ свѣдѣнія о каменно-угольныхъ копяхъ въ Р—ской губерніи. Обѣщалъ.—Нижегородцы хотѣли напечатать твой экономическій очеркъ. Я, по крайней мѣрѣ, объ этомъ сильно хлопоталъ. Ты знаешь мое мнѣніе насчетъ такихъ очерковъ: только по такимъ очеркамъ можетъ составиться полная картина современнаго состоянія Россіи.—О Петербургѣ сказать много нечего. По прежнему люди толкутся на одномъ мѣстѣ, какъ комары... Я уже писалъ тебѣ, что сошелся съ нѣкоторыми литературными кружками. Насмотрѣлся, а еще пуще—наслушался я всякихъ диковинокъ вдоволь. На собраніяхъ

дѣло обыкновенно происходило такъ: въ началѣ вечера общій разговоръ не завязывался, толковали о новостяхъ дня, сплетничали, пересуживали отсутствующихъ; попозже начинали горячиться, одинъ по столу кулакомъ стучалъ, другой ударялъ себя въ грудь, споры, да вздоры... Тутъ ужь являлись на сцену и заплѣсневѣлыя воспоминанія чуть-ли не о сорокъ восьмомъ годѣ, и толки о конституціи и т. д. За ужиномъ и послѣ ужина разсказывалось много анекдотовъ. Вѣдь наше славное время, по преимуществу,—время анекдотовъ... Когда же послѣ всего этого пустословія выйдешь, бывало, на улицу, такъ просто даже въ головѣ-то шумъ стоитъ, какъ будто только что изъ угарной комнаты выползъ. Впрочемъ, не всегда такъ случалось... Иногда на вечерахъ высказывались самыя благія намѣренія и пожеланія, составлялись всякіе планы, строились цѣлые воздушные замки, — и всѣ эти воздушные замки и пожеланія на утро-же пропадали безслѣдно, какъ мыльные пузыри. Выходило одно словоблудіе—и больше ничего! Литература падаетъ. Это даже сами литераторы признаютъ. Почему она падаетъ? Нынѣ объ этомъ ужасно любятъ писать, пишутъ вкривь и вкось, и потому отвѣты все даются различные. Я-же, братъ, думаю такъ: въ прежніе годы лучшія силы нашей интеллигенціи находили исходъ для своей дѣятельности главнымъ образомъ и легче всего—на писательскомъ поприщѣ. Много хорошихъ силъ шло туда... Теперь-же для этихъ силъ открылись и другія поприща, которыя представляютъ для нихъ возможность лучшей, болѣе живой, болѣе широкой дѣятельности. Не потому-ли, въ самомъ дѣлѣ, оскудѣла талантами наша литература? Не на другое-ли какое нибудь дѣло пошли наши лучшія силы? Какъ ты думаешь?— Барынѣ своей скажи отъ меня поклонъ. Привѣтъ всѣмъ нашимъ. Пиши такъ: въ г. Т*, по Дольней улицѣ, домъ священника Троицкаго. Лебедкину.

Твой Ѳ. В.“

„P. S. Вотъ уже цѣлую недѣлю не вижу я передъ собой ни каменныхъ петербургскихъ громадъ, ни петербургскихъ городовыхъ. Кругомъ меня—пестренькіе деревянные дома, выкрашенные въ розовую и желтую краску, а за ними—поля, луга и лѣса. Все это пока, конечно, еще подъ снѣгомъ, но когда

всѣ эти поля и лѣса зазеленѣютъ и зацвѣтутъ, тогда здѣсь будетъ чудесно".

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ было написано это посланіе, почтальонъ доставилъ его по адресу учителю уѣзднаго училища въ одномъ изъ городковъ П — ской губерніи.

Весною того-же года, землемѣръ Ѳеофанъ Михайловичъ Верюгинъ былъ командированъ для размежеванья земель въ различныхъ мѣстностяхъ Т—ской губерніи. Въ концѣ мая онъ отправился въ свои странствованія по барскимъ усадьбамъ и по деревнямъ. Онъ уже побывалъ въ двухъ селеньяхъ и размежевалъ крестьянъ съ ихъ бывшими помѣщиками.

Теперь путь его лежалъ въ Вязовку, имѣніе г-жи Марушевой. Пара крестьянскихъ лошадокъ тащила его телѣгу по степямъ и полямъ. Поскрипывая и потрескивая, катилась телѣга по ровной степной дорогѣ. Сѣренькій весенній день смеркался. Свѣжій вѣтерокъ лѣниво подувалъ... Черноземныя поля раскидывались во всѣ стороны, уходили въ даль и не было видно имъ конца. Стая воронъ съ глухимъ карканьемъ кружилась надъ вспаханными полосами. Мужикъ, обдерганный, обтерханный, пошатываясь, ходилъ по полю, склонившись надъ сохою. Медленно брела его тощая, усталая кляча... Закутавшись въ свой темный плэдъ, Верюгинъ задумчиво посматривалъ на эту сѣрую, неприглядную картину, широко разметнувшуюся передъ нимъ. Картина—съ дѣтства ему знакомая, родная картина: сѣрое небо, сѣрая земля, пахарь за сохою и стая воронъ надъ полями...

Верюгину стукнуло 35 лѣтъ, но, благодаря счастливой наружности, онъ казался моложе. Только въ волосахъ его уже пробивалась сѣдина, да въ глазахъ иногда, когда онъ оставался наединѣ, какъ напримѣръ, теперь, выражалось утомленіе... Онъ высокъ, строенъ, повидимому, довольно силенъ, но лицо его далеко некрасиво. Лицо овальное, носъ длинный, съ горбинкомъ, лобъ высокій, но не очень большой, блѣдно-голубые глаза (глаза, впрочемъ, хорошіе, сильные), вьющіеся свѣтлорусые волосы, усы, почти закрывающіе верхнюю губу, и мефистофелевская бородка... Конечно, написанный мною портретъ туманенъ и *безцвѣтенъ* и, быть можетъ, напоминаетъ

собой тѣ портреты, что пишутся въ паспортахъ, вѣчно заканчиваясь однимъ и тѣмъ же штрихомъ: „особыхъ примѣтъ нѣтъ“... Что жъ дѣлать! Ванъ-Диковъ на свѣтѣ мало.

Теперь Верюгинъ, какъ уже сказано, ѣхалъ въ Вязовку, къ помѣщицѣ Аннѣ Павловнѣ Маркушевой. Онъ въ городѣ уже слышалъ кое-что про эту госпожу. Одни говорили, что она—гордячка, отъ провинціальнаго общества держится въ сторонѣ и общественнымъ мнѣніемъ не дорожитъ. Другіе утверждали, что она—барыня „очень либеральная“, все читаетъ книги и стоитъ за свободу чувствъ.

— Пожила она на своемъ вѣку! толковали старики.— Была въ свое время красавицей, да такой франтихой, что нынѣшнимъ барынямъ куда до нея—и не подумать!... А теперь обстоятельства ея перемѣнились,—все въ деревнѣ живетъ, съ племянницей! Женщина очень образованная, воспитанная... Въ хорошемъ обществѣ живала...

Понятно, что не очень-то ясный и складный образъ являлся въ воображеніи Верюгина, когда хотѣлъ онъ теперь представить себѣ m-me Маркушеву... Въ ожиданіи Вязовки, Ѳеофанъ Михайловичъ слегка вздремнулъ. Проснувшись, онъ увидалъ передъ собой ту же картину—сѣрое небо, сѣрую землю, стаю воронъ надъ полемъ и мужика, шатавшагося за сохой... Проѣхали еще верстъ десять. Верюгинъ снова дремлетъ, снова раскрываетъ глаза, и опять передъ нимъ все то же сѣрое небо, полосы вспаханной земли, стаи воронъ надъ ними, а въ дали какъ будто тотъ-же грязный, лохматый мужикъ понуро ходитъ за сохой. И въ ту пору сквозь сонъ Верюгину почудилось, что куда бы онъ ни ѣхалъ, куда бы ни заѣхалъ, надъ нимъ вездѣ и всюду вѣчно будетъ висѣть это же самое сѣрое, безпросвѣтное небо, будетъ разстилаться та же сѣрая земля, поросшая терновникомъ и ковылемъ, будутъ чернѣть все тѣ же вспаханныя полосы, надъ ними станутъ кружиться стаи воронъ, а по полю станетъ все ходить и ходить Вѣчный Мужикъ за своею сохой... Верюгину стало даже жутко, дрема мигомъ слетѣла съ него. „Въ самомъ дѣлѣ, не эмблема ли это земли русской! съ усмѣшкой подумалъ онъ, позѣвывая и протирая глаза.—Куда ни глянь—все *она* со своей сохой, да съ жалкой клячей“...

А вокругъ—поля и степи ровныя, необъятныя и пустынныя... Никого, кромѣ стаи воронъ, мужика, да его Сивки...

Былъ часъ шестой утра. Верюгинъ сидѣлъ у открытаго окошка. Вѣтви цвѣтущей, пахучей сирени лѣзли на подоконникъ. На деревнѣ пѣли пѣтухи. Звонко заливался жаворонокъ въ сосѣднемъ полѣ. Съ голубаго неба ярко свѣтило майское солнце... И въ этотъ тихій утренній часъ Верюгинъ невольно, незамѣтно поддался очарованію деревенскаго спокойствія и мира, полнаго мечтательной нѣги. Онъ наслаждался вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ, наслаждался и солнечнымъ свѣтомъ, и блескомъ изумрудной зелени, и яркостью красокъ полевыхъ цвѣтовъ, и благоуханіемъ сирени, и всѣми звуками пробуждавшейся отъ сна деревенской жизни... Кто росъ въ сосѣдствѣ съ полями и лѣсами, или кто долго жилъ въ деревнѣ потомъ вынужденъ былъ нѣсколько лѣтъ сряду провести въ льшомъ городѣ, тотъ совершенно пойметъ Верюгина и посувствуетъ ему. А Верюгинъ именно выросъ среди полей за послѣднее время принужденъ былъ безвыѣздно выжить въ Петербургѣ болѣе трехъ лѣтъ...

Выпивъ стаканъ молока и взявъ съ собой кусокъ ржанаго хлѣба, Ѳеофанъ Михайловичъ отправился на деревню. Тамъ разыскалъ онъ старосту и попросилъ его на завтра дать ему на помощь нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Сегодня же онъ хотѣлъ ознакомиться съ мѣстностью, отдохнуть...

Теперь, вырвавшись на деревенскій просторъ, выйдя за околицу, Верюгинъ, казалось, не могъ надышаться вволю свѣжимъ пахучимъ воздухомъ полей и лѣсовъ. Степь, разстилавшаяся передъ нимъ, вся была уже въ цвѣту, пестрѣла и алѣла. Вѣтерокъ чуть-чуть подувалъ, разнося съ собой степные ароматы. Порядочно побродивъ и проголодавшись, Верюгинъ взошелъ на одинъ изъ невысокихъ бугровъ, тамъ и самъ поднимавшихся среди степи, и усѣлся на траву совершать свою трапезу. Онъ вынулъ изъ сумочки свой кусокъ чернаго ржанаго хлѣба, плотно посолилъ его и съѣлъ съ большимъ апетитомъ... Эта закуска,—любимая закуска Верюгина въ дѣтствѣ,—привела ему теперь на память давніе годы и давнихъ людей, *изъ которыхъ* уже многіе лежали въ могилѣ.

И вотъ передъ нимъ живо, какъ наяву, мелькнуло маленькое знакомое личико... Бѣлокурая, голубоглазая дѣвочка, небольшаго роста, худенькая... Кроткое, любящее существо... подруга его дѣтства...

Портной Кузьма Прокопьевичъ, обшивавшій изстари все семейство Верюгиныхъ, жилъ въ собственномъ домикѣ на самомъ концѣ города, и маленькій огородъ его выходилъ на сполье. Портной, зайдя къ Верюгинымъ съ работой, иногда оставался у нихъ на весь день, занимаясь починкой и накладываньемъ заплатъ на разное старье. Прокопьевичъ слылъ за грамотѣя, за человѣка начитаннаго, живалъ въ Москвѣ и много видалъ на своемъ вѣку. Маленькій Ѳеофанъ Верюгинъ чрезвычайно любилъ толковать съ нимъ о томъ-о семъ и слушать его розсказни. Иногда посылали его къ Прокопьевичу по какому нибудь дѣлу, иногда же самъ онъ отправлялся къ нему въ гости. Въ этой простой рабочей семьѣ Ѳеофану было привольнѣе, нежели въ домахъ чиновничьихъ, съ которыми были знакомы его отецъ и мать... Жена портнаго, Максимовна, пекла такіе отличные, вкусные крендели на постномъ маслѣ! Прокопьевичъ разсказывалъ такія чудесныя исторіи... Въ зимніе вечера сидѣли они съ сальной свѣчей за простымъ деревяннымъ столомъ. Верюгинъ помнитъ, какъ маленькая Оля всегда усаживалась съ нимъ рядомъ и въ страшныхъ патетическихъ мѣстахъ разсказа, слегка вздрагивая, прижималась къ его плечу. Иногда, когда въ лачугѣ портнаго бывало холодно, Ѳеофанъ забирался на печь и подчасъ тамъ сладко подремывалъ... Или: бѣжитъ онъ, бывало, домой отъ Прокопьевича. Поздній вечеръ. Улицы маленькаго городка пусты, безлюдны. Лишь изрѣдка кое-гдѣ изъ-подъ воротъ пролаетъ собака, да сторожъ поколотитъ въ доску. Бѣжитъ мальчуганъ вдоль улицы, только сухой снѣгъ поскрипываетъ слегка подъ ногами въ безмолвіи морозной ночи. Мѣсяцъ высоко стоитъ въ ясномъ небѣ и блѣдно-голубымъ свѣтомъ озаряетъ спящій городъ. А звѣзды на небѣ выступаютъ видимо-невидимо... Огни въ домахъ погашены. Рѣдко-рѣдко кое-гдѣ мерцаетъ красный огонекъ свѣчи или тихо брезжетъ сіяніе теплящейся передъ образомъ лампады. Деревья, всѣ покрытыя инеемъ и облитыя луннымъ сіяніемъ, какъ блѣдные призраки, стоятъ *по краямъ дороги*, не шелохнутся... Вотъ мальчуганъ пере-

бѣгаетъ площадь, бѣжитъ мимо наглухо запертыхъ лавокъ, мимо большихъ рыночныхъ вѣсовъ, мимо собора. Высока кажется ему тогда соборная колокольня, уносящаяся въ небо со своимъ блистающимъ шпилемъ. Бѣжитъ онъ, а вслѣдъ ему съ колокольни мѣрно гудятъ колокола: „бумъ, бумъ". И рѣзко, отчетливо раздается въ морозномъ воздухѣ колокольный звонъ надъ мирно почивающимъ городкомъ. Вотъ Ѳеофанъ уже—на Нижней улицѣ, вбѣгаетъ на свой дворъ. Онъ—дома...

Теперь въ степи, подъ яркимъ солнечнымъ освѣщеньемъ, въ виду зелени и цвѣтовъ—особенно ясно припомнились ему лѣтніе вечера, проведенные имъ въ огородѣ друга его, Прокопьевича. Лучшими минутами отдыха были для него эти вечера.

Послѣ дождя, бывало, въ ясный, теплый день, весь огородъ цвѣлъ и благоухалъ. Въ огородѣ насчитывалось грядъ шесть-семь, но чего-чего только не росло на этихъ семи грядкахъ! Тутъ росъ лукъ, тамъ рисовался узорчатый листъ моркови и картофеля, далѣе разбрасывался сочный свекольникъ; сахарный горохъ вился по тонкимъ жердочкамъ, а еще далѣе—огуречныя вѣтви ползли и лѣзли въ разныя стороны. На краяхъ грядъ и въ бороздахъ, подсолнечники высоко поднимали кверху свои тяжелыя желтыя головки. Особенно изобильно тамъ и сямъ пестрѣлъ макъ. Этотъ яркій макъ съ его матовой зеленью крѣпко запомнился Верюгину... По угламъ и вдоль загороди росла густая, сочная трава. Красивый хмѣль вился по тычинкамъ, свѣшиваясь внизъ гирляндами. Вдоль же загороди въ перемежку лѣпились смородинникъ, малина и сирень. У калитки разрослась желтая акація. Верюгинъ помнитъ, что для него съ Олей мѣсто подъ этою акаціей было любимымъ уголкомъ.

Маленькій Верюгинъ любилъ Олю. Съ нею дѣлился онъ своими дѣтскими радостями и горемъ. Она не уставала слушать его предположенія насчетъ будущаго, причемъ всегда выходило, что они съ Олей будутъ жить вмѣстѣ. Дѣвочка вполнѣ вѣрила ему и разукрашивала его планы еще собственными добавленіями, утверждая, напримѣръ, что имъ непремѣнно нужно будетъ взять съ собой и Лыску, ихъ дворовую собаку... Тутъ разыгралась старая исторія—вѣчно новая исторія,—очень *обыкновенная и* очень короткая... Ѳеофанъ уѣхалъ

въ гимназію, а Оля, года черезъ три послѣ его отъѣзда, какъ-то простудилась весной, полоща на рѣкѣ бѣлье, и умерла въ чахоткѣ. Уже студентомъ, то есть лѣтъ черезъ шесть послѣ ея смерти, Верюгинъ пріѣзжалъ въ родной городокъ... Прокопьевичъ, тогда уже овдовѣвшій и сѣдой, какъ лунь, водилъ его на кладбище, «къ своимъ». Сначала старикъ остановился у могилы Максимовны, а потомъ указалъ ему на маленькую, уже совсѣмъ опустившуюся могилку, всю заросшую травой. Старикъ снялъ шапку, покрестился на церковь и, кивнувъ головой на могилу, молвилъ Верюгину:

— Вотъ и подружка твоя...

А теперь и Прокопьевичъ давно уже лежитъ въ могилѣ...

Говорятъ, что иногда случайно донесшійся звукъ или запахъ какого нибудь цвѣтка могутъ пробудить въ человѣкѣ цѣлый рой воспоминаній, могутъ воскресить передъ нимъ образы людей, уже давно умершихъ и истлѣвшихъ, могутъ воскресить цѣлый рядъ сценъ, событій, полузабытыхъ, полузатертыхъ временемъ. Это—правда. Простая закуска и запахи степныхъ цвѣтовъ напомнили теперь Ѳеофану Михайловичу его маленькую подругу дѣтства просто потому, что въ огородѣ Прокопьевича воздухъ также былъ напоенъ запахомъ зелени—овощей, цвѣтовъ и травъ, и въ томъ маленькомъ огородѣ Верюгинъ не разъ закусывалъ также незатѣйливо коркой чернаго хлѣба, какъ закусилъ онъ сегодня...

Грустная тѣнь отъ этихъ воспоминаній, упавшая, было, на душу Верюгина, не могла особенно сильно сгуститься, благодаря его молодости, здоровью, въ виду цвѣтовъ, роскоши и блеска сіяющаго майскаго дня...

Когда солнышко стало слишкомъ припекать, Ѳеофанъ Михайловичъ зашелъ отдохнуть въ лѣсную тѣнь. И здѣсь, въ зелени и въ цвѣтахъ, обвѣваемый лѣснымъ запахомъ, лѣсною глушью—онъ всею грудью вдыхалъ въ себя здоровый, свѣжій смолистый воздухъ. Онъ чувствовалъ теперь нѣчто подобное тому, что ощущаетъ человѣкъ, только что вставшій на ноги послѣ тяжкой болѣзни и вышедшій на открытый воздухъ... Верюгинъ то задумчиво лежалъ, разсматривая со вниманіемъ, почти съ любовью, нависшія надъ нимъ вѣтви деревьевъ,—такъ пристально, любовно всматриваемся мы въ лицо друга *послѣ долгой-долгой* разлуки;—то быстро шагалъ онъ по лѣсу,

переходя изъ чащи въ чащу, перескакивая черезъ кочки и легко и ловко перебираясь черезъ толстыя поваленныя колоды, черезъ выкорчеванные, съ землею вывороченные, пни. Всякій, увидѣвшій его въ тѣ минуты, навѣрно сказалъ бы, что этотъ человѣкъ—въ лѣсу, какъ у себя дома, или, еще вѣрнѣе, какъ рыба въ водѣ... То Верюгинъ вдругъ вполголоса затягивалъ пѣсню; но тихая пѣсня его совсѣмъ заглушалась чириканьемъ и щебетаньемъ птичекъ. Послѣ городскаго уличнаго шума и грохота, послѣ городскихъ разговоровъ въ душныхъ комнатахъ, наполненныхъ табачнымъ дымомъ или запахомъ духовъ, отрадно было ему прислушиваться къ лѣсному шелесту и щебетанью, расходившимся кругомъ него...

На слѣдующее утро начались и пошли своимъ обычнымъ порядкомъ работы по межеванью. Верюгинъ возвращался въ усадьбу лишь къ вечеру... Онъ познакомился съ рабочими, носившими его инструменты и цѣпь, и подолгу разговаривалъ съ ними о томъ-о-семъ.

II.

Соловьиная ночь.

— Много горя испытала я на своемъ вѣку! говорила Анна Павловна Маркушева.

Верюгинъ, не отрываясь отъ работы, молча, посмотрѣлъ на нее.

Разговоръ происходилъ подъ вечеръ въ зеленой тѣни густолиственной липовой аллеи. Владѣтельница Вязовки и гость ея сидѣли на посѣрѣвшей и погнившей деревянной скамьѣ. Она на жаровнѣ варила варенье; онъ набрасывалъ черновой планъ пройденнаго имъ въ то утро степнаго пространства. Передъ барыней на жаровнѣ стоялъ тазикъ съ вареньемъ, а рядомъ на столѣ помѣщались чайныя блюдца, чашка съ водой, были разбросаны кленовые листья и изъ подъ нихъ блестѣла серебряная ложка; подъ столомъ виднѣлась корзина съ угольемъ... Верюгинъ сидѣлъ, наклонившись надъ бумагами, разложенными передъ нимъ на особомъ столикѣ. Тутъ же валялись перочинный ножикъ, транспарантъ, линейка, треугольникъ, циркуль...

Аннѣ Павловнѣ стукнуло уже за сорокъ пять лѣтъ, но ей никто не далъ бы и сорока. Всѣ знакомые ея говорили, что она удивительно сохранилась. Она была высокаго роста, стройная, полная, съ прекраснымъ бюстомъ; держалась она всегда прямо, и какъ-то особенно строго-величавъ былъ поворотъ ея головы. Она могла бы на сценѣ съ успѣхомъ исполнять роль grande dame. Русые волосы съ легкою, почти незамѣтною просѣдью, изящно заплетенные, въ видѣ темной коронки, увѣнчивали ея голову. Ея бѣлый лобъ казался еще совершенно гладкимъ, и на немъ красиво обрисовывались темныя брови. Въ ея темныхъ карихъ глазахъ еще очень замѣтно, порою, горѣлъ огонекъ. Ея полная нижняя губа слегка выдавалась впередъ, что придавало подчасъ ея красивому лицу презрительно-горделивое выраженіе... Въ этотъ майскій вечеръ, на Аннѣ Павловнѣ было легкое бѣлое платье съ широкими рукавами и съ небольшимъ шлейфомъ, охваченное по таліи розовымъ поясомъ съ длинными развѣвающимися концами... Она не была еще старухой, да и старить себя не желала. Ея самоувѣренный взглядъ, непринужденное обращенье, ея нѣсколько утомленный видъ, разговоръ и вообще всѣ манеры указывали на то, что m-me Маркушева не всегда жила въ Вязовкѣ въ своемъ тѣсномъ степномъ околодкѣ, не всегда ограничивалась знакомствомъ съ сельскимъ попомъ, съ исправникомъ, да съ двумятремя сосѣдними помѣщиками. И дѣйствительно, какъ свидѣтельствуютъ провинціальныя лѣтописи, m-me Маркушева пожила на своемъ вѣку въ волюшку, пожила широко, въ большомъ свѣтѣ, съ большими людьми—и отъ того блестящаго времени, вѣроятно, немало блестящихъ воспоминаній сохранилось въ архивахъ ея памяти...

Теперь, варя свое варенье, Анна Павловна не разъ то прямо, то искоса поглядывала на молодаго человѣка, на его низко склоненную голову. Онъ былъ въ Вязовкѣ homo novus, незнакомецъ, а всякій незнакомецъ самъ по себѣ уже таинственъ. И естественно, что въ m-me Маркушевой, какъ въ деревенской жительницѣ, Верюгинъ особенно возбуждалъ любопытство. Все въ незнакомцѣ интересовало барыню — даже его костюмъ, хотя Ѳеофанъ Михайловичъ на этотъ разъ былъ въ своей обычной одеждѣ—въ свѣтло-сѣрой блузѣ и сѣрыхъ штанахъ, заправленныхъ въ длинные сапоги, подтянутые не-

много ниже колѣнъ ремешками. Блуза была подпоясана широкимъ чернымъ ремнемъ. Толстая стальная цѣпочка—подъ цвѣтъ блузы—лежала у него на груди, а часики были заткнуты въ боковой карманъ. Свою маленькую сѣрую фуражку Верюгинъ во время работы, въ забывчивости, сдвинулъ на затылокъ, и густыя пряди его вьющихся свѣтло-русыхъ волосъ выбились изъ-подъ фуражки, а нѣсколько коротенькихъ прядей упало ему на лицо. Неказистъ былъ костюмъ, да неказистъ и самъ землемѣръ... Волосы—въ пыли, руки—въ чернилахъ, замараны тушью. Лицо—красное, загорѣлое. Но это лицо, какъ уже сказано, некрасивое—было очень выразительно, и эта-то выразительность придавала ему ту высшую красоту, которая зависитъ не отъ правильности линій, но отъ того внутренняго душевнаго огня, что̀ согрѣваетъ и освѣщаетъ самое, повидимому, простое, обыкновенное лицо. Такія лица мы называемъ *интеллигентными*... Хотя ни въ костюмѣ, ни въ наружности Верюгина не оказывалось ничего необычайнаго, но все таки и то и другое заставляло Анну Павловну задумываться. Блуза, длинные запыленные сапоги и самыя рѣчи Верюгина напоминали ей что-то или давно читанное, или слышанное отъ кого-нибудь изъ сосѣдей. „Нигилистъ!“ подумалось ей, когда она въ первый разъ увидѣла Верюгина...

Здѣсь должно замѣтить, что, по мнѣнію тѣхъ степныхъ хуторовъ, среди которыхъ жила Анна Павловна, нигилисты, въ родѣ Базарова, все еще продолжали, будто-бы, существовать на Руси, между тѣмъ какъ эти несчастные „лягушечники“ давнымъ давно уже прошли, да и быльемъ поросли, а на смѣну имъ „иные люди въ міръ пришли; иныя чувства и понятья они съ собою принесли“. Для добродушныхъ степняковъ всякое новое ученіе, шедшее въ разрѣзъ съ общепринятой рутиной, все еще было „нигилизмомъ“, хотя бы нигилизмомъ въ немъ даже и не пахло...

Лицо Верюгина также обращало на себя вниманіе m-me Маркушевой, хотя она на своемъ вѣку видала много мужчинъ-красавцевъ. Но въ неправильномъ и некрасивомъ лицѣ Верюгина было то, что̀ не часто удавалось барынѣ встрѣчать въ мужчинахъ: въ этомъ лицѣ отражалась бодрая, здоровая, цѣломудренная юность... Словомъ, въ итогѣ оказывалось, что Анна Павловна не на шутку заинтересовалась молодымъ человѣкомъ,

явившимся къ ней словно изъ другаго міра, и заговорившимъ съ нею совсѣмъ иначе, чѣмъ говорили до тѣхъ поръ ея деревенскіе и городскіе знакомые. Верюгинъ поразилъ m-me Маркушеву еще болѣе оттого, что совершенно обманулъ ея ожиданія. Въ землемѣрѣ она думала увидѣть „человѣка на вытяжку“, неуклюжую карикатуру на свѣтскаго кавалера, прибавляющаго въ разговорѣ съ и коверкающаго иностранныя слова. При мысли о землемѣрѣ, ей вспоминались мелкіе чиновники, какихъ ей случалось видѣть въ городѣ, въ потертыхъ сюртукахъ, въ грязной измятой манишкѣ, съ широкимъ, безобразно повязаннымъ чернымъ галстухомъ и даже чуть-ли не съ перомъ за ухомъ. Но Верюгинъ не представлялъ собой ничего подобнаго... Языкомъ онъ владѣлъ прекрасно, хотя говорилъ иногда рѣзко и грубовато. Ни одѣянье его, ни манеры нимало не напоминали чиновничьихъ.

M-me Маркушева, осужденная въ послѣдніе года на уединеніе и скуку хуторской жизни, была очень рада „интересному“ незнакомцу. Ей нравился разговоръ Ѳеофана Михайловича; ей хотѣлось ближе познакомиться съ нимъ. И поэтому каждый разъ, когда у землемѣра выпадала досужая минута, m-me Маркушева съ удовольствіемъ бесѣдовала съ нимъ. Конечно, онъ былъ не изъ того слоя общества, которымъ нѣкогда увлекалась барыня, но все таки въ немъ что-то, даже подчасъ его рѣзкость и грубость, напоминали ей манеры людей „большаго свѣта“—манеры непринужденныя, не лишенныя простоты и нѣкоторой своеобразной грубости. Словомъ, въ Верюгинѣ что-то напоминало ей доброе-старое время и въ то же время въ немъ было для нея что-то непонятное, загадочное... Она могла назвать этого землемѣра человѣкомъ „своего круга“, только странно замаскированнымъ.

— Да! много видѣла я горя... повторила Анна Павловна послѣ непродолжительной паузы.

— Горе горю—рознь! замѣтилъ Верюгинъ, не поднимая отъ работы головы.—Иныя барыни, я слыхалъ, горюютъ о томъ, что не могутъ сдѣлать себѣ шляпку съ какими нибудь финтифлюшками. Вы, напримѣръ, Анна Павловна, горюете о потерѣ близкихъ людей, о своемъ одиночествѣ. А мужикъ, вонъ, горюетъ о томъ, что податей много, да ѣсть нечего... И то и это горе—все горе!

— Ну, такъ и есть! Я такъ и знала! подхватила m-me Маркушева.—По вашемумнѣнію,настоящее только и есть одно—мужицкое горе! По вашему, горе заключается только въ бѣдности, въ нищетѣ... А нравственныя страданія—все вздоръ!

Досада и насмѣшка звучали въ словахъ Анны Павловны.

— Я этого не сказалъ! промолвилъ Верюгинъ, улыбаясь.—Бываютъ и нравственныя страданія мучительнѣе физическихъ. Только дѣло въ томъ, что съ дѣйствительными нравственными страданіями часто смѣшиваютъ страданія чисто вымышленныя, фантастическія...

— Вотъ, я живу въ довольствѣ. барыней... перебила Анна Павловна, почти не слушая Верюгина и, очевидно, увлекаясь своею любимою темой (въ послѣднее время она забрала себѣ въ голову представлять себя мученицей).—Судя по внѣшности, вы можете подумать, Ѳеофанъ Михайловичъ, что я живу сладко... А я, между тѣмъ, быть можетъ, кровавыми слезами обливаюсь. Одинъ Богъ видитъ: сколько безсонныхъ ночей провела я на этомъ хуторѣ... Даже удивляюсь, какъ только я до сихъ поръ жива осталась...

Послѣднія фразы были сказаны съ большимъ чувствомъ. Анна Павловна въ волненіи сняла съ жаровни мѣдный блестящій вычищенный тазикъ и энергично покачала и покружила его, причемъ вѣеркомъ распахнуло ея широкіе рукава, а ея бѣлыя, полныя руки обнажились почти до локтя... Вареньемъ сладко запахло въ воздухѣ... Подъ деревьями становилось темно; работать было уже неудобно. Верюгинъ бросилъ карандашъ и циркуль и, скрестивъ руки, прислонился спиной къ стволу липы, простиравшей надъ нимъ густыя, широкія вѣтви. Лицо Верюгина очутилось въ тѣни.

— Въ мірѣ много горя! заговорилъ онъ.—Это—такъ. И каждому его горе кажется самымъ большимъ горемъ; всякій несчастный считаетъ себя самымъ несчастнымъ. Понятно! Своя рубашка ближе къ тѣлу... Иной увлекается до того, что съ малѣйшимъ уколомъ на собственномъ тѣлѣ носится, какъ съ тяжкою раной...

Брови Анны Павловны слегка нахмурились: Верюгинъ задѣлъ ее за живое. Она уже хотѣла пуститься въ горячія пренія, но ея собесѣдникъ живо перебилъ ее.

— Я вовсе не умаляю вашего горя... Ничуть! продолжалъ

Центральная

Ѳеофанъ Михайловичъ.—Я очень хорошо знаю, что и при матеріальномъ довольствѣ можно плакать... и черезъ золото слезы льются! Но согласитесь же, Анна Павловна, что вы еще не извѣдали многихъ горестей. Вы, напримѣръ, не испытали чувства голода... А это—страшное чувство! Посреди цивилизованнаго общества, посреди роскоши и избытка умирать съ голода—ужасно, неправдоподобно... Это все равно, какъ если бы посреди блестящаго, веселаго собранія на васъ бросился волкъ и сталъ бы душить за горло, а вы оставались бы совершенно безпомощны и беззащитны... пирующіе продолжали бы спокойно смотрѣть на васъ, какъ будто такъ и надо... Къ мужицкому горю—я замѣтилъ—вы относитесь какъ-то свысока, а между тѣмъ это горе, право, нешуточное. Къ голоду и ко всякимъ другимъ физическимъ страданіямъ тутъ еще присоединяются муки нравственныя, униженія, оскорбленія, сознаніе умственной темноты и безсилія, сознаніе безвыходнаго положенія, несправедливости всяческія и на каждомъ шагу...

— Все это такъ! замѣтила Анна Павловна. — Но вѣдь мнѣ то отъ того не легче, что въ мірѣ много горя, какъ вы говорите...

— У васъ Анна Павловна, горе частное, личное... но есть еще бо́льшее горе, горе общественное, міровое... продолжалъ Верюгинъ.

— Міровая скорбь? Такъ, кажется, это называется... я слыхала! съ добродушной усмѣшкой промолвила m-me Маркушева.

— Да! міровая скорбь! въ тонъ ей, насмѣшливо подхватилъ Ѳеофанъ Михайловичъ.—Впрочемъ, все равно: назовите, какъ хотите.. Вотъ въ этой-то великой скорби и можетъ совершенно потонуть всякое маленькое личное горе. Каждый вѣкъ называетъ это дѣло „по своему“. Кличка тутъ ничего не значитъ: сущность остается одна и та же... И величайшее наслажденіе, какое только доступно человѣку на землѣ, испытываетъ тотъ, кто принимаетъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Всякое личное горе, всякія житейскія непріятности и невзгоды теряютъ при этомъ свою жгучесть, свою силу. Только среди этихъ глубокихъ волненій можно найти счастье или, по крайней мѣрѣ, отблескъ счастья...

— Такихъ людей, о какихъ вы говорите, я полагаю, очень

мало! замѣтила m-me Маркушева, пристально смотря на Верюгина.

— Да, мало... по ихъ становится все больше и больше! отозвался тотъ.—Въ томъ-то и бѣда, что люди живутъ, какъ улитки въ раковинахъ. Заберется человѣкъ въ свою раковинку и сидитъ тамъ, знать ничего не хочетъ... Такъ и идетъ испоконъ вѣковъ; каждый только знаетъ самъ себя, да свою раковинку. А оттого всѣмъ и худо...

— Я все таки не понимаю: какимъ образомъ изъ-за какого бы то ни было дѣла я не буду чувствовать своихъ собственныхъ страданій! возразила m-me Маркушева.—Чувствуешь и булавочный уколъ, не только что ударъ ножемъ...

— Очень просто! заговорилъ онъ.—Теперь каждое маленькое оскорбленіе язвитъ и удручаетъ васъ. Вы носитесь съ нимъ, какъ дурень съ писаной торбой—извините за сравненіе!—и вотъ, наконецъ, маленькое, въ сущности ничтожное оскорбленіе въ вашемъ настроенномъ воображеніи принимаетъ громадные размѣры. Затѣмъ вы раздумываете: какъ бы отомстить за эту кровную обиду. Если мщеніе не удается—новое горе... Если же оно удастся, то случается, что въ тотъ же моментъ вы получаете затрещину уже съ другой стороны. Опять досада, опять мученія! Вы размышляете надъ своимъ горемъ, вы съ любовью разрисовываете, размалевываете его... И такъ въ мелочныхъ препирательствахъ проходитъ у васъ вся жизнь! Представьте же себѣ, что вы серьезно отдаетесь занятію наукой, искусствомъ или какимъ нибудь важнымъ общественнымъ дѣломъ и, замѣтьте, отдаетесь не въ половину, но сполна, цѣликомъ, душой и тѣломъ. На тѣ самыя дрязги, которыя теперь возмущаютъ васъ до глубины души, вы уже посмотрите тогда, какъ на скоропреходящее, маленькое зло. На борьбу съ нимъ вы не будете тратить свои силы, размѣнивая ихъ по мелочи; вы не станете возиться съ этою дрянью, потому что вамъ будетъ некогда, и всѣ силы понадобятся вамъ для служенія одному великому дѣлу. Наконецъ, вмѣсто стаи маленькихъ враговъ-лиллипутовъ, у васъ всегда будетъ передъ глазами одинъ большой врагъ. Всю любовь вы отдадите своему дѣлу. Ту ненависть и ту злобу, которыя теперь вы такъ щедро расточаете на своихъ маленькихъ враговъ, вы перенесете всецѣло на одного большаго врага...

Ѳеофанъ Михайловичъ.—Я очень хорошо знаю, что и при мат
ріальномъ довольствѣ можно плакать... и черезъ золото сле
льются! Но согласитесь же, Анна Павловна, что вы еще
извѣдали многихъ горестей. Вы, напримѣръ, не испытали чу
ства голода... А это—страшное чувство! Посреди цивилизова
наго общества, посреди роскоши и избытка умирать съ голода
ужасно, неправдоподобно... Это все равно, какъ если бы посре
блестящаго, веселаго собранія на васъ бросился волкъ и ста
бы душить за горло, а вы оставались бы совершенно б
помощны и беззащитны... пирующіе продолжали бы споко
смотрѣть на васъ, какъ будто такъ и надо... Къ мужицко
горю—я замѣтилъ—вы относитесь какъ-то свысока, а мел
тѣмъ это горе, право, нешуточное. Къ голоду и ко всякимъ д
гимъ физическимъ страданіямъ тутъ еще присоединяются му
нравственныя, униженія, оскорбленія, сознаніе умственной т
ноты и безсилія, сознаніе безвыходнаго положенія, несправ
ливости всяческія и на каждомъ шагу...

— Все это такъ! замѣтила Анна Павловна. — Но в
мнѣ то отъ того не легче, что въ мірѣ много горя, какъ
говорите...

— У васъ Анна Павловна, горе частное, личное... но е
еще бо́льшее горе, горе общественное, міровое... продолжа
Верюгинъ.

— Міровая скорбь? Такъ, кажется, это называется...
слыхала! съ добродушной усмѣшкой промолвила m-me Ма
кушева.

— Да! міровая скорбь! въ тонъ ей, насмѣшливо подхвати
Ѳеофанъ Михайловичъ.—Впрочемъ, все равно: назовите, ка
хотите.. Вотъ въ этой-то великой скорби и можетъ совершен
потонуть всякое маленькое личное горе. Каждый вѣкъ наз
ваетъ это дѣло „по своему“. Кличка тутъ ничего не значит
сущность остается одна и та же... И величайшее наслажден
какое только доступно человѣку на землѣ, испытываетъ то
кто принимаетъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Всякое лич
горе, всякія житейскія непріятности и невзгоды теряютъ п
этомъ свою жгучесть, свою силу. Только среди этихъ глубок
волненій можно найти счастье или, по крайней мѣрѣ, отбле
счастья...

— Такихъ людей, о какихъ вы говорите, я полагаю, о

Ѳеофанъ Михайловичъ.—Я очень хорошо знаю, что и при матеріальномъ довольствѣ можно плакать... и черезъ золото слезы льются! Но согласитесь же, Анна Павловна, что вы еще не извѣдали многихъ горестей. Вы, напримѣръ, не испытали чувства голода... А это—страшное чувство! Посреди цивилизованнаго общества, посреди роскони и избытка умирать съ голода—ужасно, неправдоподобно... Это все равно, какъ если бы посреди блестящаго, веселаго собранія на васъ бросился волкъ и сталъ бы душить за горло, а вы оставались бы совершенно безпомощны и беззащитны... пирующіе продолжали бы спокойно смотрѣть на васъ, какъ будто такъ и надо... Къ мужицкому горю—я замѣтилъ—вы относитесь какъ-то свысока, а между тѣмъ это горе, право, нешуточное. Къ голоду и ко всякимъ другимъ физическимъ страданіямъ тутъ еще присоединяются муки нравственныя, униженія, оскорбленія, сознаніе умственной темноты и безсилія, сознаніе безвыходнаго положенія, несправедливости всяческія и на каждомъ шагу...

— Все это такъ! замѣтила Анна Павловна. — Но вѣдь мнѣ то отъ того не легче, что въ мірѣ много горя, какъ вы говорите...

— У васъ Анна Павловна, горе частное, личное... но есть еще бо́льшее горе, горе общественное, міровое... продолжалъ Верюгинъ.

— Міровая скорбь? Такъ, кажется, это называется... я слыхала! съ добродушной усмѣшкой промолвила m-me Маркушева.

— Да! міровая скорбь! въ тонъ ей, насмѣшливо подхватилъ Ѳеофанъ Михайловичъ.—Впрочемъ, все равно: назовите, какъ хотите.. Вотъ въ этой-то великой скорби и можетъ совершенно потонуть всякое маленькое личное горе. Каждый вѣкъ называетъ это дѣло „по своему“. Кличка тутъ ничего не значитъ: сущность остается одна и та же... И величайшее наслажденіе, какое только доступно человѣку на землѣ, испытываетъ тотъ, кто принимаетъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Всякое личное горе, всякія житейскія непріятности и невзгоды теряютъ при этомъ свою жгучесть, свою силу. Только среди этихъ глубокихъ волненій можно найти счастье или, по крайней мѣрѣ, отблескъ счастья...

— Такихъ людей, о какихъ вы говорите, я полагаю, очень

мало! замѣтила m-me Маркушева, пристально смотря на Верюгина.

— Да, мало... но ихъ становится все больше и больше! отозвался тотъ.—Въ томъ-то и бѣда, что люди живутъ, какъ улитки въ раковинахъ. Заберется человѣкъ въ свою раковинку и сидитъ тамъ, знать ничего не хочетъ... Такъ и идетъ испоконъ вѣковъ; каждый только знаетъ самъ себя, да свою раковинку. А оттого всѣмъ и худо...

— Я все таки не понимаю: какимъ образомъ изъ-за какого бы то ни было дѣла я не буду чувствовать своихъ собственныхъ страданій! возразила m-me Маркушева.—Чувствуешь и булавочный уколъ, не только что ударъ ножемъ...

— Очень просто! заговорилъ онъ.—Теперь каждое маленькое оскорбленіе язвитъ и удручаетъ васъ. Вы носитесь съ нимъ, какъ дурень съ писаной торбой—извините за сравненіе!—и вотъ, наконецъ, маленькое, въ сущности ничтожное оскорбленіе въ вашемъ настроенномъ воображеніи принимаетъ громадные размѣры. Затѣмъ вы раздумываете: какъ бы отомстить за эту кровную обиду. Если мщеніе не удается—новое горе... Если же оно удастся, то случается, что въ тотъ же моментъ вы получаете затрещину уже съ другой стороны. Опять досада, опять мученія! Вы размышляете надъ своимъ горемъ, вы съ любовью разрисовываете, размалевываете его... И такъ въ мелочныхъ препирательствахъ проходитъ у васъ вся жизнь! Представьте же себѣ, что вы серьезно отдаетесь занятію наукой, искусствомъ или какимъ нибудь важнымъ общественнымъ дѣломъ и, замѣтьте, отдаетесь не въ половину, но сполна, цѣликомъ, душой и тѣломъ. На тѣ самыя дрязги, которыя теперь возмущаютъ васъ до глубины души, вы уже посмотрите тогда, какъ на скоропреходящее, маленькое зло. На борьбу съ нимъ вы не будете тратить свои силы, размѣнивая ихъ по мелочи; вы не станете возиться съ этою дрянью, потому что вамъ будетъ некогда, и всѣ силы понадобятся вамъ для служенія одному великому дѣлу. Наконецъ, вмѣсто стаи маленькихъ враговъ-лиллипутовъ, у васъ всегда будетъ передъ глазами одинъ большой врагъ. Всю любовь вы отдадите своему дѣлу. Ту ненависть и ту злобу, которыя теперь вы такъ щедро расточаете на своихъ маленькихъ враговъ, вы перенесете всецѣло на одного большаго врага...

— Какой же это врагъ? перебила Анна Павловна.

— Назовите его, какъ хотите: невѣжествомъ, зломъ, глупостью... все равно! пытливо посмотрѣвъ на Анну Павловну, отвѣтилъ Верюгинъ и замолчалъ.

Нѣсколько мгновеній длилась пауза.

— Да! началъ онъ опять.—Изъ-за большаго врага вы не будете замѣчать враговъ маленькихъ... Никакое мелочное оскорбленіе, направленное противъ васъ, не дойдетъ по назначенію. Никакая житейская несправедливость не огорчитъ васъ, дурное мнѣніе людей о васъ не заставитъ васъ понурить голову. Въ согласіи со своею совѣстью вы будете высоко нести ее. Никакая сплетня, никакая черная клевета,—къ чему теперь вы такъ чутко прислушиваетесь и такъ чувствительны,—въ ту пору не тронетъ васъ... Да, право, и нѣтъ ничего заманчиваго въ томъ, чтобы посвятить всю жизнь на погоню за мухой съ обухомъ... Великое дѣло, Анна Павловна, имѣть въ жизни хорошую цѣль! Вся сила души вашей уйдетъ тогда въ одно дѣло; со всѣми своими помыслами и чувствами вы погрузитесь въ это дѣло, вы забудетесь въ немъ, сольетесь съ нимъ... Въ немъ вы найдете то, чего вамъ не дастъ никогда жизнь обыденная, жизнь съ мелкими дрязгами, со стяжаніемъ и прочею скверной. Въ немъ, какъ я уже сказалъ, вы найдете минуты высочайшаго восторга, минуты такихъ сильныхъ наслажденій, какихъ вамъ въ жизни ничто и никто не дастъ...

Верюгинъ обыкновенно говорилъ мало, не любилъ говорить, но говорилъ хорошо; при случаѣ, бывалъ даже краснорѣчивъ, ибо самъ увлекался. Даже начавъ иногда рѣчь холодно, онъ все таки кончалъ ее страстно. . Теперь, подъ конецъ разговора, онъ поднялся съ мѣста и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по песчаной площадкѣ, разстилавшейся передъ скамьей. На ходу скрутивъ папиросу, онъ выхватилъ изъ жаровни горячій уголь и сталъ закуривать...

— Ѳеофанъ Михайловичъ! крикнула барыня,—что вы это дѣлаете! Развѣ нѣтъ спичекъ!

— Я уже закурилъ! успокоилъ ее тотъ, перебрасывая съ руки на руку красный уголекъ и, наконецъ, опять опуская его въ жаровню.

— Да какъ же это можно! Вѣдь вы обожжетесь...

— Вотъ вздоръ! надо ко всему привыкать...

— Вы разсчитываете, что на томъ свѣтѣ васъ будутъ жечь? съ улыбкой замѣтила Анна Павловна, видимо любуясь на открытую физіономію и на здоровую, энергичную фигуру молодаго человѣка.

— И на этомъ свѣтѣ еще можемъ побывать въ пеклѣ... усмѣхаясь, отвѣтилъ ей тотъ.

— Ахъ, молодежь, молодежь! Все-то вамъ ни почемъ; все-то вамъ трынъ-трава... покачивая головой, заключила m-me Маркушева, поднимаясь съ мѣста.

Варенье было сварено. Хозяйка, шелестя своимъ шлейфомъ по песчаной дорожкѣ, ушла домой, а Верюгинъ отправился бродить по саду.

Во время разговора Верюгина съ m-me Маркушевой, неподалеку отъ нихъ присутствовала еще одна особа. Это была молодая дѣвушка, племянница Маркушевой, Мина Игнатьевна Суслявская. Она сидѣла на дощечкѣ, утвержденной между двумя березами, росшими отъ одного корня и очень близко другъ отъ друга. У подножія этихъ березъ торчалъ высокій, широкій пень, служившій какъ бы вмѣсто скамейки. Этотъ уголокъ представлялся какимъ-то воздушнымъ, висячимъ диванчикомъ съ зеленымъ навѣсомъ. Толстые сучья съ нависшими вѣтвями замѣняли спинку этому импровизованному сидѣнью. Дѣвушка удобно помѣщалась между березъ, прислонившись къ одной изъ нихъ спиной, а другую обхвативъ рукою. Такъ, молча, сидѣла она въ мечтательной позѣ, но не мечтала на этотъ разъ, а внимательно прислушивалась къ разговору тетки съ землемѣромъ.

Она была единственная дочь покойной сестры Анны Павловны и круглая сирота. Отецъ ея, полякъ, съ 1863 года томился въ ссылкѣ въ „мѣстахъ не столь отдаленныхъ“ и въ ссылкѣ умеръ года три тому назадъ. Мина, послѣ смерти отца, жила у тетки. Это была дѣвушка слабая, болѣзненная. Болѣе года прожила она, по совѣту врачей, на югѣ Франціи для поправленія здоровья и нынѣ весною возвратилась въ Вязовку. Здоровье ея плохо поправилось. Слѣды утомленія и апатіи видѣлись на ея блѣдномъ, худенькомъ личикѣ. Всѣ движенія ея были вялы, говорила она мало, нехотя. По пріѣздѣ въ Вязовку, ея любимымъ препровожденіемъ времени было сидѣть въ теплую пору на своемъ висячемъ диванчикѣ. И тутъ, пригорю-

— Какой же это врагъ? перебила А
— Назовите его, какъ хотите: невѣж
постью... все равно! пытливо посмотрѣвъ
отвѣтилъ Верюгинъ и замолчалъ.

Нѣсколько мгновеній длилась пауза.

— Да! началъ онъ опять.—Изъ-за
будете замѣчать враговъ маленькихъ... Н
бленіе, направленное противъ васъ, не
Никакая житейская несправедливость не
мнѣніе людей о васъ не заставитъ вас
согласіи со своею совѣстью вы будет
какая сплетня, никакая черная клевет
такъ чутко прислушиваетесь и такъ
пору не тронетъ васъ... Да, право, и
въ томъ, чтобы посвятить всю жизнь
обухомъ... Великое дѣло, Анна Павл
рошую цѣль! Вся сила души вашей
со всѣми своими помыслами и чув
это дѣло, вы забудетесь въ немъ, со
вы найдете то, чего вамъ не дастъ
жизнь съ мелкими дрязгами, со стя
Въ немъ, какъ я уже сказалъ, вы
шаго восторга, минуты такихъ силь
вамъ въ жизни ничто и никто не

Верюгинъ обыкновенно говорил
но говорилъ хорошо; при случаѣ,
ибо самъ увлекался. Даже начавъ
все таки кончалъ ее страстно. . Те
онъ поднялся съ мѣста и сталъ пр
по песчаной площадкѣ, разстила
ходу скрутивъ папиросу, онъ вы
уголь и сталъ закуривать...

— Ѳеофанъ Михайловичъ! к
дѣлаете! Развѣ нѣтъ спичекъ!

— Я уже закурилъ! успоко
руки на руку красный уголекъ
его въ жаровню.

— Да какъ же это можно!

— Вотъ вздоръ! надо ко вс

явившимся къ ней словно изъ другаго міра, и заговорившимъ съ нею совсѣмъ иначе, чѣмъ говорили до тѣхъ поръ ея деревенскіе и городскіе знакомые. Верюгинъ поразилъ m-me Маркушеву еще болѣе оттого, что совершенно обманулъ ея ожиданія. Въ землемѣрѣ она думала увидѣть „человѣка на вытяжку“, неуклюжую карикатуру на свѣтскаго кавалера, прибавляющаго въ разговорѣ *ce* и коверкающаго иностранныя слова. При мысли о землемѣрѣ, ей вспоминались мелкіе чиновники, какихъ ей случалось видѣть въ городѣ, въ потертыхъ сюртукахъ, въ грязной измятой манишкѣ, съ широкимъ, безобразно повязаннымъ чернымъ галстухомъ и даже чуть-ли не съ перомъ за ухомъ. Но Верюгинъ не представлялъ собой ничего подобнаго... Языкомъ онъ владѣлъ прекрасно, хотя говорилъ иногда рѣзко и грубовато. Ни одѣянье его, ни манеры нимало не напоминали чиновничьихъ.

M-me Маркушева, осужденная въ послѣдніе года на уединеніе и скуку хуторской жизни, была очень рада „интересному“ незнакомцу. Ей нравился разговоръ Ѳеофана Михайловича; ей хотѣлось ближе познакомиться съ нимъ. И поэтому каждый разъ, когда у землемѣра выпадала досужая минута, m-me Маркушева съ удовольствіемъ бесѣдовала съ нимъ. Конечно, онъ былъ не изъ того слоя общества, которымъ нѣкогда увлекалась барыня, но все таки въ немъ что-то, даже подчасъ его рѣзкость и грубость, напоминали ей манеры людей „большаго свѣта“—манеры непринужденныя, не лишенныя простоты и нѣкоторой своеобразной грубости. Словомъ, въ Верюгинѣ что-то напоминало ей доброе-старое время и въ то же время въ немъ было для нея что-то непонятное, загадочное... Она могла назвать этого землемѣра человѣкомъ „своего круга“, только странно замаскированнымъ.

— Да! много видѣла я горя... повторила Анна Павловна послѣ непродолжительной паузы.

— Горе горю—рознь! замѣтилъ Верюгинъ, не поднимая отъ работы головы.—Иныя барыни, я слыхалъ, горюютъ о томъ, что не могутъ сдѣлать себѣ шляпку съ какими нибудь финти-флюпками. Вы, напримѣръ, Анна Павловна, горюете о потерѣ близкихъ людей, о своемъ одиночествѣ. А мужикъ, вонъ, горюетъ о томъ, что податей много, да ѣсть нечего... И то и это горе—все горе!

— Ну, такъ и есть! Я такъ и знала! подхватила m-me Маркушева.—По вашемумнѣнію,настоящее только и есть одно—мужицкое горе! По вашему, горе заключается только въ бѣдности, въ нищетѣ... А нравственныя страданія—все вздоръ!

Досада и насмѣшка звучали въ словахъ Анны Павловны.

— Я этого не сказалъ! промолвилъ Верюгинъ, улыбаясь.—Бываютъ и нравственныя страданія мучительнѣе физическихъ. Только дѣло въ томъ, что съ дѣйствительными нравственными страданіями часто смѣшиваютъ страданія чисто вымышленныя, фантастическія...

— Вотъ, я живу въ довольствѣ. барыней... перебила Анна Павловна, почти не слушая Верюгина и, очевидно, увлекаясь своею любимою темой (въ послѣднее время она забрала себѣ въ голову представлять себя мученицей).—Судя по внѣшности. вы можете подумать, Ѳеофанъ Михайловичъ, что я живу сладко... А я, между тѣмъ, быть можетъ, кровавыми слезами обливаюсь. Одинъ Богъ видитъ: сколько безсонныхъ ночей провела я на этомъ хуторѣ... Даже удивляюсь, какъ только я до сихъ поръ жива осталась...

Послѣднія фразы были сказаны съ большимъ чувствомъ. Анна Павловна въ волненіи сняла съ жаровни мѣдный блестящіе вычищенный тазикъ и энергично покачала и покружила его, причемъ вѣеркомъ распахнуло ея широкіе рукава, а ея бѣлыя, полныя руки обнажились почти до локтя... Вареньемъ сладко запахло въ воздухѣ... Подъ деревьями становилось темно; работать было уже неудобно. Верюгинъ бросилъ карандашъ и циркуль и, скрестивъ руки, прислонился спиной къ стволу липы, простиравшей надъ нимъ густыя, широкія вѣтви. Лицо Верюгина очутилось въ тѣни.

— Въ мірѣ много горя! заговорилъ онъ.—Это—такъ. И каждому его горе кажется самымъ большимъ горемъ; всякій несчастный считаетъ себя самымъ несчастнымъ. Понятно! Своя рубашка ближе къ тѣлу... Иной увлекается до того, что съ малѣйшимъ уколомъ на собственномъ тѣлѣ носится, какъ съ тяжкою раной...

Брови Анны Павловны слегка нахмурились: Верюгинъ задѣлъ ее за живое. Она уже хотѣла пуститься въ горячія пренія, но ея собесѣдникъ живо перебилъ ее.

— Я вовсе не умаляю вашего горя... Ничуть! продолжалъ

Центральная

Ѳеофанъ Михайловичъ.—Я очень хорошо знаю, что и при матеріальномъ довольствѣ можно плакать... и черезъ золото слезы льются! Но согласитесь же, Анна Павловна, что вы еще не извѣдали многихъ горестей. Вы, напримѣръ, не испытали чувства голода... А это—страшное чувство! Посреди цивилизованнаго общества, посреди роскоши и избытка умирать съ голода—ужасно, неправдоподобно... Это все равно, какъ если бы посреди блестящаго, веселаго собранія на васъ бросился волкъ и сталъ бы душить за горло, а вы оставались бы совершенно безпомощны и беззащитны... пирующіе продолжали бы спокойно смотрѣть на васъ, какъ будто такъ и надо... Къ мужицкому горю—я замѣтилъ—вы относитесь какъ-то свысока, а между тѣмъ это горе, право, нешуточное. Къ голоду и ко всякимъ другимъ физическимъ страданіямъ тутъ еще присоединяются муки нравственныя, униженія, оскорбленія, сознаніе умственной темноты и безсилія, сознаніе безвыходнаго положенія, несправедливости всяческія и на каждомъ шагу...

— Все это такъ! замѣтила Анна Павловна. — Но вѣдь мнѣ то отъ того не легче, что въ мірѣ много горя, какъ вы говорите...

— У васъ Анна Павловна, горе частное, личное... но есть еще бо́льшее горе, горе общественное, міровое... продолжалъ Верюгинъ.

— Міровая скорбь? Такъ, кажется, это называется... я слыхала! съ добродушной усмѣшкой промолвила m-me Маркушева.

— Да! міровая скорбь! въ тонъ ей, насмѣшливо подхватилъ Ѳеофанъ Михайловичъ.—Впрочемъ, все равно: назовите, какъ хотите.. Вотъ въ этой-то великой скорби и можетъ совершенно потонуть всякое маленькое личное горе. Каждый вѣкъ называетъ это дѣло „по своему“. Кличка тутъ ничего не значитъ: сущность остается одна и та же... И величайшее наслажденіе, какое только доступно человѣку на землѣ, испытываетъ тотъ, кто принимаетъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Всякое личное горе, всякія житейскія непріятности и невзгоды теряютъ при этомъ свою жгучесть, свою силу. Только среди этихъ глубокихъ волненій можно найти счастье или, по крайней мѣрѣ, отблескъ счастья...

— Такихъ людей, о какихъ вы говорите, я полагаю, очень

мало! замѣтила m-me Маркушева, пристально смотря на Верюгина.

— Да, мало... но ихъ становится все больше и больше! отозвался тотъ.—Въ томъ-то и бѣда, что люди живутъ, какъ улитки въ раковинахъ. Заберется человѣкъ въ свою раковинку и сидитъ тамъ, знать ничего не хочетъ... Такъ и идетъ испоконъ вѣковъ; каждый только знаетъ самъ себя, да свою раковинку. А оттого всѣмъ и худо...

— Я все таки не понимаю: какимъ образомъ изъ-за какого бы то ни было дѣла я не буду чувствовать своихъ собственныхъ страданій! возразила m-me Маркушева.—Чувствуешь и булавочный уколъ, не только что ударъ ножемъ...

— Очень просто! заговорилъ онъ.—Теперь каждое маленькое оскорбленіе язвитъ и удручаетъ васъ. Вы носитесь съ нимъ, какъ дурень съ писаной торбой—извините за сравненіе!—и вотъ, наконецъ, маленькое, въ сущности ничтожное оскорбленіе въ вашемъ настроенномъ воображеніи принимаетъ громадные размѣры. Затѣмъ вы раздумываете: какъ бы отомстить за эту кровную обиду. Если мщеніе не удается—новое горе... Если же оно удастся, то случается, что въ тотъ же моментъ вы получаете затрещину уже съ другой стороны. Опять досада, опять мученія! Вы размышляете надъ своимъ горемъ, вы съ любовью разрисовываете, размалевываете его... И такъ въ мелочныхъ препирательствахъ проходитъ у васъ вся жизнь! Представьте же себѣ, что вы серьезно отдаетесь занятію наукой, искусствомъ или какимъ нибудь важнымъ общественнымъ дѣломъ и, замѣтьте, отдаетесь не въ половину, но сполна, цѣликомъ, душой и тѣломъ. На тѣ самыя дрязги, которыя теперь возмущаютъ васъ до глубины души, вы уже посмотрите тогда, какъ на скоропреходящее, маленькое зло. На борьбу съ нимъ вы не будете тратить свои силы, размѣнивая ихъ по мелочи; вы не станете возиться съ этою дрянью, потому что вамъ будетъ некогда, и всѣ силы понадобятся вамъ для служенія одному великому дѣлу. Наконецъ, вмѣсто стаи маленькихъ враговъ-лиллипутовъ, у васъ всегда будетъ передъ глазами одинъ большой врагъ. Всю любовь вы отдадите своему дѣлу. Ту ненависть и ту злобу, которыя теперь вы такъ щедро расточаете на своихъ маленькихъ враговъ, вы перенесете всецѣло на одного большаго врага...

— Какой же это врагъ? перебила Анна Павловна.

— Назовите его, какъ хотите: невѣжествомъ, зломъ, глупостью... все равно! пытливо посмотрѣвъ на Анну Павловну, отвѣтилъ Верюгинъ и замолчалъ.

Нѣсколько мгновеній длилась пауза.

— Да! началъ онъ опять.—Изъ-за большаго врага вы не будете замѣчать враговъ маленькихъ... Никакое мелочное оскорбленіе, направленное противъ васъ, не дойдетъ по назначенію. Никакая житейская несправедливость не огорчитъ васъ, дурное мнѣніе людей о васъ не заставитъ васъ понурить голову. Въ согласіи со своею совѣстью вы будете высоко нести ее. Никакая сплетня, никакая черная клевета,—къ чему теперь вы такъ чутко прислушиваетесь и такъ чувствительны,—въ ту пору не тронетъ васъ... Да, право, и нѣтъ ничего заманчиваго въ томъ, чтобы посвятить всю жизнь на погоню за мухой съ обухомъ... Великое дѣло, Анна Павловна, имѣть въ жизни хорошую цѣль! Вся сила души вашей уйдетъ тогда въ одно дѣло; со всѣми своими помыслами и чувствами вы погрузитесь въ это дѣло, вы забудетесь въ немъ, сольетесь съ нимъ... Въ немъ вы найдете то, чего вамъ не дастъ никогда жизнь обыденная, жизнь съ мелкими дрязгами, со стяжаніемъ и прочею скверной. Въ немъ, какъ я уже сказалъ, вы найдете минуты высочайшаго восторга, минуты такихъ сильныхъ наслажденій, какихъ вамъ въ жизни ничто и никто не дастъ...

Верюгинъ обыкновенно говорилъ мало, не любилъ говорить, но говорилъ хорошо; при случаѣ, бывалъ даже краснорѣчивъ, ибо самъ увлекался. Даже начавъ иногда рѣчь холодно, онъ все таки кончалъ ее страстно. . Теперь, подъ конецъ разговора, онъ поднялся съ мѣста и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по песчаной площадкѣ, разстилавшейся передъ скамьей. На ходу скрутивъ цанировсу, онъ выхватилъ изъ жаровни горячій уголь и сталъ закуривать...

— Ѳеофанъ Михайловичъ! крикнула барыня,—что вы это дѣлаете! Развѣ нѣтъ спичекъ!

— Я уже закурилъ! успокоилъ ее тотъ, перебрасывая съ руки на руку красный уголекъ и, наконецъ, опять опуская его въ жаровню.

— Да какъ же это можно! Вѣдь вы обожжетесь...

— *Вотъ* вздоръ! надо ко всему привыкать...

— Вы разсчитываете, что на томъ свѣтѣ васъ будутъ жечь? съ улыбкой замѣтила Анна Павловна, видимо любуясь на открытую физіономію и на здоровую, энергичную фигуру молодаго человѣка.

— И на этомъ свѣтѣ еще можемъ побывать въ пеклѣ... усмѣхаясь, отвѣтилъ ей тотъ.

— Ахъ, молодежь, молодежь! Все-то вамъ ни почемъ; все-то вамъ трынъ-трава... покачивая головой, заключила m-me Маркушева, поднимаясь съ мѣста.

Варенье было сварено. Хозяйка, шелестя своимъ шлейфомъ по песчаной дорожкѣ, ушла домой, а Верюгинъ отправился бродить по саду.

Во время разговора Верюгина съ m-me Маркушевой, неподалеку отъ нихъ присутствовала еще одна особа. Это была молодая дѣвушка, племянница Маркушевой, Мина Игнатьевна Суделавская. Она сидѣла на дощечкѣ, утвержденной между двумя березами, росшими отъ одного корня и очень близко другъ отъ друга. У подножія этихъ березъ торчалъ высокій, широкій пень, служившій какъ бы вмѣсто скамейки. Этотъ уголокъ представлялся какимъ-то воздушнымъ, висячимъ диванчикомъ съ зеленымъ навѣсомъ. Толстые сучья съ нависшими вѣтвями замѣняли спинку этому импровизованному сидѣнью. Дѣвушка удобно помѣщалась между березъ, прислонившись къ одной изъ нихъ спиной, а другую обхвативъ рукою. Такъ, молча, сидѣла она въ мечтательной позѣ, но не мечтала на этотъ разъ, а внимательно прислушивалась къ разговору тетки съ землемѣромъ.

Она была единственная дочь покойной сестры Анны Павловны и круглая сирота. Отецъ ея, полякъ, съ 1863 года томился въ ссылкѣ въ „мѣстахъ не столь отдаленныхъ“ и въ ссылкѣ умеръ года три тому назадъ. Мина, послѣ смерти отца, жила у тетки. Это была дѣвушка слабая, болѣзненная. Болѣе года прожила она, по совѣту врачей, на югѣ Франціи для поправленія здоровья и нынѣ весною возвратилась въ Вязовку. Здоровье ея плохо поправилось. Слѣды утомленія и апатіи видѣлись на ея блѣдномъ, худенькомъ личикѣ. Всѣ движенія ея были вялы, говорила она мало, нехотя. По пріѣздѣ въ Вязовку, ея любимымъ препровожденіемъ времени было сидѣть въ теплую пору на своемъ висячемъ диванчикѣ. И тутъ, пригорю-

нившись, подолгу сиживала она, смотря въ зеленую даль и Богъ вѣсть куда уносясь своими думами. Теперь она, противъ обыкновенія, вышла изъ своей задумчивости и, повидимому, сильно заинтересовалась разговоромъ. Ея сѣрые глаза, немного изподлобья, уставились на Верюгина. Казалось, ни одной кровинки не было у нея въ лицѣ. Но лицо чрезвычайно симпатичное... Ея роскошные свѣтлые волосы распущены по спинѣ. На ней простое сѣрое платьице; изъ - подъ него видны маленькія, почти дѣтскія ноги, обутыя въ сѣренькія туфли... Когда Анна Павловна направилась къ дому, дѣвушка тоже спустилась со своего висячаго диванчика. Ѳеофанъ Михайловичъ подошелъ къ ней.

— О чемъ вы такъ задумались? спросилъ онъ.

— Вовсе нѣтъ... Я слушала, какъ вы разговаривали съ тетушкой... тихо отвѣтила дѣвушка, подбирая платье и идя по аллеѣ къ дому.

— По вашему виду можно было думать, что вы отъ насъ за тридевять земель...

Оставивъ ее, Верюгинъ углубился въ чащу сада, гдѣ уже ложились ночныя тѣни. Заложивъ руки за спину, ходилъ онъ по потемнѣвшимъ аллеямъ, задѣвая иногда головою за свѣсившіяся вѣтви деревъ. Онъ крѣпко задумался... Теперь на его лицѣ не осталось и тѣни той безпечной веселости, какою незадолго передъ тѣмъ дышало оно. Но скоро вывелъ его изъ забытья звонкій женскій голосъ.

— Баринъ! А, баринъ! кушать пожалуйте! разносилось по саду...

Ужинали у отвореннаго окна. Вѣтерокъ не подувалъ Было такъ тихо, что пламя стеариновыхъ свѣчъ почти не колебалось... Гость и хозяйка съ большимъ апетитомъ ѣли мастерски приготовленную ботвинью, коглеты, яблочный стоговой пирогъ съ густыми ароматическими сливками, и все это запили превосходною вишневкой. Больная же, какъ птичка, поклевала кое-чего и скоро отодвинула отъ себя тарелку. Разговоръ шелъ о губернскомъ обществѣ, о сосѣднемъ помѣщичествѣ, о томъ-о семъ. Послѣ ужина, Анна Павловна предложила гостю опять идти въ садъ, слушать соловьевъ.

— Вы знаете, Ѳеофанъ Михайловичъ... Нынѣ, вѣдь, у насъ соловьиныя ночи! Онѣ уже скоро кончатся... сказала она.

Побродивши по саду, они вышли на берегъ пруда и остановились. Вода темнѣла, темнѣли ветлы, низко и густо нависшія надъ водою. Мѣсяцъ, невысоко поднявшійся въ небѣ, блѣднымъ пятномъ отражался въ стоячей водѣ. Летучая мышь покружилась между деревьями и, пролетѣвъ надъ головою Верюгина, скрылась за прудомъ, потонувъ въ ночной мглѣ... Затѣмъ гуляющіе опять углубились въ садъ и вышли на небольшую прогалинку, всю окруженную цвѣтущею сиренью. Здѣсь они сѣли на невысокій и широкій дерновый диванчикъ... Разговоръ между Верюгинымъ и m-me Маркушевой продолжался на ту же тему, что и вечеромъ въ липовой бесѣдкѣ. Иногда разговоръ переходилъ въ споръ, но Анна Павловна теперь уже почти соглашалась или, по крайней мѣрѣ, шла на уступки и, повидимому безъ особенной досады. Она удовольствовалась лишь тѣмъ, что въ заключеніе нѣсколько разъ повторила:

— Охъ, молодежь, молодежь! Вотъ ужо поживете вы подольше, не такъ заговорите... право, не такъ!

Въ ту минуту, изъ сумрака густой аллеи показалась бѣлая тѣнь, тихо двигавшаяся по направленію къ дерновому диванчику. Тѣнь шла такъ беззвучно, неслышимо, словно плыла надъ землею.

— Мина! ты? окликнула Анна Павловна.

— Я, тетя, отозвалась тѣнь

Своею колеблющеюся слабою походкой дѣвушка медленно приблизилась къ нимъ, вся, съ головы и до колѣнъ, завернутая въ бѣлую кашемировую шаль. У ногъ тетки она опустилась на земь.

— Что ты, матушка, закуталась? Неужели тебѣ холодно? спросила ее тетка.

— Да! Я что-то все зябну... промолвила Мина, пожимая и поводя подъ шалью плечами, и погрузилась въ свое обычное молчаніе.

Темная ночь стояла надъ Вязовкой, раскинувъ свою темносинюю звѣздную ризу. Въ той сторонѣ, гдѣ находилась Вязовка, лѣтнія ночи были темны. Ихъ мягкая, бархатистая темнота нѣжила, покоила глазъ, утомленный дневнымъ сіяньемъ. Глаза пріятно, привольно отдыхали, утопая въ этой темной мглѣ. Теплomъ и нѣгой вѣяла ночь, словно чье нибудь глубо-

кое дыханіе доносилось до земли съ небесныхъ высотъ... То была, дѣйствительно, соловьиная ночь. Соловьи пѣли безъ устали на всемъ пространствѣ глухо заросшаго сада. Одинъ кончалъ, другой начиналъ тотчасъ-же, вдали подхватывало разомъ нѣсколько голосовъ... И упоительная, млѣющая музыка безъ перерыва звучала подъ темными кущами сада въ ночномъ безмолвіи. Въ воздухѣ пахло сиренью, ландышемъ, цвѣтомъ яблонь, сливъ и вишень... Это были такія чудесныя мгновенья, когда разомъ въ памяти всплываютъ блаженныя дѣтскія грезы, полу-дѣйствительность, полу-сказка; все то, чѣмъ дороги и святы мечты юности, мелькаетъ тогда въ воображеніи на мигъ, подобно молніи, и, подобно же молніи, озаряетъ окутывающій насъ житейскій мракъ... Собесѣдники примолкли.

— Пройдемтесь! предложила Анна Павловна.

Мина, поникнувъ своей хорошенькой головкой, шла немного позади Анны Павловны, изрѣдка вздыхая и кутаясь въ свою шаль.

— Скажите-ка мнѣ, лучше, Ѳеофанъ Михайловичъ, какъ называется эта звѣздочка? спросила Анна Павловна, когда они подошли къ плетню, отдѣлявшему садъ отъ полей.—Вонъ, вонъ, налѣво отъ сада, не очень высоко надъ землей... Видите? Такъ ярко горитъ зеленоватымъ свѣтомъ! Вонъ какъ переливается...

Она показывала рукой на небо.

— Въ небесахъ не могу быть вашимъ путеводителемъ... отозвался Верюгинъ, погружая взоръ въ темныя бездны, сіявшія золотыми огнями надъ его головою.—Въ небесахъ, должно признаться, я самъ ничего не смыслю, да мало и интересуюсь ими, хотя люблю смотрѣть на нихъ, какъ смотрятъ профаны. Они красивы... Но занимаюсь я дѣлами земными, живу и умру на землѣ и для земли... Для земныхъ дѣлъ времени не хватаетъ.. Куда же еще тутъ небеса!.. А мы досидѣли таки до зари! Смотрите-ка! сказалъ онъ, указывая рукой на востокъ, гдѣ полосой уже брезжилъ розовый свѣтъ, а темное небо надъ этою полоской начинало голубѣть.

— Это значитъ: пора спать? отозвалась Анна Павловна, кокетливо улыбаясь.—А вы завтра опять къ Мароинское?

Вѣдь завтра воскресенье... И опять пѣшкомъ съ своей длинной палкой.

— Да! И опять пѣшкомъ, съ длинной палкой.

— Удивляюсь, что вамъ за интересъ сидѣть тамъ со старухой, да читать Четьи-Минеи! проговорила Анна Павловна, пожимая плечами.

— А что-жъ! Ничего! я люблю странности... возразилъ ей Верюгинъ.—Не все же ухаживать за молоденькими...

— А вы, значитъ, Ѳеофанъ Михайловичъ, тоже иногда ухаживаете? ехидно спросила его m-me Маркушева.

— Какъ же! Ухаживаю... съ усмѣшкой отвѣтилъ ей Ѳеофанъ Михайловичъ.

— Ну, доброй ночи!

Анна Павловна крѣпко пожала ему руку.

— А, право, интересно бы знать: зачѣмъ онъ таскается въ Марѳинское? Что онъ тамъ дѣлаетъ съ этою Олимпіадой? вслухъ разсуждала m-me Маркушева, укладываясь спать.

Но ни племянница, ни горничная дѣвушка, Таня, не могли ей отвѣтить на этотъ вопросъ.

III.

Въ старомъ заброшенномъ домѣ.

Поутру Ѳеофанъ Михайловичъ, взявъ длинную палку, съ которою обыкновенно отправлялся въ свои странствованія, пошелъ въ Марѳинское. Утро было дивно хорошо... Трава не была еще скошена. Степь пестрѣла цвѣтами, какъ роскошный коверъ. Земля, вся въ зелени и цвѣтахъ, курилась благоуханіями. Верюгинъ шелъ полями, по тропинкѣ, извивавшейся между колосистою рожью... Порою проносилось легкое дыханіе вѣтерка, и волнистая, чуть замѣтная рябь разливалась тогда по этому колосистому морю. Верюгинъ полною грудью вдыхалъ въ себя пахучій полевой воздухъ... Ему встрѣчались толпы крестьянъ, бабъ и дѣвокъ, возвращавшихся отъ обѣдни (обѣдня въ деревняхъ кончается рано). На бабахъ и дѣвкахъ преобладали желтый и красный цвѣтъ, на мужикахъ—сѣрый... Отъ Вязовки до Марѳинскаго считалось семь верстъ. Съ 10-ти часовъ сол-

пышко стало сильно припекать, и Верюгинъ вспотѣлъ, ибо, по своей всегдашней привычкѣ, шелъ скоро. Подъ самымъ Марѳинскимъ онъ вздумалъ выкупаться въ Мокшанкѣ—не широкой, но довольно глубокой рѣчкѣ, густо поросшей ивнякомъ. Вокругъ было все пусто и безлюдно. Верюгинъ спустился подъ вѣтлы, наскоро раздѣлся и погрузился въ воду... Велико наслажденіе чувствовать въ жаркую пору, какъ студеная, прозрачная влага охватываетъ тѣло, измученное, истомленное зноемъ,—не холодитъ, но живитъ, нѣжитъ... Верюгинъ былъ охотникъ купаться, и купался съ ранней весны почти до заморозковъ.

Перейдя рѣчку по мосту, сдѣланному самымъ первобытнымъ образомъ—изъ соломы и прутьевъ, Ѳеофанъ Михайловичъ очутился у Марѳинскаго сада. Отъ кирпичной, нѣкогда выбѣленной ограды, окружавшей садъ и дворъ, остались лишь однѣ развалины Только уцѣлѣли два каменные приворотные столба, кверху съуженные, съ большими чугунными шарами на вершинѣ. Самыя ворота давно уже исчезли. Обширный дворъ мѣстами поросъ репейникомъ и крапивой. Большой колодезь, находившійся въ одномъ углу двора, былъ заваленъ сѣрыми каменьями. Конюшни каретники и людскія избы съ двухъ сторонъ окружали дворъ, а съ третьей стороны возвышался барскій домъ—двухъ-этажная деревянная громада, съ мезониномъ и съ остроконечной башенкой на западной сторонѣ крыши Домъ потемнѣлъ отъ времени; зеленовато-желтымъ мохомъ поросла его крыша. Домъ когда-то, очевидно, былъ выкрашенъ бѣлою краской; сохранившіеся кое-гдѣ слѣды этой краски пестрили стѣны. Главный фасадъ дома выходилъ на садовую террасу, на полдень, и былъ украшенъ четырьмя высокими, толстыми колоннами—тоже деревянными и совершенно почернѣвшими. Низкій балконъ выходилъ въ садъ, а съ него широкія ступени вели прямо въ заглохшій цвѣтникъ. Много лѣтъ, много непогодъ и бурь пронеслось надъ этимъ домомъ... Этотъ замокъ уже давно стоялъ пустымъ. Но въ этомъ спящемъ, заколдованномъ замкѣ обитала не прекрасная принцесса, дожидавшаяся отважнаго царевича но жила простая ключница-экономка, очень старенькая старушка Олимпіада Марковна Иванова. Только три небольшія комнаты занимала она въ задней части дома, въ нижнемъ этажѣ...

Верюгинъ прошелъ дворомъ и обогнулъ главный подъѣздъ. Тутъ съ лаемъ, было, бросилась къ нему большая рыжая дворняшка, но, повидимому, признавъ Верюгина, ткнулась ему въ колѣно мордой и съ отрывистымъ лаемъ побѣжала впередъ. Черезъ „черное“ крыльцо Верюгинъ прошелъ въ сѣни и затѣмъ вступилъ въ комнаты. Его тотчасъ же обдало нѣсколько спертымъ, удушливымъ воздухомъ, какой обыкновенно бываетъ въ низкихъ, тѣсныхъ, дурно провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, заставленныхъ мебелью. Сильно припахивало резедой, мускусомъ, а всего пуще—жасминомъ. Канарейка заливалась во все свое маленькое горлышко, и оглушительныя трели ея звонкой пѣсенки раздавались въ комнатахъ... Когда Верюгинъ входилъ въ столовую, маленькая старушка въ темномъ ситцевомъ платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ стояла у стола, спиной къ двери, и крошила укропъ.

— Здравствуйте, Олимпіада Марковна! Здравствуйте, матушка! заговорилъ Ѳеофанъ Михайловичъ, подходя къ ней.

— А-а! Это ты? А я не оборачиваюсь... Думаю: Андрійко... отозвалась старушка.

— Какъ живете-можете? Все-ли по добру, по здорову? спрашивалъ Верюгинъ, взявъ Олимпіаду Марковну за плечи и слегка тряся ее.

— Ничего! Помаленьку, слава Богу! Да ну тебя... Полно... говорила старушка, освобождаясь изъ его лапъ. — Садись-ка лучше, отдохни!

Ѳеофанъ Михайловичъ развалился на диванѣ, а старушка любовно-ласково посмотрѣла сверхъ очковъ на его веселое загорѣлое лицо.

— Ну, чѣмъ же угощать-то? Чаю хочешь или молока? А то, пожалуй, лучше и молока и чайку... Сейчасъ, батюшка!... Курево-то есть?

— Есть, есть, Олимпіада Марковна! успокоивалъ ее Верюгинъ.

— То-то! А я, было, запаслась для тебя и папиросами...

Старушка захлопотала. Вскорѣ явился Андрійко, свѣтлоглазый мальчуганъ, съ гладко причесанными бѣлокурыми волосами, босой, въ бѣлыхъ портахъ и въ пестрой ситцевой рубахѣ, подпоясанной краснымъ кушачкомъ. Андрійко притащилъ на столъ весело шипящій, пузатый самоваръ и разное

сдобное печенье—крендельки и булочки, и пирожки съ лукомъ, и большой пирогъ съ яицами, и кусокъ превосходнаго масла. На столѣ мѣста не стало. Старушка радушно угощала гостя, сидя въ глубокомъ, покойномъ креслѣ. Это кресло было остаткомъ старины—съ рѣзными ручками и съ высокою черною спинкой, украшенной вверху княжескимъ гербомъ. Олимпіада Марковна отрыла его гдѣ-то въ хламѣ на чердакѣ и перетащила къ себѣ въ комнату.

Она, какъ уже сказано, занимала въ этомъ громадномъ домѣ три комнаты: переднюю, бывшую „дѣвичью", темненькую, гдѣ стояла постель, и столовую. Эта послѣдняя комната *при господахъ* называлась „наугольною" и въ ней, у окна, обыкновенно сидѣлъ „старый князь". Столовая, въ описываемую пору, конечно, уже не имѣла того вида, какой былъ „при господахъ", то есть лѣтъ 15 тому назадъ. Мебель въ ней стояла разнокалиберная: тяжелый, неподъемный диванъ краснаго дерева, легкіе орѣховые стулья и простой комодъ новѣйшей подѣлки, выкрашенный въ красную краску. У двухъ оконъ висѣли зеленыя гардины. Дряни, подобной мускусу и резедѣ, въ прежнее время не потерпѣли бы въ „наугольной". Противъ самыхъ оконъ росло нѣсколько тополей, и оттого въ комнатѣ было немного сумрачно. Со всею окружающею обстановкой находились въ явномъ разладѣ только диванъ, фамильное кресло, да въ простѣнкѣ между окнами большой портретъ масляными красками Екатерины II—во весь ростъ, въ коронѣ и въ горностаевой мантіи. Портретъ почернѣлъ, потрескался, и запыленное, пожелтѣвшее лицо пасмурно, угрюмо глядѣло съ полотна. Въ переднемъ углу помѣщались большой образъ Спасителя и передъ нимъ постоянно тепливпшаяся лампадка.

Это имѣніе—одинъ изъ уцѣлѣвшихъ клочковъ громадныхъ помѣстій—уже болѣе полутораста лѣтъ принадлежало фамиліи князей Махоткиныхъ. Одинъ изъ Махоткиныхъ, Николай Матвѣевичъ, при Екатеринѣ II былъ въ Сибири воеводой и по окончаніи своего воеводства вывезъ оттуда, какъ гласитъ мѣстное преданіе, цѣлые караваны мѣховъ, „злата и серебра", и драгоцѣнныхъ камней. Съ той-то поры Маріинское и стало главною резиденціей старшей отрасли фамиліи князей Махоткиныхъ. Въ царствованіе Александра I и Николая, имѣнья Махоткиныхъ страшно дробились, мельчали и переходили въ

другія руки. Въ царствованіе Александра II, въ эпоху рѣформъ, нѣкоторые Махоткины говорятъ, уже бѣгали безъ сапогъ... Въ это время, Марѳинское безъ раздѣла принадлежало двумъ братьямъ: одинъ изъ нихъ, старшій, занималъ высокій постъ и благополучно проводилъ на всѣхъ парусахъ свой корабль между вѣчною Сциллой и Харибдой; другой же, младшій братъ, по выраженію Олимпіады Марковны, „пропалъ“... Старый князь умеръ 12 лѣтъ тому назадъ. Молодые же князья никогда не жили подолгу въ Марѳинскомъ. За все это время старшій братъ, генералъ, какъ-то разъ пріѣзжалъ сюда съ женой, да младшій братъ, теперь „пропавшій“, наѣзжалъ иногда лѣтомъ, ходилъ на охоту, а больше все читалъ и писалъ... Имѣньемъ завѣдывалъ управляющій, а надъ усадьбой присматривала Олимпіада Марковна.

Напившись чаю и закусивъ изрядно, гость обратился къ старушкѣ.

— Чѣмъ же мы сегодня займемся съ вами? спросилъ онъ.

— Вотъ, батюшка, давно хотѣла я попросить тебя, да все забывала—прочесть житіе святой великомученицы Екатерины... сказала старушка.

Сейчасъ же явилась книжка и началось чтеніе. Ѳеофанъ Михайловичъ читалъ хорошо—ясно, внятно, не торопясь. Старуха вязала чулокъ, по временамъ, сверхъ очковъ взглядывая, на Верюгина, и подолгу внимательно смотрѣла на его опущенное лицо.

— Не усталъ-ли, батюшка? Покури-ка! говаривала она ему.

Потомъ занялись путешествіемъ въ Китай. Старушка была очень любознательна и не уставала слушать. Не успѣли еще добраться до Пекина, какъ Андрійко принялся накрывать на столъ. За обѣдомъ опять явились варенички, блинчики, наливка и проч. Послѣ обѣда, рѣчь зашла о только что прочтенномъ житіи святой мученицы.

— Вотъ терзали-то несчастную... Ахъ, злодѣи, злодѣи! не утерпѣла, чтобы не крикнуть Олимпіада Марковна, покачивая головой:—Палачи! псы окаянные!..

— Всегда, Олимпіада Марковна, есть жертвы, есть и палачи! отозвался Верюгинъ.—Всегда были и есть люди, не отрекающіеся отъ своей вѣры. Какъ ихъ ни пытаютъ, какъ ни

мучатъ—они не отступаются отъ правды. Съ нею живутъ они, съ нею и умираютъ...

— Неужто, батюшка Ѳеофанъ Михайловичъ, и всегда такъ? перебила старушка.

— Да, всегда,—только на разный ладъ...

И для того, чтобы лучше оттѣнить положеніе жертвъ и палачей, онъ принялся простыми словами разсказывать старушкѣ различные факты изъ жизни человѣческихъ обществъ.

— До чего въ наши дни дошла алчность къ деньгамъ — трудно сказать! говорилъ онъ, между прочимъ. — Мальчики въ школѣ уже толкуютъ о томъ, какая служба выгоднѣе, на какомъ мѣстѣ больше денегъ дадутъ... А иныхъ ребятишекъ съ малыхъ лѣтъ уже пріучаютъ копить деньги, скаредничать... Заговорятъ, напримѣръ, о женитьбѣ — сейчасъ же являются денежные разсчеты. Задумаютъ-ли сводить знакомство или дружбу — первымъ дѣломъ спрашивается: денежные-ли люди будущіе пріятели? И все такъ! Каждому, видите, хочется вволю попользоваться жизнью. А безъ денегъ—какая жизнь! Трудиться, гнуть спину—толку нѣтъ... Отъ трудовъ праведныхъ—не нажить палатъ каменныхъ. Приходится красть. Вотъ всѣ и крадутъ... Крадетъ купецъ и злостно банкротится; крадетъ адвокатъ, гдѣ можетъ; крадетъ банкиръ, кассиръ, конторщикъ, прикащикъ... Словомъ, вездѣ крадутъ, всѣ крадутъ... Одинъ тащитъ сотни рублей, другой — сотни тысячъ, а иной прямо хапаетъ милліоны... Хочется разбогатѣть въ одинъ мигъ!

— Правда, правда! покачивая въ тактъ головой, отозвалась Олимпіада Марковна.—У насъ-то, вотъ, нонѣ также... Какъ мужичокъ выбьется, разбогатѣетъ, такъ сейчасъ и полѣзетъ въ бары. Чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ прижимистѣе. Ровно у нихъ креста на вороту не станетъ; ровно забудутъ, какъ сами то бѣдствовали, да пресмыкались. И какъ скоро манеры-то купеческія они перенимаютъ—диво!...

— Ну, да! У васъ въ маломъ видѣ то же самое... продолжалъ Верюгинъ.—У насъ, въ Питерѣ, только все пошире, покрупнѣе: у насъ вѣдь большіе корабли, большое и плаваніе имъ нужно... Бросить, напримѣръ, 50 тысячъ на какую нибудь фигурантку—у насъ ничего не стоитъ! (Старуха даже охнула). Вѣдь, эти самыя 50 тысячъ совершенно безопасно и безнаказанно можно содрать какимъ нибудь манеромъ съ без-

помощнаго люда... Возьмите-ка газеты, да почитайте! На каждомъ шагу только и есть, что кражи да хищенія, фальшивые векселя да подложныя духовныя завѣщанія, убійства да самоубійства...

— О, Господи! Послѣднія времена, знать, пришли... замѣтила старушка.

— Да! промолвилъ Верюгинъ. — Потому: пошли войны и смуты великія... Сынъ идетъ противъ отца, отецъ противъ сына, братъ возстаетъ на брата.

— Что-жъ! Значитъ, скоро и свѣтопреставленіе?

— Можетъ быть... съ усмѣшкою отозвался Верюгинъ. Поживемъ—увидимъ!..

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Только слышно было, какъ мухи, жужжа, стукались въ стекла, да изъ сада, вмѣстѣ съ запахомъ сирени и бузины, доносилось рѣзвое чириканье и щебетанье... Олимпіада Марковна сидѣла, пригорюнившись. Ѳеофанъ Михайловичъ подвинулся къ ней.

— Вѣдь есть и нынѣ люди совсѣмъ инаго сорта, снова заговорилъ онъ,—люди безкорыстные, чистые совѣстью, радѣющіе о правдѣ, о добрѣ. Они любятъ ближнихъ, какъ самихъ себя, и душу свою полагаютъ за ближнихъ своихъ. Эти люди — не темнѣе, не глупѣе другихъ, но они сокровищъ себѣ не собираютъ, домовъ не строятъ, хотя могли бы не хуже прочихъ и дома строить и имущество наживать всѣми правдами и неправдами. Но они не хотятъ этого. Совѣсть не даетъ имъ воровать и грабить нищихъ...

— Вотъ когда ты этакъ-то говоришь, ладненько, люблю я слушать! промолвила Олимпіада Марковна.—А вотъ ужь какъ примешься за страсти-то,—и бѣда!..

— Что-жъ дѣлать! Не все-же ворковать по голубиному; иной разъ приходится и по вороньи закаркать... отозвался Верюгинъ.—А когда-же вы, Олимпіада Марковна, домъ-то мнѣ покажете? спросилъ онъ, немного погодя.—Въ прошлый разъ еще обѣщали...

— Ну, что-жъ! Пойдемъ хоть теперь.. Время досужее. Вотъ ключи только достану! согласилась старушка и ушла въ „темненькую“.

Отправились. Щелеватыя ступени лѣстницы немилосердно заскрипѣли подъ тяжелыми шагами Ѳеофана Михайловича.

Съ трудомъ повернулъ онъ ключъ въ заржавленномъ замкѣ. Дверь съ трескомъ отворилась. Затхлью, сыростью, запахомъ нежилаго зданія повѣяло на вошедшихъ. Въ углахъ и на подоконникахъ узорами висѣла паутина; слои пыли лежали на всемъ. Въ княжескомъ дворцѣ царила мерзость запустѣнія...

— Вонъ ужь сколько паутины-то! А давно-ли, кажется, обметала... проговорила Олимпіада Марковна, и слова ея какъ-то странно-гулко прозвучали въ пустыхъ комнатахъ.

Тихо проходили они комнату за комнатой; прошли громадную залу, по одной стѣнѣ которой тянулись хоры, а посерединѣ потолка висѣла массивная люстра съ хрустальными подвѣсками. Окна залы выходили въ садъ Лучи вечерняго солнца играли теперь на хрустальныхъ подвѣскахъ, переливаясь въ нихъ всѣми цвѣтами радуги. Стѣны были бѣлыя съ позолоченными карнизами. Здѣсь опять на стѣнѣ висѣлъ большой поясной портретъ императрицы Екатерины II въ овальной позолоченной рамѣ. Вверху, на приступочкахъ большой изразцовой печи, помѣщались два гипсовые амура, писавшіе въ книгахъ, разложенныхъ у нихъ на колѣняхъ. Середи печи, въ нишѣ, стояла статуя Флоры съ корзиной цвѣтовъ на головѣ... За залой слѣдовала гостинная, выходившая на садовую террасу. Здѣсь мебель была покрыта краснымъ сафьяномъ и стояла въ чахлахъ; въ простѣнкахъ между оконъ висѣли продолговатыя зеркала въ золоченныхъ рамахъ, а по стѣнамъ нѣсколько раскрашенныхъ гравюръ—работы прошлаго столѣтія, изображавшихъ сцены изъ жизни Абеляра и Элоизы.

При первомъ взглядѣ, мароинскій домъ казался еще довольно прочнымъ, но при болѣе внимательномъ осмотрѣ можно было замѣтить, что рука времени давала ему себя знать. Одинъ уголъ въ залѣ осѣлъ, стѣны треснули и бѣлая краска съ нихъ осыпалась. Видна была рваная бумага, которою оклеены стѣны. Осѣвшій уголъ зимой промерзалъ. Полъ разсохся и далъ большія щели, половицы скрипѣли и потрескивали. На потолкѣ краска обвалилась и видны были пятна и подтеки отъ сырости. Стекла въ окнахъ, давно уже не мытыя, были страшно тусклы... Въ гостинной краска со стѣнъ также пообкрошилась и полъ былъ не лучше.

Рядомъ съ гостинной была „картинная“, въ которой, впро-

чемъ, не было ни одной картины, а висѣли только фамильные портреты. Эта комната глядѣла сумрачнѣе остальныхъ, потому что выходила окнами въ густую березовую аллею. Портретовъ было много — и очень старинныхъ. Въ глубинѣ комнаты, всю среднюю часть стѣны занимало родословное дерево, многовѣтвистое, выроставшее изъ могилы, въ которой покоился въ какомъ-то странномъ полу-монашескомъ одѣяніи и съ желтымъ лицомъ родоначальникъ князей Махоткиныхъ. На груди этого желтолицаго мертвеца лежалъ свитокъ съ надписью: „Князь Григорій Махоткинъ“ — затѣмъ слѣдовалъ годъ, но разобрать его не представлялось никакой возможности. На вѣтвяхъ этого дерева были изображены бѣлые кружки, съ указаніемъ именъ и лѣтъ рожденія и смерти...

— Вотъ это прадѣдушка молодыхъ князей... А это дѣдушка... Это вотъ „старый князь“, царство ему небесное... говорила Олимпіада Марковна, позвякивая ключами и указывая на потемнѣвшіе портреты въ черныхъ рамахъ.

Прадѣдушка, улыбаясь, глядѣлъ съ полотна; его пухлыя бѣлыя щеки съ ямочками, и пунцовыя, очень толстыя губы, и сѣрые большіе глаза—словомъ, все лицо его дышало снисходительностью и самодовольствомъ. Громадный пудреный парикъ украшалъ его голову, а шею обматывалъ широчайшій бѣлый галстухъ. Онъ былъ въ какомъ-то бѣломъ кафтанѣ съ золотымъ шитьемъ на груди и съ голубою лентой черезъ плечо. Смотря на это самодовольное смѣющееся лицо, невольно думалось, что этотъ вельможа въ свое время, вѣроятно, блисталъ, умѣлъ править и шаркать по паркету, любезно улыбаться, кому слѣдовало—и фортуна, очевидно, не оборачивалась къ нему спиной, но также весело улыбалась ему... За то же и на портретѣ пришлось ему улыбаться въ теченіе почти цѣлаго столѣтія!.. Это-то и былъ знаменитый сибирскій правитель, положившій начало богатству и процвѣтанію рода князей Махоткиныхъ... Дѣдъ былъ уже не таковъ: онъ — въ мундирѣ съ красными отворотами и съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, подпиравшимъ ему подбородокъ. Лицо худощавое, съ крѣпко сжатыми губами, брови густыя, нахмуренныя, и сѣрые, холоднымъ свѣтомъ—цвѣтомъ стали — блестящіе глаза... Этотъ былъ дружень съ Зубовыми и Жеребцовыми въ царствованіе Павла I и едва-ли не былъ съ ними

заодно... Въ началѣ александровскаго правленія, онъ впалъ въ немилость, жилъ въ Мареинскомъ и жестоко сѣкъ своихъ дворовыхъ. Затѣмъ, посчастливилось ему какъ-то отличиться въ битвахъ съ французами въ 1812—13 г., а въ началѣ двадцатыхъ годовъ, предавшись мистицизму à la Крюднеръ, онъ даже пользовался большимъ вліяніемъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ... Отецъ молодыхъ князей, извѣстный болѣе подъ именемъ „стараго князя", изображенъ очень банально—во фракѣ, съ анненской ленточкой въ петлицѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ цилиндромъ въ рукѣ. Лицо также самое обыкновенное, дышащее барскою спесью...

Было нѣсколько женскихъ портретовъ. Дамы важно сидѣли въ фижмахъ, съ громадными воротничками и въ пудрѣ. Особенно красива была прабабушка—смуглая, темноволосая молодая женщина, съ пунцовою розой на груди. Родомъ она была татарская княжна.

Наконецъ Верюгинъ остановился передъ двумя небольшими портретами, очевидно, позднѣйшей работы, что можно было заключить по свѣжести красокъ и по чистотѣ фона. Одинъ портретъ изображалъ мальчика лѣтъ 12-ти, въ курткѣ и въ бѣлыхъ отложныхъ воротничкахъ; его свѣтлые волосы были гладко причесаны. Слегка вздернутый носъ и немного отвислая нижняя губа придавали его лицу какое-то презрительно-горделивое выраженіе, дѣлавшее нѣсколько похожимъ этого мальчика на «стараго князя». На другомъ портретѣ былъ нарисованъ мальчуганъ лѣтъ 6—7, смуглый, съ темными вьющимися волосами и съ глазами большими и темными, напоминавшими глаза бабушки-татарки. На немъ—пунцовая рубашка. Онъ сидѣлъ, опершись подбородкомъ на крѣпко сжатый кулакъ правой руки; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ большую охотничью трубу. Тутъ-же, около него, валялась дѣтская сабля—безъ ноженъ. Веселая улыбка застыла на его полненькихъ дѣтскихъ губахъ. Умные, довѣрчивые глаза и вообще все это прелестное дѣтское личико производило отрадное впечатлѣніе...

— Чьи это портреты? Это не Николай-ли Михайловичъ? спросилъ Верюгинъ, указывая на мальчугана въ красной рубашкѣ.

— Да, да! Это — онъ, мой красавчикъ! отвѣчала Олим-

піада Марковна.—На бабушку, говорятъ, похожъ. Такой-же добрый, горячій, да отходчивый...

— Ну, теперь-то князя было бы трудно узнать по этому портрету... Вишь, онъ тутъ какой полненькій, да кругленькій... смѣючись, говорилъ Верюгинъ, пощелкивая пальцемъ по портрету. Только одни глаза-то и остались... А Петръ-то Михайловичъ какой надутый! Настоящій барченокъ...

— Да, Богъ съ нимъ, онъ и нынѣ такой... Сущій камень! вполголоса промолвила старушка, словно опасаясь, чтобы портретъ не подслушалъ ея дерзкихъ словъ. — Вотъ эти-то портреты и выдали того обманщика, фискала-то... вдругъ неожиданно проговорила Олимпіада Марковна, когда гость уже хотѣлъ идти далѣе—въ „оружейную".

— Какого еще фискала? переспросилъ онъ, озадаченно смотря на старушку.

— Какъ «какого»? Да развѣ я тебѣ не разсказывала! въ свою очередь удивилась та, воззрившись на Ѳеофана Михайловича.—Какъ-же это... Ну, пойдемъ-ка въ ту комнату: тамъ хоть присѣсть можно... Ноги что-то все ноютъ.

Тутъ вышло недоразумѣніе. Старуха, дѣйствительно, такъ усердно передавала своимъ знакомымъ эту необыкновенную, сильно встревожившую ее исторію съ фискаломъ, что ей уже казалось, будто и Верюгинъ долженъ былъ ее знать... Случалось съ нею и наоборотъ, что она разсказывала ему дважды одну и ту же исторію... Въ сосѣдней комнатѣ—въ оружейной—они усѣлись на маленькій, низенькій диванъ, и Верюгинъ, воспользовавшись случаемъ, свернулъ и закурилъ папиросу.

Комната была небольшая, въ два окна, и выходила въ садъ. По стѣнамъ висѣло десятка два ружей и старинныхъ пищалей, нѣсколько паръ большихъ лепажевскихъ пистолетовъ, нѣсколько ножей, сабель. Была даже одна настоящая турецкая сабля, на серебряной рукояти которой остались еще слѣды крови... русской-ли крови, или турецкой?—неизвѣстно... На стѣнѣ, на вѣтвистыхъ оленьихъ рогахъ, висѣли сумки, пороховницы и двѣ-три черныхъ ременныхъ нагайки... Здѣсь-же какимъ-то образомъ очутился на стѣнѣ и гравированный портретъ одного изъ нашихъ государственныхъ людей—Павла Дмитріевича Киселева.

— Года два тому назадъ—такъ будетъ, начала свою исто-

рію Олимпіада Марковна,—разъ лѣтомъ, вскорѣ какъ-то послѣ Петрова дня, какъ теперь вижу, сижу у себя въ комнатѣ, вяжу чулокъ. Вдругъ, смотрю, въ переднюю вошелъ какой-то странникъ-старичокъ, и спрашиваетъ: „Гдѣ-бы мнѣ видѣть ключницу?“ Выхожу я къ нему. „Я, говорю, ключница! А вамъ чего?“ — „Давно, говоритъ, не бывалъ я въ этихъ сторонахъ, а здѣсь, говоритъ, родился и, почитай, всю жизнь вы-жилъ... Каждый кустикъ, говоритъ, мнѣ здѣсь знакомъ... Провѣдать пришелъ!“ Вижу, не пьянъ, говоритъ ладно... Отчего, думаю, не покалякать! „При господахъ служили, говорю, что-ли?“ — „Такъ точно, говоритъ, камердинеромъ при старомъ князѣ состояли...“ Слыхала я, что камердинера у стараго князя звали Иваномъ Степановичемъ, а сама его никогда не видала, — только слышала, что за пять лѣтъ до кончины-то князя (это, значитъ, за годъ до моего поступленія въ ключницы) старый камердинеръ ушелъ ко святымъ мѣстамъ, въ Іерусалимъ, Богу молиться... Ушелъ, ушелъ, да такъ и пропалъ. Ни слуху, ни духу... Семнадцать лѣтъ прошло; изъ старой-то дворни никого ужь не осталось. Со мной, вотъ, Андрійко жилъ, да въ людской избѣ три парня-работника, люди молодые... Ну, смотрю я на него: старичокъ сѣденькій, лысый, росту маленькаго; платьишко все обшмыгано... А обращенье, батюшка, такое, что сейчасъ видно, что человѣкъ живалъ съ людьми. И разговоръ не мужицкій. „Такъ, значитъ, говорю ему, вы—Иванъ Степановичъ будете?“—„Такъ точно, говоритъ;—по слуху, матушка, видно, знать изволите...“ А глаза у самого такіе бойкіе да вострые, такъ тебѣ въ душу и заглядываютъ. „По слуху, говорю. Отъ старыхъ дворовыхъ...“—„Никого, говоритъ, изъ прежнихъ моихъ пріятелей нѣту. Никифоръ, кучеръ, померъ. Сашка его въ городѣ въ извощикахъ живетъ“... Слово за слово, да и разговорились. Ну, вижу, старичекъ усталъ, усадила его, лѣшаго этакого, прости Господи, чаемъ напоила съ вареньемъ, ровно путнаго. И началъ онъ тутъ хвалить молодыхъ господъ. Расхваливалъ онъ ихъ, расхваливалъ—и-и, Боже ты мой! „Петръ Михайловичъ, говоритъ, далеко пойдетъ; потому, говоритъ, голова... И младшенькій-то, говоритъ, доброй души человѣкъ! Добрѣе, говоритъ, дитяти не бывало у насъ“...—„Такой, говорю, и нонѣ остался!“—„Ну, говоритъ, такъ-такъ! Дай, говоритъ, Богъ ему здоровья,

да много лѣтъ здравствовать! Его и маленькаго-то всѣ любили"... Тутъ онъ и началъ у меня выспрашивать: часто-ли Николай Михайловичъ пріѣзжаетъ въ Марѳинское, подолгу-ли живетъ, любятъ-ли его крестьяне, да ходятъ-ли къ нему, да что онъ говоритъ съ ними?.. И пошелъ, и пошелъ...— „Любятъ, говорю, всѣ—отъ мала до велика. Какъ, говорю, не любить, коли зла отъ него никто не видалъ!" Крестьяне иной разъ, точно, захаживали къ нему... „Баринъ, говорю, онъ у насъ тароватый. никѣмъ не брезговалъ, со всякимъ, бывало. слово ласковое перемолвитъ. Мужиковъ добру училъ, какъ-бы, значитъ, на пользу имъ было. Извѣстно, народъ темный... Иной разъ и пошутитъ"...—„А что, говоритъ, онъ имъ разсказывалъ?"—„Ну, ужь этого, говорю, сказать не могу, не знаю. Мало-ли о чемъ говорили"... И этакій, вѣдь, треклятый! Чтобъ ему... „Прежде, говоритъ, портреты бывали!.."—„Куда, говорю, имъ дѣваться! Висятъ и нонѣ".—„Весьма хотѣлось-бы, говоритъ, посмотрѣть на нихъ — взглянуть еще разъ"... Какъ онъ шибко-то сталъ выспрашивать, мнѣ и не понравилось. Прикусила языкъ; „да", да „нѣтъ", только отъ меня и было! Повела его, однако, въ портретную. А тутъ-то его и попутало. Первымъ дѣломъ, бабушку смѣшалъ со старой княгиней. „Обмолвился!" говоритъ. Ладно. А потомъ Николая Михайловича не призналъ. Опять говоритъ: «Ошибся, на память понадѣялся»... А надо тебѣ, батюшка, сказать, что портрета Петра-то Михайловича въ ту пору здѣсь не было, въ Петербургъ возили переснимывать .. Тутъ я поразумалась, и зл -же меня взяло... А какъ его уличить, стараго чорта! Сижу, примолкла, да вяжу чулокъ таково сердито. Такъ онъ посидѣлъ, посидѣлъ у меня, несолоно хлебавши, да и ушелъ. Чтобъ ему ни дна, ни покрышки, аспиду окаянному!.. Послѣ того онъ еще дня три шатался около Марѳинскаго. Въ питейномъ домѣ и по деревнямъ таскался. Извѣстно, о молодомъ князѣ никакого худа не узнаешь! Потомъ нашъ странничекъ вдругъ скрылся, ровно провалился сквозь землю... Прошло времени съ недѣлю или больше—теперь ужь хорошо не упомню. Ходила я къ обѣднѣ, да отъ обѣдни къ попу зашла. Старичокъ-то, отецъ Николай, уже не служитъ, такъ только въ церковь ходитъ; видитъ худо, да и руки дрожатъ... Осталась я у нихъ чайку напиться: матушка-то мнѣ кума будетъ... А

молодой-то, отецъ Дмитрій, вдругъ мнѣ и сказываетъ, что заходилъ къ нимъ не очень давно какой-то странникъ и все разспрашивалъ у тестя о прежней дворнѣ, о старомъ камердинерѣ, о господахъ. А отецъ-то Николай, что̀ давно было, все хорошо помнитъ. Онъ страннику-то все и разскажи: сказалъ, какъ звали камердинера, и прочихъ дворовыхъ, и все... Отецъ Дмитрій и говоритъ, что ему показалось: будто, странникъ-то человѣкъ—совсѣмъ чужой и отъ роду небывалый въ нашей сторонѣ... Тутъ и я ему все разсказала. Такъ и рѣшили, что приходилъ къ намъ не Иванъ Степановичъ, а какой нибудь обманщикъ—мошенникъ, значитъ, мазурикъ. Ты подумай то̀: какъ-бы ему портретовъ не узнать, еслибы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ старый слуга? Просто, фискалъ... Ну, и напугалась же я въ тѣ поры. Потомъ я все, все пересмотрѣла, да перешарила: не стянулъ-ли, думаю, грѣхомъ, чего нибудь! Да нѣтъ! Богъ миловалъ... Только вотъ черезъ годикъ-то послѣ того Николай Михайловичъ и *пропалъ*...

— Вотъ какія дѣла! со вздохомъ заключила Олимпіада Марковна, провожая Верюгина въ угловую комнату, въ кабинетъ „пропавшаго князя“.

Комната—довольно большая, въ четыре окна, и также выходящая въ садъ. Подъ потолкомъ—лампа новѣйшей конструкціи на чугунныхъ цѣпяхъ, съ голубымъ абажуромъ. Громадный шкафъ орѣховаго дерева съ книгами. На стѣнѣ, въ глубинѣ комнаты, большая карта Россіи, на которой мѣстами, главнымъ образомъ—въ центрѣ, было наколото нѣсколько булавокъ. На картѣ висѣлъ длинный и тонкій кинжалъ въ малиновыхъ бархатныхъ ножнахъ, украшенныхъ серебромъ и золотомъ „подъ чернью“. Въ углу стояла сучковатая можжевеловая палка. На окнѣ лежали черныя кожаныя перчатки. На письменномъ столѣ помѣщалась большая стеклянная чернилица съ массивною крышкой, а около нея лежало нѣсколько ручекъ со стальными перьями. Тутъ же, на столѣ оставалось нѣсколько нѣмецкихъ и французскихъ книгъ научнаго содержанія.

— Вотъ здѣсь работалъ нашъ милый баринокъ! замѣтила старуха, подходя къ столу и пододвигая подъ него широкое, мягкое кресло. Сидитъ, бывало, да пишетъ, либо книжку читаетъ. Его и не слышишь, ровно никого и въ домѣ нѣтъ...

Право! А по вечерамъ долго сидѣлъ. Иной разъ у него всю ночь огонь горитъ. Почитаетъ да устанетъ, видно, и начнетъ ходить. Ужь ходитъ онъ, ходитъ... Мнѣ-то внизу все слышно: вѣдь этотъ кабинетъ-то прямо надъ моей столовой приходится... А въ хорошую погоду въ садъ, бывало, уйдетъ, заберется куда нибудь въ тѣнь съ книжкой и лежитъ... Слова сердитаго отъ него не слыхала... Только и есть, что „голубушка Олимпіада Марковна“, да „голубушка“... А-ахъ, прости Господи... продолжала старушка, увлекаемая своими воспоминаніями. Убирать у себя въ кабинетѣ не давалъ—для того, значитъ, чтобы какъ нибудь ненарокомъ нужную бумажку не смели вмѣстѣ съ соромъ. Пыли, дрязгу всякаго, бывало, накопится у него—страсть! Одной мнѣ только и позволялъ входить сюда... Иной разъ утромъ придешь будить его, а онъ, сердечный, какъ въ креслѣ сидѣлъ передъ столомъ, такъ, глядишь, и заснулъ. Положитъ голову на столъ, на бумаги-то, да и спитъ... Ловко-ли же!.. А будить жаль... А вотъ, какъ соберется уѣзжать, бывало, въ Питеръ—и ключъ мнѣ: „На, говоритъ, Марковна! Возись, мети, мой, чисти—отводи душеньку!“ Смѣется голубчикъ... Зналъ, что до чистоты-то я охотница...

Старушка еще продолжала говорить про своего любимчика, „молодаго барина“, но Верюгинъ уже разсѣянно слушалъ ее. Живо представился ему этотъ человѣкъ, энергичный, смѣлый, рѣшительный, промѣнявшій, не задумавшись, всѣ блага міра сего на тернистый путь борьбы со зломъ. Его духъ безпокойный и страстный, казалось, еще виталъ подъ сводами этой сумрачной комнаты. Здѣсь—еще недавно—онъ жилъ, работалъ... Каждая вещь, каждая книга, наконецъ, эти булавочки, воткнутыя въ ландкарту, вѣроятно, его рукою—однимъ словомъ, все въ этомъ покоѣ было полно имъ, говорило о немъ... И блѣдное лицо съ глубокими, темными глазами на мигъ померещилось Ѳеофану Михайловичу. Настойчиво, вопросительно посмотрѣли на него эти глаза... Когда на обратномъ пути проходили они черезъ „портретную“, послѣдніе лучи заходящаго солнца озаряли стѣну, и въ этомъ красноватомъ, дрожащемъ свѣтѣ странно выступали изъ сумрака желтыя лица старыхъ людей. „Дрогнули бы ваши косточки въ могилахъ, еслибы вы узнали про все“... съ усмѣшкою подумалъ Верюгинъ, глядя на эти самодовольно-*улыбающіяся лица*.

— А теперь, Олимпіада Марковна, выпустите меня черезъ балконъ въ садъ, а сами отправляйтесь внизъ отдыхать! сказалъ онъ старушкѣ, входя въ гостинную.

— Ступай, батюшка, погуляй! У насъ вѣдь тутъ хорошо, есть гдѣ побродить... Только вотъ дорожки не чищены, все заросло. И цвѣтовъ-то нынѣ что-то мало.. говорила Олимпіада Марковна, отпирая балконную дверь.

Вверху, около карнизовъ балконныхъ колоннъ пріютилось нѣсколько ласточкиныхъ гнѣздъ. Маленькія, темныя головки выглянули оттуда и опять тотчасъ же, при появленіи Верюгина, скрылись. По жалобно скрипящимъ ступенямъ Ѳеофанъ Михайловичъ сошелъ въ цвѣтникъ и очутился среди бѣлыхъ и алыхъ розъ, среди махровыхъ піоновъ, нарцисовъ, жонкилей, со всѣхъ сторонъ заглушаемыхъ силою—ратью великою—крапивой, репьемъ и осокой. И клонились къ землѣ нѣжныя розы своими прелестными головками; никого не радуя, цвѣли онѣ посреди сочной, густой травы, роняя свои лепестки къ ногамъ обступавшаго непріятеля... Верюгинъ углубился въ садъ... Послѣдніе солнечные лучи играли на вершинахъ деревьевъ, а внизу, между кустами, уже ложились тѣни. Мѣстами изъ-за разступавшейся чащи блестѣли тихія воды пруда; въ заглохшихъ уголкахъ попадались диваны, скамейки, статуи, посѣрѣвшія, разбитыя... Садъ былъ раскинутъ на пяти десятинахъ. Покато, террасами, спускался онъ къ рѣчкѣ. Съ одной террасы на другую въ разныхъ мѣстахъ вели широкія ступени, выбитыя въ землѣ. Липовыя и березовыя аллеи то шли параллельно, то пересѣкались, то вдругъ образовывали какой-то запутанный лабиринтъ. Дорожки поросли травой, а изъ вишенья и орѣшника составилась между деревьями такая непролазная глушь, какая можетъ встрѣтиться только въ лѣсу... Тутъ Верюгину пришли на память разсказы Олимпіады Марковны про старое время, когда въ Марѳинское наѣзжало множество гостей, лилось рѣкой шампанское, садъ по вечерамъ роскошно иллюминовался, гремѣла музыка и въ сумракѣ аллей бродили разряженныя дамы и кавалеры... Теперь—тихо. Марѳинское отшумѣло, отпировало. Только глухой скрадывающійся шелестъ расходился теперь вокругъ Верюгина по потемнѣвшему саду. Но, вѣроятно, никогда, даже въ самыя лучшія времена, не бывало въ саду марѳинскомъ столько птичекъ, *никогда* глубина его не звучала такимъ веселымъ мело-

дическимъ пѣньемъ и щебетаньемъ... Дамы и кавалеры, гулявшіе по саду, давнымъ-давно уже обратились въ прахъ подъ своими мраморными памятниками, а деревья, навѣвавшія на нихъ прохладу и дававшія имъ тѣнь, стоятъ, — стоятъ и понынѣ, могучія, цвѣтущія, величаво поднимая къ небу свои зеленыя верщины, по которымъ и теперь, по прежнему, какъ сто лѣтъ тому назадъ, весело играетъ вечерній солнечный лучъ...

Проходя берегомъ пруда, Верюгинъ набрёлъ на заброшенную бесѣдку. У входа ея лежали какія-то два чудовища, высѣченныя изъ сѣраго камня, теперь подернутыя желтовато-зеленымъ мохомъ и позаросшія травой. Въ ихъ разверстыя пасти набилась куча сухихъ листьевъ и хвои съ высокихъ сосенъ, обступавшихъ бесѣдку. Разноцвѣтныя стекла въ окнахъ были повыбиты; земляной полъ усыпанъ листомъ и прутьями; въ высокой, остроконечной крышѣ показались щели. Верюгинъ вошелъ въ бесѣдку и, осмотрѣвшись, подумалъ вслухъ: «Вѣроятно, эта самая и есть, о которой *онъ* тогда говорилъ... Дѣйствительно, удобно...» Въ пяти шагахъ отъ входа въ бесѣдку начинался довольно крутой берегъ пруда, обмелѣвшаго и покрытаго тиной. Верюгинъ внимательно осмотрѣлъ береговой спускъ...

— Что-же! и сегодня опять не ночуешь? Потащишься, на ночь глядя, къ своей Маркушихѣ? спросила Олимпіада Марковна у Верюгина, когда тотъ возвратился въ домъ.

— Нельзя, матушка! Завтра съ ранняго утра опять мужики придутъ, пойдемъ съ цѣпью... По холодку-то я теперь отлично дойду!

— Ну, прощай! Спасибо, что не забываешь меня, старуху, провѣдываешь... Спасибо!... А то, вѣдь, все одна одинешенька, иной разъ инда одурь возьметъ... А въ воскресенье придешь?

— Можетъ быть, и раньше! крикнулъ уже изъ-за двери Ѳеофанъ Михайловичъ.

— Ну, ладно! прошептала ему вслѣдъ старуха.

А на дворѣ встрѣтила Верюгина чудесная звѣздная ночь...

IV.

И будутъ послѣдніе первыми.

Олимпіада Марковна, дѣйствительно, была сильно напугана появленіемъ того, кого она называла „обманщикомъ", и послѣдовавшими затѣмъ печальными происшествіями. Старушка,—по натурѣ, добродушная и откровенная,—сдѣлалась послѣ того чрезвычайно осторожна и недовѣрчива. Подозрительно стала смотрѣть она на всякаго незнакомаго человѣка: въ каждомъ новомъ лицѣ ей мерещился „недобрый" человѣкъ, готовый ни за грошъ продать отца съ матерью. Поэтому, Верюгину было бы не легко въ короткое время сблизиться со старушкой, еслибы не помогло ему знакомство съ молодымъ княземъ. Да и на то, чтобы разсѣять въ старухѣ послѣднія тѣни подозрѣній и страховъ, понадобились сильныя вещественныя доказательства. Верюгинъ показывалъ ей письма князя, адресованныя къ нему, къ Ѳеофану Михайловичу, показывалъ фотографическую карточку, на которой надпись была сдѣлана рукою князя. Наконецъ, онъ передалъ ей такія подробности изъ жизни князя, которыя можно было слышать только отъ него самого и не иначе, какъ находившись съ нимъ въ самыхъ короткихъ, задушевныхъ отношеніяхъ. Всего же лучше рекомендовало Верюгина Олимпіадѣ Марковнѣ знакомство его съ Марьей Константиновной. Исторія же Марьи Константиновны очень обыкновенная, и здѣсь, кстати, можно разсказать ее...

Лѣтъ 25 тому назадъ, однажды къ старому князю пріѣхалъ лѣтомъ погостить его младшій братъ. Князь Матвѣй былъ въ ту пору красивымъ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 30-ти, и очень падкимъ до женщинъ. Бродя разъ по саду, князь случайно повстрѣчалъ молодую дѣвушку, собиравшую малину. То была дочь садовника, семнадцатилѣтняя, голубоглазая, краснощекая красавица. Дѣвушка приглянулась князю, и онъ приволокнулся за нею... Блаженныя минуты проводили они, когда надъ почтеннымъ марѳинскимъ садомъ спускались синія сумерки и подъ деревьями сгущались тѣни. Обнявшись и *нѣжно воркуя,* ходили они по дальнимъ аллеямъ, а полный мѣ-

сяцъ свѣтилъ имъ своимъ чарующимъ свѣтомъ и золотыя звѣзды мигали имъ изъ-за зеленыхъ вѣтвей деревьевъ... Князь Матвѣй, выкупивъ у брата на волю всю семью садовника, осенью уѣхалъ въ столицу. По веснѣ, у молодой садовницы родилась дочь Марія. Старый князь распорядился, чтобы управляющій былъ у нея крестнымъ отцомъ, и самъ, собственноручно, изволилъ положить ей подъ подушку, набитую соломой сотенную ассигнацію „на зубокъ“. По крестному отцу назвали дѣвочку Константиновной, а фамилію „Хоткиной“ далъ ей — по старому обычаю — самъ князь. Молодая мать скоро умерла, не видавъ болѣе ни разу своего возлюбленнаго, а дѣвочка осталась на рукахъ у дѣда-садовника, который такъ сжился со своею садовническою должностью, что, даже не смотря на волю, не уходилъ изъ Марѳинскаго... Дѣвочка росла между дѣвичьей и костинной. Старый князь то забавлялся съ нею, сажалъ ее къ себѣ на колѣни и поилъ чаемъ, то держалъ ее на побѣгушкахъ, посылалъ ее туда и сюда. Дьяконовскому сыну, жившему одно время безъ мѣста, было поручено выучить Машу грамотѣ, письму и счету...

Когда дѣвушкѣ минуло восемнадцать лѣтъ, она слыла красавицей. Младшій сынъ князя еще въ дѣтствѣ подружился съ Машей, а потомъ какъ-то дружба ихъ перешла въ любовь. Послѣ смерти стараго князя, Николай Михайловичъ выстроилъ ей въ пяти верстахъ отъ Марѳинскаго домъ и помогъ завести лавку. Любовь ихъ оставалась тайной... Только темные слухи шли по околодку: будто видали, какъ молодой князь по ночамъ, пѣшкомъ и съ ружьемъ за плечами, возвращался черезъ поля въ Марѳинское, и возвращался онъ, будто бы, именно отъ лавочницы. И много большихъ услугъ оказала князю эта лавочница, благодаря своимъ деревенскимъ знакомствамъ и своей расторопности.

Теперь ей 24 года. Она — блондинка, здоровая, сильная, высокаго роста, стройная, съ румянцемъ во всю щеку. Ея умные свѣтлосѣрые глаза смотрятъ внимательно и пытливо изъ-подъ густыхъ, длинныхъ рѣсницъ. Ея русые волосы двумя тяжелыми косами лежатъ у нея на спинѣ. Лицо красиво; обращеніе — сдержанно, даже подчасъ нѣсколько холодно. Она казалась подозрительною... При волненіи румянецъ гуще выступалъ у нея на щекахъ, и вся мощная фигура ея въ тѣ

минуты дышала силой и энергіей... По наружному образу жизни она мало отличалась отъ обыкновенныхъ деревенскихъ лавочницъ. Лѣтомъ она также, какъ и всѣ бабы, ходила въ лѣсъ за ягодами, за грибами; зимой она пряла, шила по заказу, вязала шерстяные чулки для бабъ, пояски и шарфы для парней... Впрочемъ, кромѣ того она даромъ давала больнымъ нѣкоторыя цѣлебныя травы примочки и пластыри для заживленія ранъ, ушибовъ и порѣзовъ. Оттого по деревнямъ она слыла лѣкаркой... Отъ простыхъ же бабъ она отличалась только своею развитостью; въ досужее время она любила читать книги и газеты, которыя выписывала сообща съ священникомъ и съ однимъ грамотнымъ сосѣдомъ-крестьяниномъ. Она была женщина — думающая своимъ умомъ, женщина практическая... Она крѣпко любила князя, но когда тотъ „пропалъ", молодая женщина стойко выдержала ударъ. Въ околодкѣ ее любили. смотрѣли на нее безъ предубѣжденія, какъ на своего же брата, бывшаго крѣпостнаго. „Баба—неглупая, ловкая!.. Что и говорить"... толковали про нее на деревнѣ.

Но не смотря даже на знакомство Верюгина съ Марьей Константиновной, Олимпіада Марковна долго поглядывала на него изподлобья, долго отмалчивалась и уступила только въ виду очевидно несомнѣнныхъ доказательствъ того, что Ѳеофанъ Михайловичъ—человѣкъ хорошій и другъ. Верюгинъ зналъ то время, въ какое суждено было ему жить, и поэтому его ничуть не покоробили тѣ недовѣрчивые, почти враждебные взгляды, которыми его встрѣтила старая ключница. Напротивъ: старуха своими косыми взглядами и недомолвками внушила ему даже большую симпатію и высокое мнѣніе о себѣ. Человѣкъ, туго поддающійся на знакомство и съ перваго взгляда не выкладывающій всю свою душу, человѣкъ „надежный"... Олимпіаду Марковну на первыхъ порахъ очень удивляло отношеніе къ ней Верюгина. „Да какъ же! Я къ нему—медвѣдемъ, а онъ смотритъ таково ласково, улыбается, ровно его медомъ по губамъ мажутъ"... Верюгину нужно было расположить къ себѣ ключницу, и онъ своего добился. Каждый праздникъ, когда выпадала свободная минута, Верюгинъ отправлялся къ Олимпіадѣ Марковнѣ въ Марѳинское, читалъ ей и велъ съ нею разговоры. Теперь онъ пользовался

уже полнѣйшимъ довѣріемъ старушки. Она его считала за своего, за „роднаго“. Она дѣйствительно, какъ сама говорила, жила одна одинешенька и теперь была очень рада, что нашелся добрый человѣкъ, съ которымъ ей можно было отвести душеньку... Каждый праздникъ она ждала землемѣра и въ ожиданіи его приготовляла сытный и вкусный обѣдъ. Онъ всегда былъ въ Мареинскомъ дорогимъ гостемъ...

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о самой Олимпіадѣ Марковнѣ. Она — дочь сельскаго дьячка того прихода, къ которому принадлежало Мареинское. Она была замужемъ за дьякономъ той же церкви, оставалась бездѣтна и овдовѣла уже давно, лѣтъ 20 тому назадъ. Любимый братъ ея, Леонидъ, умеръ, только что кончивши курсъ въ семинаріи. Родныхъ у нея теперь уже никого не оставалось въ живыхъ. Ей остались только одни воспоминанья. Въ Верюгинѣ она нашла сходство съ братомъ и потому еще пуще полюбила его... Чувства ея волей-неволей искали выхода, и теперь, совершенно естественно, ея привязанности раздѣлились между живыми и дорогими ей мертвецами. Порою прошлое для нея смѣшивалось съ дѣйствительностью, происходила пріятная коллизія, въ которой разочаровывать старуху было бы жестоко... Приключенія съ молодымъ княземъ, чтеніе, разсказы и признанія Верюгина сдѣлали то, что старуха стала на многое смотрѣть вовсе не такъ, какъ смотрѣла прежде. Что вокругъ нея называли бѣлымъ, то она стала считать чернымъ, и наоборотъ. Такое превращеніе съ нею произошло скорѣе и легче, чѣмъ можно было ожидать. Прежніе ея взгляды и мнѣнія были получены уже готовыми, въ наслѣдство отъ родителей, вмѣстѣ со всякимъ старымъ платьемъ и домашнимъ тряпьемъ. Теперь же она измѣнила свои мнѣнія сознательно... И тѣмъ горячѣе, тѣмъ упорнѣе стала старуха держаться своихъ новыхъ взглядовъ на людей и на дѣла людскія. Она сама себя звала „раскольницей“... Уже двѣнадцать лѣтъ она хозяйничала въ Мареинскомъ. Говорили, что у нея водятся деньжонки... Хотя Олимпіаду Марковну нельзя было назвать скрягой, но тѣмъ не менѣе она любила беречь копѣечку,—и нѣтъ ничего удивительнаго, что у нея уже скопилась малая толика.

Однажды, въ минуту откровенности, Олимпіада Марковна

заговорила съ Верюгинымъ такимъ тономъ, какъ-бы спрашивая его совѣта:

— Хочу все въ монастырь отказать.. замѣтила она, между прочимъ.—Родныхъ нѣту... Куда мнѣ дѣваться съ деньгами то!

— Въ монастырѣ и безъ вашихъ грошей много богатствъ, даже, можетъ быть, больше, чѣмъ надобно... возразилъ ей на это Ѳеофанъ Михайловичъ.—За монастырскими стѣнами хорошо живутъ. А въ мірѣ-то больше бѣдности, да горя...

— Тамъ, батюшка, хоть за душу помолятся... И то ладно!

— Сдѣлайте доброе дѣло... Вотъ и все! Право, лучше будетъ...

— Ужь не знаю, какъ и быть... немного погодя, вполголоса промолвила Олимпіада Марковна, и замолкла.

Послѣ того, не однажды старуха заводила рѣчь о томъ-же и все то же возражалъ ей Верюгинъ. Ни къ какому рѣшенію не пришли... А Верюгинъ той порой все пуще интересовался своею новой знакомой, которая въ свою очередь все болѣе и болѣе благоволила къ нему. Сору изъ избы выносить было некому, ибо и самъ Андрійко, прислуживавшій Олимпіадѣ Марковнѣ, ничего не слыхалъ изъ разговоровъ ихъ и зналъ только, что гость часто „что-то читалъ въ книгѣ“, а хозяйка внимательно слушала и вздыхала.

Понятно, что m-me Маркушева недоумѣвала: зачѣмъ молодой человѣкъ шлялся въ пустую усадьбу, что̀ у него могло найтись общаго со старой ключницей. Не могъ же онъ — „человѣкъ развитой, передовой“—находить удовольствіе или пользу въ бесѣдахъ съ какою-то старой дьяконицей, женщиной совсѣмъ необразованной.. На ея вопросъ: что онъ дѣлаетъ въ Мароинскомъ? Ѳеофанъ Михайловичъ съ усмѣшкой отвѣчалъ, что онъ читаетъ старушкѣ Четьи-Минеи. M-me Маркушева положительно отказывалась вѣрить, чтобы такой „развитой, передовой молодой человѣкъ и едва-ли не нигилистъ“, сталъ вдругъ читать старухѣ Четьи-Минеи. Это, просто, смѣху подобное предположеніе!.. Но сколько m-me Маркушева ни подсмѣивалась надъ Верюгинымъ, вызывая его на объясненія, тотъ не поддавался и отдѣлывался тоже смѣхомъ или же просто отмалчивался. Напрасно Анна Павловна

ломала голову: тайна странствованій въ Марѳинское не разъяснялась...

Дѣло дошло даже до того, что въ одно изъ воскресеній Анна Павловна сама отправилась въ своемъ шарабанѣ въ Марѳинское, въ видѣ прогулки, обошла весь садъ, полюбовалась на его прелести, пожалѣла, что онъ въ такомъ запустѣньѣ, выпила съ превосходнымъ вареньемъ чашку чая въ комнатѣ Олимпіады Марковны и на прощаньѣ звала старушку къ себѣ. Ничего особеннаго, ничего такого, что̀ разъяснило бы странное поведеніе Верюгина, Анна Павловна не открыла ни въ старомъ марѳинскомъ домѣ, ни въ ключницѣ, ни въ обращеніи ея съ молодымъ человѣкомъ. Тайна оставалась тайной. Только въ одномъ отношеніи Анна Павловна успокоилась: она никакъ не могла ревновать Верюгина къ старухѣ-ключницѣ...

М-ше Маркушева влюбилась въ молодаго землемѣра.

Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя и въ пожилыхъ лѣтахъ бываютъ очень склонны къ чувственнымъ наслажденьямъ. Она много влюблялась, много разъ измѣняла и разочаровывалась въ предметѣ своей любви, но всѣ эти увлеченія она готова была объяснять тѣмъ, что была „несчастлива“ въ замужствѣ. Въ послѣдніе годы, сердце ея оставалось спокойно, и любовный жаръ, казалось, остылъ въ ней окончательно. Но это именно только „казалось“, благодаря тому, что она была окружена все мало интересными субъектами. Сосѣднихъ помѣщиковъ, уже не обращавшихъ вниманія на ея прелести, она считала народомъ пошлымъ и глупымъ; былъ одинъ земскій докторъ, довольно смазливый, да и тотъ души не чаялъ въ своей молодой женѣ. Верюгинъ же—человѣкъ новый, незнакомый, притомъ недавно изъ столицы... Глядя на него, Анна Павловна вспомнила доброе старое время, свои побѣды и увлеченія; вспомнила про то, сколько, бывало, поклонниковъ хвостомъ увивалось вокругъ нея... Хотя она несовсѣмъ понимала Верюгина, но ей нравился энтузіазмъ молодаго человѣка: она съ удовольствіемъ слушала его и съ удовольствіемъ смотрѣла на его одушевленное, энергичное лицо. Анна Павловна никакъ не могла опредѣлить: что̀ собственно представлялъ собою ея новый знако-

мый. Познакомившись съ нимъ поближе, она однажды, глядя на его длинные сапоги и сѣрую блузу, спросила:

— Ѳеофанъ Михайловичъ! Вы—нигилистъ?

— Что въ имени тебѣ моемъ! съ усмѣшкой продекламировалъ Верюгинъ. — Но почему же вы заключили, что я нигилистъ?

— Догадалась изъ вашихъ словъ!

— Ну, что-жъ! Теперь вы станете меня бояться? Вѣдь я, значитъ, по вашему поджигатель, разбойникъ, воръ, убійца...

— О, нѣтъ! Было бы очень хорошо, еслибы вся молодежь походила на васъ... съ любезною улыбкой возразила Анна Павловна.

Собственно говоря, ей не было никакого дѣла до того, какихъ политическихъ теорій держался молодой человѣкъ. Познакомиться же хотя бѣгло съ его убѣжденіями значило для нея хотя нѣсколько оріентироваться въ той области, которую хотѣла она покорить себѣ... Анна Павловна, какъ женщина неглупая, быстро сообразила, что однимъ грубымъ кокетствомъ, ласками, да любезностями Верюгина не увлечь. Чтобы заинтересовать его, надо непремѣнно выказать сочувствіе къ его „идеямъ“, надо показать себя равной ему, стоящей на одной съ нимъ высотѣ воззрѣній. Но барыня съ сожалѣніемъ видѣла, что юноша ничуть не раздѣляетъ ея любовныхъ стремленій и даже просто не замѣчаетъ ея ухаживаній. Верюгинъ дѣйствительно не догадывался о томъ, что происходило въ сердцѣ отцвѣтшей красавицы... Впрочемъ, m-me Маркушева не унывала и съ каждымъ днемъ дѣлалась все рѣшительнѣе и либеральнѣе въ своихъ сужденіяхъ о „матерьяхъ важныхъ“.

На другой день послѣ странствованія Верюгина въ Марьинское, поздно вечеромъ, сидя въ своей любимой сиреневой бесѣдкѣ, Анна Павловна опять завела рѣчь про то, на что всего легче и всего охотнѣе отзывался ея собесѣдникъ.

— Вотъ вы говорите, что людей, забывающихъ свои интересы ради общаго блага, мало... Да какъ же быть! разсуждала m-me Маркушева.—Ну, вотъ хоть бы я! На что я гожусь? Ну, что я могу?

— А развѣ ничего не можете? перебилъ ее Верюгинъ.

— Конечно, ничего... возразила барыня —Ни къ чему я

не способна, ни къ чему не приготовлена... Воспитаніе я получила такое же, какое обыкновенно дается нашимъ барышнямъ—воспитаніе самое пустое. Поучили меня, напримѣръ, французскому языку, танцамъ, кое-какимъ рукодѣльямъ—вотъ и все! Ну, на что же серьезное, спрашивается, я гожусь?

— Все это еще не бѣда! промолвилъ онъ.—И вы можете дѣлать дѣло—по силамъ, по возможности... Знаете некрасовскаго дядюшку Власа? Ни иконы написать, ни плана составить, ни кирпича обжечь самъ онъ не могъ, не умѣлъ... Что же онъ дѣлаетъ? „Ходитъ въ зимушку студеную, ходитъ въ лѣтніе жары“ и собираетъ деньги на построенье храма... „И даютъ, даютъ прохожіе...“ А вы—помѣщица! У васъ свои средства есть... Ну и давайте ихъ! Вотъ вамъ одинъ примѣръ... Да затѣмъ есть много и другихъ способовъ...

— Конечно! тотчасъ же согласилась Анна Павловна; я могу такимъ образомъ... Но вѣдь у меня средства не Богъ вѣсть какія...

— Изъ грошей составляются милліоны! замѣтилъ Верюгинъ и, немного помолчавъ, добавилъ:—У васъ, Анна Павловна, по близости школы нѣтъ... Ну, вотъ вамъ и дѣло въ руки! Дайте у себя въ усадьбѣ помѣщеніе для школы, сдѣлайте все школьное обзаведеніе, а я вамъ отрекомендую учителя или учительницу—хорошаго человѣка...

— Что-жъ! Я не прочь, Ѳеофанъ Михайловичъ! отозвалась m-me Маркушева.—Школу можно устроить!.. Отчего-жъ не устроить... Но какъ быть съ помѣщеніемъ? Придется вновь строить флигель—нарочно подъ школу... У меня вѣдь свободныхъ помѣщеній нѣтъ. Сами знаете: домъ у меня маленькій, а, кромѣ него, только одна людская изба... Вотъ и всѣ жилыя строенья! А сторона наша лѣсомъ не богата, постройка будетъ стоить очень дорого, а затѣмъ обзаведенье... Все это, конечно, возможно, только нужно подумать, разсчитать...

— Около Вязовки четыре деревни, даже можно считать пять... Положеніе очень хорошее... говорилъ Верюгинъ.—Если же вамъ тяжело покажется содержать и ремонтировать школу, впослѣдствіи вы можете обратиться къ земству съ просьбой: не приметъ ли оно на себя часть расходовъ. Главное—лишь бы устроить, начать... поддерживать легче!

— Охъ, Ѳеофанъ Михайловичъ! Съ нашимъ земствомъ не

подѣлать ничего путнаго! покачивая головой, возразила е
Анна Павловна.—Всѣ порядочные люди изъ земства уже да
ушли. Осталась же, съ позволенья сказать, такая шваль,
торая только транжиритъ земскія денежки, да живетъ ск
далами. О серьезномъ дѣлѣ у насъ и заикаться не стои
впередъ можно сказать, что ничего не выйдетъ...

— Кто же у васъ сидитъ въ управѣ? спросилъ Ве
гинъ.

— Предсѣдателемъ уже шестой годъ—Остаповъ, какой
отставной юнкеръ... Нашъ прежній докторъ говорилъ, что о
„одержимъ горделивымъ умопомѣшательствомъ"... Дуракъ
битый, и къ тому же—злой дуракъ! Члены же управы—
собственныя креатуры и ходятъ передъ нимъ на заднихъ л
кахъ. Одинъ изъ нихъ помѣщикъ—пьяница и буянъ, а д
гой—разжирѣвшій мужикъ. А вы знаете, что мужикъ бо
тый—что̀ чортъ рогатый .. Для предсѣдателя онъ барановъ
купаетъ, зато ему земскіе подряды отдаются, а онъ мош
ничаетъ на этихъ подрядахъ... Купилъ уже себѣ имѣнье,
городѣ домъ выстроилъ. Вся наша городская знать къ не
въ гости жалуетъ...

— Сколько я могу видѣть изъ вашего разсказа, заговори
Верюгинъ,—ни этотъ воришка, ни баринъ-буянъ не по
шаютъ дѣлу, если только за него выскажется вашъ отстави
юнкеръ... Значитъ, вамъ нужно приняться за него. А ж
щина толковая да смышленая можетъ многое сдѣлать
того, что̀ для насъ, для мужчинъ, недостижимо... Знаете по
ворку, Анна Павловна: куда чортъ самъ не поспѣетъ, т
бабу пошлетъ!

Верюгинъ улыбнулся. М-me Маркушева посмотрѣла
въ глаза и тоже отвѣтила лукавою улыбкой. Повидимо
она осталась довольна...

Послѣ того разговоръ о школѣ поднимался не разъ. А
Павловна попросила Верюгина начертить планъ будущей
зовской школы. Онъ сказалъ, что планъ составить недо
только нужно сначала достовѣрно узнать: возможна-ли
школа. Насчетъ разрѣшенія—безпокоиться нечего, если А
Павловна приметъ на себя всѣ первоначальныя издерж
инспекторъ сельскихъ училищъ—человѣкъ знакомый, инте

сующійся болѣе клубомъ, чѣмъ школами, и препятствій съ его стороны ждать нельзя.

— Ужь надо какъ нибудь постараться... придется поэкономить! рѣшила барыня.—Я думаю: домъ построить за воротами, по ту сторону дороги... Знаете: около тѣхъ рябинъ..

— Это все равно! согласился Верюгинъ.

Съ m-me Маркушевой онъ сдѣлался очень дружелюбенъ, не смотря на споры, возникавшіе между ними порою. Споры обыкновенно кончались тѣмъ, что Анна Павловна со вздохомъ повторяла:

— Охъ вы, молодежь, молодежь!..

А Мина Игнатьевна, той порой, попрежнему играла „въ молчанку“ и почасту сидѣла на своемъ висячемъ диванчикѣ между березъ, устремивъ свой усталый, неподвижный взоръ въ зеленую даль. Нерѣдко приходилось ей присутствовать при разговорахъ Верюгина съ теткой... Тогда она внимательно вслушивалась въ ихъ рѣчи. Иногда при словахъ Анны Павловны она улыбалась и вдругъ, какъ бы, съ досадой, отворачивалась въ сторону. Когда, случалось, Верюгинъ съ жаромъ начиналъ развивать свою „теорію“, дѣвушка пристально смотрѣла на него изъ-за вѣтвей деревъ, никѣмъ не замѣченная; легкій румянецъ выступалъ на ея блѣдныхъ щекахъ, и она слушала, притаивъ дыханіе...

Нельзя сказать, чтобы Мина Игнатьевна была лѣнива... Апатія одолѣвала ее. Она сама признавалась, что у нея нѣтъ никакого горя, что ее заѣдаетъ скука. И лѣчилась-то она только потому, что ее другіе лѣчили, заставляли лѣчиться По указанію родныхъ, она сначала поѣхала въ Петербургъ, потомъ отправилась за границу. Сама же для себя она не пошевелила бы пальцемъ... Ей скучно было заниматься рукодѣльями, какъ занимались ими другія барышни, ея сверстницы; скучно ей было и безъ дѣла шляться, и жить ей наскучило, все наскучило... Ее ничто не занимало: ничто ее не радовало, не печалило. Вѣчно холодная, вялая, безучастная ко всему—избывала она жизнь, какъ нѣкогда крѣпостные люди избывали свою барщину.

— Странная дѣвушка ваша племянница! сказалъ однажды Аннѣ Павловнѣ Верюгинъ.

— Больная... Да, *впрочемъ*, и прежде она была такая

же нелюдимая, флегма! Не правда-ли: она выглядитъ старушкой? сказала m-me Маркушева.

Но вскорѣ какъ-то послѣ того эта странная дѣвушка сильно поразила Верюгина... Однажды онъ довольно горячо разсуждалъ съ Анной Павловной. Барыня все напирала на то, что она—*не прочь*, что она—*готова*, но народъ теменъ, невѣжественъ, дикъ, что съ нимъ ничего не подѣлаешь и т. п.

— Я живу въ деревнѣ постоянно, насмотрѣлась на мужиковъ, знаю: каковы они... говорила Анна Павловна.—Вы только посмотрите, что у нихъ дѣлается... Пьянство повальное, драки, безобразія... И сколько въ нихъ непониманія самыхъ простыхъ вещей! Сколько въ нихъ жестокости!.. Вѣдь они готовы съѣсть другъ друга...

И такъ далѣе въ томъ же родѣ. А Верюгинъ объяснялъ ей, что грѣхи многихъ вѣковъ поправлять нелегко, что въ одно поколѣніе люди не могутъ совершенно переродиться, что всѣ должны по мѣрѣ силъ и возможности трудиться для общаго блага, что только при такомъ условіи можно добиться лучшаго... Въ тотъ же вечеръ Верюгинъ встрѣтился въ саду одинъ съ m-lle Судславской.

— Какъ мнѣ совѣстно и досадно за тетушку! замѣтила она ему, какъ всегда, вяло, тихо и слегка пожавъ плечами.

Тотъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее, какъ бы ожидая: что будетъ дальше.

— Что вы на меня такъ смотрите! Я говорю серьезно. Она комедію разыгрываетъ...

— Ваша тетушка, кажется, женщина добрая... либералка! отозвался Верюгинъ.

— Либералка! небрежно повторила дѣвушка и направилась къ дому.

Подойдя къ балкону, она вдругъ оборотилась и спросила Верюгина: нѣтъ-ли у него въ городѣ хорошихъ знакомыхъ. Тотъ указалъ ей на одного учителя реальнаго училища и на секретаря земской управы.

— Я могу, значитъ, обратиться къ нимъ, если понадобится? промолвила дѣвушка.

— Да! Они—люди вполнѣ порядочные.

— Хорошо! сказала она, и въ первый разъ крѣпко пожала *руку* Верюгину.

„Что сдѣлалось съ этой молчальницей!“ подумалъ онъ про себя. „Статуя заговорила“... Этотъ случай невольно заставилъ Верюгина обратить вниманіе на отношенія тетки къ племянницѣ. Въ ихъ отношеніяхъ оказалось много страннаго, чего до тѣхъ поръ онъ не замѣчалъ. Тетка какъ будто запискивала въ дѣвушкѣ, даже какъ будто немного побаивалась ея, а та, повидимому, не обращала вниманія на ея усердныя ухаживанья и относилась къ ней вообще холодно, полунасмѣшливо, полупебрежно. За глаза же тетка обыкновенно жалѣла ее, называла „несчастною дѣвушкой“ и не однажды съ Верюгинымъ распространялась по этому поводу.

— Несчастное созданье! говорила она съ легкимъ вздохомъ.—Такой флегмы, кажется, еще свѣтъ не производилъ... Ничто ее не интересуетъ, ничто не волнуетъ. Книги ее не занимаютъ, ни за какое дѣло она не примется... Думала я одно время, что она хоть за филантропію ухватится... И то нѣтъ! Что мнѣ, говоритъ, возиться тутъ! Я, говоритъ, не сенъ-бернардская собака, чтобы спасать кое-кого... Одного, говоритъ, выручу изъ бѣды, а той порой десятокъ сгинетъ... Одна наша знакомая акушерка, такая славная, развитая барыня, уговаривала ее пріютъ для дѣтей устроить. И то опять ей неладно! Что мнѣ, говоритъ, сопливымъ ребятишкамъ носъ-то утирать! Для какихъ подвиговъ, говоритъ, я ихъ выращу, выхолю... Повѣрите-ли, Ѳеофанъ Михайловичъ! Никакъ на нее не угодишь. Все ей скучно, все ей—не то, не такъ, да не стоитъ..

— А не думала она поступать на женскіе курсы? немного погодя, спросилъ Верюгинъ.

— Куда намъ на женскіе курсы! съ усмѣшкой воскликнула Анна Павловна.—Говорю же вамъ, что книжки въ руки не возьметъ. Въ книгахъ, видите, все вздоръ да чушь! Разъ даже до чего договорилась... „Не велика, говоритъ, была-бы печаль, еслибы всѣ ваши книги взять да въ печь!“—„Мина! говорю ей. Да это Богъ знаетъ, что такое ты говоришь! Сжечь плоды вѣковой цивилизаціи“...—„Плоды-то, говоритъ, гнилые, никуда не годятся“...—„Какъ, говорю, никуда не годятся? Да развѣ мало хорошихъ книгъ“... — „Вы, говоритъ, тетя, напрасно ахаете! Хорошихъ книгъ такъ мало, что всѣ онѣ уставились бы на одну полку, могли бы и въ рукописяхъ ходить! А вы, говоритъ, тетя, какъ попугай... что одинъ сказалъ, то

мый. Познакомившись съ нимъ поближе, она однажды, глядя на его длинные сапоги и сѣрую блузу, спросила:

— Ѳеофанъ Михайловичъ! Вы—нигилистъ?

— Что въ имени тебѣ моемъ! съ усмѣшкой продекламировалъ Верюгинъ. — Но почему же вы заключили, что я нигилистъ?

— Догадалась изъ вашихъ словъ!

— Ну, что-жъ! Теперь вы станете меня бояться? Вѣдь я, значитъ, по вашему поджигатель, разбойникъ, воръ, убійца...

— О, нѣтъ! Было бы очень хорошо, еслибы вся молодежь походила на васъ... съ любезною улыбкой возразила Анна Павловна.

Собственно говоря, ей не было никакого дѣла до того, какихъ политическихъ теорій держался молодой человѣкъ. Познакомиться же хотя бѣгло съ его убѣжденіями значило для нея хотя нѣсколько оріентироваться въ той области, которую хотѣла она покорить себѣ... Анна Павловна, какъ женщина неглупая, быстро сообразила, что однимъ грубымъ кокетствомъ, ласками, да любезностями Верюгина не увлечь. Чтобы заинтересовать его, надо непремѣнно выказать сочувствіе къ его „идеямъ“, надо показать себя равной ему, стоящей на одной съ нимъ высотѣ воззрѣній. Но барыня съ сожалѣніемъ видѣла, что юноша ничуть не раздѣляетъ ея любовныхъ стремленій и даже просто не замѣчаетъ ея ухаживаній. Верюгинъ дѣйствительно не догадывался о томъ, что происходило въ сердцѣ отцвѣтшей красавицы... Впрочемъ, m-me Маркушева не унывала и съ каждымъ днемъ дѣлалась все рѣшительнѣе и либеральнѣе въ своихъ сужденіяхъ о „матерьяхъ важныхъ“.

На другой день послѣ странствованія Верюгина въ Марѳинское, поздно вечеромъ, сидя въ своей любимой сиреневой бесѣдкѣ, Анна Павловна опять завела рѣчь про то, на что всего легче и всего охотнѣе отзывался ея собесѣдникъ.

— Вотъ вы говорите, что людей, забывающихъ свои интересы ради общаго блага, мало... Да какъ же быть! разсуждала m-me Маркушева.—Ну, вотъ хоть бы я! На что я гожусь? Ну, что я могу?

— А развѣ ничего не можете? перебилъ ее Верюгинъ.

— Конечно, ничего... возразила барыня —Ни къ чему я

не способна, ни къ чему не приготовлена... Воспитаніе я получила такое же, какое обыкновенно дается нашимъ барышнямъ—воспитаніе самое пустое. Поучили меня, напримѣръ, французскому языку, танцамъ, кое-какимъ рукодѣльямъ—вотъ и все! Ну, на что же серьезное, спрашивается, я гожусь?

— Все это еще не бѣда! промолвилъ онъ.—И вы можете дѣлать дѣло—по силамъ, по возможности... Знаете некрасовскаго дядюшку Власа? Ни иконы написать, ни плана составить, ни кирпича обжечь самъ онъ не могъ, не умѣлъ... Что же онъ дѣлаетъ? „Ходитъ въ зимушку студеную, ходитъ въ лѣтніе жары“ и собираетъ деньги на построенье храма... „И даютъ, даютъ прохожіе...“ А вы—помѣщица! У васъ свои средства есть... Ну и давайте ихъ! Вотъ вамъ одинъ примѣръ... Да затѣмъ есть много и другихъ способовъ...

— Конечно! тотчасъ же согласилась Анна Павловна; я могу такимъ образомъ... Но вѣдь у меня средства не Богъ вѣсть какія...

— Изъ грошей составляются милліоны! замѣтилъ Верюгинъ и, немного помолчавъ, добавилъ:—У васъ, Анна Павловна, по близости школы нѣтъ... Ну, вотъ вамъ и дѣло въ руки! Дайте у себя въ усадьбѣ помѣщеніе для школы, сдѣлайте все школьное обзаведеніе, а я вамъ отрекомендую учителя или учительницу—хорошаго человѣка...

— Что-жъ! Я не прочь, Ѳеофанъ Михайловичъ! отозвалась m-me Маркушева.—Школу можно устроить!.. Отчего-жъ не устроить... Но какъ быть съ помѣщеніемъ? Придется вновь строить флигель—нарочно подъ школу... У меня вѣдь свободныхъ помѣщеній нѣтъ. Сами знаете: домъ у меня маленькій, а, кромѣ него, только одна людская изба... Вотъ и всѣ жилыя строенья! А сторона наша лѣсомъ не богата, постройка будетъ стоить очень дорого, а затѣмъ обзаведенье... Все это, конечно, возможно, только нужно подумать, разсчитать...

— Около Вязовки четыре деревни, даже можно считать пять... Положеніе очень хорошее... говорилъ Верюгинъ.—Если же вамъ тяжело покажется содержать и ремонтировать школу, впослѣдствіи вы можете обратиться къ земству съ просьбой: не приметъ ли оно на себя часть расходовъ. Главное—лишь бы устроить, начать... поддерживать легче!

— Охъ, Ѳеофанъ Михайловичъ! Съ нашимъ земствомъ не

подѣлать ничего путнаго! покачивая головой, возразила Анна Павловна.—Всѣ порядочные люди изъ земства уже да ушли. Осталась же, съ позволенья сказать, такая шваль, торая только транжиритъ земскія денежки, да живетъ сп далами. О серьезномъ дѣлѣ у насъ и заикаться не сто впередъ можно сказать, что ничего не выйдетъ...

— Кто же у васъ сидитъ въ управѣ? спросилъ Ве гинъ.

— Предсѣдателемъ уже шестой годъ—Остаповъ, какой отставной юнкеръ... Нашъ прежній докторъ говорилъ, что „одержимъ горделивымъ умопомѣшательствомъ"... Дуракъ битый, и къ тому же—злой дуракъ! Члены же управы— собственныя креатуры и ходятъ передъ нимъ на заднихъ л кахъ. Одинъ изъ нихъ помѣщикъ—пьяница и буянъ, а д гой—разжирѣвшій мужикъ. А вы знаете, что мужикъ б тый—что̀ чортъ рогатый .. Для предсѣдателя онъ барановъ купаетъ, зато ему земскіе подряды отдаются, а онъ мон ничаетъ на этихъ подрядахъ... Купилъ уже себѣ имѣнье, городѣ домъ выстроилъ. Вся наша городская знать къ н въ гости жалуетъ...

— Сколько я могу видѣть изъ вашего разсказа, заговор Верюгинъ,—ни этотъ воришка, ни баринъ-буянъ не по шаютъ дѣлу, если только за него выскажется вашъ отстав юнкеръ... Значитъ, вамъ нужно приняться за него. А я щина толковая да смышленая можетъ многое сдѣлать того, что̀ для насъ, для мужчинъ, недостижимо... Знаете п ворку, Анна Павловна: куда чортъ самъ не поспѣетъ, т бабу пошлетъ!

Верюгинъ улыбнулся. М-me Маркушева посмотрѣла въ глаза и тоже отвѣтила лукавою улыбкой. Повидим она осталась довольна...

Послѣ того разговоръ о школѣ поднимался не разъ. А Павловна попросила Верюгина начертить планъ будущей зовской школы. Онъ сказалъ, что планъ составить недо только нужно сначала достовѣрно узнать: возможна-ли школа. Насчетъ разрѣшенія—безпокоиться нечего, если А Павловна приметъ на себя всѣ первоначальныя издерж инспекторъ сельскихъ училищъ—человѣкъ знакомый, инт

сующійся болѣе клубомъ, чѣмъ школами, и препятствій съ его стороны ждать нельзя.

— Ужь надо какъ нибудь постараться... придется поэкономить! рѣшила барыня.—Я думаю: домъ построить за воротами, по ту сторону дороги... Знаете: около тѣхъ рябинъ..

— Это все равно! согласился Верюгинъ.

Съ m-me Маркушевой онъ сдѣлался очень дружелюбенъ, не смотря на споры, возникавшіе между ними порою. Споры обыкновенно кончались тѣмъ, что Анна Павловна со вздохомъ повторяла:

— Охъ вы, молодежь, молодежь!..

А Мина Игнатьевна, той порой, попрежнему играла „въ молчанку“ и почасту сидѣла на своемъ висячемъ диванчикѣ между березъ, устремивъ свой усталый, неподвижный взоръ въ зеленую даль. Нерѣдко приходилось ей присутствовать при разговорахъ Верюгина съ теткой... Тогда она внимательно вслушивалась въ ихъ рѣчи. Иногда при словахъ Анны Павловны она улыбалась и вдругъ, какъ бы, съ досадой, отворачивалась въ сторону. Когда, случалось, Верюгинъ съ жаромъ начиналъ развивать свою „теорію“, дѣвушка пристально смотрѣла на него изъ-за вѣтвей деревъ, никѣмъ не замѣченная; легкій румянецъ выступалъ на ея блѣдныхъ щекахъ, и она слушала, притаивъ дыханіе...

Нельзя сказать, чтобы Мина Игнатьевна была лѣнива... Апатія одолѣвала ее. Она сама признавалась, что у нея нѣтъ никакого горя, что ее заѣдаетъ скука. И лѣчилась-то она только потому, что ее другіе лѣчили, заставляли лѣчиться По указанію родныхъ, она сначала поѣхала въ Петербургъ, потомъ отправилась за границу. Сама же для себя она не пошевелила бы пальцемъ... Ей скучно было заниматься рукодѣльями, какъ занимались ими другія барышни, ея сверстницы; скучно ей было и безъ дѣла шляться, и жить ей наскучило, все наскучило... Ее ничто не занимало: ничто ее не радовало, не печалило. Вѣчно холодная, вялая, безучастная ко всему—избывала она жизнь, какъ нѣкогда крѣпостные люди избывали свою барщину.

— Странная дѣвушка ваша племянница! сказалъ однажды Аннѣ Павловнѣ Верюгинъ.

— Больная... Да, *впрочемъ*, и прежде она была такая

же нелюдимая, флегма! Не правда-ли: она выглядитъ старушкой? сказала m-me Маркушева.

Но вскорѣ какъ-то послѣ того эта странная дѣвушка сильно поразила Верюгина... Однажды онъ довольно горячо разсуждалъ съ Анной Павловной. Барыня все напирала на то, что она—*не прочь*, что она—*готова*, но народъ теменъ, невѣжественъ, дикъ, что съ нимъ ничего не подѣлаешь и т. п.

— Я живу въ деревнѣ постоянно, насмотрѣлась на мужиковъ, знаю: каковы они... говорила Анна Павловна.—Вы только посмотрите, что у нихъ дѣлается... Пьянство повальное, драки, безобразія... И сколько въ нихъ непониманія самыхъ простыхъ вещей! Сколько въ нихъ жестокости!.. Вѣдь они готовы съѣсть другъ друга...

И такъ далѣе въ томъ же родѣ. А Верюгинъ объяснялъ ей, что грѣхи многихъ вѣковъ поправлять нелегко, что въ одно поколѣніе люди не могутъ совершенно переродиться, что всѣ должны по мѣрѣ силъ и возможности трудиться для общаго блага, что только при такомъ условіи можно добиться лучшаго... Въ тотъ же вечеръ Верюгинъ встрѣтился въ саду одинъ съ m-lle Судславской.

— Какъ мнѣ совѣстно и досадно за тетушку! замѣтила она ему, какъ всегда, вяло, тихо и слегка пожавъ плечами.

Тотъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее, какъ бы ожидая: что будетъ дальше.

— Что вы на меня такъ смотрите! Я говорю серьезно. Она комедію разыгрываетъ...

— Ваша тетушка, кажется, женщина добрая... либералка! отозвался Верюгинъ.

— Либералка! небрежно повторила дѣвушка и направилась къ дому.

Подойдя къ балкону, она вдругъ оборотилась и спросила Верюгина: нѣтъ-ли у него въ городѣ хорошихъ знакомыхъ. Тотъ указалъ ей на одного учителя реальнаго училища и на секретаря земской управы.

— Я могу, значитъ, обратиться къ нимъ, если понадобится? промолвила дѣвушка.

— Да! Они—люди вполнѣ порядочные.

— Хорошо! сказала она, и въ первый разъ крѣпко пожала *руку Верюгину*.

„Что сдѣлалось съ этой молчальницей!“ подумалъ онъ про себя. „Статуя заговорила“... Этотъ случай невольно заставилъ Верюгина обратить вниманіе на отношенія тетки къ племянницѣ. Въ ихъ отношеніяхъ оказалось много страннаго, чего до тѣхъ поръ онъ не замѣчалъ. Тетка какъ будто запскивала въ дѣвушкѣ, даже какъ будто немного побаивалась ея, а та, повидимому, не обращала вниманія на ея усердныя ухаживанья и относилась къ ней вообще холодно, полунасмѣшливо, полунебрежно. За глаза же тетка обыкновенно жалѣла ее, называла „несчастною дѣвушкой“ и не однажды съ Верюгинымъ распространялась по этому поводу.

— Несчастное созданье! говорила она съ легкимъ вздохомъ.—Такой флегмы, кажется, еще свѣтъ не производилъ... Ничто ее не интересуетъ, ничто не волнуетъ. Книги ее не занимаютъ, ни за какое дѣло она не примется... Думала я одно время, что она хоть за филантропію ухватится... И то нѣтъ! Что мнѣ, говоритъ, возиться тутъ! Я, говоритъ, не сенъ-бернардская собака, чтобы спасать кое-кого... Одного, говоритъ, выручу изъ бѣды, а той порой десятокъ сгинетъ... Одна наша знакомая акушерка, такая славная, развитая барыня, уговаривала ее пріютъ для дѣтей устроить. И то опять ей неладно! Что мнѣ, говоритъ, сопливымъ ребятишкамъ носъ-то утирать! Для какихъ подвиговъ, говоритъ, я ихъ вырощу, выхолю... Повѣрите-ли, Ѳеофанъ Михайловичъ! Никакъ на нее не угодишь. Все ей скучно, все ей—не то, не такъ, да не стоитъ..

— А не думала она поступать на женскіе курсы? немного погодя, спросилъ Верюгинъ.

— Куда намъ на женскіе курсы! съ усмѣшкой воскликнула Анна Павловна.—Говорю же вамъ, что книжки въ руки не возьметъ. Въ книгахъ, видите, все вздоръ да чушь! Разъ даже до чего договорилась... „Не велика, говоритъ, была-бы печаль, еслибы всѣ ваши книги взять да въ печь!“—„Мина! говорю ей. Да это Богъ знаетъ, что такое ты говоришь! Сжечь плоды вѣковой цивилизаціи“...—„Плоды-то, говоритъ, гнилые, никуда не годятся“...—„Какъ, говорю, никуда не годятся? Да развѣ мало хорошихъ книгъ“... — „Вы, говоритъ, тетя, напрасно ахаете! Хорошихъ книгъ такъ мало, что всѣ онѣ уставались бы на одну полку, могли бы и въ рукописяхъ ходить! А вы, говоритъ, тетя, какъ попугай... что одинъ сказалъ, то

и вы затвердили"... Бранится! Просто, ужасная особа! Это даже и не нигилизмъ... это ужь, право, я и не знаю, что̀ такое... Дико до глупости! Станешь иной разъ смѣяться надъ тѣмъ, что она ничего не дѣлаетъ, а только шляется, какъ тѣнь... Смѣется! „Все равно, говоритъ. Человѣчество, право, ничего не выигрываетъ отъ того, что вы, говоритъ, суетесь изъ угла въ уголъ съ утра до ночи, а также, говоритъ, и ничего ровно не проигрываетъ изъ-за того, что я бездѣльничаю"... Ну, вотъ и подите! Толкуйте съ нею...

Послѣ подобной рекомендаціи, Верюгину захотѣлось поближе познакомиться съ этою „сумасбродною" дѣвушкой, ни въ грошъ не ставящей „книги". Но завязать съ нею болѣе короткое знакомство было нелегко, ибо она продолжала по прежнему держаться въ сторонѣ... Разъ за ужиномъ зашла рѣчь о женскихъ медицинскихъ курсахъ. Мина Игнатьевна сидѣла, откинувшись на спинку креселъ и закутавшись въ свой бѣлый кашемировый платокъ.

— Вотъ вы — человѣкъ свободный, обезпеченный... обратился къ ней, между прочимъ, Верюгинъ. — Отчего-бы вамъ не поступить на курсы?

Анна Павловна уже заранѣе съ торжествующимъ видомъ посмотрѣла на племянницу, словно желая сказать той: „какъ-то ты, сударыня, теперь выправишься! Посмотримъ!"

— Зачѣмъ? взглядывая на Верюгина, спросила дѣвушка, не измѣняя позы.—Лѣкаремъ больше, лѣкаремъ меньше... разсчета, мнѣ кажется, не составитъ...

Верюгинъ смолчалъ. По лицу m-me Маркушевой пробѣжала тѣнь недовольства.

— Но все-таки курсами можно пользоваться... замѣтилъ Верюгинъ.

— А развѣ женскую самостоятельность ты ни во что не ставишь! строго перебила Анна Павловна, обращаясь къ племянницѣ.

— Какая тутъ женская самостоятельность! небрежно замѣтила ей та.—Женщина должна сама добиваться самостоятельности, а не смотрѣть изъ рукъ у мужчинъ.. Намъ только крохи бросаютъ...

— Да вѣдь нельзя-же все за разъ! воскликнула m-me Маркушева въ порывѣ либеральнаго негодованія.

— Ну, ужь я тамъ не знаю: льзя это или нельзя... Только, по моему мнѣнію: все или ничего...

— Впрочемъ, должно оговориться, я самъ никакого особаго женскаго вопроса не признаю. Есть только одинъ вопросъ—общій для мужчинъ и женщинъ...

— Я тоже говорю! вполголоса, какъ будто про себя, молвила дѣвушка.

— Ты ужь слишкомъ требовательна, горяча, какъ я погляжу! сердито проговорила Анна Павловна, обращаясь къ племянницѣ.—На такихъ-то горячихъ воду возятъ...

Вышло какъ-то грубо и пошло. Разговоръ на томъ и оборвался, ибо хозяйка съ шумомъ отодвинула свое кресло и очень недовольная встала изъ-за стола. Верюгинъ, какъ ей показалось, переходилъ на сторону m-lle Судславской. Вдовушка съ самаго начала именно и боялась того, чтобы онъ какъ-нибудь, чего добраго, не увлекся этою „блѣдною тѣнью“, какъ называла она про себя Мину Игнатьевну. „Даромъ, что худа, а со своими странностями да причудами, пожалуй, можетъ понравиться“... Она даже стала подозрѣвать Мину Игнатьевну въ желаніи кокетничать на зло ей, m-me Маркушевой. На слѣдующій день она была не въ духѣ и злѣе обыкновеннаго говорила о племянницѣ. Для ея характеристики она брала именно такія черты, которыя, по ея мнѣнію, должны были оттолкнуть его или, по крайней мѣрѣ, должны были не понравиться „развитому, передовому человѣку и едва-ли не нигилисту“.

По нѣсколькимъ рѣзкимъ словамъ, вырвавшимся у Мины Игнатьевны, по ея горящимъ глазамъ—Верюгинъ догадался, что въ этой хрупкой плоти живетъ духъ мощный и бодрый. Онъ такъ объяснялъ себѣ эту дѣвушку: во-первыхъ, она больна, слаба физически; во-вторыхъ, она не видитъ цѣли своего существованія, находя вокругъ себя на каждомъ шагу пошлость и глупость во всевозможныхъ видахъ... Вотъ откуда ея тоска или, вѣрнѣе сказать, ея скука, вѣчное недовольство всѣмъ, собой и другими, и безконечная апатія. «Бѣда та, что очень хила, слаба! Человѣкъ больной, прозябающій изо дня въ день, конечно, въ работники не годится, *но*»... Первый оживленный разговоръ завязался у нихъ на вѣчно старую—вѣчно новую тему.

— Стóитъ-ли жить? Стóитъ-ли волноваться? говорила дѣвушка, сидя на своемъ висячемъ воздушномъ диванчикѣ и смотря вверхъ на бѣлыя, легкія облака, тихо проплывавшія по ясному небу надъ ея головою.—Вотъ я теперь смотрю на эти облака, и знаете-ли: о чемъ думаю?

Мина Игнатьевна вяло и какъ-то разсѣянно усмѣхнулась.

— Я думаю, лѣниво продолжала она:—вотъ ужò, когда отъ меня и костей не останется, такія же точно облака и также точно пойдутъ по небу... Вонъ рябины! Посмотрите, какъ красиво рисуются на голубомъ фонѣ ихъ узорчатыя листья... Когда меня уже не будетъ и въ поминѣ на бѣломъ свѣтѣ, эта самая глупая, безчувственная рябина станетъ жить по прежнему... Смѣшно и жалко! Жить для того, чтобы накормить собою червей... Конечно, бывали такіе люди — геніальные, ученые, поэты, изобрѣтатели, государственные мужи... Ихъ помнятъ и теперь... Они, быть можетъ, и знали, для чего жили! А мы, большинство смертныхъ, право, не знаемъ: для чего живемъ, также вотъ, какъ эта рябина, только съ тою разницей, что она переживетъ и насъ, и нашихъ внучатъ... Право, хоть бы сдѣлать что нибудь такое, ради чего стоило бы жить!..

— Отъ насъ самихъ зависитъ сдѣлать это... замѣтилъ ей Верюгинъ, бодро и весело смотря на пылавшій западъ и на зеленыя рябиновыя вѣтви, рѣзко обрисовывавшіяся на багровомъ небѣ. — Не нужно быть геніальнымъ человѣкомъ для того, чтобы прожить жизнь недаромъ... Отъ насъ зависитъ, Мина Игнатьевна, прожить съ пользой и умереть со смысломъ. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ мы свободны... Особенно свободны мы въ выборѣ смерти.

Верюгинъ долгимъ, пытливымъ взглядомъ посмотрѣлъ на дѣвушку, вдругъ получившую въ его глазахъ большую цѣну. А она сидѣла, поникнувъ головой, въ своей обычной мечтательной позѣ. Только было замѣтно, какъ будто легкій румянецъ выступилъ у нея на щекахъ. Или, можетъ статься, то былъ отсвѣтъ румянаго заката... Она еще ниже понурилась, и пряди волосъ низко свѣсились на это загадочное лицо...

Когда у Верюгина съ „блѣдною тѣнью“ стали заходить разговоры, когда Верюгинъ началъ нерѣдко подолгу засижи-

ваться съ дѣвушкой, Анна Павловна вышла изъ себя и обозлилась не на шутку. „Тихоня-то наша... туда-же! любезничать лѣзетъ съ молодыми людьми“... бранилась про себя m-me Маркушева. „Вотъ ужь, подлинно, какъ говорится, не изъ тучи громъ“...

— А вы, кажется, Ѳеофанъ Михайловичъ, интересуетесь нашею больной? спросила она однажды Верюгина, и блѣдная, легкая улыбочка обрисовалась на ея губахъ.—Не правда-ли, очень странная особа?..

— Да... Но я странности люблю! шутливо отвѣтилъ ей тотъ.—Ежели бы не было странностей, то жизнь, пожалуй, вышла бы очень однообразна, слишкомъ прѣсна...

— О вкусахъ не спорятъ! съ кривой усмѣшкой промолвила Анна Павловна и, довольно сухо взглянувъ на Верюгина, отправилась по хозяйству.

Дѣло дошло до того, что тетка уже въ глаза стала подтрунивать надъ Миной Игнатьевной, чего прежде никогда не позволяла себѣ. Въ своихъ нападкахъ она особенно напирала на ея „лѣнь“, на „отсталость“, на „дикіе взгляды“, и старалась всячески поднять дѣвушку на смѣхъ. Мина Игнатьевна оставалась невозмутима и лишь, небрежно глядя на тетку, позѣвывала и повторяла:

— Охъ, какъ вы наскучили мнѣ... Тоска съ вами!..

— Тебѣ, кажется, все наскучило? рѣзко замѣтила Анна Павловна, выведенная изъ терпѣнія флегматичностью своей мнимой соперницы.

— Все! коротко отозвалась та.

— Ты и сама себѣ наскучила!

— Наскучила! какъ эхо, отвѣтила дѣвушка.

— Ты ни въ чемъ хорошаго не находишь!

— Не нахожу!..

Тутъ тетка со злости расхохоталась и почти со слезами на глазахъ заговорила съ Верюгинымъ чуть-ли не о геологическихъ переворотахъ. А дѣвушка все сидѣла, не шелохнувшись, и задумчиво, спокойно смотрѣла на тетку. Вотъ это-то спокойствіе и незлобіе особенно и бѣсили Анну Павловну... „Не могу я видѣть ея кислую физіономію! Хоть-бы ѣхала она скорѣе къ своей Женни!“ не разъ говорила она себѣ послѣ стычекъ съ племянницей. (Женни была знакомая Мины

Игнатьевны, недавно вышедшая замужъ за помѣщика сосѣдняго уѣзда).

Здѣсь должно замѣтить, что ни друзей, ни даже коротких пріятельницъ никогда не было у m-lle Судславской. Матери она не помнила, и на всемъ бѣломъ свѣтѣ любила во всю жизнь свою только—отца...

Вологдинъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Пѣснь грядущаго.

Льется и рокочетъ звонко пѣснь поэта...
Маршъ-ли это брачный, панихида-ль это?
Тутъ и плачъ рыданья, стонъ могильной пѣсни,
И глаголъ отрадный: встань, живи, воскресни!
Тутъ и жгучей мести слышатся проклятья,
И любви воззванье: пріидите, братья!
Шопотъ и молитва слышны здѣсь порою,
Шопотъ и молитва съ огневой слезою
Матери безсонной, что̀ возводитъ очи
Надъ сыновней люлькой къ небесамъ полночи...
Но лишь мигъ—и пѣсня, что̀ звучала свято,
Загудитъ ударомъ грознаго набата,
Загремитъ воинской страшною трубою,
Разнесется эхомъ, призывая къ бою...
То, мгновенно стихнувъ, лепестками лилій,
Словно дуновенье ангельскихъ воскрылій,
Сладко заиграетъ, будто въ блескѣ мая,
Межъ цвѣтовъ младенцу благовѣстьемъ рая,
Но—одно мгновенье,—и раскатъ громовый
Въ пѣснѣ зарокочетъ, словно надъ дубровой
Ураганъ ужасный зашумитъ, и, вторя,
Вспѣнятся, застонутъ грозно волны моря...
Чу, звучитъ изъ пѣсни струйкой серебристой
Свѣтлый смѣхъ младенца, радостный и чистый,
Что̀ безпечно вторитъ надъ зеленой сѣнью
Въ золотистомъ блескѣ сладостному пѣнью
Звонкой вешней пташки, прыгающей съ вѣтки.
Чу, другіе звуки, злобны, страшны, ѣдки...
Демонскій-ли хохотъ, или адскій скрежетъ?
Сердце ядовитой онъ насмѣшкой рѣжетъ...
Полонъ этотъ хохотъ дикаго страданья...
Передъ нимъ тускнѣетъ *прелесть мірозданья*,
Вянетъ чистый ландышъ и ручей хрустальный
Не журчитъ и молкнетъ въ тишинѣ печальной.
Замерла молитва, тихнутъ птичьи трели,
И больной младенецъ стонетъ въ колыбели,
Идолъ, содрогаясь, въ капищѣ трепещетъ,
И, кощя, свѣтильникъ передъ нимъ чуть блещетъ...
Солнце угасаетъ подо мглой кровавой,
Даже херувимы, предъ Господней славой,
Тамъ далеко въ небѣ молкнутъ, поникая...
Даже дверь святая блещущаго рая
Дрогнетъ и трепещетъ передъ звукомъ эха

Хохота земнаго, демонскаго смѣха...
Вслѣдъ за этимъ смѣхомъ, злобнымъ безъ пощады,
Изъ земныхъ разщелинъ выползаютъ гады,
Выползаютъ змѣи, и изъ нѣдръ могилы
Желтые скелеты, полны чудной силы,
Трепеща и корчась отъ могильной муки,
Къ небу простираютъ высохшія руки,
И въ нѣмой насмѣшкѣ грознаго упрека
Черной тьмой зіяютъ впадины ихъ ока...
Звѣзды, осыпаясь, падаютъ съ лазури..
Этотъ смѣхъ ужасный—то предвѣстникъ бури...
Грозно тишь объемлетъ горы, долы, воды...
Но... уже проснулись спящіе народы
Отъ дремоты въ рабствѣ гнусномъ и нелѣпомъ,
Словно отъ кошмара подъ могильнымъ склепомъ...
Чу, зарокотали, какъ морскія волны,
Сонмища народовъ, чѣмъ-то грознымъ полны...
Страшный громъ раздался гдѣ-то изъ-за дали...
Въ строѣ міросданья лопнула струна-ли...
Сводъ небесъ-ли треснулъ? Нѣтъ! Порвались это
Узы исполина, что, лишенный свѣта,
Мучился столѣтья въ прахѣ гнили тлѣнной...
То Самсонъ библейскій... Весь чертогъ вселенной
Грозно онъ колеблетъ мощною рукою,
Весь чертогъ вселенной, полный суетою,
Гдѣ, на клеѣ крови, трудоваго пота,
Держится по сводамъ блескъ и позолота,
Гдѣ жрецы кумира, слитаго изъ злата,
Въ оргіи безумной дикаго разврата,
Все святое топчутъ, полные глумленья,
И кичатся гордо... Чу, изъ отдаленья
Радостные клики слышны по вселенной:
Всѣ народы слились въ гимнъ одинъ священный...
Голосовъ мильоны грянули нежданно,
Смѣло торжествуя, кромкій кликъ: Осанна!
Кликъ: Осанна въ вышнихъ! вторитъ сводъ небесный.
Солнце, звѣзды, мѣсяцъ съ пѣснію воскресной
Стройнымъ хоромъ блещутъ надъ ожившимъ міромъ,
Свѣтятъ надъ разбитымъ въ дребезги кумиромъ...
Небу громко вторитъ лоно міровое.
Что это за звуки? Боже! что такое?
То Мессіи голосъ .. Голосъ мысли это...
Будущая пѣсня вѣщаго поэта...

Л. Пальминъ.

ЖЕРМИНАЛЬ.

Романъ **Эмиля Золя.**

Часть первая.

I.

Беззвѣздной темной ночью одинокій путникъ шелъ по большой дорогѣ изъ Маршьена въ Монсу. Эти два города отстоятъ не болѣе какъ на десять километровъ другъ отъ друга, если идти прямо черезъ свекловичныя поля. Темнота была такъ велика, что путешественникъ не могъ даже различать почву подъ своими ногами, и только по свободно разгуливающему ледяному мартовскому вѣтру можно было догадываться, что дорога идетъ по гладкой, совершенно открытой мѣстности. Ни одного дерева не вырисовывалось по сторонамъ этой дороги, и она, прямая и правильная, казалась какой-то безконечной плотиной среди окружавшаго ее мрака.

Путешественникъ вышелъ изъ Маршьена около двухъ часовъ утра. Плохо защищенный отъ холода своей изношенной курткой изъ бумажной матеріи и плисовыми панталонами, онъ шелъ быстрыми шагами. Небольшой узелокъ, обернутый сверху клѣтчатымъ платкомъ, очень стѣснялъ его, и онъ безпрестанно перекладывалъ его съ одной стороны на другую, чтобы можно было поглубже засунуть въ карманы панталонъ руки, окоченѣвшія отъ вѣтра. Единственная мысль гнѣздилась въ головѣ этого безпріютнаго и натерпѣвшагося человѣка, мысль, что, можетъ быть, къ утру сдѣлается теплѣе. Вздрагивая отъ холода, онъ шелъ по этой дорогѣ уже около часу, какъ вдругъ налѣво, километрахъ въ двухъ отъ Монсу, по-

казался красноватый огонь. Какъ будто бы три жаровни съ раскаленными углями висѣли въ воздухѣ. Сначала путникъ пріостановился, объятый страхомъ, но затѣмъ не могъ устоять противъ болѣзненнаго желанія отогрѣть хоть на минуту замерзающія руки.

Дорога спустилась въ ложбину, и видѣніе исчезло. Направо отъ путника тянулся досчатый заборъ, за которымъ шло полотно желѣзной дороги; влѣво разстилалась нѣсколько покатая мѣстность, поросшая травой, и виднѣлись неясныя очертанія какихъ-то стѣнъ, точно будто тамъ была цѣлая деревня съ правильно расположенными низенькими домиками. Путникъ прошелъ еще шаговъ двѣсти. Вдругъ, на поворотѣ дороги, онъ снова увидѣлъ огни, уже совсѣмъ передъ собою, и все таки не могъ понять, какъ это они горятъ такъ высоко въ небѣ, точно три дымящіяся луны. Вскорѣ другая картина отвлекла его вниманіе отъ неба и заставила обратиться къ землѣ. Онъ увидѣлъ темную, громадную массу всевозможныхъ построекъ, надъ которыми возвышался силуэтъ заводской трубы. Кое-гдѣ въ закопченныхъ окнахъ виднѣлся свѣтъ; пять-шесть фонарей, висѣвшихъ снаружи, слабо освѣщали ряды почернѣвшихъ бревенъ, казавшихся какими-то гигантскими подмостками. Эта фантастическая картина была окутана дымомъ, и среди ночной тишины слышалось только могучее дыханіе невидимаго паровика.

Путникъ понялъ, что передъ нимъ находятся копи, и устыдился своего недавняго страха. Что пользы идти туда? Навѣрное, тамъ не найдется для него работы. Вмѣсто того, чтобы направиться къ видѣвшимся зданіямъ, онъ рѣшился наконецъ взобраться на насыпь, на которой горѣлъ въ трехъ чугунныхъ жаровняхъ каменный уголь, освѣщая и въ то же время согрѣвая работавшихъ тамъ людей. Этимъ рабочимъ, вывозившимъ ненужную землю, приходилось работать поздно. Путникъ слышалъ теперь шумъ телѣжекъ, двигавшихся по рельсамъ, и могъ различить около огней силуэты рабочихъ, сваливавшихъ землю.

— Здравствуйте! сказалъ онъ, подходя къ человѣку, стоявшему у одной изъ жаровень.

Это былъ старикъ возчикъ. Онъ стоялъ, повернувшись спи-

ной къ огню. На немъ была надѣта вязаная, фіолетоваго цвѣта, фуфайка, а голову прикрывала шапка изъ шкурки кролика. Большая, желтоватой масти лошадь, не шевелясь, точно каменная, терпѣливо ожидала, пока опорожнятъ всѣ шесть телѣжекъ, привезенныхъ ею. Рыжеватый, сухопарый рабочій, занимавшійся разгрузкой ихъ, неторопливо и сонно дѣлалъ свое дѣло, налегая рукою на рычагъ. Вѣтеръ еще болѣе усилился и, словно косою, рѣзалъ своимъ ледянымъ и правильнымъ дыханіемъ.

— Здравствуйте, отвѣчалъ старикъ.

Наступило молчаніе. Путникъ чувствовалъ, что на него смотрятъ подозрительно, и поспѣшилъ объяснить, кто онъ такой.

— Меня зовутъ Этьенъ Лантье; я—по машинной части, сказалъ онъ.—Нѣтъ-ли у васъ работы?

Огонь ярко освѣщалъ его. Это былъ красивый, темноволосый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати или двадцати одного года, крѣпкій на видъ, не смотря на то, что не отличался массивностью сложенія, а скорѣе былъ тонокъ и худощавъ.

Возчикъ видимо успокоился и отвѣчалъ, покачавъ головой:

— Работы по машинной части?.. Нѣтъ, нѣтъ! Вчера еще приходили двое. Ничего нѣтъ.

Налетѣвшій порывъ вѣтра прервалъ разговоръ. Затѣмъ, Этьенъ спросилъ, указывая на темную массу строеній:

— Это—копи? Да?

Старикъ не могъ тотчасъ же отвѣчать на вопросъ: его задушилъ страшный приступъ кашля. Наконецъ, онъ откашлялся и плюнулъ на красноватую отъ пламени землю, на которой немедленно образовалось черное пятно.

— Да; конь Ворё... Вотъ тутъ близко жилье...

Онъ протянулъ руку по направленію къ селенію. Тамъ виднѣлись тѣ самые низенькіе домики, которые неясно выступали изъ темноты, когда Этьенъ подходилъ къ копямъ. Телѣжки были опорожнены и старикъ двинулся впередъ, медленно ступая своими сведенными ревматизмомъ ногами; лошадь тоже тронулась, съ напряженіемъ идя между рельсами; налетѣвшій порывъ вѣтра взъерошилъ ея шерсть.

Теперь въ Ворё уже не было ничего фантастическаго. Этьенъ, позабывши отогрѣть около огня свои окоченѣвшія руки, смотрѣлъ вокругъ себя и мало по малу различалъ отдѣльныя части копей: пропитанный смолою сарай, въ которомъ производилась сортировка угля сквозь рѣшето, высокую постройку надъ шахтой; обширное помѣщеніе, занятое подъемною машиною; четыреугольную башенку, гдѣ помѣщалась помпа, выкачивающая воду изъ шахты. Эти копи, съ ихъ кирпичными строеніями, сбившимися въ кучу на днѣ глубокой ложбины, и съ высокой трубой, возвышавшейся, какъ грозный рогъ, представлялись Этьену жаднымъ чудовищемъ, притаившимся тутъ, чтобы броситься на міръ и пожрать его. Не сводя глазъ съ копей, онъ въ то же время размышлялъ о своемъ собственномъ положеніи безпріютнаго бродяги, напрасно отыскивающаго, вотъ уже въ теченіе восьми дней, хоть какой нибудь работы. Онъ вспомнилъ о своей жизни въ мастерской желѣзной дороги, вспомнилъ о пощечинѣ, данной имъ начальнику, о томъ, какъ его прогнали изъ Лилля, какъ гнали отовсюду. Въ субботу, онъ былъ въ Маршьенѣ, гдѣ, говорили, есть работа,—ходилъ на механическіе заводы; и нигдѣ, ничего: ни на заводахъ, ни въ Сонневиллѣ. Онъ провелъ воскресенье на лѣсномъ дворѣ, спрятавшись между бревнами, но сторожъ выгналъ его оттуда въ два часа ночи. Нѣтъ болѣе ни гроша, нѣтъ даже крошки хлѣба... Онъ бродитъ теперь наугадъ по дорогамъ, не зная даже, куда укрыться отъ пронизывающаго насквозь вѣтра, и не можетъ себѣ представить, что съ нимъ будетъ дальше... Да, это дѣйствительно были каменноугольныя копи. Кое-гдѣ мерцавшіе фонари освѣщали плиты угля; черезъ дверь, распахнувшуюся съ шумомъ, онъ увидѣлъ пышущія пламенемъ печи. До него доносилось пыхтѣнье работающей помпы, медленное и могучее, точно дыханіе задыхающагося чудовища.

Рабочій, разгружавшій передъ тѣмъ телѣжки, сидѣлъ теперь, согнувшись, и даже ни разу не взглянулъ на Этьена. Молодой человѣкъ поднялъ свой узелокъ, упавшій на землю, и собирался уже снова тронуться въ путь, какъ вдругъ вблизи его раздался кашель возчика. Старикъ медленно выходилъ изъ темноты, а за нимъ слѣдовала лошадь, опять тащившая шесть телѣжекъ, снова нагруженныхъ.

— Въ Монсу есть фабрики? спросилъ молодой человѣкъ.

Старикъ сплюнулъ чѣмъ-то чернымъ на землю и отвѣчалъ среди завыванія вѣтра:

— О, въ фабрикахъ тамъ нѣтъ недостатка! Надо было это видѣть года три-четыре тому назадъ! Все кругомъ пыхтѣло; не доставало рабочихъ рукъ, и никогда столько не зарабатывали, какъ въ то время... И вотъ, понемногу, начали подтягивать брюхо. Жалость смотрѣть, что творится во всей странѣ: рабочихъ распускаютъ, мастерскія закрываются одна за другой... Можетъ быть, императоръ въ этомъ и невиноватъ, но зачѣмъ онъ воюетъ въ Америкѣ? Я не говорю уже о томъ, что скотъ мретъ отъ холеры, какъ и народъ.

Разговаривающіе перебрасывались между собой короткими отрывочными жалобами. Этьенъ разсказывалъ о своихъ безполезныхъ поискахъ въ теченіе цѣлой недѣли. Стало быть, надо умирать съ голода?.. Скоро всѣ дороги запрудятся нищими.

— Да, говорилъ старикъ,—это нехорошо кончится; Богъ не допуститъ, чтобы столько христіанъ было выброшено на улицу.

— Мяса не каждый день и понюхаешь.

— Хоть бы хлѣба-то хватало.

— Правда. Хоть-бы только хлѣба хватало.

Ихъ голоса терялись въ меланхолическомъ завываніи вѣтра.

— Вотъ, Монсу — тамъ, громко заговорилъ старикъ, поворачиваясь на югъ.

Онъ протянулъ руку и указывалъ пальцемъ на невидимые заводы и фабрики, по мѣрѣ того, какъ называлъ ихъ. Тамъ, въ Монсу, сахарный заводъ Фовеля еще въ ходу, но заводъ Готона уже сократилъ свои работы. Трезвонятъ какъ слѣдуетъ только канатная фабрика Блёза, работающая канаты для копей, да Дютильёль съ своей хлѣбной вывозной торговлей. Затѣмъ онъ размахнулъ рукой по сѣверу, обнимая жестомъ добрую половину горизонта: мастерскія Сонневилля не получили и двухъ третей своихъ обычныхъ заказовъ; изъ трехъ доменныхъ печей на желѣзныхъ заводахъ въ Маршьенѣ работаютъ только двѣ; наконецъ, стекляному заводу Гажбуа грозитъ забастовка рабочихъ, такъ какъ поговариваютъ объ уменьшеніи заработной платы.

— Я знаю, знаю, повторялъ молодой человѣкъ.—Я н
побывалъ.

— Мы еще кое-какъ тянемся, прибавилъ старикъ,—
угля стало добываться меньше. Посмотрите прямо передъ
на Викторію: тамъ горятъ только двѣ батареи коксо
печей.

Онъ харкнулъ, перепрягъ въ пустыя телѣжки свою д
лющую лошадь и пошелъ вслѣдъ за нею.

Теперь Этьенъ могъ созерцать цѣлую область. Ночь
яла все такая же темная, но рука старика какъ будто бы
полнила окрестность страшными картинами людскаго
которыя молодой человѣкъ чувствовалъ въ эту минуту н
кругъ себя, и повсюду въ безпредѣльномъ пространствѣ.
стоны-ли голодныхъ разносилъ по пустыннымъ полямъ
мартовскій вѣтеръ? Онъ дулъ съ бѣшенствомъ, точно б
суля смерть всякому труду, предсказывая страшную нищ
которая унесетъ со свѣта много, много людей. Съ блуж
щими глазами, Этьенъ старался проникнуть въ ночной мр
сгорая желаніемъ и въ то же время страшась увидѣть то
могло представиться его взорамъ. Но все сливалось и то
въ темнотѣ ночи, и видно было вдалекѣ только пламя до
ныхъ и коксовыхъ печей. Тамъ батареи цѣлой сотни тр
неправильно разбросанныхъ, представляли линію крас
огней, а нѣсколько лѣвѣе поднимались къ небу, точно ги
скіе факелы, двѣ башни, увѣнчанныя голубоватымъ пл
немъ. Это зрѣлище производило грустное впечатлѣніе пол
На грозномъ небѣ не сіяло иныхъ звѣздъ, кромѣ ночн
огней этой страны угля и желѣза.

— Вы не изъ Бельгіи-ли? раздался позади Этьена го
возчика, возвратившагося съ новой кладью.

На этотъ разъ онъ привезъ только три телѣжки: въ п
емномъ ящикѣ сломалась гайка и остановила всю работ
добрую четверть часа. Внизу водворилось глубокое молч
не слышно стало глухаго грохота телѣжекъ. До слуха д
тали только отдаленные удары молота по листу желѣза.

— Нѣтъ, я съ юга, отвѣчалъ молодой человѣкъ.
Рабочій, опорожнявшій телѣжки, выгрузилъ ихъ и при

на землю, очень довольный случившейся поломкой. Этьенъ все также угрюмо молчалъ и только глядѣлъ своими большими потухшими глазами на возчика, какъ будто утомленный его болтовней. Въ самомъ дѣлѣ, старикъ никогда не проявлялъ такой болтливости. Можно было предположить, что или незнакомый молодой человѣкъ очень понравился ему, или имъ просто овладѣло то страстное желаніе поболтать, которое иногда заставляетъ стараго человѣка разсуждать вслухъ съ самимъ собой.

— А я изъ Монсу и зовутъ меня Боньморъ, сказалъ онъ.

— Это прозвище? спросилъ удивленный Этьенъ.

Старикъ самодовольно усмѣхнулся и, указывая на Ворё, проговорилъ:

— Да, да... Меня три раза вытаскивали оттуда чуть не по кусочкамъ: въ первый разъ вытащили съ обгорѣлой шкурой, во второй—набитымъ землей по самую глотку, а въ третій—наглотавшимся столько воды, что брюхо у меня раздулось, какъ у лягушки... Когда товарищи увидѣли, что я вовсе не хочу умирать, тогда они, для смѣху, и прозвали меня „Боньморъ".

Его хорошее настроеніе духа удвоилось, и онъ даже засмѣялся. Смѣхъ этотъ походилъ на скрипъ плохо смазаннаго блока и перешелъ въ страшный приступъ кашля. Свѣтъ отъ жаровни падалъ теперь прямо на него и освѣщалъ его большую голову, покрытую совсѣмъ бѣлыми, рѣдкими волосами, и плоское, мертвенно-блѣдное лицо, испещренное синеватыми пятнами. Онъ былъ маленькаго роста, съ огромной шеей, вывороченными наружу икрами и пятками, длинными руками, квадратныя кисти которыхъ доставали до его колѣнъ. Какъ его неподвижно стоявшая лошадь, повидимому, вовсе не ощущала холода и казалась каменной, такъ и онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на ледяной вѣтеръ, свиставшій ему въ уши. Откашлявшись, онъ плюнулъ, и на землѣ опять осталось черное пятно.

Этьенъ смотрѣлъ то на старика, то на черное пятно на землѣ.

— Вы давно работаете въ копяхъ? спросилъ онъ.

Боньморъ широко развелъ руками.

— Давно-ли? О, да! воскликнулъ онъ.—Мнѣ еще не было восьми лѣтъ, когда я въ первый разъ спустился подъ землю,

именно здѣсь, въ Ворё; а теперь мнѣ пятьдесятъ восемь. Посчитайте-ка, сколько выходитъ? Я исполнялъ тамъ всевозможныя работы. Покуда былъ малъ, я находился при снарядѣ, который передвигаетъ тамъ, подъ землей, нагруженныя телѣжки въ одну сторону, а пустыя—въ другую. Потомъ, когда сталъ въ силахъ таскать телѣжку, я сдѣлался откатчикомъ. А затѣмъ, цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ, былъ забойщикомъ. Послѣ того, по милости моихъ проклятыхъ ногъ, меня поставили на земляныя работы, и я засыпалъ и чинилъ подземныя галлереи до тѣхъ поръ, пока докторъ не велѣлъ совсѣмъ вывести меня изъ подъ земли. Онъ сказалъ, что иначе я останусь тамъ навсегда. Вотъ уже пять лѣтъ, какъ я справляю должность возчика... Гм... Недурно: проработать на копяхъ пятьдесятъ лѣтъ и изъ этихъ пятидесяти, — сорокъ пять пробыть подъ землей!

Куски раскаленнаго угля, выпадавшіе по временамъ изъ жаровни на землю, набрасывали на блѣдное лицо старика кровавую тѣнь.

— Они совѣтуютъ мнѣ отдохнуть, продолжалъ онъ,—а я не хочу; я не такой дуракъ, какимъ они меня считаютъ... Я еще отлично проработаю два года, то есть до шестидесяти лѣтъ, и тогда мнѣ дадутъ пенсію въ сто восемьдесятъ франковъ. Если-же я распрощаюсь съ ними сегодня, то они мнѣ назначатъ только сто пятьдесятъ. Вѣдь они хитрые, черти! Къ тому-же, я еще здоровъ и крѣпокъ... Вотъ только мои ноги... Это, видите-ли, вода забралась подъ кожу; она частенько поливала меня, когда я былъ забойщикомъ. Бываютъ дни, когда я безъ крику не могу пошевелить лапой.

Онъ снова раскашлялся.

— Съ тѣхъ поръ вы и кашляете? спросилъ Этьенъ.

Старикъ отрицательно помоталъ головой, затѣмъ, откашлявшись, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ; это я простудился въ прошломъ мѣсяцѣ. Прежде я никогда не зналъ кашля, а теперь никакъ не могу отвязаться отъ него. И что всего забавнѣе, я харкаю, харкаю...

Ему опять понадобилось прочистить горло, и онъ выплюнулъ что-то черное.

— Это кровь? рѣшился, наконецъ, спросить Этьенъ.

Боньморъ медленно обтеръ ротъ рукою.

— Это уголь... Во мнѣ его столько, что хватитъ на топливо до конца моихъ дней, а между тѣмъ, вѣдь уже пять лѣтъ, какъ нога моя не была тамъ, подъ землей. Нужно думать, что онъ лежалъ внутри меня въ магазинѣ, а я объ этомъ и не догадался. Какъ видно, онъ долго сохраняется!

Наступило молчаніе. Правильные удары молота раздавались вдалекѣ; вѣтеръ жалобно свистѣлъ, точно будто стоны голодныхъ и измученныхъ людей неслись изъ ночной темноты. Стоя передъ колеблющимся пламенемъ жаровни, старикъ весь предался воспоминаніямъ прошлаго и продолжалъ говорить, слегка понизивъ голосъ. Да, это вѣрно, что онъ и его семья работаютъ на копяхъ не со вчерашняго дня! Ихъ родъ служитъ компаніи копей въ Монсу съ самаго ихъ основанія, а это было очень давно: сто шесть лѣтъ тому назадъ. Его прадѣдъ, Гильомъ Магё, пятнадцатилѣтнимъ мальчишкой, открылъ богатыя залежи каменнаго угля въ Рекильярѣ. Это были первыя копи компаніи, теперь уже заброшенныя, и находились около сахарнаго завода Фовеля. Вся страна знала, что честь открытія принадлежала дѣду, и даже копи назывались его именемъ. Боньморъ не зналъ его и только слышалъ по разсказамъ, что это былъ человѣкъ крупнаго тѣлосложенія, очень, очень сильный, и умеръ въ старости, шестидесяти лѣтъ. Затѣмъ слѣдовалъ отецъ Боньмора, Николай Магё, прозванный „краснымъ“. На сороковомъ году онъ погибъ здѣсь, въ Ворё, на этихъ самыхъ копяхъ, которыя тогда только что начинали разработывать. Случился страшный обвалъ, и Николай Магё такъ и оставилъ подъ землей и свои кости, и свое мясо. Двое дядей старика и три брата погибли здѣсь-же, только уже позднѣе. Онъ самъ, Винцентъ Магё вышелъ изъ подъ земли почти цѣлымъ,—если только не считать ноги, которыя плохо служатъ,—и слыветъ, поэтому, большимъ хитрецомъ. Что же дѣлать, въ концѣ концовъ? Нужно работать. Это занятіе переходитъ отъ отца къ сыну, точно также, какъ переходило-бы какое нибудь другое ремесло. Его сынъ, Туссэнъ Магё, его внукъ и, наконецъ, вся его семья, которая живетъ тамъ, напротивъ,—всѣ работаютъ въ копяхъ. Сто шесть лѣтъ возиться около каменнаго угля, подростки послѣ стари-

ковъ,—и все у одного хозяина! Гм!.. Немногіе буржуа могутъ такъ подробно разсказать свою родословную!

— Хорошо, еслибы было всегда что ѣсть! снова пробормоталъ Этьенъ.

— Я тоже говорю: жить можно, пока есть хлѣбъ.

Боньморъ замолчалъ и смотрѣлъ на виднѣвшіеся вдали домики, въ которыхъ начали мелькать, одинъ за другимъ, огоньки. На колокольнѣ Монсу пробило четыре часа; холодъ становился ощутительнѣе.

— А она богата, ваша компанія? спросилъ Этьенъ.

Старикъ приподнялъ плечи и затѣмъ опустилъ ихъ съ такимъ жестомъ, какъ будто они подломились подъ тяжестью экю.

— О, да, о, да!... Можетъ быть, не такъ богата, какъ ея сосѣдка, компанія въ Анзенѣ, но все таки милліоны и милліоны... даже и не сосчитаешь... Девятнадцать копей, изъ которыхъ тринадцать разработываются: Ворё, Викторія, Кручина, Сенъ-Тома́, Магдалина, Фетри-Кантель и еще другія. Шесть разработаны или провѣтриваются, какъ Рекильярскія... Десять тысячъ рабочихъ; участки въ шестидесяти семи общинахъ; пять тысячъ тоннъ каждодневной добычи угля; желѣзная дорога, соединяющая всѣ копи... А сколько мастерскихъ, фабрикъ!... О, да, да, есть таки, есть деньжонки!

Раздался грохотъ телѣжекъ по подмосткамъ, и лошадь возчика тотчасъ зашевелила ушами. Подъемный ящикъ починили; рабочіе снова принялись за свою прерванную работу. Перепрягая лошадь, чтобы спустить съ насыпи пустыя телѣжки, старикъ ласково разговаривалъ съ животнымъ:

— Не надо привыкать къ болтовнѣ, дрянная лѣнтяйка! говорилъ онъ.—Что, еслибы господинъ Геннебо зналъ, чѣмъ ты занимаешься, вмѣсто того чтобы работать!...

Этьенъ задумчиво смотрѣлъ въ окутанное мракомъ пространство.

— Стало-быть, эти копи принадлежатъ господину Геннебо? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ;—господинъ Геннебо только главный директоръ и точно также получаетъ плату, какъ и мы.

— Кому же, наконецъ, все это принадлежитъ? снова спросилъ Этьенъ, проводя рукою по воздуху.

Бонъморъ едва не задохнулся отъ жестокаго приступа кашля, наконецъ, откашлявшись и обтеревъ съ губъ черную пѣну, онъ проговорилъ:

— Гм!... Кому это все принадлежитъ?... Этого мы не знаемъ. Людямъ, надо полагать...

Онъ указалъ рукою на какое то отдаленное и невидимое мѣсто, населенное этими „людьми“, на которыхъ семья Магё работала болѣе столѣтія. Въ голосѣ старика слышался какой-то религіозный страхъ, какъ будто-бы онъ говорилъ о неприступной скиніи, скрывающей никогда никѣмъ невидѣнное божество, которому Магё отдавали свое мясо.

— По крайней мѣрѣ, хоть бы можно было до сыта наѣдаться хлѣбомъ! машинально произнесъ еще разъ Этьенъ, погруженный въ раздумье о своемъ положеніи.

— Конечно; еслибы хлѣба было всегда вволю, то чего лучше!

Лошадь тронулась съ мѣста; возчикъ тоже скрылся въ темнотѣ, медленно переступая своими больными ногами. Рабочій, остававшійся около мѣста, гдѣ сваливалась земля, даже не пошевелился и продолжалъ сидѣть, скорчившись, уткнувъ подбородокъ между колѣнями и смотря въ пространство своими большими потухшими глазами.

Этьенъ держалъ свой узелокъ въ рукахъ, но все еще медлилъ снова тронуться въ путь. Онъ чувствовалъ, какъ налетавшіе порывы вѣтра оледеняли его спину, между тѣмъ какъ груди было страшно жарко отъ огня жаровни. Можетъ быть, ему все-таки слѣдуетъ поискать мѣста на копяхъ: старикъ могъ и не знать—есть или нѣтъ мѣста; къ тому-же, онъ теперь рѣшился взяться за какую угодно работу. Куда идти и что съ нимъ будетъ въ этой, отощавшей отъ пріостановки работъ, сторонѣ? Придется умереть подъ заборомъ, какъ какая нибудь бездомная собака... Впрочемъ, онъ все еще нѣсколько колебался,—на него навѣвали какой-то страхъ эти копи, окутанныя ночной темнотой. Вѣтеръ, казалось, все усиливался, точно будто онъ дулъ изъ какого-то постоянно расширявшагося пространства. Ни признака разсвѣта не показывалось на мертвомъ небѣ; только доменныя и коксовыя печи по прежнему пылали, распространяя вокругъ себя красноватый свѣтъ и нимало не освѣщая отдаленныхъ окрестностей. Копи, засѣвшія на

днѣ лощины и похожія на притаившееся злое чудовище, начинали еще сильнѣе гудѣть и тяжелѣе и медленнѣе дышать, какъ будто съ трудомъ переваривая массу пожраннаго человѣческаго мяса.

II.

Селеніе „Двухсотъ-сорока“ спало подъ покровомъ темной ночи, среди хлѣбныхъ и свекловичныхъ полей. Съ трудомъ можно было различить четыре громадные корпуса, сплоченные изъ маленькихъ домиковъ, плотно прижатыхъ другъ къ другу. Правильные и однообразные, эти корпуса походили по своей архитектурѣ на казармы или госпитали и отдѣлялись одинъ отъ другаго группами деревьевъ, разбитыми на математически равные участки. Тишина нарушалась въ этой пустынной равнинѣ только гуломъ вѣтра, свободно разгуливавшаго между обнаженными отъ зелени рѣшетчатыми заборами.

Тишина царила въ шестнадцатомъ нумерѣ втораго корпуса, гдѣ жила семья Магё. Густой мракъ окутывалъ единственную комнату перваго этажа, въ которой можно было только угадывать присутствіе спящихъ людей. Они спали съ открытыми ртами, тяжелымъ сномъ рабочихъ, измученныхъ усталостью. Не смотря на холодную погоду, воздухъ въ комнатѣ былъ тепелъ и удушливъ, какъ всегда бываетъ въ помѣщеніяхъ, даже хорошо содержимыхъ, но наполненныхъ народомъ.

Пробило четыре на часахъ съ кукушкой, помѣщавшихся въ комнатѣ нижняго этажа, но никто изъ спавшихъ даже и не пошевелился; отовсюду неслись тоненькія дѣтскія всхрапыванія, акомпанируемыя болѣе звучнымъ храпомъ двухъ человѣкъ, очевидно взрослыхъ. Первою проснулась Катерина. Подавленная усталостью, она, по привычкѣ, сосчитала четыре удара часовъ, дошедшіе до ея слуха черезъ полъ комнаты, но не могла разомъ освободиться отъ сна. Затѣмъ, спустивъ ноги съ постели, она ощупала спички и зажгла свѣчу, все еще продолжая сидѣть на краю постели. Ея отяжелѣвшая голова невольно запрокидывалась назадъ, повинуясь непреодолимому желанію снова упасть на подушку.

Теперь огонь свѣчи освѣтилъ квадратную, въ два окна, комнату, въ которой находились три кровати. Кромѣ того, въ

ней стояли: шкафъ, столъ и два древніе, орѣховаго дерева, стула, рѣзко выдѣлявшіеся своимъ темнымъ цвѣтомъ на свѣтло-желтыхъ стѣнахъ комнаты. Болѣе не было никакой мебели. На гвоздяхъ висѣло разное носильное платье; на полу стоялъ кувшинъ, а подлѣ него — красная чашка, служившая умывальнымъ тазомъ. Кровать налѣво занималъ старшій сынъ, Захарій, двадцати-одного года, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Жанлиномъ, которому скоро должно было исполниться одиннадцать лѣтъ. На кровати направо спали, обнявшись, двое младшихъ дѣтей: шестилѣтняя Ленора и четырехлѣтній Генрихъ. На третьей кровати помѣщалась Катерина съ сестрой Альзирой, такой худенькой, несмотря на свой девятилѣтній возрастъ, что дѣвушка и не чувствовала-бы ея присутствія на постели, еслибы только этотъ маленькій уродецъ не толкалъ ее по временамъ своимъ горбомъ. Растворенная стеклянная дверь вела въ узенькій коридоръ, изъ котораго шла лѣстница въ нижній этажъ. Въ этомъ коридорѣ стояла четвертая кровать, занимаемая отцомъ и матерью, а подлѣ нихъ пріютилась колыбель послѣдняго ребенка, трехмѣсячной Эстеллы.

Наконецъ, Катерина кое-какъ освободилась отъ одолѣвавшаго ее сна. Она потягивалась и запускала руки въ свои рыжіе волосы, перепутавшіеся у нея на лбу и на затылкѣ. Дѣвушка смотрѣла совсѣмъ ребенкомъ, хотя ей было уже шестнадцать лѣтъ. Узкая рубашка оставляла открытыми только ея синеватыя ноги, точно татуированныя углемъ, и молочной бѣлизны тоненькія руки. Цвѣтъ лица Катерины былъ синевато-блѣдный: онъ успѣлъ уже испортиться отъ умыванья мыломъ, постоянно покрытымъ пылью каменнаго угля. Она зѣвнула въ послѣдній разъ. Ротъ ея, съ превосходными зубами и безкровными деснами, былъ немного великъ; сѣрые, слезящіеся отъ борьбы со сномъ, глаза смотрѣли невесело и устало; во всей ея полу-обнаженной фигурѣ сказывалось тоже утомленіе.

Изъ узенькаго коридора послышалось глухое бормотанье Магѣ.

— Sacré nom! Пора вставать! Это ты, Катерина, зажгла огонь?

— Я, отецъ... Внизу пробило четыре.

— Торопись же, *лѣнтяйка*! Еслибы вчера поменьше пля-

сала, такъ и разбудила бы насъ пораньше. Вотъ настоящая-то лѣнивица!..

Магё продолжалъ ворчать, но сонъ снова овладѣлъ имъ, и его воркотня сдѣлалась сначала отрывистой и невнятной, а затѣмъ перешла въ храпѣніе.

Дѣвушка ходила по комнатѣ босикомъ и въ одной рубашкѣ. Проходя мимо постели Генриха и Леноры, она поправила сбившееся на полъ одѣяло; ребятишки, спавшіе крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ, даже и не пошевелились. Проснувшаяся Альзира молча заняла мѣсто старшей сестры и лежала теперь съ открытыми глазами.

— Захарій, пора вставать! Жанлинъ, вставай же! твердила Катерина, остановившись передъ кроватью братьевъ, продолжавшихъ лежать, уткнувъ носы въ подушку.

Она потрясла за плечо старшаго брата, но тотъ отвѣчалъ ей руганью. Тогда она сочла за лучшее стащить съ нихъ одѣяло. Они отбивались отъ нея, болтая голыми ногами; это показалось ей такъ смѣшно, что она расхохоталась.

— Это глупо; оставь меня въ покоѣ! сердился Захарій, вскакивая и садясь на постель. — Терпѣть не могу такихъ шутокъ!.. Господи, нужно вставать!..

Онъ былъ худъ и неуклюжъ, съ длиннымъ лицомъ, на которомъ едва пробивалась рѣденькая бородка. Волосы у него были желтоватые, а цвѣтъ лица такой-же блѣдный и болѣзненный, какъ и у прочихъ членовъ семьи Магё. Рубашка поднялась у него выше живота, и онъ спустилъ ее, но не изъ чувства стыдливости, а просто потому, что ему стало холодно.

— Внизу уже пробило четыре, твердила Катерина.—Ну, скорѣе, отецъ сердится!

Жанлинъ, свернувшись въ клубокъ, закрылъ глаза, проговоривъ:

— Убирайся!.. Я сплю!

Она снова засмѣялась своимъ добрымъ смѣхомъ. Мальчикъ былъ очень малъ ростомъ и худъ; одни только суставы его рукъ и ногъ, распухшіе отъ золотухи, казались огромными. Катерина схватила его въ охапку, но онъ барахтался и колотилъ ногами. Его блѣдная обезьянья мордочка, съ *головой, покрытой* курчавыми волосами, съ широкими ушами

и зелеными глазами, еще болѣе поблѣднѣла отъ безсильной злобы. Не говоря ни слова, онъ укусилъ сестру за правую грудь.

— Злой чертенокъ! прошептала она, опуская его на полъ и едва сдерживая готовый вырваться крикъ боли.

Альзира не спала и лежала закутанная одѣяломъ до подбородка. Она слѣдила своими умными глазами за движеніями сестры и братьевъ, которые начали наконецъ одѣваться. Скоро новая ссора завязалась около умывальнаго таза: братья нашли, что сестра очень долго моется, и принялись отталкивать ее отъ таза. Рубашки дерущихся разлетались во всѣ стороны, но это ихъ нисколько не стѣсняло, и они мылись вмѣстѣ, ничуть не стыдясь, съ полной непринужденностью молодыхъ собакъ, выросшихъ вмѣстѣ. Катерина была готова первая. Она надѣла свои панталоны углекопа, натянула на себя полотняную куртку и подобрала сзади волосы подъ маленькій голубой чепчикъ. Въ этомъ костюмѣ, покуда еще опрятномъ, такъ какъ сегодня былъ первый рабочій день недѣли, она совершенно походила на мальчика, и только легкое раскачиваніе бедрами изобличало ея полъ.

— Старикъ скажетъ спасибо, когда придетъ домой и найдетъ постель холодную, съ ехидствомъ замѣтилъ Захарій.— Я скажу ему, что это ты сбросила одѣяло на полъ.

Онъ говорилъ о своемъ дѣдѣ, старомъ Боньморѣ, который работалъ по ночамъ, а на день возвращался домой. Для него всегда находилась теплая постель, такъ какъ на ней непремѣнно кто нибудь да храпѣлъ.

Катерина молча подняла одѣяло и прикрыла имъ постель. За стѣной комнаты, въ сосѣднемъ домѣ, послышался шумъ. Стѣны этихъ кирпичныхъ домиковъ, выстроенныхъ компаніей экономическимъ способомъ, были настолько тонки, что сквозь нихъ проходилъ самый малѣйшій звукъ. Люди жили, такимъ образомъ, бокъ-о-бокъ, и ни одна мелочь домашней жизни не оставалась тайною даже для подростковъ. Лѣстница сосѣдняго дома заскрипѣла подъ чьими-то тяжелыми шагами; затѣмъ послышалось паденіе какого-то мягкаго тѣла, сопровождаемое тихимъ вздохомъ удовольствія.

— Отлично! проговорила Катерина.—Левакъ ушелъ, а Бутелу занялъ его мѣсто на постели.

Жанлинъ смѣялся; даже въ глазахъ Альзиры мелькнулъ смѣхъ. Они каждое утро подсмѣивались надъ своими сосѣдями. За стѣною жилъ забойщикъ и держалъ у себя жильца, рабочаго при земляныхъ работахъ. Такимъ образомъ, у жены забойщика было два мужа: одинъ—на ночь, а другой—на день.

— Филомена кашляетъ, снова проговорила Катерина, прислушавшись.

Она говорила о старшей дочери Левака, девятнадцатилѣтней дѣвушкѣ, любовницѣ Захарія, отъ котораго у ней уже было двое дѣтей. Филомена страдала грудью и поэтому не могла работать въ подземныхъ галлереяхъ, а была просѣвальщицей.

— Да, Филомена... ей наплевать; она спитъ! отвѣчалъ Захарій.—Какое свинство спать до шести часовъ!

Онъ началъ натягивать панталоны, но вдругъ что-то вспомнилъ, подошелъ къ окну и растворилъ его. Селеніе просыпалось; сквозь щели занавѣсокъ замелькали, одинъ за однимъ, огоньки. Магё опять заспорили: Захарій высунулся въ окно, чтобы подкараулить, не выйдетъ-ли отъ Пьерронъ, живущихъ напротивъ, надсмотрщикъ Дансаэртъ, котораго подозрѣвали въ связи съ женой Пьеррона. Катерина утверждала, что сосѣдъ дежурилъ вчера днемъ при подъемной машинѣ и, слѣдовательно, провелъ ночь дома, такъ что Дансаэртъ ни въ какомъ случаѣ не могъ прійти къ его женѣ. Холодный вѣтеръ порывами врывался въ окно, братъ и сестра горячились, отстаивая достовѣрность своихъ свѣдѣній, какъ вдругъ раздался громкій плачъ. Это расплакалась Эстелла въ своей колыбели, обезпокоенная холодомъ.

Магё-отецъ тоже проснулся и разворчался. Что такое сдѣлалось съ его костями? Что это онъ не можетъ подняться, точно никуда негодный человѣкъ! Онъ ругался такъ громко, что братъ и сестра разомъ прекратили свой споръ. Захарій и Жанлинъ медленно оканчивали свой туалетъ; Альзира молча лежала съ открытыми глазами, а Ленора и Генрихъ не проснулись даже и отъ этого крика и тихо дышали короткимъ дѣтскимъ дыханіемъ.

— Катерина, подай мнѣ свѣчу! закричалъ Магё.

Она застегнула свою куртку и отнесла свѣчу въ уженькій

оридоръ, оставивъ братьевъ разыскивать разныя принадлежности ихъ костюмовъ при слабомъ свѣтѣ, выходящемъ изъ двери. Магё проворно соскочилъ съ постели, а Катерина, въ толстыхъ шерстяныхъ чулкахъ, ощупью спустилась съ лѣстницы, зажгла въ кухнѣ другую свѣчу и занялась приготовленіемъ кофе. Башмаки всѣхъ членовъ семейства Магё стояли подъ буфетомъ.

— Замолчишь-ли ты, гадина! вскричалъ отецъ, выведенный изъ терпѣнія неумолкавшимъ крикомъ Эстеллы.

Маленькій ростомъ, какъ и старикъ Боньморъ, Магё вообще былъ очень похожъ на отца: такое же плоское, блѣдное лицо, такая же большая голова съ желтоватыми, коротко остриженными волосами. Онъ замахалъ надъ колыбелью своими большими жилистыми руками, но испуганная Эстелла раскричалась еще больше.

— Оставь ее; ты вѣдь знаешь, что она не замолчитъ, проговорила мать, потягиваясь посреди постели.

Она тоже проснулась и тоже разворчалась: какъ это глупо никогда не проспать всю ночь спокойно. Точно они не могли уйти безъ шума, потихоньку! Она лежала, завернувшись по самый подбородокъ. Ея продолговатое, съ крупными чертами лицо еще несовсѣмъ утратило свою красоту, все таки сильно пострадавшую отъ вѣчной нужды и рожденія семерыхъ дѣтей. Поднявъ глаза къ потолку, она говорила медленнымъ голосомъ, между тѣмъ какъ ея мужъ торопливо одѣвался. Эстелла продолжала кричать, но они не обращали на нее вниманія.

— Знаешь-ли ты, что у меня нѣтъ ни копѣйки, а сегодня только еще понедѣльникъ: до получки остается шесть дней... Такъ нельзя жить. Всѣ вы заработываете девять франковъ, а насъ десять человѣкъ... Какъ же ты хочешь, чтобы доставало на всѣхъ?

— Ну, да; девять франковъ! ворчливо отвѣчалъ Магё.—Я и Захарій получаемъ по три: и того шесть... Катерина и старикъ — по два: это составитъ четыре... Четыре и шесть— десять... Да Жанлинъ—одинъ франкъ: и того—одиннадцать.

— Одиннадцать!.. А ты забываешь воскресенья и другіе прогульные дни... Я тебѣ говорю, что никогда не приходится болѣе девяти франковъ.

Онъ, молча, отыскивалъ на полу свой кожаный поясъ.

— Грѣшно жаловаться, заговорилъ онъ наконецъ; я еще здоровъ и крѣпокъ. Мнѣ сорокъ два года, а въ эти лѣта немногіе люди остаются забойщиками.

— Все это правда, старина, да намъ отъ этого не легче... Ну, скажи, что я теперь буду дѣлать? У тебя ничего не осталось денегъ?

— Два су.

— Оставь ихъ себѣ на кружку пива... Господи, что же я, въ самомъ дѣлѣ, буду дѣлать?! Вѣдь этимъ шести днямъ конца не будетъ. Мы должны шестьдесятъ франковъ Мэгру, и онъ третьяго дня выгналъ меня. Конечно, это не помѣшаетъ мнѣ пойти къ нему опять сегодня, но что если онъ опять выгонитъ?...

Она продолжала говорить, лежа неподвижно на постели и закрывая по временамъ глаза отъ слабаго свѣта свѣчи. Буфетъ—пустъ; младшія дѣти просятъ хлѣба съ масломъ; кофе весь вышелъ, а отъ воды дѣлаются колики; голодный желудокъ приходится постоянно обманывать пустымъ супомъ съ капустой и оттого дни тянутся необыкновенно долго. Она была принуждена возвышать мало по малу голосъ, такъ какъ крики Эстеллы заглушали ея слова. Магё, какъ будто, только сейчасъ услышалъ плачъ ребенка и, внѣ себя, выхватилъ малютку изъ колыбели и бросилъ ее къ матери на постель.

— Возьми, а не то я ее задушу! пробормоталъ онъ съ бѣшенствомъ.—Чортъ знаетъ что такое! У этой все есть; эта тварь сосетъ, а между тѣмъ жалуется громче всѣхъ!

Эстелла, въ самомъ дѣлѣ, принялась сосать. Она сразу успокоилась на теплой постели, прикрытая одѣяломъ, и теперь слышалось только тихое чмоканье ея губъ.

— Кажется, буржуа изъ Піолены говорили, чтобъ ты пришла къ нимъ? спросилъ послѣ короткаго молчанія отецъ.

Мать сжала губы съ выраженіемъ сомнѣнія.

— Да; я съ ними встрѣтилась. Они раздаютъ одежду дѣтямъ бѣдняковъ. Пожалуй, я сведу къ нимъ сегодня утромъ Ленору и Генриха. Еслибы эти буржуа дали мнѣ только сто су!

Опять наступило молчаніе. Магё окончилъ свой туалетъ,

постоялъ съ минуту неподвижно, и затѣмъ проговорилъ своимъ глухимъ голосомъ:

— Какъ же быть? Такъ все и идетъ! Постарайся сварить хоть супъ .. Разговорами ничего не поможешь; лучше идти на работу.

— Правда, отвѣчала жена.— Погаси свѣчу; мнѣ нѣтъ надобности видѣть, какого цвѣта мои мысли

Онъ задулъ свѣчу. Захарій и Жанлинъ уже спускались съ лѣстницы; отецъ послѣдовалъ за ними, и деревянныя ступеньки затрещали подъ ихъ ногами, обутыми въ шерстяные чулки. Въ коридорѣ и въ комнатѣ воцарился мракъ. Маленькія дѣти спали, даже Альзира сомкнула вѣки. Одна мать лежала теперь съ открытами глазами, да маленькая Эстелла мурлыкала, какъ котенокъ, вытягивая молоко изъ отвислой груди истощенной женщины.

Спустившись въ нижній этажъ, Катерина прежде всего занялась чугуннымъ очагомъ, съ рѣшеткой посрединѣ и съ двумя шкафами по бокамъ. Въ немъ постоянно тлѣлъ каменный уголь. Компанія отпускала на каждую семью восемь гектолитровъ плохаго угля, брошеннаго въ подземныхъ галлереяхъ во время его добыванія. Онъ очень трудно разгорался, и молодая дѣвушка никогда не гасила его на ночь, а только прикрывала уже перегорѣлыми кусками. Утромъ, она его снова разгребала и насыпала сверху немного свѣжаго, тщательно выбраннаго угля. Разведя такимъ образомъ огонь, она поставила на рѣшетку котелокъ съ водой и присѣла на полу около буфета.

Комната была довольна большая, во весь нижній этажъ, окрашенная зеленоватой краской, цвѣта незрѣлаго яблока. Содержалась она съ чисто фламандской опрятностью: каменный полъ былъ тщательно вымытъ и посыпанъ бѣлымъ пескомъ. Кромѣ буфета изъ крытаго лакомъ сосноваго дерева, въ ней были такіе же стулья и столъ. На пустыхъ, свѣтлыхъ стѣнахъ комнаты рѣзко выдѣлялись наклеенные на нихъ ярко раскрашенные портреты императора и императрицы, подаренные компаніей, и изображенія солдатъ и святыхъ, размалеванныя золотомъ. Больше въ ней не было никакихъ украшеній, кромѣ розовой бумажной коробки, стоявшей на буфетѣ, и часовъ съ кукушкой, громко тикавшихъ подъ потолкомъ. Около двери, выходящей на лѣстницу, была еще другая,

ведущая въ погребъ. Не смотря, однако, на чистоту, въ запертой съ вечера комнатѣ стоялъ запахъ варенаго лука и, смѣшиваясь съ ѣдкимъ запахомъ угля, отравлялъ нагрѣтый воздухъ.

Усѣвшись передъ растворенным буфетомъ, Катерина задумалась. Изъ провизіи оставалось немного хлѣба, достаточное количество бѣлаго сыра, но масла—такъ мало, что его можно было слизнуть за разъ языкомъ. Изо всего этого слѣдовало сдѣлать четыре тартинки. Наконецъ, она взяла хлѣбъ, изрѣзала его на ломти, положила на одинъ ломоть сыру, другой — намазала масломъ и сложила ихъ вмѣстѣ. Эти двойныя тартинки рабочіе брали съ собой по утрамъ на копи. Скоро всѣ четыре тартинки лежали рядомъ на столѣ, приготовленныя съ строгой справедливостью: самая большая была для отца, самая маленькая для Жанлина.

Хотя Катерина казалась погруженной въ свои хозяйственныя соображенія, но она не забывала и разсказанной ей братомъ исторіи о женѣ Пьеррона и надсмотрщикѣ. Дѣвушка пріотворила наружную дверь и заглянула на улицу. Вѣтеръ дулъ по прежнему; безчисленные огоньки перебѣгали по длиннымъ фасадамъ низенькихъ домиковъ, изъ которыхъ доносился глухой шумъ пробуждающагося люда. Двери отворялись, и темная вереница рабочихъ исчезала вдали. Не глупа-ли она, что подсматриваетъ, рискуя простудиться, тогда какъ нагрузчикъ подъемныхъ ящиковъ спитъ себѣ преспокойно дома, въ ожиданіи шести часовъ, когда ему надо будетъ снова отправляться къ мѣсту своихъ занятій? Но она все таки не затворяла двери и не сводила глазъ съ противоположнаго дома, находящагося по другую сторону садиковъ. Наконецъ, дверь интересующаго ее дома растворилась и любопытство дѣвушки удвоилось. Но это вышелъ не Дансаэртъ, а младшая изъ Пьерронъ, Лидія, отправлявшаяся на работу въ копяхъ.

Свистящій шумъ пара заставилъ Катерину оглянуться. Она захлопнула дверь и побѣжала къ очагу: вода закипѣла и, расплескиваясь черезъ край, заливала огонь. Кофе больше не было, и Катерина довольствовалась тѣмъ, что вновь переварила вчерашнюю кофейную гущу и подсластила ее сахарнымъ пескомъ. Въ это самое время, въ комнату вошли братья *и отецъ*.

— Fichtre! воскликнулъ Захарій, уткнувъ носъ въ свою кружку.—Отъ этого напитка не заболитъ голова.

Магё съ покорностью пожалъ плечами.

— Ба! Все таки это горячо и притомъ вкусно.

Жанлинъ подобралъ со стола крошки хлѣба и ссыпалъ ихъ въ свою кружку. Окончивъ свой кофе, Катерина разлила оставшуюся въ кофейникѣ жидкость въ бутылки изъ бѣлой жести. Всѣ четверо пили стоя, наскоро, еле освѣщенные коптившей свѣчкой.

— Ну, кончили-ли мы, наконецъ? воскликнулъ Магё.— Подумаешь, что мы живемъ процентами съ капитала!

Дверь на верхъ оставалась растворенной, и оттуда послышался голосъ жены Магё:

— Возьмите съ собой весь хлѣбъ; у меня осталось немного вермишели для дѣтей.

— Да, да, отвѣчала Катерина.

Она прикрыла огонь и поставила въ уголкѣ рѣшетки остатки супа для дѣда, который найдетъ его горячимъ, возвратившись домой въ шесть часовъ. Каждый изъ членовъ семьи Магё вытащилъ изъ подъ буфета свои башмаки, перекинулъ черезъ плечо бичевку, съ привязанной къ ней бутылкой съ кофе, и положилъ тартинку за спину, между рубашкой и курткой. Задувъ свѣчу и заперевъ на ключъ дверь, они вышли наконецъ на улицу; мужчины—впереди, дѣвушка—сзади. Домъ снова погрузился въ темноту.

— Ну, вотъ! Мы, значитъ, пойдемъ вмѣстѣ, проговорилъ человѣкъ, вышедшій изъ сосѣдняго дома.'

Это былъ Левакъ, съ своимъ сыномъ Беберомъ, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, большимъ пріятелемъ Жанлина. Удивленная Катерина, съ едва сдерживаемымъ смѣхомъ, нагнулась къ уху Захарія. Какъ? Бутелу даже не дождался, пока мужъ уйдетъ изъ дома!

Огней въ селеніи становилось все меньше и меньше. Наконецъ, хлопнула послѣдняя дверь, и все снова погрузилось въ сонъ; маленькія дѣти и женщины остались досыпать на своихъ постеляхъ, гдѣ имъ было теперь просторнѣе. Отъ заснувшаго селенія до копей, по прежнему глухо гудѣвшихъ, тянулась вереница людей, обдуваемыхъ со всѣхъ сторонъ порывами вѣтра. Это шли на работу углекопы, сложивъ на груди руки и пошевели-

вая плечами. Отъ тартинокъ, лежавшихъ у нихъ за спинами, всѣ они казались горбатыми. Рабочіе дрожали отъ холода въ своихъ тонкихъ холщевыхъ одеждахъ, но все таки не прибавляли шагу и шли медленно, топоча ногами, точно идущее по дорогѣ стадо.

III.

Этьенъ рѣшился, наконецъ, зайти въ Ворё. Онъ спрашивалъ попадавшихся навстрѣчу людей, нѣтъ-ли для него какой нибудь работы на копяхъ, но они покачивали головами и совѣтовали ему обратиться къ надсмотрщику. Этьенъ бродилъ между разными плохо освѣщенными строеніями, съ черными дырами вмѣсто дверей, ведущими въ различные этажи и отдѣленія копей. Поднявшись по темной полуразвалившейся лѣстницѣ, онъ перешелъ черезъ шаткій мостикъ и очутился въ сараѣ, въ которомъ днемъ просѣвался уголь. Но теперь тамъ было такъ темно, что молодой человѣкъ шелъ, протянувъ впередъ руки, изъ боязни на что нибудь наткнуться. Вдругъ передъ нимъ заблестѣли два громадныхъ желтыхъ глаза: оказалось, что онъ забрелъ въ шахтовую башню, куда доставлялся изъ подъ земли добытый уголь.

Толстый надсмотрщикъ, папа Ришомъ, съ лицомъ, точно перерѣзаннымъ сѣдоватыми усами, что́ ему придавало видъ жандарма, какъ разъ проходилъ въ это время въ пріемное отдѣленіе.

— Не нужно-ли здѣсь человѣка на какую угодно работу? снова спросилъ Этьенъ.

Ришомъ хотѣлъ было отвѣчать отрицательно, но вдругъ передумалъ и, проходя дальше, проговорилъ:

— Подождите надсмотрщика, господина Дансаэрта.

Весь свѣтъ четырехъ фонарей съ рефлекторами сосредоточивался надъ самымъ спускомъ въ шахту и ярко освѣщалъ желѣзныя перила, рычаги и деревянные проводники, между которыми скользили два подъемные ящика. Остальная часть громаднаго помѣщенія оставалась въ полумракѣ и казалась населенною какими-то исполинскими, летающими по воздуху, тѣнями. Въ конторѣ пріемщика чуть мерцала жалкая лампочка, *казалось*, готовая погаснуть, и только въ самой глубинѣ *зданія ярко* свѣтилась комната, въ которой хранились лампы,

приготовленныя для углекоповъ. Началась доставка угля на земную поверхность, и чугунныя плиты, выстилавшія полъ шахтовой башни, стонали подъ тяжестью непрерывно катящихся телѣжекъ съ углемъ. Длинныя выгнутыя спины рабочихъ, откатывавшихъ дальше телѣжки, мелькали среди черныхъ движущихся и грохотавшихъ предметовъ.

Съ минуту Этьенъ стоялъ неподвижно, оглушенный и ослѣпленный; онъ оледенѣлъ отъ врывавшагося отовсюду холоднаго вѣтра. Увидѣвъ блестѣвшую своею сталью и мѣдью паровую машину, онъ наконецъ пододвинулся поближе къ ней. Она находилась въ другомъ отдѣленіи, нѣсколько повыше, въ двадцати пяти метрахъ отъ спуска въ шахту, и плотно стояла на кирпичномъ фундаментѣ, работая во всю свою силу, — силу четырехсотъ лошадей. Громадный, обильно смазанный масломъ, рычагъ ея двигался взадъ и впередъ такъ плавно, что въ стѣнахъ не чувствовалось ни малѣйшаго сотрясенія. Машинистъ, стоя на своемъ мѣстѣ, прислушивался къ сигнальнымъ звонкамъ и не сводилъ глазъ съ индикатора, гдѣ шахта, со всѣми ея этажами, изображалась въ видѣ желобка, по которому двигались вверхъ и внизъ шнурки съ привязаннымъ на концахъ грузомъ и давали точное понятіе о положеніи въ каждый данный моментъ ящиковъ въ шахтѣ. Лишь только машина пускалась въ ходъ, немедленно начинали дѣйствовать два громадныхъ барабана, по пяти метровъ въ діаметрѣ. Они навивали на себя и развивали проволочные канаты, скользившіе вверхъ и внизъ съ такою быстротой, что казались чѣмъ-то въ родѣ летавшей сѣрой пыли.

— Берегись! кричали трое рабочихъ, тащившихъ огромную лѣстницу.

Этьена чуть-чуть не раздавили. Мало по малу, его глаза привыкли къ темнотѣ, и онъ ясно видѣлъ теперь, какъ вверху башни скользили по воздуху канаты, болѣе чѣмъ въ тридцать метровъ длины, какъ эти стальныя ленты ложились на шкивы и затѣмъ, зацѣпивъ подъемные ящики, спускали ихъ на дно шахты. Казалось, что летали птицы, но только летали безъ малѣйшаго шума. Эти страшно тяжелые канаты, поднимавшіе до двѣнадцати тысячъ килограммовъ, скользили внизъ и вверхъ съ поразительной быстротой, достигавшей двухъ метровъ въ секунду.

— Берегись, nom de Dieu! снова раздался крикъ рабочихъ, тащившихъ лѣстницу въ другую сторону, чтобы осмотрѣть, исправенъ-ли лѣвый шкивъ.

Этьенъ медленно возвратился въ пріемное отдѣленіе, ошеломленный этимъ страшнымъ движеніемъ гигантскихъ канатовъ, совершавшимся надъ его головой. Дрожа отъ холода и оглушенный грохотомъ телѣжекъ, онъ остановился посмотрѣть, какъ появлялись и исчезали подъемные ящики. Около спуска въ шахту находился сигнальный аппаратъ, тяжелый молотокъ, приводимый въ движеніе съ помощью рычага. Отъ него была проведена внизъ веревка, и когда за нее дергали, молотокъ падалъ на металлическую доску; одинъ ударъ означалъ, что слѣдуетъ остановить машину, два удара значило—спускать, три—поднимать. Эти удары, сопровождаемые громкимъ звономъ металла, раздавались неумолчно и господствовали надъ всѣми остальными звуками; рабочій, наблюдавшій надъ тѣмъ, какъ поднимались и спускались ящики, отдавалъ въ рупоръ различныя приказанія машинисту и еще болѣе увеличивалъ шумъ, носившійся въ воздухѣ. Этьенъ стоялъ и смотрѣлъ, ровно ничего не понимая въ этой сложной работѣ; подъемные ящики показывались среди этого хаоса на земную поверхность и снова исчезали, разгружались и опять наполнялись.

Онъ видѣлъ только одно,—что шахта глотала по двадцати-тридцати человѣкъ за разъ, и глотала такъ свободно, какъ будто и не чувствовала, какъ они проходили въ ея пасть. Съ четырехъ часовъ начали спускать внизъ рабочихъ. Они появлялись изъ барака, босые, съ лампами въ рукахъ, и стояли маленькими кучками, поджидая, пока соберется столько народа, чтобы можно было занять весь подъемный ящикъ. Безшумно, однимъ прыжкомъ хищнаго ночнаго звѣря, появлялся снизу, изъ мрака шахты, этотъ ящикъ,—желѣзный, четырехъ-ярусный, съ двумя, наполненными углемъ, телѣжками въ каждомъ ярусѣ,—и плотно садился на желѣзныя задвижки. Рабочіе принимали нагруженныя телѣжки и замѣняли ихъ пустыми или заранѣе наполняли деревянными брусьями и досками. Въ каждую пустую телѣжку помѣщалось пятеро рабочихъ, и, такимъ образомъ, если не было никакого другаго груза, могло спуститься внизъ разомъ сорокъ человѣкъ. Рабочій кричалъ въ рупоръ приказаніе машинисту; сигнальный аппаратъ да-

валъ четыре звонка, „звонилъ къ мясу“, предупреждая находившихся внизу о томъ, что идетъ этотъ грузъ человѣческаго мяса,—и, слегка вздрогнувъ, ящикъ безшумно опускался внизъ, точно камнемъ падалъ, не оставляя послѣ себя никакого слѣда, кромѣ металлическаго звука развивавшагося каната.

— Это—глубоко? спросилъ Этьенъ полусоннаго углекопа, остановившагося подлѣ него, въ ожиданіи очереди.

— Пятьсотъ-пятьдесятъ-четыре метра, отвѣчалъ тотъ. —Но тамъ вѣдь четыре этажа; первый всего только въ трехстахъ-двадцати метрахъ.

Оба замолчали, глядя на вновь показавшійся изъ глубины ящикъ.

— А если это оборвется? снова спросилъ Этьенъ.

— А, если это оборвется...

Углекопъ докончилъ фразу жестомъ. Пришла его очередь спускаться: ящикъ также легко, какъ и прежде, вылетѣлъ наверхъ. Углекопъ сѣлъ въ него вмѣстѣ съ товарищами, и ящикъ исчезъ. Затѣмъ, минуты черезъ четыре, онъ снова появился и опять поглотилъ новый живой грузъ. Уже съ полчаса шахта пожирала такимъ образомъ людей, глотая ихъ то скорѣе, то медленнѣе, смотря по тому, до котораго этажа спускались рабочіе, но глотала безъ отдыха и все не могла наполнить свои громадныя внутренности, способныя переварить цѣлую страну. Рабочіе все прибывали и прибывали; ночной мракъ все еще не разсѣивался; подъемный ящикъ все также безшумно появлялся и исчезалъ, глотая людей съ неослабѣвавшею прожорливостью.

Наконецъ, Этьеномъ овладѣло то-же тягостное ощущеніе, какое онъ испыталъ уже, стоя около жаровни на насыпи. Чего ждать? И другой надсмотрщикъ точно также откажетъ ему, какъ и первый... Какой-то безотчетный страхъ овладѣлъ имъ, и онъ торопливо вышелъ изъ пріемнаго отдѣленія и шелъ, не останавливаясь, до тѣхъ поръ, пока не очутился передъ зданіемъ, въ которомъ помѣщались паровые котлы. Въ растворенную настежь дверь виднѣлось семь котловъ съ двумя топками. Окруженный бѣловатымъ паромъ, кочегаръ подкидывалъ топливо въ одну изъ печей, до того пышущую огнемъ, что жаръ чувствовался даже за порогомъ зданія. Обрадовавшись теплу, молодой человѣкъ хотѣлъ подойти поближе, какъ вдругъ

столкнулся съ новой партіей рабочихъ, шедшихъ къ шахтѣ. Это были Магё и Левакъ. Когда Этьенъ увидѣлъ Катерину, походившую въ своемъ костюмѣ на добродушнаго, тихаго мальчика, имъ вдругъ овладѣло какое-то почти суевѣрное стремленіе еще разъ попытать счастья.

— Не знаете-ли, товарищъ, нѣтъ-ли здѣсь хоть какой нибудь работы?

Она взглянула на него, удивленная, немного испуганная этимъ голосомъ, раздавшимся изъ темноты. Шедшій сзади отецъ отвѣчалъ за нее, пріостановившись на минуту подлѣ Этьена: „Нѣтъ, здѣсь нѣтъ никакой работы". Бѣднягa-рабочій, бродившій по пустыннымъ дорогамъ, заинтересовалъ Магё. Двинувшись дальше, онъ проговорилъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ:

— Да, съ каждымъ можетъ это случиться... Не надо жаловаться, пока есть работа.

Партія прошла къ бараку и вошла въ просторную комнату, скорѣе сарай, съ грубо оштукатуренными стѣнами, вдоль которыхъ стояли шкафчики, запертые висячими замками. Середину этого сарая занимала громадная раскаленная до красна желѣзная печь безъ дверецъ, до того набитая углемъ, что куски его, растрескиваясь, вываливались на земляной полъ. Комната была безъ оконъ и освѣщалась только пламенемъ печи, красноватые отблески котораго пробѣгали по длинному ряду грязноватыхъ шкафчиковъ и доходили до потолка, покрытаго черной пылью.

Войдя въ баракъ, Магё услышалъ громкій хохотъ, стоявшій въ нагрѣтомъ воздухѣ. Около тридцати рабочихъ окружали печь, повернувшись къ ней спинами, и съ самымъ блаженнымъ видомъ поджаривались передъ огнемъ. Собираясь спуститься подъ землю, они обыкновенно заходили сюда и запасались такимъ образомъ тепломъ, чтобы затѣмъ легче было переносить сырость подземныхъ галлерей. Въ это утро, въ баракѣ было веселѣе обыкновеннаго, такъ какъ собравшееся общество подтрунивало надъ откатчицей Мукъ, простодушной, восемнадцатилѣтней дѣвушкой, у которой до такой степени были развиты бедра и грудь, что ни панталоны, ни куртка не выдерживали и лопались или разлѣзались по швамъ. Она жила въ Рекильярѣ со старикомъ отцомъ, занимавшимъ дол-

жность конюха, и братомъ, тоже работавшимъ въ копяхъ. Но такъ какъ работа у нихъ начиналась не въ одни и тѣ же часы, то Мукъ отправлялась изъ Рекильяра обыкновенно одна и, проходя лѣтомъ, среди полей засѣянныхъ хлѣбомъ, или пробираясь зимой позади стѣнъ какихъ нибудь зданій, она никогда не отказывала себѣ въ удовольствіи полюбезничать съ однимъ изъ своихъ поклонниковъ, которыхъ мѣняла каждую недѣлю. Мукъ была общимъ достояніемъ рабочихъ на копяхъ, и дѣло обходилось по товарищески, безъ всякихъ непріятныхъ столкновеній. Какъ то разъ ее упрекнули гвоздаремъ изъ Маршьена, но дѣвушка вышла изъ себя отъ гнѣва и кричала, что она не потеряла еще уваженія къ самой себѣ и отдастъ руку на отсѣченіе, если кто нибудь можетъ сказать, что видѣлъ ее не съ углекопомъ, а съ какимъ нибудь совсѣмъ постороннимъ человѣкомъ.

— Такъ у тебя теперь уже не долговязый Шаваль? подшучивалъ одинъ изъ рабочихъ.—Ты предпочла ему этого карлика? Да вѣдь ему надо подставлять лѣстницу, чтобы поцѣловать тебя!.. Я видѣлъ васъ вмѣстѣ около Рекилльяра, и онъ, дѣйствительно, стоялъ на камнѣ.

— Ну, такъ чтожь? отвѣчала весело дѣвушка.—Тебѣ-то какое дѣло?.. Вѣдь тебя никто не звалъ на помощь.

Эти грубыя шутки вызывали у рабочихъ взрывы смѣха, отъ котораго приподнимались кверху ихъ поджарившіяся отъ огня плечи. Мукъ тоже хохотала, переходя съ одного мѣста на другое въ своемъ неприличномъ костюмѣ, обтягивавшемъ ея, до уродства развитыя, формы.

Впрочемъ, веселое настроеніе быстро прошло: Мукъ объявила вошедшему Магѣ, что длинная Флоранса больше не придетъ. Ее нашли вчера мертвою на постели. Одни говорятъ, что у нея разорвалось сердце, а другіе увѣряютъ, будто она за разъ выпила цѣлый литръ можжевеловой водки. Магѣ пришелъ въ отчаяніе. Вотъ еще бѣда: онъ лишился одной изъ своихъ откатчицъ и некѣмъ замѣнить ее немедленно! Магѣ работалъ не въ одиночку, а вчетверомъ: онъ, Захарій, Леваръ и Шаваль образовали маленькую артель, и всѣ вмѣстѣ выламывали уголь въ одной изъ подземныхъ галлерей. Если только одна Катерина будетъ нагружать и откатывать телѣжки, то работа положительно остановится. Вдругъ Магѣ вскричалъ:

— Постойте! Сейчасъ только человѣкъ просилъ работы!

Какъ разъ въ это время мимо барака проходилъ Дансаэртъ. Магё объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и просилъ позволенія нанять человѣка, причемъ упиралъ главнымъ образомъ на то, что компанія стремится замѣнить постепенно откатчицъ мужчинами, какъ это уже заведено въ Анзенѣ. Сначала надсмотрщикъ улыбнулся, такъ какъ проэктъ изгнанія женщинъ изъ подземныхъ галлерей сильно не нравился углекопамъ, заботившимся о мѣстахъ для своихъ дочерей и мало обращавшимъ вниманія на вопросы нравственности и гигіены. Наконецъ, послѣ короткаго колебанія, Дансаэртъ далъ свое согласіе, оставивъ за собой право взять его назадъ, если это не понравится господину Негрелю, инженеру.

— Ну, да! вскричалъ Захарій. — Если этотъ человѣкъ ушелъ отсюда, такъ онъ теперь ужъ далеко.

— Нѣтъ, я видѣла, что онъ остановился около паровыхъ котловъ, сказала Катерина.

— Бѣги же скорѣе, лѣнтяйка! крикнулъ Магё.

Молодая дѣвушка бросилась бѣгомъ, между тѣмъ какъ волна углекоповъ хлынула къ спуску въ шахту, предоставляя мѣста у раскаленной печи вновь прибывшей партіи. Жанлинъ, не дожидаясь отца, отправился за своей лампой, вмѣстѣ съ глуповатымъ и толстымъ Бебером и худенькой двѣнадцатилѣтней Лидіей. Мукъ спускалась впереди ихъ по темной лѣстницѣ и слышно было, какъ она бранилась, называя ихъ скверными мальчишками и грозясь надавать имъ пощечинъ, если только они тронутъ ее.

Этьенъ дѣйствительно разговаривалъ съ кочегаромъ, подкидывавшимъ уголь въ одну изъ печей. Молодой человѣкъ вздрагивалъ при одной мысли, что придется снова очутиться посреди мрака и холода. Однако, онъ уже собирался идти какъ вдругъ чья-то рука легла на его плечо.

— Пойдемте, проговорила Катерина, — для васъ кое-что нашлось.

Сначала онъ ничего не понялъ, но затѣмъ безумно обрадовался и крѣпко сжалъ руки молодой дѣвушки.

— Спасибо, товарищъ... Ахъ, вы въ самомъ дѣлѣ очень добрый чертенокъ!

Она смѣялась, смотря на него при красноватомъ свѣтѣ *топившихся печей*, ярко освѣщавшихъ ихъ обоихъ. Дѣвушка

забавляло, что Этьенъ принимаетъ ее за мужчину и не видитъ ея косъ, спрятанныхъ подъ чепчикомъ. Онъ тоже хохоталъ отъ радости, и они съ минуту простояли лицомъ къ лицу, смѣясь и смотря другъ на друга.

Оставшись въ баракѣ, Магё присѣлъ около своего шкафчика и снялъ съ ногъ башмаки и толстые шерстяные чулки. Когда появился Этьенъ, дѣло было покончено нѣсколькими словами: плата—тридцать су въ день; работа—утомительная, но онъ скоро ей научится. Углекопъ посовѣтовалъ молодому человѣку не снимать башмаковъ и ссудилъ ему старую кожаную шляпу, чтобы предохранить голову отъ ушибовъ. Семья Магё считала эту предосторожность совсѣмъ излишней для себя лично. Затѣмъ были вынуты инструменты, хранившіеся въ шкафчикѣ, и лопата умершей Флорансы. Потомъ Магё спряталъ всѣ башмаки и чулки, а также узелокъ Этьена, и заперъ шкафъ опять на замокъ. Покончивъ со сборами, онъ вдругъ заторопился.

— Куда провалился этотъ одёръ Шаваль? Опять возится на кучѣ камней съ какой нибудь дѣвчонкой!.. Мы и такъ опоздали сегодня на полчаса.

Захарій и Левакъ спокойно поджаривали около печки свои плечи. Наконецъ Магё-сынъ проговорилъ:

— Ты это Шаваля дожидаешься? Онъ пришелъ раньше насъ и сейчасъ же спустился внизъ.

— Какъ! Ты зналъ это и молчишь!.. Ну, живо, живо! Давно пора!

Катерина, отогрѣвавшая около печи свои иззябшія руки, должна была послѣдовать за партіей; Этьенъ пропустилъ ее и пошелъ вслѣдъ за нею. Снова онъ очутился въ лабиринтѣ лѣстницъ и темныхъ коридоровъ, по которымъ глухо раздавались шаги босоногихъ рабочихъ, точно всѣ шедшіе были обуты въ какую-то мягкую поношенную обувь. Вдругъ передъ нимъ заблестѣла безчисленными огнями, вся въ стекольчатыхъ рамахъ, комната, наполненная стойками, на которыхъ, въ нѣсколько ярусовъ, стояли правильными рядами лампы системы Дэви. Они еще съ вечера были осмотрѣны, вычищены, и теперь горѣли, точно свѣчи вокругъ катафалка. Каждый рабочій бралъ черезъ форточку свою лампу, на которой стоялъ его нумеръ, осматривалъ *ее и запиралъ*, между тѣмъ какъ сидѣвшій за

столомъ отмѣтчикъ записывалъ въ книгу время отправленія. Потребовалось вмѣшательство Магё, чтобы добыть лампу для его новаго откатчика. Потомъ рабочіе проходили передъ провѣрщикомъ, который провѣрялъ, всѣ ли лампы заперты какъ слѣдуетъ.

— Fichtre! Здѣсь не жарко! прошептала, вздрагивая, Катерина.

Этьенъ только молча качнулъ головой. Онъ снова очутился въ пріемномъ отдѣленіи, около самаго спуска въ шахту; вѣтеръ такъ и ходилъ по этому громадному помѣщенію. Конечно, молодой человѣкъ считалъ себя очень твердымъ и храбрымъ, однако-же, какое-то непріятное волненіе сдавило его грудь, когда вокругъ него снова загрохотали телѣжки съ углемъ, раздались сигнальные удары молотка, послышался дикій крикъ въ рупоръ. Канаты, свертываясь и развертываясь, скользили по воздуху; ящики поднимались и опускались все также безшумно, не уставая уносить людей, которыхъ точно проглатывала разверзтая пасть шахты. Теперь наступила его очередь, и онъ стоялъ молча, охваченный нервнымъ холодомъ. Захарій и Левакъ видимо подсмѣивались надъ нимъ; имъ не нравилось, что Магё взялъ въ артель этого никому неизвѣстнаго человѣка. Въ особенности, Левакъ считалъ себя оскорбленнымъ, такъ какъ Магё рѣшилъ дѣло, не посовѣтовавшись съ нимъ. Поэтому Катерина очень обрадовалась, когда ея отецъ заговорилъ съ Этьеномъ, объясняя ему разныя сложныя приспособленія.

— Посмотрите, вотъ это парашютъ, говорилъ онъ, показывая на верхъ ящика.—Видите, желѣзные зубья... Если канатъ лопнетъ, зубья врѣжутся въ деревянные проводники. Этотъ снарядъ дѣйствуетъ, только не всегда... Сама шахта раздѣлена сверху до низу деревянными перегородками на три отдѣленія: по двумъ—движутся ящики, а третье, налѣво, занято лѣстницами...

Онъ вдругъ остановился и заворчалъ, не осмѣливаясь, однако, слишкомъ возвышать голосъ:

— Что-же это они тамъ возятся, nom de Dieu! Развѣ можно такъ долго морозить людей!

Надсмотрщикъ Ришомъ, тоже спускавшійся внизъ, съ не запертой, какъ у другихъ рабочихъ, лампой, прикрѣпленной къ *его кожаной шапкѣ*, услышалъ воркотню Магё. Этотъ Ришомъ,

не смотря на свое повышеніе, продолжалъ оставаться добрымъ товарищемъ для углекоповъ.

— Тише; берегись ушей! отечески прошепталъ онъ. — Нужно-же дать время справиться со всѣми этими маневрами... Ну, вотъ и готово! Садись съ своими людьми.

Дѣйствительно, ящикъ, окованный желѣзомъ и закрытый съ боковъ проволочной сѣткой, уже сидѣлъ, въ ожиданіи груза, на своихъ крѣпкихъ задвижкахъ. Магё, Захарій, Левакъ и Катерина спустились въ одну изъ телѣжекъ. Такъ какъ въ ней должны были помѣститься пятеро, то Этьенъ послѣдовалъ за ними, но хорошія мѣста были уже заняты, и онъ кое-какъ приткнулся около молодой дѣвушки, локоть которой уперся ему прямо въ животъ. Лампа страшно стѣсняла его. Ему совѣтовали зацѣпить ее за петлю куртки, но онъ не разслышалъ этого совѣта и продолжалъ неловко держать ее въ рукѣ. Нагрузка продолжалась; сверху и снизу слышался смѣшанный гулъ втаскиваемаго въ телѣжки живаго груза. Или этому не будетъ конца? Этьену казалось, что уже прошло Богъ знаетъ сколько времени. Наконецъ, ящикъ слегка вздрогнулъ, и вдругъ все кругомъ потемнѣло и заколебалось. Молодой человѣкъ почувствовалъ, что онъ падаетъ; голова у него закружилась до тошноты. Но это продолжалось только тѣ секунды, покуда ящикъ проходилъ еще у самой поверхности земли, между двумя пріемными этажами и подмостками, которыя казались бѣгущими съ неимовѣрной быстротой. Затѣмъ мракъ самой шахты совсѣмъ ошеломилъ Этьена и притупилъ всѣ ощущенія.

— Вотъ мы и отправились, спокойно проговорилъ Магё.

Всѣ чувствовали себя превосходно. Этьенъ, по временамъ, спрашивалъ самого себя: опускаются они или поднимаются? Когда ящикъ шелъ прямо, не прикасаясь къ деревяннымъ проводникамъ, тогда казалось, что онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ; затѣмъ начинались быстрые толчки о толстые дубовые брусья, и молодымъ человѣкомъ овладѣвалъ страхъ,—ему думалось, что дѣло не обойдется безъ несчастія. Къ тому-же, онъ не видѣлъ сквозь сѣтку ящика стѣнъ шахты; лампы не освѣщали даже фигуръ его спутниковъ. Только незапертая лампочка надсмотрщика, помѣстившагося въ сосѣдней телѣжкѣ, блестѣла, *какъ огонь маяка.*

— Обшивка стѣнъ — четыре метра въ діаметрѣ, продолжалъ объяснять Магё.—Только ее давно слѣдовало-бы исправить, а то вода просачивается со всѣхъ сторонъ... Вотъ, мы какъ разъ добрались до уровня воды... Слышите?

Этьенъ только что спрашивалъ самого себя: откуда это доносится шумъ проливнаго дождя? Сначала на крышу ящика упало лишь нѣсколько крупныхъ капель, какъ предвѣстницъ приближающагося ливня. Затѣмъ дождь пошелъ все сильнѣе и сильнѣе, и, наконецъ, превратился въ настоящій потокъ. Должно быть, крыша ящика была худая, такъ какъ по плечу Этьена побѣжала тоненькая струйка воды, промочившая его насквозь. Воздухъ становился совсѣмъ ледянымъ, пронизывающая сырость царила вокругъ. Вдругъ, какъ молнія, промелькнулъ призракъ освѣщенной пещеры, въ которой копошились люди.

— Это первый этажъ, пояснилъ Магё.—Мы теперь на триста двадцать метровъ отъ поверхности... Посмотрите, какая быстрота.

Онъ приподнялъ свою лампу и освѣтилъ дубовые брусья проводниковъ, которые мелькали передъ глазами также быстро, какъ мелькаютъ рельсы, когда поѣздъ мчится на всѣхъ парахъ. Далѣе ничего не было видно. Три остальныхъ этажа промелькнули съ той-же быстротой молніи; оглушительный дождь все лилъ среди глубокаго мрака.

— Какъ это глубоко! тихо проговорилъ Этьенъ.

Казалось, что они спускаются уже въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Молодому человѣку было неловко въ томъ положеніи, которое онъ занялъ, помѣстившись въ ящикѣ, и въ особенности его мучилъ локоть Катерины. Она все время молчала, но онъ чувствовалъ теплоту ея тѣла, согрѣвавшаго и его. Когда, наконецъ, ящикъ пролетѣлъ пятьсотъ пятьдесятъ четыре метра и остановился на днѣ шахты, Этьенъ очень удивился, услышавъ, что они спускались ровно минуту. Шумъ закрѣпляемыхъ задвижекъ и пріятное ощущеніе твердой почвы подъ ногами быстро развеселили его, и онъ, шутя, заговорилъ съ Катериной на „ты“.

— Что у тебя такое горячее подъ кожей?.. Право, твой *локоть такъ и остался* у меня подъ ложечкой.

Она разразилась смѣхомъ. Ну, не глупъ-ли онъ, что до сихъ поръ принимаетъ ее за мужчину? Чѣмъ у него закутаны глаза?

— Это тебѣ въ глазъ засѣлъ мой локоть, отвѣчала она посреди общаго смѣха, очень удивившаго молодаго человѣка, но все-таки ничего ему не объяснившаго.

Ящикъ пустѣлъ; рабочіе выходили въ отдѣленіе, въ которомъ производилась нагрузка,—просторное, съ каменными сводами помѣщеніе, вытесанное въ скалѣ и освѣщенное тремя большими лампами. По чугуннымъ плитамъ катились съ грохотомъ набитыя углемъ телѣжки, подвозимыя нагрузчиками. Отъ стѣнъ несло сыростью и гнилью; теплая струя воздуха вырывалась по временамъ изъ сосѣдней комнаты. Изъ этого отдѣленія шли четыре мрачныя галлереи.

— Сюда, обратился Магё къ Этьену.—Вы вѣдь не знаете, что намъ придется пройти два добрыхъ километра.

Партіи рабочихъ исчезали въ черныхъ отверстіяхъ галлерей. Человѣкъ пятнадцать повернули вмѣстѣ съ Магё налѣво; Этьенъ шелъ послѣднимъ, позади Магё, которому предшествовали Катерина, Захарій и Левакъ. Это была прекрасная галлерея, съ рельсами для провоза телѣжекъ, вытесанная въ такомъ крѣпкомъ слоѣ, что стѣны и потолокъ ея были укрѣплены только въ немногихъ мѣстахъ. При слабомъ свѣтѣ лампъ, рабочіе молча шли все дальше и дальше. Молодой человѣкъ спотыкался на каждомъ шагу о рельсы. Уже съ минуту его безпокоилъ какой-то глухой, отдаленный гулъ, точно изъ нѣдръ земли надвигалась страшная гроза и все росла и росла. Можетъ быть, этотъ гулъ происходитъ отъ обвала, который постепенно разрушаетъ всю эту громадную массу земли, висящую надъ ихъ головами и отдѣляющую ихъ отъ дневнаго свѣта?.. Въ темнотѣ блеснулъ огонекъ, галлерея дрогнула, и когда онъ прижался плотно къ стѣнѣ, слѣдуя примѣру своихъ товарищей, мимо него прошла большая бѣлая лошадь, тащившая цѣлый поѣздъ телѣжекъ. На передней тележкѣ, держа вожжи и правя, сидѣлъ Беберъ, между тѣмъ какъ Жанлинъ бѣжалъ за послѣдней, ухватившись руками за ея края.

Углекопы снова *тронулись* въ путь. По дорогѣ попался *перекрестокъ, показались еще* двѣ галлереи, и часть рабочихъ

направилась по нимъ, наполняя мало по малу всѣ подземные ходы. Начиная съ этого пункта, галлерея, по которой шелъ Этьенъ, была укрѣплена деревомъ. Блѣдно-желтаго цвѣта перекладины поддерживали потолокъ, одѣвая такимъ образомъ рыхлую породу угля деревянною одеждою, сквозь которую виднѣлись пластинки сланца, блестѣвшія слюдой, и тусклыя массы шероховатаго песчаника. Съ своимъ обычнымъ грохотомъ, перекрещиваясь одни съ другими, безпрестанно проходили поѣзда нагруженныхъ и пустыхъ телѣжекъ, увлекаемые въ темную даль смутно виднѣвшимися лошадьми, пробѣгавшими точно привидѣнія. На двойномъ пути боковыхъ рельсовъ, казалось, спала, растянувшись, длинная черная змѣя: это былъ остановившійся поѣздъ. Слышался храпъ лошади, до того окутанной темнотой, что ея чуть виднѣвшійся крупъ казался глыбой, упавшей съ потолка. Воздушныя двери, устроенныя для провѣтриванія галлерей, безпрестанно хлопали и затѣмъ медленно затворялись. По мѣрѣ того, какъ углекопы подвигались впередъ, галлерея становилась все уже и ниже, потолокъ сдѣлался неровенъ и заставлялъ безпрестанно нагибаться.

Этьенъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями Магё, шедшаго впереди его и достаточно освѣщеннаго свѣтомъ лампъ; однако-же это не помѣшало ему удариться обо что-то головою такъ сильно, что еслибы на немъ не было кожаной шапки, онъ навѣрное разсѣкъ бы себѣ черепъ. Изъ углекоповъ-же никто ни разу не ушибся, — такъ хорошо изучили они каждый выступъ потолка, каждую неровность деревяннаго укрѣпленія. Этьена затрудняла также скользкая почва подъ ногами, съ каждымъ шагомъ становившаяся все болѣе и болѣе влажною. Мѣстами ему приходилось переходить черезъ цѣлыя невидимыя лужи, въ которыхъ вязли ноги. Но что болѣе всего поражало его, это рѣзкая перемѣна температуры. Въ отдѣленіи, гдѣ производилась нагрузка, около самаго отверстія шахты, было только свѣжо; въ галлереѣ, по которой провозились телѣжки съ углемъ и были устроены воздушныя двери, дулъ ледяной вѣтеръ. Сдавливаемый со всѣхъ сторонъ стѣнами, онъ превращался, по временамъ, въ на[illegible] бурю. Дальше, въ болѣе узкихъ галлереяхъ, въ ко[illegible] проникало мало свѣжаго воздуха, вѣтра почти совсѣмъ [illegible] и, по мѣрѣ того, какъ углекопы подвигались впе-

редъ, жара все усиливалась и начинало становиться душно. Уже съ четверть часа шли они по этимъ узкимъ подземнымъ проходамъ, мрачнымъ и душнымъ, безконечно тянувшимся все дальше и дальше.

Магё все время шелъ молча. Свернувъ направо, въ новую галлерею, онъ проговорилъ, не поворачивая головы къ Этьену:

— Пластъ Гильома.

Это былъ наконецъ тотъ самый пластъ, который они разработывали. Съ первыхъ-же шаговъ, Этьенъ ушибъ голову и локти. Наклонный потолокъ былъ до такой степени низокъ, что приходилось идти, согнувшись въ дугу. Вода доходила до щиколокъ. Пройдя такимъ образомъ метровъ двѣсти, Этьенъ вдругъ потерялъ изъ виду Левака, Захарія и Катерину, которые точно вылетѣли въ какую-то трещину, открывшуюся передъ ними.

— Теперь надо подниматься вверхъ, сказалъ Магё.—Прикрѣпите вашу лампу къ курткѣ и цѣпляйтесь руками за стѣны.

Исчезъ и Магё; Этьенъ съ трудомъ подвигался впередъ. По этому ходу, пробитому въ пласту угля, ходили всѣ углекопы; отъ него шло еще нѣсколько боковыхъ ходовъ. Ширина его была въ толщину угольнаго пласта и едва доходила до шестидесяти сантиметровъ. Къ счастью, Этьенъ былъ очень худъ. Но все таки, не пріобрѣтя еще навыка, не умѣя какъ слѣдуетъ придерживаться за деревянныя укрѣпленія вдоль стѣнъ, онъ выбивался изъ силъ. Поднявшись вверхъ метровъ на пятнадцать, онъ увидѣлъ первый боковой ходъ. Нужно было взбираться еще выше, такъ какъ Магё съ товарищами работалъ въ шестомъ ярусѣ, „въ аду“, по выраженію углекоповъ. Черезъ каждые пятнадцать метровъ попадались боковые ходы, а эта трещина, по которой ползъ Этьенъ, тянулась все выше и выше и ей, казалось, не было конца. Онъ дышалъ такъ тяжело, какъ будто эти каменныя глыбы сдавили всѣ его члены; руки его были исцарапаны, ноги—избиты; воздуха не хватало до такой степени, что ему начинало казаться, будто кровь проступаетъ у него сквозь кожу. Въ одномъ изъ боковыхъ путей онъ смутно увидѣлъ двѣ перегнувшіяся пополамъ тѣни: одна была маленькая, другая—большая. *Это были* Лидія и Мукъ, уже привявшіяся

направилась по нимъ, наполняя мало по малу всѣ подземные ходы. Начиная съ этого пункта, галлерея, по которой шелъ Этьенъ, была укрѣплена деревомъ. Блѣдно-желтаго цвѣта перекладины поддерживали потолокъ, одѣвая такимъ образомъ рыхлую породу угля деревянною одеждою, сквозь которую виднѣлись пластинки сланца, блестѣвшія слюдой, и тусклыя массы шероховатаго песчаника. Съ своимъ обычнымъ грохотомъ, перекрещиваясь одни съ другими, безпрестанно проходили поѣзда нагруженныхъ и пустыхъ телѣжекъ, увлекаемые въ темную даль смутно виднѣвшимися лошадьми, пробѣгавшими точно привидѣнія. На двойномъ пути боковыхъ рельсовъ, казалось, спала, растянувшись, длинная черная змѣя: это былъ остановившійся поѣздъ. Слышался храпъ лошади, до того окутанной темнотой, что ея чуть виднѣвшійся крупъ казался глыбой, упавшей съ потолка. Воздушныя двери, устроенныя для провѣтриванія галлерей, безпрестанно хлопали и затѣмъ медленно затворялись. По мѣрѣ того, какъ углекопы подвигались впередъ, галлерея становилась все уже и ниже, потолокъ сдѣлался неровенъ и заставлялъ безпрестанно нагибаться.

Этьенъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями Магѣ, шедшаго впереди его и достаточно освѣщеннаго свѣтомъ лампъ; однако-же это не помѣшало ему удариться обо что-то головою такъ сильно, что еслибы на немъ не было кожаной шапки, онъ навѣрное разсѣкъ бы себѣ черепъ. Изъ углекоповъ-же никто ни разу не ушибся, — такъ хорошо изучили они каждый выступъ потолка, каждую неровность деревяннаго укрѣпленія. Этьена затрудняла также скользкая почва подъ ногами, съ каждымъ шагомъ становившаяся все болѣе и болѣе влажною. Мѣстами ему приходилось переходить черезъ цѣлыя невидимыя лужи, въ которыхъ вязли ноги. Но что болѣе всего поражало его, это рѣзкая перемѣна температуры. Въ отдѣленіи, гдѣ производилась нагрузка, около самаго отверстія шахты, было только свѣжо; въ галлереѣ, по которой провозились телѣжки съ угленъ и были устроены воздушныя двери, дулъ ледяной вѣтеръ. Сдавливаемый со всѣхъ сторонъ стѣнами, онъ превращался, по временамъ, въ настоящую бурю. Дальше, въ болѣе узкихъ галлереяхъ, въ которыя проникало мало свѣжаго воздуха, вѣтра почти совсѣмъ не было, и, по мѣрѣ того, какъ углекопы подвигались вце-

редъ, жара все усиливалась и начинало становиться душно. Уже съ четверть часа шли они по этимъ узкимъ подземнымъ проходамъ, мрачнымъ и душнымъ, безконечно тянувшимся все дальше и дальше.

Магё все время шелъ молча. Свернувъ направо, въ новую галлерею, онъ проговорилъ, не поворачивая головы къ Этьену:

— Пластъ Гильома.

Это былъ наконецъ тотъ самый пластъ, который они разработывали. Съ первыхъ-же шаговъ, Этьенъ ушибъ голову и локти. Наклонный потолокъ былъ до такой степени низокъ, что приходилось идти, согнувшись въ дугу. Вода доходила до щиколокъ. Пройдя такимъ образомъ метровъ двѣсти, Этьенъ вдругъ потерялъ изъ виду Левака, Захарія и Катерину, которые точно вылетѣли въ какую-то трещину, открывшуюся передъ ними.

— Теперь надо подниматься вверхъ, сказалъ Магё.—Прикрѣпите вашу лампу къ курткѣ и цѣпляйтесь руками за стѣны.

Исчезъ и Магё; Этьенъ съ трудомъ подвигался впередъ. По этому ходу, пробитому въ пласту угля, ходили всѣ углекопы; отъ него шло еще нѣсколько боковыхъ ходовъ. Ширина его была въ толщину угольнаго пласта и едва доходила до шестидесяти сантиметровъ. Къ счастью, Этьенъ былъ очень худъ. Но все таки, не пріобрѣтя еще навыка, не умѣя какъ слѣдуетъ придерживаться за деревянныя укрѣпленія вдоль стѣнъ, онъ выбивался изъ силъ. Поднявшись вверхъ метровъ на пятнадцать, онъ увидѣлъ первый боковой ходъ. Нужно было взбираться еще выше, такъ какъ Магё съ товарищами работалъ въ шестомъ ярусѣ, „въ аду“, по выраженію углекоповъ. Черезъ каждые пятнадцать метровъ попадались боковые ходы, а эта трещина, по которой ползъ Этьенъ, тянулась все выше и выше и ей, казалось, не было конца. Онъ дышалъ такъ тяжело, какъ будто эти каменныя глыбы сдавили всѣ его члены; руки его были исцарапаны, ноги—избиты; воздуха не хватало до такой степени, что ему начинало казаться, будто кровь проступаетъ у него сквозь кожу. Въ одномъ изъ боковыхъ путей онъ смутно увидѣлъ двѣ перегнувшіяся пополамъ тѣни: одна была маленькая, другая—*большая. Это были* Лидія и Мукъ, уже принявшіяся

за работу и двигавшія нагруженныя углемъ телѣжки. А ему надо взбираться еще на два яруса! Обливаясь потомъ, безпрестанно попадавшимъ ему въ глаза, онъ начиналъ уже приходить въ отчаяніе и думать, что никогда не догонитъ товарищей, ушедшихъ впередъ и дававшихъ знать о себѣ только легкимъ шорохомъ, съ которымъ они пробирались вдоль стѣнъ.

— Смѣлѣе; мы пришли! раздался голосъ Катерины.

Наконецъ-то и онъ добрался. Послышался другой крикливый голосъ:

— Ну, куда же это вы запропастились?.. Я прошелъ изъ Монсу два километра и все-таки пришелъ сюда раньше васъ!

Это кричалъ Шаваль, сердившійся, что его заставили ждать. Онъ былъ высокій, костлявый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ рѣзкими чертами лица. Увидѣвъ Этьена, онъ спросилъ съ выраженіемъ удивленія и нѣкотораго презрѣнія:

— Это еще что такое?

Когда Магё передалъ ему всю исторію, Шаваль процѣдилъ сквозь зубы:

— Ну, мужчины начинаютъ отбивать хлѣбъ у женщинъ!

Этьенъ и Шаваль обмѣнялись взглядами, полными той инстинктивной ненависти, которая вспыхиваетъ всегда вдругъ, разомъ. Этьенъ чувствовалъ, хотя еще не понималъ ясно, нанесенное ему оскорбленіе. Наступило молчаніе; углекопы принялись за работу. Мало по малу рабочіе наполнили всѣ ярусы разрабатываемаго ими пространства и работа закипѣла повсюду. Шахта проглотила свою дневную порцію, состоящую почти изъ семисотъ рабочихъ, которые кишили теперь въ этомъ громадномъ муравейникѣ, просверливая землю во всѣхъ направленіяхъ, точно черви истачиваютъ старое дерево. Еслибы приложить ухо къ поверхности копей, то можно было бы услышать всю возню, поднятую въ ихъ нѣдрахъ этими рабочими,— начиная съ легкаго свиста канатовъ, поднимающихъ и опускающихъ ящики, и кончая ударами кирки, впивающейся въ слой каменнаго угля въ самой глубинѣ подземныхъ галлерей.

Подавшись немного назадъ, Этьенъ снова очутился бокъ о бокъ съ Катериной, но на этотъ разъ онъ почувствовалъ *мягкія, круглыя* формы женскаго тѣла и сразу понялъ, *почему ему было* такъ тепло во время спуска въ шахту.

— Такъ ты—женщина? пробормоталъ онъ съ удивленіемъ.

— Да... Не скоро же ты отгадалъ! отвѣчала Катерина, нисколько не смущаясь.

IV.

Забойщики вытянулись въ рядъ, одинъ выше другаго, такъ какъ пластъ разрабатывался уступами. Люди были отдѣлены другъ отъ друга укрѣпленными на крючкахъ досками, не позволявшими выломанному углю скатываться внизъ. На каждаго человѣка приходился участокъ пласта, метра четыре въ длину и не свыше пятидесяти сантиметровъ толщиной. Углекопы были до того сжаты потолкомъ и стѣнами, что не могли двигаться иначе, какъ на колѣняхъ и на локтяхъ, не имѣли возможности повернуться, не ободравъ себѣ плечъ. Работать приходилось лежа на боку, скрививъ шею и поднявъ вверхъ руки съ киркою, насаженною на короткую рукоятку.

Ближе къ боковому ходу работалъ Захарій, за нимъ—Левакъ, еще выше—Шаваль, а на самомъ верху—Магё. Прежде всего забойщикъ подкапывался киркою подъ пластъ угля снизу, затѣмъ прорубалъ двѣ глубокія борозды по бокамъ и, наконецъ, отдѣлялъ глыбу сверху. Уголь былъ жирный, и глыба, падая, разбивалась на куски, которые скатывались внизъ по животу и по ногамъ рабочаго. Задерживаемые дальше досками, эти куски наваливались одинъ на другой и, мало по малу, совсѣмъ загораживали и какъ будто замуравливали углекоповъ въ этой узкой трещинѣ.

Магё приходилось хуже всѣхъ. Вверху температура доходила до тридцати пяти градусовъ, движенія воздуха совсѣмъ не было, и еслибы человѣкъ пробылъ тамъ болѣе долгое время, то навѣрное задохнулся бы. Чтобы лучше освѣтить мѣсто своей работы, Магё долженъ былъ повѣсить лампу на гвоздь, и она страшно нагрѣвала ему черепъ. Кромѣ того, ему не давала покоя вода. Какъ разъ надъ нимъ, всего въ нѣсколькихъ сантиметрахъ отъ лица, она просачивалась изъ угольнаго пласта и съ ритмической правильностью, капля за каплей, падала на него. Онъ запрокидывалъ назадъ голову, вертѣлъ шеей, но ничего не помогало: капли непрерывно падали *на него, одна за другою,* и черезъ четверть часа онъ

весь былъ смоченъ водой и покрытъ своимъ собственнымъ потомъ, такъ что отъ него валилъ паръ, какъ отъ пропаренаго бѣлья, только что вынутаго изъ котла. Къ тому же, въ это утро, ревматизмъ, засѣвшій во всѣхъ его членахъ, давалъ себя чувствовать сильной ломотой въ глазу и заставлялъ Магё безпрестанно ругаться. Однако же, онъ не бросалъ работу и безостановочно колотилъ киркою, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ въ стѣнахъ этой трещины, точно насѣкомое, попавшее между двумя листами книги, которая каждую минуту можетъ захлопнуться и раздавить его.

Углекопы работали, не обмѣниваясь ни единымъ словомъ, и въ неподвижномъ, безъ малѣйшаго резонанса, воздухѣ только и слышались неправильные, какъ бы отдаленные удары кирки. Угольная пыль носилась въ воздухѣ, насѣдала на рѣсницы и еще болѣе сгущала мракъ, царившій кругомъ. Лампы, прикрытыя металлическими сѣтками, казались красноватыми точками. Подземный ходъ поднимался вверхъ, точно печная труба, почернѣвшая отъ сажи, накопившейся въ ней за цѣлыхъ десять зимъ, и въ этой трубѣ копошились неясныя тѣни какихъ-то призраковъ. По временамъ, слабый свѣтъ лампы вдругъ освѣщалъ то мускулистую руку, то согнутую спину, то голову, покрытую растрепавшимися волосами, или на мгновеніе отражался на граняхъ кусковъ, на которые распадалась отбитая глыба угля. А затѣмъ снова наступалъ мракъ, и въ немъ слышались только удары кирки, учащенное дыханіе людей, воркотня, вызванная усталостью, и шумъ капель, непрерывно падающихъ съ потолка.

Захарій, бывшій вчера на свадьбѣ и поэтому плохо владѣвшій сегодня руками, первый бросилъ работу, подъ предлогомъ, что ему нужно поставить деревянныя подпорки. Онъ тихо посвистывалъ, разсѣянно смотря въ темноту. Позади забойщиковъ оставалось пространство, метра въ три длиною, изъ котораго весь каменный уголь былъ уже выломанъ. Слѣдовало укрѣпить это мѣсто подпорками, но никто изъ забойщиковъ еще не подумалъ объ этомъ, потому что всѣ они слишкомъ дорожили каждымъ рабочимъ часомъ и, по обыкновенію, совершенно пренебрегали опасностью.

— *Эй, баринъ*, дай-ка мнѣ брусья! крикнулъ Захарій *Этьену*.

Въ это время Катерина учила Этьена работать лопатой. Онъ оставилъ ее и пошелъ за брусьями, которые каждое утро доставлялись на мѣсто работъ, уже совсѣмъ готовые.

— Скорѣе, sacrée flamme! закричалъ Захарій, когда новый откатчикъ неловко пробирался посреди наваленнаго угля, держа въ рукахъ четыре дубовыхъ бруса.

Захарій сдѣлалъ киркой зарубку въ потолкѣ, затѣмъ — другую въ стѣнѣ и вставилъ въ эти зарубки брусъ, подперевъ, такимъ образомъ, массу земли, висѣвшую безъ опоры надъ головами рабочихъ. Послѣ полудня, сюда явятся землекопы, уберутъ весь ненужный мусоръ и засыплютъ землею пустоты въ стѣнахъ, оставивъ только одинъ ходъ для забойщиковъ и боковые ходы, черезъ которые вывозятся телѣжки съ углемъ.

Магё пересталъ наконецъ ворчать и ругаться: глыба угля, которую онъ вырубалъ, уступила его усиліямъ и отдѣлилась отъ пласта. Онъ обтеръ рукавомъ потъ, катившійся съ лица, и оглянулся посмотрѣть, что̀ такое дѣлаетъ Захарій.

— Оставь, сказалъ Магё; — мы можемъ этимъ заняться послѣ завтрака. Принимайся лучше за кирку, если не хочешь заработать сегодня меньше обыкновеннаго.

— Да вѣдь это мѣсто осѣдаетъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Посмотри, тутъ уже треснуло. Я боюсь, какъ-бы не обвалилось...

Отецъ пожалъ плечами.— Чорта съ два,—обвалится!.. Въ первый разъ, что-ли, выкарабкиваться изъ подъ обвала?.. Онъ кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ разсердился и послалъ сына на свое мѣсто, впереди всѣхъ забойщиковъ.

Прочіе углекопы тоже оставили на время свои кирки: Левакъ, лежа на спинѣ, ругался, осматривая большой палецъ на лѣвой рукѣ, ободранный до крови посыпавшимся сверху песчаникомъ; Шаваль съ бѣшенствомъ стащилъ съ себя рубашку и остался по-поясъ голымъ, надѣясь, что такъ ему будетъ хоть сколько нибудь прохладнѣе. Они всѣ уже покрылись тонкой угольной пылью, которая, смѣшиваясь съ потомъ, стекала съ нихъ ручьями. Магё первый принялся снова за работу. Теперь онъ стоялъ ниже всѣхъ, и голова его приходилась *въ уровень съ пластомъ* угля. Вода, капля по каплѣ, па-

дала прямо ему на лобъ, и ему начинало казаться, что она непремѣнно продолбитъ дыру въ его черепѣ.

— Не слѣдуетъ обращать на нихъ вниманія, говорила между-тѣмъ Катерина, утѣшая Этьена.—Вѣдь они всегда такъ орутъ.

И, какъ добрая, услужливая дѣвушка, она опять принялась учить его и объяснять механизмъ работы. Каждая телѣжка съ углемъ доставляется на земную поверхность точно въ такомъ-же видѣ, въ какомъ они отправятъ ее отсюда, съ мѣста работы. На каждой изъ нихъ—особое клеймо, по которому пріемщикъ узнаетъ, изъ какой галлереи она отправлена. Нужно стараться насыпàть телѣжки какъ можно полнѣе и, при этомъ, только хорошимъ углемъ, а иначе пріемщикъ тамъ, наверху, не приметъ груза.

Молодой человѣкъ, глаза котораго уже свыклись съ темнотой, смотрѣлъ на блѣдное лицо Катерины, еще не успѣвшее покрыться угольной пылью, и старался опредѣлить ея лѣта. На его взглядъ, ей нельзя было дать болѣе двѣнадцати,—до того маленькой и худенькой она казалась ему. Однако, по ея свободному обращенію, которое немного стѣсняло его, онъ чувствовалъ, что она, должно-быть, не двѣнадцатилѣтній ребенокъ. Вообще, ея мальчишеская наружность не особенно нравилась ему. Но что его удивляло, это—необыкновенная сила и ловкость дѣвочки. Она такъ быстро и ловко подкидывала своей лопаткой куски угля въ телѣжку, что Этьенъ никакъ не могъ поспѣвать за нею. Затѣмъ, нагрузивъ эту телѣжку, она продвигала ее до наклоннаго боковаго пути, нигдѣ не зацѣпляясь и свободно проходя въ самыхъ низкихъ мѣстахъ, тогда-какъ Этьенъ, напротивъ, весь избился, измучился, и его телѣжка поминутно сходила съ рельсовъ.

Правда, дорога была не особенно удобная. Отъ того мѣста, гдѣ работали забойщики, было около шестидесяти метровъ до начала бокового пути. Землекопы еще не успѣли привести въ порядокъ эту узкую трещину, пробитую забойщиками. Потолокъ въ ней былъ неровный, такъ-что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, нагруженная телѣжка еле проходила подъ нимъ, а откатчикъ долженъ былъ ползти на колѣняхъ, чтобы не *разбить себѣ* голову. Подставленные для поддержки потолка, *деревянные* брусья иногда гнулись, даже ломались пополамъ

, расщепленные, торчали вдоль стѣнъ. Надо было обходить, тобы не исцарапаться объ нихъ. Мѣстами земля, медленно сѣдая, гнула и надламывала сдерживавшіе ее толстые дубо-ые брусья, и откатчику приходилось ползти на брюхѣ подъ этимъ непрочнымъ потолкомъ, каждую минуту ожидая, что вотъ сейчасъ затрещатъ подъ обваломъ кости его спиннаго хребта.

— Опять!.. воскликнула, смѣясь, Катерина.

Въ самомъ неудобномъ мѣстѣ прохода, телѣжка Этьена со-шла съ рельсовъ. Онъ никакъ не могъ пріучиться направлять ее какъ слѣдуетъ по этимъ рельсамъ, не особенно правильно лежавшимъ на влажной землѣ. Молодой человѣкъ ругался, выходилъ изъ себя, выбивался изъ силъ, стараясь поставить колеса на рельсы, и все-таки ничего не могъ сдѣлать.

— Подожди, сказала Катерина.—Если ты будешь злить-я, то дѣло никогда не подвинется впередъ.

Она ловко проскользнула спиной подъ телѣжку, приподняла ее своею поясницею и поставила на мѣсто. Груза въ этой телѣжкѣ было семьсотъ килограммовъ. Этьенъ, удивленный и пристыженный, разсыпался въ извиненіяхъ.

Она научила его, какъ нужно, двигая нагруженную телѣжку, разставлять ноги, чтобы онѣ доставали до стѣнъ и находили въ нихъ опору,—какъ сгибать корпусъ, вытягивать руки и, вообще, ставить въ наиболѣе выгодное для работы положеніе всѣ мускулы. Онъ слѣдилъ за нею, когда она двигала впередъ телѣжку, упираясь въ ея нижніе края руками и перегнувшись чуть не вдвое, такъ-что казалось, будто она идетъ на четверенькахъ. Дѣвушка обливалась потомъ, задыхалась, суставы ея трещали, но ни одной жалобы не вырывалось у нея, и она работала совершенно спокойно, какъ будто Жднякамъ такъ и слѣдовало жить, согнувшись въ дугу. Не то было съ Этьеномъ: башмаки страшно стѣсняли его, тѣло болѣло отъ непривычнаго положенія, и, въ концѣ концовъ, эта работа сдѣлалась для него до такой степени мучительной и невыносимой, что онъ безпрестанно опускался на колѣни, чтобы хоть на минуту имѣть возможность выпрямиться и перевести духъ.

Наконецъ, откатчики *добирались* съ нагруженными телѣжками *до наклонной галлереи*, куда свозился черезъ боковые

ходы весь уголь, добытый углекопами въ ихъ участкахъ. Это была длинная, метровъ въ сто галлерея, укрѣпленная со всѣхъ сторонъ деревомъ и обладавшая такимъ резонансомъ, что голоса людей казались въ ней какъ-будто исходящими изъ какого-то гигантскаго рупора. Здѣсь начиналась другая работа. Вверху и внизу этой наклонной галлереи стояли двѣнадцати и пятнадцатилѣтніе мальчишки, обыкновенно перебрасывавшіеся между собою самыми мерзкими словами и при этомъ оравшіе такъ громко, что прибывшая съ телѣжкой откатчица должна была кричать еще громче ихъ, чтобы они услышали ее и спустили ея грузъ. Эти мальчишки управляли особеннымъ механизмомъ, который спускалъ внизъ по наклону нагруженныя телѣжки и въ то-же время, силою одной только ихъ тяжести, поднималъ ихъ на верхъ пустыми. Когда къ нижнему концу наклона доставлялась пустая телѣжка, мальчишка, стоявшій у этого конца, подавалъ извѣстный сигналъ, откатчица прицѣпляла къ канату свою нагруженную телѣжку, другой мальчишка, помѣщавшійся въ верхнемъ концѣ наклона, освобождалъ нажимъ, сдерживавшій движеніе механизма, и грузъ катился внизъ, поднимая своею тяжестью пустую телѣжку наверхъ. Еще далѣе, внизу, изъ нагруженныхъ углемъ телѣжекъ составлялись уже цѣлые поѣзда, которые доставлялись лошадьми прямо къ шахтѣ.

— Эй, одры! закричала Катерина, добравшись до этой наклонной галлереи.

Мальчишки, должно быть, вздумали отдохнуть и не подавали голоса. Отправка телѣжекъ пріостановилась на всемъ разрабатываемомъ пространствѣ. Наконецъ тоненькій дѣтскій голосокъ прокричалъ откуда-то:

— Одного мальчишку навѣрное можно найти подлѣ Мукъ.

Раздался громкій хохотъ: всѣ откатчицы схватились за бока отъ смѣха.

— Откуда этотъ ребячій голосъ? спросилъ Этьенъ.

Катерина сказала, что это Лидія. По ея словамъ, эта дѣвчонка знаетъ уже всѣ гадости и справляется со своей телѣжкой не хуже взрослой женщины, хотя руки у нея похожи на кукольныя. Что-же касается Мукъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, *если она* любезничаетъ за разъ съ обоими мальчишками.

Наконецъ появился мальчишка, стоявшій на верху наклона, и закричалъ откатчицамъ, чтобы онѣ прицѣпляли свои телѣжки: по всей вѣроятности, невдалекѣ проходилъ кто-нибудь изъ надсмотрщиковъ. Отправка груза опять началась; раздались сигнальныя выкрикиванія мальчишекъ, со всѣхъ сторонъ послышалось пыхтѣнье откатчицъ, вывозившихъ уголь въ наклонную галлерею. Отъ нихъ валилъ паръ, какъ отъ тяжело нагруженныхъ лошадей. Въ этомъ было что-то животное, и чувственные инстинкты пробуждались въ углекопѣ, когда онъ, проходя мимо, натыкался на одну изъ этихъ дѣвушекъ, идущую почти на четверенькахъ, въ мужскомъ костюмѣ, который разлѣзался на ней отъ напряженія всѣхъ ея мускуловъ.

Возвращаясь съ пустой телѣжкой къ мѣсту работы забойщиковъ, Этьенъ каждый разъ находилъ все одно и то же: та-же невыносимая жара въ воздухѣ, тѣ-же глухіе и мѣрные удары кирки, и то-же глубокое и трудное дыханіе работающихъ людей. Они, всѣ четверо, раздѣлись до-гола и, смоченные до самой макушки черной грязью, совсѣмъ слились съ окружающимъ ихъ пластомъ угля. Одинъ разъ пришлось освобождать Магё, который задыхался подъ обсыпавшимся на него углемъ, и снять доски, чтобы спустить внизъ накопившійся за ними уголь. Захарій и Левакъ проклинали разрабатываемый ими пластъ, находя, что онъ становится слишкомъ твердымъ, такъ-что имъ придется, пожалуй, заработать меньше обыкновеннаго. Шаваль, отъ времени до времени, повертывался на минуту на спину и принимался ругать Этьена, присутствіе котораго видимо выводило его изъ себя.

— Ползетъ, какъ какой-нибудь гадъ!... Любая женщина сильнѣе его!.. Будешь-ли ты, наконецъ, насыпать какъ слѣдуетъ свои телѣжки!.. Небось, все бережетъ ручки... Nom de Dieu! Я вычту десять су изъ твоего заработка, если только у насъ не примутъ хоть одну телѣжку!...

Этьенъ отмалчивался, счастливый тѣмъ, что нашелъ хоть эту каторжную работу, и подчиняясь грубой іерархіи труда съ не менѣе грубыми отношеніями къ своему собрату того рабочаго, которому удалось хоть на время сдѣлаться начальникомъ. Къ тому-же Этьенъ выбился, наконецъ, изъ силъ: ноги его были всѣ въ крови, члены сводились судорогами, а

голову словно сжималъ желѣзный обручъ. Къ счастію, было десять часовъ, и углекопы рѣшили, что время завтракать.

У Магё были карманные часы, но онъ даже и не взглянулъ на нихъ: среди этого безпросвѣтнаго мрака ему никогда еще не случалось ошибаться во времени даже на пять минутъ. Забойщики надѣли рубашки и куртки, вышли изъ своей узкой трещины и усѣлись на корточкахъ. Эта поза сдѣлалась до того привычной для углекоповъ, что они невольно принимаютъ ее даже наверху, внѣ копей, и никогда не чувствуютъ надобности ни въ какомъ-либо обрубкѣ, ни въ доскѣ. Они вынули свои тартинки и неторопливо откусывали куски отъ толстыхъ ломтей, изрѣдка перебрасываясь замѣчаніями по поводу своей утренней работы. Катерина, до сихъ поръ стоявшая, присоединилась наконецъ къ Этьену, который растянулся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ забойщиковъ, поперекъ рельсовъ, прислонившись спиной къ деревянной обшивкѣ стѣнъ. Онъ выбралъ себѣ почти совсѣмъ сухое мѣстечко.

— Ты что-же не ѣшь? спросила Катерина.

Ротъ ея былъ набитъ хлѣбомъ; въ рукѣ она держала свою тартинку. Затѣмъ дѣвушкѣ вдругъ припомнилось, что вѣдь этотъ человѣкъ пришелъ ночью, безъ гроша денегъ, можетъ быть—безъ куска хлѣба.

— Хочешь, я подѣлюсь съ тобой?

Онъ отказывался, увѣряя, что совсѣмъ не хочетъ ѣсть, между тѣмъ какъ голосъ его дрожалъ отъ судорогъ и боли въ пустомъ желудкѣ.

— А ты, вѣроятно, очень брезгливъ! весело продолжала она.—Ну, смотри, я съ этой стороны не откусывала.

Катерина, разломила, тартинку пополамъ. Этьенъ взялъ свою долю и съ трудомъ удержался, чтобы не проглотить ее всю за разъ. Съ самымъ спокойнымъ видомъ добраго товарища дѣвушка растянулась около него. Она лежала на животѣ, уткнувъ подбородокъ въ ладонь одной руки, а въ другой—держа тартинку, отъ которой неторопливо откусывала куски. Стоявшія между ними лампы освѣщали ихъ.

Катерина, молча, смотрѣла съ минуту на молодаго человѣка. Этьенъ, съ его тонкими чертами лица и черными уси-

ми, показался ей очень красивымъ, и она какъ-то неопре-
ленно улыбалась отъ удовольствія.

— Такъ ты машинистъ, и тебя прогнали съ твоей же-
зной дороги... За что тебя прогнали?

— За то, что я далъ пощечину моему начальнику.

Всосавшая съ молокомъ матери наслѣдственныя понятія о
лѣпомъ повиновеніи начальникамъ, она на минуту остол-
енѣла.

— Слѣдуетъ прибавить, что я былъ тогда пьянъ, продол-
калъ Этьенъ, — а когда я выпью, то становлюсь совсѣмъ
умашедшимъ и готовъ съѣсть или самого себя, или кого-
нибудь другаго,—это для меня все равно... Я не могу выпить
вухъ маленькихъ стаканчиковъ безъ того, чтобы мнѣ не
пришло желанія кого-нибудь съѣсть... Послѣ этого я хвораю
цѣлыхъ два дня.

— Никогда не надо пить, проговорила серьезно Катерина

— Э, я знаю, сказалъ Этьенъ и покачалъ головой.

Потомокъ цѣлаго поколѣнія пьяницъ, онъ ненавидѣлъ
одку, какъ только можетъ ненавидѣть ее человѣкъ, чувству-
ющій, что весь его организмъ до того отравленъ алкоголемъ,
то одна капля водки дѣйствуетъ на него, какъ ядъ.

— Жаль матери... Плохо и для нея, что меня вышвыр-
ули на улицу, заговорилъ онъ, прожевавъ кусокъ.—Матери
живется не особенно хорошо, и я, отъ времени до времени,
осылалъ ей монету въ сто су.

— Гдѣ живетъ твоя мать?

— Въ Парижѣ, въ улицѣ Гутъ-доръ... Она—прачка.

Наступило молчаніе. Когда онъ вспоминалъ о матери,
его глаза всегда принимали невеселое выраженіе, отражая
мысли о неизвѣстномъ будущемъ, о которомъ онъ, пол-
ный силъ и здоровья, думалъ обыкновенно очень мало. Эть-
енъ, молча, смотрѣлъ въ темную даль галлереи и, среди этого
подземнаго мрака, какъ-бы вновь переживалъ свои дѣтскіе
годы. Онъ видѣлъ мать, еще молодою и красивою, брошенною
его отцомъ, который потомъ опять сошелся съ нею, когда
она уже нашла себѣ другаго мужа. Такъ она и осталась
жить съ двумя мужьями; пила вмѣстѣ съ ними водку, валя-
лась съ ними въ грязи, въ лужахъ, а мужья отбирали
у нея весь *ея заработокъ*. Этьенъ вспоминалъ улицу, гдѣ они

тогда жили, и разныя мелкія подробности жизни: грязное бѣлье, валявшееся посреди комнаты, безконечное пьянство, по милости котораго весь домъ былъ наполненъ запахомъ алкоголя,—пощечины, способныя раздробить челюсти...

— А теперь—не изъ этихъ-ли тридцати су буду я посылать ей подарки? заговорилъ онъ медленно.—Она навѣрное зачахнетъ отъ нужды и умретъ...

Онъ уныло пожалъ плечами и опять принялся за тартинку.

— Хочешь пить? спросила Катерина, откупоривая свою бутылку—О, вѣдь это кофе, который не сдѣлаетъ тебѣ никаго вреда!.. Право, можно подавиться, если ничѣмъ не запить этотъ хлѣбъ.

Этьенъ отказался: достаточно и того, что онъ съѣлъ половину ея хлѣба. Она радушно упрашивала его и наконецъ придумала способъ, который долженъ былъ преодолѣть упрямство молодаго человѣка.

— Ну, хорошо, порѣшила она. — Если ужь ты такой церемонный, то я выпью первая... Только смотри, теперь не отказывайся, а то будетъ очень гадко съ твоей стороны.

Протягивая ему бутылку, молодая дѣвушка привстала на колѣни, и Этьенъ видѣлъ ее прямо передъ собой, освѣщенную свѣтомъ двухъ лампъ. Отчего это онъ находилъ ее прежде безобразной? Теперь, когда ея лицо было все черное отъ угля, она показалась ему необыкновенно красивой. Когда она раскрывала свой большой ротъ, зубы ея такъ и блестѣли своей ослѣпительной бѣлизной; глаза расширились и горѣли зеленоватымъ огнемъ, напоминая глаза кошки. Рыжая прядь волосъ выбилась изъ подъ чепчика и, щекоча ухо, вызывала у молодой дѣвушки смѣхъ. Она уже не смотрѣла двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ; ей можно было дать, по крайней мѣрѣ, четырнадцать.

— Пожалуй, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе, сказалъ Этьенъ, отхлебнувъ кофе и возвращая бутылку назадъ.

Катерина отпила изъ нея и принудила Этьена сдѣлать еще глотокъ: „чтобъ было поровну“, говорила она. Это путешествіе тоненькаго горлышка бутылки отъ однихъ губъ къ *другимъ* очень забавляло молодыхъ людей. Этьенъ вдругъ *задалъ самому себѣ* вопросъ: не слѣдуетъ-ли ему обнять Кате-

рину и поцѣловать ее въ эти, все болѣе и болѣе манившія
о, пухлыя, блѣдно-розовыя губы, раскраснѣвшіяся отъ дѣй-
твія угольной пыли... Въ Лиллѣ онъ имѣлъ дѣло только съ
енщинами самаго послѣдняго разбора, и теперь робѣлъ пе-
едъ Катериной, не зная, какъ ему обращаться съ этой дѣ-
вушкой, — работницей и, притомъ, живущей въ своей
емьѣ.

— Тебѣ лѣтъ четырнадцать? спросилъ онъ, принимаясь
опять за тартинку.

Она удивилась, почти обидѣлась.

— Какъ четырнадцать! Мнѣ уже шестнадцать... Правда,
то я не велика ростомъ и худа, но у насъ дѣвушки не осо-
енно быстро растутъ.

Онъ продолжалъ ее разспрашивать, а она отвѣчала на
опросы съ самой наивной откровенностью. Для Этьена было
сно, что она хорошо знаетъ все, понимаетъ всѣ интимныя
грязныя стороны жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось,
то она еще ребенокъ,—и тѣломъ, и душою. Дурной воздухъ
постоянное утомленіе пріостановили ея развитіе. Онъ за-
оворилъ о Мукъ, думая хоть сколько нибудь сконфузить Ка-
рину, но она весело и спокойно принялась разсказывать ему
амыя ужасныя исторіи объ этой толстой откатчицѣ. Да, Мукъ
родѣлываетъ удивительныя штуки! Этьенъ освѣдомился, нѣтъ-
и и у Катерины обожателя, а она, шутя, отвѣчала, что
окуда не хочетъ еще огорчать свою мать, но рано или поздно
ѣло дойдетъ и до этого. Плечи ея нѣсколько согнулись; она
легка вздрагивала, видимо озябнувъ въ своемъ легкомъ кос-
юмѣ, насквозь промокшемъ отъ пота; на лицѣ ея выражалась
роткая покорность судьбѣ.

— Когда люди живутъ всѣ вмѣстѣ, какъ здѣсь, тогда, я
умаю, не можетъ быть недостатка въ обожателяхъ... Не
правда-ли? спросилъ Этьенъ.

— Конечно.

— Къ тому же, вѣдь это никому не причиняетъ зла... Въ
тихъ грѣхахъ не признаются и духовнику на исповѣди...

— Ну, что мнѣ за дѣло до духовника... А вотъ есть Чер-
ный Человѣкъ...

— *Какой Черный Человѣкъ?*

— Старый углекопъ, который появляется на копяхъ и свертываетъ шеи дурнымъ дѣвушкамъ.

Этьенъ посмотрѣлъ на нее, думая, что она смѣется надъ нимъ.

— И ты вѣришь такимъ глупостямъ? Развѣ тебя ничему не учили?

— Нѣтъ, я умѣю читать и писать... Теперь это у насъ обязательно; но когда отецъ и мать были маленькими, тогда у насъ не было никакихъ школъ.

Положительно, она была очень милая дѣвушка. Какъ только она покончитъ съ своей тартинкой, онъ непремѣнно обниметъ ее и поцѣлуетъ прямо въ ея пухлыя розовыя губы. Онъ какъ будто рѣшился на это, но рѣшился неувѣренно, робко, смущаясь тѣмъ, что это будетъ похоже на насиліе. Мужской костюмъ, обтягивавшій тѣло дѣвушки, и возбуждалъ Этьена, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то стѣснялъ его. Проглотивъ послѣдній кусокъ хлѣба, онъ запилъ его глоткомъ кофе и передалъ бутылку Катеринѣ. Теперь наступила самая удобная минута, и онъ съ безпокойствомъ покосился въ ту сторону, гдѣ сидѣли забойщики. Вдругъ какая-то тѣнь легла поперегъ стѣнъ галлереи.

Шаваль уже нѣсколько минутъ стоялъ въ отдаленіи и смотрѣлъ на нихъ. Убѣдившись, что Магё-отецъ не можетъ его увидѣть, онъ подошелъ къ Катеринѣ, сидѣвшей на землѣ, взялъ ее за плечи, запрокинулъ ей голову и преспокойно запечатлѣлъ на ея губахъ долгій, грубый поцѣлуй, дѣлая при этомъ видъ, что не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на Этьена. Этимъ поцѣлуемъ онъ какъ-бы рѣшился во что бы то ни стало вступить во владѣніе ею,—рѣшился изъ ревности къ Этьену.

Однако молодая дѣвушка возмутилась.

— Оставь меня... слышишь... оставь!..

Онъ придержалъ ея голову и заглянулъ ей прямо въ глаза. Его рыжіе усы и эспаньолка казались огненными на почернѣвшемъ отъ угля лицѣ, съ длиннымъ, какъ клювъ орла, носомъ. Наконецъ, онъ выпустилъ изъ рукъ ея голову и ушелъ, не сказавъ ни слова.

По тѣлу Этьена пробѣжала дрожь. Какъ это было глупо *съ его стороны*—колебаться! Конечно, онъ не поцѣлуетъ ее

теперь, чтобы она не подумала, будто онъ подражаетъ Шавалю. Самолюбіе его было оскорблено и, въ глубинѣ души, онъ сильно страдалъ.

— Зачѣмъ ты солгала? проговорилъ онъ тихо.—Это твой возлюбленный...

— Да нѣтъ же, клянусь тебѣ! вскрикнула она.—Никогда и ничего между нами не было... Иногда онъ только шутилъ... Да онъ и не здѣшній; мѣсяцевъ шесть только, какъ онъ пришелъ изъ Па-де-Кале.

Они встали, такъ какъ забойщики уже намѣревались снова приняться за работу. Катерина, казалось, была очень огорчена холодностью, появившеюся теперь въ обращеніи Этьена съ ней. Вѣроятно, она нашла его красивѣе Шаваля и, можетъ быть, уже отдала ему предпочтеніе. Она ломала голову надъ вопросомъ: какую бы еще любезность сказать ему и возвратить его прежнее хорошее расположеніе духа. Въ это время Этьенъ, посмотрѣвъ на свою лампу, съ удивленіемъ замѣтилъ, что она горитъ голубоватымъ огнемъ, окруженнымъ широкой блѣдной каймой. Катерина тоже замѣтила это и вздумала, по крайней мѣрѣ, хоть развлечь его.

— Поди, я тебѣ покажу кое-что, дружески прошептала она.

Проведя его въ самую глубь разрабатываемаго хода, она указала ему на трещину въ угольномъ пласту, изъ которой слышался легкій шумъ, похожій на свистъ птицы.

— Положи сюда руку... Слышишь,—точно дуетъ вѣтеръ... Это рудничный газъ...

Этьенъ былъ пораженъ. Такъ вотъ онъ, этотъ страшный газъ, такъ разрушительно дѣйствующій!.. Катерина, смѣясь, говорила, что сегодня его выдѣляется особенно много,—отъ этого и лампы горятъ голубоватымъ огнемъ.

— Перестанете-ли вы болтать, тунеядцы! раздался сердитый голосъ Магё.

Катерина и Этьенъ принялись нагружать углемъ телѣжки и снова, выгнувъ спины, проползая подъ низкимъ и неровнымъ потолкомъ разрабатываемаго хода, покатили ихъ къ наклонной галлереѣ. Скоро опять ручьями полилъ потъ съ молодыхъ людей и захрустѣли ихъ суставы.

Забойщики тоже принялись за свою работу. Изъ боязни

простудиться, они по возможности сокращали время завтрака, и эти наскоро проглоченные куски хлѣба ложились камнемъ въ ихъ желудкахъ. Залегши опять въ своей трещинѣ, углекопы принялись еще усерднѣе стучать кирками. Они думали теперь только объ одномъ,—чтобы какъ можно больше заработать, и, въ этой заботѣ о заработкѣ, достающемся имъ такъ трудно, они перестали обращать вниманіе на просачивающуюся кругомъ воду, на судороги, вызываемыя неловкимъ положеніемъ тѣла, на мракъ, въ которомъ они прозябали, какъ растенія, пересаженныя въ погребъ. По мѣрѣ того, какъ приходилъ къ концу день, воздухъ въ подземныхъ галлереяхъ, испорченный и копотью лампъ, и дыханіемъ людей, и, наконецъ, скопленіемъ рудничнаго газа,—дѣлался все хуже и хуже. Становилось даже трудно смотрѣть, потому что на глаза словно нависла паутина, сотканная невидимымъ паукомъ. Только провѣтриваніе галлерей въ теченіе всей ночи могло снова освѣжить ихъ. Но забойщики, съ трудомъ переводя дыханіе, все продолжали стучать кирками въ своей кротовой норѣ.

V.

Магё, не взглянувъ на часы, лежавшіе въ карманѣ куртки, вдругъ остановился и проговорилъ:

— Скоро часъ... Все-ли у тебя сдѣлано, Захарій?

Молодой человѣкъ только что подставилъ брусья подъ потолокъ и теперь праздно лежалъ на спинѣ, неопредѣленно глядя передъ собою блуждающими глазами, припоминая подробности вчерашней игры. Голосъ отца вывелъ его изъ задумчивости.

— Да, этого будетъ достаточно покуда, а завтра—посмотримъ...

Онъ взялъ кирку и сталъ на свое мѣсто. Левакъ и Шаваль, прервавъ на минуту работу, обтирали голыми руками катившійся съ нихъ потъ. Они не интересовались ничѣмъ, кромѣ своей работы, и теперь смотрѣли вверхъ, на растрескавшуюся массу сланца.

— Еще прибыль! пробормоталъ Шаваль.—Надо-же было попасть на такой пластъ, который самъ обсыпается. Когда *они торговались* съ нами, то, небось, не подумали объ этомъ...

— Мошенники! проворчалъ Левакъ.—Они только и думаютъ, какъ-бы насъ облапошить...

Захарій расхохотался. Онъ мало заботился о работѣ и обо всемъ касающемся ея, но его всегда забавляло, когда начинали ругать компанію. Магё замѣтилъ со своимъ обычнымъ спокойствіемъ, что почва мѣняется черезъ каждые двадцать метровъ,—стало быть нельзя предвидѣть, что̀ будетъ дальше. Надо быть справедливымъ... Но когда его товарищи не унимались и продолжали обвинять во всемъ кампанію, тогда онъ съ безпокойствомъ оглядѣлся вокругъ и проговорилъ:

— Тише!.. Будетъ съ васъ...

— Твоя правда, сказалъ Левакъ, тоже понижая голосъ;— это нездорово...

Страхъ шпіонства преслѣдовалъ углекоповъ даже подъ землею, точно будто угольные пласты акціонеровъ имѣли уши.

— И все таки скажу, что если эта свинья Дансаэртъ заговоритъ со мной тѣмъ-же тономъ, какимъ говорилъ намедни, то я влѣплю ему камень въ брюхо! громко сказалъ Шаваль съ вызывающимъ видомъ.—Я ему не мѣшаю разоряться на блондинокъ съ нѣжною кожей.

На этотъ разъ Захарій такъ и покатился со смѣху. Любовныя похожденія надсмотрщика и жены Пьеррона служили на копяхъ неизсякаемымъ источникомъ шутокъ. Даже Катерина, стоявшая внизу, опершись на лопату, схватилась за бока отъ смѣха и потомъ, нѣсколькими словами, посвятила Этьена въ эту исторію. Магё сердился, видимо боясь нескромныхъ ушей, и даже не скрывалъ своего страха.

— Замолчишь-ли ты, наконецъ!.. Если ты хочешь, чтобы съ тобой случилось что нибудь нехорошее, такъ, по крайней мѣрѣ, подожди, покуда мы уйдемъ и ты останешься одинъ.

Онъ еще не успѣлъ докончить своей фразы, какъ вдругъ послышались шаги и почти тотчасъ-же показался инженеръ,— „маленькій Негрель“,—какъ его называли рабочіе между собой. Его сопровождалъ надсмотрщикъ Дансаэртъ.

— Что я говорилъ? прошепталъ Магё.—Всегда кто нибудь изъ нихъ выскочитъ прямо изъ земли.

Поль Негрель, племянникъ господина Геннебо, былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, стройный, красивый, съ *вьющимися волосами и черными* усиками. Напоминая хорька

своимъ заостреннымъ носомъ и быстрыми глазами, онъ смотрѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкомъ любезнымъ, нѣсколько насмѣшливымъ, что, однако же, не мѣшало ему быть въ высшей степени требовательнымъ въ своихъ отношеніяхъ къ рабочимъ. Одѣтъ онъ былъ также, какъ всѣ углекопы, и также весь выпачканъ въ углѣ. Чтобы пріобрѣсти уваженіе рабочихъ, Негрель нисколько не заботился о себѣ и постоянно лазилъ по наиболѣе трудно-проходимымъ подземнымъ ходамъ; прежде всѣхъ являлся къ мѣсту случившагося обвала, первый входилъ въ опасную галлерею, до того наполненную рудничнымъ газомъ, что каждую минуту можно было ожидать взрыва.

— Здѣсь, Дансаэртъ, да? спросилъ онъ.

Бельгіецъ-надсмотрщикъ, съ жирнымъ лицомъ и чувственнымъ носомъ, отвѣчалъ съ преувеличенною вѣжливостью:

— Здѣсь, господинъ Негрель. Вотъ человѣкъ, котораго наняли сегодня утромъ.

Инженеръ и надсмотрщикъ вошли въ узкій ходъ, гдѣ работалъ Магё съ своими товарищами. Кликнули Этьена. Негрель приподнялъ свою лампу и, молча, оглядѣлъ новаго откатчика.

— Хорошо, сказалъ онъ наконецъ.—Только я не люблю, чтобы подбирали по дорогамъ совсѣмъ неизвѣстныхъ людей. Больше чтобъ не было этого...

Ему начали объяснять, какимъ образомъ это случилось, говорили, что иначе остановилась-бы работа, упомянули о желаніи компаніи замѣнить откатчицъ мужчинами, но онъ ничего не слушалъ и принялся осматривать потолокъ. Забойщики взялись было за кирки, какъ вдругъ Негрель вскричалъ:

— Скажите, Магё, развѣ вы это дѣлаете на смѣхъ людямъ! Вѣдь вы всѣ здѣсь останетесь, nom d'un chien!..

— О, это крѣпко держится! спокойно отвѣтилъ Магё.

— Какъ крѣпко!.. Да вѣдь сводъ уже началъ осѣдать, а вы едва-едва черезъ два метра кладете брусья!.. Всѣ вы на одинъ манеръ! Вы дождетесь того, чтобы вамъ приплюснуло черепъ, а не станете терять время на укрѣпленіе свода. Прошу сейчасъ-же все это подпереть! Положите еще рядъ брусьевъ... *слышите?..*

Углекопы не признавали существованія опасности и го-

ворили, что они въ этомъ дѣлѣ лучшіе судьи, такъ какъ рискуютъ своими шкурами. Негрель окончательно разсердился.

— Конечно, когда ваши черепа разлетятся на куски, такъ вамъ уже ни до чего не будетъ дѣла! Тогда ужь компанія должна будетъ заботиться о вашихъ семьяхъ и выплачивать имъ пенсію... Повторяю, что знаю васъ очень хорошо: чтобы добыть двѣ лишнихъ телѣжки угля въ день и получить за нихъ лишнія деньги, вы охотно пожертвуете вашими шкурами.

Магё, которымъ гнѣвъ овладѣвалъ все болѣе и болѣе, отвѣчалъ по возможности сдержанно:

— Еслибы заработная плата была выше, тогда мы не жалѣли-бы времени на укрѣпленіе ходовъ.

Инженеръ, молча, пожалъ плечами. Онъ уже спустился ниже и прокричалъ оттуда:

— Вамъ остался цѣлый часъ; примитесь всѣ за укрѣпленіе потолка!... А я предупреждаю васъ, что всѣ вы будете оштрафованы тремя франками...

Забойщики встрѣтили эти слова глухимъ ворчаньемъ. Одна только привычка къ подчиненію сдерживала ихъ. На копяхъ царила почти военная дисциплина, подчинявшая другъ другу всѣхъ служащихъ, начиная съ мальчишки-подростка и кончая надсмотрщикомъ. Магё едва сдерживалъ взглядомъ выходящихъ изъ себя Левака и Шаваля, между тѣмъ какъ Захарій насмѣшливо пожималъ плечами. Этьенъ былъ возмущенъ, и, можетъ-быть, болѣе всѣхъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ очутился въ самой глубинѣ этого ада, въ немъ все сильнѣе и сильнѣе развивалось чувство недовольства. Онъ смотрѣлъ на Катерину, съ нѣмой покорностью сгибавшую спину. Возможно-ли убивать себя надъ такой трудной работой, посреди вѣчнаго мрака, и получать за это всего нѣсколько су на хлѣбъ насущный!...

Негрель ушелъ вмѣстѣ съ Дансаэртомъ, который молчаливымъ движеніемъ головы одобрялъ всѣ распоряженія инженера. Вдругъ голоса ихъ раздались невдалекѣ: они осматривали укрѣпленія галлереи позади того мѣста, гдѣ работалъ Магё съ своими товарищами. Часть укрѣпленій этой галлереи лежала тоже на отвѣтственности Магё.

— *Я вамъ говорилъ, что они* дѣлаютъ это на смѣхъ! кричалъ

инженеръ.—А вы, nom d'un chien, вы ни за чѣмъ не смотрите!

— Я слѣжу, бормоталъ надсмотрщикъ.—Даже устанешь твердить имъ, а они все таки не слушаются.

— Магё! Магё! кричалъ во все горло инженеръ.

И когда забойщикъ, сопровождаемый товарищами, спустился къ нему, Негрель продолжалъ:

— Посмотрите,—развѣ это держится?.. Вѣдь это поставлено на вѣтеръ... Вы бережете брусья, чтобы сберечь себѣ время... Всѣ подпорки поставлены кое-какъ, наскоро... Parbleu! Теперь я понимаю, почему намъ такъ дорого стоитъ ремонтъ... Лишь-бы только подпорки простояли до тѣхъ поръ, покуда отвѣтственность за нихъ лежитъ на васъ... Не такъ-ли? А затѣмъ все это ломается, обваливается и компанія должна нанимать цѣлую армію рабочихъ для починки... Посмотрите пониже: вѣдь это настоящее разрушеніе...

Шаваль хотѣлъ что-то сказать, но инженеръ остановилъ его.

— Я знаю, что вы хотите сказать: чтобы вамъ платили дороже... Такъ вѣдь? Ну, хорошо!.. Я васъ предупреждаю, что вы принудите дирекцію сдѣлать одну штуку: да, вамъ будутъ платить за укрѣпленіе особо, но за то сбавятъ пропорціонально плату съ телѣжки угля... Посмотримъ, выиграете-ли вы отъ этого... А пока—исправьте мнѣ все это сейчасъ-же. Завтра я приду посмотрѣть.

Ошеломивъ рабочихъ своей угрозой, онъ исчезъ. Дансаэртъ, державшійся такъ приниженно передъ инженеромъ, отсталъ отъ него на нѣсколько шаговъ и, обратясь къ забойщикамъ, грубо проговорилъ:

— Вы подводите меня подъ руготню... Смотрите, я васъ накажу не на три франка... Берегитесь!..

Когда и онъ ушелъ, Магё наконецъ не вытерпѣлъ и разворчался въ свою очередь:

— Nom de Dieu!.. Что несправедливо—то несправедливо! Я держусь того правила, что съ ними надо говорить хладнокровно, такъ какъ это единственный способъ столковаться хоть сколько нибудь; но, наконецъ, они выведутъ изъ терпѣнія кого угодно... Слышали? Съ телѣжки сбавятъ плату, а *за укрѣпленіе* стѣнъ будутъ платить особо... Это еще новый *способъ сбавить* заработную плату!.. Nom de Dieu!..

Онъ искалъ, на комъ-бы сорвать сердце, и вдругъ увидѣлъ тьена и Катерину, стоявшихъ со сложенными руками.

— Принесете-ли вы мнѣ брусья?!. Васъ не просятъ мѣшаться въ наши дѣла!.. Вотъ какъ я закачу вамъ хорошій инокъ!..

Этьенъ пошелъ за брусьями, нисколько не обидясь этой грубой бранью. Онъ и самъ находилъ, что забойщики еще слишкомъ добродушные люди.

Левакъ и Шаваль громко ругались, но все таки всѣ четверо съ какою-то яростью принялись укрѣплять галлереи. Въ теченіе получаса только и слышался трескъ дерева, вбиваемаго въ твердую почву. Они работали молча, пыхтя и злясь на осѣдавшую массу земли, которую, еслибы можно было, они готовы были подпереть своими плечами.

— Довольно, сказалъ наконецъ Магё, весь разбитый отъ гнѣва и усталости.—Половина втораго... Хорошъ денекъ, въ который мы не заработали и по пятидесяти су!.. Мнѣ до того это опротивѣло, что я ухожу...

Онъ началъ одѣваться, хотя оставалось еще полчаса до окончанія работъ; прочіе забойщики послѣдовали его примѣру. Одинъ видъ галлерей выводилъ ихъ изъ себя. Катерина продолжала нагружать и откатывать телѣжки. Они позвали ее, ругая за излишнее усердіе: если у угля есть ноги, такъ онъ и одинъ выйдетъ отсюда. Забравъ подъ мышки инструменты, они всѣ шестеро двинулись въ путь, оставивъ за собой, на завтра, еще два километра галлереи, требующіе починки укрѣпленія.

Катерина и Этьенъ пріостановились въ этомъ узкомъ, похожемъ на трубку, пути, а прочіе продолжали спускаться внизъ. Молодыхъ людей задержала Лидія, остановившаяся съ своей телѣжкой, чтобы дать имъ дорогу, и объявившая, что Мукъ исчезла неизвѣстно куда, уже съ часъ тому назадъ. У нея полила кровь изъ носа; она пошла разыскивать воду чтобы умыться, и пропала... Пропустивъ ихъ, дѣвочка снова покатила телѣжку, напрягая свои худенькія руки и ноги и напоминая собою муравья, выбивающагося изъ силъ надъ слишкомъ тяжелой *ношей*. Этьенъ и Катерина катились, какъ

съ горы, съ этого крутаго спуска, пригибая головы, что
не ободрать ихъ объ нависшій надъ ними потолокъ. Спу
былъ такъ отполированъ спинами углекоповъ, и моло
люди катились по немъ такъ быстро, что должны были,
времени до времени, пріостанавливаться, удерживаясь рука
за обшивку стѣнъ. Иначе отъ тренія, пожалуй, загори
спина, шутили они.

Добравшись до конца этого узкаго хода, они увид
вдалекѣ красноватый огонь лампъ своихъ товарищей, вск
исчезнувшій за поворотомъ галлереи. Веселое настроеніе
лодыхъ людей вдругъ пропало, и они подвигались впер
тяжелыми, усталыми шагами. Лампы, покрывшіяся уголь
пылью, давали такъ мало свѣта, что шедшую впереди дѣву
Этьенъ видѣлъ, какъ сквозь туманъ. Онъ злился на то, чт
Катерины оказался, какъ ему думалось, любовникъ,—на
дилъ, что съ его стороны очень глупо не поцѣловать ея,
мысль о Шавалѣ постоянно удерживала его отъ этого
цѣлуя. Пригибаясь подъ низкимъ потолкомъ почвы къ са
спинѣ Катерины, онъ убѣждалъ самого себя, что она об
нула его: Шаваль непремѣнно былъ ея возлюбленнымъ, и
конечно, назначали другъ другу свиданья гдѣ-нибудь за
дами камней. У нея и походка вовсе не похожа на похо
невинной дѣвушки. Не имѣя никакого серьезнаго основа
Этьенъ однако же злился на нее, какъ будто она дѣйст
тельно обманула его; а Катерина безпрестанно оборач
лась къ нему, предостерегала его въ опасныхъ мѣстах
казалось, вызывала на любезность. Какъ-бы, въ сам
дѣлѣ, можно было посмѣяться и дружески поболтать, к
кругомъ нѣтъ ни души!.. Наконецъ, они добрались до га
реи, по которой возили уголь на лошадяхъ, и Этьенъ вз
нулъ свободнѣе, а дѣвушка печально взглянула на него
послѣдній разъ, сожалѣя о счастливыхъ минутахъ, пр
денныхъ наединѣ.

Теперь вокругъ нихъ шумно текла подземная жизнь
и дѣло шныряли надсмотрщики, катились поѣзда телѣж
мелькали въ темнотѣ огоньки лампъ. Молодые люди дол
были безпрестанно прижиматься къ стѣнамъ, давая до
людямъ и лошадямъ, обдававшимъ ихъ своимъ горячимъ
ханіемъ. Пробѣжалъ Жанлинъ, позади своего поѣзда

углемъ, и прокричалъ имъ какую-то сальность, но они не разслышали ея за грохотомъ колесъ. Катерина задумчиво подвигалась впередъ, а Этьенъ, не узнавая тѣхъ перекрестковъ и галлерей, по которымъ проходилъ утромъ, воображалъ, что она нарочно заводитъ его все дальше и дальше отъ выхода. Но что было ему всего непріятнѣе, — такъ это страшный холодъ, охватившій ихъ тотчасъ-же, какъ только они вышли изъ узкаго боковаго хода, и все увеличивавшійся, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ шахтѣ. Сжатый стѣнами галлереи, вѣтеръ по прежнему носился, какъ ураганъ. Этьенъ даже отчаявался когда-нибудь добраться до шахты, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, очутился въ отдѣленіи, гдѣ производилась нагрузка угля въ подъемные ящики.

Шаваль встрѣтилъ молодыхъ людей косымъ, подозрительнымъ взглядомъ; остальные забойщики, всѣ въ поту, молча стояли на сквозномъ вѣтру, сдерживая кипѣвшій внутри ихъ гнѣвъ. Они пришли слишкомъ рано, и имъ сказали, что ихъ не поднимутъ наверхъ раньше какъ черезъ полчаса, тѣмъ болѣе, что теперь идутъ очень сложныя приготовленія, для того чтобы спустить внизъ лошадь. Нагрузчики устанавливали на платформы подъемнаго ящика телѣжки съ углемъ, оглушительно гремя желѣзными цѣпями, и затѣмъ ящикъ взлеталъ вверхъ и исчезалъ среди проливнаго дождя, лившагося изъ мрачнаго отверстія шахты. Подъ самымъ отверстіемъ находился сточный колодезь, метровъ въ десять, куда стекала эта непрерывно лившаяся вода; отъ колодца несло сыростью и гнилью. Кругомъ копошились люди, дергали за сигнальныя веревки, налегали руками на рычаги; брызги воды летѣли со всѣхъ сторонъ и промачивали рабочихъ до костей. Отбрасываемый лампами красноватый свѣтъ, среди котораго двигались тѣни людей, придавалъ этой подземной залѣ видъ разбойничьей пещеры, какой-то кузницы бандитовъ, устроенной вблизи шумящаго потока.

Магё сдѣлалъ послѣднюю попытку и обратился къ Пьерону, занявшему свой постъ съ шести часовъ утра.

— Ну, ты-то можешь отправить насъ наверхъ.

Нагрузчикъ, сильный и красивый малый съ кроткимъ лицомъ, *отказался, испуганно* замахавъ руками.

— Невозможно; проси надсмотрщика... Меня за это оштрафуютъ.

Забойщики снова подавили свой гнѣвъ. Катерина, нагнувшись къ уху Этьена, шепнула:

— Пойдемъ, я покажу тебѣ конюшню. Вонъ тамъ такъ хорошо!

Они тихонько прошли въ конюшню, потому что входить въ нее строго запрещалось. Она помѣщалась въ концѣ коротенькой галлереи и представляла собою обширное, въ твердомъ грунтѣ, и выложенное кирпичемъ помѣщеніе, въ двадцать-пять метровъ длиной и въ четыре метра вышиной. Въ ней могли помѣститься двадцать-пять лошадей. Въ конюшнѣ дѣйствительно было хорошо: нагрѣтый дыханіемъ животныхъ, воздухъ былъ тепелъ и ароматенъ отъ свѣжей и всегда очень опрятной подстилки; единственная лампа горѣла спокойнымъ, неколеблющимся свѣтомъ ночника. Отдыхающія лошади повернули головы, посмотрѣли своими большими глазами на вошедшихъ и затѣмъ снова принялись за овесъ, пережевывая его неторопливо, какъ сытыя, здоровыя и, притомъ, всѣми любимыя рабочія животныя.

Катерина переходила отъ однихъ яслей къ другимъ и читала надъ ними имена лошадей, написанныя на прицѣпленныхъ дощечкахъ. Вдругъ она вскрикнула, увидѣвъ передъ собой какую-то человѣческую фигуру: оказалось, что это Мукъ, вылѣзшая изъ подъ кучи соломы, въ которой она спала. По понедѣльникамъ, чувствуя себя слишкомъ утомленной послѣ бурно проведеннаго воскресенья, нерѣдко она нарочно расквашивала себѣ кулакомъ носъ и оставляла работу подъ тѣмъ предлогомъ, что надо-же остановить кровь и найти гдѣ-нибудь воды, чтобы обмыть лицо. На самомъ дѣлѣ, Мукъ уходила къ лошадямъ, въ конюшню, которою завѣдывалъ ее отецъ, и зарывалась въ кучу свѣжей соломы. Баловавшій ее отецъ молчалъ, рискуя нажить себѣ непріятности за эти поблажки дочери.

Какъ разъ въ это время, въ конюшню вошелъ самъ Мукъ. Это былъ пожилой человѣкъ, низенькаго роста, плѣшивый, покрытый морщинами, но тучный, что рѣдко встрѣчается между углекопами, достигшими пятидесятилѣтняго возраста. *Сдѣлавшись конюхомъ*, онъ до того полюбилъ жевать табакъ,

что изъ его десенъ почти постоянно сочилась кровь. Увидя неожиданныхъ посѣтителей, Мукъ разсвирѣпѣлъ.

— Зачѣмъ вы сюда забрались?! Убирайтесь вонъ! Чертовки, еще привели съ собой мужчину, чтобы продѣлывать свои мерзости на моей соломѣ...

Мукъ нашла слова отца очень забавными и покатывалась со смѣху, но смущенный Этьенъ поторопился уйти, между тѣмъ какъ Катерина улыбалась, посматривая на него. Они всѣ трое прошли опять въ отдѣленіе, гдѣ производилась нагрузка, и увидѣли тамъ Бебера и Жанлина, прибывшихъ съ поѣздомъ телѣжекъ. Отправка груза наверхъ пріостановилась на время, и Катерина подошла къ лошади, на которой работалъ братъ. Дѣвушка гладила ее, трепала по шеѣ и знакомила съ нею Этьена. Это была бѣлой масти лошадь, по имени Баталь, старѣйшая изъ всѣхъ лошадей на копяхъ; она пробыла подъ землей уже десять лѣтъ. Въ теченіе этого долгаго времени, она занимала одно и то-же стойло въ конюшнѣ, возила телѣжки по однимъ и тѣмъ-же мрачнымъ галлереямъ и ни одного раза не видѣла дневнаго свѣта. Очень жирная, съ блестящей шерстью, съ добродушнымъ выраженіемъ въ глазахъ, она, казалось, жила здѣсь жизнью мудреца, вдали отъ разныхъ случайныхъ непріятностей, встрѣчающихся тамъ, на земной поверхности. Живя среди вѣчной ночи, Баталь пріобрѣла необыкновенную сметливость и до того изучила галлереи, по которымъ возила уголь, что отклоняла головой встрѣчавшіяся на пути препятствія и нагибалась въ низкихъ мѣстахъ, чтобы не задѣть головой о потолокъ. Вѣроятно, она научилась также считать концы, которые дѣлала взадъ и впередъ по галлереѣ, потому что, проработавъ положенное время, она ни за что не хотѣла болѣе трогаться съ мѣста, и, волей-неволей, приходилось вести ее въ конюшню. Теперь Баталь уже постарѣла и ея блестящіе глаза нерѣдко смотрѣли задумчиво. Можетъ-быть, она смутно припоминала въ это время мельницу, гдѣ родилась, — находившуюся близъ Маршьена, на берегу Скарпы, и окруженную со всѣхъ сторонъ зеленью, обдуваемою вѣтромъ. Тамъ воздухъ былъ очень теплый, точно отъ какой-то громадной лампы, но что это такое было, — она не могла припомнить. *Опустивъ внизъ голову*, дрожа на своихъ старыхъ

ногахъ, Баталь задумчиво стояла, тщетно усиливаясь припомнить блескъ и тепло солнца.

Наверху все еще продолжали хлопотать около подъемнаго ящика. Наконецъ сигнальный молотокъ простучалъ четыре раза,—подъ землю спускали лошадь. Это было событіе, и оно всегда сопровождалось общимъ волненіемъ, такъ какъ иногда случалось, что вмѣсто отправленной сверху живой лошади, оказывалась въ подъемномъ ящикѣ мертвая: животное, охваченное ужасомъ, мгновенно умирало дорогой. Опутанная сѣтями, лошадь страшно билась, пока оставалась еще на земной поверхности, но лишь только ее начинали спускать внизъ, она мгновенно становилась точно окаменѣлой и лежала, даже не вздрагивая, съ расширенными и неподвижными зрачками. Лошадь, которую спускали теперь, была такъ велика, что ее пришлось помѣстить не въ подъемномъ ящикѣ, а сверху его, и, кромѣ того, пригнуть ея голову къ боку. Ее спускали долго, минуты четыре, такъ какъ изъ предосторожности нарочно замедлили ходъ машины. Внизу волненіе все росло. Что они тамъ дѣлаютъ? Или такъ и оставятъ ее висѣть на воздухѣ? Наконецъ ящикъ показался, а на немъ неподвижно лежало оцѣпенѣвшее животное, съ неподвижными и расширившимися отъ ужаса глазами. Это была гнѣдая лошадь, трехъ лѣтъ; звали ее Тромпетъ.

— Осторожнѣе! кричалъ папа Мукъ, который долженъ былъ принять ее.—Снимите ее, но не развязывайте.

Скоро Тромпетъ положили, какъ безжизненную массу, на чугунныя плиты. Она не шевелилась. Казалось, что мракъ и грохотъ, стоявшіе въ этомъ громадномъ помѣщеніи, придавили ее, какъ кошмаръ. Когда ее принялись развязывать, Баталь, выпряженная съ минуту назадъ, вдругъ подошла къ новой товаркѣ, словно свалившейся откуда-то сюда, и, вытянувъ шею, стала ее обнюхивать. Рабочіе, окружавшіе Тромпетъ, разступились, послышались шутки. Чѣмъ это отъ нея такъ хорошо пахнетъ? Но Баталь все болѣе и болѣе оживлялась, не обращая вниманія на насмѣшки. По всей вѣроятности, она вдыхала въ себя свѣжій воздухъ, которымъ была еще пропитана шерсть Тромпетъ, и припоминала забытое тепло солнца. Вдругъ Баталь заржала; но въ этомъ веселомъ ржаніи слышалось какъ-бы рыданье. Она радостно привѣтствовала то-

варку, принесшую съ собой воздухъ родныхъ полей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жалѣла объ этой новой узницѣ, которую вынесутъ отсюда только мертвою.

— Ахъ, эта скотина—Баталь! восклицали рабочіе, восхищаясь продѣлками своей любимицы.—Тоже разговариваетъ съ своей товаркой!

Развязанная Тромпетъ все еще не подавала признака жизни. Она лежала на боку, охваченная ужасомъ и какъ будто все еще чувствуя на себѣ опутывавшія ее сѣти. Наконецъ, ее стегнули кнутомъ, и она вскочила на ноги, дрожа всѣми членами. Папа Мукъ повелъ братавшихся лошадей въ конюшню.

— Ну, пришла-ли, наконецъ, наша очередь? спросилъ Маге.

Но прежде надо было освободить ящики, и, къ тому-же, до того времени, когда обыкновенно начинали поднимать рабочихъ наверхъ, оставалось еще десять минутъ. Мало по малу, галлереи, въ которыхъ производились работы, стали пустѣть, и люди шли со всѣхъ сторонъ къ шахтѣ. Уже набралось съ полсотни промокшихъ и дрожавшихъ отъ холода рабочихъ, которымъ сквозившій отовсюду вѣтеръ грозилъ воспаленіемъ легкихъ. Пьерронъ, смотрѣвшій такимъ кроткимъ, далъ пощечину Лидіи, за то, что она рано ушла съ работы. Захарій исподтишка щипалъ Мукъ, „чтобы согрѣться“. Неудовольствіе все возрастало, Шаваль и Левакъ разсказывали углекопамъ объ угрозѣ инженера сбавить плату съ телѣжки угля и платить особо за укрѣпленіе галлерей. Этотъ проэктъ былъ встрѣченъ громкими восклицаніями; возмущеніе зрѣло въ этомъ тѣсномъ уголкѣ, подъ землею, почти въ шестистахъ метрахъ отъ ея поверхности. Скоро голоса начали все болѣе и болѣе возвышаться; перепачканные углемъ и продрогшіе люди обвиняли компанію въ томъ, что она моритъ половину своихъ рабочихъ подъ землей, а другую — моритъ голодомъ на землѣ. Этьенъ, дрожа, слушалъ эти разговоры.

— Скорѣе, скорѣе! твердилъ нагрузчикамъ надсмотрщикъ Рашомъ.

Не желая ругаться съ бывшими товарищами, онъ дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, и спѣшилъ спровадить рабочихъ поскорѣе *наверхъ*. *Но* наконецъ угрозы приняли такой

характеръ, что онъ принужденъ былъ вмѣшаться. Позади его кто-то кричалъ, что вѣдь не вѣчно дѣла будутъ идти такимъ порядкомъ, что въ одно прекрасное утро лавочка взлетитъ на воздухъ.

— Ты благоразумнѣе другихъ; заставь ихъ замолчать, обратился надсмотрщикъ къ Магё.—Кто не всѣхъ сильнѣе, тому надо быть всѣхъ умнѣе.

Гнѣвъ Магё остылъ. Съ тревогой прислушиваясь къ рѣчамъ товарищей, онъ пытался остановить ихъ, но его не хотѣли слушать. Вдругъ голоса смолкли: Негрель и Дансаэртъ окончили свой осмотръ и вышли изъ галлереи, тоже насквозь промокшіе отъ пота. Привычка къ дисциплинѣ заставила углекоповъ посторониться; инженеръ, молча, прошелъ мимо. Онъ помѣстился въ одной телѣжкѣ, надсмотрщикъ — въ другой; сигнальный молотокъ, извѣщая, что поднимается начальство, ударилъ четыре раза, „далъ знать о большой тушѣ“, какъ говорили рабочіе, — и ящикъ взвился на воздухъ посреди глубокаго молчанія.

VI.

Попавъ наконецъ, вмѣстѣ съ четырьмя товарищами, въ подъемный ящикъ, Этьенъ рѣшилъ, что какъ только онъ ступитъ на землю, то немедленно пустится опять въ путь, пойдетъ по большимъ дорогамъ на поиски за работой. Лучше умереть сразу, чѣмъ снова спуститься въ глубину этого ада и не заработать тамъ даже на хлѣбъ насущный. Катерины не было теперь съ нимъ, и онъ больше не чувствовалъ теплоты ея тѣла. Впрочемъ, лучше и не думать объ этихъ глупостяхъ, а скорѣе уйти. Съ его болѣе широкимъ образованіемъ, онъ не можетъ проникнуться покорностью этого стада и навѣрное кончитъ тѣмъ, что придушитъ какого-нибудь надсмотрщика.

Вдругъ онъ ослѣпъ. Подъемъ совершился такъ быстро, что дневной свѣтъ ослѣпилъ Этьена, и онъ хлопалъ рѣсницами, закрывая глаза, уже отвыкшіе отъ этого свѣта. Все таки онъ почувствовалъ облегченіе, когда ящикъ опустился *на желѣзныя* задвижки. Рабочій отворилъ дверь, и углекопы *волной* хлынули изъ телѣжекъ.

— Послушай, Мукъ, прошепталъ Захарій на ухо одному изъ рабочихъ;—мы пойдемъ вечеромъ въ Волканъ?

Волканомъ назывался кафе въ Монсу, въ которомъ играли и пѣли арфистки. Мукъ мигнулъ лѣвымъ глазомъ и беззвучно засмѣялся, широко раскрывъ челюсти. Маленькій и толстый, какъ его отецъ, онъ смотрѣлъ человѣкомъ, нимало не думающимъ о завтрашнемъ днѣ и проживающимъ всѣ деньги, какія только попадаются подъ руку. Въ это самое время показалась его сестра, и онъ съ братской нѣжностью ткнулъ ее, что было силы, въ бокъ.

Этьенъ съ трудомъ узналъ пріемное отдѣленіе, которое онъ видѣлъ при колеблющемся свѣтѣ фонарей. Все кругомъ было голо и грязно; свѣтъ едва проникалъ въ запыленныя окна. Только одна машина блестѣла своею мѣдью. Проволочные канаты, смазанные масломъ, извивались какъ ленты, смоченныя въ чернилахъ; подъемные ящики, телѣжки, блоки, — весь этотъ обильно разсыпанный металлъ еще болѣе омрачалъ своимъ сѣроватымъ цвѣтомъ стараго желѣза и безъ того мрачное отдѣленіе. По чугуннымъ плитамъ непрерывно катились колеса телѣжекъ, съ которыхъ поднималась тонкая угольная пыль и садилась на плиты, на стѣны, поднималась даже вверхъ, до самыхъ балокъ.

Шаваль пошелъ заглянуть въ таблицу марокъ, находящуюся въ стекольчатой конторѣ пріемщика, и возвратился оттуда взбѣшенный. Онъ увидѣлъ, что у нихъ не приняли двѣ телѣжки: одну—потому что въ ней было нагружено меньше, чѣмъ слѣдовало, а другую оттого, что уголь оказался не чистымъ, смѣшаннымъ.

— День окончился какъ и слѣдуетъ! кричалъ онъ. — Съ нашего заработка надо скинуть еще двадцать су... Вотъ и выходитъ, что не слѣдуетъ набирать тунеядцевъ, которымъ руки служатъ, какъ свиньѣ—хвостъ!

Онъ досказалъ свою мысль косымъ взглядомъ, брошеннымъ въ сторону Этьена. Тотъ хотѣлъ отвѣчать ему кулаками, но тотчасъ-же одумался. Къ чему, когда онъ сейчасъ-же уйдетъ отсюда! Послѣдняя выходка Шаваля окончательно утвердила его въ этомъ намѣреніи.

— Нельзя *съ перваго-же дня*, безъ навыка, начать рабо-

тать какъ слѣдуетъ, вмѣшался Магё примирительнымъ тономъ.—Завтра работа пойдетъ лучше.

Всѣ были не въ духѣ и только искали — къ чему-бы придраться. Когда они стали сдавать свои лампы, Левакъ разругалъ ламповщика, придравшись къ тому, что будто-бы тотъ скверно вычистилъ его лампу. Рабочіе немного повеселѣли только тогда, когда добрались до барака, въ которомъ по прежнему пылала раскаленная печь. Можно было подумать, что въ нее нарочно положили топлива больше обыкновеннаго, потому что она была совсѣмъ красная, и большое, безъ оконъ, помѣщеніе казалось объятымъ пламенемъ. Послышались радостныя восклицанія продрогшихъ рабочихъ; они немедленно повернулись спинами къ огню и отъ нихъ повалилъ паръ, какъ отъ кипѣвшаго супа. Поджаривъ спины, принялись поджариваться спереди. Мукъ преспокойно спустила панталоны, чтобы просушить рубашку. Молодежь начала отпускать шуточки по поводу этой толстой дѣвушки, и вскорѣ затѣмъ раздался раскатистый взрывъ хохота, вызванный тѣмъ, что Мукъ совершенно неожиданно показала рабочимъ свою спину, что служило у нея знакомъ величайшаго презрѣнія.

— Я ухожу, проговорилъ Шаваль, заперевъ въ шкафъ инструменты и вынувъ оттуда башмаки.

Никто не трогался съ мѣста. Одна Мукъ заторопилась и ушла вслѣдъ за нимъ, сказавъ, что имъ по дорогѣ идти до Монсу. Шутки не прекращались, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Шаваль больше не ухаживаетъ за ней.

Катерина съ озабоченнымъ видомъ подошла къ отцу и тихо заговорила съ нимъ. Онъ сначала удивился, потомъ одобрительно кивнулъ головой и подозвалъ Этьена, чтобы возвратить ему спрятанный въ шкафу узелокъ.

— Послушайте, заговорилъ вполголоса Магё:—если у васъ нѣтъ ни копѣйки, такъ вы умрете съ голода до получки. Хотите, я вамъ устрою гдѣ нибудь кредитъ?

Молодой человѣкъ на минуту смѣшался. Онъ только что хотѣлъ спросить свои тридцать су и уйти отсюда. Ему стало совѣстно передъ Катериной, которая пристально смотрѣла на него и, можетъ быть, думала, что онъ бѣжитъ отъ трудной работы.

— Я вамъ ничего не могу обѣщать, продолжалъ Магѐ:— можетъ быть, мнѣ и не удастся ничего сдѣлать.

Этьенъ согласился. Навѣрное, кредита не найдется, а еслибы онъ и нашелся, то вѣдь это ни къ чему не обязываетъ: можно поболтать, съѣсть кусокъ и уйти. Затѣмъ, онъ увидѣлъ, что лицо Катерины озарилось радостью, и ему стало досадно,—зачѣмъ онъ не отказался. Она весело смѣялась и ласково смотрѣла на него, счастливая тѣмъ, что оказала ему услугу... Къ чему все это поведетъ?

Отогрѣвшись и обувшись, углекопы, одинъ за другимъ, выходили изъ барака. Семья Магѐ, заперевъ свой шкафъ, тоже двинулась въ путь, вмѣстѣ съ Левакомъ и его сыномъ. Проходя мимо сарая, въ которомъ просѣивали уголь, они услышали тамъ страшную ругань и пріостановились.

Это былъ очень обширный сарай съ покрытыми угольной пылью балками и большими рѣшетчатыми ставнями, въ которыя постоянно дулъ сквозной вѣтеръ. Телѣжки съ углѐмъ подвозились сюда прямо изъ пріемнаго отдѣленія и опрокидывались въ наклонные широкіе желоба, сдѣланные изъ листоваго желѣза. По обѣимъ сторонамъ каждаго жолоба стояли на ступенькахъ просѣвальщицы и, съ помощью лопатъ и граблей, очищали отъ сора уголь, который скатывался затѣмъ черезъ воронки, прямо въ вагоны желѣзной дороги, поставленные подъ сараемъ.

Филомена Левакъ работала тамъ въ то время, когда Магѐ возвращались домой. Это была худая, блѣдная и болѣзненная дѣвушка, харкающая кровью. Голову ея прикрывалъ голубой шерстяной лоскутъ; руки, обнаженныя до локтей, были всѣ черныя отъ пыли. Она сортировала и очищала уголь, стоя ниже старой колдуньи, тещи Пьеррона, прозванной Брюле. Глаза этой старой вѣдьмы походили на глаза разозлившейся кошки, ротъ ея былъ плотно сжатъ, будто туго завязанный кошелекъ скряги. Филомена и Брюле разругались изъ-за того, что старуха отгребала отъ дѣвушки уголь и тѣмъ замедляла ея работу. Такъ какъ плата была задѣльная, то у просѣвальщицъ постоянно выходили изъ-за этого нескончаемые споры, во время которыхъ косы разлетались во всѣ стороны, а на щекахъ оставались отпечатки всѣхъ пяти пальцевъ, вымазанныхъ *въ углѣ*.

— Раздвинь ей хорошенько ротъ! крикнулъ Захарій своей возлюбленной.

Просѣвальщицы захохотали, а Брюле съ бѣшенствомъ накинулась на молодаго человѣка.

— Ты бы, мразь, ужь молчалъ! По милости кого она родила двоихъ ребятъ?.. Вѣдь ей только восьмнадцать лѣтъ... Кляча, которая едва держится на ногахъ!..

Магё долженъ былъ удержать сына, который хотѣлъ пойти посмотрѣть,—какъ онъ говорилъ,—какой цвѣтъ кожи у этой костлявой вѣдьмы. Прибѣжалъ надсмотрщикъ, и грабли просѣвальщицъ снова пришли въ движеніе. Сверху и до низу желобовъ только и виднѣлись округленныя спины женщинъ, съ остервененіемъ отбивающихъ другъ у друга уголь.

Вѣтеръ быстро стихъ и холодная изморозь сыпалась съ сѣраго неба. Вздернувъ плечи и скрестивъ руки, углекопы шли въ разбродъ, нѣсколько развалистою походкою, и острыя кости ихъ лопатокъ рѣзко высовывались подъ легкимъ полотномъ куртокъ. При дневномъ свѣтѣ они походили на толпы негровъ, перепачкавшихся въ тинѣ.

— А вотъ и Бутелу идетъ! насмѣшливо проговорилъ Захарій.

Левакъ, не останавливаясь, перекинулся нѣсколькими фразами съ своимъ жильцомъ, высокимъ, лѣтъ тридцати-пяти, темноволосымъ малымъ съ честнымъ и кроткимъ лицомъ.

— Супъ есть сегодня, Луи?

— Кажется, есть.

— Стало быть, жена не ворчитъ?

— Нѣтъ, кажется, не ворчитъ.

Землекопы, шедшіе вывозить изъ галлерей землю и мусоръ, появлялись группами и, одни за другими, исчезали въ копяхъ. Въ три часа пополудни начинали спускать въ шахту новыя партіи живаго груза, и подземныя галлереи, опустѣвшія послѣ удаленія забойщиковъ, опять наполнялись людьми. Копи никогда не знали отдыха, и муравьи-рабочіе день и ночь копошились въ глубинѣ земли, подъ свекловичными полями, въ шестистахъ метрахъ отъ ихъ поверхности.

Подростки шли впереди, и Жанлинъ сообщалъ Беберу *очень сложный планъ*, придуманный имъ для того, чтобы *получить въ кредитъ* табаку на четыре су; Лидія почтительно

отдалилась немного въ сторону. Катерина, Захарій и Этьенъ шли молча; передъ кабакомъ „Авантажъ“ къ нимъ присоединились Магё и Левакъ.

— Вотъ мы и пришли, обратился Магё къ Этьену.—Хотите зайти?

Одни направились къ кабаку, другіе двинулись дальше; Катерина пріостановилась на минуту и въ послѣдній разъ посмотрѣла на молодаго человѣка своими ясными зеленоватыми глазами, блескъ которыхъ еще болѣе усиливался отъ темнаго цвѣта лица. Она улыбнулась и скрылась вмѣстѣ съ прочими на поднимавшейся вверхъ дорогѣ, ведущей къ селенію.

Кабакъ стоялъ на перекресткѣ двухъ дорогъ, между жилищами рабочихъ и копями. Это былъ каменный двухъ-этажный домъ, выбѣленный известкою сверху до низу; широкіе голубые бордюры, которыми были обведены окна, придавали дому еще болѣе веселый видъ. Надъ входной дверью была прибита четырехъугольная вывѣска, на которой было написано желтыми буквами: „Авантажъ“, торговое заведеніе Расенёра. Позади дома виднѣлось огороженное живою изгородью мѣсто для игры въ кегли. Компанія угольныхъ копей употребляла всѣ усилія, чтобы пріобрѣсти этотъ клочокъ земли, который врѣзывался въ ея обширныя владѣнія, но ничего не могла сдѣлать и приходила просто въ отчаяніе отъ этого кабака, выросшаго среди полей, при самомъ выходѣ изъ Ворё.

— Зайдите, снова обратился Магё къ Этьену.

Въ маленькой, свѣтлой залѣ съ бѣлыми стѣнами, стояли три стола, дюжина стульевъ и сосновая, величиною съ кухонный буфетъ, конторка. Кромѣ того, въ комнатѣ было еще съ дюжину кружекъ, три бутылки ликера, графинъ и небольшой цинковый боченокъ съ краномъ. Въ этомъ боченкѣ держали пиво. Болѣе не было ничего: ни одной картины, ни одной полочки, ни какой либо игры. Въ чугунномъ, блестящемъ чистотою, каминѣ тихо горѣлъ уголь; каменный полъ былъ посыпанъ тонкимъ слоемъ бѣлаго песку, вбиравшаго въ себя постоянную сырость этой пропитанной водою мѣстности.

— Кружку пива, сказалъ Магё плотной бѣлокурой дѣвушкѣ, толстое лицо которой было изрыто оспой.—Руссенёръ дома?

Дѣвушка *отвернула кранъ* боченка и отвѣчала утверди-

тельнымъ наклоненіемъ головы. Медленно, не отрываясь, М
опорожнилъ половину кружки, чтобы прочистить горло
засѣвшей въ немъ пыли. Онъ ничего не предложилъ Эть
Кромѣ нихъ, въ комнатѣ находился только единственный
сѣтитель, тоже углекопъ, мокрый и перепачканный, молч
во сидѣвшій за столомъ и сосредоточенно прихлебыва
свое пиво. Вошелъ еще рабочій, жестомъ потребовалъ п
опорожнилъ кружку, расплатился и вышелъ, не сказавъ
слова.

Наконецъ въ залу вошелъ человѣкъ лѣтъ тридцати-вос
толстый, выбритый, съ добродушной улыбкой на кругл
лицѣ. Это былъ Рассенёръ, бывшій забойщикъ, котораго
панія прогнала три года тому назадъ за участіе въ ста
Хорошій работникъ, недурной ораторъ, онъ выдавался
редъ каждый разъ, когда рабочіе считали необходимымъ пр
стовать противъ распоряженій компаніи, и кончилъ тѣмъ,
сталъ главою всѣхъ недовольныхъ. Его жена уже и прежде
небольшую торговлю, которою нерѣдко занимаются жоны у
коповъ, и когда его выбросили на улицу, онъ добылъ дене
открылъ кабакъ прямо передъ Ворё, какъ бы бросая вызовъ
паніи. Теперь торговля его процвѣтала, кабакъ становился
тромъ, куда стекались всѣ недовольные, и Рассенёръ обогащ
ся насчетъ этого недовольства, которое онъ мало по малу
дувалъ въ сердцахъ своихъ старыхъ товарищей.

— Сегодня утромъ я нанялъ вотъ этого человѣка,
часъ же приступилъ Магё къ дѣлу.—Не свободна-ли к
рая-нибудь изъ твоихъ двухъ комнатъ и не сдѣлаешь-ли
ему кредита до получки?

Широкое лицо Рассенёра мгновенно омрачилось.
окинулъ подозрительнымъ взглядомъ Этьена и отвѣчалъ, д
не выразивъ, хоть ради приличія, ни малѣйшаго сожалѣ

— Невозможно. Мои комнаты обѣ заняты.

Молодой человѣкъ ожидалъ, что ему откажутъ, но
таки этотъ отказъ былъ для него очень непріятенъ, а, гл
ное, его удивило то тоскливое чувство, которое вдругъ о
дѣло имъ при мысли о томъ, что надо уходить изъ Ворё.
что жъ дѣлать, онъ уйдетъ, какъ только получитъ свои т
цать су. Углекопъ, который сидѣлъ за столомъ, ушелъ. Д
гіе посѣтители входили одинъ за другимъ, прополаскив

горло и выходили тою же развалистою походкою. Они пили, не выражая ни удовольствія, ни особенной слабости къ напитку, а просто, молча, удовлетворяли потребность минуты.

— Ну, что, ничего нѣтъ новаго? спросилъ какимъ-то особеннымъ тономъ Рассенёръ, обращаясь къ Магё, допивавшему пиво маленькими глотками.

Углекопъ оглянулся и увидѣлъ, что въ комнатѣ нѣтъ никого, кромѣ Этьена.

— Только и есть, что сегодня опять шумѣли и ругались... Все изъ-за укрѣпленія галлерей...

Онъ разсказалъ, въ чемъ было дѣло. Лицо кабачика сдѣлалось багровымъ; отъ овладѣвшаго имъ волненія, кровь, казалось, готова была брызнуть у него изъ глазъ и изъ лица. Наконецъ, онъ воскликнулъ:

— О, они будутъ негодяи, если вздумаютъ понизить заработную плату!

Этьенъ стѣснялъ его. Однако онъ продолжалъ говорить, искоса поглядывая на молодаго человѣка. Въ его рѣчи слышались безпрестанныя недомолвки; онъ, напримѣръ, говорилъ о директорѣ Геннебо, о его женѣ, о племянникѣ, „маленькомъ Негрелѣ“, но никого не называлъ по имени. По его словамъ, дѣло не могло долго идти такъ, какъ оно идетъ, и, не сегодня-завтра, все треснетъ. Нищета слишкомъ велика. Рассенёръ перечислялъ заводы, которые закрылись и распустили рабочихъ. Уже съ мѣсяцъ онъ раздаетъ каждый день больше чѣмъ по шести фунтовъ хлѣба. Вчера ему сообщили, что господинъ Венёленъ, владѣлецъ сосѣднихъ копей, не знаетъ, какъ выдержать кризисъ. Въ концѣ-концовъ, онъ получилъ письмо изъ Лилля, полное самыхъ тревожныхъ сообщеній.

— Ты знаешь, прошепталъ онъ,—это отъ той особы, которую ты видѣлъ здѣсь вчера...

Ему помѣшала вошедшая въ комнату его жена, высокая, худая женщина, горячаго темперамента, съ длиннымъ носомъ и фіолетоваго цвѣта скулами. Въ политикѣ она была гораздо болѣе радикальна, нежели ея мужъ.

— Письмо отъ Плюшара, сказала она.—Ахъ, еслибы онъ распоряжался здѣсь, тогда все пошло бы лучше!

Этьенъ, прислушивавшійся съ минуту къ разговору, поня-

малъ недомолвки и все болѣе и болѣе возбуждался этими описаніями нищеты и тревожными ожиданіями. Имя, произнесенное внезапно женою Рассенёра, заставило его вздрогнуть, и онъ проговорилъ какъ-бы про себя:

— Я знаю Плюшара.

Такъ какъ присутствующіе смотрѣли на него, то онъ принужденъ былъ прибавить:

— Я—машинистъ, и мы вмѣстѣ служили на желѣзной дорогѣ въ Лиллѣ... Очень способный человѣкъ, я часто разговаривалъ съ нимъ.

Рассенёръ снова осмотрѣлъ Этьена и, какъ видно, вдругъ почувствовалъ къ нему симпатію. Послѣ минутнаго молчанія, онъ обратился къ женѣ:

— Магё привелъ ко мнѣ этого господина, своего откатчика, и спрашиваетъ, нѣтъ-ли у насъ на верху свободной комнаты и не можемъ-ли мы оказать кредитъ до получки...

Дѣло быстро уладилось: комната оказалась пустой, такъ какъ жилецъ очистилъ ее еще поутру. Кабачикъ, страшно возбужденный, началъ говорить откровеннѣе, повторяя, что онъ потребуетъ отъ хозяевъ только должнаго, а не станетъ поступать, какъ другіе, желающіе добиться слишкомъ многаго. Его жена пожимала плечами и говорила, что она будетъ стоять за свои права.

— Прощайте! перебилъ ихъ Магё.—Все это не помѣшаетъ людямъ работать подъ землей, а разъ они станутъ тамъ работать, то станутъ и умирать отъ этой работы... Посмотри, ты сталъ молодцомъ за эти три года, какъ вышелъ оттуда.

— Да, я таки поправился, объявилъ снисходительно Рассенёръ.

Этьенъ поблагодарилъ уходившаго углекопа и проводилъ его до дверей, но тотъ не отвѣчалъ ни слова и только молча кивнулъ головой. Молодой человѣкъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ Магё съ трудомъ поднимался къ своему жилью. Госпожа Рассенёръ, хлопотавшая по хозяйству, попросила Этьена подождать минутку, а затѣмъ она покажетъ ему комнату, гдѣ онъ можетъ вымыться. Оставаться-ли ему? Онъ снова началъ колебаться, сожалѣя о свободѣ, которою пользовался, *когда* бродилъ по большимъ дорогамъ, и думая, что даже *голодъ не такъ* трудно выносить при блескѣ солнца и при

радостномъ сознаніи, что самъ себѣ господинъ. Ему казалось, что прошли уже цѣлые годы съ того момента, какъ онъ взошелъ въ страшную бурю на насыпь и потомъ спустился подъ землю, чтобы ползать тамъ, какъ пресмыкающееся, по мрачнымъ галлереямъ. Ему было противно даже подумать, что онъ опять будетъ жить этою жизнью. Это несправедливо и слишкомъ жестоко. Его человѣческая гордость возмущается при одной мысли сдѣлаться животнымъ, которое ослѣпляютъ и раздавливаютъ.

Погруженный въ свои мысли, онъ безцѣльно бродилъ глазами по обширной равнинѣ, и, мало по малу, она привлекла его вниманіе. Онъ удивился, что она такъ велика. Слушая разсказы и объясненія стараго Бонньмора, во время ихъ ночной бесѣды на насыпи, онъ представлялъ себѣ эту равнину вовсе не такою обширною. Копи лежали передъ нимъ дѣйствительно такими, какими они рисовались ему въ ночномъ мракѣ: онъ видѣлъ уже эти деревянныя и каменныя строенія, просмолившійся сарай для просѣванія угля, шахтовую башню съ аспидною крышею, машинное отдѣленіе и высокую, блѣдно-краснаго цвѣта, трубу. Все это было скучено и смотрѣло какъ-то зловѣще. Но онъ не воображалъ, что за строеніями разстилается такая обширная площадь, похожая на чернильное озеро отъ находящихся на ней громадныхъ складовъ угля, прорѣзанныхъ высокими подмостками, по которымъ тянулись рельсы. Эти склады прилегали къ такому запасу бревенъ, какъ будто бы цѣлый лѣсъ былъ вырубленъ и свезенъ сюда. Направо, какъ воздвигнутая гигантами баррикада, возвышалась колоссальная насыпь, проросшая уже травой на болѣе отдаленномъ своемъ концѣ. Противоположный конецъ ея уже съ годъ горѣлъ внутри, и тамъ валилъ густой дымъ; на поверхности, между сѣроватымъ сланцомъ и песчаникомъ, тянулись длинныя красновато-ржавыя полосы. Затѣмъ шли безконечныя поля, обнаженныя въ это время года; болота съ ихъ грубой растительностью, перерѣзанныя, мѣстами, малорослыми ивами; луга, раздѣленные рядами тощихъ тополей. Вдали виднѣлись бѣлыя пятна; это были города: на сѣверѣ—Маршьенъ, на югѣ—Монсу, тогда какъ на востокѣ Вандомскій лѣсъ окаймлялъ горизонтъ *фіолетовой линіей* своихъ обнаженныхъ деревьевъ. Въ

этотъ сумрачный день, подъ этимъ свинцовымъ небомъ, вольно казалось, что копи все окрасили въ свой черн цвѣтъ, что вся летавшая въ воздухѣ угольная пыль опус лась на равнину и, насѣвъ на деревья, покрыла дороги поля.

Этьена больше всего удивляла рѣка Скарпъ, превращ ная въ каналъ, котораго онъ не видѣлъ ночью. На протяже двухъ льё, отъ Ворё до Маршьена, каналъ шелъ пря серебряно-матовой лентой. Обсаженный съ обѣихъ сторо высокими деревьями, приподнятый надъ низменными мѣ ностями, онъ тянулся далеко въ даль, съ своими зелен щими берегами, съ красными кормами лодокъ, скользивши по его водамъ. Около копей находилась пристань и сто на якоряхъ суда, на которыя грузили уголь, привозя его телѣжкахъ изъ склада. Затѣмъ каналъ дѣлалъ поворот перерѣзывалъ вкось болота. Вся жизнь этой плоской р нины, казалось, сосредоточивалась на водахъ этого кана проходившаго черезъ нее, какъ большая дорога, по котор провозили желѣзо и уголь.

Взглядъ Этьена перешелъ отъ канала къ краснымъ че пичнымъ крышамъ селенія, построеннаго на возвышенно Затѣмъ онъ опять посмотрѣлъ на Ворё и обратилъ вниманіе глинистый спускъ, внизу котораго виднѣлся громадный скл кирпича, сдѣланнаго и обожженнаго тутъ-же, на мѣстѣ. Вѣ компанейской желѣзной дороги, служившая копямъ, про дила за заборомъ. Должно быть, всѣ землекопы уже спус лись въ подземныя галлереи,—не было видно никого, тол по рельсамъ шелъ, визжа, одинъ вагонъ, передвигаемый шадью. Вся картина не представляла уже теперь, при дневно свѣтѣ, ничего таинственнаго: не слышалось необъясним грома, не висѣли къ воздухѣ фантастическіе огни; видн шіяся вдали доменныя и коксовыя печи—померкли. О только непрерывно работавшая водоотливная помпа, съ в нѣвшимся надъ нею сѣроватымъ паромъ, все также дыш медленнымъ, тяжелымъ дыханіемъ людоѣда, котораго ни не можетъ насытить.

Этьенъ вдругъ окончательно рѣшился остаться. Приве ли его къ этому рѣшенію глаза Катерины, которые ему мерещились тамъ, вверху, при входѣ въ селеніе?.. Или, бы

можетъ, на него дѣйствовалъ несшійся изъ Ворё воздухъ, пропитанный глухимъ раздраженіемъ и недовольствомъ?.. Онъ самъ не зналъ этого. Онъ только желалъ опять спуститься подъ землю, чтобы страдать и биться; онъ только думалъ о тѣхъ „людяхъ“, про которыхъ говорилъ Бонньморъ,—о томъ невидимомъ бложенствѣ, которому десять тысячъ голодныхъ отдаютъ свое тѣло...

(*Продолженіе будетъ*).

Конгрессы и конференціи, какъ органы общенія между народами.

I.

Международное право основано на двухъ началахъ: первое изъ нихъ—право государствъ, субъектовъ международнаго права, на независимость и свободу, второе—правовое общеніе между государствами. Безъ независимости и свободы, суверенное государство не можетъ существовать; оно не можетъ быть дѣеспособнымъ. Начала независимости и свободы—основные принципы всѣхъ человѣческихъ союзовъ, которые не могутъ вполнѣ поглощаться ни одною формою общежитія. Всѣ типы человѣческихъ союзовъ создались ради человѣка, для удовлетворенія его потребностей и развитія его способностей, для защиты всѣхъ его насущныхъ интересовъ, слѣдовательно, и для охраненія того необходимаго свойства, той необходимой принадлежности человѣческой личности, которая называется *свободою индивидуума*. Всѣ человѣческіе союзы, принимая въ себя болѣе или менѣе свободнаго индивидуума, должны, вступая въ союзы высшіе и болѣе сложные и подчиняясь имъ, сохранять извѣстную долю свободы и независимости. Допускать противное — значитъ отрицать самую необходимость, задачу и цѣль существованія каждаго вида общежитія. Государство, принимая въ себя свободнаго человѣка и охраняя начало его личной свободы, существуя наряду съ другими государствами, одинаковой или различной культуры,—тоже должно жить и дѣйствовать среди себѣ подобныхъ, въ качествѣ личности свободной и самостоятельной, проявлять свою индивидуальность, свои особенности, зависящія отъ совокупности условій его физическаго существованія и историческаго прошлаго. Но право государства на независимость и свободу не можетъ быть абсолютнымъ. По самой идеѣ своей, существованіе международнаго союза или нѣсколькихъ сосуществующихъ другъ подлѣ друга государствъ, предполагаетъ ограниченіе свободы каждаго отдѣльнаго государства, которое должно уступить частицу своего права на свободу цѣлому, всему междугосударственному союзу. Послѣдній обладаетъ общими всѣмъ государствамъ потребностями; начало солидарности интересовъ, на которомъ зиждется общеніе между государствами, можетъ покоиться только на отрицаніи исключительныхъ правъ и исключительныхъ интересовъ частей, которыя во

всей ихъ совокупности являлись бы множествомъ несогласимыхъ между собою притязаній, разрушающихъ въ идеѣ и на практикѣ самую возможность существованія союза между народами. Союзъ этотъ предполагаетъ непремѣнно извѣстный порядокъ отношеній, то есть, прочность ихъ и постоянство,—порядокъ, зиждущійся на солидарности интересовъ между частями, регулируемыхъ посредствомъ правовыхъ нормъ.

Возможная гармонія этихъ основныхъ началъ международнаго права—права государствъ на независимость и свободу, и права ихъ между ними общенія, основаннаго на солидарности интересовъ—есть задача весьма трудная, далеко еще не разрѣшенная не только въ международной практикѣ, но даже и въ наукѣ. Ни одно изъ этихъ началъ не должно получать перевѣса надъ другимъ: перевѣсъ перваго, долго господствовавшаго въ международныхъ сношеніяхъ и въ международномъ правѣ, приводилъ къ преобладанію эгоизма отдѣльныхъ государствъ, къ порабощенію слабыхъ, къ господству произвола и насилія въ международныхъ отношеніяхъ, къ отрицанію всякаго порядка, то есть, правильности и постоянства отношеній, къ презрѣнію начала *солидарности интересовъ*. Преобладаніе послѣдней идеи, стремленіе къ созданію порядка во имя защиты общихъ интересовъ, при одностороннемъ и слишкомъ абсолютномъ взглядѣ на задачи охраненія послѣднихъ, приводило къ игнорированію начала свободной и самостоятельной дѣятельности частей (государствъ) въ цѣломъ (т. е. въ международномъ союзѣ). Въ первомъ случаѣ, международныя отношенія страдали отъ того, что жизненный нервъ международнаго союза—идея солидарности частей—не могъ отправлять своихъ функцій; во второмъ — эти отношенія были ненормальны вслѣдствіе приниженной роли, которую удѣляли частямъ, призваннымъ дѣйствовать въ цѣломъ. Чаще и дольше всего игнорировался принципъ правоваго общенія (объективное начало международнаго права), а торжествовало и неумѣренно развивалась идея о правѣ государствъ на свободу и независимость, и право это отстаивалось всѣми государствами съ величайшею энергіею и упорствомъ. Это одностороннее направленіе, долго державшееся въ международныхъ сношеніяхъ и даже въ наукѣ, объясняется медленностью и постепенностью проникновенія мысли о солидарности народныхъ интересовъ въ сознаніе европейскихъ обществъ. Эта медленность и постепенность имѣетъ свое объясненіе въ сложности международныхъ отношеній, въ трудности опредѣлить въ нѣкоторыхъ случаяхъ связь интересовъ, что въ свою очередь зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ неудовлетворительнаго положенія соціальныхъ наукъ и относительно-незначительнаго распространенія образованія въ массахъ.

Въ настоящее время, государства высшей культуры находятся уже въ условіяхъ, дающихъ возможность констатировать существованіе солидарности интересовъ между ними и опредѣлить даже степень связи между ихъ экономическими, нравственными и духовными интересами, вліяющей на образованіе среди нихъ общаго юридическаго *сознанія* о необходимости защиты извѣст-

ныхъ интересовъ посредствомъ договорныхъ между ними соглашеній.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію существованіе тѣсной экономической зависимости между государствами. Зависимость эта постепенно увеличивается на основаніи различій, существующихъ въ климатѣ и почвѣ разныхъ странъ и, слѣдовательно, въ ихъ естественныхъ произведеніяхъ. Въ настоящее время, взаимная связь націй, при посредствѣ внѣшней торговли, объединяетъ ихъ благосостояніе настолько, что причины, вызывающія торговый и экономическій кризисъ среди одной или нѣсколькихъ изъ нихъ, пагубно отражаются въ большей или меньшей степени на матеріальномъ благосостояніи остальныхъ. Дѣйствующія на международномъ рынкѣ державы могутъ быть раздѣлены на три класса. Въ первый войдутъ государства со значительной территоріей и незначительнымъ населеніемъ, которое, прокармливаясь естественными продуктами страны, вывозитъ избытокъ послѣднихъ за границу, получая взамѣнъ произведенія заграничной, фабричной и заводской промышленности. Къ этому классу могутъ быть отнесены Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Бразилія, южно-американскія государства, англійскія колоніи и Россія. Послѣднія уже ближе ко второму классу государствъ съ большимъ населеніемъ, пропорціональнымъ количеству территоріи. Естественныя произведенія почвы обрѣтаются здѣсь въ количествѣ достаточномъ, при нормальныхъ условіяхъ, для собственнаго прокормленія. При неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, государства этого разряда нуждаются въ привозѣ естественныхъ произведеній изъ странъ перваго класса. Что касается продуктовъ фабричныхъ и заводскихъ, то въ нихъ они безусловно нуждаются; эта потребность удовлетворяется промышленнымъ развитіемъ націй третьяго класса, наводняющихъ произведеніями этого рода рынки государствъ втораго, но особенно перваго класса. Къ государствамъ втораго класса могутъ быть отнесены Италія, Германія, Австрія и отчасти только Франція, переходящая уже въ третій разрядъ. Отличительная черта послѣдняго — незначительность территоріи, которая не въ состояніи, даже при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, прокармливать густое населеніе, не пропорціональное объему территоріи и продуктивной способности страны. Отсюда—необходимость прибѣгать для прокормленія къ заграничнымъ странамъ втораго, а еще болѣе перваго класса, которымъ они отдаютъ въ обмѣнъ на естественныя произведенія цѣлыя массы фабрично-заводскихъ продуктовъ.

Такимъ образомъ, очевидно, что первый и второй классы зависятъ отъ третьяго по отношенію къ продуктамъ фабричнаго производства, а третій отъ втораго и особенно перваго въ произведеніяхъ естественныхъ. Обстоятельства, приводящія въ разстройство, уменьшающія или увеличивающія производительность, а слѣдовательно и отпускъ фабричныхъ или естественныхъ произведеній въ одномъ изъ государствъ первой, второй или третьей группы, неизбѣжно отражаются на экономическомъ положеніи *остальныхъ*. Особенно рѣзко эта зависимость проявляется во время

ойны, когда прекращеніе вывоза извѣстныхъ произведеній, иду-
ихъ на заграничные фабрики и заводы, останавливаетъ про-
ышленное производство въ государствахъ, лишившихся рынковъ
для закупки данныхъ произведеній и не успѣвшихъ еще найти
отребный продуктъ въ другомъ мѣстѣ. Прекращеніе же или
олько уменьшеніе нормальной промышленной дѣятельности вле-
етъ за собою вздорожаніе фабричныхъ издѣлій, меньшее ихъ
отребленіе, слѣдовательно, пониженіе заработной платы, рос-
ускъ рабочихъ, ихъ голоданіе, однимъ словомъ—полный эконо-
ическій кризисъ. Всѣмъ еще памятенъ кризисъ хлопчато-бумаж-
аго производства и значительныя бѣдствія, вызванныя имъ
реди рабочаго населенія Франціи и особенно Англіи; они яви-
ись результатомъ войны въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверянъ
ъ южанами (въ 60-хъ годахъ), во время которой флотъ сѣве-
инъ, блокируя важнѣйшіе порты и гавани южанъ, прекратилъ
ывозъ изъ нихъ хлопка, въ изобиліи вывозившагося до войны
а фабрики Франціи и Англіи.

Не менѣе замѣтно и легко констатируется статистическими
анными то хроническое финансовое истощеніе европейскихъ
ержавъ, которое происходитъ отъ громадныхъ матеріальныхъ
атратъ на приготовленія къ войнѣ и на самыя войны. Большіе
бытки, причиняемые бюджетамъ европейскихъ государствъ со-
ержаніемъ армій и необходимыхъ для военныхъ цѣлей приспо-
обленій, ежегодно увеличиваются и потери эти дѣлаются еще
увствительнѣе, если прибавить къ нимъ займы, вызванные вой-
нами, и косвенные убытки, наносимые войною народному благо-
остоянію, трудно поддающіеся точному вычисленію.

Такъ, еще до франко-прусской и послѣдней восточной войны,
ызвавшихъ во всѣхъ государствахъ увеличеніе армій (слѣдова-
ельно, пропорціональное отягощеніе государственныхъ бюдже-
овъ) и займовъ на военныя потребности, т. е. къ 1870 г., итогъ
сѣхъ европейскихъ армій превосходилъ 5 милліоновъ человѣкъ.
Если перевести на деньги стоимость труда, который могъ бы
производиться этою массою рабочихъ силъ, отнимаемыхъ отъ по-
лей, фабрикъ и другихъ видовъ продуктивной дѣятельности, то
получится сумма равная 3 милліардамъ и 200 милліонамъ фран-
ковъ. Кромѣ того, имѣется еще собственность, какъ движимая, такъ
и недвижимая, пріурочиваемая къ военному дѣлу и такимъ обра-
омъ изъемлемая изъ сферы производительнаго употребленія; стои-
ость ея разсчитана приблизительно въ $19\frac{1}{2}$ милліардовъ фран-
овъ. Если же свести итоги государственныхъ долговъ, причи-
ненныхъ сухопутными и морскими войнами, то къ 1870 году
олгъ этотъ у всѣхъ европейскихъ державъ достигалъ грандіозной
ифры 68 милліардовъ франковъ. Сосчитывая всѣ бюджеты до-
ходовъ на 1870 г., получается офиціальная цифра въ 10 милліар-
овъ 120 милліоновъ франковъ. Производя ту же операцію надъ
военными издержками за тотъ же годъ, увидимъ, что онѣ восхо-
дятъ до 9 милліардовъ и 200 милліоновъ, т. е. печальная кар-
тина поѣданія государственныхъ доходовъ въ Европѣ нуждами
военнаго дѣла выразится *въ отношеніи* цифры 19 къ цифрѣ 20.

Такимъ образомъ, самая ничтожная часть государственныхъ бюджетовъ употребляется на просвѣщеніе и другія насущныя нужды.

Всѣ государства солидарны въ интересахъ обороны, вызывающей извѣстныя, какъ мы уже видѣли, большія матеріальныя пожертвованія; общій ихъ интересъ — по возможности ограничить или, по крайней мѣрѣ, не допускать увеличенія этихъ затратъ, разоряющихъ ихъ бюджеты, отнимающихъ у нихъ возможность дальнѣйшаго усовершенствованія, матеріальнаго и духовнаго. Если такъ, то всѣ государства, члены международнаго союза, заинтересованы въ поддержаніи мира, въ устраненіи всякихъ серьезныхъ поводовъ къ столкновеніямъ между народами. Поэтому, воинственная политика одного или нѣкоторыхъ изъ нихъ, стремленіе къ расширенію предѣловъ, угрожающее войною, безпокоящее сосѣдей и вліяющее на неустойчивость всемірно-гражданскаго оборота, должно вызывать у другихъ членовъ международнаго союза стремленіе къ пропорціональному увеличенію армій, а слѣдовательно и издержекъ, необходимыхъ въ видахъ обороны и отвращенія возможной опасности. Увеличеніе оборонительныхъ силъ одного ведетъ неизбѣжно къ пропорціональному усиленію армій и издержекъ у другаго, и, слѣдовательно, интересы всѣхъ солидарны, и прежде всего въ томъ смыслѣ, что государства сознательно ищутъ способовъ избѣжать войны. Экономическая сторона войны, въ нашъ матеріальный вѣкъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе и на этой почвѣ — экономическаго вреда войны — создаются планы для возможно болѣе частаго ея устраненія при посредствѣ различныхъ учрежденій, какъ напр., третейскаго и международнаго суда, замѣнившихъ собою прежнія несбыточныя мечты о вѣчномъ мирѣ, созидавшіяся на началахъ гуманности и на религіозныхъ воззрѣніяхъ.

Этотъ общій интересъ націй проявляется и въ вопросѣ о нравственныхъ началахъ, которыя, подготовлявшись медленнымъ историческимъ процессомъ развитія человѣческой культуры, сдѣлались общимъ достояніемъ извѣстной эпохи, проникли въ общее сознаніе народовъ сходной культуры. Нарушеніе извѣстныхъ общепризнанныхъ началъ нравственности и законовъ общежитія, караемое въ цивилизованныхъ странахъ уголовными законами, ведетъ, напр., къ ограниченію права убѣжища для преступниковъ противъ общаго права, т. е. для такихъ лицъ, которыя совершаютъ дѣянія, признанныя одинаково безнравственными, вредными и опасными всюду и для всякаго общества, достигшаго извѣстной культуры, безъ различія формъ, его историческаго прошлаго, обычаевъ, нравовъ и т. д. Понемногу устанавливается начало солидарности интересовъ всѣхъ націй въ преслѣдованіи и наказаніи извѣстныхъ дѣяній, основные элементы которыхъ вездѣ считаются нарушающими фундаментальные принципы общежитія, а, слѣдовательно, заслуживающими подавленія и возмездія, изъ чего проистекаетъ необходимость споспѣшествованія въ поимкѣ, судѣ и наказаніи лицъ, совершившихъ такія дѣянія. Появляются и *постепенно* всѣми державами признаются исключенія изъ начала *территоріальности* уголовнаго закона, создающіяся въ виду

общаго всѣмъ государствамъ интереса. Въ этомъ смыслѣ юридическое сознаніе всѣхъ народовъ установилось и окрѣпло настолько, что нравственная обязанность выдачи преступниковъ противъ общаго права, укрывшихся послѣ совершенія преступленія за границею, признаётся даже помимо существованія трактатовъ между государствомъ, требующимъ выдачи даннаго лица, и державою, на территоріи которой укрылся бѣглецъ. Сама Англія, искони вѣковъ дорожившая и ревниво оберегавшая начало территоріальности уголовныхъ законовъ, классическая страна убѣжища для всевозможныхъ выходцевъ и эмигрантовъ, не отказывается въ выдачѣ тяжкихъ преступниковъ даже тѣмъ государствамъ, съ которыми она не заключала на этотъ счетъ спеціальныхъ картельныхъ конвенцій (т. е. трактатовъ о выдачѣ преступниковъ).

Даже на войнѣ, со всѣми ужасами и бѣдствіями, ею вызываемыми, отражается прогрессъ идеи гуманности. Съ XVI вѣка идетъ рядъ трактатовъ, въ которыхъ европейскія государства заботятся объ охраненіи мирныхъ жителей во время войны, особенно же раненыхъ и больныхъ воиновъ, которыхъ запрещается мучить и убивать. Въ 1864 и 1868 годахъ, это историческое стремленіе къ гуманизаціи войны по отношенію къ выбывшимъ изъ строя больнымъ и раненымъ воинамъ, завершается изданіемъ новыхъ постановленій, международно-законодательнаго общеевропейскаго характера, организующихъ систему обращенія съ ними и вводящихъ цѣлыя учрежденія, призванныя въ интересахъ гуманности смягчать несчастныя послѣдствія войны по отношенію къ человѣку, потерпѣвшему въ ней при исполненіи своихъ обязанностей защищать страну и нападать на непріятеля.

Давно признано, что наука и исскуство суть достояніе всего человѣчества, что ихъ произведенія дороги для духовныхъ интересовъ всѣхъ государствъ; это сознаніе должно было неминуемо привести, въ интересахъ всего человѣчества, къ осужденію такихъ или такихъ средствъ и способовъ веденія войны, которые, не будучи вызваны военною необходимостью и цѣлями войны, ведутъ къ разрушенію источниковъ знанія и произведеній искусствъ. И вотъ современное военное право не допускаетъ уничтоженія этихъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію духовныхъ интересовъ всѣхъ государствъ, и требуетъ ихъ пощады. Всѣмъ памятно то, почти мірovое негодованіе, которое было вызвано пожаромъ и истребленіемъ знаменитой книжной сокровищницы, хранившейся въ Страсбургѣ, пожаромъ, происшедшимъ отъ бомбардированія пруссаками этого укрѣпленнаго города. Прусское правительство и германскіе генералы, не очень-то дорожившіе международнымъ правомъ, тѣмъ не менѣе чувствовали нравственную обязанность оправдаться предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы и Америки: они доказывали и, кажется, не безъ основанія, что пожаръ произошелъ случайно и что ихъ армія не имѣла злаго намѣренія сжечь знаменитую библіотеку.

Наконецъ, было бы безполезно распространяться о тѣхъ способахъ и той *организаціи, которые* существуютъ въ международ-

номъ союзѣ для охраны средствъ сообщенія между людьми и го-
сударствами, безъ защиты которыхъ, посредствомъ мѣръ общаго
характера, не былъ бы возможенъ широкій и быстрый, современ-
ный гражданскій оборотъ. Это стремленіе къ международной
охранѣ способовъ сообщенія проявилось въ извѣстныхъ междуна-
родныхъ конвенціяхъ, почтовыхъ и телеграфныхъ; наконецъ, и
международныхъ способахъ упорядоченія и наблюденія надъ су-
доходствомъ по рѣкамъ международнаго характера.

Начало общенія между народами стало сознаваться съ отно-
сительно недавняго времени; прежде оно какъ бы только чувство-
валось отъ времени до времени инстинктивно, но и того было
уже достаточно для появленія внѣшнихъ выразителей идеи сов-
мѣстнаго существованія народовъ съ общими всѣмъ имъ интере-
сами. Это внѣшнее выраженіе идеи общенія высказалось въ осо-
быхъ органахъ, носящихъ названіе *конгрессовъ* и *конференцій*.
На основаніи историческихъ данныхъ, они могутъ быть опредѣ-
лены такъ: собраніе государей или ихъ уполномоченныхъ для ра-
рѣшенія дѣлъ и споровъ, въ которыхъ заинтересованъ весь между-
народный союзъ или нѣсколько изъ его членовъ. Съ чистой, иде-
альной стороны конгрессы и конференціи, какъ выразители на-
чала правоваго общенія между всѣми народами извѣстной куль-
туры, должны бы представляться учрежденіями, если не постоян-
ными или періодическими собирающимися, то, по крайней мѣрѣ, со-
ставляющимися всякій разъ, когда того требуютъ обстоятельства,
изъ представителей отъ всѣхъ государствъ (великихъ, сред-
нихъ и малыхъ), которые должны принимать въ нихъ участіе
на равныхъ правахъ. Функціи ихъ должны бы быть законо-
дательными, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они могли бы, какъ ду-
маютъ нѣкоторые публицисты, служить высшею судебною инстан-
ціею. Эти функціи конгрессовъ и конференцій можно свести къ
высшему началу:—охраны, посредствомъ общихъ разсужденій и
мѣръ, должнаго и правильнаго отношенія между началами свободы
и независимости государствъ, и принципомъ общенія между ними,—
отношенія, въ которомъ не нашлось бы мѣста односторонне-
торжеству или подавленію одного начала другимъ. Историческое
разсмотрѣніе вопроса выяснитъ однако, что прошлое международ-
ныхъ отношеній, а отчасти и настоящее далеки отъ этого идеала.
Съ этой исторической точки зрѣнія трудно, прежде всего, опредѣ-
лить *существенное различіе между конгрессами и конференціями*.
Большинство писателей или совершенно не проводятъ различія
между ними, или же указываютъ на поверхностныя, случайныя
въ нихъ отличія, значеніе которыхъ умаляется при ихъ сопостав-
леніи съ несомнѣнными историческими фактами. Такъ, проф.
Мартенсъ усматриваетъ это различіе: во 1-хъ, *въ личности предста-
вителей государствъ*, участвующихъ въ тѣхъ и другихъ собра-
ніяхъ; во 2-хъ, *въ предметахъ обсужденія*; въ 3-хъ, въ самыхъ
цѣляхъ собраній. На конгрессахъ присутствуютъ, говоритъ онъ,
или сами государи (конгрессы вѣнскій, ахенскій, лайбахскій,
троппаускій, веронскій) или ихъ первые министры, вообще, уполно-
моченные, съ широкими полномочіями на заключеніе трактатовъ

глашеній. На конференціяхъ—делегаты правительствъ, назначен-
ые ad hoc, хотя-бы съ рѣшающимъ голосомъ, рѣдко министры
никогда государи. Предметы совѣщаній конгрессовъ: важнѣйшіе,
изненные интересы государствъ и цѣлаго международнаго союза;
нференціи только обсуждаютъ существующія обстоятельства и
столковываютъ ихъ, или же подготовляютъ рѣшеніе какого-ни-
дь важнаго и труднаго дѣла. Конгрессъ имѣетъ задачею—рѣ-
ить спорный вопросъ, предупредить войну и обезпечить сохра-
ніе международно-правоваго порядка; конференція не провоз-
ашаетъ новыхъ началъ, но только развиваетъ существующія и,
рѣшая спорныхъ вопросовъ международныхъ отношеній и права,
лько подготовляетъ ихъ разрѣшеніе.

Противъ всего сказаннаго можно представить серьезныя воз-
женія. Можно указать не мало конгрессовъ, притомъ съ важ-
имъ международнымъ характеромъ, въ которыхъ сами государи
принимали участія. Таковы, напр., конгрессы парижскій
856 г.) и берлинскій (1878 г.). Скорѣе можно поставить пра-
ломъ, что государи рѣдко принимаютъ въ нихъ участіе; исклю-
ніе представляетъ эпоха конгрессовъ, начавшаяся 1815 годомъ
нскимъ конгрессомъ) и закончившаяся конгрессомъ въ Веронѣ
ъ 1823 г.). Министры иностранныхъ дѣлъ тоже далеко не все-
а присутствуютъ на конгрессахъ и не отъ всѣхъ державъ, прини-
ающихъ участіе въ международныхъ собраніяхъ. Такъ, напр.,
конгрессѣ 1856 г., одна Франція была представлена министромъ
остранныхъ дѣлъ, а остальныя державы представлялись на
мъ послами. Широкія полномочія даются часто и уполномо-
нымъ на конференціяхъ; во всякомъ случаѣ уполномоченные,
къ на конгрессахъ, такъ и на конференціяхъ, въ одинаковой
епени подлежатъ контролю своихъ правительствъ, а въ кон-
итуціонныхъ государствахъ и контролю народнаго представи-
льства, благодаря которому различія въ полномочіяхъ лицъ,
редставляющихъ извѣстное государство на международномъ со-
ваніи, почти уничтожаются. Положительно извѣстны конференціи,
которыхъ принимали участіе государи; напр., пильницкая (въ
791 г.) видѣла трехъ государей (короля прусскаго, электора сак-
скаго и императора германскаго), которые совѣщались тамъ
французскими эмигрантами относительно внутренняго положе-
я Франціи и о предполагаемомъ вмѣшательствѣ въ ея дѣла.

Безспорно, что конгрессы занимались часто рѣшеніемъ дѣлъ
изненнаго интереса для международнаго союза. Тоже, однако,
ожно сказать и относительно нѣкоторыхъ конференцій, которыя
ограничивались однимъ обсужденіемъ существующихъ обстоя-
льствъ, ихъ истолкованіемъ или же подготовленіемъ рѣшеній,
непосредственно обсуждали и рѣшали по существу серьезнѣй-
іе вопросы международныхъ отношеній и права, притомъ об-
аго интереса. Напр., лондонская конференція 1831 г., созван-
ая по дѣламъ Бельгіи, хотя и видѣла въ числѣ своихъ чле-
овъ, въ качествѣ уполномоченныхъ отъ нѣкоторыхъ великихъ
ержавъ, второстепенныхъ чиновниковъ (напр., представитель

Россіи, Матусевичъ), тѣмъ не менѣе она обсуждала и рѣши
по существу дѣло первѣйшей важности — отдѣленіе Бельгіи о
Голландіи, т. е. разрушила то политическое соединеніе, созд
ное на вѣнскомъ конгрессѣ, въ которомъ видѣли верхъ мудро
этого европейскаго судилища, чуть не краеугольный камень д
системы политическаго равновѣсія въ Европѣ. Если конгрес
вообще говоря, имѣютъ задачею обезпечить сохраненіе между
родно-правоваго порядка, то эту задачу имѣла и лондонск
конференція, думавшая обезпечить этотъ порядокъ провозгла
ніемъ независимости Бельгіи, т. е. уничтоженіемъ искусств
наго политическаго соединенія ея съ Голландіей. Конферен
нерѣдко имѣютъ задачею (наравнѣ съ конгрессами) рѣшить сп
ный вопросъ и предупредить войну. Такъ, споры между Т
ціей и Грецiей изъ-за возстанія на островѣ Критѣ, грозив
войною, были рѣшены на конференціи въ Парижѣ (въ 1
г.); еще важнѣе было значеніе конференціи 1827 — 1828
по дѣламъ Греціи: конференція эта рѣшила споръ о независи
сти Греціи, освятивъ въ данномъ случаѣ національный принци
т. е. давъ ему право гражданства въ практической междунар
ной жизни и создавъ новое независимое государство; други
словами, она рѣшила дѣло первой важности и общеевропейск
интереса. Наконецъ, константинопольская конференція (1876
и берлинская (1880 г.) имѣли въ виду, первая — предотврат
войну Россіи съ Турціей и обязать послѣднюю серьезными
формами на пользу ея христіанскаго населенія; вторая — уст
нить возможность вооруженнаго столкновенія между Турціей
Грецiей изъ-за территоріальныхъ споровъ. Послѣднее столкно
ніе было предотвращено рѣшающимъ, а вовсе не подготовите
нымъ постановленіемъ конференціи, обязавшей Турцію, призна
ную въ 1856 г. равноправнымъ и необходимымъ членомъ ев
пейской системы государствъ, значительными территоріальны
уступками въ пользу Греціи, опять же на почвѣ національна
принципа. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, конференціи рѣшали съ дол
ными полномочіями вопросы общаго для всей Европы интере
ослабляли Турцію, увеличивали Грецію, старались предотврат
войну, и т. п. Между прочимъ, должно замѣтить, что всѣ бе
исключенія международныя собранія большей или меньшей ва
ности, собиравшіяся въ Лондонѣ, всегда носили названіе кон
ренцій.

Самъ профессоръ Мартенсъ замѣчаетъ, что „въ настоящ
время, на практикѣ, нѣкоторыя изъ международныхъ собран
имѣвшихъ вполнѣ характеръ и значеніе конгрессовъ, получи
названіе конференцій". Въ общемъ и цѣломъ, относительно п
шлаго и настоящаго, будетъ довольно вѣрно признать, что вооб
на конгрессахъ чаще присутствуютъ государи и управляю
министерствами иностранныхъ дѣлъ, чѣмъ на конференціяхъ,
что дѣла, ими разсматриваемыя, обыкновенно важнѣе, чѣмъ
просы, подвергаемые обсужденію на конференціяхъ. Дѣло, по
димому, идетъ къ тому, что конгрессамъ будетъ подлежать р
рѣшеніе самыхъ важныхъ общихъ вопросовъ; они будутъ дава

общія нормы для опредѣленія интересовъ всего союза и отдѣльныхъ его членовъ, главнѣйшія начала для руководства при разрѣшеніи недоразумѣній, могущихъ возникнуть между государствами. Конференціи являлись бы въ подобномъ случаѣ учрежденіями мѣстнаго, случайнаго характера, учрежденіями вспомогательными для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ второстепеннаго характера, которые могутъ возникнуть при примѣненіи и логическомъ развитіи началъ и нормъ, принятыхъ конгрессами. Что касается въ частности участія государей, то неучастіе ихъ предпочтительнѣе, потому что по всѣмъ законодательствамъ они неотвѣтственны, тогда какъ всѣми современными конституціями признаётся принципъ отвѣтственности министровъ, предъ монархомъ или предъ народнымъ представительствомъ, за всякое дѣйствіе и распоряженіе во внутренней или внѣшней политикѣ. Министръ могъ бы сваливать съ себя отвѣтственность въ заключеніи договора, или за неудачное веденіе дѣла на конгрессѣ или конференціи, на государя, и, прикрываясь его именемъ, избѣжать законной отвѣтственности.

Выше намѣченная идея конгрессовъ и конференцій, еслибы таковые дѣйствительно выражали ее, требовала бы, чтобы собранія эти были, если не постоянными или періодическими, то, по крайней мѣрѣ, такими, которыя обязательно собирались бы при возникновеніи какого нибудь дѣла, касающагося общаго интереса нѣсколькихъ государствъ. То-ли явствуетъ изъ исторіи?

II.

Конгрессы и конференціи никогда не были учрежденіями *постоянными* или *періодическими*. Нѣкоторая періодичность замѣчается только въ эпоху, слѣдовавшую за вѣнскимъ конгрессомъ, когда, по иниціативѣ императора Александра I-го и Меттерниха, государи Австріи, Пруссіи и Россіи условились собираться въ довольно опредѣленные промежутки времени, для совмѣстнаго обсужденія тогдашнихъ критическихъ дѣлъ въ Европѣ. Дѣйствительно, съ 1815 по 1823 годъ идетъ цѣлый рядъ блестящихъ конгрессовъ (ахенскій въ 1819 г., троппаускій—1820, въ Лайбахѣ—1821 и Веронѣ—1823 г.), собиравшихся при участіи этихъ державъ вмѣстѣ съ Франціей и Англіей; они образовали тогда такъ называемую пентархію, ворочавшую, чаще втроемъ (Австрія, Россія и Пруссія), дѣлами континента при пассивномъ согласіи Франціи; Англія же на веронскомъ конгрессѣ совершенно отдѣлилась отъ союзниковъ. Эта эпоха періодическихъ конгрессовъ миновала однако вмѣстѣ съ кончиною государя Александра I и измѣнившимися обстоятельствами международной политики, ослабившими, а затѣмъ и совершенно разрушившими сперва союзъ пентархіи, а потомъ и тройственный союзъ Австріи, Россіи и Пруссіи. Въ настоящее время, желаніе придать органамъ общенія между народами внѣшнюю прочность и постоянство внушило публицистамъ нѣсколько проэктовъ организаціи постоянныхъ, законодательно-судебныхъ учрежденій, которымъ были-бы отданы функціи конгрессовъ и конференцій. Такъ,

французъ Парьё предлагаетъ учрежденіе международной ко
сіи, составленной изъ представителей отъ правительствъ и отъ
родныхъ собраній отдѣльныхъ государствъ. Еще ближе къ чис
идеѣ конгрессовъ проф. эдинбургскаго университета Лорюмеръ.
сочинилъ два проэкта. На основаніи перваго (появился въ 1871
уполномоченные отъ каждаго государства, именно по 2, долж
собираться ежегодно на нейтральной территоріи, напр., въ Бел
или въ Швейцаріи, и образовать изъ себя конгрессъ, котор
долженъ обсуждать и рѣшать международные вопросы. Государс
въ лицѣ своихъ депутатовъ имѣютъ голосъ, который долж
соразмѣряться съ реальнымъ значеніемъ и политическою ро
государствъ, которыхъ депутаты служатъ представителями; име
число голосовъ за каждымъ государствомъ должно опредѣлят
количествомъ его населенія, величиной чистаго дохода и раз
ромъ ввоза и вывоза (проэктъ, до очевидности, выгодный для од
Великобританіи). Конгрессъ, которому принадлежитъ право
шать — имѣетъ-ли тотъ или другой вопросъ международный
территоріальный характеръ, можетъ приводить свои рѣшенія
исполненіе силою оружія. При этомъ учреждается и междунар
ный судъ, куда конгрессъ самъ назначаетъ членовъ и направл
для рѣшенія дѣла судебнаго характера; но конгрессъ — высш
апеляціонно-кассаціонная инстанція. Лорюмеръ вскорѣ (въ 1877
покинулъ этотъ фантастическій планъ и создалъ другой. Меж
народный конгресъ, засѣдающій въ Константинополѣ, долже
состоять изъ палаты депутатовъ и сената (англо-французскій п
ламентскій образецъ). Тамъ-же учреждается и международн
судъ; всѣ три учрежденія распоряжаются экзекуціонною арм
которая должна быть составлена изъ войскъ, назначаемыхъ
нее каждымъ государствомъ въ опредѣленномъ размѣрѣ. О зако
дательномъ органѣ, притомъ также постояннаго характера, м
талъ и Блунчли, предложившій подчинить государства особому
вѣту изъ государей и ихъ уполномоченныхъ, и сенату, въ ко
рый народныя собранія каждаго государства должны по выб
посылать депутатовъ. При этомъ, для рѣшенія дѣлъ судебнаго
рактера вводится также международный судъ. Нужно-ли го
рить, что всѣ эти проэкты случайны, искусственны и непр
тичны? «Всѣ они,—говоритъ проф. Мартенсъ,—придаютъ меж
народному общенію государственную организацію и потому ед
ли когда нибудь получатъ практическое осуществленіе. Всѣ
проэкта вынуждаютъ государства жертвовать своею свободо
самостоятельностью, и подчиняться большинству голосовъ, кото
даже по первому проэкту Лорюмера можетъ сложиться невыго
для отдѣльныхъ государствъ. Въ концѣ концовъ, произойдетъ
что совокупность малыхъ или среднихъ государствъ будетъ пр
писывать законы большимъ; въ проэктѣ-же Лорюмера, ставящ
количество голосовъ въ пропорціональную зависимость отъ эко
мическаго благосостоянія и числа населенія государствъ, одна
двѣ державы, въ родѣ, напр., Соединенныхъ Штатовъ Сѣвер
Америки и Англіи, соединившись во имя общаго, хотя-бы и с
чайнаго интереса съ нѣсколькими малыми или средними, о

дутъ давленіе и будутъ постановлять рѣшенія въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. При этомъ трудно, если не невозможно, опредѣлить и вычислить за каждымъ государствомъ (по первому проэкту Лорімера) должное его значеніе и подобающее ему число голосовъ. Наконецъ, всѣ проэкты безъ исключенія игнорируютъ культурную сторону вопроса и законъ историческаго прогресса: они сводятся въ сущности къ идеѣ организаціи вѣчнаго мира или, по крайней мѣрѣ, къ возможному сокращенію числа войнъ, притомъ, искусственнымъ путемъ, посредствомъ отнятія у народовъ права на суверенную защиту своего «я», даже войною, какъ крайнимъ средствомъ для самосохраненія и возстановленія нарушеннаго права. Сомнительно, чтобы современная культура доросла до возможности осуществленія состоянія, не нуждающагося въ войнѣ!

Нельзя даже сказать, чтобы конгрессы и конференціи собирались всякій разъ, когда того требовалъ общій интересъ международнаго союза или нѣсколькихъ его членовъ. До 1815 года, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ (напр., конгресса вестфальскаго), конгрессы и конференціи имѣли, главнымъ образомъ, формальное значеніе торжественныхъ собраній для окончательнаго оформленія и укрѣпленія мирныхъ договоровъ посредствомъ приложенія къ нимъ подписей и государственныхъ печатей, причемъ на нихъ участвовали исключительно только тѣ изъ непосредственно и прямо заинтересованныхъ въ дѣлѣ государствъ, которымъ принадлежала мысль о созваніи собранія. Съ вѣнскаго конгресса, стали привлекать къ участію и государства, косвенно заинтересованныя въ сохраненіи или новомъ устройствѣ международнаго порядка. Великія державы считаются всѣ безусловно заинтересованными въ каждомъ вопросѣ, рѣшеніе котораго затрогиваетъ такъ называемое европейское равновѣсіе. Съ ахенскаго конгресса (1818 г.) совѣтъ великихъ державъ, привлекавшихся на конгрессы, увеличивается привлеченіемъ въ эти совѣты державъ втораго ранга. Такъ, конгрессы въ Троппау и Лайбахѣ (въ 1820—1821 гг.) пригласили къ участію въ своихъ совѣщаніяхъ короля неаполитанскаго, впрочемъ, непосредственно заинтересованнаго въ предметахъ занятій тѣхъ собраній, а въ 1831 году лондонская конференція (по бельгійскимъ дѣламъ) допустила къ участію въ занятіяхъ представителя новаго бельгійскаго королевства. До настоящаго времени, нельзя указать ни одного конгресса и ни одной конференціи, на которыхъ бы принимали участіе всѣ державы, образующія европейскій международный союзъ. Даже на вѣнскомъ конгрессѣ, задачею котораго было создать и укрѣпить на основахъ политическаго равновѣсія и легитимизма международный порядокъ всей Европы, затрогивавшій всѣ европейскія государства, не всѣ, однако, державы были допущены къ участію въ совѣщаніяхъ. Пяти державамъ принадлежала почти исключительная, господствующая роль. Они образовали изъ себя „комитетъ пяти державъ“. Онъ кроилъ карту Европы, рѣшалъ судьбы территорій и населеній, въ чемъ были заинтересованы остальныя державы, не принимавшія участія въ рѣшеніи дѣлъ общаго всѣмъ имъ интереса. Нѣкоторыя изъ *нихъ были* допущены въ комитетъ 8-ми дер-

жавъ, который рѣшалъ второстепенные вопросы, а иногда и т
въ которыхъ (напр., о негро-торговлѣ) нѣкоторыя изъ нихъ (И
нія и Португалія) являлись прямо и непосредственно заинтер
ванными. По всѣмъ вопросамъ общаго характера, напр., о рас
дѣленіи вакантныхъ территорій на основаніяхъ равновѣсія и
гитимизма, комитетъ 8-ми только выслушивалъ рѣшенія комитета 5
который обсуждалъ и рѣшалъ вопросы общаго для всей Европы и
реса. Замѣчательно, что даже Баварія, держава въ то время
вольно крупная, соперничавшая съ Пруссіей, засѣдавшей въ
митетѣ 5, не принимала участія въ комитетѣ 8. Не всегда и
глашались на конгрессѣ къ участію и рѣшенію дѣлъ даже
изъ державъ втораго и третьяго ранга, которыя оказывались б
жайшимъ образомъ заинтересованными въ обсужденіи и рѣше
извѣстныхъ комбинацій. Такъ, на вѣнскомъ конгрессѣ былъ
данъ особый комитетъ по дѣламъ Германіи, въ которыхъ бы
заинтересованы всѣ великія, среднія и малыя государства э
страны; и однако въ германскомъ комитетѣ засѣдали и рѣшали в
росы только нѣкоторыя первоклассныя и второй руки нѣмецкія г
дарства; всѣ же остальныя были отстранены отъ участія въ комите
хотя нерѣдко дѣло шло о ихъ самостоятельномъ существова
ихъ историческихъ правахъ, объемѣ территоріи и количествѣ
селенія.

Такимъ образомъ, на вѣнскомъ конгрессѣ былъ наруше
принципъ равнаго участія всѣхъ непосредственно заинтересов
ныхъ въ международномъ порядкѣ государствъ. На немъ не
блюдалось даже элементарное начало — участія представите
державъ, подвергавшихся суду конгресса, въ лицѣ ихъ монархо
хотя бы съ однимъ только совѣщательнымъ голосомъ. Такъ, в
скій конгрессъ не допустилъ въ свои засѣданія ни короля сакс
сонскаго, ни его уполномоченнаго, тогда какъ тамъ былъ п
нятъ вопросъ объ инкорпораціи всей Саксоніи, которую Рос
хотѣла отдать цѣликомъ Пруссіи; въ концѣ концовъ король с
сонскій былъ лишенъ почти половины своей наслѣдственной зем
отошедшей къ Пруссіи помимо воли населенія, вопреки про
стамъ короля, который ни разу не былъ призванъ къ защ
своихъ правъ. Къ сожалѣнію, и въ настоящее время, когда призн
уже въ принципѣ право всѣхъ непосредственно заинтересов
ныхъ государствъ на участіе въ совѣщаніяхъ съ рѣшающимъ
лосомъ—встрѣчаются нарушенія этого начала. Такъ, въ 186
въ Парижѣ состоялась конференція, разсматривавшая столкно
ніе, возникшее между Турціей и Греціей по случаю возстанія
островѣ Критѣ. Въ этой конференціи участвовали всѣ вели
державы, принявшія на себя, на основаніи парижскаго тракт
1857 года, обязательства по сохраненію неприкосновенности Т
ціи, а также и эта послѣдняя, какъ непосредственно заин
ресованная въ спорѣ съ Греціей сторона. Между тѣмъ Гре
другая изъ заинтересованныхъ сторонъ, притомъ существенно
тронутая въ дѣлѣ, такъ какъ вопросъ шелъ объ участи одно
меннаго ей острова Крита, издавна стремившагося къ возсоединен
во имя національнаго принципа, съ греческимъ королевство

не была допущена на конференцію. Ея уполномоченный былъ только приглашенъ дать отвѣты на вопросы, поставленные конференціей. Онъ, конечно, протестовалъ противъ оказанной его отечеству несправедливости, но не добился никакихъ результатовъ, хотя былъ поддержанъ и Россіей. Та же участь постигла еще недавно Высокую Порту. Представитель ея не былъ допущенъ на предварительныя совѣщанія константинопольской конференціи (1876—77 года), созванной по приглашенію Англіи для обсужденія окончательныхъ условій мира между Сербіей, Черногоріей и Турціей, и для составленія проэкта положеній о реформахъ мѣстнаго управленія въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи. Очевидно, что въ обоихъ случаяхъ тѣ или другія соображенія чисто политическаго свойства—интересы минуты, удобство участія державы, настроеніе симпатій въ ту или другую сторону, господствующее въ политическихъ и вліятельныхъ кружкахъ, наконецъ, въ общественномъ мнѣніи Европы—рѣшали вопросъ объ участіи заинтересованной стороны. Вслѣдствіе примѣненія подобнаго случайнаго маштаба, и рѣшенія могли имѣть только случайный характеръ.

Исторія международныхъ собраній, благодаря случайности ихъ и недостаточно выраженной идеѣ общенія между народами, не выработала достаточно опредѣленныхъ правилъ для порядка ихъ созванія, способовъ веденія переговоровъ и совѣщаній, правилъ о предсѣдательствѣ на нихъ и т. п. вопросовъ учредительно-процессуальнаго свойства.

Такъ, порядокъ созыва и иниціатива его исходили всегда отъ различныхъ сторонъ. Часто конгрессы и конференціи устраивались по иниціативѣ самихъ непосредственно заинтересованныхъ сторонъ, напр., воюющихъ державъ. Созваніе вѣнскаго конгресса было задумано четырьмя великими державами; цѣли и задачи его предусмотрѣны ими въ актѣ перваго парижскаго мира (1814 г.); берлинскій конгрессъ 1878 года былъ созванъ по иниціативѣ самой Россіи, напередъ обязавшейся подвергнуть обсужденію Европы санъ-стефанскій договоръ. Нерѣдко, однако, первая иниціатива созванія собранія принадлежитъ какой либо третьей, посредствующей державѣ, которая служитъ при этомъ посредникомъ между спорящими сторонами. Такъ, въ 1779 году Екатерина II пригласила Австрію и Пруссію, споривш ихъ о баварскомъ наслѣдствѣ, назначить уполномоченныхъ для улаженія спора въ Тешенѣ. Самый успѣхъ посредничества и будущаго международнаго собранія во многомъ зависитъ отъ значенія и довѣрія, которыми пользуется въ международномъ союзѣ и въ глазахъ спорящихъ держава-посредница. Довѣріе, внушаемое государствомъ, предлагающимъ созваніе конгресса, имѣетъ еще большее значеніе въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда возбуждается вопросъ о разсмотрѣніи и рѣшеніи общихъ международныхъ дѣлъ въ моментъ, не представляющій видимаго повода къ примирительному посредничеству, напр., среди полнѣйшаго мира, но при наличности такъ называемыхъ „тучъ на политическомъ горизонтѣ“. Характерный примѣръ подобнаго рода попытки къ созванію конгресса былъ въ 1863 году, когда

императоръ Наполеонъ III пригласилъ государей Европы на конгрессъ. Въ приглашеніи сказано, что „политическое зданіе Европы покоится теперь на трактатѣ 1815 года, но зданіе это рушится со всѣхъ сторонъ". Сознавая „права государей и легитимныя стремленія народовъ", императоръ французовъ желаетъ путемъ конгресса „внести въ международный совѣтъ, безъ предвзятой системы, духъ умѣренности и справедливости". На это приглашеніе, въ которомъ не были намѣчены основанія для будущаго совѣщанія и недостаточно точно формулированы его задачи, дворы русскій и прусскій, не довѣряя искренности цѣлей Наполеона III, отвѣчали уклончиво и потребовали опредѣленнаго указанія „основаній для руководства при рѣшеніяхъ и постановленіяхъ конгресса". Одна Италія охотно откликнулась на воззваніе Наполеона, выставивъ категорично и начала, которыми она намѣрена руководствоваться на конгрессѣ. „Въ Европѣ,—говорится въ отвѣтѣ короля Виктора Эммануила,—установилась постоянная борьба между политическою совѣстью и положеніемъ вещей, созданныхъ трактатомъ 1815 года, приведшая къ эпидеміи, которая будетъ усиливаться, пока европейскій порядокъ не будетъ построенъ на основѣ принциповъ *національности и свободы*, составляющихъ жизнь современныхъ народовъ. Поэтому, цѣлью конгресса должно быть „соглашеніе правъ государей и справедливыхъ стремленій народовъ", а реализація этого проэкта была-бы, по мнѣнію короля Италіи, большимъ „прогрессомъ въ исторіи человѣчества". Италія убѣждена, что это—„настоящее основаніе, на которомъ можно создать новое европейское равновѣсіе". Планъ Наполеона, стремившагося вмѣшаться въ польскія дѣла и придать польскому вопросу международный характеръ, потерпѣлъ фіаско, благодаря Россіи, Пруссіи и Австріи, которыя разгадали настоящія стремленія Франціи.

Основное правило, всегда строго соблюдавшееся на международныхъ собраніяхъ, заключается въ томъ, что на нихъ никогда не допускаются такъ называемыя *полунезависимыя государства* (напр., Египетъ, Болгарія); послѣднія представляются на конгрессахъ и конференціяхъ тѣми державами, которыя имѣютъ надъ ними сюзеренитетъ. Державы-посредницы принимали участіе въ собраніяхъ въ тѣхъ случаяхъ, если иниціатива созванія принадлежала имъ. Что касается порядка совѣщаній, то онъ отличался нѣкогда, особенно въ XVII и XVIII вѣкахъ, запутанностью и массою сложныхъ и пустыхъ формальностей, затруднявшихъ рѣшеніе дѣлъ и ведшихъ къ постояннымъ пререканіямъ. Дѣло особенно осложнялось, когда въ собраніяхъ участвовали посредники и когда переговоры велись письменно; напр., на тешенскомъ конгрессѣ Австрія и Пруссія посылали свои предложенія, проэкты и контръ-предложенія, при посредствѣ дипломатическихъ нотъ, уполномоченнымъ посредствующей державы (Россіи). Послѣдняя доводила ихъ до свѣдѣнія сторонъ тѣмъ же способомъ, затѣмъ получала и пересылала сторонамъ отвѣты и контръ-проэкты. Постоянные споры, столкновенія и взаимныя раздраженія, приводившія къ проволочкамъ, иногда и къ неудачѣ собраній, возбуждались вопросами объ из-

ніи мѣста конгресса, о допущеніи на него третьихъ и какихъ
нно державъ, о церемоніалѣ совѣщаній и способѣ веденія дѣла,
ейтрализаціи города, служащаго мѣстомъ собраній, если на
мя созванія собранія не было заключено общаго перемирія, о
ной безопасности присутствующихъ, отъѣзжающихъ и пріѣз-
ющихъ пословъ и курьеровъ. Всѣ эти вопросы, на рѣшеніе ко-
ыхъ убивалось немало времени, напр., на вестфальскомъ кон-
ссѣ, гдѣ объ этомъ спорили нѣсколько лѣтъ, въ новѣйшее
мя быстро рѣшаются въ особой прелиминарной конвенціи.
бще же дѣлопроизводство современныхъ конгрессовъ и конфе-
цій значительно проще и однообразнѣе противъ прежняго вре-
и; всякій излишній этикетъ и церемоніалъ откинуты, дѣло
ощено и собраніе открывается обыкновенно избраніемъ предсѣ-
еля, которымъ, по слагающемуся обычаю, бываетъ первый упол-
оченный того государства, на территоріи котораго происхо-
ъ собраніе, чѣмъ выражается уваженіе къ мѣстной государ-
енной власти, гостепріимствомъ которой пользуются предста-
тели другихъ державъ. Исключеніе изъ этого правила допу-
но въ новѣйшее время только въ двухъ случаяхъ: на брюссель-
й конференціи въ пользу представителя Россіи, и на констан-
нопольской (1876—77 гг.), предварительныя совѣщанія которой
исходили тоже подъ предсѣдательствомъ русскаго уполномочен-
го. Затѣмъ производится обмѣнъ и провѣрка полномочій, вы-
нныхъ правительствами ихъ посламъ; совѣщанія ведутся *устно непосредственно*, причемъ для изученія отдѣльныхъ сложныхъ
просовъ и подготовленія ихъ рѣшеній учреждаются иногда спе-
льныя комиссіи изъ членовъ собранія. О каждомъ засѣданіи со-
вляется протоколъ; державѣ-посредницѣ, буде таковая имѣется,
инадлежитъ въ собраніи роль посредника: чрезъ него происхо-
ъ совѣщанія, идутъ документы и переписка, а при спорахъ и
иногласіяхъ посредникъ старается склонить стороны къ прими-
тельному соглашенію.

По обсужденіи поднятаго на собраніи вопроса, оно приступаетъ
постановленію рѣшенія. Начало *единогласія* издавна и неиз-
нно считалось основнымъ принципомъ при постановленіи рѣ-
ній международными собраніями. Еслибы не только простое
льшинство, но $^2/_3$, $^3/_4$, $^9/_{10}$ голосовъ постановили въ извѣстномъ
лѣ, а $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_{10}$ въ противномъ, то принятое этимъ подав-
ющимъ большинствомъ мнѣніе и рѣшеніе нисколько не обя-
тельно для меньшинства, ничѣмъ его не связываетъ, хотя
это меньшинство состояло изъ представителя только одного,
итомъ самаго маленькаго государства. Это общепризнанное
авило коренится въ началѣ суверенной независимости, являю-
йся основнымъ, неотъемлемымъ свойствомъ всякой полити-
ской организаціи. Послѣдняя у себя дома предписываетъ все-
можные способы для управленія, можетъ ограничивать права
ажданъ, требовать въ частности, при охраненіи извѣстныхъ инте-
совъ, простаго или условнаго большинства голосовъ, такъ какъ
ма организація, являясь относительно гражданъ высшимъ кон-
олирующимъ учрежденіемъ, должна въ интересахъ общежитія

обладать правомъ ограничивать свободу и интересы отдѣль
личности и подчиненныхъ государству союзовъ, въ цѣляхъ
держанія самого государства, т. е. высшаго вида общежитія.
та же политическая организація является въ международномъ со
уже цѣльною, единою личностью, которая не можетъ затерят
въ цѣломъ международномъ союзѣ при рѣшеніи какого-нибу
дѣла общаго интереса, или спеціально ему присущаго, не мож
подавляться большинствомъ голосовъ. Она всегда должна пр
лять свое *я*, свое согласіе и несогласіе на извѣстную комбина
иначе государство ограничило бы свое право на самосохране
которое проявляется, между прочимъ, и въ свободной, сознат
ной подачѣ голоса въ международномъ собраніи по всякому д
касающемуся прямо или косвенно его интереса. Изъ междунар
ной практики можно бы указать на множество случаевъ, нагля
показывающихъ несостоятельность и опасность начала большин
голосовъ для существованія государствъ. Напр., на брюссель
конференціи 1874 г. представители маленькихъ и среднихъ г
дарствъ, обсуждая проэктъ Россіи о кодификаціи законовъ и
чаевъ войны, увидѣли въ немъ ограниченіе права государствен
самообороны, выразившееся въ ограничительныхъ условіяхъ,
ставленныхъ проэктомъ для частныхъ лицъ, не входящихъ
составъ регулярныхъ армій, но желающихъ изъ чувства пат
тизма принять участіе въ оборонѣ своего отечества отъ нашес
врага, ворочающаго большими регулярными силами. Государ
среднія и малыя вид'ли въ проэктѣ, поддержанномъ Пруссіей
Австріей, нѣчто въ родѣ „code d'invasion", нападеніе сильныхъ
жавъ на права слабыхъ, которыя могутъ выдерживать борьбу
сильнѣйшимъ противникомъ только при посредствѣ народнаго о
ченія, партизанской войны и т. п. дополнительныхъ способ
для противодѣйствія вторженію регулярныхъ армій. Поэтому н
торыя малыя и среднія державы, поддержанныя Англіей, отк
лись принять брюссельскій проэктъ, хотя несомнѣнно, что б
шинство составилось бы, при окончательномъ голосованіи, за
нятіе декларации. Вѣрно или невѣрно разсуждали эти малы
среднія государства — вопросъ, конечно, другой; но разъ то
они могли опасаться за нарушеніе своихъ суверенныхъ правъ
въ частности, существеннѣйшаго права на жизнь и самообор
имъ ipso facto принадлежитъ право всѣмъ вмѣстѣ и каждому
отдѣльности отклонять своимъ veto всякое рѣшеніе, хотя бы
принятое большинствомъ, усматривавшимъ въ данномъ рѣше
нѣчто согласное съ его интересами и правами. На это
жно возразить, что такимъ образомъ одинъ можетъ взор
рѣшеніе, принятое всѣмъ международнымъ союзомъ. При
комъ разсужденіи упускается, во первыхъ, изъ виду нравст
ное значеніе и вліяніе подобнаго рѣшенія на недовольное имъ
чтожное меньшинство. Если рѣшеніе разумно, соотвѣтствуетъ д
ствительно насущнымъ потребностямъ времени, удовлетворяетъ
разумномъ сочетаніи всѣмъ интересамъ, то опасаться за его
душность нѣтъ достаточныхъ основаній. Въ концѣ концовъ, от
путіе его однимъ—двумя государствами является случайнос

рано или поздно исчезающею. Во вторыхъ, и это важнѣе, ничто не препятствуетъ согласившемуся большинству выразить свое рѣшеніе въ особомъ договорѣ, въ который не войдетъ держава, отказавшаяся присоединить свой голосъ къ принятому большинствомъ постановленію, которое будетъ имѣть тѣмъ бо́льшее значеніе, международно-законодательное и нравственное, чѣмъ бо́льшее число членовъ союза присоединится къ нему.

Постановленное международнымъ собраніемъ рѣшеніе приводится въ исполненіе непосредственно самими государствами, постановлявшими рѣшеніе, такъ какъ въ международномъ союзѣ нѣтъ исполнительной власти, которая могла бы вынуждать исполненіе принудительными способами, предусмотрѣнными и установленными въ каждомъ государствѣ. Иногда исполненіе предпринимается совокупными силами, но чаще всего случается, что державы, порѣшивъ на чемъ нибудь, формально поручаютъ одному изъ участниковъ исполнить постановленіе собранія. Такъ, напр., въ эпоху конгрессовъ, слѣдовавшую за вѣнскимъ, державы, участвовавшія въ нихъ, поручили Австріи экзекуцію надъ государствами, относительно которыхъ конгрессы постановили прекратить вооруженною силою господство въ нихъ извѣстнаго порядка вещей. Австрія вмѣшалась вооруженною рукою въ дѣла Пьемонта и Неаполя, а Франція, по постановленію конгресса въ Веронѣ, — въ дѣла Испаніи; недавно та же Австрія, въ силу рѣшенія берлинскаго конгресса, заняла Боснію и Герцеговину. Вообще же должно замѣтить, что средства и способы обезпеченія рѣшеній конгрессовъ и конференцій до сихъ поръ еще непостоянны и неопредѣленны; вопросъ остается открытымъ въ виду того, что многое здѣсь зависитъ отъ роли и силы державы, по отношенію къ которой приняты извѣстныя рѣшенія, отъ политики, отъ нравственной и матеріальной силы державъ, принявшихъ рѣшеніе, и вообще отъ множества случайностей, которыя трудно предвидѣть.

Въ общемъ и цѣломъ, политическія соображенія преобладали въ работахъ международныхъ собраній надъ началами права; грубый, произволъ сильнѣйшихъ, интриги, политика исключительныхъ интересовъ часто вытѣсняли начала права изъ работъ и рѣшеній этихъ собраній. Въ опредѣленіяхъ и протоколахъ засѣданій конгрессовъ и конференцій начала юридическія, болѣе прочныя и постоянныя, встрѣчаются рѣдко и какъ-бы случайно; ихъ нелегко извлечь изъ массы постановленій свойства преходящаго, случайнаго, характера политическаго. Важное вліяніе на это ненормальное направленіе дѣятельности и на неудовлетворительность конечныхъ результатовъ работъ конгрессовъ и конференцій имѣлъ самый составъ государствъ, принимавшихъ участіе въ ихъ засѣданіяхъ и игравшихъ преобладающую на нихъ роль. До недавняго времени составъ многихъ изъ государственныхъ тѣлъ прямо противорѣчилъ началу національности. Державы, населеніе которыхъ отличается разноплеменностью, напр., Австрія, не могутъ, благодаря антагонизму между населеніями различныхъ провинцій, намѣтить постояннаго пути и создать себѣ разумную роль въ международной дѣятельности; они и не стойки, и не послѣдовательны въ междуна-

родной политикѣ, отличающейся у нихъ комбинаціями, котор
зависятъ отъ разнорѣчія между интересами отдѣльныхъ націона
ностей. Это разнорѣчіе затрудняетъ для государственной вла
возможность найти мѣрку, для опредѣленія общаго блага всѣ
его провинцій и національностей. Государства, сшитыя изъ разл
ныхъ національностей, вынуждены или подавлять нѣкоторыя
нихъ, что усиливаетъ въ послѣднихъ сепаратистическія стрем
нія, или же угождать всѣмъ, что почти невозможно, въ виду ча
кореннаго различія ихъ интересовъ; поэтому общегосударствен
политика ихъ нерѣшительна, и государство почти безсильно въ к
тическія минуты; въ серьезныхъ международныхъ столкновенія
оно принуждено защищать свое status quo интригами и подач
ніемъ начала свободы внутри и внѣ своихъ предѣловъ. Отсюда
нелѣпыя комбинаціи и невозможные компромиссы, установляем
конгрессами и конференціями въ интересахъ этихъ разношерстны
государствъ; примѣромъ такихъ ненормальныхъ рѣшеній служи
между прочимъ, тотъ же вѣнскій конгрессъ. Онъ создалъ раз
племенную Австрію, давъ ей обширныя итальянскія провин
(ломбардо-венеціанскую область) и большое вліяніе на дѣла
ленькихъ итальянскихъ государствъ, въ которыхъ царили кня
изъ габсбургскаго и бурбонскаго домовъ. Ту же Австрію, долж
ствовавшую попирать всякіе порывы національныхъ движеній
Италіи, которыя грозили ей отпаденіемъ ея лучшихъ провин
посадили презусомъ въ Германіи, давъ ей значительное влія
въ этой странѣ, въ противовѣсъ съ вліяніемъ ея соперницы—Пр
сіи. Интересы Австріи по отношенію къ Италіи и Германіи ча
расходились; двойственность ея роли и неустойчивость ея меж
народной политики усиливались еще прибавленіемъ къ ея го
дарственной области провинцій бывшаго польскаго королевст
мечтавшихъ о соединеніи съ русскими и прусскими польски
областями и о возстановленіи Рѣчи Посполитой. Берлинскій конгре
отдѣлилъ Восточную Румелію отъ княжества Болгаріи и отд
Боснію и Герцеговину Австро-Венгріи, которая не могла бы б
опасности для нынѣшней формы и настоящаго ея существова
продолжать жить при наличности на ея границахъ больших
независимыхъ славянскихъ державъ.

Послѣ сказаннаго нами, не удивительно, что многіе пуб
цисты, основываясь на историческихъ данныхъ, высказываютс
конгрессахъ и конференціяхъ съ большимъ скептицизмомъ, др
же говорятъ о нихъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ. Еще въ
ловинѣ XVIII вѣка, Ваттель, говоря о конференціяхъ въ Камбр
Суассонѣ (въ 1724 и 1728 гг.), называетъ ихъ „скучными к
діями, въ которыхъ важнѣйшіе изъ актеровъ, принимавшихъ
стіе въ игрѣ, поставили себѣ цѣлью заставить другихъ вѣр
будто они стремятся къ какому-нибудь рѣшенію, тогда какъ
самомъ дѣлѣ они имѣли совершенно обратныя намѣренія".

Португалецъ Пингейро-Феррейра приходитъ относительно
къ слѣдующему общему выводу: „нѣкоторые конгрессы послѣ
ныхъ и продолжительныхъ преній заканчивались, не давъ ни
кихъ опредѣленій; другіе-же, принимая слабыя государства

данниковъ государствъ сильнѣйшихъ, разсматривая государства, какъ собственность ихъ правительствъ, а народы, какъ стада, раздробляютъ первыя по акрамъ, народонаселенія же по головамъ, и заботятся только о собственной выгодѣ". Даже англійскій юристъ Филлиморъ, весьма приверженный къ историческимъ фактамъ, относится къ конгрессамъ съ враждебностью, особенно же къ собраніямъ государей, которыя онъ считаетъ „судилищами пристрастными и некомпетентными для разрѣшенія вопросовъ международнаго права". Приведенныя мнѣнія заключаютъ въ себѣ долю истины, но односторонни, особенно мнѣнія Ваттеля и Пингейро-Феррейры, изъ которыхъ первый имѣлъ дѣло и могъ сводить счеты только съ относительно немногими конгрессами, бывшими въ Европѣ до средины XVIII вѣка, притомъ не давшими полезныхъ результатовъ (кромѣ конгрессовъ вестфальскаго и утрехтскаго, и то только отчасти), а второй, писавшій вскорѣ послѣ вѣнскаго конгресса, невольно остановилъ свое вниманіе на послѣднемъ и былъ пораженъ его вредными результатами. При внимательномъ же и объективномъ изслѣдованіи исторіи, протоколовъ и окончательныхъ рѣшеній конгрессовъ и конференцій, можно извлечь изъ нихъ во всѣ эпохи постановленія полезныя, которыми пытаются создать юридическія нормы, охраняющія интересы отдѣльныхъ индивидуумовъ, государствъ и всего международнаго союза.

Что же сдѣлано для защиты различныхъ интересовъ международными собраніями, среди которыхъ насчитываютъ 23 конгресса, начиная съ вестфальскаго (1648 г.) и кончая берлинскимъ (1878 г.), и 14 извѣстнѣйшихъ конференцій, начиная съ 1828 г. по дѣламъ Греціи, и оканчивая лондонской конференціей по дунайскому вопросу (1883 г.)?

Такъ какъ международное право имѣетъ задачей своей споспѣшествовать усовершенствованію и развитію природы человѣка, т. е. удовлетворять его потребностямъ и развивать всѣ его способности, поскольку эта задача превосходитъ силы и средства другихъ низшихъ человѣческихъ союзовъ, то, слѣдовательно, конгрессы и конференціи, какъ органы международнаго общенія, основаннаго на солидарности интересовъ, должны были, если въ нихъ дѣйствительно выражалась, хоть сколько-нибудь, идея общенія между народами, задаться, между прочимъ, цѣлью охраны тѣхъ, такъ называемыхъ, основныхъ правъ человѣческой личности, безъ которыхъ немыслимо разумное существованіе человѣческихъ обществъ и историческій прогрессъ. Въ интересахъ всего международнаго союза лежало охраненіе права человѣка на *личную свободу* и *неприкосновенность*, — этого основнаго права человѣческой личности. И вотъ нѣкоторые конгрессы и конференціи приняли на себя, притомъ сознательно, защиту этого кореннаго права индивидуума на личную свободу, пытаясь устранить все то, что грубо нарушало эту свободу или уничтожало ее въ самомъ принципѣ, какъ напримѣръ, *негро-торговля*. Эта постыдная торговля черножими жителями Африки явилась естественнымъ послѣдствіемъ открытія и завоеванія Америки. Для обработки почвы вновь открытой богатой *страны понадобились* крѣпкіе и выносливые рабы.

Торговля начата съ XV вѣка, впервые португальцами; въ великихъ выгодахъ этой рабочей силы убѣдилось вскорѣ и англійское правительство. Европейскія державы, соперничавшія между собою изъ-за колоніальныхъ владѣній въ Америкѣ, старались всѣми силами поддерживать негро-торговлю и даже монополизировать ее: такъ, Англія употребляла въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій всѣ усилія, чтобы сосредоточить торговлю неграми въ своихъ рукахъ. Въ 1701 году трактатъ (извѣстный подъ названіемъ Pacto del assiento de negros) предоставилъ право ввоза негровъ Франціи и Англіи. Стремленію узаконить негро-торговлю не были чужды и конгрессы XVIII вѣка. Такъ, утрехтскій конгрессъ 1713 года, закончившій къ выгодѣ коаліціи упорную борьбу ея съ честолюбивыми затѣями Людовика XVIII-го, подтвердилъ это право Англіи на поставку негровъ испанскимъ колоніямъ въ Америкѣ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ ежегодно (подтверждено и на ахенскомъ конгрессѣ 1748 г.). Съ развитіемъ идеи личной свободы началось движеніе противъ негро-торговли; первые поднялись противъ нея квакеры, распространившіе агитацію по всей Европѣ, нашедшіе отголосокъ и поддержку въ учрежденіяхъ Англіи. Послѣдняя издала уже въ 1807 году парламентскій законъ, воспрещавшій ея подданнымъ подъ страхомъ смертной казни торговлю неграми. Съ тѣхъ поръ Великобританія сдѣлалась ревностнымъ борцомъ предъ цѣлой Европою за права негровъ на свободу. Негро-торговля нашла себѣ въ Англіи столь сильнаго противника, что даже Франція, колоніальные интересы которой, по мнѣнію Талейрана, ея уполномоченнаго на вѣнскомъ конгрессѣ, не совпадали съ видами Англіи, должна была, въ силу спеціальной статьи перваго парижскаго трактата (1814 г.), поддерживать на вѣнскомъ конгрессѣ предложеніе Англіи. Послѣдняя настаивала предъ конгрессомъ на томъ, чтобы восемь главнѣйшихъ державъ обязались принять общія мѣры „для полной и окончательной отмѣны зла, которое такъ долго опустошало Африку, унижало Европу и печалило человѣчество“. Уваженіе къ идеѣ свободы личности проникло уже настолько въ общее сознаніе людей того времени и агитація противъ негро-торговли сдѣлалась такъ популярна, что конгрессы вѣнскій и слѣдовавшіе за нимъ ахенскій и веронскій, изъ которыхъ нѣкоторые всѣми силами работали для подавленія свободы и независимости націй, высказали въ форменныхъ заявленіяхъ свое порицаніе негро-торговлѣ. Такъ, въ постановленіи конгресса вѣнскаго (8-го февраля 1815 г.) государи и ихъ уполномоченные высказываютъ желаніе и даютъ совѣтъ о необходимости полнаго уничтоженія этой постыдной торговли людьми. Уполномоченный Англіи, лордъ Кэстльри, предложилъ даже конгрессу три мѣры, какъ наиболѣе, по его мнѣнію, дѣйствительныя, чтобы уничтожить невольничество: 1) державы должны взаимно обязаться не дозволять привоза къ себѣ колоніальныхъ товаровъ изъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ рабство не будетъ отмѣнено по истеченіи установленнаго для того срока; 2) установленіе надзора за африканскими берегами и признаніе *права осмотра* кораблей, подозрѣваемыхъ въ перевозкѣ негровъ;

учрежденіе въ Парижѣ постояннаго комитета изъ представи-
ей великихъ державъ, для контроля надъ исполненіемъ мѣръ,
нятыхъ противъ невольничества. Предложеніе это не было при-
о, благодаря происканъ Франціи, поддержанной на конгрессѣ
аніей и Португаліей. Эти державы доказывали, что немедлен-
прекращеніе ввоза негровъ въ колоніи выгодно одной только
ліи, которая постепенно успѣла уже (съ изданія въ 1807 г.
ретительнаго закона) приспособить обработку почвы въ коло-
къ и всю свою земледѣльческую эксплуатацію къ новымъ усло-
къ свободнаго труда, устранивъ и переживъ тотъ экономическій
зисъ, который долженъ явиться неминуемымъ послѣдствіемъ
запнаго прекращенія ввоза въ колоніи массы рабочихъ рукъ.
прекращеніе поставило-бы колоніи Испаніи, Португаліи и
анціи въ невозможность найти тамъ достаточное число рабо-
къ рукъ для эксплуатаціи земли, трудъ которыхъ могъ быть
ѣненъ вольнонаемнымъ только исподоволь. Немедленное пре-
щеніе ввоза негровъ было-бы равносильно, по мнѣнію уполно-
ченныхъ этихъ державъ, экономическому разоренію ихъ колоній,
лось-бы, слѣдовательно, выгоднымъ одной Великобританіи, ко-
ую такимъ образомъ подозрѣвали въ своекорыстныхъ цѣляхъ.
анція, Испанія и Португалія требовали установленія продол-
ельнаго срока для окончательнаго уничтоженія негро-торговли
ихъ колоніяхъ и не соглашались на предлагаемыя англійскими
лномоченными средства борьбы съ этой торговлей. Прочія дер-
вы не особенно ревностно поддерживали англійскаго уполномо-
наго; онѣ опасались, чтобы Англія не захватила исключитель-
о вліянія на конгрессѣ и не задавила морской торговли дру-
ъ державъ, при помощи стѣснительнаго и нарушающаго на-
о свободы права осмотра купеческихъ кораблей во время мира.
имъ образомъ, конгрессъ ограничился изданіемъ вышеприве-
наго порицанія негро-торговлѣ и выраженіемъ желанія важ-
шихъ цивилизованныхъ державъ Европы видѣть ея отмѣну, но
указаны были ни время, когда она должна воспослѣдовать, ни
ства, которыми эта отмѣна должна быть обезпечена. Анало-
ескія порицанія негро-торговлѣ, притомъ въ еще болѣе рѣз-
ъ выраженіяхъ, повторены въ торжественныхъ декларацiяхъ
грессовъ ахенскаго (1818) и веронскаго (1822 г.); объ деклара-
изданы по иниціативѣ и настояніямъ англійскаго правитель-
, причемъ всѣ предложенныя имъ средства къ скорѣйшему
чтоженію ея и къ обезпеченію контроля надъ подданными
жавъ, принявшихъ на себя обязательство, были снова отверг-
ты Франціей и Испаніей. Такимъ образомъ, всѣ три деклара-
указанныхъ конгрессовъ имѣли ограниченное значеніе: онѣ
ько формулировали отъ лица международнаго союза мнѣніе о
аконности и несправедливости негро-торговли и приглашали
членовъ къ ея уничтоженію, т. е. обладали нравственнымъ
актеромъ, но были лишены юридической силы и обязательно-
какъ для самихъ выразителей этихъ мнѣній, такъ въ осо-
ности для другихъ государствъ. Тѣмъ не менѣе, не будетъ
бкою, *если мы скажемъ*, что указанные конгрессы резюмиро-

вали и формулировали юридическое сознаніе просвѣщеннаго человѣчества о беззаконности и безнравственности негро-торговли, нарушающей принципъ свободы индивидуума. Это юридическое сознаніе родилось въ концѣ XVII вѣка, окрѣпло въ XVIII и получило осуществленіе въ XIX вѣкѣ, послѣ упомянутыхъ конгрессовъ; оно выразилось въ цѣломъ рядѣ трактатовъ Англіи съ различными державами о преслѣдованіи негро-торговли, признанной теперь преступленіемъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Особенно извѣстенъ трактатъ Англіи съ Австріей, Пруссіей и Россіей отъ 1841 года, въ которомъ эта торговля объявлена преступленіемъ противъ общаго права, караемымъ наравнѣ съ пиратствомъ или морскимъ разбоемъ, причемъ Англіи удалось настоять на признаніи той системы преслѣдованія негро-торговли и борьбы съ этимъ зломъ, которую она тщетно предлагала на конгрессахъ вѣнскомъ и веронскомъ. Франція и Соединенные Штаты Сѣверной Америки сильно противодѣйствовавшіе системѣ Англіи, въ концѣ концовъ приняли ее; Соединенные Штаты въ 1862 и въ 1879 году. Достиженію этихъ результатовъ безспорно много содѣйствовали какъ самыя постановленія конгрессовъ вѣнскаго, ахенскаго и веронскаго, осуждающія негро-торговлю, такъ въ особенности пренія, поднятыя на конгрессахъ, и планы, предложенные на нихъ англійскимъ правительствомъ, уже тогда вѣрно намѣтившимъ путь къ разрѣшенію трудной задачи.

III.

Идея личной свободы индивидуума—одна изъ самыхъ простыхъ и фундаментальныхъ; она легко воспринимается человѣческими общежитіями; она проще и легче осуществляется, чѣмъ идея свободы и независимости коллективныхъ личностей, т. е. національностей. Послѣдняя родилась на почвѣ первой, есть логическое развитіе ея, но, какъ болѣе сложная и труднѣе осуществимая на практикѣ, охватывающая болѣе широкій кругъ интересовъ, она,—т. е. право національностей на независимость и свободу,—появилась позднѣе начала свободы индивидуума, или права послѣдняго на независимость. Но какъ только идея національной независимости стала проникать въ международную жизнь и завоевывать себѣ здѣсь фактическое признаніе, конгрессы и конференціи, какъ выразители и охранители международныхъ интересовъ, не могли не встрѣтиться въ своихъ занятіяхъ съ жгучимъ національнымъ вопросомъ и должны были, такъ или иначе, смѣлѣе или сдержаннѣе освящать въ своихъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ права національностей на самостоятельное существованіе. Достойно замѣчанія, что послѣдній принципъ выставленъ нѣкоторыми конгрессами и конференціями съ бо́льшею опредѣленностью и юридическою обязательностью, чѣмъ начало свободы по отношенію къ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Это имѣетъ свое разумное объясненіе въ томъ, что международный союзъ имѣетъ въ данномъ случаѣ дѣло съ союзами (т. е. съ національностями, пытающимися образовать *независимое* государственное тѣло), непосредственно къ нему

близкими, съ единицами, непосредственно входящими въ него и дѣйствующими въ немъ, тогда какъ отдѣльная личность, а слѣдовательно и права ея, входятъ въ международный союзъ болѣе посредственнымъ образомъ, скорѣе чрезъ государство, соприкасаясь съ международнымъ союзомъ болѣе отдаленнымъ образомъ; потому и защита интересовъ и правъ національностей на свободу и самостоятельность ближе соприкасается съ интересами всего международнаго союза, важнѣе для послѣдняго, чѣмъ охраненіе человѣческихъ правъ, которое принимаетъ на себя государство; интересы личной свободы имѣютъ въ государствѣ уже достаточную охрану, и ничемъ международному союзу надлежитъ только дать человѣческой личности защиту въ томъ, въ чемъ безсильно защитить ее отдѣльное государство.

Впервые стремленіе къ національной свободѣ, или такъ называемое право національностей, получило санкцію на петербургской конференціи 1827 г. по дѣламъ Греціи. Въ слѣдующемъ году, великія державы вынуждены были признать свободу Греціи; сперва было желали, чтобы греки находились въ зависимости отъ султана, какъ отъ суверена, хотя имъ и желали предоставить право управляться властями, которыхъ они сами изберутъ и назначатъ, но при извѣстномъ вліяніи Порты. Но шагъ къ признанію полной независимости Греціи, объявившей (еще въ 1812 году), на конгрессѣ въ Эпидаврѣ, „независимость греческой націи“, былъ сдѣланъ, и въ 1832 году великія державы оказались вынужденными провозгласить полную ея независимость. Дальнѣйшее объединеніе греческой національности вокругъ маленькаго эллинскаго королевства, путемъ постепеннаго отложенія и отторженія отдѣльныхъ турецкихъ провинцій, населенныхъ греческимъ элементомъ, идетъ медленно, но прочно. Началось съ Іоническихъ острововъ. На вѣнскомъ конгрессѣ они были отданы подъ исключительный протекторатъ Англіи, желавшей захватить въ свои руки эти острова, какъ выгодныя стоянки для ея флота и для склада ея транзитныхъ товаровъ. Протекторатъ гарантированъ Австріей, Пруссіей и Россіей, якобы „для обезпеченія независимости, свободы и счастья жителей самихъ соединенныхъ Іоническихъ острововъ“. Лордъ-комиссаръ, назначенный англійскимъ правительствомъ, фактически управлялъ островами и непосредственно вліялъ на законодательное собраніе; Англія же занимала всѣ крѣпости. Недовольство англійскимъ управленіемъ и жажда возсоединенія съ Греціей постоянно возрастали. Но только въ 1863 году жителямъ удалось добиться осуществленія ихъ завѣтной мечты; протоколъ лондонской конференціи (1863 г.) высказываетъ „что Англія разсматриваетъ соединеніе іоническихъ острововъ съ королевствомъ эллиновъ, какъ рѣшеніе самое согласное съ обоюдными интересами обѣихъ странъ, связанныхъ между собою общностью происхожденія и религіознаго вѣроисповѣданія“. При этомъ іоническому парламенту предоставляется высказаться въ пользу этого плана, на который, конечно, и воспослѣдовало единодушное согласіе законодательнаго собранія. Берлинскій конгрессъ призналъ право Греціи на дальнѣйшее объединеніе греческаго племени подъ скромнымъ названіемъ „округленія и исправ-

денія границъ"; Турція долго не хотѣла приступить къ этом „исправленію", угрожающему ей полнымъ отпаденіемъ лучшихъ е провинцій. Это едва не привело къ вооруженному столкновен Турціи съ Грецією. Берлинская конференція 1880 г. вновь по твердила и подробно регламентировала это „исправленіе границъ" и въ настоящее время Греція, хотя и не вполнѣ еще удовлетв реная, значительно округлила свою территорію и увеличила св населеніе въ сторону Ѳессаліи и Эпира. Во всякомъ случаѣ, н подлежитъ сомнѣнію, что великія державы, согласившіяся на тр бованіе Греціи, сознавали, что это право Греціи покоится на на ціональной теоріи: о ней говорилось слишкомъ громко и ясно, чтоб игнорировать эту подкладку греческихъ требованій. Греціи не вс зетъ только по отношенію къ острову Криту. Много разъ возст валъ онъ, чтобы „нераздѣльно и навѣки соединиться съ Грецией" Случайныя неблагопріятныя политическія обстоятельства и вліян Англіи, не желающей изъ стратегическихъ и торговыхъ цѣлей вс дѣть этотъ островъ въ рукахъ Греціи, помѣшали этому возсоед ненію, и парижская конференція 1869 года не допустила даж уполномоченнаго Греціи на конференцію въ качествѣ полноправнаг члена. Понятно, что соединеніе Крита съ королевствомъ эллинов есть только вопросъ будущаго.

Три года спустя по освобожденіи Греціи, лондонская конферен ція провозгласила (въ 1831 году) отдѣленіе Бельгіи отъ Голланд и независимость первой. Конференція признала невозможнос дальнѣйшаго совмѣстнаго существованія двухъ державъ, котор разсматривалось на вѣнскомъ конгрессѣ, создавшемъ это уродлив соединеніе, какъ необходимое для европейскаго равновѣсія.

Вѣнскій конгрессъ, соединяя бывшія бельгійскія провинц Австріи съ Нидерландами, имѣлъ въ виду установить на границах Пруссіи и Франціи независимое политическое тѣло, достаточн сильное для сохраненія своей самостоятельности и служащее в то же время преградою для вторженія Франціи на прусскую терр торію. Въ этихъ цѣляхъ соединили несоединимое: Голландію, населеніемъ, состоящимъ изъ реформатовъ, ненавистниковъ катол цизма, германскаго происхожденія, съ своеобразнымъ языкомъ нѣме каго же корня, съ традиціями республиканскаго режима и прошлым не имѣвшимъ ничего общаго,со временъ отдѣленія Голландіи от Испаніи (съ конца XVI вѣка), съ судьбами Бельгіи,—эту Голланд связали съ Бельгіею, которая была и оставалась вѣрною дому испа скому, перешла потомъ къ габсбургскому австрійскому дому; населе ея и до сего дня отличается фанатизмомъ и нетерпимостью средневѣ ваго католицизма;языкъ большинства населенія--французскій и вало скій, цивилизація французская. Политическія судьбы Бельгіи съ с маго XVI вѣка совершенно отличны отъ судебъ Голландіи. Ненавис къ голландцамъ и къ соединенію съ ними въ одно королевст Нидерландовъ дѣлали это соединеніе невозможнымъ. Оно про ществовало всего какихъ нибудь 15 лѣтъ. Нѣкоторые бельгійск публицисты, напр., Роленъ-Жакменъ (нынѣшній министръ вн треннихъ дѣлъ въ Бельгіи) и Эмиль Лавелэ еще недавно выск зывали сожалѣніе по поводу того, что разрушено соединеніе, пр

ставляющееся имъ „лучшимъ созданіемъ вѣнскаго конгресса". Они читаютъ это твореніе трактата 1815 выгоднымъ для Голландіи и Бельгіи на томъ основаніи, что каждая изъ нихъ, слабая въ отдѣльности, представляютъ вкупѣ силу достаточную для охраны своей самостоятельности противъ стремленій Франціи и Пруссіи къ порабощенію: первой—Бельгіи, а второй — Голландіи. Странно оплакивать то, что̀ до очевидности не могло существовать! Фактъ упорнаго нежеланія Бельгіи продолжать совмѣстную политическую жизнь съ Голландіей, не продлившуюся и 15 лѣтъ, указываетъ уже самъ по себѣ на ненормальность соединенія, внѣшнія выгоды котораго (для обороны отъ общаго врага) не окупали внутреннихъ неудобствъ соединенія, противнаго началу свободы національностей. Наконецъ, на конференціи 1831 года, Бельгія объявлена вѣчно нейтральною территоріею и взята подъ охрану пяти великихъ державъ; такимъ образомъ то, что̀ она потеряла въ своей внѣшней безопасности, вслѣдствіе отдѣленія отъ Голландіи, она выиграла пріобрѣтеніемъ нейтралитета, гарантированнаго Европою. Имѣются данныя, изъ которыхъ можно заключить, что императоръ Николай предлагалъ, предъ крымской кампаніей, Наполеону III Бельгію, взамѣнъ свободы дѣйствій для Россіи на Востокѣ. Еслибы подобное соединеніе Бельгіи съ Франціей, которое бельгійцы предлагали еще въ 1821 г. Карлу X, отвергшему это предложеніе изъ малодушія и трусости предъ Европою, и состоялось на самомъ дѣлѣ, то въ немъ національный принципъ былъ бы во всякомъ случаѣ пораженъ менѣе, чѣмъ въ случаѣ соединенія ея съ Голландіей.

Еще поразительнѣе для національной идеи результаты засѣданій берлинскаго конгресса. Рядъ историческихъ явленій, имѣвшихъ мѣсто на Балканскомъ полуостровѣ, слѣдствіемъ которыхъ было освобожденіе славянъ и румынъ отъ турецкаго ига, выразился въ образованіи изъ Черногоріи, Сербіи и Молдаво-Валахіи первыхъ автономныхъ провинцій, затѣмъ полусамостоятельныхъ государствъ, независимыхъ внутри, но лишенныхъ самостоятельности во внѣшнихъ сношеніяхъ и обязанныхъ, по постановленію парижскаго конгресса 1856 года, платежемъ опредѣленной ежегодной дани Турціи. Это было уже громаднымъ шагомъ впередъ отъ положенія автономныхъ провинцій къ полной независимости; европейскія державы, взявшія въ первой восточной войнѣ верхъ надъ Россіей, сдѣлали этотъ шагъ сознательно, хотя и неохотно. Эта послѣдовательная, притомъ постоянно прогрессировавшая смѣна различныхъ политическихъ положеній этихъ маленькихъ государствъ по отношенію къ Турціи закончилась на берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. окончательнымъ признаніемъ независимости и самостоятельности Черногоріи (Турція юридически признала ея политическую свободу) Сербіи и Румыніи, получившихъ притомъ расширеніе границъ, поставленное въ зависимость и обусловленное національнымъ принципомъ. Нѣкоторыя же провинціи Турціи, доселѣ слитыя съ ней, получили или автономію, какъ напр., В. Румелія, или же прямо поставлены въ разрядъ полусамостоятельныхъ государствъ (княжество Болгарія), т. е. приведены къ

положенію, указывающему имъ естественный дальнѣйшій путь къ измѣненію переходнаго ихъ состоянія изъ недавно пережитаго Сербіей и Румыніей — къ состоянію полной независимости и свободы, къ самобытному политическому существованію.

Такимъ образомъ, по отношенію къ вопросамъ національной свободы, конгрессы и конференціи сдѣлались выразителями, хотя и не полными, новыхъ потребностей политической жизни, народившихся въ международной сферѣ и коренящихся въ дальнѣйшемъ развитіи начала индивидуальной свободы. Фактически національная идея, напр., въ Германіи и Италіи, завоевала себѣ бо́льшое признаніе, чѣмъ это выражено на конгрессахъ и конференціяхъ. Послѣдніе, однако, сдѣлали свое дѣло и въ этомъ вопросѣ, если вспомнить прежнюю ихъ роль, не дававшую даже оптимистамъ основаній полагать, что они съумѣютъ и рѣшатся сдѣлать что-нибудь для оформленія и узаконенія національныхъ стремленій, которыя и по настоящее время добиваются признанія, главнымъ образомъ, фактическимъ путемъ.

Нравственные интересы человѣчества нашли себѣ также охрану въ конгрессахъ и конференціяхъ, принявшихъ подъ свою защиту начало свободы совѣсти индивидуумовъ и цѣлыхъ народовъ. Средневѣковое католическое міровоззрѣніе, царившее и въ международныхъ отношеніяхъ, окрашенныхъ цвѣтомъ ортодоксальнаго ученія, отвергало свободу совѣсти въ дѣлѣ вѣры; средніе вѣка не хотѣли признавать за чужевѣрными народами даже права на независимое существованіе. Иновѣрцы, еретики, народы магометанскаго исповѣданія не считались равноправными съ католическими націями членами международнаго союза. Средневѣковые соборы, игравшіе до извѣстной степени роль нашихъ конгрессовъ и конференцій, не допускали къ участію въ своихъ засѣданіяхъ ни уполномоченныхъ отъ государствъ магометанскихъ, хотя бы обсужденію ихъ подвергались чисто свѣтскія дѣла, ни государей и представителей націй или провинцій, подпавшихъ обвиненію въ ереси. Религіозная реформація XVI вѣка, провозгласивъ нравственную свободу личности, принесла здѣсь благотворнѣйшіе результаты. Свобода совѣсти въ дѣлахъ религіи, разъ признанная въ принципѣ, должна была поселить идею равенства правъ народовъ, принадлежавшихъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, по отношенію къ участію въ дѣлахъ международнаго союза, построеніе котораго перешло такимъ образомъ на болѣе широкую почву участія въ немъ бо́льшаго числа народовъ. Тридцатилѣтняя война велась въ защиту этой свободы совѣсти, противъ различій между „вѣрными и невѣрными сынами католической церкви“, изъ которыхъ первые пользовались, а вторые не пользовались признаніемъ ихъ личности и правомъ участія въ дѣлахъ христіанскаго міра. Начало религіозной свободы одержало верхъ. Вѣротерпимость, сперва по отношенію только къ христіанскимъ религіямъ, признана формально на вестфальскомъ конгрессѣ, который, такимъ образомъ отдѣлилъ отъ вопросовъ о правахъ политическаго свойства постороннюю область морали и религіи, которая смѣшивалась доселѣ съ областью политическою и вліяла самымъ существеннымъ образомъ на пользованіе по-

тическимъ правомъ отдѣльными индивидуумами и цѣлыми наро-
ми. Постановленія вестфальскаго конгресса въ разсматриваемомъ
ошеніи еще очень несовершенны, какъ первые шаги по этому
ти. На немъ признана равноправность только трехъ религій:
олической, протестантской и кальвинистской. Сектанты, даже
наиболѣе приближающихся по ученію къ одному изъ этихъ
хъ вѣроисповѣданій, не признаются и не терпятся. Наконецъ,
самое признаніе вышеупомянутыхъ трехъ религій построено на
аниченномъначалѣ cujus regio—ejus religio т. е.извѣстное государ-
о считалось принадлежащимъ къ тому вѣроисповѣданію, къ кото-
у причислялъ себя представитель верховной власти въ этомъ госу-
ствѣ. Такимъ образомъ, въ данномъ вопросѣ многое сводилось къ
чайности,и самая квалификація по принципу cujus regio—ejus reli-
покоилась на средневѣковомъ-же государственно-правовомъ воз-
ніи, взятомъ изъ права гражданскаго,по которому верховная власть
ъ территоріей и ея населеніемъ считалась собственностью монарха.
кимъ образомъ, цѣлыя провинціи, населенныя иновѣрцами, терпѣ-
особенно въ Австріи, отчасти и въ земляхъ протестантскихъ,
ьшія притѣсненія и преслѣдованія за свои религіозныя вѣрова-
отъ главы государства, принадлежавшаго къ другому вѣроис-
вѣданію. Постановленія вестфальскаго конгресса, являясь ком-
омиссомъ между началомъ католической нетерпимости и полною
ободою совѣсти, заложили основаніе дальнѣйшему прогрессу въ
хѣ вѣротерпимости и свободы совѣсти. Прошли столѣтія въ упор-
й борьбѣ жизни и науки за полную свободу совѣсти въ дѣлахъ
игіи; конецъ XVIII вѣка окончательно призналъ послѣднюю и
ѣлалъ общимъ достояніемъ просвѣщеннаго человѣчества. Въ 1815
ду актъ священнаго союза, на религіозно-нравственныхъ осно-
хъ котораго хотѣли создать международное право, заключенъ
ѣми монархами различныхъ вѣроисповѣданій, считавшихся пря-
враждебными; однако онъ стремился къ цѣлямъ общимъ для
ихъ трехъ государствъ (Россіи, Австріи и Пруссіи) и имѣлъ зада-
привлечь къ участію въ немъ всѣ европейскія государства,
ъ всякаго различія вѣроисповѣданій. Въ этомъ актѣ приняла
астіе и страна православная (Россія) и верховный руководитель
толической церкви (папа). Вестфальскій конгрессъ только *тер-*
протестантовъ и кальвинистовъ между католиками; актъ свя-
ннаго союза и постановленія ахенскаго конгресса (1818 г.) при-
али уже *полную равноправность* и указывали на возможность
мѣстнаго достиженія опредѣленныхъ цѣлей государями и дер-
вами четырехъ главнѣйшихъ вѣроисповѣданій. Но и послѣ это-
конгрессамъ оставалось еще многое сдѣлать для окончательна-
признанія свободы совѣсти и уничтоженія вліяній различія вѣро-
новѣданій на право равнаго участія иновѣрныхъ народовъ при
ршеніи общихъ дѣлъ. Очередь была за магометанскими держа-
ми, съ которыми давно уже вступали въ юридическія отношенія,
которыя доселѣ еще не были приглашаемы на конгрессы хри-
іанскихъ государей. Парижскій конгрессъ видитъ уже въ своихъ
сѣданіяхъ представителя Турціи на правахъ полнаго равенства
ъ прочими державами, и трактатъ 30-го марта 1856 года офиці-

зльно признаетъ Турцію de jure входящею въ составъ европейскаго концерта. Съ тѣмъ вмѣстѣ, на нее, конечно, возлагаются и обязанности вѣротерпимости по отношенію къ христіанскимъ народамъ, населяющимъ значительную часть ея европейскихъ провинцій. Такъ какъ Турція не соблюдала принятыхъ на себя предъ Европою (въ 1856 г.) обязательства по отношенію къ вѣротерпимости, т. е. существеннаго условія ея принятія въ концертъ державъ европейской культуры, то послѣднія вынуждены были не разъ, въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ, вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла и добиваться всѣми способами признанія и фактическаго осуществленія Турціею идеи свободы совѣсти подданныхъ и равноправности ихъ предъ закономъ. Въ 1868 году парижская конференція должна была выработать цѣлый органическій уставъ, который Турція обязалась ввести на островѣ Критѣ. Въ немъ имѣется нѣсколько постановленій, трактующихъ и спеціально развивающихъ идею вѣротерпимости и равноправности христіанъ предъ закономъ. Событія въ Босніи и Герцеговинѣ (въ 1875 году), болгарская рѣзня снова обратили на себя вниманіе Европы; константинопольская конференція 1876 года предложила Портѣ проэктъ реформъ, имѣвшихъ, между прочимъ, цѣлью оградить христіанъ отъ религіознаго фанатизма турецкой администраціи и черни, для чего, какъ извѣстно, послы предлагали отъ имени державъ назначеніе въ Болгарію генералъ-губернатора изъ христіанъ. Берлинскій же конгрессъ (1878 г.) уже рѣшительно обязалъ Турцію къ серьезнымъ реформамъ, среди которыхъ охрана свободы и равноправности всѣхъ христіанскихъ религій въ В. Румеліи, въ греческихъ провинціяхъ Турціи и въ Арменіи играетъ немаловажную роль. Вмѣстѣ съ тѣмъ делегаты конгресса, обративъ вниманіе на неудовлетворительное гражданское и политическое состояніе евреевъ въ Черногоріи, Сербіи, Молдаво-Валахіи (въ особенности) и Болгаріи (въ которыхъ еврейскій элементъ находился въ положеніи немного лучшемъ, чѣмъ положеніе христіанъ въ провинціяхъ Турціи), постановили, что новое политическое положеніе этихъ княжествъ признаётся Европою только подъ непремѣннымъ условіемъ признанія ихъ правительствами полныхъ правъ гражданства и политической равноправности за евреями, ограниченія въ которыхъ являлись-де тамъ послѣдствіемъ традиціонныхъ воззрѣній на евреевъ, коренившихся въ религіозномъ различіи между ними и христіанами(?) Постановленія берлинскаго конгресса въ пользу евреевъ уже приняты Сербіей и Румыніей, издавшими спеціальныя по этому поводу законоположенія.

Достойно замѣчанія, что на берлинскомъ конгрессѣ особое положеніе евреевъ въ указанныхъ маленькихъ государствахъ вызвало пререканія и различія въ мнѣніяхъ между делегатами Россіи. Покойный канцлеръ, князь Горчаковъ, отстаивалъ начало независимости этихъ державъ въ ихъ внутреннемъ законодательствѣ и въ частности по отношенію къ евреямъ, оправдывая различныя стѣснительныя законоположенія относительно ихъ тою тягостною экономическою эксплуатаціею, которой тѣ страны издавна подвергаются отъ еврейскаго элемента. При этомъ канцлеръ ссылался на Рос-

сіи и на положеніе въ ней еврейскаго элемента, доказывая, что между положеніемъ евреевъ въ нашемъ отечествѣ, въ Румыніи и Сербіи и положеніемъ ихъ на западѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, такъ какъ на западѣ они слились, ассимилировались въ массѣ туземнаго населенія, а у насъ и въ княжествахъ они образуютъ вредный эксплуататорскій классъ, status in statu. Мнѣніе канцлера не встрѣтило, къ сожалѣнію, поддержки въ другомъ русскомъ уполномоченномъ на конгрессѣ (въ графѣ Шуваловѣ), ни среди уполномоченныхъ другихъ державъ.

IV.

Интересы гуманности на войнѣ тоже нашли себѣ охрану на конференціяхъ.

Война въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ отличалась безпощадностью и отсутствіемъ всякой гуманности. Права войны были абсолютны и одинаково жестоки въ приложеніи къ территоріи, имуществу и мирнымъ жителямъ. Въ принципѣ не могло быть и рѣчи о пощадѣ больнымъ и раненымъ воинамъ. Варварство по отношенію къ нимъ было чуть не закономъ и было бы безполезно припоминать жестокости, творившіяся надъ ранеными и плѣнными у восточныхъ народовъ, даже у грековъ и римлянъ. Христіанство впервые смягчаетъ права войны въ самой идеѣ, и постепенно на практикѣ. Отцы церкви и христіанскіе философы, а затѣмъ и юристы, вооружаются противъ абсолютизма въ древневѣковомъ понятіи о правѣ войны. Въ практикѣ войнъ начинаютъ щадить мирныхъ жителей, а потомъ больныхъ и раненыхъ воиновъ. Съ конца XVI вѣка по 1864 г. всѣ европейскія государства заключаютъ между собою договоры, которыхъ насчитывается до 291, въ которыхъ проводится начало пощады раненымъ и больнымъ воинамъ. Эти договоры подготовили почву и являются какъ бы преддверіемъ къ конференціямъ 1865 (въ Женевѣ) и 1868 г. (въ С.-Петербургѣ). Первая изъ нихъ, обобщая данныя предъидущихъ трактатовъ и отвѣчая на дальнѣйшее развитіе идеи гуманности, установила цѣлую систему организаціи мѣръ и способовъ для охраны больныхъ и раненыхъ воиновъ. Создается учрежденіе Краснаго Креста, равно дающее неприкосновенность раненымъ обѣихъ враждующихъ сторонъ. Учрежденія Краснаго Креста объявлены нейтрализованными со всѣмъ персоналомъ ихъ, состоящимъ изъ докторовъ, сестеръ милосердія, прислуги, ходящей за больными и ранеными. Установлены правила и регламентированы даже подробности, дающія враждующимъ способы пользованія этими общеполезными учрежденіями во время военныхъ операцій, даже на самомъ полѣ брани. Всѣ эти мѣры и способы основаны на томъ принципѣ, что больные и раненые, разъ выбывшіе изъ строя, теряютъ свое качество враговъ и, переходя въ разрядъ безвредныхъ людей, пользуются правами человѣческой личности на неприкосновенность. Аналогичныя мѣры для защиты жизни и здоровья раненыхъ и больныхъ воиновъ во время морскихъ войнъ были выработаны (въ 1868 г.) въ Женевѣ, и ими имѣлось въ виду попол-

нить постановленія 1864 г.; онѣ не получили, къ сожалѣ
международно-законодательнаго признанія, отчасти вслѣдствіе
сенія морскихъ державъ стѣснить свою свободу дѣйствій во
мя морскихъ войнъ, гдѣ прогрессъ идеи гуманности и смягч
ужасовъ войны сдѣлалъ менѣе успѣховъ, чѣмъ въ сухо
ныхъ войнахъ, отчасти-же и вслѣдствіе неудовлетворительно
плана и редакціи правилъ, предложенныхъ для организаціи
да за ранеными и больными воинами, во время морскихъ военн
операцій.

Признаніе необходимости смягченія ужасовъ войны выразил
и въ постепенномъ осужденіи и отмѣнѣ такихъ способовъ и средс
нанесенія вреда противнику, которые, не вліяя на скорѣйшее
стиженіе противниками законныхъ цѣлей войны—ослабленія в
и приведенія его къ миру, — только раздражаютъ воюющих
причиняютъ ближайшимъ жертвамъ войны,—лицамъ, входящ
въ составъ боевыхъ силъ,—безполезныя страданія уже послѣ т
какъ они выбыли изъ строя. Къ такимъ средствамъ принадлеж
напр., такъ называемыя цѣпныя ядра, давно осужденныя обычаемъ
вилизованныхъ армій; къ нимъ же относятся и разрывные снар
мелкаго калибра, которые сами по себѣ недостаточны для
изведенія большаго эффекта на массы, но, попадая въ жер
безполезно усиливаютъ ея страданія и искалѣчиваютъ на
жизнь. С.-Петербургская конференція 1868 года осудила тор
ственно употребленіе равныхъ снарядовъ вѣсомъ ниже 400 гра
т. е. разрывныхъ пуль, начиненныхъ взрывчатымъ веществ
Обѣ конвенціи, женевская и петербургская, имѣютъ цѣлью с
тать по возможности законныя права и цѣли войны, какъ н
бѣжнаго зла, съ гуманными задачами современной цивилиза
стремящейся упорядочить войну, способъ ея веденія, и смягч
по возможности, причиняемое ею зло. Что задача эта достиг
въ значительной степени видно изъ того уже, что къ 1882 г
постановленіямъ женевской конференціи примкнули 33 державы
ропы и Америки (Соед. Шт. Сѣв. Америки въ 1881 г.). С.-Пе
бургская конвенція принята меньшимъ числомъ державъ; но
конвенціи, особенно первая, какъ по массѣ участвующихъ, та
по содержанію, должны быть разсматриваемы, какъ акты ме
народно-законодательнаго характера, въ которыхъ отъ имени
гихъ членовъ международнаго союза, приблизительно одной
туры (и даже отчасти культуры низшей), высказано договорн
путемъ юридическое сознаніе ихъ о необходимости считаться
интересами гуманности и нормировать дозволенныя и недозво
ные способы веденія войны. Обѣ конвенціи въ общемъ и цѣ
соблюдались добросовѣстно. Пререканія между Пруссіей и Фра
ей, вызванныя во время франко-прусской войны по поводу ис
ненія конвенціи 1864 г., зависѣли больше отъ непониманія в
вѣрнаго истолкованія обѣими сторонами текста конвенціи, не
да точно и обстоятельно редактированнаго. Одна Турція,
приступившая къ обѣимъ конвенціямъ, допускала явныя и гр
ихъ нарушенія. Но дѣйствія ея войскъ по отношенію къ русск
раненымъ вызвали негодованіе всей Европы, даже среди ту

фильствовавшихъ англійскихъ органовъ печати, и турецкому правительству пришлось оправдываться предъ Европою. Гентскій же институтъ международнаго права, въ своей годичной сессіи, торжественно протестовалъ противъ способа веденія турками войны, ссылаясь при этомъ на конвенцію 1864 года.

Конгрессы и конференціи, съ особенною энергіей и съ большою опредѣлительностью, брались въ разное время за охрану *матеріальныхъ* интересовъ международнаго союза и отдѣльныхъ индивидуумовъ. Стремленіе къ споспѣшествованію и благоустройству всемірно—гражданскаго оборота, столь усиливающагося и распространяющагося за послѣднія дестилѣтія, выражалось въ международно-законодательномъ признаніи началъ, наиболѣе согласныхъ съ экономическими нуждами современныхъ народовъ. Мы знаемъ уже, что въ настоящее время существуютъ почтовыя и телеграфныя конвенціи; основныя начала ихъ выработаны и приняты еще на конференціи въ Бернѣ (1875 г.) делегатами многихъ европейскихъ государствъ; къ рѣшеніямъ этой конференціи присоединились потомъ всѣ цивилизованныя державы и нѣкоторыя азіатскія (Персія, Японія); онѣ измѣнены и дополнены въ 1878 г. конференціей въ Парижѣ о „всемірномъ почтовомъ союзѣ“, постановленія которой приняты 31 государствомъ Европы, Америки и Азіи, которыя обладаютъ теперь свободнымъ, дешевымъ, вѣрнымъ и скромнымъ способомъ поддержанія взаимныхъ сношеній, въ обезпеченіе матеріальныхъ и интеллектуальныхъ интересовъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и цѣлыхъ народовъ.

Еще болѣе посчастливилось спеціально *торговымъ интересамъ* народовъ, которые нашли себѣ защиту еще въ конгрессахъ XVII и XVIII вѣковъ, притомъ какъ во время мира, такъ и во время войны. Чѣмъ же объяснить фактъ болѣе поздняго появленія на международныхъ собраніяхъ рѣшимости охранять интересы сношеній между народами (посредствомъ, напр., конвенцій почтовой и телеграфной) наряду съ сейчасъ указаннымъ безспорнымъ вліяніемъ стремленія (еще съ XVII вѣка) оградить на конгрессахъ спеціально-торговые интересы государствъ? Не объяснить-ли его тѣмъ, что интересы торговые ближе и прямѣе соприкасаются съ матеріальными выгодами всего государства и отдѣльныхъ его подданныхъ, чѣмъ интересы широкаго и облегченнаго распространенія почтовыхъ сношеній, къ которымъ уже позже присоединились и сношенія телеграфныя? Выгода отъ удовлетворительнаго разрѣшенія вопросовъ этой послѣдней категоріи болѣе отдаленна и менѣе отрицается государственной властью; между тѣмъ для нея имѣетъ существенное и часто жизненное значеніе торговля ея подданныхъ, на которой строится матеріальное благосостояніе самого государства и его политическое значеніе. Этимъ объясняется, почему перемѣна въ воззрѣніяхъ на выгоды той или другой экономической системы сейчасъ же отражалась на трактатахъ и рѣшеніяхъ конгрессовъ, которые, какъ собранія представителей государствъ, преслѣдующихъ извѣстные интересы, не могли не заниматься тою сферою отношеній между народами, которая затрогивала самымъ интимнымъ и непосредственнымъ образомъ осно-

ванія матеріальнаго благосостоянія государствъ, а слѣдовательно и его „жизненные нервы," его политическое могущество.

Все сказанное находитъ подтвержденіе въ исторіи судоходства по морямъ и международнымъ рѣкамъ. Въ XVI, XVII, частью еще и въ XVIII вѣкахъ сильныя морскія державы конкурировали между собою, послѣдовательно смѣняя другъ друга, въ стремленіяхъ къ захвату и монополизаціи всей морской торговли и къ неограниченному господству въ колоніяхъ. Начало свободной конкуренціи не признавалось; торговые интересы противника разсматривались, какъ бѣдствіе и зло для государства, которое всѣми силами старалось вытѣснить соперника съ извѣстныхъ рынковъ, преградить или затруднить ему доступъ въ свои колоніи, обложить торговлю его съ колоніями самыми тяжелыми и ограничительными условіями. Не останавливались въ достиженіи цѣли ни предъ какими средствами; создались даже цѣлыя фикціи и принципы юридико-политическаго свойства, по которымъ, напр., признавалось господство и преобладаніе на океанѣ и моряхъ одного государства надъ другимъ и всѣ почти державы, игравшія хоть сколько-нибудь значительную торговую роль и обладавшія колоніями, преемственно смѣняли другъ друга въ предъявленіи требованій на исключительное или преобладающее значеніе и роль на морѣ. Это стремленіе отразилось и въ юридической литературѣ; такъ, еще въ XVII вѣкѣ, англичанинъ Сельденъ написалъ трактатъ „Mare clausum" (закрытое море) въ которомъ отстаивалъ притязанія Англіи на господство въ океанѣ и на моряхъ. Реакція противъ этихъ представленій началась и стала усиливаться съ появленіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ новыхъ воззрѣній на экономическіе интересы народовъ; эти воззрѣнія расшатали понемногу старую меркантильную и колоніальную систему торговли. Начало XIX столѣтія обладаетъ уже понятіемъ о свободѣ моря, какъ общаго достоянія всѣхъ народовъ, посредствомъ котораго они поддерживаютъ свои мирныя и торговыя сношенія.

Начало исключительности и монополизаціи логически было перенесено и на большія рѣки, обладавшія по своему положенію и величинѣ международнымъ значеніемъ, которое дѣлаетъ необходимымъ свободное плаваніе по нимъ торговыхъ судовъ всѣхъ націй. Медленно и недавно дошли до признанія справедливости этого взгляда, отразившагося въ XVII и XVIII вѣкахъ даже на конгрессахъ, которые являлись выразителями господствовавшихъ тогда воззрѣній; такъ, вестфальскій конгрессъ предоставилъ судоходство по Шельдѣ исключительному пользованію Голландіи, заперъ эту рѣку для навигаціи кораблей бельгійскихъ провинцій, принадлежавшихъ тогда Австріи, и тѣмъ отнялъ у бельгійцевъ возможность сплавлять свои произведенія къ морю и конкурировать съ голландскими товарами. Въ концѣ XVIII вѣка, Австрія (при Іосифѣ II) протестовала противъ этого запрещенія, сильно вредившаго торговлѣ бельгійцевъ; протестъ этотъ не былъ уваженъ ни голландцами, ни гарантами вестфальскаго мирнаго трактата, возобновленнаго, по отношенію къ судоходству по Шельдѣ, на утрехтскомъ конгрессѣ 1713 года. Мирабо выступилъ даже со спеціаль-

нымъ трактатомъ на защиту монополіи голландцевъ. Когда съ начала XIX вѣка установляется начало свободы морей и океановъ, оно естественно переносится и на международныя рѣки. Уже парижскій мирный договоръ (1814 г.) взглянулъ съ этой новой точки зрѣнія на судоходство по важнѣйшимъ рѣкамъ Европы. Вопросъ о навигаціи по Шельдѣ палъ самъ собою вслѣдствіе соединенія бельгійскихъ провинцій съ Голландіей въ одномъ королевствѣ Нидерландовъ; но принципъ свободы навигаціи признанъ въ томъ же договорѣ по отношенію къ Рейну и здѣсь же установлено въ принципѣ распространеніе этой свободы судоходства на всѣ европейскія рѣки, имѣющія международно-торговое значеніе. Созданіе проэкта рѣшенія вопроса, отложеннаго вмѣстѣ съ важнѣйшими дѣлами обще-европейскаго интереса, до созванія конгресса, поручено было Вильгельму Гумбольдту, прусскому посланнику на вѣнскомъ конгрессѣ. Гумбольдтъ занялся этимъ дѣломъ и представилъ свои размышленія и выработанный имъ проэктъ при особомъ докладѣ на благоусмотрѣніе конгресса. Рѣшеніе конгресса вошло въ заключительный актъ его (art. 108): свобода судоходства признается относительно всѣхъ европейскихъ рѣкъ, протекающихъ по территоріямъ нѣсколькихъ государствъ и по которымъ возможна навигація. Уничтожаются всѣ стѣснительныя пошлины и всѣ поборы и сохраняются только незначительныя денежныя взиманія для поддержанія судоходности рѣкъ. Эта основная мысль приложена ко всѣмъ притокамъ Рейна, Шельды, къ Маасу, Эльбѣ, Одеру, Везеру и По. Парижскій конгрессъ 1856 года, распространяетъ свободу судоходства на Дунай (для всѣхъ націй). Навигація по немъ регламентирована и приняты всѣ мѣры для очистки дунайскихъ гирлъ и безпрепятственнаго плаванія судовъ. Конгрессъ учредилъ для надзора за навигаціей „Дунайскую европейскую комисію“, въ которой приняли участіе всѣ державы, подписавшія парижскій трактатъ 30-го марта 1856 года и „комисію судоходства по Дунаю прибрежныхъ государствъ“. Въ составъ послѣдней вошли делегаты отъ всѣхъ державъ, по которымъ протекаетъ Дунай, т. е., въ ней принимаютъ участіе и государства, не фигурировавшія на парижскомъ конгрессѣ. Первая комисія имѣетъ свой собственный флагъ, который покрываетъ и дѣлаетъ неприкосновенными какъ служебный персоналъ комисіи, такъ и зданія и имущества, ей принадлежащія; она пользуется различными полицейскими правами, можетъ осматривать всѣ суда, плавающія по Дунаю, налагать взысканія за нарушеніе правилъ судоходства, взимать съ нихъ опредѣленную пошлину, и т. п. Вторая комисія, состоящая изъ представителей государствъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ навигаціи по Дунаю, обладаетъ опредѣленными денежными средствами, которыя эти державы обязались вносить въ опредѣленномъ размѣрѣ; эти средства затрачиваются на очистку Дуная и на всѣ приспособленія къ безпрепятственному судоходству по рѣкѣ. Дунайская европейская комисія должна была, по мысли парижскаго конгресса, быть учреждепіемъ временнымъ, а вторая—постояннымъ; но берлинскій конгрессъ (1878 г.) продолжилъ существованіе первой.

Парижскій трактатъ (§ 15), установляя начало свободы судоходства по Дунаю, за которымъ признается международное значеніе, ссылается при этомъ на вѣнскій конгрессъ и объявляетъ, что это международное значеніе Дуная дѣлается „частью публичнаго права Европы и берется подъ гарантію державъ". Здѣсь же торжественно объявляется, что навигація по Дунаю не можетъ подлежать никакимъ стѣсненіямъ и взиманіямъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя основаны на фактѣ судоходства по рѣкѣ; что никакія пошлины не могутъ быть взимаемы съ товаровъ, нагруженныхъ на суда, за исключеніемъ пошлинъ, назначенныхъ европейскою комисіей (по большинству голосовъ), притомъ на основаніи равенства для судовъ всѣхъ націй; эти доходы имѣютъ быть обращенными на поддержаніе рѣки въ состояніи необходимомъ для безпрепятственнаго плаванія по ней судовъ.

По § 18 трактата 30-го марта 1856 г., европейская дунайская комисія, состоящая исключительно изъ представителей державъ, участвовавшихъ въ заключеніи парижскаго мира, организовалась на 2 года, по истеченіи которыхъ она должна была закрыться, а всѣ функціи ея должны быть перенесенными на комисію изъ державъ прибрежныхъ, установленную въ § 17. Такъ какъ по парижскому миру Россія потеряла устья Дуная, то она исключена была eo ipso изъ числа этихъ прибрежныхъ державъ (Австрія, Баварія, Турція, Вюртембергъ и по одному комисару отъ Румыніи и Сербіи). Берлинскій трактатъ, встрѣтившись съ фактомъ существованія европейской комисіи, не только не закрылъ ее, но далъ санкцію ея дальнѣйшему существованію. Онъ вновь провозгласилъ и укрѣпилъ принципъ свободы судоходства по Дунаю, отъ Желѣзныхъ Воротъ до устья, гарантіей которой должно было служить, между прочимъ, и срытіе крѣпостей на всемъ этомъ пространствѣ и запрещеніе военнымъ судамъ плавать отъ Желѣзныхъ Воротъ внизъ по теченію рѣки. Возвративъ Россіи устье Дуная (Килійскій рукавъ), берлинскій конгрессъ не включилъ однако Россію въ составъ государствъ прибрежныхъ, засѣдающихъ во второй (прибрежной) постоянной комиссіи. Румынія, объявленная независимою на конгрессѣ 1878 г., включена въ число державъ, допущенныхъ къ участію въ „европейской комисіи", она засѣдаетъ (еще съ 1856 г.) въ прибрежной комисіи и это право утверждено за нею на берлинскомъ конгрессѣ. Непонятно; поэтому, и несправедливо исключеніе Румыніи,—державы независимой, притомъ прибрежной къ Дунаю и засѣдающей въ европейской комисіи, контролирующей и руководящей судоходствомъ по Дунаю,—изъ состава державъ, собиравшихся въ Лондонѣ на конференцію по дунайскому вопросу. Это сдѣлано, конечно, въ угоду Австріи, домогающейся захватить въ свои руки политическое и экономическое вліяніе на Дунаѣ и на всемъ балканскомъ полуостровѣ, т. е. подъ вліяніемъ политическихъ соображеній. Но правовыми соображеніями это отнюдь не оправдывается: если лондонская дунайская конференція могла быть созвана, какъ говорятъ, только на основаніи парижскаго трактата 1856 г. и, слѣдовательно, составъ ея членовъ заранѣе предусмотрѣнъ и огра-

ень представителями державъ, подписавшихъ мирный трак-
30-го марта 1856 г., въ числѣ которыхъ не могло быть мѣста
делегата Румыніи пользовавшейся по договору 1856 г. только
независимостью, положеніемъ подчиненнаго Турціи вассала,
е слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что Румынія сдѣла-
независимой съ 1878 г. и признана таковою на берлинскомъ
рессѣ, допустившемъ ее въ составъ европейской комисіи. Она
жде была, и теперь остается къ тому же прибрежною держа-
акакъ она вполнѣсуверенна исамостоятельна, то, слѣдовательно,
даетъ правомъ участія и рѣшающаго голоса въ комисіи при-
ныхъ государствъ. Право международнаго союза, заботиться
охраненіи интересовъ судоходства по большимъ рѣкамъ
ународнаго характера, не можетъ лишить отдѣльныхъ чле-
союза, притомъ же спеціально заинтересованныхъ въ дѣлѣ,
участвовать въ разсмотрѣніи и рѣшеніи вопросовъ, каса-
кся сферы ихъ суверенныхъ правъ, въ данномъ случаѣ надъ
ною системою, протекающею на границахъ страны.

ще хуже и еще менѣе согласно съ началами права и прин-
мъ солидарности интересовъ положеніе Россіи на Дунаѣ,
нное для нея конгрессомъ берлинскимъ и лондонскою кон-
ціей. Послѣдняя продлила существованіе и полномочія евро-
ой комисіи на 21 годъ. При нормальномъ ходѣ вещей, по
еніи этого срока, комисія прекратитъ свое существованіе;
вательно Россія, не засѣдающая въ комисіи прибрежныхъ госу-
въ, будетъ лишена со временемъ участія въ контролѣ и наблюде-
адъ судоходствомъ, въ принятіи мѣръ и гарантій надъ пла-
мъ по Дунаю — рѣкѣ, имѣющей для нашего отечества без-
о важное политическое, стратегическое и экономическое зна-
Фактъ тѣмъ болѣе поразительный, что устья Дуная возвра-
Россіи, которая вновь, такимъ образомъ, вошла фактически въ
державъ прибрежныхъ къ Дунаю, имѣющихъ поэтому право
астіе въ контролѣ и принятіи, сообща съ другими прибреж-
державами, общихъ мѣръ къ охранѣ и наблюденію за пра-
ымъ и безпрепятственнымъ судоходствомъ по этой рѣкѣ.
мъ образомъ, Австрія и теперь засѣдающая въ европейской
ціи на основаніи трактата 1856 г., къ которому она въ сущ-
приклеена случайно (она не принимала участія въ войнѣ
—1855 гг.), имѣетъ уже голосъ въ комисіи прибрежной. Чрезъ
дъ, теряя, съ прекращеніемъ дѣятельности европейской ко-
участіе въ верховномъ надзорѣ за Дунаемъ, она сохранитъ
ь и вліяніе въ этомъ дѣлѣ, а Россія останется не причемъ.
ія и теперь уже предъявляетъ громадныя претензіи на ис-
тельное вліяніе на Дунаѣ, проявляетъ ихъ въ замыслахъ
едсѣдательство въ прибрежной комисіи,—замыслахъ, встрѣча-
ъ пока сильное сопротивленіе со стороны Россіи.

атьи III, V и VI лондонской конвенціи (1883 г.) признаютъ
ссіей верховенство и всѣ вытекающія права надъ килійскимъ
омъ, т. е. всѣ работы въ немъ по поддержанію судоходства;
ніе пошлинъ въ видѣ вознагражденія за издержки по рабо-
и полицейскій надзоръ предоставлены на усмотрѣніе Россіи.

Но тутъ же сдѣланы и оговорки, ограничивающія это право Россіи: европейскія комисіи имѣютъ право собирать нужныя имъ свѣдѣнія по килійскому рукаву, споры между ними и Россіей подлежатъ разрѣшенію европейской комисіи, а предположенія Россіи о пошлинахъ съ судовъ, идущихъ на покрытіе русскихъ издержекъ на работы въ килійскомъ рукавѣ, должны быть сообщены правительствамъ, представители которыхъ засѣдаютъ въ европейской комисіи. Такимъ способомъ, права Россіи надъ килійскимъ рукавомъ ограничены и поставлены подъ контроль европейскойкомисіи;съ прекращеніемъ же существованія послѣдней, роль и функціи ея перейдутъ къ прибрежной комисіи, въ которой Россія не засѣдаетъ и будетъ чрезъ то лишена, по истеченіи 21 года, права и возможности оберегать на мѣстѣ, скоро и энергично, свои права и интересы не только на Дунаѣ вообще, но и въ килійскомъ рукавѣ, т. е. по преимуществу русской части рѣки, въ частности. Кромѣ того, ст. V предоставляетъ право производства работъ въ этомъ рукавѣ не только Россіи, но и Румыніи, которая засѣдаетъ въ обѣихъ комисіяхъ; слѣдовательно чрезъ 21 годъ, она будетъ имѣть сравнительно съ Россіей большія выгоды и лучшую возможность по праву защищать свои интересы въ этой части Дуная. Самое производство работъ, по той же V-й статьѣ, поставлено въ зависимость отъ сообщенія плановъ этихъ работъ европейской комисіи для удостовѣренія послѣдней въ томъ, что предложенныя Румыніей и Россіей работы не наносятъ вреда судоходности другихъ рукавовъ. Слѣдовательно, и самый способъ, планъ работъ поставлены опять же въ зависимость отъ европейской комисіи, а чрезъ 21 годъ—отъ комиссіи прибрежной, гдѣ Россіи голоса не полагается!

Профессоръ Мартенсъ довольно справедливо замѣчаетъ („Европ. межд. право цивил. народовъ“, Спб. 1882 г. стр. 377—378), что европейская комисія облечена по отношенію къ судоходству по нижнему Дунаю правами,которыя во многихъ отношеніяхъ становятся въ разрѣзъ съ территоріальнымъ верховенствомъ прибрежныхъ государствъ и нисколько не вытекаютъ изъ постановленій вѣнскаго конгресса; учрежденіе это „нисколько не оправдывается пользою судоходства,“ и давно „должно быть закрыто и уступить свое мѣсто прибрежной комисіи;“ уваженіе къ свободѣ рѣчнаго судоходства „нисколько не требуетъ принятія мѣръ, явнымъ и безполезнымъ образомъ нарушающихъ законныя права и интересы прибрежныхъ государствъ“. Это вѣрно въ принципѣ; но въ интересахъ Россіи, участвующей въ этой комисіи и не участвующей въ комисіи прибрежныхъ державъ, можно только порадоваться, что она не противорѣчила желанію другихъ державъ сохранить дальнѣйшее существованіе европейской комисіи и даже содѣйствовала этому.

Интересъ общенія между народами, вызывающій потребность въ принятіи общихъ мѣръ къ охранѣ правильнаго и безпрепятственнаго судоходства по международнымъ рѣкамъ, въ частности по Дунаю, интересъ, который, удовлетворяется при посредствѣ совокупныхъ усилій державъ, въ формѣ извѣстныхъ прочныхъ учрежденій, *даже постояннаго характера* (въ родѣ, напр., прибрежной *комисіи), долженъ* быть по возможности соединяемъ съ другимъ,

существеннымъ интересомъ—суверенной свободы и права госу-
твъ на самосохраненіе, а слѣдовательно и на равное всѣмъ имъ
тіе въ вершеніи дѣлъ и установленіи учрежденій, ограничиваю-
ъ, въ ихъ общихъ интересахъ и съ ихъ согласія, суверенную
свободу въ качествѣ независимыхъ политическихъ организацій.
агая эту точку зрѣнія къ дунайскому вопросу, желательно,
ы новая конференція—а она непремѣнно будетъ, и, вѣроятно,
ъ далекомъ будущемъ, такъ какъ лондонская, очевидно, не-
льно разрѣшила вопросъ,—чтобы она уничтожила европейскую
сію и ввела Россію на правахъ полнаго равенства въ комисію
режную, предсѣдательство въ которой должно по очереди при-
ежать (на 1 годъ) каждой изъ участвующихъ въ ней державъ.
ойна, всегда вредно отражающаяся на торговомъ благосостоя-
народовъ, давно обратила на себя вниманіе конгрессовъ, пы-
ихся смягчить ея бѣдствія. Это стремленіе проявлялось сперва
тношенію къ торговлѣ нейтральныхъ, т. е. третьихъ державъ,
инимающихъ прямаго и непосредственнаго участія въ войнѣ,
изанныхъ по отношенію къ воюющимъ сторанамъ полнымъ безпри-
стіемъ и невмѣшательствомъ въ военныя ихъ операціи. Позднѣе,
рогрессомъ гуманности и съ проникновеніемъ въ между-
дныя отношенія понятія о войнѣ, какъ о вооруженной борьбѣ
царствъ, а не частныхъ лицъ, юридическое правосознаніе все
е стало выражать собою потребность нѣкоторыхъ ограниченій
рактиковавшемся абсолютномъ воззрѣніи на законность всякихъ
ствъ для нанесенія вреда противнику; въ числѣ этихъ средствъ
ервомъ планѣ стояли способы уничтоженія или возможно боль-
нанесенія вреда матеріальному благосостоянію врага. Съ на-
леніемъ этого прогресса въ жизни и въ наукѣ, конгрессы не
и остаться чуждыми такому движенію въ пользу смягченія
овъ войны и того зла, которое она наноситъ торговлѣ вою-
хъ. Такъ какъ права воюющихъ все еще ревниво оберегаются
иду самой цѣли войны и ея возможныхъ результатовъ, гро-
ихъ иногда гибелью государства или значительнымъ умале-
ъ его политическаго могущества, то понятно, почему попытки
смягченію бѣдствій войны, вообще, и, въ частности, пощада
овыхъ интересовъ воюющихъ сдѣлали меньше успѣховъ, ре-
ировались въ меньшей степени въ положительныхъ постанов-
яхъ международныхъ собраній, чѣмъ способы и средства къ
анѣ тѣхъ-же торговыхъ интересовъ нейтральныхъ. Должно за-
ить, впрочемъ, что и послѣдніе не скоро добились признанія и
кной охраны въ трактатахъ и въ постановленіяхъ международ-
ъ собраній. Вся исторія морскаго международнаго права пред-
летъ интересную и сложную борьбу между правомъ нейтраль-
ъ на возможно большую свободу торговыхъ сношеній съ вою-
ими и стремленіями этихъ послѣднихъ къ возможно большему
пространенію права захвата частной нейтральной собственности
ъ уменьшенію свободы ихъ торговыхъ сношеній съ противни-
ми—воюющими. Сперва, конечно, получили въ жизни и въ наукѣ
обладаніе *интересы и претензіи* воюющихъ, защищавшихъ свои
жительные интересы; но мало по малу пробиваются и пред-

ставленія болѣе здравыя, сознается необходимость защищать интересы нейтральной торговли; права же воюющихъ постепенно съуживаются Движеніе въ этомъ направленіи прямо пропорціонально ослабленію системъ меркантилизма и колоніальной политики и успѣху здравой экономической политики, основанной на началѣ конкуренціи и свободной торговли, причемъ старая система теряетъ подъ собою почву, еще благодаря эмансипаціи колоній и общему измѣненію въ таможенныхъ системахъ.

Еще Пиринейскій конгрессъ (1659 г.), на которомъ заключенъ миръ между двумя тогда сильнѣйшими морскими державами—Испаніей и Франціей,—даетъ попытку къ ограничительному истолкованію понятія о такъ называемой военной контрабандѣ, т. е. о предметахъ, запрещенныхъ для торговли нейтральныхъ съ воюющими, и подвозъ которыхъ первыми въ порты и гавани послѣднихъ есть нарушеніе обязанности нейтралитета, именно невмѣшательства въ военныя операціи противниковъ, чрезъ доставленіе одной или обѣимъ сторонамъ средствъ, служащихъ военнымъ цѣлямъ и усиливающихъ боевую способность къ сопротивленію. Обыкновенно воюющія—сильныя морскія державы—старались распространить кругъ предметовъ военной контрабанды, и тѣмъ съузить сферу предметовъ торговли нейтральныхъ, дабы послѣдніе не захватили во время войны въ свои руки торговлю одного или обѣихъ противниковъ, которую, по наступленіи мира, послѣднимъ уже трудно было бы вновь забрать въ свои руки. Пиринейскій конгрессъ пришелъ къ необходимости противодѣйствовать этому распространительному толкованію понятія о военной контрабандѣ, съ которымъ боролись слабыя на морѣ державы, всегда почти бывшія нейтральными въ войнѣ между сильными морскими государствами. Конгрессъ довольно вѣрно опредѣлилъ въ принципѣ, что должно разумѣть подъ военною контрабандою; онъ свелъ ее къ оружію, амуниціи, лошадямъ, сѣрѣ, селитрѣ и т. п., предметамъ, которые всѣ, за небольшими исключеніями, служатъ военнымъ цѣлямъ, притомъ безъ предварительной переработки и особаго приготовленія. Этотъ же конгрессъ очень обстоятельно регламентировалъ такъ называемое право визитаціи (осмотръ и обыскъ) «droit de visite et de recherche»—предоставленное воюющему съ цѣлью контроля надъ торговлею и дѣйствіями нейтральныхъ. Посредствомъ этого, воюющій могъ убѣдиться въ дѣйствительной принадлежности корабля къ той національности, которой флагъ онъ выкинулъ; въ наличности у него надлежащихъ документовъ, указывающихъ на національность судна, его хозяина, шкипера, матросовъ, на количество груза, мѣсто его отправленія и назначенія; а также въ томъ, что подвергаемый осмотру корабль не отправляется въ объявленное и дѣйствительно находящееся въ состояніи блокады мѣсто. Этимъ правомъ много и часто злоупотребляли сильныя морскія державы, сдѣлавшія изъ него предлогъ для притѣсненій нейтральной торговли, опасное оружіе въ рукахъ каперовъ. Постоянные споры и недоразумѣнія, возникавшія между жаловавшимися на притѣсненія и неуваженіе къ своему флагу нейтральными и воюющими, вынудили пиренейскій *конгрессъ* опредѣлить способы и законные предѣлы этого права

ющихъ, сведеннаго конгрессомъ къ простому осмотру бумагъ
новленнаго корабля. Сдѣланныя имъ опредѣленія могли бы съ
торыми дополненіями послужить основаніемъ для регламентаціи
ъ осмотра и въ современную намъ эпоху, могли бы быть внесены
одексъ морскаго международнаго права въ видѣ дополненія
Парижской морской декларацiи. Тѣ же постановленія о военной
робандѣ и правѣ осмотра почти цѣликомъ вошли въ такъ
наемую утрехтскую морскую конвенцію (1713), выработанную на
хтскомъ конгрессѣ, гдѣ заключенъ миръ между Англіей, Фран-
Голландіей и Испаніей,—миръ, закончившій войну за испан-
наслѣдство. Еще ранѣе, на конгрессахъ въ Нимвегенѣ (1676—
гг.), въ Рисвикѣ (1697 г.) и затѣмъ позднѣе, на конгрессахъ
ьскомъ (1748 г.) и Парижскомъ (1782—83 гг.) даны также
новленія и опредѣленія относительно нейтральной торговли.
ѣшенія этихъ послѣднихъ конгрессовъ противорѣчивы, носятъ
ебѣ слѣды случайности, не выражаютъ въ достаточной степе-
бщепризнанныхъ, въ данное время, большинствомъ державъ
илъ и началъ для руководства въ сношеніяхъ между воюю-
и и нейтральными. Послѣднюю идею выражаетъ собою парiж-
конгрессъ 1856 года, издавшій извѣстную морскую декларацію,
исанную представителями Россіи, Англіи, Франціи, Австріи,
сіи, Сардиніи и Турціи: къ ней постепенно присоединились
ержавы Европы и Америки, кромѣ Испаніи, Мексики и Соед.
говъ Сѣверной Америки.

екларація отмѣняетъ каперство, т. е. право частныхъ лицъ
жать на свой рискъ и страхъ суда для нападенія на
овый флотъ противника. Каперство было страшнымъ ору-
ъ для нанесенія вреда частной собственности мирныхъ
данъ воюющихъ государствъ и нейтральныхъ. Далѣе, декла-
я объявляетъ неприкосновенными товары непріятельскіе на
блiяхъ нейтральныхъ, равно какъ и собственность нейтраль-
подданныхъ, нагруженную на судахъ вражескихъ; въ обо-
случаяхъ за исключеніемъ только военной контрабанды .Оба
начала, въ особенности первое, упорно отрицались воюющими,
рые распространяли свои запрещенія до того, что считали
р. Англія) недозволенною торговлю нейтральныхъ съ коло-
и врага въ томъ случаѣ, если она была запрещена имъ во
я мира законами воюющихъ. Наконецъ, декларація съужи-
ъ понятіе о такъ называемой блокадѣ, требуя для признанія
аконности и, слѣдовательно, для примѣненія права конфиска-
кораблей и товаровъ, идущихъ въ блокируемое мѣсто или изъ
,—дѣйствительности блокады, т. е., чтобы она была поддер-
ема силами воюющаго, достаточными для фактическаго пре-
ѣденія доступа къ блокируемому или изъ блокируемаго мѣста.
имъ образомъ, это постановленіе ограждаетъ нейтральную тор-
ю отъ такъ называемой фиктивной или бумажной блокады,
рою неумѣренно злоупотребляли сильныя морскія державы
въ началѣ XIX вѣка. Она заключалась въ томъ, что извѣст-
берегъ, иногда же всѣ берега, порты и гавани противника
лялись декретомъ въ состояніи блокады, которую на самомъ

дѣлѣ не было возможности поддерживать уже вслѣдствіе недостатка флота и обширности протяженія будто бы блокируемыхъ береговъ; а между тѣмъ корабль, шедшій по направленію къ подобнымъ, на бумагѣ блокируемымъ мѣстамъ, попадая случайно въ руки воюющаго, подвергался захвату и конфискаціи, какъ виновный въ покушеніи прорвать блокаду.

Декларація 15 апрѣля 1856 года — первый актъ конгрессовъ, въ которомъ высказана, въ формѣ опредѣлительныхъ постановленій и притомъ запретительнаго свойства, необходимость охраны не только торговыхъ интересовъ нейтральныхъ, но и тѣхъ же интересовъ воюющихъ, что̀ выразилось въ отмѣнѣ каперства — орудія, посредствомъ котораго воюющіе спеціально наносили вредъ другъ другу и нейтральнымъ. Конечно, отмѣною каперства сдѣлано въ этомъ направленіи (т е. для защиты торговли противника), пока очень немногое; эта отмѣна имѣетъ отдаленное значеніе, притомъ исключительно отрицательнаго свойства, въ смыслѣ мѣры, могущей служить на пользу торговыхъ интересовъ воюющихъ; притомъ каперы въ равной мѣрѣ, если даже не больше, вредили и нейтральнымъ. Декларація 1856 года съ одинаковымъ основаніемъ можетъ быть разсматриваема, какъ попытка къ организаціи защиты правъ нейтральной торговли путемъ положительныхъ постановленій въ пользу нейтральныхъ, а равно и путемъ отмѣны и запрещенія извѣстныхъ, вредившихъ нейтральнымъ, средствъ.

Если конгрессы и конференціи будутъ построены на началахъ, выше нами указанныхъ, и собираться если не періодически, то, по крайней мѣрѣ, всякій разъ, когда того потребуютъ общіе интересы международнаго союза или нѣсколькихъ отдѣльныхъ его членовъ, то можно надѣяться, что при наличности еще одного условія — все большаго проникновенія въ международную практику идеи правоваго общенія между государствами, основанной на солидарности интересовъ между ними, — эти международныя собранія сдѣлаютъ многое для дальнѣйшей защиты правъ индивидуума а также нравственныхъ, матеріальныхъ, наконецъ, интеллектуальныхъ интересовъ всего человѣчества. Они же могутъ быть органами наиболѣе приспособленными къ частичной, постепенной кодификаціи институтовъ международнаго права. Въ ближайшемъ будущемъ, задачею конгрессовъ должна быть кодификація частнаго международнаго права, наиболѣе подготовленнаго къ кодификаціи научной и международно-законодательной и наиболѣе нуждающагося въ ней, въ виду все возростающихъ сношеній между подданными различныхъ государствъ.

В. Даневскій.

КЛАДЪ.

(Изъ жизни и нравовъ лѣснаго края)

инула широкая масляница, съ ворохами блиновъ и крестьян-
и пирушками, и унесла за собою всѣ утѣхи и забавы дере-
кой молодежи. Опустѣли ледяныя горы, надъ которыми еще
недавно и по цѣлымъ днямъ раздавались дѣвичій смѣхъ и
кой хохотъ, отошли веселыя катанья на лошадяхъ,—катанья,
ѣснями, подъ грохотъ бубенцовъ и задорный, далеко разносив-
и по окрестности, звонъ колокольчиковъ,—и справлены проводы
ницы: посреди улицы, при блѣдномъ серпѣ молодаго мѣ-
и при шумныхъ крикахъ ребятишекъ, сожгли на пылаю-
ъ кострѣ соломенную чучелу—виновницу празднества.
озоватое зарево догорающаго костра все еще стоитъ надъ
ѣемъ. Но нѣтъ уже масляницы, и въ деревнѣ разомъ насту-
ъ поражающая тишина: чувствуется, какъ будто-бы вся жизнь,
тѣ съ волнами масляничнаго веселья, отлила куда-то въ даль
всегда покинула нашъ край... Тишина, глубокая тишина и
мутимый покой воцаряются на деревнѣ и объемлютъ весь
ой міръ. И видятъ,—разсказываютъ у насъ по сёламъ,—видятъ
праведные люди и безгрѣшные младенцы, какъ съ высоты
очныхъ небесъ, сіяя бѣлыми крыльями, тихо спускается на
о ангелъ, съ лицомъ свѣтлымъ и радостнымъ, держа въ рукѣ
ую вѣтвь...
ичто не нарушаетъ строгой тишины начавшагося великаго
а. Безмолвны широкія поля, неподвиженъ дремучій боръ, и
ъ подъ снѣгами наши сѣверныя рѣки. Унылые и протяжные
ы колокола, время отъ времени доносящіеся съ ближней сель-
колокольни, призываютъ людей къ молитвѣ и покаянію.
Но подуетъ вѣтерокъ съ теплаго моря, придетъ весна съ алымъ
лицемъ своихъ долгихъ зорь, и снова воскреснетъ жизнь, и
учитъ она милліонами призывныхъ голосовъ и чарующихъ
ие и умъ звуковъ!...
Незамѣтно и рано подкралась къ намъ весна въ этомъ году

Еще до половины апрѣля согнало весь снѣгъ съ полей и взломало на рѣкахъ и озерахъ ледъ; дружно разлились всѣ рѣки и затопили своими водами луга и прибрежныя лѣсныя поросли. Оголенный нагорный берегъ, съ разбросанными по немъ деревушками, и темный лѣсъ, раскинувшійся по другой сторонѣ рѣки и тянущійся на сотни верстъ, съ нѣмымъ удивленіемъ прислушиваются къ разливу вешнихъ водъ и несмолкаемому ихъ шуму... Только одинъ этотъ шумъ и нарушаетъ пока все еще царящую вокругъ тишину! Но промелькнетъ еще нѣсколько дней, минетъ недѣля, и кругомъ все исполнится дыханіемъ новой жизни: сквозь рыхлую и влажную, теплыми лучами солнца пригрѣтую землю, блеснетъ голубенькій подснѣжникъ, пробьется свѣжая травка и польется съ поднебесья пѣсня жаворонка; рѣка и лѣсъ огласятся тысячами звуковъ, кустарники и деревья опушатся нѣжной зеленью только что развернувшихся листьевъ; громкой пѣсней встрѣтитъ красавицу-весну первый сельскій хороводъ и, помолясь на икону, выѣдетъ въ поле крестьянинъ обновлять свою соху.

Только-что спадутъ вешнія воды и рѣка станетъ входить въ берега, изъ-за высокаго мыса выдвинутся и поплывутъ крутобокія бѣляны, тяжело нагруженныя лѣсомъ; за ними длинной вереницей потянутся плоты; въ чистой синевѣ утренняго воздуха мягко обрисуется парусъ граціозно несущейся барки и повсюду заснуютъ рыбачьи лодки.

Съ утра до ночи тогда по рѣкѣ идетъ непрерывное движеніе, съ судовъ и съ берега гремятъ людскіе голоса, раздаются тонкіе пронзительные свистки маленькихъ пароходиковъ и во всю ширь рѣки разливается гармоника.

А въ лѣсныхъ чащахъ, въ глубокихъ оврагахъ, вблизи рѣкъ и около угоровъ, вмѣстѣ съ весною и вплоть до Ивана Купалы появляются и бѣгаютъ порою какіе-то таинственные огоньки, тщательно охраняемые отъ посторонняго глаза любопытныхъ: то ходятъ крестьяне и въ тишинѣ ночи разыскиваютъ клады.

Приближался вечеръ. По одной изъ лѣсныхъ сѣверныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Волгу, медлительно плыли одна за другою бѣляны и плоты. Прибрежье и рѣка оглашались людскими голосами, жалобными и какъ бы тоскующими криками чаекъ, летавшихъ надъ водою, кряканьемъ дикихъ утокъ и посвистываніемъ куличковъ. Съ нагорнаго берега, высоко поднявшись въ прозрачномъ воздухѣ, черезъ рѣку потянулись къ лѣсу вальдшнепы и гдѣ-то невдалекѣ закуковала безпріютная кукушка.

По носовой части одной изъ бѣлянъ, выступившей по рѣкѣ переди другихъ, разгуливалъ съ открытой головою и босикомъ олодой верзила, въ пасконной рубахѣ и такихъ же штанахъ; онъ ержалъ въ рукахъ деревянную черпалку, насаженную на длиную палку, и, для развлеченія, вскидывалъ ее кверху и зѣалъ. Услышавъ кукушку, дѣтина пріостановился, повернулъ голову по направленью къ вѣщуньѣ и заревѣлъ:

— Кукушка, кукушка! До-олго-ли мнѣ жить?

— Не засть, не засть, парень, кричитъ лоцманъ, съ большой усой бородой, въ шапкѣ и дубленкѣ на распашку, стоя на кормѣ забирая рулемъ вправо.—Ты не стекляпный: сквозь тебя ничего е разглядишь!

Парень отошелъ къ сторонѣ. Онъ собирался вторично спросить кукушку и только было раскрылъ свой широкій ротъ, какъ вниманіе его неожиданно привлекъ къ себѣ новый предметъ: съ воды поднялась вспугнутая утка и, хлопая звучно крыльями, тяжело подетѣла мимо борта бѣляны.

— Робя, глянь-ко-те! зыкнулъ дѣтина;—утка-то какая большущая да жирная! Вотъ еслибы ружье было, сразу застрѣлилъ-бы!

— А ты кидайся скорѣе въ воду, да вплавь за ней! пошутили бурлаки.—Догонишь.

— Робята! послышалось съ кормы.—*Отраду* видать...

На палубѣ встрепенулись.

— Недалечко! отозвались радостно бурлаки, увидавъ впереди новый, свѣтящійся при закатѣ солнечномъ, домикъ весь въ яркой зелени деревьевъ и пріютившійся въ полугорѣ праваго берега;—гляди, часа не пройдетъ до «Краснаго теремка».

— Дядя *)! Тамо-тка привалъ будетъ? спросилъ парень, желавшій застрѣлить утку.

— Да, у „Теремка“ привалъ сдѣлаемъ и до утра простоимъ.

— О? Коли такъ, я новую рубаху надѣну. Погляжу, что у васъ за „Красный теремокъ“...

Лоцманы бѣлянъ, плывшихъ за первой, стали переговариваться, вмѣсто рупоровъ, посредствомъ кулаковъ.

— Привалъ у „Краснаго теремка“!

— Доброе дѣло!

Между тѣмъ солнце опускалось уже за угоръ; разсыпая вокругъ свои яркіе лучи, оно весело разставалось съ землею. «Я не-

*) *Дядей* бурлаки называютъ лоцмана.

надолго», точно говорило оно.—«Скоро опять выгляну». Съ р
сталъ подниматься легкій паръ...

— Туманъ будетъ сильный, говорили на судахъ.

— Скорѣе бы до мѣста добраться, а то хоть посередь р
бросай якорь... Подсобите-ка, ребятишки! Возьмите на шесты

При дружной работѣ шестами, быстрѣе пошли массив
бѣляны.

«Теремокъ» весь уже обрисовался, съ шестью своими больш
окнами, мезониномъ съ бѣлами колонками и рѣшетчатымъ бал
номъ.

Но не успѣли еще суда бросить якорь и стать на мѣсто, к
рѣку и прибрежье обхватилъ густой туманъ. Какія-то сплошн
сѣдыя тучи заклубились надъ самою водою, быстро понесл
вдоль и въ ширь рѣки, заволакивая высокій лѣсъ. Бѣлыя, безформ
ныя гигантскія птицы поднялись на крутой нагорный берегъ и
слонили собою деревья и „Красный теремокъ". Все слилось и по
нуло въ наступившемъ царствѣ тумана.

— Шабашъ! раздавались голоса.—Молись Богу, робя!.. Да
лодку!.. Не видишь, чортъ, куда прешь!..

На лѣвой сторонѣ, гдѣ стоялъ закутавшійся въ туманѣ лѣ
что-то вдругъ вспыхнуло и задрожало; какой-то чудный св
полился насквозь, пропитывая густой туманъ: то выплылъ изъ
верхушекъ лѣса золотой мѣсяцъ.

— Забирай къ берегу!.. Смотри, не врѣжься въ плотъ! с
шались въ этомъ свѣтозарномъ сумракѣ ночи грубые мужс
голоса.

— Что ты, лѣшій, весломъ-то куда мнѣ заѣхалъ? Нѣтъ, что-
у тебя глазъ-то?

— Да нешь въ этой мглѣ разглядишь?

— Пріударь, ребятушки!.. Стой! Никакъ въ берегъ уткнули
Такъ и есть! Шабашъ!..

— Привалили!..

— Зацѣпи за что-нибудь лодку-то!.. Теперь подымайся,
бята! Экій туманище-то! Непривиданный! Далеко-ли, а и „Терем
не видать. Что-то наша Миколавна, какъ она поживаетъ?.. Э
паря, какъ застыло!..

Двѣ большихъ лампы, спускающіяся съ чистаго потолка, ос
щаютъ просторную, всегда готовую радушно принять гост
комнату въ «Красномъ теремкѣ»; въ простѣнкахъ красую
маленькіе, накрытые цвѣтными пеньковыми скатертями, четы
угольные столики, а посединѣ комнаты, подъ самыми лампа

стоятъ два длинные стола, точно также накрытые чистыми узорчатыми скатертями. По одному взгляду, брошенному вскользь на окружающую обстановку, нетрудно догадаться, что хозяйство въ теремкѣ содержится въ порядкѣ и находится въ заботливыхъ рукахъ. А тутъ, какъ бы въ подтвержденіе этого мнѣнія, подлѣ входной двери, изъ-за дубоваго, установленнаго чайной посудой, буфета смотритъ на васъ высокая, съ миловиднымъ лицомъ, молодая женщина, въ черномъ кашемировомъ платьѣ и свѣжей бѣлизны передникѣ; она съ привѣтливой улыбкой встрѣчаетъ и провожаетъ своихъ гостей, охотно отвѣчаетъ на ихъ вопросы и первая вступаетъ въ разговоръ съ тѣми изъ нихъ, съ которыми еще незнакома. Это—прикащица „Краснаго теремка“, содержимаго помѣщикомъ Огодинымъ. За буфетомъ суетится другая женская фигура: низенькая, полная, съ круглымъ лицомъ и румяными щеками, и до того живая и подвижная бабочка, что минуты одной не постоитъ на покоѣ. Въ новомъ ситцевомъ сарафанѣ, засучивъ выше локтей рукава бѣлой миткалевой рубашки, она проворно моетъ и перетираетъ посуду, волосяною щеткою стираетъ съ прилавка всякую пылинку, то-и-знай заглядываетъ въ кухню,—готово-ли тамъ и скоро-ли будетъ подано заказанное гостями кушанье,—и ежели замѣтитъ, что у мальчиковъ, снующихъ отъ буфета къ столамъ и обратно къ буфету, много дѣла, то сама выскочитъ къ посѣтителямъ, подастъ свѣжую салфетку или приборъ, кинется подтирать на полу слѣды неуклюжихъ лаптей и сапогъ. Эта бабочка служитъ въ качествѣ судомойки при заведеніи, исполняетъ должность горничной у прикащицы и дѣлаетъ охотно все, что̀ ни попадетъ ей подъ руки.

Свѣтло и пріютно въ «Красномъ теремкѣ». Съ выраженіемъ полнаго удовольствія лѣсные посѣтители пьютъ за столиками чай, ѣдятъ и распиваютъ янтарное пиво; удовольствіе написано и на лицахъ тѣхъ, которые, изъ экономіи, пришли съ своей провизіей и расположились съ мѣшками на полу, около большихъ столовъ и у стѣнъ. Публика въ заведеніи преимущественно—серяжная; суконная поддевка или кафтанъ рѣдко встрѣчаются. По заведенію идетъ гулъ отъ смѣшанной рѣчи: вятскій, костромской и вологодскій говоры слышатся въ разговорѣ. Время отъ времени раздаются возгласы:

— Милый, принеси-ка горяцей водички!.. Паренёкъ, дай еще бутылоцку!... Мальцужецка... ну-ка, милый, на три копѣйки тепла̀го калацика!

Входная дверь не стоитъ долго затворенною: черезъ каждыя пять-десять минутъ являются новые гости.

— Здравствуй, Наталья Миколавна! говоритъ лоцманъ, съ большой русой бородою, останавливаясь у буфета.

— А, Захаръ Семенычъ!.. Здравствуй, радушно отзывается прикащица.—Очень рада тебя видѣть. Какъ дошелъ?

— До васъ пришли въ полномъ благополучіи... Не знаю, какъ ниже-то будетъ?

— Богъ милостивъ! А гдѣ же супруга твоя? Развѣ она не съ тобой на бѣлянѣ?

— Въ деревнѣ оставилъ. Не на кого домъ было покинуть: родитель-то мой надумалъ къ Соловецкимъ угодникамъ помолиться сходить, такъ бабу-то съ собой и нельзя было захватить...

— Получите за три пары чаю и уху, Наталья Миколавна! подбѣжалъ мальчикъ, исполняющій должность половаго.

— Жаль... Не пришлось мнѣ съ нею нынче увидѣться, говорила прикащица, подавая мальчугѣ сдачу.—Ну, а здорова она? Старшенькая-то дочка поправилась?

— Слава Богу, теперь всѣ здоровы. Твое лѣкарствецо-то дочушкѣ помогло. Какъ со двора уѣзжалъ, такъ онѣ больно ужь шибко наказывали тебѣ кланяться, радѣльница!

— Шесть паръ чаю и десять фунтовъ ситнаго! подбѣжалъ къ буфету мальчикъ.

— Порцію коклетъ и двѣ бутылки пива! подлетѣлъ другой.

— Здоровы... Радуюсь... Извини, Захаръ Семенычъ...

— А ты свое дѣло правь,—дѣло не стоитъ, а разговоръ нашъ не уйдетъ, послѣ поговоримъ. Увидимся еще.

И лоцманъ мѣрной поступью направился къ своимъ, раскланиваясь по сторонамъ съ посѣтителями „Теремка“.

За столиками поднялся тихій разговоръ.

— Съ бѣлянъ?

— Да. Лоцманъ Захаръ Семенычъ.

— Давно онъ ходитъ?

— По здѣшней рѣкѣ—десятую весну, а раньше все по Ветлугѣ ходилъ. Способнѣе его никто не проведетъ бѣляны: стрежень воды знаетъ, какъ свои пять пальцевъ...

— Это и видно сразу! обличье и поступь его доказываютъ.

— Человѣкъ степенный. А что за большимъ столомъ сидятъ трое—тоже лоцмана, ведутъ бѣляны одного хозяина за бѣляной Захара Семеныча, а четвертый-то верзила-парень,—водоливъ.

Захаръ Семенычъ присѣлъ къ своимъ, разстегнулъ крючки суконной поддевки и спросилъ:

— Заказали, братцы?

— Поджидаемъ тебя.

— Ну, что же, сперва закусимъ, а тамъ пивца выпьемъ?... Чего мы спросимъ?

— Не знаю, какое будетъ обчее ваше желаніе,—подалъ голосъ одинъ изъ лоцмановъ,—а мой совѣтъ былъ-бы таковъ: потребовать... Насъ сколько человѣкъ? Пятеро... Такъ вотъ, чтобы ни для кого обидно не показалось, закажемъ горячаго пять порцій, жареной баранины пять и столько же коклетъ... А тамъ, управившись съ дѣлами, видать будетъ, чего еще спросить... Согласны?

За ближайшими столами улыбнулись, а одинъ изъ артели лоцмановъ, знакомый уже намъ молодой парень, ростомъ чуть не въ сажень, широкоплечій и здоровый, страшно испугался.

— Я не стану ѣсть убоины, сказалъ онъ и поблѣднѣлъ.

— Не пужайся, водоливъ, успокоивалъ парня Захаръ Семенычъ.—Нешь ты не видишь,—Трофимъ Максимычъ шутитъ? Такъ чего же мы закажемъ?

Остановились въ выборѣ на селянкѣ.

— На меня не заказывайте, тревожно опять заговорилъ богатырь:—я, право, не стану, господа... окромя калача и бутылки пива, ничего не буду...

— Горяченькаго-то похлебалъ бы? Который ужь ты день на сухомяткѣ томишься.

— Ничего... Проживу. Я и такъ немало въ путинѣ проѣлъ,—харчъ вездѣ дорогой сталъ, а заработки плохіе...

— Смотри, парень, отощаешь, — предостерегалъ лоцманъ. — Вѣдь у тебя и сичасъ въ чемъ душа держится: весь высохъ. Безпремѣнно у тебя чахотка!

— Ладно, смѣйтесь! говорилъ дѣтина, вскидывая своей большой головой съ густыми волосами цвѣта побурѣвшей соломы. — Вамъ хорошо толковать: сами надъ собой старшіе, а я—подъ началомъ у родителя... Тятя отпустилъ меня на промыселъ, а я возьми да всѣ деньги и прохарчь! Нешто это порядокъ? „Одно, скажетъ тятя, озорство, — вздуть тебя, дурака, чтобы памятно было".

Богатырь казался серьезно озабоченнымъ и, по окончаніи своей рѣчи, тяжело вздохнулъ.

— Ну, Христосъ съ тобою! махнулъ рукою лоцманъ Трофимъ Максимовичъ, видимо любившій пошутить,— освобождаемъ тебя. Помни только, что снисхожденіе это мы оказываемъ единственно родителя твоего ради: жалко старичка, потому — обезсилѣлъ бы онъ, принявшись дуть тебя.

Здоровый смѣхъ въ сермяжной публикѣ и фырканье мальчика-полового.

— Заказывай, Семенычъ!

— Вамъ чего требуется? спросилъ дожидавшійся приказаній мальчуганъ, стараясь не глядѣть на водолива.

Лоцманы заказали кушанье.

— А мнѣ, паренекъ, ситничекъ... небольшой, фунтиковъ въ пятокъ,—уныло проговорилъ дѣтина.

Мальчикъ не вытерпѣлъ, прыснулъ со смѣха и убѣжалъ.

Новые гости. У буфета пріостановился сухой и высокій мужикъ съ черной бородою и такими же черными, спутанными на головѣ, волосами. За нимъ, словно прячась отъ кого, прижался къ дверному столбу другой, закрываясь лохматою шапкою.

— Здорово, красавица! говоритъ первый.

— Здравствуй, Поликарпъ Власьичъ!

— Навѣдать тебя пришли... Больно ужь мы съ Потапычемъ-то соскучнились, безъ мала недѣлю не видамшись съ тобою.

— Спасибо.

— Ей-богу, право! День-два не повидаешь, такъ вотъ такъ и тянетъ въ Отраду... Ровно ты приколдовала насъ къ себѣ... Особливо у меня Потапычъ: «подёмъ къ Миколавнѣ, подёмъ»! Словно малый ребенокъ соски проситъ. Дюже онъ тебя жалѣетъ, Наталья Миколавна! Право, ей-Богу!

Мужичекъ, стоявшій у столба, все время разговора старательно закрывался шапкой.

— Да гдѣ же онъ, Поликарпъ Власьичъ? спросила прикащица, не замѣчая присутствія таинственной личности, скрывавшейся за столбомъ.

Потапычъ окончательно спряталъ лицо свое въ шапку.

— Вправду, куда-жъ онъ дѣвался? быстро повернулъ голову Поликарпъ Власьевичъ.—Да вотъ-же онъ!.. Ты что схоронился? Чай, не хмѣльной!

— Здѣсь я, родимая, здѣсь! проворно выскакивая изъ своей засады, говоритъ Потапычъ. — Ты ужь не обезсудь насъ!.. Глупые вѣдь мы, пра, глупые... Вотъ онъ, Власьичъ, умный,—кладъ искать ходилъ, а я дома на печи пролежалъ.

Наталья Николаевна вопросительно посмотрѣла на черноволосаго мужика.

— Ходилъ, матушка, быстро заговорилъ мужикъ.—Не потаюсь... Прямо тебѣ скажу: ходилъ. Сама знаешь, скрытности во мнѣ никакой нѣтъ...

— А я полагала, что ты ужь на пароходѣ или на бѣлянахъ...

— Что нонѣ бѣляны, матушка? Невидимый ихъ выдумалъ, и лѣсному *) на нихъ только ходить... Одинъ раззоръ... Притомъ, жели говорить тебѣ всю правду, мы не зря, у насъ вѣрный человѣкъ... Онъ по книгамъ, родимая.

— Ничего не понимаю... Ты лучше мнѣ скажи, чѣмъ кончилъ ѣло волостной судъ?

Появленіе у буфета половаго прервало разговоръ. Мужикъ воспользовался этихъ случаемъ.

— Не стану тебѣ мѣшать, красавица! Мы вѣдь съ Потапычемъ по дѣльцу зашли... Надо потолковать... Снимайся, Потапычъ: ишь, тамъ есть свободное мѣсто!

Пріятели раздѣлись.

— Такъ когда же ты разскажешь? на ходу спрашивалъ Потапычъ.

— Подожди. Выищемъ сперва мѣсто... сядемъ... Э, да никакъ тутъ всѣ знакомые, съ верховьевъ!

— А, Поликарпъ Власьичъ!..

— Господамъ командирамъ, останавливаясь передъ столомъ, торжественно началъ Поликарпъ Власьевичъ, поочередно подавая каждому изъ лоцмановъ огромную, съ растопыренными пальцами, ручищу:—Захару Семенычу... Трофиму Максимычу... Силантью... по отечеству забылъ, извини, послѣ вспомню... Ермилѣ Кириличу... Добраго здоровья, господа! Какъ васъ Господь Богъ милуетъ, весело-ли до нашихъ мѣстовъ путинку совершили и какъ давно въ Отраду припожаловали?

— Да будетъ тебѣ комедіанить-то! перебили за столомъ. — Присаживайся къ намъ, что-ли?

— Я—не одинъ, съ товарищемъ... съ мужичкомъ...

— Садитесь: мѣста за столомъ для обоихъ хватитъ.

— Не постѣснитесь? обратился онъ съ вопросомъ къ столу.

Напрасно стыдливый мужичокъ, по прежнему закрываясь шапкою, подавалъ жестами и глазами какіе-то знаки, понятные только для одного Поликарпа Власьевича.

— Садись, Потапычъ!.. Да ты чего туда показываешь? Не опасайся! Не услышитъ... Буфетъ далеко...

Пріятели, наконецъ, усѣлись. Потапычъ чего-то все конфузился, поминутно ежился и глядѣлъ по сторонамъ. Зато Поликарпъ Власьевичъ, наоборотъ, расположился, какъ у себя дома, и, не теряя даромъ времени, немедленно отдалъ приказъ.

---

*) *Невидимый* и *лѣсной*—представители нечистой силы, черти.

— Малецъ!.. двѣ бутылочки...

Въ это время, передъ лоцманами поставили громадную миску, отъ которой распространился по всему столу пріятный запахъ селянки, возбуждающій въ здоровыхъ людяхъ сильный апетитъ. Водоливъ, убирая за обѣ щеки ситникъ, тяжело вздохнулъ. Лоцманы, для большаго удобства скинули, съ себя поддевки, перекрестились и дружно принялись за работу.

— Помогай вамъ Богъ, кушайте на здоровье,—пожелалъ Власьевичъ,—а мы съ Потапычемъ свое дѣло станемъ править. Обѣ, сынокъ, откупорь! приказалъ онъ мальчику, явившемуся съ пивомъ, и тотчасъ же налилъ стаканы.—Принимайся, другъ Нилъ Потапычъ! Съ прошедшимъ ангеломъ твою милость поздравляю! Ты когда, вчера былъ именинникъ-то?

— Третьеводни, въ праздникъ Миколы.

Водоливъ опять вздохнулъ. Захаръ Семеновичъ, мелькомъ взглянувъ на вздыхающаго дѣтину, проговорилъ:

— Похлебай съ нами!

— Нѣтъ, что ужь... спасибо: я еще ситникъ не доѣлъ.

Поликарпъ Власьевичъ, сидѣвшій насупротивъ, устремилъ в водолива свои быстрые каріе глаза.

— Гляжу я, господа, на этого съ вами молодца, что̀ я з Силантья принялъ, заговорилъ онъ,—а сколько я признать н стараюсь,—положеніе его лица мнѣ незнакомо.

— Онъ впервой съ нами ѣдетъ. Водоливъ, изъ вятскихъ. Ми китой его зовутъ.

— Потому-то я и не призналъ его! Ну, коли такъ, будем съ тобой знакомы, паренекъ, — и Власьевичъ протянулъ через столъ руку водоливу.

Поликарпъ Власьевичъ чуть не обомлѣлъ, когда паренекъ п далъ ему свою: рука водолива оказалась вдвое больше и здоров руки самого Власьевича.

— Н-ну, ручка!.. Отродясь этакой не привидывалъ... Да теб скажи, колькій годъ, дѣтинушка?

— Девятнадцать на исходѣ.

— Только?! Ребенокъ еще, значитъ, какъ есть, дитё настоящее... Что жъ изъ тебя выдетъ, когда ты въ года войдешь, силам окрѣпнешь!

— Не вѣдаю, — простодушно отвѣтилъ богатырь и вздо нулъ.

Потаповичъ не то со страхомъ, не то съ уваженіемъ глядѣл на молодаго силача. Лоцманы между тѣмъ сосредоточенно ѣли не обращали никакого вниманія на остальныхъ собесѣдников

хорошо, вѣроятно, памятуя, что дѣло съ бездѣльемъ добрые люди никогда не мѣшаютъ.

— А, должно, скусно, что̀ вы ѣдитё? промоявилъ, погодя, водоливъ, посматривая на „старшихъ“ и какъ будто раздумывая о чемъ.

— Аль удумалъ себѣ порцію заказать? отозвался веселый лоцманъ.—Требуй, кушанье первый сортъ!

— Да что ужь!.. вы кончаете, а одному какъ-то не въ охоту... Вотъ нешь после васъ ложка-другая останется, я хлебну... скусъ чтобъ узнать.

Лоцманы переглянулись.

— Власьичъ, тихо и нерѣшительно заговорилъ Нилъ Потаповичъ,—когда же ты... Про кладъ-то мнѣ разскажешь?

— Погодь, повремени малость! Выпей доколича стаканчикъ!

— Ну, водоливъ, бери! сказалъ Захаръ Семеновичъ.—Отодвигай миску-то къ себѣ.

— Ситника у тебя осталось, а ложку тебѣ даромъ подадутъ! прибавилъ лоцманъ-шутникъ.

— Да вы что же сами-то? неожиданно встрепенулся богатырь.—Вѣдь я сытъ... Мнѣ только скусъ испробовать, а то—нешь я хочу?.. Мальчужонка, принеси-ка мнѣ ложечку... деревянную!.. Да вы еще, може, отольете себѣ?—все больше оживляясь, говорилъ парень, вполнѣ уже завладѣвъ мискою, причемъ глаза его горѣли и мясистые мускулы лица вздрагивали отъ заранѣе предвкушаемаго наслажденія.

— Слава тебѣ, Господи! крестились лоцманы.—Теперь можно и пивцомъ побаловаться!

— Особливо послѣ этой селянки, лучше пива никакого другаго напитка желать нельзя, заявилъ Власьевичъ.—А такого пива, какое здѣсь подаютъ, ни въ Кузьмѣ-Демьянѣ, ни въ самомъ Нижнемъ мы не сыщемъ.

— Здѣсь чего ни спроси,—подадутъ хорошо, аттестовалъ заведеніе степенный лоцманъ.—А главное—честно, тихо, благородно...

— Такъ, такъ, батюшка, все хорошо, соглашался Потаповичъ.—Благодареніе Христу Создателю,—все хорошо и спокойно!..

— Поликарпъ Власьичъ,—да что я тебя не спрошу, по какой причинѣ ты нонѣ въ деревнѣ засидѣлся? Я полагалъ, что ты ужь давно въ ломцанахъ гдѣ ходишь...

— Случай такой выпалъ, остался...

— Дома большія дѣла, дома! мигая безцвѣтными глазами, отвѣчалъ за своего пріятеля Потаповичъ.

Лоцманы съ любопытствомъ посмотрѣли на Поликарпа Власьевича.

— Да чего мнѣ отъ васъ таиться, заговорилъ онъ, рѣшительно и быстро оглянувшись въ сторону буфета:—прямо вамъ скажу: нонче годъ кладовой... Не все же намъ на другихъ батрачить, пора и самимъ быть хозяевами.

Любопытство за столомъ увеличилось.

— Ну?

— Высокосъ нонче? Значитъ, самый онъ и есть кладовой годъ. Такъ въ книгахъ показано.

— Умная онъ у насъ голова, умная! хвалилъ сосѣда Потаповичъ, видимо переставшій уже дичиться.

— Что же ты ходилъ, али еще только сбираешься по кладъ-то идти? усмѣхнувшись, спросилъ шутникъ-лоцманъ.

— Ходилъ и опять пойду, отвѣчалъ твердо Власьевичъ:—Мы не зря, какъ прочіе ищутъ, а съ вѣрнымъ человѣкомъ, по книгамъ... Наобумъ тоже не станемъ дѣлать!

— Да ты про дѣло-то разсказывай: нашли кладъ?

— Нашли...

— Ну, такъ отчаливай!

— Любопытно бы тебя послушать, промолвилъ въ свою очередь и Захаръ Семеновичъ.

— Разскажетъ! увѣрялъ Потаповичъ.—Онъ мнѣ ужь обѣщался...

Потаповичъ заморгалъ отъ удовольствія глазами и склонилъ на бокъ голову, приготовляясь слушать.

— Обождите малость... Надо протащить стакашокъ!.. наливая себѣ изъ бутылки, сказалъ Поликарпъ Власьевичъ и проворно осушилъ стаканъ.

— Трое насъ выискались по кладъ идти: я, Василій Григорьичъ изъ деревни Паршихи и Ѳедосій Абрамовъ изъ Безногихи, началъ Власьевичъ. —Сперва надо было разыскать такого человѣка, проходимца, который бы слово зналъ—безъ такого человѣка лучше и не ходи: занапрасно только время и трудъ потратишь. Весь постъ великій разыскивали—на Ѳоминой напали на человѣка: изъ швецовъ, мѣщанинъ городской...

— А вы-бы на Межу прямо, перебилъ насмѣшникъ:—тамъ что ни изба, то колдунъ, либо колдуниха *).

— Мы почище нашли, чѣмъ на Межѣ: такой проходимецъ,—ума помраченье!—всѣ до одного клады по нашей сторонѣ знаетъ. По книгамъ, записи у него такія есть... „Я, говоритъ, поведу васъ

*) Межа—рѣка.

а старинный кладъ—новые не стоитъ и трогать, пустяшные кла-
ишки, а этотъ настоящій кладъ; о немъ, помимо меня, никто
не слыхивалъ. Я по книгамъ дошелъ. Вотъ я прочитаю вамъ".
Доталъ изъ подъ подушки, на коей сидѣлъ, книгу въ оленьей
ожѣ и разогнулъ.—„Умѣете грамотѣ?"—Нѣтъ. „Вотъ это самое
ѣсто,—читалъ намъ проходимецъ,—протекли двѣ рѣчки (слова три,
идно, пропустилъ)... Гдѣ сошлися, тамъ урывъ. Отъ краснаго
уба пятьдесятъ саженъ. Могильничекъ... Камень. На камени—
опыто... Поняли?"—Смекаемъ: на этомъ самомъ мѣстѣ должно
ежать кладу.—„Отгадали. Во время полона татарскаго, на семъ
ѣстѣ невѣрный царь бусурманскій, по имени Евкзилай ханъ,
крылъ отъ непріятеля священные сосуды, литыхъ изъ серебра
идоловъ и пять боченковъ съ золотомъ, а для примѣты положилъ
амень и поверхъ онаго копыто"...

— Это такъ въ книгахъ показано?

— Въ книгахъ. Я нарочно и затвердилъ, чтобы послѣ не за-
ыть... Ладно. Уговорились. Проходимецъ назначилъ третью *пят-*
ницу. „Она, сказалъ онъ, помощница въ этихъ дѣлахъ"... Свѣдали
про нашъ замыселъ кой-кто изъ постороннихъ: „возьмите и насъ
съ собою!" просятся.—Ну, подемте. — Стали они собираться...
Узнали про это бабы—къ мужикамъ своимъ: „Вы что прохлаж-
даетесь?—напустились,—добрые люди вонъ по клады собираются,
а вы на боку лежитѣ?" Принялись браниться... „Вставайте,
ежни!.." Мужики послушались. Набралось народу человѣкъ со-
рокъ... Тронулись. Кладовщикъ намъ говоритъ: «Смотрите, чтобы
никакой перечки, а особливо непотребныхъ словъ не было: все
дѣло испортите". Верстъ пятнадцать прошли. „Погодите! оста-
новилъ проходимецъ:—давайте закусывать". Сѣли въ одинъ кругъ,
развязали мѣшки съ хлѣбомъ и принялись закусывать... Вдругъ
къ-подъ толстой ели вылетѣлъ тетеревъ и давай въ кругу летать!
Мужики побросали хлѣбъ и давай за тетеревомъ бѣгать, кидать
въ него, чѣмъ попало! А тетеревъ покружился, покружился да и
ать подъ ту-же ель спрятался. Только что было вдругорядь
ѣлись,—выскочилъ заяцъ, а мужики давай опять гоняться, ло-
ать зайца да браниться... Мы трое, съ проходимцемъ, ѣдимъ и
ъ мѣста не двигаемся. „Ну, говоритъ онъ, — не видать этимъ
ужикамъ клада"!..

— Прогнѣвили его, значитъ, чѣмъ нибудь?..

— Бранились... дурными словами бранились, а онъ строго за-
ретилъ... Пошли дальше, стали подходить къ настоящему мѣсту,
дѣ кладъ лежитъ. Двѣ рѣчки, красный дубъ, все какъ въ книгѣ
оказано... Видимъ: урывъ, зіяетъ на полянкѣ камень.

— А копытцо-то, Власьичъ?

— На своемъ мѣстѣ, Потапычъ!.. Да ты слушай, не перебивай...

— Слушаю, Поликарпъ Власьичъ! не стану, батюшка, не стану...

— Ночь подоспѣла. Мѣсто дикое, незнамое, рѣчки нешь такъ говоркò шумятъ... „Надо переправляться, говоритъ кладовщикъ:— это самое и есть мѣсто. Двѣ рѣчицы, гдѣ сошлися, тамъ урывъ— видите? а вонъ и камень зіяетъ". Перекрестились и въ рѣчку; глыбко, выше брюха хватало, а, мѣстами, по самое горло доходило... Ничего, все слава Богу, благополучно перебрались на берегъ,— одёжа только вся намокла. Полянышка, гдѣ могильничекъ—камень... По близости разложили теплину, пообсушились немного. „Здѣсь мы ночуемъ, сказалъ намъ вожакъ.—Кладъ ближе полуночи не покажется, а послѣ и отдохнуть, чай, захочется. При себѣ я оставлю трехъ человѣкъ, а вы ступайте въ лѣсъ дровъ набирать, да смотрите, чтобы не браниться. Вотъ я выберу вамъ старосту, а вы должны во всемъ его слушаться, что онъ ни прикажетъ дѣлать". Выбралъ онъ имъ старосту—Антина съ Свиной ноги, и велѣлъ съ нимъ идти. Мужики не перечили, согласно всѣ за Антипомъ повалили.

— Какъ только мужики ушли, проходимецъ велѣлъ намъ желѣзными лопатками окапывать камень, а самъ вынулъ книгу и началъ ею по сторонамъ махать да какія-то слова говорить... Часъ мы копаемъ, а мужики изъ лѣсу нейдутъ, другой копаемъ—никто не появляется. Проходимецъ зажегъ свѣчу, приказалъ намъ работу покончить и стать у теплины. Разложилъ передъ собою книгу. „Слушайте, научаетъ насъ:—я буду теперь читать, а вы стойте и глядите на камень, не спускаючи глазъ; до трехъ разъ я скажу: преклоните колѣна—и вы каждый разъ на колѣни становитесь. Послѣ третьяго раза засвѣтится на камнѣ копыто и выдетъ изъ земли кладъ".—А какъ же безъ тѣхъ-то мужиковъ?.. Они, пожалуй, обидятся на насъ, что мы не обождали?—„Я нарочно ихъ услалъ, отвѣчаетъ:—отъ нихъ вредъ одинъ бы мы получили—они матершинники. Вотъ ужò увидите, какими они придутъ"... Ну, господа честные,—оборвалъ разсказъ Поликарпъ Власьевичъ:—теперь дозвольте пивца хлебнуть, въ горлышкѣ промочить.

— Выкушай, поощрилъ Потапычъ:—тебѣ это на пользу должно служить.

— А свѣча у проходимца какая была? задалъ вопросъ одинъ изъ лоцмановъ, который отличался необыкновенной молчаливостью и все время больше слушалъ, чѣмъ говорилъ.

— Свѣча непростая, Ермила Кирилычъ, значительно взглянувъ

на лоцмана, отвѣчалъ Власьевичъ.—Свѣча то у проходимца была—страшно и вымолвить, господа!—изъ человѣчьяго жира! почти шопотомъ добавилъ разсказчикъ.

— Такъ я и зналъ, проговорилъ Ермила Кирилычъ:—безъ этой свѣчи, по сказамъ, рѣдкій кладъ дается... Разрывъ-трава, вотъ, тоже дѣйствуетъ...

Власьевичъ устремилъ испытующій взоръ на лоцмана, хотѣлъ, что-то сказать или спросить, но веселый Трофимъ Максимовичъ помѣшалъ.

— На мель сѣлъ, сказалъ онъ.—Снимайся, Власьичъ, скорѣе, а то песками затянетъ. Упрись хорошенько шестами—живо сойдешь!

— Экій ты, Трофимъ Максимычъ, заноза, право слово, заноза! Съ тобою надо завсегда быть въ акуратѣ, а то какъ разъ на зубокъ тебѣ попадешь... Зажегъ проходимецъ эту свѣчу и принялся читать книгу, а мы встали и глядимъ на камень—свѣтъ отъ теплины ударяетъ въ него... Дошелъ до „преклоните колѣна“, мы—на земь, какъ приказали, а проходимецъ книгой своей опять замахалъ,—это онъ подземные вѣтры созывалъ—кладъ изъ земли выгнать. „Теперь подымитесь!“ Во второй разъ то же самое, а въ третій разъ, когда мы пали на колѣни,—видимъ, копыто на камени засвѣтилось и начало привздываться, а изъ-подъ самаго камня полѣзли на волю разныя животины: сперва черныя кошки да собаки, за ними—бѣлая корова, гнѣдая лошадь... Выходятъ другъ за дружкой гуськомъ и вокругъ камня становятся, а копыто знай все привздымается и полымемъ ужь пышетъ... Мы стоимъ, какъ вкопаные, никто ни гу-гу, а сердце стучитъ—кладъ сичасъ возьмемъ!.. Ждемъ, когда весь кладъ выдетъ, и проходимецъ крикнетъ: „Разсыпься, кладъ!“ Вдругъ—голоса, крикъ, брань... Мы не успѣли глазами моргнуть—все пропало, и лошадь, и корова бѣлая, и кошки, и копытцо свалилось, и гдѣ оно прежде было, тамъ опять и легло.

— Вотъ чудеса-то, братцы! Что же удалось-ли взять-то?

— Обождите. Идутъ наши мужики. Попойдутъ-попойдутъ да пріостановятся... Что такое? Ровно бы шубы гдѣ дубятъ? Да такъ гулко!.. Прислушиваемся... „Ты хочешь моей полосой завладѣть?—Нѣтъ, ты подожди на моемъ-то лугу свой колъ ставить!—„Безсемейный, а домъ у тебя большой: нешь это справедливо? У меня семь человѣкъ дѣтей, а живу я въ лачугѣ“.—Братцы, надо дѣлать по-божьи! „А вотъ мы те зададимъ, по-божьи! Въ лучшемъ полѣ захватилъ двѣ полосы!“—Батюшки свѣты! да вѣдь это мужики луга, дома и землю промежь себя дѣлятъ! Что они, съ ума

что-ли спятили?—„А вы поглядите-ка на нихъ“, смѣется кладовщикъ:—хороши-ли они къ намъ подойдутъ“!.. Подкинули мы хворосту, огонь вспыхнулъ и всю поляну освѣтило! Подходятъ мужики ближе къ теплинѣ, одинъ другаго тузятъ, за волосы таскаютъ, и ни на одномъ лица своего нѣтъ: всѣ избиты и въ крови!.. Увидали проходимца. „Вотъ онъ, мошенникъ. Связать его, подлеца!“—А проходимецъ:—„Не смѣете,—говоритъ:—правовъ не имѣете!..“—„Не имѣемъ? Такъ мы тебѣ покажемъ ихъ—у насъ свои права-то эти“, и съ кулаками наступаютъ.. Ну, ежели бы мы тутъ не уволокли проходимца,—трепку здоровую бы ему задали; ужь очень разсвирѣпѣли мужики!

— Значитъ, кладъ-то вы ужь послѣ взяли, когда мужики весь раздѣлъ покончили? полюбопытствовалъ Трофимъ Максимовичъ.

— Нѣтъ, кладъ остался на своемъ мѣстѣ.

— Да вѣдь ты сказалъ, что вы нашли его?

— Мало нашли,—видѣли, но помѣшали мужики, стали браниться, онъ и скрылся.

— Гм! На повѣрку выходитъ, кладъ этотъ на водѣ вилами писанъ.

— Э, не смѣйся, Трофимъ Максимычъ! Ужо, недѣльку али двѣ спустивши, услышишь, какой это былъ на водѣ кладъ вилами писанъ.

— Разѣ взаправду опять думаешь?..

— Безпремѣнно!

— Въ добрый часъ!

Съ рѣки въ это время раздался протяжный свистокъ.

— Никакъ „Самолетъ“ прибѣгъ? Да какъ онъ въ туманѣ пробрался? Отчаянный народъ эти капитаны!

— Ко времени поспѣшаютъ. И то пароходъ запоздалъ противъ росписанія!

— Вѣрно туманъ задержалъ; нельзя было шибко бѣжать.

— Поликарпъ Власьичъ! заговорилъ Захаръ Семеновичъ:—что же вамъ проходимецъ-то этотъ обѣщался кладъ достать?

— Безпремѣнно!.. Мы и въ тотъ разъ взяли бы его, ежели бы наши галманы, мужики, не помѣшали... Теперь мы ужь одни, человѣкъ съ пятокъ не больше, пойдемъ, тогда навѣрняка получимъ... Кладовщикъ нашъ все лѣто не отстанетъ—будетъ съ нами ходить.

— А тѣ, что дѣлились-то, ничего ужь на свой пай отъ васъ за труды свои не получатъ? не унимался Трофимъ Максимовичъ.

— Они, что имъ слѣдуетъ, должны седня получить.

— Какъ такъ?

— Да такъ. На обратномъ пути, сдуру-то, уряднику на глаза попались. Тотъ разспросилъ да въ волость и далъ знать. Сегодня ихъ всѣхъ на судъ вызвали.

— За что?

— За буйство и драку въ непоказанномъ мѣстѣ...

— Такъ и тебѣ бы, чай, надо явиться?

— Насъ не вызывали — мы не дрались.

Въ заведеніе ввалила толпа матросовъ съ только прибѣжавшаго парохода.

— Миколавна! Добраго здоровья,— послышались голоса:—Всели ты слава Богу? Вотъ тебѣ отъ нашей артели рыбки-стерлядки...

— Не надо, что вы?..

— Нѣтъ, ты ужь прими, не обижай насъ! Мы тобой завсегда много довольны... Мы тоже чувствуемъ. Прими, сударка!

Наталья Николаевна Розанова была дочь сельскаго священника. Матери своей она не помнитъ, а отца лишилась, будучи еще одиннадцатилѣтнею дѣвочкой: онъ умеръ отъ удара послѣ храмоваго праздника. Благодаря участію добрыхъ людей и, въ особенности, помѣщика Оголина, хорошаго знакомаго ея отца, она была принята въ одно изъ учебныхъ заведеній для дѣвицъ-сиротъ духовнаго званія, гдѣ окончила курсъ и, прямо со школьной скамейки, поступила на мѣсто гувернантки въ домъ богатаго лѣсопромышленника, купца Плѣшанова, недавно пріобрѣвшаго, по сосѣдству съ Оголинымъ, прекрасное имѣніе со старинпымъ барскимъ домомъ и великолѣпнымъ садомъ. Человѣкъ полуграмотный, но постоянно, въ теченіе многихъ лѣтъ, тершійся около «господъ», онъ пожелалъ дать образованіе своимъ дочкамъ.

— Нонича такое время,—говорилъ купецъ своей «дражайшей» половинѣ:—безъ образованности никакъ невозможно: ни одинъ богатый женихъ не возьметъ за себя какую нибудь дуру, непропёку. Надобно нашихъ дѣвокъ отшлифовать: на фортопьянахъ чтобы умѣли играть и по французкому говорить. Тогда другая цѣна товару будетъ.

Супруга сперва было испугалась при мысли, что въ домъ войдетъ *гувернантка*: „новые порядки, пожалуй, вздумаетъ заводить“ шевельнулось въ ея головѣ; но скоро, однако, успокоилась, подумавъ, что ежели ужь *самъ* чего захотѣлъ, то, значитъ, тому такъ и быть слѣдуетъ.

— Знамо дѣло, выразила свое мнѣніе купчиха: — безъ французскаго и фортопьяновъ не обойдешься: поньче вездѣ ужь такая мода заведена.

Купецъ обратился съ просьбою къ сосѣду, «барину» Оголину, откуда-бы выписать ему для «непропёкъ» своихъ гувернантку; тотъ рекомендовалъ Наталью Николаевну Розанову.

Три года гувернантствовала молодая дѣвушка въ купеческомъ домѣ. Отъ природы добрая и умная, она съ любовью принялась за дѣло, много занималась съ своими воспитанницами и старалась возбудить въ нихъ умственные интересы. Со вниманіемъ и почти материнской особенной заботливостью слѣдила гувернантка за успѣхами пшеничныхъ «барышень», изъ которыхъ одной исполнилось уже четырнадцать лѣтъ, а другой одиннадцать. Каждый разъ, когда она замѣчала осмысленное выраженіе на лицѣ дѣвочекъ или слышала толковый сознательный отвѣтъ ученицы, сердце ея наполнялось чувствомъ невыразимой радости. И гувернантку полюбили въ домѣ: барышни привязались къ ней за то, что Наталья Николаевна „милая“, и что у нея учиться хорошо; мамаша цѣнила въ мамзели скромность и «уважительность». По французскому умѣетъ и на фортопьянахъ играетъ, а не гордіанка, носу передъ нею, Маланьей Андреевной, не задираетъ и дѣвокъ до худобы не доводитъ; папаша былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что у „непропекъ“ есть гувернантка, что дѣвки по-французски и музыкѣ учатся,—стало, шлифуются,—а больше онъ ничего и не требовалъ отъ мамзели.

Каждый годъ, на лѣто, въ имѣніе Оголина пріѣзжалъ его двоюродный братъ, студентъ московскаго университета. Какъ сосѣдъ, онъ часто бывалъ въ домѣ Плѣшанова. Въ деревнѣ, какъ и на дѣлѣ, люди скоро знакомятся. Познакомились скоро и студентъ съ гувернанткою. Часто они, вмѣстѣ съ купеческими барышнями, ходили съ удочками на рѣку, гуляли въ тѣнистыхъ вѣковыхъ аллеяхъ сада, весело болтали, смѣялись и хохотали до упаду. Иногда, среди всеобщаго молодаго смѣха, студентъ вдругъ заводилъ рѣчь о литературѣ — онъ страстно любилъ литературу, и любилъ всегда о ней поговорить. Барышни моментально затихали, гувернантка становилась серьезною — и внимательно слушала увлекающагося студента...

Наталья Николаевна слушала, но возражать не могла: она мало была знакома съ современной литературою.

Горячія рѣчи юноши западали въ ея воспріимчивую душу, и она, по отъѣздѣ студента, старалась прочитать всѣхъ авторовъ, о которыхъ онъ говорилъ. На радость дѣвушки, у старшаго Ого-

оказались къ ея услугамъ цѣлая библіотека, журналы и га-
. Все свободное отъ занятій время Наталья Николаевна по-
дала чтенію; она многое перечитала, а еще больше переду-
, перечувствовала... Въ слѣдующія два лѣта, когда пріѣзжалъ
ентъ Оголинъ, дѣвушка высказывала ему свои взгляды и мысли;
ду ними, по временамъ, поднимались жаркіе споры; случа-
, и не разъ, что студентъ признавалъ себя побѣжденнымъ; но
ушка настолько была умна, что особеннаго значенія не да-
этимъ побѣдамъ: она понимала, что Оголинъ соглашался
ею не потому, чтобы признавалъ болѣе вѣрными ея взгляды,
ъ свои, но что самъ онъ, вслѣдствіе постоянной внутренней ра-
надъ собою, не стоялъ на одномъ мѣстѣ, а шелъ впередъ.
Такъ прошли три года. Наталья Николаевна занималась съ
ьцами, читала и изрѣдка переписывалась со студентомъ Ого-
имъ. Когда онъ въ послѣдній разъ простился съ нею и уѣхалъ
Москву, она почему-то вдругъ почувствовала себя одинокою,
ней стало пусто душѣ... Въ дѣвушкѣ, незамѣтно для
самой, сказалось молодое сердце; жажда любви, личной
ни и счастья проснулась и охватила все ея существо.
ь она еще не жила для себя: дѣвочкою она только училась,
нерь сама учить... Когда же придетъ *настоящая* жизнь? «А
ужь двадцать два года!» промелькнуло въ ея головѣ... Но
— безпріютная сирота, никому ненужная гувернантка... Неу-
ли ей, бѣдной дѣвушкѣ, нельзя любить, неужели восторгъ и
ніе, все, чѣмъ только красится жизнь человѣка, должны
егда затаиться въ молодой душѣ и замереть?..
Пришла весна. Въ концѣ мая пріѣхалъ студентъ Оголинъ.
оровавшись съ братомъ, онъ наскоро переодѣлся и побѣ-
ъ въ домъ Плѣшанова. Наталья Николаевна ждала его на крыль-
Въ кисейномъ бѣломъ платьѣ, перехваченномъ въ таліи ши-
ой голубой лентой, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и гла-
, полными выраженія любви и какой-то дѣтской стыдливости,
ѣтила она студента. Молодой человѣкъ радостно кинулся къ
ушкѣ, схватилъ ея дрожащую руку и остался неподвижнымъ отъ
орга...
Прекрасная пора наступила для дѣвушки. Она любила и
любима!.. Ночью, когда въ домѣ купца Плѣшанова всѣ
ли крѣпкимъ сномъ, они видались въ саду, проводили вдвоемъ
ие часы и много говорили. Оголину всего годъ оставалось
ыть въ университетѣ: онъ былъ медикъ и теперь переходилъ
ятый курсъ. По окончаніи курса онъ хотѣлъ пріѣхать на ро-
у и занять мѣсто земскаго врача.

— Въ столицѣ нашему брату дѣлать нечего, говорилъ онъ, тамъ не для дѣла работаютъ, а для карьеры, наживы, — лю науки я не включаю въ число этихъ господъ. Простой врачъ, моему, долженъ служить въ земствѣ: пусть люди таланта н науки остаются *тамъ*, хотя и этого не должно бы быть, а м скромные труженики, будемъ работать *здѣсь*, среди мужико

— Какъ бы это было хорошо, мой милый!

— Вѣдь у насъ только говорятъ о „благѣ" народа,—раз валъ свою мысль Оголинъ,—а сдѣлать что-нибудь для наро охотниковъ мало. Быть земскимъ врачемъ или учителемъ въ се ской школѣ, по мнѣнію тѣхъ, которые больше и громче всѣхъ ворятъ о народѣ,—это палліативы, толченіе воды въ ступѣ... по моему, вотъ это-то и есть настоящее истинное дѣло, за котор прежде всего должны ухватиться хорошіе люди. Надо помо мужику, чѣмъ ты можешь, и спасти хотя будущее-то поколѣніе о гибельныхъ послѣдствій невѣжества.

Дѣвушка крѣпко жала его руки и вся прильнула къ нему.

Чуднымъ, свѣтлымъ мгновеніемъ пропеслось для молоды людей это послѣднее лѣто. Еслибы въ жизни Натальи Никола ны оно никогда и ни разу больше не повторилось,—она не с ла бы ужь жаловаться на судьбу: одно мгновеніе человѣческа счастія испытала дѣвушка, но это мгновеніе было такъ прекрасно полно, что оно будетъ всегда свѣтить ей и согрѣвать всю ея жизн Судьба на дары скупа, и только избранныхъ своихъ награждае всѣми благами и продолжительнымъ счастіемъ. Гувернантка зн ла это, и личныя ея требованія не простирались далеко. Но и будущее улыбалось, впереди предстояло еще такъ много хор шаго: студентъ Оголинъ, дорогой, ненаглядный ея Митя, обѣщал по окончаніи курса, идти съ нею подъ вѣнецъ...

Уѣхалъ Дмитрій Оголинъ...

Три мѣсяца вели они другъ съ другомъ переписку. Она п сала съ каждою почтою, онъ—черезъ почту и рѣже: у него бы много работы: сдавалъ экзамены. Но каждое письмо Дмитрія бы исполнено глубокаго чувства къ любимой дѣвушкѣ, теплоты се дечной и розовыхъ надеждъ. Но вдругъ переписка прервалас ни на одно изъ послѣднихъ писемъ не было отвѣта отъ студент Мѣсяцъ прошелъ—нѣтъ писемъ... Старшій Оголинъ самъ написал брату, но отвѣта тоже не послѣдовало. Наконецъ, пришло пис мо, но не отъ Дмитрія, а отъ одного изъ его друзей; содержан письма было немногосложно: „Два мѣсяца тому назадъ, ваш братъ, студентъ Оголинъ, изъ Москвы неизвѣстно куда выбыл

Ужасъ, отчаяніе овладѣли бѣдной дѣвушкою... Она хотѣ

ѣхать въ Москву, разспросить тамъ знакомыхъ и попросить добрыхъ людей помочь ей отыскать Дмитрія. Старшій Оголинъ старался убѣдить дѣвушку въ безполезности поѣздки, всячески успокоивалъ ее и сказалъ, что онъ самъ поѣдетъ въ Москву.

Обстоятельства между тѣмъ усложнились... Наталья Николаевна должна была оставить мѣсто гувернантки и переѣхать въ ближайшую деревеньку, на квартирку къ земской акушеркѣ... Изъ Москвы Оголинъ вернулся, но съ тѣмъ же, съ чѣмъ и уѣхалъ: онъ ничего не могъ узнать о своемъ братѣ... Наталья Николаевна вскорѣ заболѣла... Нравственныя муки и горе ея были такъ велики, что молодой и здоровый организмъ не вынесъ: у нея преждевременно явился ребенокъ, который на другой же день и оставилъ свѣтъ.. Болѣзнь несчастной матери приняла угрожающій характеръ. Жизнь уже боролась со смертью, какъ неожиданно пришло письмо. „Я назначенъ въ Томскую губернію. Здоровъ. Не отчаявайся. Жди меня черезъ три года“... Дальше еще нѣсколько словъ и подпись: «Дм. Оголинъ».

Эти немногія строки воскресили Наталью Николаевну. Старшій Оголинъ, незадолго передъ этимъ событіемъ, открылъ вблизи пристани чайную, съ цѣлью отвлечь мужиковъ отъ кабака. Дѣло не пошло, и прикащикъ оказался никуда негоднымъ, да и посѣтители не удовлетворялись однимъ чаемъ. Тогда онъ попробовалъ сдѣлать еще попытку: открылъ трактиръ, но безъ продажи водки и вина. Веденіе этого дѣла онъ теперь и предложилъ Натальѣ Николаевнѣ; она охотно согласилась и явилась за буфетомъ. Сначала „Красный теремокъ“ посѣщали одни сгонщики, бурлаки и лоцманы; но мало по малу стали въ трактиръ заглядывать и крестьяне сосѣднихъ деревень, ходившіе часто по сосѣдству въ кабакъ. Въ годъ, всѣ такъ освоились съ новымъ «заведеньицемъ», такъ оно пришлось имъ по «вкусу», что многіе перестали ходить въ кабакъ и отправлялись прямо въ „Красный теремокъ“. Главное, что̀ сюда привлекало лѣсопромышленниковъ, — была Наталья Николаевна; она ласково съ ними бесѣдовала, входила въ ихъ интересы, давала бабамъ лѣкарства отъ разныхъ недуговъ и вообще относилась къ нимъ тепло, по человѣчески. Это почувствовали мужики, они проникнулись такимъ уваженіемъ къ прикащицѣ, что самые несуразные подчинялись ея вліянію и стыдились приходить пьяными. Бабы души не чаяли въ «Миколавнѣ», звали ее своимъ „ангеломъ хранителемъ“; мужики изъ „теремка“ всегда домой возвращались здоровыми и никогда не буйствовали. А въ случаѣ чего, бабы пожаловались бы Миколавнѣ; тогда мужикамъ и глазъ ужъ лучше не показывать въ „теремокъ“.

„Отрада у насъ, а не трактиръ", говорили и свои, и проѣзжіе мужики про „Красный теремокъ".

Въ два года популярность Натальи Николаевны достигла обитателей всего лѣснаго царства: ее знали и вологжане, и вятичи о ней говорили на Волгѣ и во всѣхъ городахъ и селеньяхъ, куда попадали бурлаки или лоцманы.

Въ послѣднюю зиму она брала къ себѣ деревенскихъ ребятишекъ и обучала ихъ грамотѣ. Наталья Николаевна живетъ въ этомъ деревенскомъ мірѣ и всецѣло ему отдана, живетъ его интересами; одна мысль о Дмитріи часто тревожитъ ее: живъ-ли онъ, здоровъ-ли? Письма отъ него она получаетъ такъ рѣдко, а за послѣдніе полгода и совсѣмъ не было вѣстей...

По прежнему «Теремокъ» полонъ народу, по прежнему въ комнатѣ свѣтло, пріютно, и оживленный разговоръ не смѣняется дикими и безтолковыми криками.

Туманъ на рѣкѣ замѣтно рѣдѣетъ и, время отъ времени, сквозь волнующіяся сѣдыя облака, выплываетъ блѣдный мѣсяцъ и заглядываетъ въ окна трактира.

Поликарпъ Власьевичъ задаетъ вопросъ насмѣшнику лоцману:

— Ты не отвиливай, Трофимъ Максимычъ! Скажи прямо: ты сумлѣваешься?

— Еще бы не сумлѣваться! находятъ, видятъ,—а въ руки никому кладъ не дается. Какая же тому причина? Вотъ ежели бы взяли, другой бы у насъ съ тобой разговоръ былъ!

— У насъ, въ Вятской губерніи, кладъ часто доставали, —вступился водоливъ.

— Вотъ видишь! обрадовался кладоискатель, а ты не вѣришь, сумлѣваешься.

— Вѣрно, подтвердилъ дѣтина,—нонѣ о Святой мужичокъ нашелъ кладъ, шелъ онъ въ свѣтлое воскресенье къ заутренѣ. Идетъ и видитъ, изъ лѣсу вышла женщина, вся въ бѣломъ.—Не надо-ли, говоритъ, мужичокъ тебѣ денегъ?—«Коли, говоритъ, не надо: дворинку бы переправить, по хозяйству кое-что изладить!»—Такъ пойдемъ, говоритъ, въ лѣсъ, я тебѣ денегъ дамъ.—Увидѣлъ мужичокъ котелъ въ землѣ, края вровень съ землей: полтинники, цѣлковые, крестовики накладены ребромъ. „Бери, — говоритъ,—сколько хочешь". Мужичокъ взялъ,—много-то не посмѣлъ. Съ деньгами воротился домой, и въ церковь не пошелъ: обрадовался ужъ больно! Это правда—истина.

— А ты своими глазами видѣлъ у мужика деньги? спро-

силъ Трофимъ Максимовичъ, и въ голосѣ его слышались не то недовѣріе, не то насмѣшливость.

— Какъ же! Мужичокъ изъ нашей деревни; онъ всѣмъ показывалъ деньги, и я видѣлъ.

— Ну, что, невѣръ! торжествовалъ Поликарпъ Власьевичъ:— налетѣлъ на камень!

— Ну, да это еще не важно, началъ было лоцманъ...

— Нѣтъ, Трофимъ Максимычъ, ты это оставь, — перебилъ Захаръ Семеновичъ;—что клады дѣйствительно водятся, такъ притѣръ на моей памяти былъ: страшно разбогатѣлъ одинъ мужичокъ отъ клада!

Власьевичъ даже на мѣстѣ подпрыгнулъ отъ восторга, а Потаповичъ замигалъ своими глазками и залепеталъ:

— Такъ, такъ, родимый! Всѣмъ извѣстно, съ кладовъ богатѣютъ люди.

— Долго разсказывать-то, а то бы я вамъ про этотъ кладъ все подробно разсказалъ, проговорилъ Захаръ Семеновичъ.

— Что ты говоришь! испугался Власьевичъ:—намъ еще сидѣть здѣсь ровно два часа осталось! Разскажи, Захаръ Семенычъ, чтобъ невѣръ нашъ пересталъ сумлѣваться!

— Разскажи, дядя! попросилъ водоливъ:—ты больно мастеръ говорить, любо тебя слушать.

Захаръ Семеновичъ подумалъ, разгладилъ свою бороду и тихонько откашлянулся.

— Дѣлу тому будетъ годовъ съ двадцать пять, а то, пожалуй и съ лишочкомъ, неторопливо и обстоятельно повелъ разсказъ степенный лоцманъ.—Да вотъ, когда волю объявили, — такъ, безъ чего нибудь за годъ до манифеста, наши всѣмъ обчествомъ по этотъ кладъ ходили... Такъ, вѣрно сказываю: я въ то время подросткомъ былъ, изъ лѣса бревна на свалъ вывозилъ... Про клады у насъ давно извѣстно, потому изстари отъ дѣдовъ и прадѣдовъ это идетъ, что не только въ нашихъ лѣсныхъ мѣстахъ, а по всей Рассеѣ кладовъ видимо-невидимо лежитъ, только въ руки они простому человѣку рѣдко когда даются: либо они заколдованы, либо на нихъ заклятье великое положено,—оттого день и ночь стерегутъ эти клады демоны,—у каждаго клада по лѣшему бѣсовъ приставлено. Чтобы изъ власти бѣсовской изнять кладъ и овладѣть имъ, надо имѣть особенное средство: у кого оно есть, тотъ и возьметъ кладъ... Разсказывали, и допрежде у насъ старики хаживали по кладовымъ мѣстамъ и находили, да только кладъ у нихъ изъ-подъ самыхъ рукъ убѣгалъ—средства

этого особеннаго не имѣли! А вотъ на моей памяти Матвѣю М
ричу, тоже нашей деревни мужичку, кладъ этотъ дался въ ру
— Значитъ, Митричъ при себѣ имѣлъ такое *средство*? сп
силъ Власьевичъ.

— Должно такъ... Жилъ на деревнѣ мужичокъ, что̀ называет
изъ послѣдняго вытягивался; помощниковъ—одна баба, а ѣдок
шестеро: самъ-другъ съ женою да четверо ребятишекъ малол
ковъ... По веснѣ каждый годъ нанимался плоты сгонять до уст
въ Козьмо-Демьянъ; принесетъ заработокъ, десять-пятнадц
рублей—подати въ контору заплатитъ. Вернулся разъ Митричъ
устья домой и разбогатѣлъ. Слыханное-ли дѣло, чтобы кто
нашего промысла разбогатѣлъ? А Митричъ въ гору пошелъ.
томъ, какъ слѣдуетъ по крестьянскому заведенію, работалъ:
покосомъ управился, хлѣбецъ снялъ, обмолотилъ... А по осен
обозначилось.

— Обозначилось?

— Глядимъ, послѣ Воздвиженья стали возить бревна, т
кирпичъ...„Куда?“спрашиваютъ.—„Къ Митричу“. Въ скорости пл
ники въ деревню пришли—артель человѣкъ въ двадцать... „
леко-ли Богъ несетъ?“—Да небольно далеко: вашъ Матвѣй М
ричъ домъ новый подрядилъ строить.—Не успѣли мужики об
зумиться, какъ на дворинѣ, гдѣ, перекосившись, старая избе
Митричева стояла, выросли двуэтажные хоромы на каменн
фундаментѣ, да такіе хоромы, что и въ городахъ не вездѣ у
дишь!.. На пасху Митричъ въ новый домъ перешелъ, а
Егорьевъ день, какъ стали бабы съ дѣвками изъ дворовъ скот
выгонять, такъ Митричевъ скотъ, почитай, всю улицу запрудил
Немного погодя, видятъ: въ полуверстѣ отъ деревни, на бер
рѣки, огромный срубъ плотники ставятъ, колеса мастерятъ—эта
махинищу—страсть! Митричъ ужь мельницу водяную строит
Откуда такое богатство мужику привалило? понять не могу
Правда, Митрича у насъ за колдуна почитали, потому—не
димый онъ какой-то былъ, отъ всѣхъ сторонился и мало
кѣмъ когда разговаривалъ... А какъ онъ разбогатѣлъ, по
ревнѣ молва и пошла: не спроста-де, отъ колдовства все
взялось... Однако Митричъ не скрылъ, самъ какъ разъ признал
„Кладъ, говоритъ, — мнѣ Богъ послалъ: съ него и ж
пошелъ!

— Гдѣ нашелъ его? спрашиваютъ.

— „Ну, про это, говоритъ,—вамъ не скажу“.

— Былъ у Митрича кумъ—такъ невзрачный мужичонко,
кто его и по имени не называлъ, а Маломощнымъ... Такой-то

продувной мужичонка, никакого лада съ нимъ не было! Матвѣй почему-то жаловалъ Маломощнаго. Разъ онъ, Маломощный, улучилъ добрый часъ да и говоритъ богатѣю: „Кумъ!.. Какъ бы ты я мнѣ... того... показалъ этакое мѣсто, гдѣ клады“... Поглядѣлъ богатѣй на бѣднаго мужика, подумалъ да и сказалъ:—Ладно. И, пожалуй, захвачу и на твою долю, какъ самъ пойду за деньгами. Спустя недѣлю-двѣ, зоветъ къ себѣ кумъ Маломощнаго. „Куда?“ — По кладъ.—Пошли... Дорогой богачъ и говоритъ:—Слушай, кумъ: кладъ этотъ возвратный. Сможешь-ли ты?—„Какъ возвратный?“—А такъ: я беру деньги осенью, а на другой годъ, по лѣту, уплачиваю, что̀ бралъ. Понялъ?—Опечалился мужичонка... „А въ вѣчность ты не можешь?“ спрашиваетъ.—Говорю: возвратный, на срокъ. Тебѣ на сколько времени?—„Коли на срокъ, такъ годковъ на пятьдесятъ“.—Не мели зря: на годъ дадутъ. Справишься-ли?—„Сдѣлай божескую милость, попроси хошь па десять!“—Не знаю, говоритъ,—на экій срокъ дадутъ ли. *Они* тоже жадные!.. Подошли кумовья къ оврагу, что̀ на задахъ деревни Казавонихи, подошли и остановились.

— „Ну, говоритъ богатѣй,—ты подожди меня тутъ, а я схожу, погодя вернусь.—Сказалъ—и самъ въ оврагъ... Пора хошь была ночная, но мѣсячная, далеко человѣкъ видитъ. Стоитъ Маломощный, зорко глазами за кумомъ слѣдитъ: видитъ, какъ тотъ по дну оврага шагаетъ и прямо направляется къ буграмъ. На этихъ буграхъ, ину пору, по ночамъ, огоньки, ровно свѣчки, теплятся—и по сейчасъ у насъ ихъ видаютъ. Скоро кладовщикъ изъ глазъ пропалъ. Маломощный ждетъ,—сильно разбирало его самому пойти за кумомъ, да заробѣлъ: чего бы, по новости-то, не случилось такого... Порядкомъ-таки ему пришлось стоять, дожидаючись кума; сколько разъ хотѣлъ повернуть оглобли да ко дворамъ: хотя и ничего такого не представлилось, но, безъ привычки что-ли, жутко становилось, и ознобъ по всему тѣлу у него заходилъ...

— „Вдругъ, разсказывалъ уже послѣ Маломощный,—по оврагу забѣгали огни, въ видѣ языковъ красныхъ, и кумъ Матвѣй лѣзетъ изъ оврага съ двумя мѣшками: одинъ, большой, на спинѣ тащитъ, а другой, поменьше мѣшокъ, въ рукѣ держитъ.

— „Все-ли благополучно?“ спрашиваю кума.

— Молчитъ, сердитый такой... Гляжу, а за нимъ изъ оврага два огненныхъ глаза и рыло какое-то—въ родѣ какъ бы свинаго... Угодникъ Плакида! чуть я тутъ отъ страха живота не рѣшился... А Матвѣй—ничего, обошелся, видно, опустилъ на земь мѣшки и говоритъ мнѣ:

— „Сколько тебѣ надоть? Десятью золотыми справишься?

— „А мнѣ до злата-ли ужь, отъ страха трясусь, бьетъ меня всего, зубъ на зубъ не попадаетъ, а языкъ, вотъ знай, какъ у полоумнаго:—дай, кумъ, сто золотенькихъ.

— „Ну, говоритъ Матвѣй,—больно ты жирно захотѣлъ. Вѣдь ты что—голь, взять съ тебя, кромѣ горсти волосъ, ничего не возьмешь, а съ меня взыскъ... страшный взыскъ, Маломощный!

— „Развязалъ мѣшочекъ, кой у него въ рукѣ поменьше былъ,—угодники Христовы! одни червонцы, новенькіе, точно съ молоточка, при мѣсяцѣ такъ и блестятъ... Инда сердце во мнѣ отъ жалости заныло!.. Матвѣй отсчиталъ десятокъ, и подаетъ мнѣ:—„Бери".

— „Я взялъ, а слезы, слезы у меня, ровно у невѣсты передъ вѣнцомъ, такъ и льютъ, такъ и льютъ,—потому вижу, что колдунъ мѣшочекъ-то ужь завязываетъ... Жалко,- что-ли, куму меня стало, али онъ въ этотъ разъ у чорта успѣлъ много заграбастать деньжищевъ, только, гляжу, принялся развязывать большущій мѣшокъ..!

— „На, говоритъ, тебѣ еще десятокъ рублевиковъ.

— „Кажется, легче бы мнѣ тутъ же, на мѣстѣ, сейчасъ лютую смерть принять, чѣмъ этакую прискорбность души перенести, когда онъ взвалилъ на себя оба мѣшка и повалилъ въ деревню!.. Чѣмъ онъ угодилъ, за что ему такое счастье привалило?.. А Матвѣй мнѣ дорогою, на обратномъ пути, и говоритъ:

— „Въ срокъ, ровно день въ день и часъ въ часъ, я долженъ возвратить деньги,—говоритъ.

— „А коли не вернешь"?

— Нельзя. Нудить станутъ.

— „Кто?

— А тѣ, у кого беру. За недѣлю, чѣмъ наступитъ пора, станутъ приставать: „отдай деньги, а то задушимъ"!..

— „Такъ вотъ оно что! подумалъ.

— „Смотри же,—Митричъ-то опять это мнѣ:—чтобы ни одна живая душа про мѣсто наше не вѣдала!

— Глядимъ: богатѣй нашъ лѣсосѣки у казны и помѣщиковъ снимаетъ. Зиму всю по лѣсамъ разъѣзжалъ, за вырубкой наблюдалъ, и къ сплаву столько бревенъ, тесу, балокъ наготовилъ, что даже помѣщики всѣ диву дались. Весной согналъ на Волгу, расторговался отлично и на Петровъ день къ домамъ воротился. Пріѣхалъ онъ только скучный такой... Чего бы, кажется, человѣку недовольнымъ быть? Денегъ—дѣвать некуда, домъ—полная чаша, мельница — на пять поставовъ, угодья разныя... А Матвѣй все ровно въ задумчивости какой ходитъ, въ лицѣ такая печаль, и самъ вздыхаетъ — нѣтъ-нѣтъ да и вздохнетъ... Д

-то тяжело вздыхаетъ, словно на немъ гора какая лежитъ, его давитъ что̀! Стали примѣчать перемѣну въ богачѣ, а ни- въ толкъ себѣ не возьметъ: съ чего мужикъ тоскуетъ? Пой-, бывало, на свою мельницу, не дойдетъ до плотины и по-титъ назадъ.

— „Что ты, Матвѣй Митричъ, воротился? спроситъ его кто встрѣчныхъ.—Али что дома позабылъ“?

— „Да, позабылъ“, отвѣтитъ этакъ нехотя, и не пріостановится, ъ дальше.

— Повстрѣчаетъ его мужикъ, пріѣдетъ домой и разскажетъ; трѣчаетъ другой—и тоже разскажетъ... На мельницѣ работа итъ, всѣмъ дѣломъ ворочаетъ одинъ мельникъ, а хозяинъ и ь ничего не хочетъ, словно до него не касается (нажился, ывали, за это время мельникъ—страсть какъ!). Для всѣхъ ь стало, что съ Матвѣемъ неладное что-то дѣется; а разспра-ать у него опасались—мужикъ богатый, неровенъ часъ, мол-ь слово, да и спохватишься... Домашніе тоже спросить не отъ—сурьезный человѣкъ, взглянетъ изъ-подъ своихъ густыхъ ыхъ бровей—однимъ взглядомъ поразитъ. Только Маломощ-по тайности, сосѣдямъ повѣдалъ про кума.

— „Кладъ, говоритъ,—не даетъ спокоя Матвѣю. Прытко ну- его: „отдай деньги, отдай, а то задушимъ!“ денно и нощно питъ кумъ.

— А ему не охота, что-ли, отдать?—спрашиваютъ.

— Кто жъ его знаетъ! Сказывалъ, росту требуютъ за трид-годовъ: у *нихъ*, у *ненашекъ-то* этихъ, не по-людски вѣдь ве-и: нашъ годъ за десять годовъ считается. Матвѣй три года гами пользуется, а по счету ненашекъ выходитъ ровно трид-

— „Вотъ какъ, по ихнему-то, толковали мужики. — А развѣ роста ненашки денегъ не даютъ?

— „По началу и въ поминѣ не было про ростъ, только одно дили: бери больше; а послѣ, какъ онъ предался имъ, дру-разговоръ пошелъ... Развѣ *они* совѣсть какую знаютъ!

— Недѣли въ двѣ Матвѣя такъ перевернуло, что узнать его зможно: одни глаза да носъ остались! Щеки ввалились, лицо потемнѣло, и страшный онъ сталъ. Ребятенки глядѣть на даже боялись, а мужики и бабы сторониться начали... На Маломощный—и тотъ, какъ завидитъ гдѣ кума, въ сторону ь обходъ норовитъ, чтобы не повстрѣчаться...

— Помню, въ самый праздникъ Ильи пророка это случилось. о полуденъ Митричъ вышелъ со двора, пошелъ на мельницу.

Ну, знали, что онъ каждый день ходитъ,—для вида только,—а до мельницы никогда не дойдетъ и съ половины дороги воротится. Одно сомнительнымъ показалось: обнаковенно уходилъ онъ утромъ, а въ этотъ разъ около полудня отправился. Извѣстно—полудень что̀ полночь — неурочное время... Въ такіе часы нечистой силѣ большая власть дана: что хотятъ, т и дѣлаютъ... Глядятъ: идетъ на мельницу. О ту пору ѣхалъ нашъ дьячокъ: мѣшокъ муки везъ съ Митричевой мельницы. Повстрѣчались.—Здравствуй!—„Здорово!"—Дьячокъ домой, а Митричъ на мельницу... Проѣхалъ дьячокъ немного да и пріостановился: погляжу, говоритъ,—куда Матвѣй Митричъ пойдетъ". Надо сказать—дьячокъ все ужь зналъ.

— „Идетъ,—разсказывалъ потомъ дьячокъ,—а я гляжу. Дальше идетъ, дальше... Кобыла моя вдругъ ни съ того, ни съ сего начала оказывать нетерпѣніе. Пріостановился Митричъ... Опять пошелъ... Гляжу: идетъ!.. Дошелъ до плотины. Пріостановился, на воду смотритъ... Ничего, опять пошелъ; идетъ плотиною, а самъ глазъ съ воды не сводитъ... Остановился и стоитъ... Вдругъ, смотрю, руками махать началъ, словно съ кѣмъ дерется или отъ кого отбивается; въ одну сторону бьетъ, въ другую. . Что за притча во языцѣхъ? думаю. А кобыла моя на мѣстѣ ужь не стоитъ, бьетъ о землю копытами и ржетъ, якобы конь, а ужь не кобыла. Страхъ на меня сталъ нападать,—держу, что есть силы, возжи и читаю: «да воскреснетъ Богъ». А Митричъ все сражается съ невидимой силою. Минуты двѣ или три онъ не поддавался. Потомъ, смотрю, закружило его на мѣстѣ: кружится, кружится, а самъ все руками, но слабо ужь таково бьетъ—изнемогать, должно, началъ... Тутъ я только постигнулъ истину: со всѣхъ сторонъ обступила Матвѣя Митрича нечистая сила и тащитъ его на край бездны... Держу кобылу... Конецъ!.. Выбился изъ послѣднихъ силъ Митричъ, поднялъ къ небу руки и прямо съ плотины въ омутъ... Какъ только Митричъ въ рѣку,—кобыла моя рванула и понесла, и понесла... Опомниться не успѣлъ, а она ужь въ вашу деревню меня примчала.

— Всю деревню тогда дьячокъ взбулгачилъ.

— „Православные! кричитъ.—Поспѣшайте на мельницу... Матвѣй Митричъ утопъ!

— Мужики за багры, за лопаты—и кинулись на мельницу. Ребятенки и мы, подростки, за ними. Живо прибѣжали — близехонько, вѣдь, до мельницы-то Митричевой было. А тамъ ужь народъ: одни на берегу, а другіе на рѣкѣ, — кто съ неводомъ бродитъ, кто на лодкѣ съ баграми, а кто ныряетъ. Слышимъ:

— „Нашелъ, нашелъ! кричатъ.

— Точно: видимъ, плыветъ нашъ парень Василій, одной

рукой гребетъ, а другой утопленника за волосы придерживаетъ и тянетъ за собою. Двинули лодку—вытащили и на берегъ... Положили на рогожи, принялись откачивать... Жена Митричева воетъ, убивается, дѣти плачутъ — просто жалость глядѣть!.. Василій тутъ-же, въ сторонкѣ стоитъ..

— „Молодецъ, парень! хвалятъ мужики:—нашелъ Митрича.

— „Найти-то нашелъ, говоритъ,—да небольно хорошо.

— „А что?!

— „Нырнулъ я въ омутъ-то, а Матвѣй Митричъ тамъ въ тинѣ сидитъ, а около него бѣсы эти съ рогами да хвостами... пляшутъ, на одной ножкѣ скачутъ и язычищами, ровно желѣзо раскаленное, дразнятся... А одинъ муренъ, должно полагать, старшій надъ ними, али самый главный, когтями скребетъ по Митричу.

— „Какую ты страсть видѣлъ! ужаснулись мужики.

— „А Матвѣй Митричъ только поеживается, да губами: „помилуйте, помилуйте!“ лепечетъ... Испугался я, но сотворилъ про себя молитву, ухватилъ за виски Митрича и на-верхъ съ нимъ.

— „Богъ тебѣ помогъ!

— „Вѣстимо Богъ!

— „А Митрича все откачиваютъ, но пользы еще не видать: совсѣмъ мертвый человѣкъ. Маломощный тутъ прибѣжалъ, кричитъ:

— „Катите бочки! Надо воду пустить... А на рогожахъ вы совсѣмъ его закачаете...

— Прикатили отъ мельницы двѣ порожнихъ бочки, положили на нихъ Митрича внизъ животомъ и начали катать... Много ли прошло времени,—не умѣю вамъ сказать,—только вдругъ, смотримъ,—вода у него изъ гортани хлынула!

— „Сильнѣе, православные, сильнѣе! распоряжался Маломощный.—Коли вода пошла, такъ оживетъ.

— Мужики катаютъ, а вода изъ Митрича такъ и хлещетъ. Маломощный даетъ новый приказъ:

— „Поверните на спину!

— Повернули и катаютъ... Что же вы думаете? Вѣдь откатали!.. Сперва, запримѣтили, испарина у Митрича по лицу и по всему тѣлу выступила, потомъ вѣки и рѣсницы стали вздрагивать, а погодя—вздохнулъ тихо, открылъ глаза... Тутъ весь народъ, словно одинъ человѣкъ, стихнулъ и какъ-бы на мѣстѣ замеръ... Такая тишина наступила... А Митричъ глядитъ, поводитъ такъ глазами и видно, что онъ людей признаетъ.

— „Слава тебѣ, Господи! чуть слышно вымолвилъ Митричъ:—опять вижу вольный бѣлый свѣтъ и добрыхъ людей.

— Такъ народъ и всколыхнулся, мужики скинули шапки, в разомъ принялись креститься и заговорили радостно.

— „Слава Богу! Слава Богу! Живъ человѣкъ!

— Посадили Митрича на телѣгу и повезли домой. Дерев въ тотъ же день онъ приказалъ угощеніе сдѣлать — благодари очень за спасеніе своей жизни, а Василья, парня-то, деньга наградилъ. Дня три пролежалъ Митричъ, ничего—ознобъ толь чувствовалъ.

— Настудился, должно: перезябъ, въ рѣкѣ-то сидѣвши. М линкой бы напоить...

— Поили. Не помогло.

— Не помогло?

— Три дня ознобъ чувствовалъ, а на четвертый въ жаръ е бросило. Мечется, тоскуетъ и пить безпрестанно проситъ... станутъ ему подносить ковшикъ, такъ инда на аршинъ квер его привздыметъ и весь онъ затрепещется,—рыба вотъ эдакъ трепещетъ и вскидывается, когда изъ воды ее вынутъ и земь положатъ. Трепещется и кричитъ Митричъ.

— „Опять глядитъ на меня, къ себѣ манитъ“!..

— И словно отъ кого укрыться хотѣлъ, къ стѣнѣ отвернул Жена спрашиваетъ:

— „Кого ты, кормилецъ, видишь?

— А Митричъ покосится этакъ на ковшъ-то и шепчетъ:

— „Вижу того, кто въ омутъ меня затащилъ.

— А-а-а! Вотъ страсти-то, братцы!

— Изнадсѣлся весь, сердяга! Горитъ у него все тамъ, внутри- хочется ему залить жаръ, а не можетъ: закроетъ глаза, крѣп ихъ сомкнетъ, чтобы не видѣть-то ничего, и жена ему ковшикъ губамъ—только бы вотъ испить—опять забьетъ, опять ему предста ляется...

— „Отступись!..“ вопитъ.

— Видимъ: огонь началъ уже жечь его, губы перепеклись сохнуть сталъ.

— „Матвѣй Митричъ, говоритъ жена: Не желаешь-ли испр виться? Може, Богъ здоровья тебѣ пошлетъ“...

— Согласился... А мало повременя, говоритъ:

— „Семеновна!

— „Что, мой родимый?

— „Жилъ я, никого не обижалъ, крестьянство велъ, какъ на Богъ судилъ. Разъ только лукавый меня попуталъ... Да развѣ искалъ чьей погибели?.. Вѣдь я съизначала и до самой весны

умѣ держалъ: ворочу... съ процентами... Поѣхалъ весной, продалъ
ѣсъ, хотѣлъ отдать, анъ ужь... опоздалъ...

— Митричъ призамолкъ, обвелъ глазами—видитъ народъ... А
Маломощный стоитъ, уши навострилъ—слова Митричева боится
проронить...

— „Поотойдите, други любезные, сусѣди милые, заговорилъ
Митричъ:—немного осталось мнѣ времени пожить, хочу послѣднее
мое слово хозяйкѣ сказать.

— Народъ отъ постели къ окошкамъ отхлынулъ, одинъ
Маломощный съ мѣста не сдвинулся.

— „А мнѣ, кумъ, сказалъ онъ съ печалью,—отъ тебя какой
завѣтъ будетъ?

— Митричъ рукой только слегка тронулъ, — не время-де
объ этомъ. Нехотя отошелъ Маломощный... Тутъ о чемъ-то шопо-
томъ Митричъ сталъ говорить своей женѣ. Маломощный съ нихъ
глазъ не спускаетъ и все, словно, ухо наводитъ. Видимъ, Семеновна
плачетъ, всхлипываетъ и такъ, про себя, приговариваетъ: „ахъ ты,
кормилецъ мой!.. Ну-ка, изъ-за чего стряслось"!.. Маломощный
такъ и впился глазами въ Семеновну, и уши у него, какъ у
зайца, встали... Слышимъ голосъ Митричевъ:

— „Исполнишь мой завѣтъ, Семеновна?

— „Исполню, кормилецъ! сказала жена и перекрестилась на
образъ...

— Глядимъ—у Митрича лицо все просвѣтлѣло, и онъ тихо улыб-
нулся.

— „Ну, а теперь подай мнѣ кваску напиться,—сказалъ.

— И что же? Самъ принялъ въ руки ковшикъ, сотворилъ
молитву и напился!

— Ахъ ты, Господи!

— Напился Митричъ, вздохнулъ такъ протяжно, словно отъ
тяжести всей освободился, и говоритъ:

— „Какъ мнѣ теперь легко стало, точно я съизнова родился...
Привелъ-бы Богъ дождаться священника...

— „Кумъ! приступилъ Маломощный:—а мнѣ какой отъ тебя
будетъ завѣтъ?.. Да не утруждай себя шибко-то говорить—шепни
на ухо, я нагнусь.

— „Что ты получилъ, тѣмъ ты простъ...

— „А, може, ты жалѣючи сиротство мое и крестничка своего...
Васютка! — зоветъ своего мальчонка. — Подойди къ тятенькѣ-то
крестному подъ благословеніе... Такъ вотъ крестничку-то своему
надумаешь что изъ казны отказать... Васька! да поклонись, шель-
мецъ, въ ноги родителю крестному!

— „Я ужъ сказалъ Семеновнѣ... Ежели что останется, н
детъ обиженъ мой крестникъ.

— „Коли не остаться? Вѣдь у тебя, чай, казны-то лежи

— „Лежала, а теперь ушла, кумъ...

— „На старое мѣсто?..

— „Да оставь, кумъ... Мнѣ нешь опять тяжко стало...
поди! встосковался Митричъ.—Дождусь-ли я, грѣшный, батю
священника!

— Видимъ, больной опять заметался, опять ему въ гл
начало представляться. Часъ время тосковалъ Митричъ, а п
душить его почало...

— Нечистая сила, значитъ, передъ концомъ-то подст
стала!

— Отпуститъ на малое время, да опять, опять присту

— „Пожалѣй меня! не своимъ ужь голосомъ завопилъ М
Митричъ.—Не мучь... Развѣ я мало казнилъ себя?.. Дай взд
хоша на едину только минуту... дай!..

— Тутъ кто былъ въ горницѣ, ужасъ всѣхъ объялъ отъ
Митревыхъ воплей страшныхъ. Не приведи Богъ вдруг
подобное слышать и видѣть! И такъ, надо полагать, чт
одной души не осталось-бы въ горницѣ, еслибы Митричъ, ч
великую силу перемогаясь, самъ не остановилъ:

— „Православные, не уходите! Хочу покаяться!.. Не до
я, видно, своего отца духовнаго!.. Передъ вами въ грѣхѣ с
покаюсь... Прислушайте, други, сусѣди милые, какой я г
никъ и обманщикъ выхожу передъ всѣмъ міромъ.

— Говоритъ, а у самого языкъ заплетается.

— „Объявилъ я міру о кладѣ... Кума своего по осени, н
водилъ... Показывалъ ему деньги... Простите меня, Христа р
Кладъ этотъ...

— И не договорилъ Матвѣй Митричъ: языкъ у него отня
Шевелитъ это губами, руками поводитъ, а что оно означае
понять никакъ невозможно! Одинъ Маломощный понялъ:
говоритъ, знаю, что онъ хотѣлъ сказать, но пока про
въ умѣ подержу“... Тутъ священникъ пріѣхалъ.

— „Опоздалъ, говоритъ:—требы задержали. Какъ больн

— „Безъ языка, батюшка.

— Посмотрѣлъ батюшка на умирающаго...

— „Безгласенъ, сказалъ,—но душа его не изыдетъ изъ
безъ покаянія: я дамъ ему нѣмую исповѣдь.

— Приказалъ всѣмъ изъ горницы выйти, а черезъ минут
позвалъ:

— „Входите. Совершилъ. Зажгите свѣчки и помолитесь: Матѣй Митріевичъ кончается...

— Только что мы успѣли переступить за порогъ, вошли въ горницу, какъ Матвѣй Митричъ и сталъ ужь отходить.

— Такъ про кладъ и не успѣлъ обсказать?

— Гдѣ!.. Но умеръ онъ въ полномъ сознаніи: народъ это со свѣчками молится, бабы завываютъ, а онъ, голубчикъ, смотритъ на всѣхъ, смотритъ — вымолвить слово-то хочетъ, а владѣнья у него въ языкѣ нѣтъ... Минутъ такъ съ десятокъ еще прошло; видимъ — душа стала изъ тѣла выходить: крѣпко сомкнулъ глаза, двѣ слезинки показались, послѣдній свѣтъ изъ очей выкатился, вздохнулъ еще легонько разокъ, и скончался Матвѣй Митричъ!..

Разсказчикъ пріостановился, досталъ изъ поддевки ситцевый платокъ и отеръ имъ свое лицо. Съ минуту продолжалось тяжелое молчаніе. Изъ-за буфета смотрѣла на Захара Семеновича прикащица. По отрывочнымъ фразамъ, доносившимся до ея слуха, она поняла, о чемъ шелъ разсказъ за большимъ столомъ.

— А кладъ послѣ Митрича кому достался? прервалъ молчаніе водоливъ.

— Да, что же съ кладомъ-то? ухватился Власьевичъ.—Ты сказалъ, что деревней по него ходили?

— Ходили, сказалъ Захаръ Семеновичъ.— Въ скорости, какъ похоронили Матвѣя Митрича, на деревнѣ хватились Маломощнаго: день—нѣтъ, недѣля—нѣтъ, совсѣмъ запропалъ человѣкъ! А пора рабочая, страда наступила. Вѣрно, думаютъ, по кладъ онъ ушелъ, недаромъ къ покойнику такъ приставалъ, завѣта все какого-то добивался. „Вотъ, толковали, непутевый-то мужичонка.—Пошелъ кладъ рыть!.. Да хоть-бы онъ сказался — выискались-бы охотники съ нимъ идти, а то одинъ хочетъ завладѣть. Къ первому Спасу объявился Маломощный. Говоритъ: „соберите десятокъ *), я важномъ дѣлѣ хочу міру доложить".

— Сбили десятокъ. Маломощный выступилъ передъ міромъ съ такой рѣчью.

— „Ходилъ я, православные, Митричевъ кладъ разыскивать,— напрямки повелъ дѣло Маломощный и тѣмъ сразу обезоружилъ десятокъ: — мѣсто то я знаю, помню, откуда кумъ мѣшки съ деньгами вынесъ... По правдѣ вамъ сказать, я и ранѣе не однова

*) *Десятокъ*—сборъ всѣхъ домохозяевъ селенія, рѣшающій дѣла только своихъ односельчанъ.

посыкался сходить, да нешь побаивался: дюже въ тѣ поры покойный меня настращалъ, притомъ и самъ немало натерпѣлся, когда Матвѣй изъ оврага съ казной вылѣзалъ! Ну, а какъ онъ померъ, я смѣлости въ себя понабралъ, рѣшилъ сходить. Вотъ однова, подъ вечерокъ, никому не сказамшись, я темяткомъ и махнулъ...

— „То-то не сказавшись... Знаемъ мы тебя, послышалось на сходкѣ. — Нѣтъ, чтобы послужить для міра, а все мы поровнимъ одни...

— „Да вы что! накинулся на десятокъ Маломощный.—Вы какъ обо мнѣ полагаете?.. Разѣ я для одного себя двои лапти истопталъ, одежонку всеё изодралъ и, може, на вѣрную погибель души своей шелъ?

— „Ну, ладно, ладно, суспокой себя, не сердись: печень лопнетъ!.. Куда дѣвалъ кладъ-то, сказывай?!..

— „Кладъ на своемъ мѣстѣ... А вотъ ежели вы супротивничать мнѣ станете да попрекать, такъ не будетъ вамъ отъ меня ничего... Плевать я на міръ хотѣлъ, вотъ что!— и шапкой со злости Маломощный о земь ударилъ.—За всѣ мои труды и хлопоты отъ васъ одни попреки... Слышать не могу дурацкихъ вашихъ словъ! топаетъ ногами и кричитъ на міръ Маломощный.

— Бѣдовый онъ у васъ мужикъ, даромъ что Маломощный!

— Насилу умаслили мужичонка—такой озорной, хоть и не подступайся къ нему; вѣдалъ тутъ Маломощный, что кладъ Митричевъ въ цѣлости находится, но что взять его никакъ невозможно: покойникъ Митричъ шибко заклялъ его.

— „Такъ ты для чего же безпокоилъ насъ, десятокъ-то сбивалъ?—заговорили мужики.

— „Ну, а что вы теперича со мною будете дѣлать? куражился надъ міромъ Маломощный.

— „А вотъ судомъ десятка возьмемъ да и отдеремъ тебя посереди улицы.

— „Фю-ю-ю! свиснулъ Маломощный:—дерите въ лѣсу лыко, а до меня вамъ не достать... Ну, да будетъ вамъ изъ себя дураковъ играть, пора, чай, хоть немножечко да поумнѣть! Прислушайте-ко-сь. Радѣючи для обчества, я ходилъ въ черемисы, къ ихнему ворожцу... Слыхали, какой такой человѣкъ этотъ ворожецъ? И лѣкарь онъ, и колдунъ: нѣтъ той болѣзни, какой-бы онъ не вылѣчивалъ,—однимъ пальцемъ въ животъ ткнетъ,—грыжу вынетъ,— и нѣтъ такого клада въ Рассеѣ, какой-бы отъ него скрылся аль убѣгъ... Да что мнѣ расписывать: изъ пяти губерній къ нему народъ валомъ валитъ — и нашъ братъ, мужикъ, и бабы, и гос-

года съ барынями въ колясках прѣзжаютъ. Къ нему-то вотъ я
ахнулъ: взадъ и впередъ триста верстъ сдѣлалъ... Пришелъ—кол-
унъ на лавкѣ лежитъ и носогрѣйку свою тянетъ: табачищу напус-
илъ — передыхнуть нечѣмъ.

— „Ты насчетъ клада?—встрѣтилъ меня колдунъ.

— „Я такъ и обалдѣлъ: рта еще не успѣлъ раскрыть, а онъ
ж: „Ты насчетъ клада"!—Пооправился я, хотѣлъ только слово
олвить, а онъ:

— „Сколько же, говоритъ,—ты казны мнѣ пожалуешь?

— „Вотъ те и на: какъ обухомъ по лбу треснулъ.

— „Я, почтенный, человѣкъ бѣдный, говорю.

— „Знаю, что небогатый,—заревѣлъ на меня колдунище.—А
акая у тебя въ мошнѣ ассигнацья припрятана, такъ и подай сюда,—
разгляжу еще хорошенько, не фальшивая-ли она у тебя!

— „Я, было опять, къ нему:

— „Пожалѣй, добрый человѣкъ! ассигнацья у меня при-
асена въ оброкъ...

— „Какъ вскочилъ колдунъ съ лавки, да какъ бородищей
воей сѣдой затрясетъ, глазищами зелеными въ меня вопьется!...

— „Возьми, говорю, возьми, благодѣтель,—хватаюсь я за мошну
достаю ему ассигнацью.—Пообмякъ колдунъ...

— „Ты, говоритъ, не жалѣй денегъ, Маломощный,—знаетъ
ое и прозвище, хоша я, отродясь, съ нимъ никогда не виды-
ался:—міръ всѣ протори и убытки твои вознаградитъ...

— „Взялъ ковшъ съ водой, пошепталъ и говоритъ:

— „Облизь рѣки Ветлуги, прошедши отъ деревни Казавонихи
волверсты и десять саженъ, въ угорѣ пять бугровъ.

— „Точно такъ, говорю.

— „Въ буграхъ тѣхъ клады...

— „Справедливо!

— „И въ ямѣ угли, черепеня битая и лошадиныя кости... Че-
тыре бугра цѣльныхъ, а пятый разрытъ.

— „Вѣрно!

— „Изъ этого бугра крестьянинъ вашъ, Матвѣй Митревъ, изы-
алъ кладъ—золото и серебро.

— „Такъ, такъ, почтенный!

— „А когда померъ, то жена его, по завѣту мужа, кладъ этотъ
возвратила и положила на прежнее мѣсто...

— „Вѣрно! Митричъ передъ смертью самъ говорилъ, что откуда
онъ деньги взялъ, туда опять и отправилъ.

— „А глиняные черепки и угли, что ты видѣлъ (какъже! соб-
ственными глазами видѣлъ) — настоящія деньги, но только онѣ

заколдованы. Кладъ этотъ милліонный, и взять его возможно только всѣмъ міромъ и съ херувимами: вся нечистая сила отъ него тогда отступитъ, потому—безсильна она супротивъ міра крестьянскаго и святыни, и весь кладъ вы тогда свободно получите.

— „А какъ же насчетъ четырехъ-то бугровъ?.. спрашиваю.

— „Ужь сжели вы Митричевъ кладъ осилите, то тѣ сами къ вамъ выдутъ,—берите насъ, скажутъ... Одно помни,—наказываетъ:—промежду собою чтобы раздѣлить кладъ безъ обиды: твоихъ хлопотъ и трудовъ было всѣхъ больше—возьми себѣ половину, другую на двѣ части разбей: одну мнѣ за труды, а послѣднюю отдай сполна міру. А теперича, Маломощный, не мѣшкавши ни одной минуты, поспѣшай въ свою деревню и объяви міру,—надо вамъ этимъ дѣломъ торопиться.

— Захаръ Семенычъ! ты промочилъ-бы горлышко-то, чай, у тебя ужь пересохло... позаботился о разскащикѣ Поликарпъ Власьевичъ.

Захаръ Семеновичъ отпилъ половину изъ стакана и взглянулъ на стѣнные часы.

— Однако, времени-то ужь довольно,— промолвилъ онъ:—близко одиннадцать.

— Ничего, ты будь безъ сумлѣнія!.. У насъ, въ Отрадѣ, ровно въ двѣнадцать часовъ огни тушатъ.

— Выслушавши Маломощнаго,—не спѣша, подходилъ къ самой сути разсказа степенный лоцманъ, обтирая платкомъ свой большіе усы,—принялись ублажать да упрашивать: ежели-де ты хочешь добродѣтель такую намъ оказать, такъ обчеству выцѣли побольше часть, такъ какъ, по твоимъ же сказамъ выходитъ,—кладъ дѣло мірское.

— „Ты, говорятъ, Акимъ Елистратычъ—по имени и отечеству стали тутъ величать Маломощнаго, — съ міромъ-то долженъ по божески... Ты міру порадѣешь, а міръ—тебѣ, потому ты выходишь старатель, и мы должны это чувствовать и понимать...

— Сперва заартачился было Маломощный: „самъ ворожецъ присудилъ мнѣ половину"! кричитъ; но мало повременя, Акимъ Елистратычъ сдался: зазналъ-ли онъ въ себѣ стыдъ, али, видючи, что всѣ его уважаютъ, добродѣтель вздумалъ оказать.

— „Ну, такъ тому дѣлу и быть! махнулъ рукой:—Я не ослушникъ міра, уступаю половину клада... Ужь больно я добёръ!.. А пятирублевую ассигнацью, что̀ колдуну я отдалъ, вы, православные, сейчасъ мнѣ выложьте!

— Деньги Маломощному уплатили и стали толковать, какъ раздѣлить промежъ собою кладъ и сколько отдать на храмъ Божій.

Все уладили, послали на село выборныхъ, чтобы просить священника поднять херувимовъ. Попъ нашъ былъ человѣкъ простой и снисходительный, притомъ же и самъ онъ искалъ кладъ: въ ночь подъ Ивана Купалу не одинъ разъ на огородѣ у себя копалъ. Обсказали ему, въ чемъ дѣло, выборные. Призадумался отецъ Иванъ...

„Небывалый случай, говоритъ, и въ уставахъ нашихъ ничего подобнаго не показано.

— Досталъ книгу: заглянулъ въ одно мѣсто, въ другое:—„нѣтъ, говоритъ, не нашелъ". Мужики кланяются, упрашиваютъ.

— „А сколько вы, православные, на церковь намѣреніе имѣете пожертвовать? спросилъ.

— „Міромъ порѣшили — десятину на церковь *).

— „А кладъ, вѣрно, милліонный?

— „Вѣрно! Самъ знаешь, какими дѣлами Митричъ ворочалъ, а ворожецъ сказывалъ, что въ буграхъ казны лежитъ—и смѣты ей нѣту».

— Что же, согласился-ли? сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе узнать развязку, спросилъ Поликарпъ Власьевичъ.

— Согласился. Назначилъ время и сказалъ, чтобы, окромя нашей деревни, никто изъ сусѣдей не вѣдалъ: „большая осторожность въ этомъ дѣлѣ требуется, православные"—говорилъ попъ... Помню—какъ разъ въ Спасъ-Преображенья дѣло было—ночь стояла темная—претемная; мужики подняли херувимовъ, иконы... Маломощный и отецъ Иванъ съ причтомъ впереди... Кругомъ темь и тишь, ни пѣнія никакого, ни разговора. Таково-то жутко!.. Меня родитель—не знаю для чего—съ собою захватилъ... Такъ въ молчаніи и страхѣ до самаго оврага шли. „Теперича спускаться надо", Маломощный говоритъ. Спустились... Какъ только, съ Божьей помощью, сползли въ оврагъ,—зажгли свѣчи и пошли ужь дальше съ пѣньемъ—глухо таково, тѣни огромнѣйшія забѣгали и заколыхались по всему оврагу, ни на комъ лица живаго нѣтъ... „Мужайтесь, православные"! ободрялъ отецъ Иванъ, а у самого голосъ, какъ у бычка въ озерѣ—„съ нами иконы святыя"... Подвигаемся къ буграмъ; кладовой, то ись Маломощный, съ образомъ дорогу показываетъ, но все норовитъ поближе къ священству... Нейдемъ ужь, а бѣжимъ, словно кто насъ сзади-то подгоняетъ... Сверкнуло впереди, быдто молынья... „Святъ, святъ, святъ"! Близко... при свѣтѣ ужь бугры явственно обозначились.—Слава Богу! Принались шибче пѣть... Съ пѣньемъ къ самому кладу подошли... Ну, тутъ что случилось—вспомнишь—такъ дажо сичасъ ужасть беретъ!...

*) Десятина—десятая часть.

На лбу разскащика выступилъ потъ. За столомъ всѣ прит
и водоливъ мертвенно побѣлѣлъ...

— Н-ну? выговорилъ, не безъ усилія, Власьевичъ.—Легі
этотъ, что-ли?... Подошли вы...

— Такъ всѣхъ святыхъ раскидало и херувимовъ инда ве
за три отбросило: такой вѣтеръ, буря поднялись, весь ходъ п
ротило!

— А-а-ахъ!

— Спаси и помилуй насъ, Спасъ-Христосъ, Микола угодн
Макарій преподобный! закрестился Потаповичъ.

— А дня черезъ три всѣхъ мужиковъ въ удѣльную кон
позвали,—мы тогда за удѣломъ еще состояли. „Вы, говор
кладъ больно великъ нашли. По другимъ деревнямъ мужики
шатъ съ уборкою, а вы хозяйство свое забросили и по к
ходите... Эй! всыплите-ка имъ всѣмъ, чтобы никому завидн
было, по четыре десятка“... Получилъ каждый свою порцію... „
ли крупныя, смѣются въ конторѣ, —а теперь размѣняли
мелкія“...

— Тѣмъ все и кончилось?

— Никому, значитъ, Митричевъ кладъ не дался?

— Какъ вамъ сказать? въ раздумьѣ проговорилъ Захаръ
меновичъ:—дѣло это непостижимое! Разсказывали у насъ то
что будто бы жена Митричева дѣйствительно деньги отвезла, т
ко не на бугры, а на Волгу... Я ужь сказывалъ, что Митр
пошелъ богатѣть съ того года, какъ онъ разъ со сгоновъ
Кузьма-Демьяна пришелъ. А въ томъ году, помню, болтал
насъ, купецъ одинъ на лѣсной ярманкѣ большія деньги
терялъ—тысячъ двадцать, али больше... Вотъ эти деньги покой
будто бы нашелъ да и затаилъ; а послѣ, когда разб
тѣлъ и свой лѣсъ на ярманку согналъ, купцу этому деньги
тѣлъ воротить: совѣсть, вишь, его все мучила. А на ярманкѣ
е узнай, что купецъ тотъ съ горя утопился... Съ тѣхъ поръ М
ричъ ужь вовсе спокою себѣ не зналъ: гдѣ бы онъ ни бы
вездѣ купца видитъ, на мельницу пойдетъ, — изъ воды куп
глядитъ и къ себѣ его зоветъ...

— А! такъ вотъ что̀... Совѣсть его замучила, сказалъ л
манъ Трофимъ Максимовичъ.

— Погодь, Трофимъ Максимычъ! перебилъ Власьевичъ.—М
мощный этотъ—положимъ, онъ не стоющій вниманія мужичонка
видѣлъ мѣшки съ золотомъ и серебромъ... что жъ онъ, по твое
ролъ и понапрасну святыню тревожилъ?

— Да по дѣлу выходитъ, что такъ...

— Богъ знаетъ, Трофимъ Максимычъ! вступился Захаръ Семеновичъ:—Маломощный врядъ-ли солгалъ. Вѣдь кладъ-то Митричевъ послѣ обозначился.

— Неужели?!

— На другой годъ, въ ночь на Ивана Купалу, нашей-же деревни три мужика этотъ кладъ вынули:—сами они и разнесли по деревнѣ, что кладъ Митричевъ имъ Богъ помогъ въ руки взять. Одинъ изъ нихъ цѣловальникомъ сталъ, и по сейчасъ въ волости шесть кабаковъ содержитъ; другой торговлю открылъ и разбогатѣлъ страшно; а третій пьянствуетъ, пьетъ-пьетъ и не можетъ всѣхъ денегъ пропить.

— Это вотъ такъ!.. Это похоже на правду! поднялись голоса со всѣхъ сторонъ.—А то купецъ обронилъ, а мужикъ нашелъ. Нешь чудно ужь очень!

Трофимъ Максимовичъ былъ окончательно разбитъ.

— Что же, намъ уходить, что-ли, али еще спросить пива? предложилъ онъ компаніи, желая выйти изъ неловкаго положенія.

— Да не будетъ-ли? промолвилъ Захаръ Семеновичъ.—Не прогнѣвить бы какъ Наталью Миколавну? Вонъ она, голубушка, сидитъ, притуманившись...

Поликарпъ Власьевичъ покосился въ сторону буфета.

— Не любитъ она разговоровъ-то этихъ нашихъ: одно, говоритъ, это суевѣріе.

— Ну, это она напрасно... Умная она женщина, и наукамъ разнымъ обучена, а вотъ до этого еще однако не дошла. Ежели клады—одно суевѣріе, такъ что-жъ тогда народъ-то, весь міръ православный, обманываетъ, стало быть, себя?

— Вѣдь и я то жъ ей говорю. Родимая, молъ, богатѣютъ же ни съ того, ни съ сего добрые люди? А намъ съ тобой нешь запретъ какой положенъ? «Богатѣютъ, говоритъ,—да съ чего нибудь другаго, а не отъ кладовъ».—Матушка, я ей говорю,—да ежели мы и въ клады перестанемъ вѣрить, такъ на что же намъ тогда будетъ надѣяться-то? всякой поддержки мы тогда лишимся...

Въ это время дверь широко распахнулась; на порогѣ, слегка пошатываясь, показался старикъ въ рваномъ зипунѣ и шапкѣ; онъ растерянно смотрѣлъ по сторонамъ и, видимо, не рѣшался сдвинуться съ мѣста.

— Болѣзная! завопилъ вдругъ старикъ, кидаясь порывисто въ сторону буфета:—прости меня, окаяннаго! Хватилъ я нонѣ зелья этого проклятаго!..

— Что съ тобою, Петръ Иванычъ? не измѣняясь въ лицѣ,

только едва примѣтно дрогнувъ черными бровями, участливо
тилась къ старику Наталья Николаевна.

— Съ горя, родимая!.. Два года крѣпился, капли одно
ротъ не бралъ, а сегодня не вытерпѣлъ... Сынка мово, Ал
юшку, къ двадцати ударамъ розгами волостной присудилъ... Пр
меня, святая душа!

— За что же его?..

— А все за кладъ-то!.. Проходимецъ-то казны имъ не
залъ, а навожденье бѣсовское напустилъ: они другъ друга
увѣчили. Сегодня волостной судъ и рѣшилъ ихъ дѣло: за об
ное побоище всѣхъ розгами высѣчь.

— Это по нашему-то дѣлу, нагнувшись, сообщилъ собесѣ
камъ Поликарпъ Власьевичъ.

— Догадываемся.

— Не огорчайся, Петръ Иванычъ, — говорила прикащиц
несчастье ваше, можетъ быть, еще поправимо. Ты принеси мн
нію съ рѣшенія суда: я прочитаю и напишу вамъ прошени
крестьянское присутствіе.

— Заступись! Темные мы люди, ничего сами не зна
плакалъ старикъ. — На тебя одну надѣемся!.. Спаси парня
сраму!

— Успокойся, Петръ Иванычъ, я напишу, говорила бу
чица, и посѣтители „Краснаго теремка“ видѣли, какъ подъ
лніемъ душевнаго голоса и теплаго женскаго участія постеп
затихало человѣческое горе, и старикъ дѣлался все тише и т

— Глядите, братцы, что Наталья Миколавна съ дѣдуш
у насъ сдѣлала?

— Удивленье, какую она власть надъ человѣкомъ имѣет

Минутъ черезъ пять, дѣдушка Петръ, совершенно успокоивш
сидѣлъ за маленькимъ столикомъ и пилъ съ краснощекою ба
кою чай, которымъ велѣла его угостить прикащица.

— Чудеса! недоумѣвалъ Поликарпъ Власьевичъ: — женш
а какъ заведеньице поставила и въ какомъ послушаніи на
содержитъ... И вѣдь не строга, н-нѣтъ, слова николи суро
отъ ней не услышишь, а только вотъ, ежели ты за собою
неладное чувствуешь, посмотритъ эдакъ на тебя, словно бы
грустью какою, да головкою легохонько покачаетъ, — ну и
башъ, пошелъ ко дну! недѣлю, не то больше, рожу, свою дура
стыдно добрымъ людямъ показать... Ей-богу, право!

— Такъ, такъ, Власьичъ, соглашался никогда и ни въ
не прекословившій пріятелю своему Потаповичъ.—Это ты в
сказалъ: стыдно!

— По моему разсужденью, Наталья Миколавна — душа человѣкъ, сердце ужь въ ней такое... объяснялъ Захаръ Семеновичъ власть прикащицы надъ мужиками.—Потому она и беретъ надъ людьми силу, всѣ мы ей покоряемся.

— Угадалъ: сердце у ней простое, жалостливое... Сердцемъ своимъ она и смиряетъ наше озорство, дурь эту лѣсную сокращаетъ.

— Одного только жаль, господа, подпустилъ Трофимъ Максимовичъ,—что Наталья Миколавна насчетъ этихъ кладовъ сумлѣнье имѣетъ.

При словѣ «кладъ» сажённаго водолива покоробило.

— Дядя, Захаръ Семенычъ! заговорилъ онъ плаксивымъ голосомъ:—мнѣ нешь боязно.

— Чего тебѣ боязно?

— А ну, какъ *этотъ*... что̀ Митрича въ омутъ-то къ себѣ уволокъ, вдругъ мнѣ померещится, аль изъ рѣки выглянетъ!

— Положи на себя крестъ и скажи! «да воскреснетъ Богъ»...

— А какъ я не сдогадусь, аль позабуду?

— Тогда простись съ вольнымъ свѣтомъ и, не думамши, ныряй скорѣй въ рѣку, посовѣтовалъ Трофимъ Максимовичъ:—можетъ, водяной самъ тебя испугается и отъ своей погибели уйдетъ.

Отъ этой шутки лоцманы всѣ разсмѣялись. Дѣтина успокоился, посмотрѣлъ по сторонамъ и, обращаясь къ лоцманамъ, довольнымъ голосомъ проговорилъ:

— А здѣсь больно ба̀ско! Недаромъ вы расхваливали „Отраду“. Я хочь до самаго утра тутъ просидѣлъ бы... Да, може, вы еще себѣ пива закажете?

— Ты что же угостить насъ желаешь? спросили.

Парень встревожился.

— Нѣтъ, я такъ молвилъ... Вы, молъ, не хотите-ли? А мнѣ на что, я не буду...

Погасли огни въ „Красномъ теремкѣ“. Въ голубомъ, свѣтозарномъ полусумракѣ ночи все безмолвно и тихо; слышатся только слабый плескъ воды, ударяющейся о крутой берегъ, да мелодичное журчаніе звонкоструйныхъ ручьевъ, неудержимо несущихся въ объятія дремлющей рѣки. Съ ясной, спокойной синевы неба кротко смотрятъ на землю серебряныя звѣзды; высоко поднявшись надъ темною гривою спящаго лѣса, стоитъ красавецъ-мѣсяцъ.

Изъ-за бѣлыхъ березъ и тополей, покрытыхъ свѣжими листьями и облитыхъ сверху до низу луннымъ сіяніемъ, едва замѣтно

пробивается огонекъ изъ оконъ мезонина „Краснаго теремка": то свѣтъ въ комнатѣ прикащицы.

Не спитъ Наталья Николаевна. Сидитъ она въ своей чисто прибранной и весело смотрящей комнатѣ, за письменнымъ столикомъ, передъ фотографическимъ портретомъ, и не сводитъ съ него своихъ задумчивыхъ глазъ. Изъ овальной, орѣховаго дерева, рамки глядитъ на нее молодое мужское лицо, съ закинутыми назадъ длинными и густыми волосами, съ тонкими усиками и небольшой круглой бородкою; на открытомъ лбу этого лица, между бровями, лежитъ глубокая складка и выраженіе лица исполнено энергіи и воли. Каждый вечеръ, по закрытіи трактира, Наталья Николаевна сидитъ передъ этимъ портретомъ, сидитъ подолгу и ведетъ съ нимъ нѣмую бесѣду...

Два раза входила въ комнату краснощекая бабочка и уходила назадъ, не промолвивши ни одного слова; вошла она въ третій разъ и остановилась у сѣрыхъ полотняныхъ драпри, отдѣляющихъ маленькую переднюю отъ свѣтлаго зальца; подперла обѣими руками правую щеку бабочка и неподвижно, молча, глядѣла на забывшуюся передъ портретомъ красавицу. Знаетъ бабочка, чей это портретъ, не въ первый разъ застаетъ она Наталью Николаевну въ этомъ положеніи; смотритъ она и видитъ, какъ часто мѣняется выраженіе лица молодой женщины: то освѣтится это лицо счастливой улыбкой, то вдругъ набѣгутъ на него какія-то тѣни и омрачатъ ясное чело, то, какъ сквозь тучку солнце, пробьетъ лучъ надежды и заиграетъ на алыхъ устахъ молодой женщины.

Глубокій вздохъ, послышавшійся у драпри, вспугнулъ мечты и грезы Натальи Николаевны; она встрепенулась и повернула голову къ передней.

— Ты еще не легла? спросила она, увидѣвъ передъ собою бабочку.

— Нѣту-ти. Тебя провѣдать пришла: не надобно-ли тебѣ чего?

— Ничего не надобно, Матренушка, — медленно и тихо, какъ бы все еще о чемъ-то думая, произнесла Наталья Николаевна.— Ступай спать, голубушка!

— Ну, коли и такъ—ладно, отвѣчала Матрена, и не тронулась съ мѣста.

— Что же ты стоишь? спросила Наталья Николаевна.—Пора, иди спать.

— А сама-то ты что не спишь? Въ голосѣ Матрены зазвучала какая-то особенная нота.

— Да не спится! улыбнулась Наталья Николаевна.

Матрена сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.

— О чемъ я тебя, родимая, хочу спросить, начала она.—Давно ужь я объ этомъ собиралась тебя поспрошать, да все нешь сумлѣваюсь... Скажи-ка ты мнѣ вотъ что: скоро Митрій-то Павлычъ изъ дальнихъ странъ воротится?

— Не знаю, Матренушка. Давно ужь отъ него я не получала вѣсточки.

— А, може, не самъ-ли ѣдетъ, такъ и вѣстей не шлетъ.

— Богъ знаетъ! Наталья Николаевна опустила голову.

Съ минуту подождавъ, бабочка снова заговорила:

— Ну, а теперь я поспрошаю тебя вотъ о чемъ: если Митрій Павлычъ вернется, такъ ты отъ насъ уѣдешь съ нимъ?

— Куда?

— А куда, чай, на должность свою онъ поступилъ.

— Онъ въ нашемъ уѣздѣ останется, если пріѣдетъ. Онъ, докторъ, будетъ здѣсь лѣчить...

— Взаправду ты баешь?

— Ты знаешь, я не лгу.

— То-то, смотри!.. ты ужь не спокидай насъ!.. Безъ тебя мы осиротѣемъ... Мы къ тебѣ привыкли, любимъ всѣ больно тебя, родная!...

Лицо Натальи Николаевны вспыхнуло, черные глаза заблистали, и она, взволнованная и прекрасная, безшумно поднялась со стула и крѣпко обняла Матрену.

— Никуда, никуда я отъ васъ не уѣду, милая! воскликнула она.—Буду вѣкъ съ вами жить и умру здѣсь.

— Ангелъ ты нашъ хранитель, говорила бабочка съ влажными отъ слезъ щеками. — Поживи ты съ нами, не спокидай!.. При тебѣ, ровно бы свѣтокъ въ глазахъ увидѣли!.. Видно, за молитвы чьи-либо, въ тебѣ самъ Господь и сама Матушка пречистая Богородица кладъ намъ послали.

Матрена поспѣшно вытерла себѣ передникомъ глаза и улыбнулась.

— Ну, теперь ложись, ненаглядная, въ постельку, — сказала она.—Спокойной тебѣ ночи, сладкаго сна!

— Прощай, Матренушка.

Все еще взволнованная, Наталья Николаевна прошлась нѣсколько разъ по зальцу, радостная улыбка озаряла все ея прекрасное молодое лицо.

— Господи! какъ они глубоко чувствуютъ, цѣнятъ все, произнесла она вслухъ.—Но какія еще потемки окружаютъ ихъ!..

Она накинула теплый шерстяной платокъ на плечи, толкнула слегка носкомъ ботинки *стеклянную* дверь и вышла на балконъ.

Свѣжестью майской ночи пахнуло ей въ горячее лицо, ный мѣсяцъ привѣтливо встрѣтилъ ее; золотой, весь трепещу и сверкающій, столбъ протянулся и легъ поперегъ рѣчки, а лѣ гдѣ востокъ, разстилалась въ лѣсной просѣкѣ бѣлая по Наталья Николаевна стояла, прислонившись къ деревянной кол балкона, и вглядывалась въ эту дивную, незамѣтно дившую куда-то ночь, впивала въ себя смолистый возду чутко прислушивалась къ царствовавшей вокругъ ея тишин Какая ночь!—вздохнула она широкой и полной грудью... Вд гдѣ-то вблизи раздалась трель соловья; на нее отозвался друго ловей уже дальше; за ними сразу запѣли нѣсколько соловьев рѣкой... Не прошло двухъ минутъ, какъ по всей рѣкѣ уже нес соловьиныя пѣсни, громко раздавались въ угорахъ и гремѣл лѣсахъ, будя отъ сна вѣковыя ели и сосны, привѣтствуя в нающую заниматься на востокѣ зарю... Рядъ воспоминаній нялся въ умѣ молодой женщины, дорогой и милый образъ вс передъ глазами, чувства восторга, грусти и нѣги наполняли г Наталья Николаевна по прежнему стояла у колонки, закутав въ большой платокъ, вся освѣщенная мѣсяцемъ, очарова пѣніемъ соловьевъ и упоенная дыханіемъ весны..

„Жизнь, радость, любовь!“ звучало въ ея ушахъ, отзыва въ груди и сладко трепетало въ сердцѣ...

Заря быстро разгоралась, мѣсяцъ постепенно блѣднѣлъ просвѣтленномъ небѣ гасли звѣзды; на рѣкѣ слышались го „поднимай якорь“! „отваливай!“ и неудержимѣе, задорнѣе гре соловьи.

Наталья Николаевна вернулась въ свою комнату, сбр платокъ, подошла къ портрету, поцѣловала его и перекрес

— Спи, мой дорогой!.. До радостнаго утра, мое сокров

И, въ отвѣтъ, какъ показалось ей, лицо портрета вдругъ вилось, и губы раскрылись, а черезъ открытую дверь съ бал все лились чудные звуки невидимыхъ пѣвцовъ, которые п

— Жди и надѣйся.

Ф. Нефедовъ.

НАКИПЬ ПАРИЖА.

Альберта Вольфа.

Къ свѣдѣнію законодателя.

(вмѣсто предисловія).

Описывая «Накипь Парижа», я не выдумывалъ невѣроятныхъ происшествій: все это факты, взятые изъ жизни, которые впослѣдствіи дадутъ богатый матеріалъ для исторіи нашей цивилизаціи. Потомство, можетъ быть, не безъ основанія, подивится варварству прославленной современной эпохи, и правители будущаго, кто-бы ни были: республиканцы или монархисты, навѣрно произнесутъ строгій приговоръ надъ теперешнимъ правительствомъ Франціи, которое исключительно занималось болтовней о политикѣ и хлопотало объ удовлетвореніи своего тщеславія, пренебрегая болѣе важными вопросами. Самый главный изъ нихъ, соціальный вопросъ о бѣдныхъ и безпомощныхъ, давно напрасно ждетъ свой очереди и постоянно отодвигается на задній планъ, чтобы дать мѣсто политическимъ пререканіямъ, основаннымъ главнымъ образомъ на эгоизмѣ. За послѣднія пятнадцать лѣтъ, французское правительство дѣятельно упражнялось въ декламаціи, между тѣмъ какъ роковой вопросъ оставался открытымъ, хотя рѣшеніе его не представляетъ никакой особенной трудности: стоитъ подать руку помощи заброшеннымъ дѣтямъ и хилымъ старикамъ, уничтожить крайнюю нищету въ столицѣ и тѣмъ уменьшить поводы къ преступленіямъ. Пока мы не позаботимся объ этомъ, баловни судьбы не будутъ имѣть покоя, а на каторгѣ не хватитъ мѣста для отщепенцевъ общества, которые рано или поздно потребуютъ у насъ отчета въ нашемъ жестокомъ равнодушіи.

Мрачныя и печальныя страницы парижской жизни, собранныя мною въ этой книгѣ, чаще всего касаются вопроса о нищетѣ и невѣжествѣ низшаго слоя столичнаго населенія. Бѣдняки, потрясающую судьбу которыхъ я представлю моимъ читателямъ, извинятъ меня, что подъ именемъ «Накипи Парижа» я какъ-бы отожествилъ

ихъ съ отбросомъ громадной столицы. Этимъ я только хот
указать на тѣсную связь между нищетой и преступленіемъ, ч
бы нагляднѣе убѣдить моихъ современниковъ въ одной исти
которую они упорно игнорируютъ. Нравственное паденіе челов
слишкомъ часто происходитъ отъ того, что мы отвертываемся
бѣдняковъ, покинутыхъ сиротъ и безпомощной старости, а кр
того, безсердечно оставляемъ на произволъ судьбы женщину
самый критическій моментъ ея жизни. Все это ходячія исти
встрѣчающія однако мало сочувствія въ современномъ общест
имъ, къ несчастію, суждено вѣчно оставаться на теоретичес
почвѣ, но, помимо нашего желанія, приближается время, ко
онѣ громко заявятъ о себѣ и когда намъ придется прежде вс
обезпечить *право на жизнь* громадному проценту столичнаго
селенія.

„Накипь Парижа“ состоитъ не изъ однихъ только прест
никовъ по инстинкту, выродковъ, возможныхъ въ самомъ культ
номъ обществѣ, но также изъ жертвъ нашей несправедливо
наполняющихъ каторгу, исправительные дома, тюрьмы и брод
ническіе притоны. Порокъ нерѣдко овладѣваетъ престарѣл
людьми, которые послѣ долгихъ лѣтъ трудовой жизни скитаю
безъ пристанища и хлѣба по улицамъ Парижа, этого города
зумной роскоши и всякихъ излишествъ. Безпомощная мать, по
нутая мужемъ или любовникомъ, часто совершаетъ преступле
принимая на себя всю тяжесть отвѣтственности, тогда какъ на
ящій виновный благоденствуетъ подъ охраной нашихъ фарисейск
правовъ, созданныхъ самимъ обществомъ въ видахъ собственной по
зы. Но легче всего сдѣлаться добычей порока молодой дѣву
прозябающей съ самого рожденія въ безнравственной сред
кончающей проституціей, или юношѣ, выросшему безъ всяк
понятія о чести, который переходитъ отъ праздности къ прест
ленію, чтобы присоединиться въ тюрьмѣ къ своему порочному отц
въ самомъ дѣлѣ, какъ не увлечься дурнымъ примѣромъ бѣд
камъ, осужденнымъ на безъисходную нищету и живущимъ вбл
нашихъ роскошныхъ улицъ и великолѣпныхъ палатъ въ сыр
подвалахъ, лишенныхъ тепла и свѣта, позорящихъ прекрас
столицу Франціи. Повторяемъ снова: „Накипь Парижа“ состав
етъ громадный процентъ всего населенія города; представит
этого слоя общества рождаются въ трущобахъ, растутъ ср
позора и чаще всего кончаютъ исправительною тюрьмою, гдѣ
шенный свободы преступникъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ все н
ходимое для жизни и не обремененъ работою сверхъ силъ, как
своего поступленія туда.

Въ Парижѣ не проходитъ дня безъ того, чтобы на сцену не выступилъ новый герой преступленія; этого человѣка при нѣкоторомъ усиліи намъ легко удалось-бы удержать отъ окончательной гибели, тогда какъ теперь онъ увеличилъ собою число злодѣевъ, дающихъ насущный хлѣбъ тюремщикамъ и палачамъ.

При каждомъ крупномъ злодѣйствѣ, Парижъ содрогается на одну минуту, чтобы снова погрузиться въ свою лихорадочную дѣятельность, въ свою погоню за наживой и наслажденіями. Наши правители, между тѣмъ, до того поглощены борьбою партій, что не слышутъ криковъ о помощи погибающей чести и помраченной совѣсти.

Такъ было всегда, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы подобный порядокъ вещей могъ постоянно продолжаться. Намъ необходимо принять свои мѣры, иначе весь нашъ общественный строй рухнетъ въ одинъ прекрасный день на своихъ расшатанныхъ основахъ; нашъ верховный судья—потомство—накажетъ насъ презрѣніемъ, а современная эра цивилизаціи, которой мы такъ гордимся, утратитъ свой лучезарный ореолъ.

Искренно желаю, чтобы моя книга, хотя случайно, попалась на глаза одному изъ сильныхъ міра сего. Пусть онъ прочтетъ эти страницы, гдѣ описаны всѣ преступленія, всѣ несчастія и несправедливости, которымъ подвергается бѣднякъ подъ гнетомъ сильнаго. Еслибы эти сцены ужасной парижской жизни заставили задуматься современнаго государственнаго дѣятеля и доказали ему ничтожность полемики между враждующими партіями палатъ, наряду съ жизненными интересами человѣчества, еслибы мои разсказы, почерпнутые изъ потрясающей дѣйствительности, могли вызвать у людей, стоящихъ во главѣ администраціи, искреннее восклицаніе: „Да, подобный порядокъ вещей необходимо измѣнить!“ то я счелъ-бы себя вполнѣ вознагражденнымъ за свой писательскій трудъ.

Парижъ, 15-го окт. 1884 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преступленіе и нищета.

День начальника охранительной полиціи.—Вереница арестованныхъ въ полицейскомъ управленіи.—Кабачокъ въ улицѣ Галандъ.—Улицы съ притонами пьянства.—Поселенія тряпичниковъ.—Злодѣи и несчастные.—Дѣтоубійства.

I.

День начальника охранительной полиціи.

Первыя страницы этой книги, посвященной пороку и нищетѣ Парижа, должны познакомить читателя съ дѣятельностью шефа

охранительной полиціи. Ему поручена безопасность мирныхъ жителей, онъ располагаетъ широкими полномочіями, и самая личность этого чиновника окружена нѣкоторой таинственностью Поэтому намъ необходимо заняться его особой, прежде чѣмъ говорить о выдающихся преступникахъ и описывать воровскіе притоны, служащіе, такъ сказать, преддверіемъ тюрьмы. Посмотримъ, какимъ образомъ проводитъ онъ день съ минуты своего пробужденія до отхода ко сну. Заранѣе дѣлаю оговорку, что здѣсь идетъ рѣчь не о какой нибудь извѣстной личности. Въ своемъ очеркѣ я не описываю въ частности г. Клода, Клемана, Жакоба или Масе, но просто полицейскаго чиновника вообще, которому, съ помощью крайне ограниченнаго штата подчиненныхъ, ровно въ двѣсти тридцать человѣкъ, приходится зорко слѣдить за цѣлыми тысячами преступниковъ, кишащихъ на парижской мостовой. Тѣмъ, кто желаетъ обстоятельно познакомиться съ организаціей охранительной полиціи, совѣтуемъ прочесть статью Максима дю-Кана, помѣщенную въ «Органахъ Парижа». Мы же съ своей стороны только прослѣдимъ дѣятельность шефа въ теченіе одного дня. Я былъ хорошо знакомъ со всѣми лицами, занимавшими этотъ важный постъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, и имѣлъ случаи бесѣдовать съ каждымъ изъ нихъ, потому что разговоры съ такими опытными людьми представляютъ громадный интересъ для писателя, желающаго подробно изучить парижскій бытъ. Было-бы совершенно излишнимъ указывать, отъ кого изъ названныхъ мною выше начальниковъ полиціи я получилъ необходимыя свѣдѣнія, помѣщенныя въ этой книгѣ. Очень возможно, что каждый изъ нихъ безсознательно принесъ мнѣ въ данномъ случаѣ свою долю пользы во время нашихъ бесѣдъ. Итакъ, пусть намѣченная мною въ общихъ чертахъ личность шефа останется безъ имени. Если кто нибудь вздумаетъ сдѣлать подпись подъ моимъ наброскомъ, то подобная попытка не приведетъ ни къ чему.

Трудно опредѣлить, когда начинается день начальника полиціи и когда кончается: этотъ чиновникъ не знаетъ смѣны, ему нельзя ни на минуту отлучиться изъ префектуры, не сказавши, гдѣ его можно немедленно найти въ случаѣ надобности; онъ спитъ, какъ говорится, однимъ глазомъ и долженъ быть на ногахъ при первомъ увѣдомленіи по телеграфу о какомъ нибудь трагическомъ событіи въ городѣ. Въ полицейскомъ правленіи у него подъ рукою постоянно дежурятъ отъ тридцати до сорока человѣкъ подчиненныхъ; они по походному располагаются здѣсь на ночлегъ, готовые броситься на улицу при первомъ сигналѣ тревоги. Эти безстрашные люди могутъ имѣть при себѣ только

лѣзную цѣпочку, служащую для поимки мошенниковъ и назы-
емую «кабріолетомъ». Если полицейскому удастся надѣть «кабрі-
етъ» на руки преступника, то арестованный ни за что не убѣ-
ится, потому что въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія этотъ
амысловатый приборъ въ состояніи раздробить ему кости. Между
тѣмъ агенту полиціи не дозволяется официальнымъ образомъ носить
при себѣ оружіе. Каждый полицейскій, конечно, имѣетъ въ за-
асѣ револьверъ, но ему запрещено стрѣлять, исключая тѣхъ слу-
аевъ, когда онъ, какъ всякое частное лицо, бываетъ поставленъ
ъ необходимость защищаться отъ нападенія. Много парижанъ,
живущихъ въ глухихъ кварталахъ города, также носятъ въ кар-
манахъ револьверъ; однако всякій изъ насъ можетъ прибѣгнуть
къ нему въ случаѣ надобности, не рискуя ничѣмъ, кромѣ штрафа
въ шестнадцать франковъ за незаконное ношеніе оружія, тогда
какъ агентъ охранительной полиціи, по чувству долга и изъ са-
молюбія, будетъ бороться со своимъ противникомъ въ рукопашную
и скорѣе приметъ ударъ ножа, чѣмъ обезславитъ себя выстрѣ-
ломъ. Вотъ почему, при поимкѣ преступниковъ, полицейскіе не-
рѣдко получаютъ тяжелыя раны, а злодѣи отдѣлываются одними
толчками въ пылу схватки.

Въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, гдѣ не проходитъ дня безъ
преступленія, начальникъ полиціи долженъ быть, что называется,
на безсмѣнномъ дежурствѣ. Онъ не можетъ вести правильнаго
образа жизни, какъ прочіе смертные: ему приходится спать урыв-
ками, обѣдать въ минуты досуга и отдыхать, смотря по обсто-
ятельствамъ. Обыкновенно онъ выслушиваетъ въ префектурѣ до-
клады главныхъ надзирателей съ восьми часовъ утра, потомъ, по
возможности, присутствуетъ на допросѣ арестованныхъ полиціей
въ предшествующую ночь, затѣмъ переходитъ къ себѣ въ бюро,
гдѣ принимаетъ просителей и другихъ лицъ, явившихся сюда по
вызову. Бюро помѣщается въ первомъ этажѣ префектуры, въ тем-
номъ коридорѣ съ низкимъ потолкомъ. Стѣны этой комнаты были
свидѣтелями многихъ интересныхъ приключеній, но онѣ нѣмы,
какъ сами полицейскіе. Священный долгъ этихъ людей—хранить
тайны своей профессіи; они за всѣмъ наблюдаютъ, дѣйствуютъ,
уходятъ со службы или получаютъ отставку отъ начальства, не
разглашая ни о чемъ. Я знаю одного шефа охранительной по-
ліціи, который живетъ теперь на покоѣ въ окрестностяхъ Парижа.
Недавно ему предлагали значительныя суммы за выдачу докумен-
товъ, которыми хотѣли воспользоваться для сочиненія о полиціи,
но отставной шефъ отказался отъ этой выгодной сдѣлки. Одинъ
Канлеръ позволилъ себѣ нарушить молчаніе. Онъ издалъ томъ

своихъ воспоминаній, гдѣ описана его служебная карьера, одн
его поступокъ вызвалъ общее неодобреніе въ средѣ бывшихъ
служивцевъ, которые отнеслись къ Канлеру, какъ къ челов
измѣнившему долгу службы.

Кабинетъ шефа помѣщается въ крошечной комнатѣ съ низк
потолкомъ и единственнымъ рѣшетчатымъ окошкомъ, выходящ
на набережную къ Новому мосту. Здѣсь стоитъ бюро, служив
при многихъ правительствахъ и покрытое кипами бумагъ. Меб
ровку комнаты дополняютъ нѣсколько стульевъ и одно кре
Я замѣтилъ, что арестованныхъ преимущественно сажаютъ
эту низенькую мебель, чтобы полицейскимъ агентамъ, стоящ
позади, было удобно броситься на злодѣя и схватить его,
случаѣ попытки къ нападенію. У начальника полиціи нѣтъ ору
ни при себѣ, ни въ ящикахъ стола: впрочемъ, онъ совсѣмъ
нуждается въ этомъ, находясь подъ охраной своихъ подчин
ныхъ, которые ежеминутно готовы выручить его изъ критическ
положенія. Служащіе въ бюро молодые люди одновременно ис
няютъ должность полицейскихъ агентовъ и секретарей. Пер
глазами шефа ежедневно проходитъ самая разношерстная публ
содержатели меблированныхъ комнатъ или трактирщики изъ
гонадежныхъ кварталовъ и различныхъ трущобъ; обыкнове
ихъ призываютъ сюда для необходимыхъ справокъ или дѣла
имъ предостереженія. Къ начальнику охранительной поли
являются также люди со всѣхъ концовъ Парижа, отыскиваю
какое нибудь исчезнувшее лицо, а иногда родители, желаю
вернуть къ семейному очагу убѣжавшую отъ нихъ дочь.
предпочитаютъ идти въ префектуру, вмѣсто того, чтобы об
титься къ комисарамъ, во избѣжаніе огласки въ своемъ к
талѣ. Шефъ внимательно выслушиваетъ каждаго и нерѣдко да
полезные совѣты; онъ дѣлаетъ отеческій выговоръ какому ниб
юношѣ, арестованному полиціей по просьбѣ отца только
острастки, но приказываетъ задержать другаго, пришедшаго
полицейское бюро по доброй волѣ, а выходящаго оттуда п
конвоемъ послѣ допроса, на которомъ обнаружились самыя
ожиданныя вещи.

Такимъ образомъ, чуть не весь Парижъ появляется пер
глазами начальника охранительной полиціи; онъ держитъ
рукахъ честь не одной семьи и отлично умѣетъ *уладить* мир
такія дѣла, которыя безъ его вмѣшательства неминуемо зако
лись-бы уголовнымъ процессомъ. Послѣ этого шефъ переход
къ серьезнымъ занятіямъ. Ему предоставлена не только су
пая власть, но даже болѣе широкія полномочія; разыскивая

ступленія, онъ дѣйствуетъ въ качествѣ судебнаго слѣдователя и, кромѣ того, можетъ допрашивать преступниковъ. Они охотно уступаютъ убѣжденіямъ начальника охранительной полиціи, между тѣмъ какъ на судебномъ допросѣ выказываютъ постоянное упорство и боятся судебнаго слѣдователя. Всѣ эти негодяи твердо знаютъ законъ: имъ хорошо извѣстно, что показанія на допросѣ шефа не представляютъ той важности, какъ въ присутствіи официальнаго представителя правосудія. Кромѣ того, преступникъ знаетъ, что начальникъ полиціи въ награду за откровенность можетъ смягчить для него суровый тюремный уставъ; онъ имѣетъ право дать ему табаку или какихъ нибудь гостинцевъ, которые заключенные очень любятъ. Бумажный свертокъ, переданный преступнику полицейскимъ служителемъ, производитъ иногда гораздо болѣе дѣйствія, чѣмъ всѣ убѣжденія судебнаго слѣдователя. Къ тому-же, въ дни допроса у шефа полиціи арестантамъ даютъ завтракать, если имъ приходится долго оставаться въ префектурѣ, а это настоящій пиръ для людей, посидѣвшихъ въ Мазасѣ. Кушанья приносятъ изъ ближайшаго виннаго погребка; разумѣется, при этомъ арестантамъ даютъ ножи съ закругленнымъ концомъ. Одинъ разъ мнѣ пришлось присутствовать на такомъ угощеніи въ префектурѣ: въ ожиданіи допроса, около десятка убійцъ, замѣшанныхъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ, наслаждались блюдомъ свѣжихъ котлетъ, подъ надзоромъ усиленнаго конвоя изъ полицейскихъ. Не доставало только заздравныхъ тостовъ за десертомъ, веселыхъ пѣсенъ и рѣчей.

Вообще преступники относятся къ полицейскимъ довольно дружелюбно; если они видятъ въ нихъ своихъ враговъ въ минуту ареста, то скоро мирятся съ ними, потому что полицейскій агентъ можетъ смягчить для арестованнаго суровый уставъ мазасской тюрьмы. Въ кабинетѣ судебнаго слѣдователя, безстрастнаго, какъ само правосудіе, сидящаго рядомъ со своимъ секретаремъ, который записываетъ показанія, преступникъ бываетъ молчаливъ, но въ префектурѣ онъ не взвѣшиваетъ каждаго слова, здѣсь его не подвергаютъ сухому допросу, къ нему обращаются по пріятельски и разговариваютъ съ нимъ дружелюбно. Арестантъ, человѣкъ бывалый, знаетъ, что эта процедура не внесена въ уголовные законы и потому не будетъ имѣть большаго вѣса на судебномъ разбирательствѣ. Я видѣлъ убійцъ въ коридорѣ суда; они смотрѣли мрачно и молчали, но въ префектурѣ—тѣ же самые люди пускаются въ разговоры безъ всякаго стѣсненія. Они дѣлаютъ все, чтобы только задобрить шефа и заслужить его снисхожденіе.

Обыкновенно преступники добиваются милости попасть въ л
ную арестантскую камеру съ другимъ заключеннымъ.

Однажды, много лѣтъ назадъ, я присутствовалъ на очной с
кѣ важнаго преступника съ рабочимъ, на котораго онъ ука
изъ мести, какъ на соучастника своего преступленія.

Шефъ полиціи тотчасъ догадался, что арестованный гово
неправду и что рабочій не виновенъ; однако, желая вполнѣ
ясить дѣло, онъ послалъ шестерыхъ агентовъ за двумя дру
важными преступниками, которые ожидали въ депо судейс
вопроса. Вскорѣ они явились передъ нами, безъ оковъ и въ
ровомъ настроеніи духа. По окончаніи очной ставки, аресто
съ наслажденіемъ нюхали полученные ими пакеты съ табак
они обращались къ шефу полиціи, какъ къ другу, съ улыбко
губахъ и съ чрезвычайной вѣжливостью. Только старшій
ихъ, заглянувъ въ окно, поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ: ему въ
ый разъ пришлось видѣть уличное оживленіе со времени се
ареста, и это напомнило преступнику дорогую свободу... Доп
былъ непродолжителенъ и отличался замѣчательною точнос
Убѣдясь въ томъ, что убійца напрасно оклеветалъ честнаго
лов'ѣка, начальникъ полиціи обратился къ нему съ суровыми
ами и отпустилъ работника домой. Я никогда не забуду
добнаго взгляда, какимъ проводилъ своего врага преступн
тда ему стало ясно, что его ложь вполнѣ обнаружена.
ъ эластичнымъ движеніемъ вскочилъ онъ на ноги, сдѣ
прыжокъ къ начальнику полиціи и, какъ будто собирался с
тить его за горло. Я похолодѣлъ отъ ужаса. Но шефъ, при
ый къ сценамъ подобнаго рода, не моргнулъ глазомъ: двое
лицейскихъ немедленно бросились на злодѣя, схватили ег
руки и отвели обратно въ тюрьму. Тогда одинъ изъ убійцъ гр
расхохотался.

— Глупое животное, воскликнулъ онъ,—развѣ можно серди
на охранительную полицію!

Потомъ онъ дружески потрепалъ своего товарища по жи
и прибавилъ:

— Мы такъ не сдѣлаемъ, не правда-ли? мы всегда лю
обходимся съ шефомъ, а онъ за это дастъ намъ табаку.

Бригадиръ вопросительно посмотрѣлъ на своего начальн
Тотъ кивнулъ головою въ знакъ согласія, и тогда агентъ надѣ
обоихъ убійцъ табакомъ и папиросной бумагой, послѣ чего
ушли подъ конвоемъ полицейскихъ, посылая шефу самыя
вѣтливыя улыбки.

Покончивъ съ важными дѣлами, начальникъ полиціи пе

ить къ мелкимъ заботамъ. Онъ распредѣляетъ занятія между своими подчиненными; одному приказываетъ навести нужныя справки, другаго посылаетъ въ дома терпимости на поиски за молодымъ воромъ, укравшимъ у хозяина тысячу двѣсти франковъ; третьяго командируетъ въ провинцію по слѣдамъ еще не разысканнаго преступника.

Романисты не разъ описывали агента охранительной полиціи совершенно неправдоподобными красками. Ошибочно было бы предполагать, что каждый полицейскій похожъ на Лекока. Шефъ полиціи распоряжается всѣмъ, а его подчиненные дѣйствуютъ только въ качествѣ орудія его воли. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно обладаютъ недюжиннымъ умомъ и страстно любятъ свое дѣло. Таковъ, напримѣръ, бригадиръ, выслѣдившій Баллуара и наконецъ приведшій его, какъ пріятеля, въ префектуру подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы шефъ желаетъ разспросить преступника о ходившихъ по городу слухахъ. Этотъ бригадиръ—заслуженный воинъ; онъ неожиданно получилъ наслѣдство, приносящее ему отъ четырехъ до пяти тысячъ ливровъ дохода; слѣдовательно онъ состоитъ на полицейской службѣ не ради жалованья, но просто изъ любви къ занятіямъ этого рода. Дѣйствительно, изъ него выработался искусный сыщикъ.

Однако, агенту нерѣдко помогаетъ въ его поискахъ не столько ловкость, сколько счастливый случай. Такъ, одинъ разъ, когда я находился въ бюро охранительной полиціи, туда пришелъ съ докладомъ полицейскій, которому какимъ-то чудомъ удалось накрыть цѣлую шайку воровъ; онъ отправился на публичный балъ, гдѣ былъ узнанъ одною дѣвушкой. Она подошла къ нему и сказала потихоньку: «Я понимаю, зачѣмъ вы сюда пришли; если вы обѣщаете, что меня не арестуютъ, то я покажу вамъ его!» Агентъ сдѣлалъ видъ, будто-бы онъ все знаетъ: ему удалось ловко вывѣдать отъ дѣвушки интересныя подробности; раньше она состояла въ связи съ человѣкомъ, котораго, по ея мнѣнію, разыскивала полиція; потомъ онъ промѣнялъ ее на другую и теперь она изъ мести выдавала своего бывшаго любовника.—«Вотъ онъ», сказала дѣвушка, показывая на кого-то, только что входившаго въ танцовальную залу. Агентъ тотчасъ подошелъ къ нему со словами:—«Я васъ арестую». Мазурикъ однако не хотѣлъ ронять своего достоинства. «Послушайте, сказалъ онъ агенту,—выйдемъ отсюда безъ скандала; меня очень уважаютъ въ этомъ заведеніи; да и зачѣмъ напрасно дѣлать огласку!..» Агентъ взялъ преступника подъ руку и вышелъ съ нимъ изъ залы, какъ съ пріятелемъ. По условному знаку, другой агентъ, дежурившій у входа, подхватилъ аресто-

ваннаго подъ другой локоть и они всѣ трое отправились такимъ образомъ въ префектуру. Вдругъ мошенникъ остановился и сказалъ: «А другіе тоже арестованы?»—«Не безпокойтесь, отвѣчали ему,—они не уйдутъ изъ нашихъ рукъ».—«Какъ мнѣ хочется пить, продолжалъ воръ, зайдемте, пожалуйста, въ погребокъ!»

Его желаніе было немедленно исполнено: тогда языкъ мошенника совершенно развязался; онъ началъ говорить, что давно предвидѣлъ неминуемую развязку и готовъ признаться во всемъ. Арестованный сообщилъ, что имъ совершено ровно пятьдесятъ двѣ кражи, назвалъ своихъ сообщниковъ и указалъ мѣста, гдѣ ихъ можно поймать. Около трехъ часовъ утра, агентъ охранительной полиціи, случайно попавшій на публичный балъ, привелъ въ тюрьму цѣлую шайку мошенниковъ съ помощью двухъ товарищей и нѣсколькихъ обыкновенныхъ полицейскихъ.

Напрасно было-бы предполагать, что такіе удачные аресты щедро награждаются шефомъ. Онъ даже не назначаетъ наградъ, и притомъ онѣ обыкновенно очень не велики. Главный начальникъ полиціи рѣдко даетъ своимъ подчиненнымъ преміи свыше двадцати франковъ: вліяніе шефа, главнымъ образомъ, основано на его личномъ авторитетѣ; онъ первый подвергаетъ себя всевозможнымъ опасностямъ и послѣднимъ оставляетъ свой постъ, подавая всѣмъ примѣръ самоотверженія. Покончивъ съ мелкими дѣлами и распредѣливъ занятія между всѣми бригадирами, передающими ихъ агентамъ, шефъ идетъ завтракать, если ему позволяетъ время. Въ два часа онъ отправляется къ слѣдственнымъ судьямъ, принимаетъ ихъ приказанія, передаетъ результаты своихъ розысковъ и отправляется съ ними на новыя слѣдствія. Потомъ начальникъ охранительной полиціи дѣлаетъ свой обычный обходъ по всѣмъ тюрьмамъ. У него нѣтъ въ распоряженіи чиновника, которому онъ могъ-бы поручить допросъ обвиняемыхъ. Ему приходится отвѣчать за общественную безопасность передъ префектомъ полиціи, и потому шефъ всѣмъ завѣдуетъ самъ. Передъ нимъ, конечно, безпрепятственно открываются тюремныя двери. Нерѣдко онъ приводитъ съ собою свидѣтелей, въ надеждѣ, что они узнаютъ арестанта, подозрѣваемаго еще въ другомъ преступленіи, кромѣ того, за которое онъ посаженъ въ тюрьму. Очныя ставки производятся и въ камерахъ, куда нельзя допускать постороннихъ лицъ ни подъ какимъ предлогомъ. Въ Мазасѣ обыкновенно шефъ полиціи приказываетъ привести къ себѣ обвиняемаго въ такъ называемую «слѣдственную» камеру, маленькую комнату въ первомъ этажѣ, возлѣ библіотеки, меблированную столомъ и двумя стульями; въ распоряженіи шефа находится при этомъ всего одинъ

генгъ. Тюремный сторожъ идетъ за преступникомъ и приво-
итъ его сюда. Романисты любятъ описывать подобныя сцены,
о ихъ пылкое воображеніе искажаетъ истину. Въ свиданіяхъ
олицейскаго съ арестантомъ рѣшительно нѣтъ ничего мелодра-
атическаго; по большей части ихъ разговоры напоминаютъ дру-
ескую бесѣду; однажды я самъ былъ свидѣтелемъ этого. Шефъ
олиціи велѣлъ вызвать человѣка, совершившаго до тридцати
ражъ, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ мошенниковъ Парижа.
огда онъ вошелъ въ комнату, я удивился его приличной физіо-
оміи и чистенькой одеждѣ; поступивъ въ тюрьму, онъ точно
реобразился: его арестантское платье было очень опрятно, а лицо
ривѣтливо улыбалось. Преступникъ развязно облокотился на
исьменный столъ; онъ выказывалъ величайшее уваженіе, не об-
аруживая при этомъ ни робости, ни заносчивости. Начальникъ
олиціи потребовалъ у него нѣкоторыхъ объясненій по поводу
оровства, въ которомъ преступникъ сознался раньше; однако
тотъ посмотрѣлъ на меня съ недовѣріемъ и не захотѣлъ отвѣ-
чать. «Когда мы будемъ одни,—сказалъ онъ,—я объясню вамъ
се, что вы желаете, но я отказываюсь говорить въ присутствіи
этого господина». Арестантъ заподозрилъ во мнѣ или слѣдствен-
аго судью, или свидѣтеля, приведеннаго для очной ставки. Шефъ
олиціи не сталъ настаивать и отослалъ его обратно, предвари-
ельно наградивъ табакомъ, который былъ принятъ мошенникомъ
съ рукъ агента съ выраженіемъ искренней благодарности и съ
амой любезной улыбкой по адресу шефа.

Изъ Мазаса начальникъ охранительной полиціи отправляется
ъ большую Рокетскую тюрьму, а оттуда въ малую, гдѣ содер-
атся малолѣтніе преступники. Если ему нужно вызвать къ сви-
телю кого нибудь изъ этихъ арестантовъ-дѣтей, то допросъ
роизводится въ бюро секретаря. Преступникъ приходитъ подъ
онвоемъ одного сторожа, держа въ рукѣ деревянный четырехъ-
ольникъ, гдѣ вырѣзанъ нумеръ его камеры; эту дощечку онъ
бязанъ отдать обратно при возвращеніи. Такая предосторож-
ость принимается для того, чтобы не перепутать камеръ, если
ызываютъ нѣсколько преступниковъ одновременно.

Послѣ обхода тюремъ, шефъ возвращается къ себѣ, гдѣ под-
ченные подаютъ ему рапорты. Иногда онъ обѣдаетъ со своимъ
емействомъ, если позволяетъ время, но потомъ снова немедленно
озвращается въ префектуру. Проходя около полуночи по набе-
жной Масонъ, вы можете нерѣдко замѣтить маленькое освѣ-
енное окно съ рѣшеткой въ первомъ этажѣ зданія. Здѣсь на-
альникъ охранительной полиціи нерѣдко проводитъ за работой

часть ночи. Онъ несетъ на себѣ самую тяжелую отвѣтственность послѣ префекта полиціи. Чтобы занимать этотъ важный постъ, необходимо, какъ видитъ читатель, имѣть три рѣдкихъ качества: крѣпкое здоровье, чтобы выносить массу труда, проницательность опытнаго судьи для разслѣдованія загадочныхъ преступленій и мужество солдата, который постоянно готовъ рисковать жизнью ради общественной безопасности.

II.

Вереница арестованныхъ въ полицейскомъ управленіи.

Какъ Швейцарія имѣетъ свой центральный пунктъ, Рига, откуда можно окинуть взглядомъ панораму Альповъ, такъ и въ Парижѣ есть мѣсто, откуда легко увидѣть общую картину порока, преступленія и жалкой столичной нищеты; этотъ пунктъ,—маленькое бюро въ нижнемъ этажѣ префектуры, гдѣ каждое утро появляются бродяги и мошенники, пойманные полиціей въ продолженіе ночи. Ихъ обыкновенно привозятъ въ тюремныхъ повозкахъ въ полицейское депо къ девяти часамъ утра. Постороннему лицу трудно попасть сюда, но все таки мнѣ удалось одинъ разъ присутствовать на допросѣ арестованныхъ, съ разрѣшенія шефа охранительной полиціи. Передо мной разыгрывались потрясающія сцены, которыя неизмѣнно повторяются здѣсь каждый день въ опредѣленные часы.

Бюро расположено направо отъ входа, подъ сѣнями депо; тамъ стоитъ небольшой столъ, полдюжины стульевъ и нѣчто въ родѣ библіотеки съ ящиками для документовъ и книгъ. На стульяхъ сидятъ пять или шесть агентовъ охранительной полиціи; они присутствуютъ здѣсь для внимательнаго осмотра арестованныхъ, которые поочередно появляются передъ бригадиромъ, сидящимъ за письменнымъ столомъ. Въ этой разношерстной толпѣ нерѣдко попадаются бѣглые каторжники, скрывающіеся подъ вымышленнымъ именемъ. Подчиненные подаютъ бригадиру списокъ лицъ, подлежащихъ допросу. Присутствуя здѣсь, я не безъ любопытства разсматривалъ переодѣтыхъ агентовъ; все это были люди съ энергичными чертами лица, храбрецы, которые часто подвергаются незаслуженному презрѣнію и защищаютъ насъ отъ парижскихъ разбойниковъ, рискуя своей жизнью за ничтожное вознагражденіе отъ тысячи двухсотъ до тысячи шестисотъ франковъ.

Въ сосѣдней комнатѣ дожидаются очереди арестованные; за ними наблюдаетъ нѣсколько полицейскихъ, которые не даютъ имъ разговаривать между собою. Такая предосторожность необ-

одима для того, чтобы помѣшать мошенникамъ, знающимъ другъ руга, условиться относительно предстоящихъ показаній на допросѣ. Помѣстившись посрэди агентовъ въ первомъ ряду, я старался не пропустить ни малѣйшей подробности, и привожу моимъ читателямъ точный протоколъ этого интереснаго засѣданія. Авторы криминальныхъ романовъ обыкновенно превозносятъ умъ и сметливость парижскихъ мошенниковъ, однако, на самомъ дѣлѣ, большинство изъ нихъ очень глуповато, что значительно облегчаетъ задачу охранительной полиціи.

Шествіе открывается двумя уличными мальчишками отталкивающей наружности, которые арестованы за кражу деревянныхъ досокъ съ казенной постройки; это отвратительные типы парижскихъ мазуриковъ. Они стараются доказать, будто-бы взяли доски съ цѣлью устроить себѣ изъ нихъ качели и позабавиться.

— Вы здѣсь уже не въ первый разъ, замѣчаетъ бригадиръ съ недовѣрчивой улыбкой.—Перестаньте притворяться: это не приведетъ ни къ чему. Вы оба сидѣли въ тюрьмѣ за кражу по четыре или по пяти разъ.

Говоря такимъ образомъ, бригадиръ дѣлаетъ видъ, будто-бы онъ наводитъ справки въ шнуровыхъ книгахъ.

— Вотъ ты, говоритъ полицейскій старшему мальчишкѣ, сидѣлся уже три раза.

— Не правда: всего два! съ живостью возражаетъ мазурикъ.

— И оба раза съ этимъ товарищемъ?

— Нѣтъ, одинъ разъ съ Жюлемъ.

— А гдѣ Жюль?

— Въ Малой Рокетской!

— Ладно!

Бригадиръ отмѣчаетъ въ своей записной книжкѣ: «разыскать названнаго Жюля въ малой Рокетской тюрьмѣ». Преступниковъ-малолѣтковъ уводятъ обратно и на смѣну имъ является человѣкъ лѣтъ за сорокъ, взятый за кражу цыпленка въ съѣстной лавкѣ.

— Вы здѣсь тоже не первый разъ; не совѣтую вамъ запираться, скажите лучше правду! убѣждаетъ бригадиръ арестанта.

Тотъ, вмѣсто отвѣта, трясетъ гривой сѣдыхъ волосъ, окидываетъ взглядомъ присутствующихъ и, принявъ позу оратора, заводитъ несвязную рѣчь, гдѣ говорится рѣшительно обо всемъ: объ имперіи и республикѣ, о старомъ и новомъ свѣтѣ, о затруднительномъ положеніи парижскаго пролетаріата, о необходимости создать новую организацію соціальной машины. Этотъ человѣкъ обнаруживаетъ очевидно признаки умопомѣшательства, но полиція не легко поддается на эту удочку и странный субъектъ посидитъ въ

тюрьмѣ, пока психіатры констатируютъ фактъ его душевной болѣзни.

За нимъ слѣдуетъ пожилой мужчина, лѣтъ шестидесяти, гладко обстриженный, съ свирѣпымъ, зеленовато-блѣднымъ лицомъ, настоящій типъ разбойника: у него густыя брови, маленькіе глаза, широкая нижняя челюсть, выдающаяся впередъ, какъ подбородокъ полишинеля. Его захватили въ предшествующую ночь съ узломъ разноколиберной мужской и женской одежды, очевидно украденной. Воръ утверждаетъ, будто-бы какой-то незнакомецъ нанялъ его за двадцать су отнести узелъ по адресу, который онъ позабылъ.

Эта избитая уловка всѣхъ вообще мазуриковъ, конечно, не можетъ ввести въ заблужденіе полицію.

Одинъ изъ агентовъ особенно пристально всматривался въ арестанта во время допроса и наконецъ подалъ знакъ, что онъ желаетъ говорить. Съ позволенія бригадира полицейскій вступилъ съ мошенникомъ въ слѣдующій разговоръ.

— Не старайтесь вывернуться, замѣтилъ надзиратель,—я узналъ васъ, вы такой-то. Послѣ двѣнадцати лѣтъ заключенія въ Пуасси, васъ отпустили на свободу мѣсяцъ тому назадъ, назначивъ вамъ мѣстомъ жительства Сенъ-Дени. Видите, мнѣ все извѣстно.

Мошенникъ очень добродушно выслушалъ агента и залился громкимъ смѣхомъ, широко раскрывъ огромный беззубый ротъ.

— Ловко вы меня поддѣли! отвѣтилъ онъ. Ну, что-жъ дѣлать! Ведите меня къ судьѣ, потомъ сажайте въ мазасскую тюрьму, а оттуда мнѣ, какъ рецидивисту, придется проѣхать въ Новую Каледонію! Въ сущности, я не прочь отъ этого путешествія.

Новая Каледонія, т. е. работа на открытомъ воздухѣ, составляетъ мечту рецидивистовъ центральныхъ тюремъ. Нерѣдко, когда имъ угрожаютъ новымъ заключеніемъ, они спѣшатъ сознаваться въ преступленіи, чтобы отправиться въ «Новую», въ эту обѣтованную землю парижскихъ мошенниковъ. Изъ такого факта можно вывести интересныя заключенія относительно исправительныхъ мѣръ для преступниковъ; однако, здѣсь не мѣсто останавливаться на философскихъ выводахъ. Въ массѣ столичныхъ подонковъ, ежедневно переполняющихъ депо, рѣдко попадаются люди, способные вызвать сочувствіе: старикъ, сдѣлавшійся воромъ отъ нищеты, бродяга-ребенокъ, покинутый родителями, бѣдная женщина, брошенная пьяницей-мужемъ, просящая милостыню, однимъ словомъ, жертвы несчастія, которыхъ правосудіе всегда караетъ за ихъ проступки. Но зато въ полицейскомъ бюро можно наглядно познакомиться со всѣми героями преступленій и порока, начиная съ бѣглаго каторжника, грабителя на большой дорогѣ,

чиновника, совершившаго растрату, и кончая всѣми видами проституціи. Здѣсь невозможно привести всѣхъ разговоровъ и показаній преступниковъ, потому что многихъ изъ нихъ приходится судить при закрытыхъ дверяхъ. Не проходитъ дня, чтобы тюремныя повозки не привозили въ префектуру молодыхъ людей съ поблекшимъ лицомъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія въ то время, когда они предавались самому постыдному изъ всѣхъ пороковъ. Знаменитое выраженіе шефа полиціи, который сказалъ: «ищите женщину», вышло изъ моды. Чаще всего, для открытія слѣдовъ преступленія нужно искать мужчинъ. При всей своей опытности, агенты полиціи съ видимымъ отвращеніемъ допрашиваютъ молодыхъ негодяевъ съ напомаженными волосами и нарумяненнымъ лицомъ. При мнѣ, въ полицейское бюро привели юношу семнадцати лѣтъ, одѣтаго въ щегольскую бархатную визитку, сѣрые панталоны и лакированные сапоги. Его поймали на мѣстѣ преступленія на скамьѣ бульвара съ полоумнымъ старикомъ, отупѣвшимъ и еле живымъ отъ старческаго сладострастія. Соучастникъ преступленія отказался назвать свое имя и сообщить адресъ, но не пройдетъ двухъ дней, какъ его личность сдѣлается извѣстной полиціи, потому что родственники пропавшаго старика сами придутъ разыскивать его въ префектуру.

Наконецъ, на сцену появляется женщина лѣтъ двадцати пяти. Она одѣта бѣдно, но опрятно: на ней черное шерстяное платье и бѣлый чепчикъ съ розовыми лентами. Это самая опасная разновидность парижской проститутки. Она торгуетъ собою подъ прикрытіемъ законнаго брака и возвращается къ семейному очагу, обобравъ какого нибудь довѣрчиваго простяка. Проститутки такого рода не состоятъ въ полицейскихъ спискахъ, что сильно затрудняетъ розыски, когда на нихъ поступаютъ жалобы и обвиненія въ воровствѣ. Это несомнѣнно самая вредная категорія публичныхъ женщинъ, потому что онѣ находятся подъ защитой мужа. Въ настоящемъ случаѣ, былъ арестованъ одинъ изъ такихъ снисходительныхъ супруговъ, такъ какъ у него нашли краденные часы, которые онъ принесъ къ закладчику.

— Я понимаю, въ чемъ дѣло, замѣтилъ при этомъ одинъ изъ агентовъ.

— Вамъ извѣстна личность подсудимаго? спрашиваетъ его бригадиръ.

— Да. Я узналъ эту женщину: на нее поступало множество жалобъ отъ обманутыхъ ею людей. Мы уже больше года старались найти случай захватить воровку...

Здѣсь между полицейскимъ и проституткой завязывается кур-

езный разговоръ. Я не измѣнилъ въ немъ ни слова, чтобы привести его во всей натуралистической прелести.

— Ну, посмотримъ, что вы скажете, замѣтилъ женщинѣ бригадиръ.—Для васъ самихъ будетъ лучше чистосердечно во всемъ сознаться.

Проститутка бросаетъ злобный взглядъ на выдавшаго ее агента полиціи, хотя старается при этомъ замаскировать свою ненависть холоднымъ презрѣніемъ.

— Вы замужемъ? снова задаетъ ей вопросъ бригадиръ.

— Да.

— Но между тѣмъ вы цѣлые вечера проводите на улицѣ и вашъ мужъ позволяетъ вамъ это?

— Да.

— У кого вы украли эти часы съ цѣпочкой?

— У одного господина.

— То есть, у прохожаго, который былъ обманутъ вашей приличной наружностью и скромнымъ видомъ, не подозрѣвая приготовленной ему западни. Куда вы его повели?

— Онъ самъ повелъ меня къ себѣ на квартиру.

— Понимаю: вы ему разсказали небылицу о ревнивомъ мужѣ и увѣрили его, что въ первый разъ въ жизни дошли до разврата только для того, чтобы заплатить кормилицѣ своего больнаго ребенка. На ваше счастье немало дураковъ позволяютъ морочить себя такимъ способомъ. Итакъ, этотъ господинъ привелъ васъ къ себѣ. Когда-жъ вы стянули у него часы?

— Пока онъ спалъ.

— Вернувшись домой, вы вручили украденныя вещи вашему мужу?

— Да, но онъ не виновенъ.

— Какъ! Вашъ мужъ позволяетъ вамъ проводить ночи внѣ дома и когда поутру вы приносите ему цѣнныя вещи, то онъ не интересуется даже узнать, откуда вы ихъ взяли?

— Я сказала ему, что часы и цѣпочка—подарокъ дяди.

— У васъ есть дядя?

— Да, въ Африкѣ; онъ служитъ въ полку спаговъ уже двадцать семь лѣтъ.

— И вашъ мужъ повѣрилъ, что этотъ дядюшка вернулся ночью изъ Африки съ спеціальной цѣлью подарить вамъ цѣпочку и часы? Перестаньте морочить людей.

Бригадиръ велѣлъ удалить женщину и привести ея мужа.

Достойный супругъ былъ человѣкъ невысокаго роста съ при-

немистой фигурой и бѣлокурыми, густыми волосами, торчащими у него на головѣ, какъ щетина дикобраза.

— Васъ арестовали, когда вы закладывали часы съ цѣпочкой, украденные вашей женою?

— Да, но вѣдь я ничего не зналъ. Ея дядя изъ Африки...

— Не говорите вздора! Вы промышляете развратомъ жены?

— Да, если хотите...

— Какая ваша профессія?

— Я музыкантъ.

— Гдѣ вы играете?

— Гдѣ придется. Во время выставки я состоялъ въ оркестрѣ, игравшемъ на привязанномъ воздушномъ шарѣ.

— Вы уже не первый разъ закладываете вещи, украденныя вашей женой?

— Въ первый.

Бригадиръ прибѣгаетъ къ прежней уловкѣ и, дѣлая видъ, что наводитъ справку въ документахъ, замѣчаетъ арестованному:

— Однако я вижу, что вы говорите неправду.

Мошенникъ конфузится.

— Да, несвязно отвѣчаетъ онъ,—только вѣдь я не зналъ...

Бригадиръ по прежнему смотритъ въ шнуровую книгу и говоритъ:

— Вы одинъ изъ тѣхъ снисходительныхъ и опасныхъ мужей, какихъ нынче очень много развелось въ Парижѣ. Ваша жена не всегда ходитъ ночевать къ любовникамъ, иногда она приводитъ мужчинъ къ себѣ, увѣривъ ихъ, что мужъ находится въ отлучкѣ. Потомъ вы неожиданно показываетесь и угрозами вымогаете деньги у своей жертвы?

— Позвольте однако...

— Можете объясниться съ судьею.

Женатаго Альфонса уводятъ и бригадиръ приказываетъ ввести новое лицо.

Агентъ возвращается съ молодымъ человѣкомъ высокаго роста, хорошо одѣтымъ и съ заплаканными глазами. Онъ арестованъ по приказанію судебнаго слѣдователя.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я почтамтскій чиновникъ.

— Обвиняетесь въ растратѣ?

— Да.

— Сколько?

— Отъ десяти до двѣнадцати тысячъ франковъ.

Отвѣты молодаго человѣка обнаруживаютъ сильное волненіе.

Его голосъ дрожитъ и обрывается; это его первый шагъ на пути порока. Откуда онъ? Что довело его до паденія? Теперь онъ безвозвратно погибъ. Бригадиръ, не смотря на свою привычку къ тяжелымъ сценамъ, повидимому, также тронутъ его участью. Преступленіе больше бросается въ глаза въ привилегированномъ классѣ общества.

— Ваше дѣло очень серьезно. Уведите этого *господина!*

Агентъ приводитъ новаго подсудимаго. Ему съ виду лѣтъ сорокъ; онъ одѣтъ почти изящно и подвигается впередъ самоувѣренной походкой. Не давая бригадиру сказать ни слова, арестантъ заявляетъ:

— Мой отецъ заплатитъ за все; здѣсь вышло простое недоразумѣніе. Я купилъ одно заведеніе въ кредитъ, а перепродалъ за наличныя деньги, скрывъ отъ покупателя, что на немъ есть долгъ.

— Значитъ, вы совершили мошенничество. Васъ арестовали по распоряженію властей.

— Да, но мой отецъ заплатитъ за всѣ убытки.

— Это касается судебнаго слѣдователя.

Мошенника уводятъ. Онъ, повидимому, удивленъ, что съ нимъ поступаютъ такъ безцеремонно; остановившись въ дверяхъ, арестованный гордо вскидываетъ голову и говоритъ:

— Меня заставили провести ночь съ ворами; смотрите, я пожалуюсь на это полицейскому судьѣ.

И онъ выходитъ съ шикомъ, достойнымъ провинціальнаго актера.

На смѣну является отвратительная проститутка итальянскаго происхожденія, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица и плоскимъ носомъ. Она одѣта въ капотъ, какіе продаются по три франка семидесяти пяти сантимовъ за штуку, въ дрянныхъ суровскихъ лавкахъ. На шеѣ дѣвушки повязана розовая косынка, а въ ея рыжихъ волосахъ пришпиленъ искусственный цвѣтокъ. Полиція хорошо съ ней знакома.

— Э! вы опять попались? говоритъ бригадиръ.

— Да, мнѣ положительно не везетъ.

— Опять за кражу?

— Да.

— Что вы украли на этотъ разъ?

— Ничего. Августъ просто хотѣлъ мнѣ отомстить...

— Кто такой Августъ?

— Онъ ко мнѣ ходитъ. Это ужасный чудакъ: онъ разсказы-

Тутъ подоспѣлъ на выручку и мой товарищъ, котораго стало тревожить мое продолжительное отсутствіе. Хорошо, что онъ подалъ мнѣ помощь; я потерялъ много крови и совсѣмъ выбился изъ силъ. Наконецъ, намъ удалось вдвоемъ захватить вора.

Кончивъ докладъ, агентъ въ изнеможеніи опустился на стулъ; онъ страшно поблѣднѣлъ, и алая струйка крови окрасила его губы. Многіе презрительно назвали-бы его сыщикомъ, но я съ чувствомъ пожалъ руку этого достойнаго человѣка, который недаромъ беретъ четыре франка суточныхъ за свое ремесло.

III.

Кабачокъ въ улицѣ Галандъ.

Одна изъ самыхъ интересныхъ экскурсій, какія я не разъ предпринималъ въ сообществѣ полицейскихъ, привела меня въ уголокъ Парижа, навѣрно незнакомый моимъ читателямъ, хотя онъ лежитъ въ центрѣ города, въ двухъ шагахъ отъ Сены, въ старинномъ кварталѣ, оставшемся неприкосновеннымъ среди всѣхъ перестроекъ столицы. Это захолустье стоитъ посѣтить. Оно представляетъ какъ-бы уцѣлѣвшій чудомъ памятникъ стараго Парижа временъ Евгенія Сю. Въ этомъ заброшенномъ кварталѣ, вѣроятно, живутъ и порядочные люди, но все таки здѣсь преобладаютъ бродяги, пьяницы и проститутки низшаго разбора, для которыхъ улица Галандъ служитъ сборнымъ пунктомъ. Я нарочно отправился туда въ субботу, когда рабочіе получаютъ двухнедѣльный разсчетъ и все окрестное населеніе спѣшитъ въ питейные дома. Въ такіе дни вино по двѣнадцати, по четырнадцати и по шестнадцати су за литръ, льется рѣкой, бокалы вишневой настойки осушаются точно по мановенію волшебства, а запахъ спиртныхъ напитковъ заражаетъ душную атмосферу узенькихъ, грязныхъ улицъ съ покосившимися лачугами по сторонамъ. Почти къ каждому домику ведетъ мрачная *аллея*, на старинный образецъ, гдѣ мигаетъ чадный фонарь, какъ будто не признающій успѣховъ цивилизаціи и глумящійся надъ новѣйшими способами освѣщенія.

Улица Галандъ мало извѣстна парижанамъ, между тѣмъ здѣсь находится одинъ изъ самыхъ живописныхъ кабачковъ, какой только можно себѣ представить: онъ помѣщается въ глубинѣ двора подъ вывѣскою: *Шато-Ружъ*. Съ улицы видна старинная стойка винной торговца прежнихъ временъ, совершенно простая и безъ всякихъ артистическихъ украшеній, какими щеголяютъ современные кабачки столицы. Нѣсколько газовыхъ фонарей довольно скудно

ваетъ удивительныя исторіи. Онъ самъ не знаетъ, что говоритъ.. Пишетъ для меня стихи, даетъ мнѣ имена животныхъ...

— Какія-же это имена?

— Не умѣю вамъ сказать. Онъ зоветъ меня Беатрисой, Орфели. Когда Августъ не очень сумашествуетъ, то говоритъ, что я Жюльета, а себя приказываетъ называть Ромео.

— Не смотря на то, вамъ не слѣдовало воровать его вещей. У васъ нашли въ золѣ камина портмоне, которое вы у него украли; тамъ было двадцать семь франковъ и женскіе волосы.

— Мои собственные. Еслибы я ему дала волю, то у меня давно не осталось-бы ни одного волоска на головѣ. Августъ нарочно зарылъ портмоне въ золу, чтобы меня погубить.

— Хорошо. На судѣ все разберутъ.

Читатель можетъ быть увѣренъ, что я стенографически точно передаю только слышанное мною. Въ этихъ разговорахъ не прибавлено ни слова. Послѣднимъ явился на допросъ провинціальный воръ. Арестовавшій его агентъ находится на лицо и самъ разсказываетъ, какъ ему удалось захватить преступника.

— Знаете, бригадиръ, говоритъ онъ,—мы привели вамъ того мошенника изъ Бордо, котораго давно выслѣживаемъ. Вчера мы проводили въ мазасскую тюрьму его земляка и онъ проговорился, что этотъ человѣкъ живетъ въ меблированныхъ комнатахъ на Монпарнасскомъ бульварѣ. Насъ заранѣе предупреждали о его силѣ и храбрости, поэтому мы рѣшили захватить его въ постели во избѣжаніе скандала. Насъ было двое; мой товарищъ, на всякій случай, остался караулить передъ другимъ меблированнымъ отелемъ, такъ какъ мы не имѣли точнаго адреса. „Если я не вернусь черезъ пять минутъ," сказалъ я ему,—то знай, что мы напали на настоящій слѣдъ". Въ два часа утра я вошелъ въ домъ и разбудилъ хозяина. Объяснивъ ему дѣло и назвавъ примѣты вора, я спросилъ: „не у васъ-ли живетъ этотъ человѣкъ?"—Постойте, говоритъ хозяинъ, это долженъ быть жилецъ въ № 8.—Хорошо, отвѣчаю ему, посмотримъ! Мы поднялись на лѣстницу. Хозяинъ постучался. „Что вамъ надо"? послышался голосъ изъ комнаты.—„Это я, вашъ хозяинъ, отворите мнѣ надо васъ видѣть."—Тутъ мы услышали, что жилецъ всталъ съ постели и идетъ отворять. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ; распахнувъ дверь, мошенникъ увидѣлъ меня и понялъ, что дѣло неладно. Я хотѣлъ броситься въ его спальню, но тутъ онъ придавилъ меня въ дверяхъ; я задыхался; у меня изъ горла хлынула кровь, однако я все таки не уступалъ. Къ счастью, хозяинъ былъ человѣкъ сильный; онъ напиралъ на дверь снаружи до тѣхъ поръ, пока освободилъ меня.

освѣщаютъ этотъ вертепъ пьянства; во всемъ остальномъ *Шато-Ружъ* остался вѣренъ эпохѣ «Парижскихъ Тайнъ» и не увлекся никакими нововведеніями. Расшатанныя, одряхлѣвшія стѣны его залы покрыты аршина на два отъ полу толстымъ слоемъ грязи, приставшей къ нимъ отъ засаленной одежды посѣтителей. Потолки подпираются толстыми деревянными столбами. У входныхъ дверей двѣ служанки моютъ посуду, подаваемую потребителямъ, и вытираютъ поломанные ножи и беззубыя вилки. Здѣсь не продается ничего съѣстнаго, но каждый гость воленъ принести съ собой изъ колбасной или фруктовой лавки сколько угодно провизіи на закуску. Поэтому къ виннымъ испареніямъ тутъ примѣшивается острый запахъ итальянскаго сыра и колбасы съ чеснокомъ. Только самые щепетильные изъ посѣтителей Шато-Ружъ требуютъ себѣ тарелку; большинство довольствуется бумагой, въ которую имъ завернули купленные въ лавкѣ припасы. Здѣсь главную роль играютъ напитки, а не ѣда; каждый старается скромнѣе пообѣдать, чтобы выпить лишній литръ вина. Двухнедѣльный заработокъ остается въ шинкѣ почти цѣликомъ. За этой оргіей парижскихъ подонковъ, купленной цѣною тяжелаго труда, настанутъ двѣ недѣли лишеній и горя, и въ этотъ короткій срокъ многіе изъ пирующихъ попадутъ въ распоряженіе исправительной полиціи или даже на каторгу.

За прилавкомъ видна атлетическая фигура хозяина съ веселымъ лицомъ. Рукава его рубашки, засученные до плечъ, обнажаютъ мускулистыя руки; ихъ внушительный видъ заставляетъ по неволѣ сдерживаться разношерстную толпу посѣтителей *Шато-Ружъ*, которые должны быть очень безпокойны подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Прислуга въ кабачкѣ подобрана подъ стать хозяину. Пять или шесть подручныхъ суетятся вокругъ столовъ, состоящихъ изъ простыхъ досокъ, положенныхъ на деревянные столбы; эти молодые люди также отличаются геркулесовскимъ сложеніемъ и безъ особенныхъ усилій могутъ подъ предводительствомъ своего патрона справиться съ охмѣлѣвшей толпой, которая искоса поглядываетъ на нихъ съ робостью каторжника, невольно опускающаго глаза передъ силачемъ—надсмотрщикомъ.

Въ первой залѣ, самой обширной, не видно почти ни души: мужчины, женщины и дѣти тѣснятся въ двухъ слѣдующихъ комнатахъ, гораздо меньше этой. Посѣтители помѣщаются, какъ попало, за длинными столами, покрытыми порожними и наполненными кружками вмѣстѣ съ пропитанной жиромъ бумагой,— послѣдними остатками съѣденнаго ужина. Посреди комнаты стоитъ большая чугунная печь со множествомъ трубъ, которыя, при незначительной затратѣ топлива, распространяютъ тепло по всему

дому въ холодные зимніе вечера. Рядомъ съ рабочимъ, позв
шимъ себѣ зайти въ Шато-Ружъ по случаю получки жалов
сидитъ неисправимый кутила, отупѣвшій отъ постояннаго
ства, съ мутными глазами, безъ выраженія, и до того осл
шій, что десятилѣтній ребенокъ можетъ съ нимъ справи
Тѣло такихъ субъектовъ утрачиваетъ свою эластичность, а
дрожатъ, точно развинченныя въ суставахъ. Иногда за од
столомъ сидитъ цѣлое семейство: мужъ съ женою или люб
цей и дѣти, рожденныя въ грязи, кандидаты центральной т
мы, несчастныя существа, которымъ въ далекомъ будущемъ
тюремная обстановка покажется верхомъ роскоши: до того
удобны и жалки ихъ лачуги. Самый взглядъ этихъ дѣтей
жаетъ своимъ цинизмомъ, потому что они развращены съ са
младенчества своей порочной средой. Немного далѣе вы уви
передъ собою Альфонса парижскихъ трущобъ. Онъ сидит
устарѣвшей проституткой, щеголяя шляпой сѣраго кастора.
любовницѣ удалось купить ему обновку у торговца гото
платьемъ, которому эта вещь досталась отъ тряпичника,
бравшаго ее на бульварѣ. Покупка была сдѣлана, можетъ б
на краденныя деньги или на жалкіе гроши, добытые отъ прод
послѣднихъ пожитковъ сластолюбивой гетеры.

Вообще женскій персоналъ, посѣщающій Шато-Ружъ, за
ляетъ невольно содрогнуться свѣжаго человѣка. Было-бы о
трудно опредѣлить, какъ давно эти старухи начали раззра
чать; большинство изъ нихъ старше пятидесяти лѣтъ. Нѣк
рыя до такой степени дряхлы, что едва волочатъ ноги, пер
дя отъ одного стола къ другому и вымаливая себѣ рюмочку
на. Всѣ относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, такъ что онѣ
гутъ разсчитывать только на великодушіе пьяницы, которому
но, по двѣнадцати су за литръ, окончательно отуманило зр
Однако въ кабачкѣ попадаются иногда и довольно молодыя
вушки, хотя на ихъ поблекшихъ лицахъ развратъ положилъ
неизгладимую печать. Передъ нами стоитъ, прислонившись
печкѣ, женщина лѣтъ пятидесяти. Она старается придать ор
нальность своей позѣ и кокетливо куритъ папиросу, пуская
лечки дыма. Посѣтители Шато Ружъ, не шутя, восхищаются
когда-то она блистала въ средѣ студентовъ, и ареной ея по
говъ была знаменитая Грандъ-Шомьеръ. Ея наружность со
нила слѣды прежней привлекательности; нетрудно повѣр
что смолоду она кружила легкомысленныя головы обитат
Латинскаго квартала. При взглядѣ на нее, невольно преде
ляешь себѣ эту женщину, выдѣлывающую съ папироской въ

хъ ухарское соло въ кадрили, причемъ каждое движеніе ея
ройной фигуры вызываетъ возгласы одобренія въ толпѣ, на-
ектризованной жгучими взглядами и беззаботной веселостью
изетки. Видно, что въ юности она обладала красотой настоя-
ей парижанки, подвижнымъ и свѣжимъ лицомъ со вздернутымъ
сикомъ, этимъ отличительнымъ признакомъ каскадныхъ героинь,
къ любилъ ихъ изображать своей бойкой кистью Гаварни; да-
теперь, подъ своими сальными лохмотьями, эта отцвѣтшая кра-
вица сохранила нѣкоторый шикъ, импонирующій посѣтителей
ато-Ружъ, которые подъ пьяную руку бываютъ не особенно
ебовательны относительно женскихъ прелестей. Старая гри-
тка внушаетъ очевидную зависть другой проституткѣ, пере-
ившей за полстолѣтіе; никто не обращаетъ на нее вниманія,
тя она постаралась принарядиться, чтобы по возможности вы-
рать въ мнѣніи публики этого вертепа. На ней надѣта мантилья
бахрамой, а ея почти безносое лицо обрамляетъ черная бар-
тная шляпа съ длиннымъ бѣлымъ перомъ. Посреди изорван-
хъ блузъ и полинялыхъ шерстяныхъ платьевъ, этотъ нелѣпый
алетъ кажется верхомъ парижскаго изящества. Атмосфера тру-
бы заражена запахомъ вина, разлитаго по столамъ, которое
скаетъ тонкими красными струйками на одежду посѣтителей,
ичемъ они не обращаютъ на это ни малѣйшаго вниманія. Въ
бачкѣ стоитъ оглушительный шумъ отъ звона посуды, отъ па-
ющихъ бутылокъ, разбиваемыхъ стакановъ, пьянаго хохота и
ергической перебранки, посылаемой съ одного стола на другой.
вотъ вы замѣчаете въ углу группу людей, шопотомъ разгова-
вающихъ между собою и, можетъ быть, готовыхъ совершить
кое нибудь мошенничество въ эту ночь. Общая картина вер-
на производитъ удручающее впечатлѣніе.

Когда мы вошли, толпа замѣтно взволновалась; одни смотрѣ-
на насъ съ любопытствомъ, другіе съ недовѣріемъ. Хозяинъ,
которымъ мы поздоровались при входѣ, собственноручно по-
лъ намъ вина, что сильно подняло нашъ авторитетъ въ гла-
хъ посѣтителей Шато-Ружъ; они, кажется, приняли насъ за
инцевъ, которые изъ любопытства вздумали познакомиться съ
рижскими трущобами. Принцъ Оранскій дѣйствительно осмо-
лъ одинъ разъ всѣ притоны этого квартала, въ обществѣ на-
наго проводника; тамъ до сихъ поръ сохранилось воспоми-
ніе о его щедрости, и при нашемъ прибытіи завсегдатаи ка-
ка, можетъ быть, ожидали, что на нихъ снова посыплются
десь золотыя монеты. Впрочемъ мы были въ полной безопас-
ти подъ охраной геркулеса-хозяина и его подручныхъ съ

желѣзной мускулатурой. Кромѣ того, намъ удалось расположить къ себѣ присутствующую публику съ помощью нѣсколькихъ монетъ по двадцати су, небрежно брошенныхъ на колѣни женщинамъ, и нѣсколькихъ литровъ вина, предложеннымъ мужчинамъ. Благодаря этому, мы тотчасъ получили право гражданства въ кабачкѣ и загладили то непріятное впечатлѣніе, которое произвели здѣсь наши сюртуки, оскорбившіе общество Шато-Ружъ, какъ могло-бы оскорбить посѣтителей англійскаго кафе появленіе въ ихъ средѣ неопрятнаго блузника. Вскорѣ между этой забавной публикой и нами установилась дружеская короткость; гости потѣснились, чтобы дать намъ мѣсто на скамьѣ за столомъ; старые пьяницы любезно улыбались. Однако намъ все таки было неловко. Видя это, одинъ изъ гостей схватилъ своего сына,—который спалъ сномъ праведника, положивъ локти на столъ,—и сунулъ его подъ лавку, точно негодную ветошь, чтобы намъ было свободнѣе сидѣть.

Гости обыкновенно остаются въ кабачкѣ, пока его не запрутъ. По выходѣ, пьяные падаютъ на уличную панель и спятъ, въ ожиданіи прихода полицейскихъ, которые предложатъ имъ гостепріимство въ участкѣ. Отъ времени до времени, въ дверяхъ показываются новые посѣтители; убѣдившись, что всѣ столы заняты, они съ очевидной досадой уходятъ въ другіе кабачки, менѣе популярные, чѣмъ этотъ. Только одна старуха, сидящая возлѣ меня, повидимому, сохраняетъ къ намъ прежнее недовѣріе. Она, кажется, думаетъ, что мы переодѣтые агенты полиціи; подстрекаемая любопытствомъ, женщина рѣшается обратиться ко мнѣ:

— Скажите правду, вы здѣсь не для поимки мазуриковъ?

Я отвѣчаю отрицательно.

— Но я какъ будто видѣла васъ здѣсь въ январѣ, когда арестовали моего мужа? добавляетъ она.

Эта интересная бесѣда прерывается приходомъ гитариста, встрѣченнаго радостными восклицаніями. Наконецъ-то начинается настоящее веселье! Пришедшій напоминаетъ собою странствующаго актера, и навѣрно въ молодости исполнялъ роль Буридана на ярмаркѣ въ Нейльи. Его черты сохранили отпечатокъ благородства и поблекшее морщинистое лицо бронзоваго оттѣнка не лишено привлекательности. Пышныя сѣдыя кудри спускаются до плечъ; вѣроятно, въ прежніе годы этотъ человѣкъ былъ красавцемъ. Публика Шато-Ружъ выказываетъ ему самое искреннее расположеніе; онъ на „ты“ со всѣми женщинами и жметъ руки всѣмъ мужчинамъ. Отовсюду къ нему протягиваются стаканы съ виномъ и онъ однимъ духомъ опоражниваетъ цѣлую дюжину, для вдох-

новенія. Послѣ того пѣвецъ бросаетъ на печку свою измятую касторовую шляпу и надѣваетъ каленкоровый колпакъ, собираясь пѣть простонародную пѣсню. Его разбитый голосъ раздается по залѣ и онъ подыгрываетъ себѣ на гитарѣ, у которой на лицо всего двѣ струны. Публика хоромъ подхватываетъ припѣвъ, а гитаристъ послѣ каждаго куплета выкидываетъ какую нибудь штуку, встрѣченную взрывомъ хохота и аплодисментами. Заключеніе пѣсни оказывается весьма игриваго свойства, и бывшая студенческая подруга, не переставшая курить папиросы, дѣлаетъ видъ, что она сконфужена безцеремонностью пѣвца. Подойдя къ нему, гризетка даетъ гитаристу тумака и называетъ его проказникомъ, но вслѣдъ затѣмъ, желая показать, что она пошутила, старая грѣшница становится противъ артиста и выдѣлываетъ замысловатое соло, которое, вѣроятно, приводило въ восторгъ посѣтителей публичныхъ баловъ стараго бульвара Монпарнасъ въ тридцатыхъ годахъ.

Мы предоставляемъ посѣтителямъ Шато-Ружъ любоваться этой картиной и уходимъ прочь. Маленькая старушка, повидимому, попѣшанная на боязни полицейскихъ, не отстаетъ отъ насъ ни на шагъ: „Вѣрно, вамъ сегодня не посчастливилось, что вы никого не арестовали“, бормочетъ она. Ей какъ будто хочется уцѣпиться за наши сюртуки и выйти съ нами на улицу.—„Эй ты, старуха, оставь въ покоѣ господъ“! кричитъ на нее содержатель кабачка. Старушонка корчится, какъ гіена, увидавшая укротителя. Проходя мимо конторки, мы зашли на минуту въ бюро виноторговца. Здѣсь все блестѣло чистотой, представляя странный контрастъ съ закопченными залами и засаленными стѣнами живописнаго кабачка. Обстановка бюро краснорѣчиво говорила о достаткѣ почтеннаго буржуа, разбогатѣвшаго насчетъ порока низшаго сословія. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и владѣлецъ Шато-Ружъ продастъ свое заведеніе, передавъ вмѣстѣ съ нимъ новому хозяину и свою кліентуру, состоящую изъ устарѣлыхъ проститутокъ, кутилъ, спившихся рабочихъ и мошенниковъ. Кабачикъ смотритъ добрымъ человѣкомъ, а впослѣдствіи, составивъ себѣ состояніе, онъ, конечно, сдѣлается муниципальнымъ совѣтникомъ въ окрестностяхъ Парижа; вѣроятно, этотъ почтенный буржуа кончитъ свои дни въ хорошенькой виллѣ, украшенной алебастровыми статуями, куда «Судебный Вѣстникъ» будетъ ежедневно приносить ему новости о его бывшихъ кліентахъ.

IV.

Улица съ притонами пьянства.

Немногіе парижане знаютъ Парижъ. Улица Галандъ покажется

еще сносной сравнительно съ другими трущобами того-же квар
Даже въ Лондонѣ, гдѣ я посѣтилъ всевозможные вертепы ни
и порока, я не встрѣчалъ ничего интереснѣе кабачка подъ в
ской Au Père-les-Lunettes. Здѣсь, въ двухъ шагахъ отъ бул
Сенъ - Жерменъ и въ десяти минутахъ ходьбы отъ префект
сбираются такіе подонки парижскаго населенія, наряду съ
рыми публика улицы Галандъ можетъ быть названа слив
Сенъ-Жерменскаго предмѣстья.

Улица Англичанъ также сохранила свой первобытный в
не смотря на перестройки въ кварталѣ Сенъ-Жакъ; она, какъ
ца Галандъ и улица Метръ-Альберъ, наполнена питейными д
ми. Каждый день, но въ особенности по субботамъ, низшій
столичнаго населенія наполняетъ къ вечеру эти вертепы. У
ная атмосфера пропитывается въ этотъ день запахомъ жаре
масла, вина и водки; тѣсный переулокъ почти недоступенъ
жему воздуху и солнечному свѣту, почему въ немъ господству
сырость и тяжелыя испаренія. Здѣсь-то именно и находится
бачокъ „Старика съ очками", названный такъ въ память св
учредителя, громадныя очки котораго въ мѣдной оправѣ сд
лись легендарными въ околодкѣ. Шинокъ занимаетъ очень не
шое помѣщеніе, раздѣленное во всю длину громаднымъ ци
вымъ прилавкомъ. За выручкой стоятъ хозяинъ, его жена и
смотря на поздній часъ, ихъ десятилѣтній сынъ, который о
новенно усаживается на конторку, опираясь головой на бочк
водкой. Его блуза украшена крестомъ, полученнымъ отъ учи
за успѣхи. Не знаю, чему этотъ ребенокъ учится въ школѣ
здѣсь, у родителей, онъ видитъ передъ собою зрѣлище самаго
бокаго нравственнаго паденія, до котораго только можетъ до
человѣкъ.

Противъ прилавка помѣщается широкая скамья, идуща
всю длину комнаты; по стѣнамъ устроены полки, гдѣ стоитъ
суда съ виномъ; между прилавкомъ и скамьей оставлено у
пространство; поэтому потребители должны оставаться передъ
ручкой въ стоячемъ положеніи, вытянувшись въ прямую ли
какъ солдаты. Передъ каждымъ ставится литръ вина, вишне
настойка, стаканъ купоросу или приблизительно что нибудь
добное. Никто изъ мужчинъ не смѣетъ растянуться на ска
Однако здѣшній хозяинъ, любезный, какъ средневѣковый тр
дуръ, позволяетъ *прекрасному полу* проспаться на этой удоб
мебели. Растянувшись во всю длину или скорчившись въ забы
нѣсколько старухъ, покрытыхъ лохмотьями и крайне отвр
тельныхъ на видъ, обыкновенно занимаютъ всю скамейку съ о

го конца до другаго. Онѣ бормочутъ несвязныя рѣчи, прерываемыя судорожной икотой, предшествующей бѣлой горячкѣ. Иногда посѣтители кабачка будятъ этихъ пьяныхъ женщинъ и угощаютъ ихъ водкой, чтобы позабавиться на ихъ счетъ. Тогда онѣ выходятъ изъ своего оцѣпенѣнія и, дрожа въ лихорадочномъ ознобѣ, приближаются къ прилавку.

Съ перваго взгляда замѣтно, что это просто шутка самаго послѣдняго разбора; ихъ хриплые голоса со свистомъ вырываются изъ горла, пораженнаго чахоткой; онѣ постоянныя гостьи больницы чернорабочихъ. Смерть наложила на нихъ свою печать. Глаза этихъ несчастныхъ горятъ лихорадочнымъ блескомъ, но лишены всякаго выраженія; отвисшія губы, желтизна кожи, ввалившіяся щеки, все это краснорѣчиво говоритъ о полномъ истощеніи организма. Страшно смотрѣть, какъ онѣ стараются поднести къ губамъ дрожащею рукою стаканъ вина, между тѣмъ какъ ноги подкашиваются подъ ними, совершенно отказываясь служить. Какъ всѣ спившіеся люди, эти забракованныя представительницы парижской проституціи дѣлаются очень болтливы и сообщительны подъ вліяніемъ алкоголя. Одна старая мегера съ беззубымъ ртомъ бормочетъ безсвязныя рѣчи, изъ которыхъ едва можно разобрать, что она только что оставила госпиталь Питье. Она очень хвалитъ лѣчившаго ее доктора: „славный малый", отзывается о немъ старуха, пережевывая вишни, настоенныя водкой. Но больничный священникъ внушилъ ей непріязнь, потому что надоѣдалъ своими увѣщаніями. Вскорѣ несчастная женщина въ изнеможеніи падаетъ на скамью, со всей силы стукаясь головой о дерево. Такой ударъ могъ бы размозжить черепъ, менѣе привычный ко всевозможнымъ толчкамъ и сотрясеніямъ. Дѣйствительно, недаромъ сложилась поговорка, что пьяницъ хранитъ особое провидѣніе.

Задняя комната шинка немного просторнѣе внутренности омнибуса. Тамъ, какъ сельди въ бочонкѣ, тѣснятся посѣтители обоего пола, размѣстившись съ грѣхомъ пополамъ за двумя столами, уставленными бутылками. Неизвѣстные художники украсили стѣны рисунками. Въ одномъ мѣстѣ нарисованъ человѣкъ въ припадкѣ рвоты; въ другомъ два мазурика очищаютъ карманы англичанина, углубленнаго въ чтеніе афиши; далѣе Альфонсъ разговариваетъ подъ воротами съ женщиной, принесшей ему деньги, и т. д. Посрединѣ этихъ рисунковъ, характеризующихъ вкусъ *художниковъ*, помѣщается литографія съ изображеніемъ сценъ изъ Assommoir въ Амбигю-Комикъ. Нѣкоторыя изъ этихъ иллюстрацій исполнены женщиной, находящейся здѣсь на лицо. Она еще молода и ея интересное личико обрамляютъ шелковистые локоны.

Дѣвушка сидитъ между двухъ блузниковъ, на половину пья и напивается сама. Въ ранней молодости она занималась писью, исполняла, по ея словамъ, иллюстраціи для книжно говли Гашеттъ и только одна ничтожная случайность пом ей получить медаль въ Салонѣ. Не беремся судить, насколь это правдоподобно, но не подлежитъ сомнѣнію, что молода вушка обладаетъ если не талантомъ, то хорошими способнс къ живописи; кромѣ того, она, вѣроятно, была очень краси семнадцать лѣтъ. Теперь ей двадцать пять, но она состар раньше времени; ея стройная талія согнулась, голосъ охрип злоупотребленія табакомъ и спиртными напитками. Бѣдняж наруживаетъ всѣ признаки скоротечной чахотки; ей, повиди осталось жить какихъ нибудь нѣсколько дней, пожалуй, нѣ ко часовъ, и она, можетъ быть, умретъ въ этомъ самомъ ве между двумя рюмками водки.

У ней, конечно, былъ свой романъ, съ которымъ мнѣ хот познакомиться. Всегда поучительно узнать, какимъ образомъ съ умомъ и дарованіями могутъ пасть такъ низко. Однако ная художница не выказываетъ ни малѣйшаго желанія р зать свою повѣсть. Она любитъ болтать глупости и балаг хотя ея лихорадочная веселость дѣйствуетъ крайне тягост присутствующихъ; невольно кажется, что смѣхъ этой дѣ готовъ перейти въ предсмертную икоту. Она, какъ говоритъ н народье, выкашливаетъ всѣ свои легкія, но когда ее стар убѣдить, что табакъ и водка для нея смертельны, чахот отвѣчаетъ громкимъ взрывомъ хохота. По ея словамъ, „жи стоитъ того, чтобы объ ней печалиться“ и она совершенн койно ждетъ конца, когда, по распоряженію администраг заколотятъ въ „сосновый ящикъ“ и удалятъ навсегда съ ж ной арены.

Среди такихъ удручающихъ сценъ проходятъ часы за ч Ребенокъ виноторговца мирно спитъ на прилавкѣ съ своимъ шечнымъ орденомъ въ петлицѣ. Хозяинъ неутомимо нал вино и водку, между тѣмъ какъ его жена моетъ посуду нючей водѣ. Эти супруги весело смотрятъ на своихъ гостей, му что дѣла ихъ идутъ хорошо и заведеніе процвѣтаетъ вись другимъ содержателямъ кабачковъ. Въ ихъ выручкѣ по малу скопляются гроши лѣниваго рабочаго, милостыня н какихъ нибудь жалкихъ десять су, добытыхъ самымъ гря развратомъ; все это деньги, нажитыя порокомъ и преступле Если за гробомъ ожидаетъ насъ иная жизнь, то „Старику *ками*“ встрѣтится на томъ свѣтѣ немало душъ, которымъ

шлось переплыть океанъ, чтобы вернуться изъ Новой Каледоніи въ свое отечество.

Въ полночь мы уходимъ изъ кабачка. Улица Англичанъ постоянно сохраняетъ праздничный видъ; у всѣхъ продавцовъ ликеры, во всѣхъ винныхъ погребкахъ—толпа народа. Странствующіе музыканты съ акордеономъ или гитарой наигрываютъ всевозможные мотивы, сантиментальный романсъ смѣшивается съ марсельезой, которой подпѣваютъ хоромъ любители. Пока одинъ изъ нихъ поетъ: „къ оружію, граждане“, другой доканчиваетъ уже заключительный куплетъ. Когда пробьетъ часъ запирать кабачки, гдѣ обыкновенно спитъ это порочное и жалкое населеніе, нѣкоторые изъ гостей отправляются въ опустѣвшія лавочки, обращенныя проститутками въ будуары и нанятыя ими на продолженіе дня. Въ этихъ будуарахъ полъ изъѣденъ мышами, хозяйничающими здѣсь, какъ у себя дома. Тѣ изъ кутилъ, которымъ недоступна подобная роскошь, падаютъ прямо на уличную панель и крѣпко засыпаютъ съ похмѣлья, пока ихъ не поднимутъ дежурные полицейскіе. Но значительное число посѣтителей кабачковъ квартала Сенъ-Жакъ расходится по отелямъ съ ночлежными пріютами, куда я также поведу моего читателя, выбравъ изъ этихъ вертеповъ нищеты самую жалкую гостинницу, находящуюся въ улицѣ Метръ-Альберъ.

Выходя изъ улицы Англичанъ, вы замѣчаете въ глубинѣ улицы Метръ-Альберъ фонарь съ громкою надписью: *Отель*. Въ этомъ домѣ всего два окна выходятъ на улицу, но переднія комнаты не принадлежатъ отелю. Лавочка въ нижнемъ этажѣ занята самимъ хозяиномъ, однако его шинокъ пустъ, потому что поздніе посѣтители приходятъ сюда уже, что называется, „еле можахомъ“, и не способны выпить больше. Входомъ въ отель служитъ мрачный коридоръ, доходящій до двора. Трудно себѣ представить что нибудь живописнѣе этого уголка. Не думаю, чтобы солнечный свѣтъ могъ проникнуть туда хоть на одну минуту: до перваго этажа идутъ стѣны изъ тесаннаго камня: это все, что̀ сохранилось отъ нѣкогда блестящаго стариннаго дворца, принадлежавшаго, пожалуй, какому нибудь члену парламента. На такомъ солидномъ фундаментѣ мало по малу выстроили зданія, похожія на дома. Прежнія конюшни нижняго этажа, раздѣленныя перегородками, превратились въ отдѣльные кабинеты, куда входятъ прямо со двора. Ихъ нанимаютъ баловни счастья, которые въ состояніи платить по три франка въ недѣлю за постой; вмѣсто мебели здѣсь стоитъ одна кровать и единственный соломенный стулъ съ поломанными ножками. Постельное бѣлье акуратно смѣняется по

воскресеньямъ, но отвратительное желтое шерстяное одѣяло все покрыто пятнами, оставшимися послѣ припадковъ рвоты у пьяныхъ ночлежниковъ. Если прибавить къ этому сгнившій отъ сырости полъ, мокрыя стѣны, закопченный потолокъ, гдѣ безопасно гнѣздятся пауки, и обгрызенныя крысами изъ-подънизу двери, то читатель получитъ вполнѣ ясное понятіе объ „отдѣльныхъ кабинетахъ“ въ пресловутомъ „отелѣ“.

Здѣсь-то проводитъ ночь бездомное населеніе: пьяница-рабочій, оставляющій свой заработокъ на цинковомъ прилавкѣ кабачка, проститутка, которая, выйдя изъ-подъ ареста, не нашла себѣ пристанища, мошенникъ, отсидѣвшій положенный срокъ и желающій поскорѣе спустить небольшую сумму денегъ, полученную имъ отъ директора при выходѣ изъ центральной тюрьмы, наконецъ бродяга безъ опредѣленной профессіи и, говоря по правдѣ, честный неимущій людъ, выгнанный на улицу домовладѣльцемъ, требующимъ немедленной уплаты за квартиру. Бѣднякъ, лишенный заработка, бываетъ часто поставленъ въ необходимость сближаться съ порочными людьми.

Но обитатели отдѣльныхъ кабинетовъ еще могутъ назваться счастливцами. Кто въ состояніи платить три франка въ недѣлю, тотъ ведетъ сравнительно порядочную жизнь. Надо подняться выше въ общія спальни и посмотрѣть трущобы, гдѣ ночуютъ за пятнадцать сантимовъ, обязательно вносимыхъ впередъ. Содержатель гостинницы любезно показываетъ намъ весь домъ. Онъ смотритъ кроткимъ человѣкомъ и говоритъ съ сильнымъ овернскимъ акцентомъ. Держа въ рукѣ оловянный подсвѣчникъ, почтенный хозяинъ идетъ впереди насъ; онъ предусмотрительно запасся спичками, потому что свѣча ежеминутно гаснетъ въ коридорахъ на сквозномъ вѣтру, который врывается въ окна съ разбитыми стеклами. Лѣстница, ведущая въ спальни, представляетъ нѣчто фантастическое. Ея сгнившія ступени трясутся подъ нашими ногами, какъ корабельная палуба во время качки. Дождь проходитъ сквозь крышу, сбѣгая потоками на дворъ и омывая эту лѣстницу, дѣйствительно нуждающуюся въ такомъ благодѣтельномъ орошеніи. Въ первомъ этажѣ устроена наружная деревянная галлерея, куда выходятъ двери спаленъ. Входить на нее нужно съ предосторожностями, потому что она недостаточно прочна и не въ состояніи выдержать много народу. Здѣсь хозяинъ толкнулъ первую попавшуюся дверь, причемъ мы очутились въ квадратной комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, гдѣ ночуетъ человѣкъ по десяти. Вся эта публика сходится съ разныхъ сторонъ, не зная другъ друга, и отчасти перемѣняется каждую ночь. Почти всѣ они спятъ голыми,

щательно сложивъ въ ногахъ кровати свою единственную ру-
ашку. Нѣкоторые ночлежники просыпаются отъ скрипа двери и
рко блеснувшаго въ потемкахъ огня. Они испуганно вскакиваютъ
а постели, озираясь вокругъ, какъ люди съ несовсѣмъ чистой
овѣстью. Здѣсь не рѣдкость неожиданные обыски полиціи, кото-
ой иногда удается арестовать преступниковъ въ ночлежныхъ
рѣютахъ, гдѣ впрочемъ ночуетъ немало и честныхъ бѣдняковъ,
оведенныхъ до крайности неумолимою нуждою. Добродушный
ернецъ успокоиваетъ своихъ гостей отечески-покровительствен-
ой улыбкой. Онъ обратилъ наше вниманіе на то, что на однихъ
остеляхъ бѣлье было свѣжѣе, чѣмъ на другихъ, и объяснилъ,
то каждый посѣтитель, приплативъ три су, можетъ требовать
истыя простыни на первую ночь. Однако очень немногіе позво-
яютъ себѣ эту роскошь.

Выходя изъ спальни, хозяинъ нарочно не заперъ дверей, чтобы
свѣжить зараженную атмосферу комнаты влажнымъ воздухомъ
ождливой ночи. Въ такихъ помѣщеніяхъ всегда развиваются
іазмы отъ портянокъ или просто вонючихъ лохмотьевъ, замѣняю-
ихъ парижскимъ простолюдинамъ чулки. Эти неопрятныя тря-
ицы обыкновенно валяются возлѣ обуви ночлежниковъ, постав-
енной въ рядъ передъ кроватями. Женщины спятъ въ «отелѣ»
ернца отдѣльно отъ мужчинъ, потому что хозяинъ—человѣкъ
равственный и допускаетъ смѣшеніе половъ только въ отдѣль-
ыхъ кабинетахъ, устроенныхъ, по его словамъ, для «женатыхъ».
ъ счастью, этотъ чудакъ не простираетъ своей щепетильности
о того, чтобы спрашивать брачное свидѣтельство у своихъ го-
тей, и въ его трущобу заходитъ немало «супруговъ», сошед-
ихся на одну ночь. Оставивъ въ сторонѣ злодѣевъ, ночующихъ
дѣсь въ короткіе промежутки свободы отъ тюремнаго заключенія,
ельзя не пожалѣть несчастныхъ, обреченныхъ влачить свою жизнь
реди описанной нами обстановки. Изъ подобныхъ вертеповъ они
ерѣдко попадаютъ прямо въ тюрьму, и чистенькая арестантская,
амера въ Мазасѣ по неволѣ покажется имъ дворцомъ. Немало
ездомныхъ бѣдняковъ до того свыкаются съ тюрьмою, что разъ
опавъ туда, не хотятъ добровольно уходить прочь.

При видѣ такой крайней нищеты, сердце невольно сжимается
лубокой жалостью. Неприглядная жизнь подонковъ парижскаго
общества еще болѣе бросается въ глаза, наряду съ ослѣпительной
роскошью поселившихся по близости богачей. Въ двухъ шагахъ отъ
вартала Сенъ-Жакъ, проходитъ С.-Жерменскій бульваръ съ его
еликолѣпными домами изъ тесанаго камня, съ его раззолочен-
ыми кафе и красивой конно-желѣзной дорогой, послѣднимъ сло-

вомъ цивилизаціи. Было около двухъ часовъ утра, когда мы вы
изъ «меблированнаго отеля» въ улицѣ Метръ-Альберъ. Въ т
ныхъ аллеяхъ мелькали призраки: мужчины подозрительной
ружности и женщины безъ имени. При появленіи господъ въ с
тукахъ, повсюду водворялась тишина; тѣни куда-то исчезали.
рокъ и преступленіе, принимая насъ за агентовъ охранителы
полиціи, разбѣгались въ разныя стороны, какъ крысы, при встр
съ врагомъ своей породы—терьеромъ.

V.

Поселенія тряпичниковъ.

Наши изслѣдованія были-бы неполны, еслибы мы про
молчаніемъ колоніи тряпичниковъ. Тряпичникъ представля
одинъ изъ самыхъ популярныхъ типовъ столицы; онъ не р
являлся дѣйствующимъ лицомъ въ театральныхъ пьесахъ и
манахъ. Одинъ писатель сдѣлалъ изъ него героя мелодрамы, отк
вающаго преступленія, защитника невинности, карателя вин
ныхъ, философа, стоящаго выше своихъ современниковъ. Ино
для контраста, тряпичника представляли весельчакомъ и бал
ромъ, распѣвающимъ хороводныя пѣсни и танцующимъ канка
Но я хочу показать не вымышленнаго героя, а жалкаго
женика, зарытаго въ отвратительныхъ закоулкахъ нашего
краснаго Парижа, который только тогда дѣйствительно сдѣла
предметомъ удивленія цѣлаго свѣта, когда ему удастся смягч
ужасныя условія жизни бѣднаго населенія, бросающіяся въ г
даже въ самомъ центрѣ пышной столицы Франціи.

Предупреждаю заранѣе, что я разверну передъ читател
далеко не веселую картину. Но это не моя вина, я опишу
только то, что̀ видѣлъ. Мои эскизы парижской жизни имѣ
одно неотъемлемое достоинство: они вѣрны дѣйствительно
какъ фотографическіе снимки.

Кто пожелаетъ своими глазами убѣдиться въ истинѣ мо
словъ, тотъ можетъ безъ всякихъ опасеній отправиться въ к
талы тряпичниковъ, но я посовѣтую такому скептику предв
тельно запастись большою дозой нравственнаго мужества для
жайшаго знакомства съ этими трущобами. Ему представ
крайне отталкивающее и безотрадное зрѣлище.

Улица Меркадэ одна изъ самыхъ длинныхъ въ Парижѣ;
начинается у Капеллы и заканчивается въ Клиши, по мѣрѣ
ближенія къ укрѣпленіямъ, становясь все болѣе и болѣе жал

дительное око муниципальнаго совѣта какъ будто не видитъ ея
дальностью разстоянія. Мостовая здѣсь плоха до невозмож-
ости; мѣстами есть нѣкоторое подобіе тротуара, гдѣ хмѣльные
рохожіе спотыкаются на провалахъ и разбиваютъ себѣ головы
ъ острые углы обломавшихся каменныхъ плитъ. Чѣмъ дальше
отъ центра города, тѣмъ бѣднѣе и малочисленнѣе становятся
ома. Въ полдень, когда красавецъ-Парижъ занимается своимъ
уалетомъ, улица Меркадэ, на высотѣ Монмартра, остается пока
ъ своемъ утреннемъ неглиже. На половину сгнившіе матрацы,
покрытые пятнами, издающіе непріятный запахъ, висятъ изъ
конъ, рядомъ со всевозможнымъ тряпьемъ, которое сушится на
олнцѣ. При взглядѣ на облупленныя стѣны домовъ, нетрудно
огадаться, что здѣсь находятся жилища бѣдняковъ, жалкія квар-
тирки съ кирпичнымъ поломъ, съ разбитыми стеклами въ заклеен-
ыхъ бумагою оконныхъ рамахъ и съ потолками, грозящими еже-
минутно обрушиться на головы жильцовъ.

Подъ нумеромъ 210 улицы Меркадэ находится С.-Жерменское
предмѣстье корпораціи,—колонія Клуа, гдѣ живутъ тряпичники.
Здѣсь помѣщается аристократія этихъ промышленниковъ, располо-
жившаяся въ маленькихъ домикахъ, числомъ около двадцати,
которые въ дождливую погоду затопляетъ водой, сбѣгающей съ
Монмартра. Одиннадцать часовъ утра; тряпичники вернулись до-
мой и опорожнили свои корзины въ комнатѣ нижняго этажа, слу-
жащей одновременно кладовой, столовой и спальней для нѣскол-
кихъ членовъ семьи. Вокругъ большой кучи отвратительнаго му-
сора, собраннаго по улицамъ, сидятъ отецъ, мать и дѣти, тща-
тельно разбирая добычу и сортируя этотъ грязный хламъ. Тутъ
всего понемножку: бумаги, тряпки, стекло, жесть, корки хлѣба,
капустныя кочерыжки, мертвыя птицы, дохлыя кошки, полиши-
нель съ выпотрошеннымъ животомъ, безголовая кукла, аптечныя
склянки, гвозди и т. п. Глава семейства руководитъ операціями;
это человѣкъ съ желтымъ цвѣтомъ лица отъ безсонныхъ ночей и
отупѣлымъ выраженіемъ въ чертахъ, какъ у рабочей скотины,
надорванной непосильнымъ трудомъ. Блѣдныя дѣти, прикрытыя
лохмотьями, ежеминутно чешутъ себѣ тѣло, съ головы до ногъ
покрытое паразитами. По всей колоніи распространяется отвра-
тительный запахъ отъ гнилыхъ остатковъ, приносимыхъ тряпич-
никами домой.

Между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, это еще счастливцы между
жалкимъ населеніемъ здѣшнихъ трущобъ: они работаютъ на себя
и сами разбираютъ товаръ. Въ уличномъ мусорѣ иногда попа-
даются болѣе цѣнныя вещи, изъ которыхъ можно извлечь выгоду.

Нужда не заставляетъ этихъ людей продавать товаръ фунтами по самой низкой цѣнѣ, чтобъ сбыть его съ рукъ и достать денегъ на пропитаніе семьи; они могутъ ждать, потому что у нихъ есть двадцать или тридцать франковъ въ запасѣ. Пообѣдавъ и проспавшись, тряпичники отнесутъ свой товаръ къ спеціальнымъ торговцамъ различными предметами и продадутъ ихъ выгодно. Бываютъ дни, приносящіе имъ до четырехъ франковъ дохода.

Немного выше, въ этой-же улицѣ Меркадэ, начинается настоящая нищета тряпичниковъ, эксплуатируемыхъ оптовымъ торговцемъ, который поселился среди нихъ и отдаетъ имъ внаймы жалкій баракъ. Ему продается по фунтамъ все найденное тряпичниками; предпріимчивый промышленникъ мало по малу наживаетъ состояніе ихъ трудомъ, тогда какъ сами работники осуждены на безъисходную нищету до могилы.

Колонія Мопи находится подъ нумеромъ 224 въ улицѣ Меркадэ: это обширный участокъ земли, не представляющій большой цѣнности въ пустынномъ кварталѣ; онъ принадлежитъ нѣсколькимъ депутатамъ и отдается въ аренду нѣкоему Мопи за тысячу четыреста франковъ. Арендаторъ выстроилъ здѣсь бараки; за пятьдесятъ су въ недѣлю у него можно нанять комнату въ нижнемъ этажѣ, потому что другихъ помѣщеній въ домѣ не существуетъ. Прочность этихъ построекъ такова, что года четыре назадъ сильнымъ ураганомъ разнесло восемь домовъ и разметало ихъ обломки на сто метровъ кругомъ. Въ настоящее время, хозяинъ бараковъ принялъ мѣры для предотвращенія подобныхъ случаевъ: онъ наложилъ громадные камни на цинковыя крыши своихъ карточныхъ домиковъ по примѣру тирольскихъ горцевъ, защищающихъ такимъ способомъ свои шалаши отъ бурь и снѣжныхъ лавинъ. Хижина самого арендатора не лучше другихъ,но тамъ царствуетъ довольство и даже сравнительная роскошь. На полу лежитъ коверъ, сшитый изъ множества лоскутковъ, стѣны покрыты литографіями, найденными въ старомъ хламѣ и обдѣланными въ скромныя рамки. Жилище Мопи представляетъ миніатюрный музей рѣдкостей, собранныхъ на улицѣ. Тутъ есть чучела птицъ, кусокъ картины, писанный масляными красками и представляющей ландшафтъ при лунномъ освѣщеніи; половинки фаянсовыхъ тарелокъ, бюстъ Луи Филиппа съ отбитой нижней челюстью; другой маленькій бюстъ Плейеля, фортепіаннаго фабриканта, съ отбитымъ носомъ; Венера Милосская безъ головы; портретъ восемнадцатаго столѣтія, прорванный во многихъ мѣстахъ; грубое изображеніе Рафаэлевой мадонны съ занавѣсомъ, повѣшенное рядомъ съ измятыми

карикатурами 1830 года; все это служитъ украшеніемъ двухъ комнатъ, очень опрятно содержимыхъ хозяйкой дома.

Противъ дверей купца сложены кучи товара, принесеннаго тряпичниками и тщательно разсортированнаго имъ самимъ передъ отсылкой покупщикамъ. Тюки тряпокъ ожидаютъ отправки на фабрики, груды хлѣбныхъ корокъ, поднятыхъ на улицѣ и собранныхъ по одиночкѣ, продаются крестьянамъ на кормъ скоту. Подъ особымъ навѣсомъ сложены жестяныя вещи: коробки отъ консервовъ, отъ горчичниковъ Риголо, отъ сардинокъ; все это снова отправляется на фабрику, чтобы вторично поступить въ продажу.

Намъ по необходимости приходится мириться съ этимъ. Блестящая и нарядная коробка сардинъ, которая красуется на нашемъ столѣ во время завтрака, можетъ быть, побывала уже два-три раза въ колоніи Мопи и, пожалуй, опять вернется туда-же. Въ кучахъ стекла преобладаютъ аптечныя склянки. Если онѣ цѣлы, то ихъ выполощутъ, вымоютъ пескомъ, снабдятъ свѣжими билетиками, и очень вѣроятно, что черезъ недѣлю онѣ попадутъ въ тотъ-же домъ, откуда были выброшены. Наконецъ, послѣдняя груда товара состоитъ изъ полутораста или двухсотъ корзинъ изношенной обуви: дырявыхъ башмаковъ со шнуровкой, ботинокъ и сапогъ съ отвалившимися подошвами, туфлей и красивыхъ дамскихъ башмачковъ на высокихъ каблукахъ; здѣсь ничего не пропадаетъ даромъ: все это будетъ починено, заново передѣлано и опять пойдетъ на рынокъ для продажи бѣднякамъ.

Главная квартира патрона тряпичниковъ отдѣлена отъ бараковъ, гдѣ гнѣздится самое жалкое населеніе, какое только можно себѣ представить, шинкомъ, принадлежащимъ племяннику арендатора. Часть денегъ, вырученныхъ за продажу товара у Мопи, непремѣнно попадаетъ въ руки виноторговца, и только скудные остатки идутъ женѣ и голоднымъ дѣтямъ. Получивъ отъ мужа нѣсколько сантимовъ на ѣду, бѣдная женщина спѣшитъ сварить похлебку изъ овощей. Этотъ непитательный супъ только утоляетъ голодъ, не поддерживая тѣлесныхъ силъ. Однако вся семья бросается на него съ жадностью и съ апетитомъ уничтожаетъ это безвкусное блюдо, не обращая вниманія на міазмы, заражающія окрестный воздухъ. Атмосфера въ колоніяхъ тряпичниковъ служитъ источникомъ лихорадокъ, не хуже самыхъ нездоровыхъ болотистыхъ мѣстностей. Сію минуту мы еще ближе познакомимся съ несчастными обитателями этихъ трущобъ.

Самый интересный уголокъ Парижа находится въ аллеѣ Воскущенія, на высотѣ пассажа Труйлье, который выходитъ на одинъ изъ пустырей по близости укрѣпленій, гдѣ лѣтомъ обойщики вы-

колачиваютъ данные имъ на сбереженіе ковры. Правая сторона этого участка принадлежитъ госпожѣ Фуко; здѣсь она основала колонію и пользуется доходами съ нея; весь поселокъ состоитъ изъ длиннаго переулка съ бараками по сторонамъ. Каждая квартира въ нижнемъ или первомъ этажѣ, куда ведетъ висячая галлерея, состоитъ изъ болѣе или менѣе грязнаго чуланчика; вмѣсто всякой мебели тамъ лежитъ матрацъ, брошенный прямо на полъ или на поломанную желѣзную кровать; человѣкъ средняго роста не можетъ войти сюда, не согнувшись: до того низка дверь этихъ каморокъ, освѣщаемыхъ квадратнымъ окномъ въ пятьдесять сантиметровъ высоты. Мы еще вернемся въ жилища рабочихъ, но прежде намъ необходимо познакомиться съ владѣлицей этого поселка, называемаго колоніей „женщины въ брюкахъ“. Владѣлица пустоши неограниченно властвуетъ надъ разношерстнымъ населеніемъ жалкихъ пролетаріевъ всякаго рода: тряпичниковъ, ремесленниковъ безъ мѣста, безпріютныхъ бродягъ, число которыхъ доходитъ до четырехсотъ. Домъ г-жи Фуко выстроенъ на концѣ колоніи, по лѣвой сторонѣ. Она пріобрѣла себѣ хорошее состояніе и ѣздитъ въ собственномъ фаэтонѣ на красивой лошадкѣ. Г-жѣ Фуко около шестидесяти лѣтъ, она коротко стрижетъ свои сѣдые волосы и носитъ мужской костюмъ: брюки, жилетъ, синюю блузу и башмаки со шнуровкой. Такой обычай она усвоила себѣ уже двадцать лѣтъ назадъ и, вмѣстѣ съ мужской одеждой, пріобрѣла походку и заимствовала энергичные жесты мужчины. Эта женщина далеко не глупа; въ молодости она, вѣроятно, вела знакомство съ образованными людьми; по крайней мѣрѣ, г-жа Фуко утверждаетъ, что хорошо знала Дюма-отца, съ ней пріятно поговорить и она даже отчасти занимается литературой.

Когда я имѣлъ честь быть ей представленнымъ, у ней были въ гостяхъ двѣ дамы; обѣдъ только что кончился и маленькое общество пило кофе. Гостьи курили папиросы, изрѣдка наливая себѣ маленькую рюмочку коньяку. „Женщина въ брюкахъ“ сидѣла, откинувшись на спинку стула, скрестивъ ноги и пуская красивыя колечки табачнаго дыма. Между пріятельницами происходила интересная бесѣда. Онѣ разсуждали объ Эмилѣ Золя. Хозяйка утверждала, что „L'Assommoir,“ который называютъ народнымъ романомъ, слишкомъ односторонне обрисовываетъ парижскій пролетаріатъ, но еслибы авторъ обратился за свѣдѣніями къ ней, владѣлицѣ колоніи тряпичниковъ, то она указала-бы ему много другихъ сторонъ безнравственной жизни низшаго слоя общества. Одна изъ пріятельницъ г-жи Фуко замѣтила при этомъ, что въ теченіе двухъ дней, пока она гоститъ въ колоніи, ей пришлось ви-

ь ужасныя вещи. Въ средѣ тряпичниковъ не существуетъ ни ѣйшаго понятія о нравственности; родители и дѣти, мужчины енщины спятъ вмѣстѣ и всѣ предаются пороку безъ различія а и возраста. Разговоръ гостей прерывался отъ времени до мени приходомъ бѣднаго работника, который подходилъ къ точкѣ для передачи хозяйкѣ платы за квартиру отъ пяти до яти су. Г-жа Фуко небрежно опускала эти деньги въ карманъ ихъ брюкъ.

Не думаю, чтобы въ какомъ нибудь иномъ кварталѣ Парижа ачи успѣшнѣе наживались насчетъ бѣдняковъ, какъ въ этихъ олустьяхъ. Судите сами. Четыреста жильцовъ платятъ средъ числомъ по сорока су въ недѣлю, что̀ составитъ итогъ въ окъ тысячъ франковъ въ годъ за наемъ барака, постройка кояго вмѣстѣ съ землею обошлась владѣльцу не дороже тридти тысячъ. Послѣ этого, никому не покажется удивительнымъ, „женщина въ брюкахъ“ нажила хорошее состояніе. Однако олженъ сдѣлать нѣкоторую оговорку: по крайней мѣрѣ, треть льцовъ не ночуетъ дома; за первую недѣлю плата акуратно ситься впередъ; на вторую дѣлаются разсрочки, а на третью лецъ нерѣдко должаетъ хозяйкѣ. Какъ только г-жа Фуко наетъ протестовать, тряпичники бунтуютъ; она показывала намъ своей сѣдой головѣ многочисленные рубцы—слѣды ударовъ, лучаемыхъ ею въ схваткѣ съ своими вассалами. Во всякомъ слуѣ, я долженъ отдать справедливость этой почтенной особѣ по ношенію къ подчиненнымъ: она проявляетъ не только нѣкотое человѣколюбіе, но даже извѣстную долю кокетства. Когда я лъ у ней съ визитомъ, то въ колоніи перестраивался цѣлый пигель. Нарядная новенькая постройка казалась роскошнымъ орцомъ между остальными убогими хижинами, такъ что жильцы зовали этотъ уголокъ „Пале-Ройялемъ.“

Мы осматривали колонію подъ предводительствомъ самой енщины въ брюкахъ“, которой все населеніе почтительно клалось, какъ будто королевѣ. Повсюду насъ встрѣчало зрѣлище ной ужасной нищеты, цѣлыя семьи тѣснились въ чуланчикахъ, ѣ едва достаетъ мѣста на одного человѣка; въ одной изъ тахъ каморокъ лежала на матрасѣ только что разрѣшившаяся ольница; ея старшая дочь, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, одѣтая въ вратительные лохмотья, стряпала на маленькомъ очагѣ; запахъ ля смѣшивался съ заразительными міазмами отъ различнаго ма, принесеннаго мужемъ-тряпичникомъ домой: хозяинъ тщаьно разбиралъ его, прежде чѣмъ отнести купцу; маленькіе льчики, тоже ходившіе собирать тряпье на парижскихъ улицахъ,

крѣпко спали отъ усталости на голомъ полу, въ ногахъ у матери, которая держала возлѣ себя новорожденнаго малютку. Нищета переходитъ у этихъ несчастныхъ отъ родителей къ дѣтямъ, вмѣстѣ съ ихъ профессіей. Нѣкоторые тряпичники—образцовые отцы семейства; они живутъ въ колоніи по двадцати лѣтъ сряду, работаютъ, какъ собаки, акуратно платятъ за квартиру и все таки имъ никогда не удается отложить десяти су на завтрашній день. Между тѣмъ другіе немедленно спускаютъ въ кабакѣ дневной заработокъ и довольствуются кускомъ хлѣба, только-бы имъ достало денегъ на водку. Дѣти, которыя рождаются въ этой жалкой средѣ, съ малыхъ лѣтъ видятъ передъ собою самыя возмутительныя сцены, какія только можно себѣ представить. Маленькая дѣвочка, проводящая ночь въ той-же комнатѣ, гдѣ спятъ мужья съ женами или любовники съ любовницами, рано знакомится съ тайнами природы и съ отрицательными сторонами жизни. Ей вовсе не прививаютъ понятія о стыдливости и она навсегда останется чужда этому чувству. Населеніе колоніи пополняется отъ времени до времени какимъ нибудь рабочимъ, сбившимся съ пути и выгнаннымъ сначала хозяиномъ изъ мастерской, а потомъ содержателемъ меблированныхъ комнатъ изъ своего отеля. Жизнь тряпичника ему больше по вкусу, чѣмъ занятіе ремесломъ; здѣсь онъ самъ себѣ хозяинъ, идетъ на работу и возвращается домой, когда ему вздумается; никто не вправѣ назначить ему рабочихъ часовъ и контролировать его поведеніе, а это своего рода независимость въ нищетѣ. „Женщина въ брюкахъ“ умерла въ 1882 году, но ея заведеніе процвѣтаетъ до сихъ поръ.

Между тѣмъ «брючная колонія», какъ называютъ ее для краткости, не представляетъ еще послѣдней ступени парижской нищеты; немного выше пассажа Труйлье, по другую сторону аллеи Возмущенія, образовалась колонія убогихъ поселенцевъ, зарытыхъ въ отвратительныхъ лачугахъ. Это Малый Мазасъ. Его почва колеблется подъ ногами и съ нея никогда не стекаетъ грязная вода; дождь свободно проходитъ въ каморки тряпичниковъ, надѣляя ихъ сыростью, а воздухъ зараженъ міазмами отъ стоячей воды и накопившихся въ громадномъ количествѣ нечистотъ. Среди такихъ ужасныхъ условій живетъ самое убогое населеніе, при видѣ котораго чувствуешь невольное отвращеніе и жалость. Хижины бѣдняковъ построены просто изъ грязи; въ нихъ не замѣтно никакихъ другихъ строительныхъ матеріаловъ. Чтобы нѣсколько замаскировать свою голую бѣдность, ихъ обитатели украшаютъ свои жилища всѣмъ, что только попадается имъ на улицахъ: кускомъ алебастроваго бюста, старой изорванной грави-

ной, сломанной птичьей клѣткой, искусственнымъ цвѣткомъ, най-
денным въ мусорной ямѣ, однимъ словомъ, всѣми негодными ос-
атками парижской роскоши, которыми жалкіе подонки общества
стараются скрасить свою неприглядную жизнь. Злая иронія судьбы,
невольно наводящая на безотрадныя размышленія! Малый Мазасъ
представляетъ послѣднюю степень столичной нищеты.

Здѣсь вы встрѣчаете стариковъ съ согнутой спиною; они про-
кили вѣкъ въ этой грязи, зарытые въ мусоръ, мучимые парази-
тами; въ бѣдныхъ хижинахъ выростаютъ несчастныя дѣти, кото-
рыя здѣсь родились и умрутъ, не узнавъ ни на минуту истиннаго
человѣческаго счастья. Послѣ всего этого, нисколько не удивительно,
что въ Парижѣ нерѣдко случаются возмущенія, что низшій слой
общества можно сравнить съ вулканомъ, утихнувшимъ только на
время, но вѣчно угрожающимъ новыми опустошеніями. Такой по-
рядокъ вещей не можетъ измѣнится, пока не будетъ рѣшенъ важ-
ный соціальный вопросъ. Если руководители французскаго народа
не рѣшатъ его мирнымъ путемъ, съ помощью прогресса и бла-
готворительности, то онъ неминуемо приведетъ къ кровавой и
насильственной развязкѣ.

VI.

Злодѣи и несчастные.

Стоитъ дождливая, пасмурная погода; небо приняло свинцо-
вый оттѣнокъ, и силуэтъ громаднаго города неясно выступаетъ въ
туманной атмосферѣ; на дворѣ холодно и въ каминѣ разведенъ
большой огонь. Изъ своей уютной, хорошо натопленной комнаты
вы смотрите на парижскія улицы; подъ вашими окнами прохо-
дитъ то старикъ, одѣтый въ лохмотья, то блѣдная женщина съ
озябшимъ ребенкомъ на рукахъ. Такія картины невольно наво-
дятъ на грустныя размышленія о несправедливости судьбы, кото-
рая слишкомъ щедра къ своимъ избранникамъ и черезчуръ сурова
къ отверженнымъ. Тысячи жгучихъ вопросовъ начинаютъ безпо-
коить васъ, и ваше сердце сжимается отъ сожалѣнія, когда вы
подумаете о людяхъ, обреченныхъ на страданіе по чужой винѣ:
объ этомъ бездомномъ старикѣ, неспособномъ къ работѣ, объ этой
женщинѣ, покинутой пьяницей-мужемъ или негодяемъ любовни-
комъ. Въ то время, когда она протягиваетъ руку за подаяніемъ,
чтобы прокормить своего ребенка, безпечный отецъ, можетъ быть,
забавляется игрою на билліардѣ, удивляя присутствующихъ лов-
кимъ карамболемъ и гордясь ихъ аплодисментами, между
тѣмъ какъ его семья умираетъ съ голоду на улицѣ. Въ вашемъ
воображеніи невольно возникаютъ удручающія сцены нищеты съ

ся страданіями и горемъ: вы видите передъ собою на полусгнившей постели убогаго старика, предоставленнаго попеченію благотворительнаго комитета, который, выдавая бѣдняку двадцать су въ недѣлю, пріобрѣтаетъ славу полезнаго общественнаго учрежденія; далѣе вамъ представляется пожилая женщина, дрожащая въ лихорадочномъ ознобѣ на голомъ полу каморки, не лучше собачьей конуры, или ребенокъ, грызущій своими слабыми зубами сухую корку хлѣба, поднятую у мусорной ямы; отъ такой ужасной нищеты только одинъ шагъ до преступленія и самоубійства. Сердце сжимается при одной мысли объ этой безднѣ страданія, и вами овладѣваетъ безконечная жалость къ обездоленнымъ и отверженнымъ.

Грустное зрѣлище заставляетъ васъ отойти отъ окна; вы развертываете газету, желая стряхнуть съ себя тяжелое впечатлѣніе, и читаете статьи о томъ, какъ одинъ изъ депутатовъ произнесъ въ палатѣ прочувствованную рѣчь о тюремномъ уставѣ. Въ другомъ журналѣ вамъ снова попадаются трогательныя разсужденія объ участи арестантовъ. Горячіе сторонники этого вопроса краснорѣчиво и, говоря по правдѣ, вполнѣ искренно, доказываютъ вамъ, что настало время уничтожить тюрьмы и исправительные дома, что вмѣсто того нужно надѣлять преступниковъ участками земли въ особой колоніи, чтобы исправить ихъ нравственность съ помощью матеріальнаго благосостоянія. Насъ стараются увѣрить, что высокая степень, какой достигла современная цивилизація, исключаетъ всѣ насильственныя мѣры, что сердце убійцы слѣдуетъ облагородить свободой, а вору необходимо предоставить возможность полнаго нравственнаго возрожденія, заставивъ его обрабатывать землю. Гуманный утопистъ требуетъ въ настоящее время для каждаго злодѣя только участокъ земли, плугъ, пару воловъ и барашка, съ которымъ будетъ играть его ребенокъ, рожденный отъ брака съ такою-же преступницей, приговоренной къ ссылкѣ, какъ и онъ самъ. Позднѣе человѣчество пойдетъ еще дальше: оно, конечно, сознаетъ, что общество не вправѣ не только заключать преступника въ тюрьму, но даже удалять его изъ своей среды. Тогда, вѣроятно, кто нибудь предложитъ остроумный проэктъ: давать преступникамъ хорошенькій загородный домикъ въ окрестностяхъ Парижа, напр. въ Везинэ, и вмѣстѣ съ тѣмъ безплатный билетъ для проѣзда по восточной вѣтви желѣзнодорожнаго пути, чтобы арестантъ могъ раза два въ недѣлю освѣжиться столичными развлеченіями.

Когда, послѣ грустнаго зрѣлища изъ окна моей комнаты, я подсѣлъ къ камину и погрузился въ чтеніе этихъ статей, мнѣ

невольно пришло въ голову, что я нахожусь подъ вліяніемъ галлюцинацій. Право, можно подумать, что у насъ нѣтъ другой „злобы дня“, кромѣ участи арестантовъ. Но можемъ-ли мы праздновать великое торжество прогресса въ тотъ день, когда уничтожимъ тюрьмы и предоставимъ преступникамъ любоваться красотами природы? Послѣ того, какъ въ 1878 году депутатъ Мартинъ Надо произнесъ свою знаменитую рѣчь о тюремномъ уставѣ и въ прочувствованныхъ выраженіяхъ съ высоты трибуны обратилъ вниманіе законодателя на плохую пищу арестантовъ, удалось-ли намъ достигнуть кульминаціоннаго пункта цивилизаціи?

Однажды въ воскресный день я посѣтилъ Мазасъ. Директоръ былъ настолько любезенъ, что показалъ мнѣ всѣ тюремныя помѣщенія, начиная съ подваловъ и кончая высокой платформой, откуда можно окинуть взглядомъ цѣлое зданіе. Когда мы вернулись въ коридоры, прозвонилъ колоколъ и заключеннымъ стали раздавать пищу. Въ этотъ день они получали мясо; одинъ изъ сторожей катилъ передъ собою на ручной телѣжкѣ, поставленной на рельсы, приготовленныя арестантскія порціи. Онъ останавливался передъ каждой камерой и передавалъ въ дверное отверстіе привезенное имъ кушанье. Но была-ли то дѣйствительно говядина или другое—было трудно опредѣлить. На блюдѣ лежала только масса жира, отвратительнаго на видъ и распространявшаго зловоніе. Самъ директоръ былъ удивленъ такой недоброкачественностью мяса, которое даже собака стала-бы ѣсть только въ случаѣ крайняго голода. Я ушелъ оттуда, сильно возмущенный, испытывая жестокую тошноту и сгарая нетерпѣніемъ написать пространную обличительную статью противъ тюремныхъ порядковъ; но читатель тотчасъ узнаетъ, что̀ охладило мое благородное негодованіе.

Былъ холодный дождливый день. Выйдя на улицу, я хотѣлъ стряхнуть съ себя удручающее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ тюрьмы, какъ вдругъ меня отрезвила еще болѣе грустная картина. На углу С.-Антуанскаго предмѣстья лежалъ въ обмокшей старикъ. Вокругъ него собралась толпа; сначала его отнесли въ аптеку для оказанія медицинской помощи, а потомъ перенесли въ ресторанъ, потому что бѣднякъ лишился чувствъ вслѣдствіе голода. Нашлись добрыя души, которыя тотчасъ устроили въ его пользу складчину, и одинъ прохожій маляръ, знавшій старика, сообщилъ намъ, что его зовутъ Анрике. Этотъ несчастный ремесленникъ дожилъ до семидесяти четырехъ лѣтъ и нуждался всю жизнь, какъ рабочій скотъ. Теперь онъ сдѣлался старъ, безсиленъ и не могъ доставать денегъ на свое пропитаніе. Его жена

умерла; сына убили во время коммуны. Оставшись безъ пристанища, Анрике просился во всѣ богадѣльни; но нигдѣ не нашлось для него свободнаго мѣстечка, все было занято парижской нищетой. Въ пріютахъ убогой старости не замѣчается, какъ на бульварахъ, наступленія мертваго сезона: толпа круглый годъ осаждаетъ двери благотворительныхъ учрежденій.

При видѣ этого безпріютнаго старика, покинутаго на произволъ судьбы, не смотря на его безупречную труженическую жизнь, у меня какимъ-то чудомъ изгладилось изъ памяти непріятное впечатлѣніе отъ обѣда въ Мазасѣ. Мое негодованіе тотчасъ улеглось и я отложилъ въ сторону намѣреніе добиться, путемъ печати, улучшенія продовольствія мазасскихъ арестантовъ. Сравнительно съ этимъ ветераномъ труда, осужденнымъ голодать на свободѣ, участь заключенныхъ злодѣевъ показалась мнѣ завидною. Всѣ тѣ арестанты, которыхъ я только что видѣлъ вблизи, заслуживали въ сущности менѣе сожалѣнія, чѣмъ несчастный старикъ Анрике: у нѣкоторыхъ изъ нихъ руки еще были запачканы въ человѣческой крови, другіе были подобраны охранительной полиціей въ столичной грязи и имѣли на совѣсти не одно постыдное дѣло. Не отрицаю, что въ ихъ средѣ могли быть и невинные, но все-таки къ этимъ подонкамъ человѣчества общество отнеслось гораздо милостивѣе, чѣмъ къ бѣдному старику, который умиралъ съ голоду, въ награду за трудовую жизнь.

Цѣлыхъ полстолѣтія онъ убивалъ свои силы за скромнымъ трудомъ, принося свою долю пользы, но ему не удалось ничего отложить, чтобы обезпечить себя подъ старость. Въ ту минуту, когда въ Мазасѣ раздался звонокъ къ обѣду, честный работникъ, едва держась на ногахъ отъ истощенія, стоялъ на улицѣ, умоляя взглядомъ о милостынѣ прохожихъ, которые, пожалуй, обзывали его лѣнтяемъ, пьяницей и бродягой.

Насмотрѣвшись на такія потрясающія сцены, нельзя сочувствовать лже-гуманистамъ, вступающимся за бѣдныхъ преступниковъ; меня не трогаютъ больше изъявленія симпатіи къ несчастнымъ, заживо погребеннымъ въ центральныхъ тюрьмахъ, къ убійцамъ, которымъ совѣтуютъ предоставлять свободу, клочокъ земли, живительный воздухъ, для того чтобы путемъ сравнительнаго благосостоянія возвратить ихъ обществу. Существуетъ иной взглядъ на обязанности гражданина, несогласный съ мнѣніемъ лже-филантроповъ. Нужно жалѣть не преступниковъ, но честныхъ людей; если вашу мысль занимаютъ вопросы высшей морали, то не на злодѣяхъ слѣдуетъ ей предпочтительно останавливаться. Улучшеніе пищи арестантовъ не должно поглощать всѣхъ на-

шихъ заботъ. Здравый смыслъ указываетъ намъ, что было бы безразсудствомъ окружать вниманіемъ и предупредительностью каторжниковъ и мошенниковъ, забывая болѣе серьезные общественные интересы. Извѣстно, какъ ведутъ себя эти люди по выходѣ изъ тюрьмы; полицейскіе протоколы говорятъ въ данномъ случаѣ краснорѣчивѣе нашихъ словъ. Благодаря такимъ субъектамъ, парижскія улицы въ зимнюю ночь представляютъ больше опасностей, чѣмъ лѣсъ Бонди, такъ что послѣ полуночи необходимо возвращаться домой съ хорошимъ револьверомъ въ карманѣ. Стараться образумить такихъ озвѣрѣвшихъ злодѣевъ помощью ласки и нѣжности, помощью труда, котораго они не уважаютъ, не значитъ-ли это вдаваться въ самую смѣшную крайность?

Суровая дѣйствительность сейчасъ разсѣетъ наивныя мечты филантроповъ. Она указываетъ намъ на старика, который къ концу честной труженической жизни можетъ сдѣлаться воромъ, подстрекаемый къ тому муками голода и озлобленіемъ на людскую несправедливость; послѣ него перейдемъ къ бѣдной женщинѣ, истощенной лишеніями, которая сидитъ на грязной мостовой подъ воротами чужаго дома и спрашиваетъ себя: не лучше-ли ей убить собственное дитя, чѣмъ бороться съ неумолимой нуждой и воспитывать ребенка для такой же безотрадной жизни? На судѣ присяжныхъ мы можемъ наглядно прослѣдить, какимъ образомъ преступныя мысли зарождаются въ головѣ человѣка, обезумѣвшаго отъ горя. А малолѣтнія сироты, оставленныя на произволъ судьбы и совершающія преступленія? Общество обыкновенно старается поскорѣе помѣстить ихъ въ исправительный домъ, который чаще всего служитъ преддверіемъ каторги.

Вотъ какова дѣйствительность. Вмѣсто того, чтобы стараться обратить на путь истины закоренѣлыхъ преступниковъ, гораздо важнѣе позаботиться о людяхъ, рожденныхъ для лучшей участи, и спасти ихъ отъ нравственной гибели. Стоитъ-ли особенно хлопотать о томъ, чтобы подонки общества были окружены въ тюрьмѣ всевозможными удобствами, которыми мечтаютъ ихъ обставить гуманисты? Тюремный вопросъ непремѣнно долженъ отступать на второй планъ до тѣхъ поръ, пока мы не обезпечимъ участи престарѣлыхъ честныхъ тружениковъ, которые умираютъ на улицѣ отъ голода, между тѣмъ какъ самый закоренѣлый злодѣй получаетъ достаточно пищи въ тюремномъ заключеніи. Все это истины, бросающіяся въ глаза, и хорошо еслибы онѣ встрѣтили сочувствіе общества и энергичную поддержку на трибунѣ и въ печати. Какъ можно умиляться горячей защитой преступниковъ, когда на каждомъ шагу встрѣчаемъ безупречно честныхъ людей, доведен-

волочитъ ноги, какъ будто каторжникъ, лѣтъ двадцать пять бро дившій въ кандалахъ. Бываютъ дни, когда онъ встрѣчаетъ добрыхъ людей, готовыхъ помочь ему въ нуждѣ, но подчасъ съ бѣдняком обходятся очень грубо. Одинъ прохожій говоритъ нищему, что у него есть «свои бѣдные», другой «никогда не подаетъ неизвѣстнымъ», третій посылаетъ его съ пустымъ желудкомъ въ бюро благотворительности, гдѣ ему обѣщаютъ «дать отвѣтъ черезъ нѣсколько времени»; четвертый встрѣчный, только что позавтракавшій дюжиною устрицъ и сочнымъ бифштексомъ, удивляется небрежности полиціи,которая «позволяетъ нищимъ наводнять улицы». Наконецъ въ тотъ часъ, когда каторжникъ, изнуренный работой, но все таки какъ нибудь утоливший свой голодъ, бросается на тюремную койку, этотъ честный человѣкъ, покинутый всѣми, падаетъ на мостовую, умирая съ голоду, потому что онъ не воръ и не убійца.

Послѣ того, можно-ли утверждать, что современной эпохѣ, когда совершаются подобные ужасы, остается только позаботиться объ одномъ: созвать комисію поваровъ для обсужденія вопроса, какой супъ слѣдуетъ готовить злодѣямъ и мошенникамъ, потомъ разгромить съ трибуны суровый тюремный уставъ и настрочить нѣсколько чувствительныхъ статеекъ объ участи заключенныхъ. Если вы раздѣляете это мнѣніе, то я восхищаюсь вашей наивностью, признавая въ то же время полную искренность вашихъ человѣколюбивыхъ стремленій. Клянусь вамъ, я не виноватъ, что въ глубинѣ души не могу сочувствовать вашему негодованію, не могу отозваться на ваши порывы великодушія въ пользу мошенниковъ и убійцъ. Въ сущности я ничего не имѣю противъ того, чтобы филантропы угощали всѣхъ негодяевъ, осужденныхъ судомъ присяжныхъ и исправительной полиціи, вкусной пищей по два раза въ день. Даже если вы находите нужнымъ подавать имъ устрицъ зимою и замороженные напитки въ лѣтніе жары, мы потолкуемъ съ вами на досугѣ объ этомъ предметѣ, но не раньше того, какъ хорошему человѣку, прожившему свой вѣкъ, не уклоняясь отъ правилъ чести, будетъ обезпечено на старости лѣтъ точно такое-же содержаніе, какое при настоящихъ тюремныхъ уставахъ полагается арестантамъ. Увѣряю васъ, что бѣдняки были-бы очень рады такому благополучію.

VII.

Дѣтоубійство.

Еслибы для изученія современной исторіи мы вздумали заглянуть въ „Судебный Вѣстникъ“, то намъ показалось-бы, что мы

живемъ во времена Ирода, благодѣтельное правленіе котораго, какъ извѣстно, ознаменовалось избіеніемъ младенцевъ. Неужели эта бойня дѣтей, отправляемыхъ на тотъ свѣтъ несчастными матерями, представляетъ также одинъ изъ успѣховъ цивилизаціи? Если такъ, то нашъ вѣкъ не имѣетъ права гордиться ею. Какъ-бы то ни было, но ни въ одну эпоху дѣтоубійство не практиковалось въ такихъ размѣрахъ, какъ нынче. Теперь оно совершенно вкоренилось въ наши нравы, стало ходячей монетой преступленія. Нѣтъ ни одного нумера французскихъ или иностранныхъ газетъ, гдѣ-бы не упоминалось о матери, убившей своего ребенка. Однѣ изъ убійцъ прибѣгаютъ съ этой цѣлью къ жавелевой водѣ, другія удушаютъ дѣтей угаромъ, третьи—предпочитаютъ утопить ребенка въ рѣкѣ, чтобы не морить его постепенно голодомъ. Прохожій находитъ маленькій трупъ, несетъ его къ полицейскому комисару; наряжается слѣдствіе и преступницу-мать-арестуютъ.

— Вы убили вашего ребенка? спрашиваетъ ее судья.

— Да.

— Что побудило васъ къ преступленію?

— Нищета, господинъ президентъ.

— Между тѣмъ вы зарабатываете пятнадцать су въ день? сурово возражаетъ представитель судебной власти, какъ будто удивляясь, что въ Парижѣ можно истратить такую сумму въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ.

— Это правда. Но недавно я захворала и не могла работать. Хозяйка квартиры грозила выгнать меня на улицу; я не ѣла цѣлыя сутки; мой ребенокъ умиралъ съ голоду. Тогда я взяла малютку на руки и отправилась къ его отцу, но онъ не пустилъ насъ на порогъ. Возвращаясь домой, я плакала... ребенокъ плакалъ... я смотрѣла на него... отчаяніе отуманило мнѣ разсудокъ... передо мной была рѣка и я бросила дѣвочку черезъ перила набережной.

Это одинъ изъ очерковъ парижской жизни; кто желаетъ узнать его подробности, тотъ можетъ найти ихъ въ юридическихъ газетахъ за іюнь 1883 года. При иныхъ обстоятельствахъ, правосудіе оказалось-бы сострадательнѣе къ этой болѣе несчастной, чѣмъ преступной матери. Но въ настоящемъ случаѣ Ѳемида была неумолима. Я не могу забыть негодующаго тона прокурора, когда онъ поднялся съ своего мѣста, засучилъ рукава и сопя, какъ разъяренный быкъ, началъ свою обвинительную рѣчь, призывая *кару закона* на голову преступницы.

И въ самомъ дѣлѣ: эта женщина зарабатывала по пятнадцати

су въ день. Развѣ, при нѣкоторой акуратности, она не могла скопить для своей дочери приданое въ пятьсотъ тысячъ франковъ и впослѣдствіи выдать ее замужъ за какого нибудь биржеваго маклера? Послѣ прокурора встаетъ адвокатъ; онъ рисуетъ мрачную картину нищеты, которая довела несчастную мать до преступленія... онъ поручаетъ ее снисхожденію присяжныхъ... виновную приговариваютъ къ пятилѣтнему заключенію... обрѣзываютъ ей волосы.... надѣваютъ арестантское платье... и общество удовлетворено.

Въ это время человѣкъ, выгнавшій отъ себя мать съ ребенкомъ, настоящій убійца, спокойно играетъ въ карты, пьетъ пиво или сидръ, одерживаетъ побѣды и выбираетъ депутата, который долженъ работать надъ переустройствомъ обветшалыхъ порядковъ.

Вслѣдъ за этимъ процессомъ парижскія газеты публикуютъ о дѣлѣ Клотильды Томасъ, покушавшейся на самоубійство вмѣстѣ съ двумя дѣтьми. Мать осталась жива, ее судятъ и приговариваютъ къ десятилѣтнему заключенію.

Виновникомъ отчаяннаго положенія преступницы является нѣкій Белло, бывшій механикъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи винторговцемъ. Онъ присутствуетъ въ судѣ не на скамьѣ подсудимыхъ, а просто въ качествѣ свидѣтеля. Этотъ красивый господинъ съ самою очаровательною безпечностью заявляетъ, что никогда не заботился о своихъ дѣтяхъ; между тѣмъ онъ очень охотно принялъ въ подарокъ отъ своей любовницы часы, которые надѣты на немъ даже во время судебнаго разбирательства. Белло предоставилъ бѣдной женщинѣ умирать съ голоду вмѣстѣ съ дѣтьми, но сберегъ завѣтную вещицу. Еслибы онъ продалъ ее, чтобы добыть хлѣба своей семьѣ, то дѣвица Томасъ, можетъ быть, не покушалась-бы передъ судомъ присяжныхъ. Однако этотъ честный человѣкъ больше дорожилъ часами, чѣмъ собственными дѣтьми. Что оставалось дѣлать покинутой матери? Она часто хворала, потому что нѣжный любовникъ однажды ударилъ ее каблукомъ по головѣ и разсѣкъ ей черепъ. Когда здоровье позволяло бѣдной женщинѣ взяться за работу, она выручала только тридцать су на прокормленіе семьи. Обезумѣвъ отъ отчаянія, Клотильда Томасъ купила угля и рѣшилась покончить разомъ съ собою и съ дѣтьми. Дворникъ услыхалъ стоны въ ихъ квартирѣ, онъ выломалъ дверь, спасъ жизнь матери и одному ребенку, и вслѣдъ затѣмъ судъ приговорилъ убійцу къ десятилѣтнему заключенію.

Господинъ *съ часами, которому* слѣдовало-бы сидѣть на скамьѣ

подсудимыхъ между двумя жандармами, остался на свободѣ; онъ присутствовалъ на судѣ только въ качествѣ свидѣтеля!

— Чѣмъ вы обезпечили своихъ дѣтей? обратился къ нему предсѣдательствующій.

— Ничѣмъ! спокойно отвѣтилъ негодяй.

Ничѣмъ! онъ самъ сознался въ этомъ, но, при всемъ негодованіи честныхъ людей противъ его поступка, законъ не можетъ привлечь къ отвѣтственности этого злодѣя. Онъ не нарушилъ ни одного постановленія, а нравственное убійство не предусмотрѣно нашимъ законодательствомъ. Возмущенное правосудіе должно ограничиться только порицаніемъ преступнику. Но что ему за дѣло до такихъ пустяковъ? Позоръ служитъ наказаніемъ только тому, кто не утратилъ чувства чести и сознанія долга. Между тѣмъ люди, подобные Белло, смѣются надъ этимъ. Въ то время, когда жандармы уводятъ дѣвицу Томасъ, честный виноторговецъ спокойно отправляется домой съ своими часами. Мать заключена въ тюрьму, отецъ стоитъ за прилавкомъ, наливаетъ водку посѣтителямъ и весело балагуритъ съ ними. На общихъ выборахъ онъ будетъ давать своимъ кліентамъ совѣты относительно избранія депутата, потому что при общей подачѣ голосовъ этотъ мерзавецъ также вправѣ рѣшать общественные вопросы, какъ и всякій честный человѣкъ. Пожалуй, онъ скажетъ въ клубѣ одушевленную рѣчь о нищетѣ низшаго класса, объ участи почтенныхъ тружениковъ и будетъ стоять за обязательное ученье, чтобы заставить дурныхъ отцовъ хорошенько воспитывать своихъ дѣтей.

Въ то время какъ матери увеличиваютъ собою населеніе исправительныхъ домовъ, безнравственные отцы, благодаря которымъ попадаютъ въ тюрьму несчастныя женщины, по прежнему пользуются всѣми гражданскими политическими правами. И, не смотря на это, наше общество, управляемое законами, слишкомъ строгими къ однимъ и черезчуръ снисходительными къ другимъ, не сознаётъ того, что современная варварская эпоха далеко не представляетъ кульминаціоннаго пункта цивилизаціи, какъ это стремится доказать нелѣпое самомнѣніе нашихъ современниковъ.

Внутренній голосъ нашептываетъ намъ, что общество, установившее жестокіе законы относительно женщинъ и снисходительные—относительно мужчинъ, обнаруживаетъ этимъ свою тупость и недобросовѣстность; дѣйствительно, для того чтобы найти историческую эпоху, не уступающую нашей въ недостаткѣ культуры нравовъ, нужно вернуться въ тьму вѣковъ, къ правленію *Рамзеса* Великаго.

Но мужчинамъ некогда заниматься, соціальными вопросами,

ющими такое широкое развитіе дѣтоубійству; ихъ вниманіе цѣ-
комъ поглощено одной политикой. Они спѣшатъ удалить пре-
ктовъ предшествовавшаго правительства и замѣнить ихъ но-
ми, въ ожиданіи обратнаго перемѣщенія. Нельзя не удивляться
ивности нашихъ современниковъ, которые проводятъ цѣлую
изнь въ пререканіяхъ республики и монархіи, игнорируя болѣе
ажные вопросы высшаго разряда, которые представляютъ такой
ивотрепещущій интересъ, такую настоятельную „злобу дня!“

Что касается другихъ, стоящихъ вдали отъ политическаго
ихря, то они остаются въ тупомъ недоумѣніи, видя, какъ со-
ременные дѣятели волнуются самыми мелкими политическими со-
ытіями, оставляя безъ вниманія соціальные вопросы, не завися-
іе отъ той или другой формы правленія. Положеніе женщины
ъ нашемъ обществѣ—одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ
того разряда. Видя на скамьѣ подсудимыхъ сотни несчастныхъ
атерей, сдѣлавшихся преступницами, благодаря низости него-
яя-любовника, невольно спрашиваешь себя: вправѣ-ли пре-
ендовать на какую нибудь культуру милое общество, посылаю-
ее на каторгу фактическую убійцу-мать и оставляющее без-
аказаннымъ нравственнаго виновника гибели дѣтей?

При такомъ порядкѣ вещей, должно казаться вполнѣ естествен-
нымъ, что избіеніе младенцевъ принимаетъ у насъ все болѣе и
олѣе опасные размѣры и что каждую недѣлю на судъ присяж-
ыхъ является несчастная жертва негодяя мужа или безсовѣст-
аго любовника, который довелъ ее до нищеты и преступленія.
Въ числѣ матерей-убійцъ, видѣнныхъ мною передъ судомъ, я
омню одну, которую обвиняли въ отравленіи собственнаго ре-
ёнка жавелевой водой. Драма разыгрывалась съ обычны е
ранетіями. Покинутая любимымъ человѣкомъ, женщина
ъ нищету, дошла до отчаянія и была заподозрѣна въ престуи-
енія. Но у этой подсудимой вырвалось краснорѣчивое воскли-
аніе, послужившее къ ея защитѣ лучше всѣхъ адвокатскихъ
рѣчей.

— Вы говорите, что я отравила своего ребенка жавелевой
одой? воскликнула она.—Какъ могла я это сдѣлать, когда не
мѣла ни сантима на покупку яда?

Ее оправдали. Двѣ первыхъ подсудимыхъ, о которыхъ гово-
илось выше, были приговорены къ тюремному заключенію одна
а пять, другая на десять лѣтъ. Между тѣмъ троихъ мужчинъ,
рямыхъ виновниковъ несчастія, оставили на свободѣ. Можетъ
ыть, въ то время, когда ихъ *жонъ* отводили въ тюрьму, они со-
рались *вмѣстѣ, съ цѣлью обсудить*, какая форма правленія болѣе

способна поднять нравственное величіе страны и какимъ образомъ имъ слѣдуетъ показать поучительный примѣръ обществу, которое они называютъ „испорченнымъ“.

Вотъ обыденная комедія жизни, и находятся люди, думающіе, что все это въ порядкѣ вещей, что описанныя нами отрицательныя стороны общественнаго быта представляютъ самое заурядное явленіе, неизбѣжное зло, съ которымъ по неволѣ приходится мириться.

Однако люди съ здравымъ смысломъ, внимательно слѣдящіе за потрясающими драмами Парижа, конечно, не могутъ удовлетвориться такими доводами. Пусть кто нибудь убѣдитъ меня, что бѣднякъ, укравшій нѣсколько фунтовъ хлѣба, виновнѣе передъ лицомъ закона, чѣмъ виноторговецъ Белло, самодовольный Альфонсъ, нравственный убійца дѣтей дѣвицы Томасъ; тогда я, пожалуй, буду готовъ признать и персидскаго шаха самымъ цивилизованнымъ, самымъ либеральнымъ и гуманнымъ изъ современныхъ правителей.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗАБЫТОЕ СОСЛОВІЕ.

I.

Сословіе, которому посвящается настоящая статья, является самымъ многочисленнымъ сословіемъ въ Россіи послѣ крестьянства. Сословіе это — мѣщане. Общее количество ихъ исчисляется въ 2.665,841 ревизскихъ душъ мужескаго пола и 380 дворовъ. Переводя это на обыкновенный языкъ, получимъ общую численность мѣщанскаго сословія приблизительно въ 7 милліоновъ душъ обоего пола. Такая многочисленность мѣщанъ, казалось бы, должна привлекать къ ихъ положенію и быту вниманіе интеллигентнаго общества и законодательныхъ сферъ. Въ дѣйствительности, однако, имѣетъ мѣсто совсѣмъ иное: нѣтъ другой группы населенія, которой литература посвятила бы такъ мало вниманія, какъ мѣщанству; интеллигентному обществу положеніе мѣщанства, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ неизвѣстно; наконецъ, въ законодательномъ порядкѣ положеніе мѣщанъ осталось совершенно неопредѣлившимся. Такое пренебреженіе условіями быта и нуждами многочисленнаго сословія, однако, всего менѣе зависитъ отъ того, чтобы мѣщане благоденствовали и не нуждались во вниманіи къ нимъ интеллигенціи и государства. Напротивъ, положеніе мѣщанъ одно изъ худшихъ, какія только существуютъ въ Россіи.

Было время, когда огромному большинству мѣщанъ жилось, сравнительно съ ихъ настоящимъ положеніемъ, очень недурно. Это было, — надо признаться, дореформенное время. Большинство мѣщанъ тогда имѣло въ своемъ распоряженіи городскія земли, обработывало и получало отъ земледѣлія и огородничества все или бо́льшую часть необходимаго содержанія. Не занимавшіеся земледѣліемъ и не получавшіе всѣхъ необходимыхъ средствъ къ жизни отъ обработки земли, имѣли разнообразные заработки. Въ городахъ процвѣтали ремесла. Извозный промыселъ или занималъ мѣщанъ непосредственно, или давалъ хорошій заработокъ въ видѣ содержанія постоялыхъ дворовъ, которыхъ, благодаря обширности извознаго промысла, была масса въ каждомъ городѣ. Городскія промышленныя заведенія имѣли рабочими тоже почти исключительно мѣщанъ. Наконецъ, благодаря малому развитію крупной торговли того времени, мѣщане имѣли хорошій заработокъ и въ этой отрасли дѣятельности. *Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ*, мѣщанство жило вполнѣ безбѣдно,

а значительная часть его—и очень зажиточно. Съ теченіемъ времени, однако, все это рѣзко измѣнилось. «Городовое Положеніе» лишило мѣщанъ земли,—этого базиса ихъ благосостоянія,—и сдѣлало ее совсѣмъ недоступною для нихъ, или доступною за необыкновенно высокую плату. Желѣзныя дороги убили извозъ и постоялый промыселъ. Развитіе крупной промышленности и машинное производство стѣснили до крайности ремесла. Къ тому же времени масса крестьянъ, вытѣсняемыхъ изъ селъ и деревень малоземеліемъ, безземеліемъ, высокими платежами и многими другими причинами, ринулась въ сторонніе заработки, наводнила города и понизила заработную плату во всѣхъ отрасляхъ трудовой дѣятельности до невозможнаго minimum'а, на которомъ мѣщанство, какъ имѣвшее нѣсколько болѣе развитыя потребности, сравнительно съ крестьянствомъ, и не обладавшее рессурсами въ видѣ деревенскаго хлѣба, не могло удержаться. Такимъ образомъ, мѣщанство было сбито со всѣхъ пунктовъ занимаемой имъ прежде позиціи. Въ то же время расходы, требуемые жизнью, росли. Городская жизнь быстро дорожала. Предметы первой необходимости поднялись въ цѣнѣ до чрезмѣрности. За удовольствіе жить въ городѣ приходилось платить очень дорого. Въ 1870 году, доходы всѣхъ городовъ Россіи, за исключеніемъ Кавказскаго края, Средней Азіи и Финляндіи, равнялись 19.997,000 рублямъ, а въ 1880 году—уже 42.563,000 р. И вся эта громадная сумма, въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, падала на массу городскаго населенія—мѣщанство. И мѣщанство страшно обѣднѣло. Тамъ, гдѣ особенно сильно была развита какая нибудь ремесленная спеціальность—кузнечная, кожевенная, ткацкая, веревочно-прядильная и т. д.,—мѣщане ещё доселѣ стараются не разставаться съ своимъ ремесломъ и въ немъ ищутъ честныхъ способовъ существованія, работая въ своихъ городахъ или перекочевывая изъ деревни въ деревню. Но заработокъ этихъ труженниковъ такъ малъ, что существовать на него нѣтъ никакой возможности. Можно было бы привести массу цифръ въ доказательство, но я ограничусь только однимъ типичнымъ примѣромъ. Въ Кадниковѣ мѣщанки, занимающіяся шитьемъ мѣшковъ, заготовляемыхъ крупными торговцами для отправки въ Рыбинскъ и другія мѣста, получаютъ *съ каждаго мѣшка по полкопѣйки*, причемъ лучшая швея, являющаяся исключеніемъ, можетъ сшить 50 мѣшковъ въ день, а обыкновенныя шьютъ отъ 15 до 30 мѣшковъ; но и этотъ ничтожный заработокъ существуетъ не всегда и не для всѣхъ, и получившія его считаются счастливицами. То же и въ другихъ городахъ и въ другихъ промыслахъ. Не удивительно, что число мѣщанъ-ремесленниковъ съ каждымъ годомъ уменьшается. Большинство же, не находя заработка на рынкѣ, принуждено пускать въ ходъ свою изобрѣтательность и набрасываться на такія средства пріобрѣтенія, которыя уже граничатъ съ уголовщиной. Масса мѣщанъ бросилась въ деревни и начала жить эксплуатаціей крестьянской бѣдности и невѣжества. Отсюда явились знаменитые *коршуны*, кабачники, шибаи и прасолы—скупщики сырья и т. д. Оставшіеся въ городахъ тоже взялись за

абаки или занимаются *маячничествомъ* и *маклачествомъ*, т. е. являются непрошенными посредниками между производителемъ-крестьяниномъ, привозящимъ свои произведенія на городской рынокъ, и купцомъ-промышленникомъ, скупающимъ эти произведенія, и стараются сорвать хоть клокъ съ крестьянина за свое непужное и насильно навязанное посредничество. Наконецъ, значительное число мѣщанъ принуждено было стать въ ряды *босой команды*,— этого бездомовнаго, безпріютнаго и безсемейнаго городскаго пролетаріата, которымъ мы теперь такъ богаты и который лѣтомъ еще кое-какъ перебивается разными заработками, а зимою принужденъ искать средствъ для своего жалкаго существованія въ кражахъ и грабежахъ, заставляющихъ, своею все усиливающеюся многочисленностью и дерзостью, стонать наши города *).

Чтобы показать объективно степень бѣдственнаго положенія массы мѣщанства, я приведу нѣсколько цифръ. Въ 1882 году, въ виду предстоявшей отмѣны подушной подати съ мѣщанъ, были собраны свѣдѣнія о недоимкахъ по этому сбору; при этомъ оказалось, что, не смотря на то, что по высочайшему указу 19 февраля 1880 года была сложена значительная часть недоимокъ съ мѣщанъ, въ 1881 году числилось однако въ недоборѣ: по Виленской губерніи—276% годоваго оклада, по Гродненской—150%, по Минской—143%, по Витебской—131%, Смоленской—257%, Уфимской—123%, Самарской—141% и т. д. Уже эти цифры достаточно характеризуютъ положеніе дѣлъ; но не надо забывать, что подушный окладъ составлялъ лишь ничтожную долю повинностей, лежащихъ на мѣщанствѣ, и по всѣмъ этимъ повинностямъ существуютъ громаднѣйшія недоимки. Укажу для примѣра на Тулу, гдѣ недоимка на мѣщанахъ по однимъ общественнымъ мѣщанскимъ сборамъ достигаетъ 70,000 р. Я ничего уже не говорю о тѣхъ долговыхъ тягостяхъ, которыя мѣщанство несетъ вмѣстѣ съ остальнымъ городскимъ населеніемъ, какъ составная часть городской общины, и которыя навалены на мѣщанство городскими думами, безъ всякаго участія въ томъ его самого и даже противъ его желанія и воли.

II.

Изъ того бѣдственнаго положенія, въ которомъ находятся въ настоящее время мѣщане, для нихъ нѣтъ и не можетъ быть никакого выхода, если въ ихъ экономическомъ и юридическомъ быту не будутъ произведены радикальныя реформы. Мѣщанство поставлено въ самыя странныя условія, и какъ составная часть городскихъ общинъ, и какъ самостоятельное, самоуправляющееся общество. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, на Руси положительно нѣтъ

*) См. о нашемъ городскомъ пролетаріатѣ мою статью: «Босая команда» въ «Отечеств. *Запискахъ*» *1883 г., № 4.*

безправія, подобнаго тому, которое тяготѣетъ надъ мѣщанствомъ. Это безправіе уничтожаетъ всякую надежду на возможность измѣнить положеніе мѣщанъ къ лучшему. Я именно и займусь разсмотрѣніемъ этого безправнаго положенія мѣщанъ и вытекающихъ изъ него послѣдствій.

«Городовое Положеніе» 1870 года въ корень подрѣзало всякую самостоятельность мѣщанства и превратило его въ безправную часть городской общины. Это безправіе мѣщанства выражается какъ въ сферѣ управленія городскими дѣлами, такъ и въ сферѣ владѣнія городскими имуществами.

До введенія «Городоваго Положенія», создавшаго существующее нынѣ городское «самоуправленіе», собственно хозяевами нашихъ городовъ были: купеческое, мѣщанское, а въ нѣкоторыхъ городахъ еще и ремесленное сословія. Каждое изъ этихъ сословій представляло самостоятельную, самоуправляющуюся общественную группу, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они соединялись въ одно цѣлое въ дѣлахъ общегородскихъ. Всѣ заботы о городскомъ благоустройствѣ лежали на этихъ общественныхъ группахъ и имъ же принадлежали всѣ права, которыя давало званіе члена городскаго общества. При этомъ всѣ члены помянутыхъ сословій пользовались полною равноправностью: всѣмъ принадлежалъ равный голосъ въ управленіи и всѣ имѣли одинаковыя права въ пользованіи городскими имуществами. Со введеніемъ «Городоваго Положенія», картина радикально измѣняется. «Городъ», созданный «Положеніемъ», не имѣетъ ничего общаго съ прежнею городскою общиною. Активными членами «города» являются только плательщики *прямыхъ* городскихъ налоговъ, т. е. домовладѣльцы, платящіе сборъ съ недвижимыхъ имуществъ, и торговцы, вносящіе промысловый налогъ. Такимъ образомъ, масса мѣщанъ, не имѣющихъ недвижимаго имѣнія и не ведущихъ торговли, была выкинута изъ членовъ городской общины. Такую же участь потерпѣли и мѣщане-домовладѣльцы, которые по бѣдности не могутъ выплачивать городскихъ сборовъ и состоятъ недоимщиками. Зато въ составъ городской общины введены новые элементы,—лица, не принадлежащія къ прежнимъ городскимъ сословіямъ, но владѣющія недвижимымъ имуществомъ въ предѣлахъ городской черты или ведущія здѣсь торговлю. Такимъ образомъ, составъ городскихъ общинъ радикально измѣнился, и вмѣстѣ съ тѣмъ число активныхъ членовъ этихъ общинъ сильно уменьшалось. Такъ напр., въ Петербургѣ активные члены городской общины, члены—избиратели, составляютъ 2% или съ семействами 10% всего городскаго населенія, въ Екатеринодарѣ—4,2% (съ семействами 21%), въ Саратовѣ—5% (съ семействами 25%) и т. д. Все же остальное населеніе поставлено въ безправное положеніе. Кромѣ того, взаимныя отношенія членовъ городскихъ общинъ также радикально измѣнились. Вмѣсто прежней равноправности, всѣ активные, члены общины раздѣлены на разряды по количеству уплачиваемыхъ налоговъ, и каждый разрядъ пользуется одинаковыми правами. Такимъ образомъ, *напр.*, въ Саратовѣ первый разрядъ избирателей, въ 73 человѣка, *второй*—въ 453 и третій—въ 5,614 чел.—избираютъ въ думу, вѣдающую всѣ

городскія дѣла, одинаковое число гласныхъ (по 24 отъ каждаго разряда). Такимъ образомъ, нѣсколько тысячъ бѣднѣйшихъ членовъ общины имѣютъ въ думѣ вдвое менѣе представителей, чѣмъ нѣсколько сотъ состоятельныхъ избирателей перваго и втораго разряда, и, благодаря этому, управленіе городскими дѣлами и распоряженіе городскими имуществами повсюду всецѣло перешло въ руки небольшихъ кучекъ богатыхъ домовладѣльцевъ и торговцевъ. Послѣдніе, однако, предоставленными имъ преимуществами не довольствуются и, по мѣрѣ возможности, стараются еще болѣе уменьшить и безъ того уже слишкомъ сокращенныя права бѣднѣйшей части городскаго населенія. Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ пять русскихъ городовъ—Кіевъ.

Здѣсь, на болѣе нежели стотысячное населеніе, избирателей оказывается всего 3,893 человѣка. Избиратели эти распредѣляются по разрядамъ слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ разрядѣ—96 человѣкъ, во 2-мъ—144 человѣка и въ 3-мъ—3,353 чел. Такъ какъ каждый разрядъ избираетъ по 24 гласныхъ, товыходитъ, что одинъ гласный приходится на 4-хъ избирателей перваго разряда, на 18—втораго и на 140—третьяго. Казалось бы, что такое положеніе вещей должно вполнѣ удовлетворять дѣльцовъ 1-го и 2-го разрядовъ. Но они пошли еще дальше и задумали выдѣлить изъ среды избирателей 3-го разряда наиболѣе зажиточныхъ, какъ своихъ союзниковъ, и надѣлить ихъ особыми преимуществами предъ остальною массою третьеразрядныхъ избирателей. Съ этою цѣлью избиратели 3-го разряда были раздѣлены на пять группъ, причемъ и здѣсь была приложена мѣрка уплаты платежей, и такимъ образомъ 1-я группа 3-го разряда въ 552 чел. должна избирать 11 гласныхъ, 2-ая въ 564 чел.—6 гласныхъ, 3-я въ 638 чел.—4, 4-ая въ 638—2 и 5-ая, самая многочисленная, въ 1005 чел.—всего 1 гласнаго. Такимъ образомъ, цѣлыхъ двѣ трети избирателей представляются въ думѣ всего 7 гласными, и распоряженіе городскими дѣлами отошло къ кучкѣ людей, едва составляющихъ 1% всего городскаго населенія.

Понятное дѣло, что, благодаря такой организаціи городскаго представительства, ходъ городскихъ дѣлъ направился не только не въ интересахъ массы городскаго населенія,—мѣщанства, но сплошь и рядомъ въ прямую противоположность этимъ интересамъ. Прежде всего, измѣненіе положенія вещей выразилось въ повсемѣстномъ обезземеленіи мѣщанъ.

Я уже сказалъ выше, что въ дореформенное время правами членовъ городской общины пользовались купцы, мѣщане и ремесленники. Самымъ цѣннымъ изъ этихъ правъ было право пользованія городскими землями. Обыкновенно дѣло устанавливалось такъ, что право это принадлежало преимущественно мѣщанству, какъ самому многочисленному городскому сословію и менѣе занятому спеціальными занятіями—торговлею и ремеслами. Это-то право и служило краеугольнымъ камнемъ мѣщанскаго благосостоянія, такъ какъ большинство мѣщанства жило, главнымъ образомъ, доходами отъ земледѣлія, занимаясь культурою *разнаго рода* хлѣбовъ, а преимущественно ово-

зяйства, такъ какъ ихъ не хватаетъ для собственнаго продовольствія. Недостатокъ сѣна заставляетъ продавать коровъ или отдавать ихъ на «зимовку» за приплодъ крестьянамъ окрестныхъ селеній; многимъ приходится разгаться и съ лошадью и, такимъ образомъ, лишиться тѣхъ доходовъ, которые доставляла имъ лошадь. Словомъ, произошло повсемѣстное обѣдненіе мѣщанства. Такимъ образомъ, получилась какая-то возмутительная нелѣпость: для того, чтобы благоденствовалъ городской фискъ, оказалось нужнымъ разорить само городское населеніе *)...

Хотя «нужды и пользы» города, попеченіе о которыхъ было возложено «городовымъ положеніемъ» на созданное имъ городское представительство, всего менѣе требовали обезземеленія и разоренія мѣщанъ, городскіе дѣятели, производя это обезземеленіе и разореніе, все же оставались на *легальной* почвѣ, созданной «положеніемъ». Но такъ-какъ «городовое положеніе» отдало распоряженіе городскими дѣлами кучкѣ лицъ, имущественный цензъ которыхъ всего менѣе гарантируетъ ихъ нравственный цензъ, то не удивительно, что скоро городскіе дѣятели перестали стѣсняться легальностью въ своихъ дѣйствіяхъ и стали пользоваться своимъ привилегированнымъ положеніемъ въ личныхъ своекорыстныхъ интересахъ. Изъ множества имѣющихся въ моемъ распоряженіи фактовъ этого рода, приведу одинъ характерный, имѣвшій мѣсто въ г. Бобринцѣ. Заштатный городъ Херсонской губерніи, Бобринецъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 5 тысячъ слишкомъ десятинъ пахотной земли. Жители города, за исключеніемъ евреевъ и незначительнаго числа русскихъ торговцевъ,—мѣщане-земледѣльцы. Въ 1880 году, передъ торгами на городскую землю дума, въ которой торговцы, само собою разумѣется, составляютъ преобладающій элементъ, сдѣлала такого рода постановленіе: жители *планныхъ* мѣстъ города (т. е. евреи и другіе торговцы) на торгахъ пользуются тѣмъ преимуществомъ передъ жителями *запланныхъ* мѣстъ (мѣщане-хлѣбопашцы), что берутъ землю *первые*. Такимъ образомъ, мѣщане-хлѣбопашцы могли воспользоваться только худшей и удаленной отъ города частью городской земли, которая осталась неразобранной за удовлетвореніемъ *неземледѣльческой* части населенія. Значительная часть городской земли очутилась въ рукахъ людей различныхъ профессій, не имѣющихъ ничего общаго съ земледѣліемъ: евреи и не евреи торговцы, адвокаты, нотаріусъ, служащіе въ думѣ и даже приставъ Бобринецкаго пригорода—всѣ заполучили участки городской земли. Мѣщане обжаловали распоряженія думы, какъ незаконныя. Въ апрѣлѣ 1881 года, въ сосѣдній съ Бобринцемъ г. Елисавет-

*) Я коснулся здѣсь вопроса объ уничтоженіи городской поземельной общины и о безземеліи мѣщанъ лишь слегка, въ виду того, что мною была посвящена этому вопросу особая статья— „Мѣщане и городъ“, „Отеч. Зап.“ 1883 г., № 3.

градъ прибылъ херсонскій губернаторъ, по случаю бывшихъ въ послѣднемъ городѣ еврейскихъ безпорядковъ. Бобринецкіе мѣщане воспользовались случаемъ и послали къ губернатору двухъ ходоковъ изъ своей среды, съ цѣлью ходатайствовать объ отмѣнѣ приведеннаго выше распоряженія думы. 25 апрѣля ходоки возвратились отъ губернатора, а на другой же день на нихъ напали на улицѣ бобринецкіе городовые съ криками: «поря нихъ,—они вчера только пріѣхали отъ губернатора!» и такъ избили несчастныхъ ходоковъ, что тѣ навсегда заклялись стоять за общественное дѣло... *).

Распоряжаясь городскими землями безъ всякаго вниманія къ нуждамъ массы городскаго населенія, а исключительно въ своекорыстныхъ личныхъ или классовыхъ интересахъ, кучка лицъ, захватившихъ въ свои руки завѣдываніе городскими дѣлами, распоряжается въ томъ же направленіи и прочими видами городскихъ недвижимыхъ имуществъ и городскими капиталами. Любопытный образчикъ въ этомъ отношеніи представляетъ городъ Тула. Въ этомъ несчастномъ городѣ находится до 20 тысячъ такъ называемыхъ *казюковъ* (отъ слова «казенный», такъ какъ они потомки оружейниковъ, обязанныхъ въ былое время казенной службой при оружейномъ заводѣ). Это мастера-кустари, преимущественно самоварщики, оружейники, гармонщики и т. д. Было время, когда не только вся Россія, но даже и западная Европа была знакома съ произведеніями тульскихъ мастеровъ. Продукты, вырабатываемые ими, наполняли собою всѣ рынки; спросъ превышалъ предложеніе, и казюки пользовались благосостояніемъ. Но затѣмъ мало по малу положеніе дѣлъ измѣнилось. Невѣжественные тульскіе мастера не имѣли возможности слѣдить за усовершенствованіями техники, за возрастающими и измѣняющимися потребностями и развивающимся вкусомъ потребителей. Они по необходимости держались традиціонныхъ формъ и пріемовъ разъ навсегда опредѣлившагося производства, и не дѣлали шага впередъ. Не удивительно, что они должны были уступить почву произведеніямъ крупныхъ заведеній и заграничныхъ мастеровъ, пользовавшихся всѣми указаніями техники и умѣвшихъ болѣе приспособиться къ потребностямъ времени. Запросъ на тульскія произведенія палъ. Пало и благосостояніе казюковъ. Началась ужасная конкуренція между мастерами изъ-за оставшагося спроса. Каждый мастеръ старался сдѣлать заказъ какъ можно дешевле, отчего естественно страдало достоинство издѣлій и что подорвало всякое довѣріе къ тульскимъ произведеніямъ. Значительнымъ подспорьемъ для казюковъ служили работы на мѣстномъ казенномъ оружейномъ заводѣ. Но теперь съ каждымъ годомъ работы эти сокращаются, и съ каждымъ годомъ число мастеровъ, соперничающихъ другъ съ другомъ изъ-за куска хлѣба, все увеличивается. Нужда, цара-

*) „Русскій Курьеръ“ 1881 г., № 187.

щая между казюками, просто не поддается описанію. Нужно самому видѣть положеніе этого трудолюбиваго и не безъ техническихъ способностей люда, чтобы понять весь ужасъ такого положенія. Чтобы помочь казюку, нужно дать ему техническія знанія, познакомить его съ черченіемъ и рисованіемъ, и развить въ немъ эстетическій вкусъ. Тогда явилась бы возможность для казюка усвоивать всякое изобрѣтеніе и усовершенствованіе въ области производства и придавать своимъ произведеніямъ изящный видъ, требуемый потребителемъ. Лучшіе люди Тулы давно это сознали и положили начало капитала, необходимаго для устройства ремесленнаго училища съ спеціальною программою, соотвѣтствующею потребностямъ мѣстнаго производства. Капиталъ этотъ, уже три года тому, достигъ суммы въ 73 тысячи, т. е. уже получилась возможность устроить училище. Но такъ какъ капиталъ этотъ, какъ и всѣ городскіе капиталы, находится въ распоряженіи думы, то и никакого училища не устраивается да, вѣроятно, и не будетъ никогда устросно. И это совершенно понятно: тульскимъ городскимъ дѣятелямъ нѣтъ ровно никакого дѣла до благосостоянія массы населенія и они предпочитаютъ держать училищный капиталъ въ городскомъ банкѣ, и нтересы котораго имъ, само собою разумѣется, ближе и понятнѣе.

Положеніе дѣлъ въ Тулѣ ровно ничѣмъ не отличается отъ положенія дѣлъ во всякомъ другомъ городѣ. Вездѣ насущнѣйшіе интересы массы городскаго населенія оставляются думами въ полномъ пренебреженіи. Вездѣ заботы городскихъ дѣятелей о бѣднѣйшей части городскаго населенія, мѣщанствѣ, ограничиваются исключительно акуратнымъ взысканіемъ городскихъ налоговъ, причемъ, въ случаѣ несостоятельности мѣщанъ къ уплатѣ этихъ налоговъ, дѣятели не останавливаются и передъ продажей жалкихъ мѣщанскихъ пожитковъ. Даже внѣшнее благоустройство городовъ, на которое съ гордостью указываютъ защитники настоящей организаціи городскаго управленія (прежде этого не было!) имѣетъ мѣсто исключительно въ центральныхъ частяхъ городовъ, занятыхъ наиболѣе зажиточною частью населенія. Въ предмѣстьяхъ же, «слободахъ», «сторонахъ», «разныхъ «ярахъ» и «куткахъ», гдѣ сосредоточена масса городскаго населенія, ровно никакого благоустройства не полагается: здѣсь нѣтъ ни освѣщенія, ни мостовыхъ, ни водопроводовъ, ни полиціи,— словомъ, какъ никакого благоустройства не было въ дореформенное время, такъ нѣтъ ничего и теперь, и десятки милліоновъ, собираемыхъ ежегодно съ городскаго населенія, тратятся совершенно безъ всякой пользы для него.

Страдательное положеніе массы городскаго населенія, при настоящемъ устройствѣ городскаго управленія, объясняетъ намъ, почему жители богатыхъ селъ страшно боятся превращенія своихъ поселеній въ города. И страхъ жителей вполнѣ понятенъ и совершенно основателенъ: теперь они являются хозяевами своихъ поселеній, а тогда превратятся въ безправныхъ плательщиковъ *налоговъ. Что именно такая* судьба ждетъ населеніе въ городахъ, это

отлично понималось населеніемъ еще при самомъ введеніи «Городоваго Положенія». Такъ, когда въ 1871 году происходило превращеніе с. Иванова и посада Вознесенскаго въ городъ Иваново-Вознесенскъ, обыватели села были крайне обезкуражены. «Независимо отъ бѣдъ, ниспосланныхъ Богомъ,—писалъ тогда одинъ обыватель,—жителей с. Иванова ожидаетъ еще бѣда, *и едва ли не большая, чѣмъ холера и лѣсные пожары съ неурожаемъ.* Эта бѣда—соединеніе с. Иванова съ Вознесенскимъ посадомъ въ одно городское общество». *) Послѣдствія вполнѣ оправдали рѣзкость выраженій обывателя. Надо замѣтить, что во многихъ богатыхъ селахъ существуютъ партіи, жаждущія превратить свои поселенія въ города. Это наиболѣе зажиточная часть населенія, богачи, которымъ городское устройство крайне выгодно, такъ-какъ отдаетъ въ ихъ полное распоряженіе завѣдываніе мѣстными дѣлами. Но масса населенія вездѣ противъ этого производства селъ въ чинъ города. Въ такомъ положеніи дѣла находятся въ такихъ селахъ, какъ Бековo, Павлово, Кривой Рогъ и т. д. Въ послѣднемъ селѣ, напримѣръ, пришлые торговцы обратились недавно съ ходатайствомъ о превращеніи села въ посадъ и пустили даже маленькую агитацію въ пользу этого ходотайства въ печати. Было бы однако желательно, чтобы подобныя ходатайства, какъ явно противныя интересамъ и желаніямъ массы населенія, оставались безъ удовлетворенія.

Любопытный образчикъ борьбы населенія за сохраненіе своей самостоятельности представляетъ столкновеніе петербургскаго пригорода Охты съ петербургскою думою. Благодаря своей независимости отъ послѣдней, Охта обстроилась, вымостилась, обзавелась богадѣльнею, скопила себѣ изрядный капиталъ и соорудила пристань для хлѣбныхъ судовъ и амбары для склада въ нихъ грузовъ. Не смотря на непосредственное соприкосновеніе съ Петербургомъ, жизнь здѣсь очень дешевая и населеніе живетъ зажиточно. Но вотъ на самостоятельность пригорода стала дѣлать покушенія петербургская дума. Охтяне страшно встревожились. Понятно, что для нихъ крайне невыгодно присоединеніе къ Петербургу, такъ какъ на нихъ тогда падутъ громадные петербургскіе городскіе налоги, и къ тому же они лишаются всякой самостоятельности въ дѣлахъ внутренняго устройства своего пригорода. Споръ, начавшійся со времени введенія «Городоваго Положенія», длился долго и только въ настоящемъ году рѣшенъ государственнымъ совѣтомъ въ пользу самостоятельнаго существованія пригорода.

III.

Находясь въ совершенно безправномъ положеніи, какъ составная часть городской общины, мѣщанство является такимъ же безправнымъ и какъ

*) „Отечест. Зап.“ 1872 г., № 1., стр. 70.

самостоятельное самоуправляющееся общество. Мѣщанское самоуправленіе обставлено самыми странными условіями. Начать съ того, что въ «Городовомъ Положеніи», уничтожившемъ прежнее городовое устройство и взаимное отношеніе его отдѣльныхъ частей и создавшемъ новое городское самоуправленіе, организаціи мѣщанскаго самоуправленія посвящено всего 7 статей (14—20) приложенія къ 6 пункту 2 статьи «Положенія». Эти семь статей приложенія къ пункту статьи «Положенія» опредѣляютъ способъ приписки къ мѣщанскимъ обществамъ, порядокъ выдачи паспортовъ, нарядъ понятыхъ, утвержденіе приговоровъ объ отпускѣ мѣщанскому старостѣ денегъ на канцелярскіе расходы, способъ созванія мѣщанскихъ сходовъ, порядокъ жалобъ на неправильности при мѣщанскихъ выборахъ и порядокъ утвержденія выборовъ мѣщанскихъ старостъ—и только. Затѣмъ другія законоположенія, относящіяся къ мѣщанскому обществу, раскиданы въ разныхъ томахъ и отдѣлахъ свода законовъ—въ уставѣ о выборахъ, въ законахъ о состояніяхъ, въ гражданскихъ законахъ, въ общихъ положеніяхъ о губернскихъ учрежденіяхъ и т. д. Но всѣ эти законоположенія касаются лишь частностей и мелочей мѣщанскаго общественнаго устройства и притомъ нерѣдко находятся въ несоотвѣтствіи, а иногда и въ прямомъ противорѣчіи со статьями «Городоваго Положенія», каковое несоотвѣтствіе законовъ, изданныхъ въ разное время, остается до сихъ поръ несоглашеннымъ. Важнѣйшія же стороны мѣщанскаго общественнаго устройства и управленія остались безъ всякаго законодательнаго нормированія, что привело къ цѣлому ряду недоразумѣній, принесшихъ мѣщанству большіе ущербы и страданія *).

Отмѣтимъ прежде всего отсутствіе законодательнаго нормированія взаимныхъ отношеній мѣщанскаго общественнаго управленія и городскаго, мѣщанскаго общества и городской общины. Составители «Городоваго Положенія» имѣли въ виду совершенно изъять мѣщанское общественное управленіе изъ завѣдыванія городскаго управленія **), но такъ какъ городское и общественное управленія функціонируютъ на одной и той же территоріи, а въ вѣдѣніи послѣдняго находятся лица, подчиненныя и первому, наконецъ, то и другое соприкасаются на тысячахъ пунктовъ,—то, очевидно, одного указанія на изъятіе мѣщанскаго управленія изъ вѣдѣнія городскаго было слишкомъ недостаточно, и нужно было строго опредѣлить взаимныя отношенія того и другаго. Къ сожалѣнію, этого-то и не было сдѣлано до сихъ поръ.

Неопредѣленность отношеній мѣщанскаго общества и городскаго управленія привела къ тому, что въ первое время по введеніи «Городоваго Поло-

*) Считаю нужнымъ оговориться, что во всей этой статьѣ я не имѣю въ виду мѣщанъ столичныхъ обществъ, *стоящихъ* въ значительно особомъ положеніи.

**) *См. стр. 9 Город. Полож.* съ объясненіемъ, изд. хоз. департ.

женія» почти всюду мѣщанскія общества попали въ полное подчиненіе городскому управленію. Представитель послѣдняго, городской голова, распоряжался дѣйствіями мѣщанскаго управленія, вмѣшивался въ дѣла мѣщанскаго общественнаго устройства и вообще игралъ роль начальника мѣщанскаго общества. Самостоятельность послѣдняго была совершенно фиктивная. Мѣщанское управленіе не могло ничего предпринять безъ утвержденія городской управы. Мѣщанскіе сборы собирались вмѣстѣ съ городскими налогами, мѣщанская касса не отдѣлялась отъ городской и изъ мѣщанскихъ доходовъ сплошь и рядомъ удовлетворялись расходы, лежавшіе на городскомъ управленіи. Такъ, на общество мѣщанъ г. Ставрополя-Кавказскаго съ 1875 по 1878 г. были совершенно неправильно взвалены расходы по содержанію городской обывательской почты и половинная часть расходовъ по возкѣ этапа и поставкѣ подводъ для проходящихъ войскъ, каковые расходы возложены закономъ на общегородскія средства. Эти неправильно возложенные на мѣщанское общество расходы стоили послѣднему почти 12 тысячъ рублей,—т. е. суммы очень значительной для мѣщанскаго общества, крайне ограниченнаго въ источникахъ своихъ доходовъ и имѣющаго весь годовой бюджетъ всего въ 15 тысячъ. Небезъинтересны также факты, имѣвшіе мѣсто въ г. Вязьмѣ. Здѣсь одинъ городской голова забралъ изъ «неприкосновеннаго», продовольственнаго мѣщанскаго капитала, *хранившагося въ городской управѣ*, 993 рубля на свои личныя комерческія операціи; другой голова, наслѣдникъ перваго, состоя агентомъ банкирской конторы Крапоткина и К° (въ Москвѣ), послалъ въ эту контору помянутый неприкосновенный капиталъ (4,000 рублей), но такъ какъ контора Крапоткина обанкрутилась, то и „неприкосновенный“ капиталъ исчезъ безслѣдно. Факты эти ясно показываютъ, какою самостоятельностью пользовались мѣщанскія общества по введеніи «Городоваго Положенія». Такое положеніе дѣлъ вызвало въ періодъ 1877—1878 годовъ рядъ циркулярныхъ распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ, категорически воспрещавшихъ вмѣшательство городскаго управленія въ дѣла мѣщанскаго общества. Эти циркуляры, дѣйствительно, въ значительной степени избавили мѣщанскія общества отъ опеки городскаго представительства, но такъ какъ все-таки не было точно опредѣлено, гдѣ оканчиваются городскія дѣла и начинаются мѣщанскія, то положеніе мѣщанскихъ обществъ мало улучшилось.

Всего больнѣе отозвалась на мѣщанахъ неопредѣленность взаимныхъ отношеній мѣщанскихъ обществъ и городскихъ общинъ въ вопросѣ о городскихъ и сословныхъ имуществахъ и капиталахъ. Мы уже видѣли выше, что мѣщане были лишены всякаго участія въ пользованіи городскими имуществами и капиталами. Но въ дореформенныхъ городахъ, кромѣ капиталовъ и имуществъ городскихъ, т. е. принадлежавшихъ всѣмъ городскимъ сословіямъ вмѣстѣ, *были еще капиталы* и имущества (зданія и земли) сословныя, принадлежавшія *какому-либо* отдѣльному сословію—купечеству, мѣщанству или ремесленни-

камъ. Тотчасъ-же по введеніи «Городоваго Положенія», городскіе дѣятели пожелали заполучить въ свое вѣдѣніе и сословныя имущества, чему сословія, конечно, воспротивились. Такъ какъ въ «Городовомъ Положеніи» для рѣшенія этого вопроса не было никакихъ данныхъ, то понадобилось особое правительственное разъясненіе. Разъясненіе это появилось въ 1873 году *). Въ разъясненіи было указано на то, что дореформенная городская дума завѣдывала всѣмъ, что было принадлежностью цѣлаго городскаго общества или соединенныхъ сословій онаго. Изъ этого порядка завѣдыванія были изъяты только капиталы и имущества, принадлежавшіе не совокупности этихъ сословій, а которому-либо изъ нихъ въ отдѣльности, для чего было допущено образованіе особыхъ сословныхъ учрежденій: отдѣльно для купцовъ, отдѣльно для мѣщанъ и отдѣльно для ремесленниковъ. Затѣмъ, съ устройствомъ общественнаго управленія на началахъ «Городоваго Положенія», не создано ни новаго городскаго общества, ни новыхъ городскихъ учрежденій (?), а лишь расформированы они такимъ образомъ, что въ составъ общества введены новые элементы, не бывшіе въ немъ прежде, и устраненъ сословный его характеръ... Отсюда не остается никакого мѣста сомнѣнію въ томъ, что преобразованные по «Городовому Положенію» городскія учрежденія должны получить въ свое завѣдываніе безраздѣльно всѣ тѣ имущества и капиталы, коими, какъ городскими общественными, завѣдывали общественныя управленія въ прежнемъ ихъ составѣ и *которые составляли досель собственность городскихъ сословій, взятыхъ вмѣстѣ, а не одного котораго-либо изъ нихъ въ отдѣльности.* Такимъ образомъ, этимъ разъясненіемъ было точно указано, что реформенныя городскія управленія имѣютъ право получить въ свое завѣдываніе только тѣ городскія имущества и капиталы, которые въ дореформенныхъ городахъ принадлежали всѣмъ городскимъ сословіямъ вмѣстѣ, и не имѣютъ никакихъ правъ на капиталы и имущества, составлявшія собственность отдѣльныхъ сословій. Однако, благодаря полному отсутствію законодательнаго нормированія правъ мѣщанскихъ обществъ, мѣщанскія имущества и капиталы были почти всюду захвачены городскими управленіями. Дѣло дошло до того, что, напримѣръ, городское управленіе Ставрополя-Кавказскаго, захвативъ мѣщанское имущество въ видѣ корпусовъ торговыхъ лавокъ, сослалось въ подкрѣпленіе своихъ притязаній на вышеприведенное правительственное разъясненіе 1873 года! Въ виду типичности этой исторіи, повсемѣстнаго встрѣчія аналогичныхъ фактовъ и, наконецъ, общей важности для мѣщанства вопроса о сословныхъ имуществахъ, я остановлюсь на указанномъ фактѣ нѣсколько долѣе.

Въ 1857 году общество ставропольскихъ купцовъ и мѣщанъ, приговоромъ отъ 14 іюня, постановило построить корпусъ лавокъ на купеческія и мѣщан-

*) *Правительственный Вѣстникъ* 1873 г., № 251.

скія добровольно-складочныя суммы. Лавки строились въ теченіе 1857—58гг. Деньги были добыты путемъ добровольнаго сбора, и, кромѣ того, 3,000 руб. были заняты мѣщанскимъ и купеческимъ обществами. Въ 1859 году, лавки эти приговоромъ общества были раздѣлены на двѣ части:—одна должна была находиться въ распоряженіи мѣщанскаго общества, другая—въ распоряженіи купеческаго. Доходы съ мѣщанскихъ лавокъ предназначались на арендованіе земли для раздѣла между членами мѣщанскаго общества, на покупку имуществъ, доходы которыхъ могли бы употребляться на вспомоществованіе бѣднымъ мѣщанамъ, на уплату за нихъ податей и на ссуды хлѣбомъ; доходы съ купеческихъ лавокъ должны были идти на устройство какого-либо общеполезнаго заведенія. Въ 1870 году, мѣщанское и купеческое общества постановили приговоръ о постройкѣ новаго корпуса изъ 11 лавокъ на доходы отъ прежде выстроенныхъ лавокъ, съ тѣмъ чтобы 6 новыхъ лавокъ принадлежали мѣщанскому обществу, а 5 купеческому. Наконецъ въ 1871 году было рѣшено построить еще большой корпусъ лавокъ на Александровской площади, на средства изъ доходовъ прежде выстроенныхъ корпусовъ и на занятыя изъ городскаго банка 15,000 рублей; въ дѣйствительности, сообразно съ расширеніемъ первоначальнаго плана постройки, было занято 49,000 руб.

Такимъ образомъ возникли въ Ставрополѣ-Кавказскомъ значительныя имущества. О размѣрѣ ихъ можно судить по тому, что одна мѣщанская часть въ 1878 году дала 9,571 рубль дохода, т. е. ровно двѣ трети бюджета ставропольскаго мѣщанскаго общества. Какъ мы видѣли, корпуса были выстроены исключительно на сословныя средства; городскихъ денегъ на постройку не было употреблено ни копѣйки. Самыя лавки были раздѣлены между купеческимъ и мѣщанскимъ обществами и записаны въ городовую обывательскую книгу отдѣльно за тѣмъ и другимъ. Счетъ доходамъ съ мѣщанской и купеческой частей лавокъ велся отдѣльно и назначеніе мѣщанскихъ и купеческихъ доходовъ было различное. Такимъ образомъ, всѣ данныя указываютъ на то, что предъ нами спеціально сословныя имущества, именно такого рода, которыя не должны перейти въ вѣдѣніе реформированнаго городскаго управленія по правительственному разъясненію 1873 года.

Между тѣмъ Ставропольская городская дума, постановленіемъ отъ 30 іюня 1878 года, рѣшила отобрать отъ мѣщанскаго общества принадлежавшія ему лавки, какъ якобы *городскія*, причемъ дума ссылалась именно на разъясненіе 1873 года, которое будто бы давало ей право на владѣніе помянутыми лавками. Постановленіе это было немедленно приведено въ исполненіе, и лавки у мѣщанскаго общества отобраны. При этомъ нельзя не отмѣтить одного страннаго обстоятельства. Еслибы спорныя лавки и дѣйствительно были „городскими», и владѣніе ими мѣщанскимъ обществомъ дѣйствительно нарушало право «города», то и тогда возстановленіе правъ города, *по закону*, могло бы быть произведено не иначе, какъ при посредствѣ суда. *Между тѣмъ*, въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было. Городское

правленіе просто само, собственною властью, отбираетъ у мѣщанскаго общества лавки и, такимъ образомъ, безъ всякой церемоніи нарушаетъ законы, по которымъ всякій искъ можетъ быть обращенъ къ исполненію только по постановленію суда. Аналогичные факты мы увидимъ ниже. И это возмущающее самоуправство городскаго управленія не обратило на себя ни малѣйшаго вниманія лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за исполненіемъ законовъ. Удивительно вообще, какъ просто можно дѣлать у насъ дѣла!..

Понятное дѣло, что ставропольское мѣщанское общество осталось недовольно самоуправнымъ отобраніемъ у него принадлежащаго ему имущества и рѣшилось искать возстановленія своихъ правъ судебнымъ порядкомъ. Ставропольскій окружной судъ, куда мѣщанское общество обратилось съ искомъ къ городскому управленію, въ искѣ отказалъ, на томъ основаніи, что *мѣщанскія общества владѣть недвижимыми имуществами не имѣютъ права*. Къ такому заключенію судъ пришелъ, основываясь на статьяхъ 414 и 698 т. X., ч. I, свода законовъ гражданскихъ, изд. 1857 года.

Ст. 414 указываетъ разные роды общественныхъ имуществъ, признаваемые закономъ. О мѣщанскихъ общественныхъ имуществахъ здѣсь не упоминается, но зато во 2-мъ пунктѣ указываются «имущества, *городскимъ обществамъ* принадлежащія». Въ ст. 698 указывается, кто можетъ пріобрѣтать права на имущество; здѣсь о мѣщанскихъ обществахъ опять нѣтъ ни слова; но въ пунктѣ 4-мъ снова упомянуты *городскія общества*. Такимъ образомъ, на то, чтобы мѣщанскія общества имѣли право владѣть имуществомъ, прямыхъ указаній нѣтъ, какъ нѣтъ указаній на такое же право обществъ купцовъ и ремесленниковъ. Между тѣмъ мѣщанскія, купеческія и ремесленныя обществъ всегда владѣли, а во многихъ городахъ и доселѣ владѣютъ недвижимыми имуществами. Выходитъ, такимъ образомъ, что владѣніе это совершенно незаконное.

Но вотъ вопросъ: о какихъ «городскихъ обществахъ» упоминается въ 414 и 698 ст? Ставропольскій окружной судъ истолковалъ эти выраженія въ томъ смыслѣ, что они относятся къ существующимъ нынѣ городскимъ управленіямъ. Но судъ забылъ, что существующія нынѣ городскія безсословныя думы организованы въ 1870 году, а статьи 414 и 698 редактированы въ 1857 году, когда никто не могъ даже предвидѣть возможности появленія такого коллектива, какимъ является нынѣшній «городъ». Ясно, что выраженія «городскія общества» въ помянутыхъ статьяхъ могутъ относится только къ обществамъ, существовавшимъ въ дореформенныхъ городахъ, а такими обществами являются купеческое, мѣщанское и ремесленное сословія. Такимъ образомъ, оказывается, что сословныя общества имѣютъ законное право владѣть недвижимыми имуществами, и толкованіе ставропольскимъ окружнымъ судомъ ст. 414 и 698 было только софистикой, къ которой судъ прибѣгнулъ въ *угоду городскому управленію*.

Любопытно, что тотъ же окружной судъ, по другому дѣлу ставропольскаго мѣщанскаго общества, высказалъ прямо противоположныя воззрѣнія на право мѣщанскаго общества владѣть недвижимымъ имуществомъ. Подъ помѣщеніе мѣщанской богадѣльни мѣщанское общество пріобрѣло въ 1880 году на торгахъ домъ, продававшійся за долги приказу общественнаго призрѣнія. Торги эти утверждены намѣстникомъ кавказскимъ. Въ 1881 году, подъ дворъ къ упомянутому дому городская дума подарила мѣщанскому обществу кусокъ городской земли. Старшій нотаріусъ, именно основываясь на упомянутыхъ 698 и 414 статьяхъ, не утвердилъ дарственной записи. Дѣло перешло въ окружной судъ и судъ, сентября 22-го 1882 года, утвердилъ за мѣщанскимъ обществомъ и домъ и землю. Высказавшись такъ категорически въ пользу права мѣщанскаго общества владѣть недвижимымъ имуществомъ, тотъ же судъ вслѣдъ за тѣмъ отказалъ тому же мѣщанскому ебществу въ искѣ о лавкахъ на томъ основаніи, что, мѣщанское общество не имѣетъ права владѣть недвижимымъ имуществомъ.

Подобная несообразность, очевидно, могла имѣть мѣсто только потому, что въ законѣ не выражено ясно и категорически право мѣщанскихъ обществъ владѣть имуществами, какъ это сдѣлано, напримѣръ, относительно земства. Этимъ же законодательнымъ пропускомъ только и можно объяснить то обстоятельство, что приговоръ ставропольскаго окружнаго суда утвержденъ тифлисскою судебною палатою, куда дѣло переносилось по жалобѣ мѣщанскаго общества. Въ настоящее время, дѣло это находится въ сенатѣ, отъ котораго и зависитъ разъяснить законъ и возстановить нарушенное право мѣщанскаго общества.

Я остановился такъ долго на этомъ частномъ случаѣ именно въ виду повсемѣстности подобныхъ фактовъ. Почти всюду мѣщанскія общества лишены принадлежавшихъ имъ имуществъ и, не имѣя поэтому для удовлетворенія возложенныхъ на нихъ расходовъ никакихъ источниковъ, кромѣ обложенія своихъ членовъ, несутъ непосильныя налоговыя тягости. Я увѣренъ, что благопріятное рѣшеніе сената по дѣлу ставропольскихъ мѣщанъ съ „городомъ" вызоветъ цѣлый рядъ аналогичныхъ процессовъ по всей Россіи.

Какъ ни печальны случаи захвата городскими управленіями имуществъ, принадлежащихъ мѣщанскимъ обществамъ, все же въ данномъ случаѣ мѣщане могутъ питать хоть надежду (можетъ быть, и фиктивную) на то, что ихъ права будутъ возстановлены судебнымъ порядкомъ. Но когда дѣло касается имуществъ, принадлежащихъ не цѣлымъ мѣщанскимъ обществамъ, а ихъ частямъ, то и указанной надежды почти не можетъ быть. Подобныя имущества, принадлежащія частямъ мѣщанскихъ обществъ, существуютъ во многихъ городахъ и повсюду городскія управленія стремятся завладѣть ими. Укажу для примѣра на Тулу. Здѣсь есть небольшой выгонъ, пространствомъ около 8 десятинъ, издавна принадлежавшій обществу мѣстныхъ оружейниковъ. Съ давнихъ поръ этимъ выгономъ пользовались бѣднѣйшія изъ семействъ оружей-

никовъ, выгоняя туда свой скотъ. „Городъ“ не предъявлялъ претензіи на выгонъ вплоть до 1883 года; тогда „городъ“ сдалъ этотъ клочокъ земли, какъ бы свою собственность, въ арендное содержаніе купцу Бѣляеву. Но едва послѣдній успѣлъ вспахать двѣ десятины, какъ громадная толпа окрестныхъ жителей, преимущественно жены и матери оружейниковъ, выступили энергично противъ такого незаконнаго захвата ихъ имущества, требуя немедленнаго удаленія пашущихъ. Благодаря вмѣшательству начальника губерніи, выгонъ остался пока за оружейниками, но окончательное рѣшеніе дѣла едва ли будетъ въ ихъ пользу. Приведу еще болѣе любопытный примѣръ.

Въ началѣ XVII столѣтія, *) при основаніи хоперской крѣпости, обязательно переселенному туда населенію была пожалована земля съ лѣсомъ около 5,000 десятинъ. Земля эта находится при городѣ Новохоперскѣ и ею съ тѣхъ поръ владѣютъ потомки первыхъ переселенцевъ, составляющіе часть городскаго общества, подъ названіемъ *старожиловъ*; послѣдніе пользовались и распоряжались землею на правѣ общинномъ, совершенно независимо отъ остальнаго городскаго общества. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія, объ означенной землѣ былъ споръ между старожилами и дореформеннымъ сословнымъ городомъ; споръ этотъ былъ окончательно рѣшенъ въ 1812 году въ пользу старожиловъ правительствующимъ сенатомъ. По введеніи «Городоваго Положенія», старожилы продолжали владѣть и пользоваться своею землею на прежнихъ основаніяхъ, для чего имѣли свои особыя собранія, ни въ какой связи съ общимъ городскимъ представительствомъ не стоявшія. Въ 1873 году возникъ вопросъ о томъ, составляютъ-ли старожилы, въ отношеніи сказанной земли, отдѣльную общественной единицу, или они входятъ въ составъ городскаго общества, т. е. попросту, вопросъ о томъ, можно-ли городскому управленію отобрать землю у старожиловъ, или нѣтъ? Вопросъ этотъ былъ внесенъ на разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, но разрѣшенія до сихъ поръ не послѣдовало, и общинные порядки на старожильскихъ земляхъ существовали до послѣдняго времени. Но вотъ въ октябрѣ 1880 года новохоперская городская дума постановляетъ отобрать у старожиловъ землю и передать ее въ вѣдѣніе города. Вслѣдствіе протеста губернатора, это постановленіе было отмѣнено губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіемъ, которое нашло, что городъ не можетъ самовольно отбирать старожильскую землю, а съ своими претензіями на эту землю долженъ обратиться къ суду. По жалобѣ города, дѣло перешло въ сенатъ, который отмѣнилъ постановленіе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, на томъ основаніи, что присутствіе не имѣетъ права вмѣшиваться въ распоряженія думы, касающіяся имущественныхъ интересовъ частныхъ лицъ. Сенатъ въ этомъ случаѣ основывался на ст. 148 „Городоваго Положенія“, которая гласитъ: «Частныя лица, общества и уста-

*) «Русскія Вѣдомости» 1883 г.

новленія, въ случаѣ нарушенія ихъ гражданскихъ правъ дѣйствіями городскаго общественнаго управленія, имѣютъ право иска на общемъ основаніи", т. е. могутъ, если хотятъ, добиваться возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ судебнымъ порядкомъ. Жаль только, что сенатъ не порекомендовалъ того же пути дѣйствій новохоперской городской думѣ. Между тѣмъ послѣдняя, въ сентябрѣ 1881 г., вновь постановила отобрать у старожиловъ землю въ пользу города; но губернское присутствіе опять отмѣнило это распоряженіе думы, ссылаясь на то, что вопросъ кому должна принадлежать земля, можетъ быть разрѣшенъ только судомъ; сенатъ во второй разъ отмѣнилъ поставленіе присутствія. Наконецъ, городская дума въ третій разъ постановила отобрать землю у старожиловъ, и на этотъ разъ губернское присутствіе уже вмѣшиваться не стало. И вотъ, 15-го сентября 1883 года, городская управа привела въ исполненіе расноряженія думы: уполномоченный отъ города *въ сопровожденіи полицейскаго чиновника* объявилъ старожиламъ, что земля ихъ отходитъ къ городу, и на другой же день на этой землѣ былъ поставленъ отъ города караулъ.

Здѣсь, какъ видитъ читатель, мы имѣемъ дѣло съ такимъ же самоуправствомъ городскаго управленія, какъ и въ приведенномъ выше дѣлѣ ставропольскихъ мѣщанъ. Новохоперская дума, конечно, можетъ имѣть притязанія на то или другое имущество и дѣлать постановленія о возстановленіи ея правъ на это имущество, если такія права она считаетъ нарушенными. Но сдѣлавъ постановленіе объ отобраніи земли, дума должна была обратиться въ судъ и просить о возстановленіи своихъ правъ, и только на основаніи рѣшенія суда могло произойти отобраніе земли и притомъ только указаннымъ въ законѣ порядкомъ. Между тѣмъ новохоперское городское управленіе самоуправно отбираетъ у старожиловъ землю и въ этомъ самоуправствѣ ему оказываетъ содѣйствіе полиція! И тогда какъ самоуправство городскаго управленія остается безнаказаннымъ, старожилы, ни за что ни про что, должны подвергнуться цѣлому ряду лишеній и страданій.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ должны дѣлать старожилы, которыхъ насчитывается до 400 семей, чтобы получить обратно землю, которую у нихъ самоуправно отобрало городское управленіе и безъ которой они должны обратиться поголовно въ нищихъ и пролетаріевъ? Послѣдовать примѣру городскаго управленія, т. е. отобрать землю самоуправно назадъ, они не смѣютъ, такъ-какъ знаютъ, что это имъ не обойдется также безнаказанно, какъ обошлось городскому управленію. Остается обратиться въ судъ. Но тутъ, съ первыхъ же шаговъ старожиловъ постигаетъ цѣлый рядъ непріятностей и лишеній. Старожилы не представляютъ собою общества, установленнаго закономъ, коллективной личности, юридическаго лица; они являются простою совокупностью лицъ, владѣющихъ землею на правѣ общей собственности. Они не могутъ, *поэтому*, общественнымъ приговоромъ уполномочить одно или нѣсколькихъ лицъ *изъ своей среды* для защиты своихъ интересовъ; каждому изъ нихъ пришлось

давать довѣренному особое полномочіе, засвидѣтельствованное нотаріусомъ. а каждую довѣренность они заплатили нотаріусу по 2 рубля, да гербовая арка стоила 60 коп. Такимъ образомъ, одно совершеніе довѣренностей для еденія процесса съ городомъ должно обойтись старожиламъ около 1,000 руб. сколько будутъ стоить копіи, сколько уйдетъ на уплату гербовыхъ полинъ, сколько придется заплатить адвокату и во что вообще обойдется судьище? И есть-ли хоть какая нибудь надежда на выигрышъ дѣла, при полномъ отсутствіи законодательнаго нормированія отношеній «города» къ составнымъ его частямъ и при существующемъ пренебреженіи къ интересамъ мѣщанства?...

Лишенныя тѣмъ или другимъ путемъ принадлежавшихъ имъ имуществъ, мѣщанскія общества, какъ самоуправляющіяся единицы, влачатъ въ настоящее время самое жалкое существованіе. Лишенныя всякихъ источниковъ дохода, кромѣ личнаго обложенія своихъ членовъ,—источника крайне ограниченнаго, вслѣдствіе поголовной бѣдности, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе изсякающаго,—мѣщанскія общества не имѣютъ никакой возможности проявить живую, активную дѣятельность. Взаимопомощь, поддержка и призрѣніе слабыхъ, немощныхъ и престарѣлыхъ, разныя общеполезныя мѣропріятія и учрежденія,—словомъ все то, что̀ придавало прежде, цѣну мѣщанскому самоуправленію нынѣ исчезаетъ или уже исчезло. Органъ мѣщанскаго самоуправленія, мѣщанскія управы, превратились мало по малу въ простыя канцеляріи, вѣдающія выдачу мѣщанамъ паспортовъ и производящія съ нихъ сборы, необходимые для покрытія обязательныхъ расходовъ. Самые сборы эти дѣлаются съ каждымъ годомъ все тяжелѣе и ведутъ къ накопленію громаднѣйшихъ, неоплатныхъ недоимокъ за отдѣльными мѣщанами. Здѣсь мы снова имѣемъ дѣло съ однимъ изъ проявленій мѣщанскаго безправія, на которомъ слѣдуетъ остановиться.

Закономъ предоставлено мѣщанскимъ обществамъ одно очень важное право, по которому новые члены могутъ входить въ составъ мѣщанскаго общества только съ согласія самого общества. Право это, однако, обставлено такими ограниченіями, которыя сводятъ его къ нулю. Именно, по ст. 522 IX т. зак. о состояніяхъ, къ мѣщанскимъ обществамъ могутъ приписываться, безъ ихъ согласія и даже противъ ихъ воли, питомцы воспитательнаго дома, незаконныя дѣти, воспитанныя въ сиротскихъ домахъ, незаконнорожденныя дѣти, сыновья вольноотпущенныхъ женъ и дѣвъ, вновѣрцы и тептяри, принявшіе христіанскую вѣру, дѣти церковнослужителей, не имѣющія правъ высшаго состоянія, дѣти канцелярскихъ служителей, служители, исключенные изъ придворнаго вѣдомства, разнаго званія люди, къ городамъ не принадлежащіе, ссыльные, которымъ указомъ 22 іюня 1837 года дозволено возвратиться во внутреннія губерніи, лица, исключенныя изъ цеха вольныхъ матросовъ, и раскольники, переселившіеся или сосланные въ Закавказскій край. Кромѣ того, казеннымъ палатамъ предоставлено право—лицъ, не имѣющихъ

какой нибудь осѣдлости, ни родства, ни близкихъ, не избравшихъ рода жизни, высылать для приписки въ мѣщанскія общества, не испрашивая согласія послѣднихъ. За такихъ насильно приписанныхъ членовъ мѣщанскія общества должны отвѣчать по уплатѣ государственныхъ и общественныхъ повинностей, за лѣченіе ихъ въ больницахъ, за доставленіе этапнымъ порядкомъ и т. д. Все это большею частью голытьба, опустившіеся босяки, ничего не имѣющіе и ни къ чему не способные. Никакихъ повинностей они никогда не платятъ и вся тягость числящихся на нихъ платежей всецѣло падаетъ на общество, къ которому они насильно приписаны. Между ними масса стариковъ, больныхъ, немощныхъ, особенно много отставныхъ солдатъ, и всѣ эти разслабленные большею частью лежатъ въ больницахъ и богадѣльняхъ и накапливаютъ за лѣченіе громадные долги, которые затѣмъ взыскиваются съ мѣщанскихъ обществъ. Большая часть этихъ казенно-приписныхъ членовъ мѣщанскихъ обществъ, немедленно послѣ приписки, скрываются неизвѣстно гдѣ и бродяжничаютъ по всей Россіи, пока ихъ полиція снова не арестуетъ и не доставитъ въ мѣсто приписки, причемъ расходы по доставкѣ взыскиваются опять таки съ мѣщанскаго общества. Словомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, совершенно невѣроятнымъ и дикимъ. Навязываютъ мѣщанскому обществу вовсе не желательныхъ ему членовъ и потомъ заставляютъ оплачивать за нихъ громадные расходы. И съ каждымъ годомъ число этихъ насильно приписанныхъ членовъ въ мѣщанскихъ обществахъ увеличивается. Особенно тяжело приходится нѣкоторымъ мѣщанскимъ обществамъ, поставленнымъ въ этомъ отношеніи въ особенно неблагопріятныя условія. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, шлиссельбургское мѣщанское общество. Положеніе Шлиссельбурга близъ Петербурга привело къ тому, что всѣ безродные, не избравшіе рода занятій и т. п., арестованные въ столицѣ, препровождаются въ Шлиссельбургъ и приписываются къ здѣшнему мѣщанскому обществу. Въ теченіе, напримѣръ, двухъ лѣтъ, 1880 и 1881 годовъ, шлиссельбургское мѣщанское общество пріобрѣло такихъ приписныхъ членовъ 1,600 душъ мужскаго и 1,300 женскаго пола. Вообще въ шлиссельбургскомъ мѣщанскомъ обществѣ числится около 12,500 членовъ, но изъ нихъ на мѣстѣ живетъ не болѣе 500 чел.; остальные 12,000, въ томъ числѣ 3,250 женщинъ и 2,700 отставныхъ нижнихъ чиновъ, болтаются безъ паспортовъ по всей Россіи. Несчастнымъ 500 кореннымъ членамъ шлиссельбургскаго мѣщанскаго общества приходится, такимъ образомъ, выносить на своихъ плечахъ повинности за 12,000 человѣкъ, которыхъ они часто и въ глаза не видали, платить за нихъ больничные расходы, за доставку ихъ по этапу и т. д. Не удивительно поэтому, что мѣщанскія общества нерѣдко оказываются несостоятельными къ уплатѣ налагаемыхъ на нихъ платежей, и тогда эти платежи взыскиваются экзекуціоннымъ порядкомъ. Такія экзекуціонныя взысканія имѣли мѣсто, напримѣръ, въ Ставрополѣ-Кавказскомъ, въ Самарѣ и друг.

Таково положеніе мѣщанскаго общества, какъ самостоятельной, само-

управляющейся единицы. Отличительная черта этого положенія—полное безправіе. Отношенія мѣщанскаго общества къ «городу» совершенно не опредѣлены и «городъ» можетъ дѣлать съ мѣщанскимъ обществомъ все, что угодно. Неизвѣстно даже, представляетъ-ли мѣщанское общество юридическое лицо и имѣетъ-ли оно право владѣть имуществомъ. Мѣщанскія общества лишены всякихъ источниковъ доходовъ, и въ то же время на нихъ налагаются и посильныя податныя тягости. Все это отзывается на положеніи мѣщанства самымъ гибельнымъ образомъ.

IV.

Описанное печальное положеніе мѣщанства, какъ составной части «города» и самостоятельнаго общества, привело къ тому, что мѣщане попали въ полную зависимость отъ городскаго управленія. Послѣднее можетъ буквально казнить и миловать мѣщанъ и вообще распоряжаться самымъ ихъ существованіемъ. Эта зависимость мѣщанъ отъ городскаго управленія наглядно выступаетъ *въ усадебномъ вопросѣ*.

Существующіе нынѣ «города» возникли не ad hoc, а образованы изъ существовавшихъ ранѣе поселеній. Такимъ образомъ, городскія усадебныя мѣста заняты жителями несравненно ранѣе, чѣмъ возникли города, и со времени этого занятія прошли десятки и болѣе земскихъ давностей. И тѣмъ не менѣе усадебныя мѣста оказываются собственностью не хозяевъ усадебъ, а городовъ.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ на Руси явленій, въ которыхъ ровно ничего понять нельзя. Казалось бы, разъ существуетъ законъ земской давности, онъ долженъ примѣняться и къ владѣнію городскими усадебными мѣстами. Но этого почему-то нѣтъ, и городскія усадебныя мѣста оказываются принадлежащими городамъ. Хозяева усадебъ должны выкупать у «города» занятыя ими усадебныя мѣста, а тамъ, гдѣ выкупъ не производится, имъ постоянно приходится бояться, что «городъ сгонитъ ихъ съ занятыхъ мѣстъ».

Условія выкупа опредѣляются городскими думами. И здѣсь-то масса населенія оказывается въ полномъ распоряженіи городскихъ дѣятелей. Городскія думы, какъ составленныя, главнымъ образомъ, изъ представителей малочисленной, но наиболѣе зажиточной части городскаго населенія, нисколько не заботятся о томъ, какъ отразится выкупъ на массѣ этого населенія и преслѣдуютъ только одну цѣль—увеличеніе доходовъ городскаго фиска. Отсюда выкупъ городскихъ усадебъ повсюду производится на чрезвычайно тягостныхъ условіяхъ. Въ центральныхъ частяхъ большихъ городовъ, гдѣ усадебныя мѣста и устроенныя на нихъ зданія служатъ источникомъ доходовъ, тягость выкупа перелагается на жильцовъ и съемщиковъ промышленныхъ и торговыхъ *заведеній, въ отдаленныхъ* же кварталахъ и въ мелкихъ горо-

дахъ, гдѣ усадьбы служатъ только мѣстомъ жительства хозяевъ и гдѣ живетъ бѣднѣйшее населеніе, выкупъ падаетъ всецѣло на хозяевъ усадебъ. При этомъ «городъ» по отношенію къ массѣ населенія является такимъ же безсердечнымъ «хозяиномъ», знающимъ только свои собственные интересы и не обращающимъ никакого вниманія на интересы жильцовъ, какъ и разные Касперовы, Потоцкіе, Гагарины и другіе, владѣющіе на правахъ частной собственности населенными мѣстечками. Любопытный образчикъ такихъ безсердечныхъ отношеній представляютъ отношенія «города» Кіева къ предмѣстьямъ Соломенкѣ и Протасову Яру: «городъ», платя въ казну около 15 рублей оброку за 29 десятинъ казенной земли, занятыхъ названными предмѣстьями, беретъ съ обитателей этихъ предмѣстій 2,128 руб. арендной платы (не считая оцѣночнаго сбора); вмѣстѣ съ тѣмъ «городъ» хлопочетъ о предоставленіи ему права выкупа у казны означенной земли, принимая за основаніе платимый нынѣ городомъ оброкъ казнѣ, съ тѣмъ чтобы заставить обитателей предмѣстья выкупять свои усадьбы уже отъ «города», тоже на основаніи платимаго ими нынѣ громаднаго оброка.

Введя выкупъ за существующія уже усадьбы, городскія управленія отводятъ землю подъ новыя усадьбы только за плату. Плата эта назначается или по таксѣ, обыкновенно очень высокой, или чаще съ торговъ, причемъ цѣны на усадебныя мѣста поднимаются еще выше. Въ результатѣ такого положенія вещей получилось печальное явленіе, состоящее въ томъ, что пространство, занятое городскими усадьбами, расширяется далеко не пропорціонально увеличенію числа городскихъ жителей, т. е. происходитъ *скученіе* городскаго населенія. Какое значеніе имѣетъ это явленіе въ жизни городскаго населенія, объ этомъ я не буду распространяться, какъ о вещи, болѣе или менѣе общеизвѣстной. Иногда эта скученность дѣлается совершенно невыносимою для населенія, и тогда становятся возможными такіе факты, какъ возникновеніе *Нахаловки* въ Ростовѣ на Дону.

Въ 1882 году одинъ изъ ростовскихъ жителей выстроилъ самовольно домъ на принадлежащемъ городу, пустопорожнемъ мѣстѣ. Фактъ этотъ какимъ-то образомъ прошелъ совершенно незамѣченнымъ городскимъ управленіемъ. Примѣру перваго смѣльчака послѣдовали нѣкоторые другіе бездомные граждане Ростова, и, мало по малу, пустопорожнее мѣсто стало быстро заселяться, что́ уже, конечно, не могло остаться незамѣченнымъ. Городская управа рѣшилась остановить дальнѣйшую застройку мѣстности. Были поставлены отъ управы сторожа и приглашена для содѣйствія имъ полиція. Однако, не смотря на приставленную стражу, мѣстность продолжала заселяться и застраиваться новыми постройками. Препятствія, выставляемыя городскою управою, всячески обходились. Были случаи, что къ сложенному матеріалу для будущей постройки приставлялись караульные или полицейскіе, но новые поселенцы нашли способъ обходить и это. Въ извѣстномъ мѣстѣ заготовлялся матеріалъ, такъ чтобы только привезти его и сло-

жить хату. Ночью нанимался десятокъ—два ломовыхъ, складывался матеріалъ, безшумно подвозился къ намѣченному для застройки мѣсту, гдѣ уже ожидали плотники, и по мѣрѣ прибытія матеріала складывался домъ. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ препятствія со стороны городской управы, постройки съ каждымъ днемъ росли, какъ грибы. И такимъ образомъ образовалась «Нахаловка» (такъ окрестилъ народъ это мѣстечко), имѣющая до 850 домовъ и 8—10 тысячъ населенія. Явленіе это не новое даже въ исторіи Ростова, такъ какъ здѣсь въ началѣ 70 годовъ такимъ-же образомъ была захвачена земля за Темерникомъ и мѣстность, извѣстная подъ названіемъ «Богатый Источникъ», на которыхъ въ сложности стоитъ въ настоящее время до 1500 домовъ.

Ростовское городское управленіе, истощивъ бывшія въ его распоряженіи мѣры противодѣйствія заселенію Нахаловки, не рѣшилось прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, — снесенію новаго поселенія. Оно ограничилось тѣмъ, что переименовало Нахаловку въ Новостоевку, обложило населеніе ея арендным сборомъ за землю и объявило нахаловцамъ, что земля, самовольно занятая ими, никогда не будетъ отчуждена имъ въ собственность. Такимъ образомъ, положеніе Нахаловки—самое ненадежное и самое существованіе ея всецѣло зависитъ отъ того или инаго состава городскаго представительства: при достаточно рѣшительномъ и безсердечномъ составѣ городской думы, цѣлое поселеніе съ десятитысячнымъ населеніемъ можетъ быть снесено безъ всякой церемоніи.

Къ сожалѣнію, въ такомъ же положеніи находится и масса кореннаго городскаго населенія тамъ, гдѣ усадебная земля имъ не выкуплена. Въ этомъ случаѣ существованіе цѣлыхъ кварталовъ зависитъ исключительно отъ благоволенія городскихъ заправилъ, которые всегда могутъ снести эти кварталы. И это снесеніе не остается только въ области возможности, но переходитъ и въ практику. Въ Самарѣ, напримѣръ, есть такъ называемый 12-й, самый бѣдный кварталъ, занятый 22 дворами коренныхъ самарскихъ мѣщанъ. Въ 1882 году мѣстная городская дума рѣшила снести съ лица земли этотъ кварталъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что находящаяся подъ нимъ земля нужна городу на случай проведенія вѣтви желѣзной дороги къ Волгѣ и для постройки амбаровъ и другихъ общественныхъ зданій. Рѣшеніе это уже начало приводиться въ исполненіе: несчастнымъ мѣщанамъ строиться вновь и поправлять свои домишки уже не дали *). Бываютъ случаи еще печальнѣе. На городскомъ выгонѣ Минусинска (Енисейской губ.) расположены три деревни—Малая Минуса, Оторваловка и Самодуровка. Деревни эти населены минусинскими мѣщанами. Изъ трехъ названныхъ деревень Малая Минуса—самое древнее поселеніе,

*) „*Волжскій Вѣстникъ*“ *1883 г.*, № 43.

существовавшее еще до основанія города Минусинска, а Оторваловка и Самодуровка—поселенія болѣе позднихъ временъ. Деревни эти были прежде обыкновеннѣйшими крестьянскими деревнями и попали на городской выгонъ въ силу какихъ-то странныхъ обстоятельствъ: городу отводился выгонъ и подъ него попали земли, на которыхъ расположены деревни, и съ этихъ поръ обитатели деревень превратились въ минусинскихъ мѣщанъ. Возведенные въ чинъ городскаго сословія оторваловцы и самодуровцы, однако, остались неизмѣнными мужиками-пахарями. Живутъ они, какъ и всѣ крестьяне, земледѣліемъ и живутъ зажиточно: постройки хорошія, по дворамъ большія клади хлѣба, на протекающей мимо деревень рѣкѣ Минусинкѣ, много водяныхъ мельницъ. Жители пользуются широкимъ просторомъ:—рѣка, тучныя земли, подъ бокомъ дровяной лѣсъ, верстахъ въ 8—10 строевая тайга. Все, такимъ образомъ, сложилось для того, чтобы обитателямъ трехъ названныхъ деревень жить да поживать. Къ несчастію, обитатели деревень находятся въ зависимости отъ минусинскаго городскаго управленія, которое и рѣшило уничтожить эти поселенія, состоящія изъ 304 дворовъ. Именно 12 апрѣля 1883 года, минусинская дума постановила: 1) Въ продолженіе пяти лѣтъ обыватели деревень Малая Минуса, Оторваловка и Самодуровка обязываются или войти въ составъ города, образовавъ изъ себя отдѣльный кварталъ, или переселиться *куда угодно*. 2) Въ теченіе пяти лѣтъ даннаго имъ срока обыватели деревень должны платить по 1½ коп. за квадратную сажень, т. е. въ годъ 6,060 руб., а за 5 лѣтъ 30,300 рублей, и затѣмъ могутъ идти на всѣ четыре стороны... *).

Такова необезпеченность самаго мѣщанскаго существованія!

V.

Изъ предыдущихъ главъ уже достаточно видно, какъ неприглядно и тяжело живется мѣщанству вообще, но въ общей массѣ мѣщанъ есть группы безотрадное положеніе которыхъ далеко оставляетъ за собою все сказанное выше. Это мѣщане безземельныхъ городовъ, мѣщане-*десятинщики*, крестьяне, превратившіеся въ мѣщанъ незадолго до крестьянской реформы и вскорѣ послѣ нея, и, наконецъ, крестьяне-переселенцы, записавшіеся въ мѣщанство. Въ настоящей главѣ мы поговоримъ о каждой изъ этихъ группъ отдѣльно.

Есть на Руси немало городовъ, которые переведены въ это званіе изъ селъ исключительно въ административныхъ видахъ. Населеніе такихъ городовъ какъ было чисто земледѣльческимъ, такъ и осталось таковымъ. Большинство такихъ городовъ имѣетъ однако полевую землю, и населе-

*) „Сибирь“ 1883 г., № 23.

іе, хотя за довольно значительную плату городскому фиску и перекупщикамъ земли, можетъ имѣть пашню и покосы близь мѣста своего заселенія. Но есть немало городовъ, которые, кромѣ земли, занятой городскими постройками, улицами и площадями, имѣютъ лишь ничтожные выгоны или не имѣютъ совсѣмъ полевой земли. Таковы Ейскъ, Кологривъ, Орѣховъ, Ногайскъ и др. Наконецъ, есть города, которые, неся массу расходовъ, связанныхъ съ ихъ пребываніемъ на городскомъ положеніи, какъ то: расходы по содержанію городскаго управленія, пожарной команды, мѣстной полиціи и многіе другіе, не имѣютъ, въ то-же время, ни пяди собственной земли; даже обывательскія постройки стоятъ на чужой землѣ, которая принадлежитъ или казнѣ (г. Илецкая Защита), или частнымъ лицамъ (8 городовъ въ юго-западномъ краѣ и нѣсколько въ сѣверо-западномъ). Положеніе мѣщанъ въ городахъ послѣднихъ двухъ категорій самое безотрадное.

Мѣщанство городовъ, лишенныхъ полевой земли, будучи чисто земледѣльческимъ населеніемъ, не имѣетъ, между тѣмъ, даже выгоновъ, гдѣ оно могло бы пасти своихъ коровенокъ. Необходимую себѣ землю такіе мѣщане должны добывать арендою. Если вблизи городовъ имѣется свободная, отдающаяся въ аренду земля, то положеніе мѣщанъ еще сравнительно сносно, хотя имъ обыкновенно приходится платить цѣны, стоящія несравненно выше нормальныхъ. Для примѣра укажу на городъ Ейскъ. Мѣщанство этого города занимается исключительно земледѣліемъ. Между тѣмъ, у города своей земли нѣтъ, и мѣщане-земледѣльцы до 1883 года обработывали арендовавшіяся съ 1863 года отъ казачьяго войска 34,123 десятины; но такъ какъ этой земли не хватало (въ городѣ 30,000 населенія), то мѣщане-земледѣльцы занимали еще нѣсколько сосѣднихъ «панскихъ» участковъ и тѣ изъ войсковыхъ, которые арендуются у войска разными Колупаевыми и Разуваевыми, съ тѣмъ чтобы сдавать ихъ мѣщанамъ. Войско до 1883 года получало за свою землю по 60-ти копѣекъ за десятину, Колупаевы же брали по 4 и 5 рублей за десятину (по мѣстному это—огромныя цѣны), платя войску сами—отъ 75 коп. до 1 р. 50 к. Въ мартѣ 1883 года срокъ аренды войсковой земли кончился. Городъ хлопоталъ о пріобрѣтеніи этой земли въ собственность, но получилъ отказъ на томъ основаніи, что войсковыя земли ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отчуждаемы. Въ продленіи срока аренды войсковое хозяйственное правленіе тоже долго отказывало, но потомъ согласилось лишь на крайне тяжелыхъ для мѣщанъ условіяхъ. Именно оно предложило возобновить контрактъ только на 6 лѣтъ, съ платою по 1 р. 50 к. за десятину, вмѣсто прежнихъ 60 коп., и съ условіемъ распахивать только третью часть арендуемой земли. Такимъ образомъ, мѣщане получали право воздѣлывать только 11,300 десятинъ земли, истощенной 20-ти-лѣтнимъ пользованіемъ, платя за нихъ 51,000 арендной платы, т. е. по 4 р. 50 к. за десятину, и, уплативъ въ теченіе 6 лѣтъ 306,000 аренды,

существовавшее еще до основанія города
модуровка—поселенія болѣе позднихъ врем
обыкновенныхъ крестьянскими деревня
въ силу какихъ-то странныхъ обстоятель
подъ него попали земли, на которыхъ р
поръ обитатели деревень превратились в
денные въ чинъ городского сословія от
остались непомѣщичьими мужиками-пахаря
яне, земледѣліемъ и живутъ зажиточн
большія клади хлѣба, на протекающей
много водяныхъ мельницъ. Жители по
рѣка, тучныя земли, подъ бокомъ
строевая тайга. Все, такимъ образомъ
телямъ трехъ названныхъ деревень жи
татели деревень находятся въ зависи
равленія, которое и рѣшило уничтож
дворовъ. Именно 12 апрѣля 1883
Въ продолженіе пяти лѣтъ обыватели
и Самодуровка обязываются или во
себя отдѣльный кварталъ, или пе
пяти лѣтъ даннаго имъ срока обы
коп. за квадратную сажень, т. е. в
рублей, и затѣмъ могутъ идти
Такова необезпеченность сама

Изъ предыдущихъ главъ у
тяжело живется мѣщанству вооб
безотрадное положеніе которых
ное выше. Это мѣщане беззем
крестьяне, превратившіеся въ
и вскорѣ послѣ нея, и, на
въ мѣщанство. Въ настоящей
группъ отдѣльно.

Есть на Руси немало го
селъ исключительно въ адми
довъ какъ было чисто
Большинство такихъ город

*) „Сибирь“ 1883 г., №

должны были остаться не причемъ, а войско получило бы обратно землю, [illegible] трети которой, пробывъ шесть лѣтъ въ состояніи залежи, получали зна[illegible] тельную цѣнность *). Но какъ ни стѣснительны условія, на которыхъ въ [illegible] добныхъ случаяхъ достается мѣщанамъ земля, все же они могутъ имѣть [illegible] около города, т. е. близь своихъ жилищъ. Но положеніе сильно ухудшается, когда возлѣ города не имѣется свободныхъ земель, и мѣщанамъ приходится арендовать землю гдѣ-нибудь чрезвычайно далеко, а иногда и совсѣмъ не имѣть ходить ея. Нужда такихъ мѣщанъ въ землѣ настолько велика, что среди нихъ распространяются всевозможные толки и слухи, имѣющіе отношеніе къ надѣлу землею, и происходятъ различныя движенія. Такъ, среди мѣщанъ г. Новогайска (Бердянскаго уѣзда Таврической губерніи) въ 1882 году распространялись слухи, что всѣ безземельные могутъ получить землю гдѣ угодно, что для этого нужно только «записаться» и что объ этомъ есть особый циркуляръ отъ министра. Всполошенные этими слухами мѣщане стали массами стекаться въ городскую управу и требовать отъ городскаго головы и членовъ управы записки ихъ съ семьями. Не смотря на увѣренія управы, что слухи о надѣлѣ землею лишены всякаго основанія, мѣщане остались при своемъ и [illegible] подозрили обманъ со стороны управы **). Въ другомъ безземельномъ городѣ Орѣховѣ (Таврической губерніи), мѣщане возбудили ходатайство объ образованіи изъ нихъ крестьянскаго сельскаго общества (желаніе мѣщанъ превратиться въ крестьянъ—явленіе очень распространенное) и надѣленіи землею изъ сосѣдняго казеннаго участка «Большой Табалъ». Но министерство внутреннихъ дѣлъ отклонило это ходатайство, въ виду того, что министерство государственныхъ имуществъ не нашло возможнымъ отвести мѣщанамъ г. Орѣхова казенную землю, такъ какъ они не относятся къ числу лицъ, которымъ, по существующимъ узаконеніямъ, разрѣшено отводить свободныя казенныя земли. Тогда орѣховскіе мѣщане возбудили ходатайство объ отдачѣ имъ этой земли въ аренду, но и это ходатайство отклонено, въ виду того, что казна уже отдала эту землю въ долгосрочную аренду. Такимъ образомъ, орѣховскіе мѣщане оказались въ самомъ безотрадномъ положеніи ***).

Еще безотраднѣе положеніе мѣщанъ владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ. Въ одномъ югозападномъ краѣ частнымъ лицамъ принадлежатъ 8 городовъ (Бердичевъ, Липовецъ, Староконстантиновъ, Заславъ, Дубно, Ямполь, Ровно и Острогъ) и 322 мѣстечка. Къ этому числу нужно присоединить еще однородныя поселенія сѣверозападнаго края. Въ поселеніяхъ этихъ вся земля, даже находящаяся подъ улицами и дворами, принадлежитъ частнымъ лицамъ, которыя и собираютъ съ населенія особые платежи за право житель-

*) „Донская Пчела".
**) „Одесскій Вѣстникъ" 1882 г., № 83.
***) „Русскій Курьеръ" 1883 г., № 82.

ства. Эти платежи колеблются по городамъ отъ 3 р. 30 к. до 24 р. 8 к. за каждую десятину земли. Кромѣ того, владѣльцы городовъ и мѣстечекъ собираютъ съ населенія въ свою пользу разные налоги. Налоги эти крайне разнообразны и многочисленны. Въ Бердичевѣ, напримѣръ, они представляютъ собою 28 наименованій. Налогами этими обложено буквально все, что только можетъ подлежать обложенію, и даже то, съ чего, казалось бы, никакъ нельзя взыскивать налоговъ. Для характеристики этихъ налоговъ укажемъ на сборы, существующіе въ Бердичевѣ. Здѣсь взимается въ пользу владѣльцевъ (графини Тышкевичъ, княгини Чарторыйской и прусскихъ подданныхъ братьевъ Іенни)—съ убоя скота, съ продажи заграничнаго вина, свѣчей, дрожжей, дегтя и смолы, съ кирпичныхъ заводовъ, съ выдѣлки крупы на домашнихъ заводахъ для мелочной продажи, съ трактировъ, «лядовое» и «торговое» со всѣхъ привозимыхъ товаровъ; независимо отъ того; съ каждой лошади и вола, запряженныхъ подъ товары, а также съ продавца и покупщика при продажѣ товара съ возовъ, со стекла бондарской и гончарной посуды, гонта, угольевъ и со всѣхъ барышниковъ вообще, чѣмъ бы они ни промышляли. Въ другихъ городахъ существуютъ еще другіе виды сборовъ, напр., «мостильный», «рогатковый», «копытковый», «каменный», «дышловый», «въѣздной», «полѣнный» и др. Владѣльцы берутъ сборы при возведеніи новой постройки, при молотьбѣ хлѣба, при открытіи промышленнаго или торговаго заведенія и т. д. Не удивительно, что, при такомъ положеніи вещей, во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ царитъ такая ужасающая бѣдность, подобную которой трудно встрѣтить гдѣ-либо въ другомъ углу Россіи *).

До сихъ поръ я говорилъ о безземельныхъ мѣщанахъ, имѣющихъ однако опредѣленное мѣстожительство. Но есть многочисленныя группы мѣщанства, члены которыхъ не имѣютъ постояннаго мѣстопребыванія и сплошь и рядомъ принуждены мѣнять свои жилища. Это мѣщане-десятинщики и мѣщане-переселенцы.

Именемъ десятинщиковъ **) обозначается на югѣ Россіи особый классъ земледѣльцевъ. Это мѣщане, живущіе по селамъ и хуторамъ на помѣщичьей землѣ и занимающіеся хлѣбопашествомъ. По образу жизни эти «мѣщане» рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ сосѣднихъ крестьянъ, кромѣ того, что у послѣднихъ есть своя земля, а первые совершенно безземельны и потому находятся въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ. Происхожденіе десятин-

*) Подробнѣе о владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ см. въ моей статьѣ—„Нѣкоторыя особенности поземельныхъ отношеній“, „Отеч. Зап.“, 1883 г., № 11.

**) О десятинщикахъ любопытныя данныя собраны въ вышедшемъ въ прошломъ году первомъ томѣ „Матеріаловъ для оцѣнки земель Херсонской губерніи“, собираемыхъ статистическимъ отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. Я пользуюсь именно этимъ изданіемъ, а также нѣкоторыми другими источниками, *гл. обр. мѣстными газетами.*

щиковъ относится ко временамъ крѣпостнаго права. Въ составъ этого класса вошли бѣглые и вольноотпущенные крестьяне. Въ виду чрезвычайной малонаселенности Новороссійскаго края въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, здѣсь смотрѣли сквозь пальцы на бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, стремившихся сюда со всѣхъ концовъ Россіи; имъ предоставлялась возможность, конечно, нелегальная, достижимая только за приличныя даянія,—записываться въ мѣщане южно-русскихъ городовъ. Вольноотпущенные, выкупившіеся изъ крѣпостнаго права, тоже стремились сюда, манимые земельнымъ просторомъ. Къ обществамъ государственныхъ крестьянъ, въ виду стѣсненнаго положенія послѣднихъ, находившихся почти въ крѣпостной зависимости отъ своего „барина"—чиновника, вольноотпущенные избѣгали приписываться и предпочитали входить въ составъ мѣщанскихъ обществъ, въ виду ничтожности податной тягости, лежавшей тогда на мѣщанахъ, и ихъ сравнительной самостоятельности. То обстоятельство, что, записавшись въ мѣщане, десятинщики оставались безземельными, мало тревожило ихъ, въ виду дешевизны арендной платы. Огромныя пространства Новороссіи были крайне мало заселены, и владѣльцы, получившіе здѣсь пустынныя имѣнія, были рады получать хоть какой-нибудь доходъ и отдавали десятинщикамъ землю за безцѣнокъ. Повидимому платою за землю служила десятая часть урожая, откуда и названіе «десятинщикъ». Землевладѣльцы дорожили десятинщиками, не притѣсняли ихъ, да и не могли притѣснять, такъ-какъ десятинщики всегда могли подняться и уйти на землю другаго «пана». Поэтому, поставленные въ благопріятныя условія, десятинщики обыкновенно не имѣли нужды мѣнять часто свое мѣстопребываніе и прочно устраивались на разъ облюбованныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, возникли хутора и деревни десятинщиковъ, достигавшіе иногда очень значительныхъ размѣровъ.

Съ теченіемъ времени, однако, положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось. Новороссія все болѣе и болѣе заселялась. Цѣнность земель возросла. Соискателей на арендованіе земель явилось крайне много, и арендная плата повысилась до чрезмѣрности. Землевладѣльцамъ уже не было никакой надобности дорожить десятинщиками, такъ-какъ они всегда могли найти съемщиковъ. Вотъ тогда-то и дали себя знать десятинщикамъ ихъ безземеліе и особенное положеніе, какъ мѣщанъ.

Современное положеніе десятинщиковъ крайне печально. Вотъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ, ярко обрисовывающихъ это положеніе.

Въ Коблевскомъ имѣніи (Одесскаго уѣзда) десятинщики арендуютъ панскія хаты и землю. За первыя они платятъ—за ординарныя по 9 руб., за двойныя—16 руб. За пастьбу скота съ десятинщиковъ взыскивается по 2 руб. 50 к. съ головы—большой и малой одинаково. Если десятинщикъ покажетъ невѣрно число своего скота, то за каждую скрытую штуку скота онъ уплачиваетъ по 6 руб. штрафа. По отношенію къ пахотной землѣ открывается одно обстоятельство, ясно указывающее, до какой степени положеніе десятинщика хуже положенія всякаго другаго арендатора: не десятинщикъ арен-

дуетъ у землевладѣльца землю въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она ему нужна, а землевладѣлецъ назначаетъ, сколько земли долженъ обработать десятинщикъ, и если послѣдній не успѣетъ обработать всего назначеннаго ему урока, то платитъ штрафъ. «Мы *должны* занимать землю у г. Г. подъ озимые и яровые посѣвы,—говорится въ контрактѣ,—гдѣ намъ экономія укажетъ и занимаемую землю мы должны хорошо обработать по хозяйски и засѣвать своими средствами разными хлѣбами, если окажется у кого либо изъ насъ остатокъ изъ занимаемой имъ земли, то за каждую десятину, оставленную безъ употребленія, мы обязываемся уплатить штрафъ въ пользу Коблевской школы по 10 рублей за каждую десятину и, сверхъ того, отдать еще скольщину (приходящуюся землевладѣльцу долю урожая) за незасѣянную землю". Такимъ образомъ, десятинщикамъ приходится оплачивать не только ту землю, которою они пользуются, но и ту, которою не пользуются, и послѣднюю значительно дороже. Это уродливое положеніе идетъ еще дальше. Десятинщики по контракту не имѣютъ права арендовать землю подъ пахоту или пастьбу скота у какого бы ни было землевладѣльца, кромѣ собственника Коблевскаго имѣнія, а если они совершатъ это преступленіе, то платятъ штрафъ отъ каждой десятины и отъ каждой головы скота. Г. Воропоновъ, *) поэтому, былъ совершенно правъ, приравнивая положеніе десятинщиковъ къ крѣпостному состоянію; различіе этихъ двухъ положеній состоитъ только въ томъ, что десятинщики лишены права на помощь со стороны землевладѣльца, въ случаѣ нужды и несчастія, тогда какъ помѣщики въ собственныхъ интересахъ должны были оказывать эту помощь крѣпостнымъ.

Положеніе коблевскихъ десятинщиковъ характерно вообще для всего этого класса людей. Отличіе положенія десятинщиковъ другихъ имѣній заключается развѣ лишь въ томъ, что въ нихъ болѣе разработана система штрафовъ, да арендная плата вносится не долею урожая, а деньгами. Вотъ, напр., предъ нами имѣніе Кошарка, Тираспольскаго уѣзда. Здѣсь, за упускъ скота и другихъ домашнихъ животныхъ на владѣльческія поля или покосы, берется по рублю штрафу съ каждой штуки, причемъ до уплаты штрафа животныя держатся по нѣскольку дней запертыми; если же владѣльческій скотъ войдетъ на поля десятинщиковъ, то, понятное дѣло, штрафа никакого не полагается. Арендная плата вносится въ два срока: 29 іюня и 1-го октября; кто не заплатитъ, у того управляющій отбираетъ скотъ, запираетъ его въ экономическій загонъ, моритъ скотъ голодомъ и не даетъ пить до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не заплатитъ денегъ.

Въ юго-западной части Одесскаго уѣзда аренда обыкновенно платится деньгами причемъ арендная плата достигаетъ страшно высокихъ размѣровъ. Надо замѣтить, что въ Одесскомъ уѣздѣ красная покупная цѣна земли 50 р.

*) „Вѣстникъ Европы" 1884 г., № 3.

за десятину. Между тѣмъ десятинщики платятъ по 12 руб. годовой арендной платы за десятину. Такія цѣны установились въ Александровкѣ (Арнаутское), Грибовкѣ (имѣніе Ингистова), Любомиповкѣ (Медзиховскаго), Бугазѣ (Ингистовой), а также и на казеннооброчной землѣ при Дальницкомъ хуторѣ. Земля, годная подъ огороды, идетъ по 15—20 рублей, а песчаная коса въ Бугазѣ, между днѣпровскимъ лиманомъ и Черпымъ моремъ, доставляетъ землевладѣлицѣ Ингистовой певѣроятную годовую арендную плату—60 руб. съ десятины. Это плантація капусты. При плохомъ урожаѣ, мѣщане не въ силахъ выдержать такихъ платежей, а потому принимаются надлежащія мѣры, «плати деньги впередъ, а не то убирайся вонъ»!..

Арендная плата и штрафы взыскиваются съ десятинщиковъ самымъ безпощаднымъ образомъ, и, въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ, продается ихъ послѣднее имущество. Какъ велики бываютъ эти взысканія, можно судить по слѣдующему примѣру: съ одного десятинщика взыскивалось квартирной платы 10 руб., за пастьбу скота 33 руб., за 15 дес. земли 120 р.,— итого 163 р.; а такъ какъ по контракту, въ случаѣ неисправности, плата взыскивается вдвое, то десятинщикъ, съ прибавкою процентовъ, долженъ былъ уплатить 332 руб. Такъ дорого платятся современные десятинщики за ошибку своихъ отцовъ, приписавшихся въ мѣщане.

Ко всему этому нужно присоединить еще нравственную зависимость отъ землевладѣльцевъ, которую приходится испытывать десятинщикамъ. Дѣло доходитъ до того, что владѣльцы вмѣшиваются въ дѣла совѣсти десятинщиковъ и предписываютъ имъ вѣрованія. Одинъ изъ землевладѣльцевъ Одесскаго уѣзда, г. Значково-Яворскій даже печатно похвалялся тѣмъ, что, замѣтивъ въ своихъ десятинщикахъ наклонность къ штундизму, онъ предложилъ имъ или возвратиться въ лоно православія, или убираться вонъ изъ имѣнія.

Не удивительно, что при такомъ стѣсненномъ положеніи десятинщики сплошь и рядомъ мѣняютъ свое мѣстопребываніе. То самимъ десятинщикамъ станетъ не въ терпежъ и они пойдутъ искать лучшихъ условій; то десятинщикъ окажется несостоятельнымъ къ уплатѣ аренды и штрафовъ и его выгонятъ изъ имѣнья; то владѣльцу не понравятся вѣрованія десятинщиковъ и онъ прогонитъ ихъ; то, наконецъ, имѣніе перейдетъ въ руки лица которое обработываетъ землю за свой счетъ и въ аренду ее не сдаетъ. Особенно плохо приходится десятинщикамъ, когда какое-нибудь имѣніе переходитъ въ руки нѣмцевъ-колонистовъ, каковое явленіе очень распространено на югѣ Россіи: въ этомъ случаѣ десятинщикамъ приходится немедленно-же выбираться изъ имѣнія. Такія выселенія десятинщиковъ, часто цѣлыми деревнями въ полсотни и болѣе дворовъ,—факты, самые обыкновенные въ Новороссіи.

Стѣснительныя условія аренды и необезпеченность завтрашняго дня при *воли десятинщиковъ* къ ужасающей бѣдности. Бѣдность эта всего наглядпѣе *отражается* на ихъ жилищахъ. Поселенія десятинщиковъ всегда можно отли

чать по первому же взгляду отъ крестьянскаго поселенія. Куча безпорядочно разбросанныхъ землянокъ, глубоко сидящихъ въ землѣ, неокопанные дворы, развалившіеся сараи, сдѣланные большею частью изъ навоза и кое-какъ прикрытые сверху, ни одного деревца вокругъ жилья, огородъ, заросшій бурьяномъ, бурьянъ на крышахъ землянокъ—вотъ характернѣйшія черты поселеній десятинщиковъ. Самыя ихъ жилища, землянки, до того отвратительны, что носятъ названіе «гадючниковъ», отъ слова «гадюка», змѣя: такимъ образомъ, здѣсь человѣческое жилье сравнивается даже не съ звѣриною берлогою, а съ змѣиною норою.

И при такой бѣдности десятинщики лишены всякой сторонней помощи, даже такой, которою пользуются крестьяне. Такъ, въ случаѣ неурожая, крестьяне могутъ получить ссуду изъ сельскихъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, а десятинщикамъ, какъ мѣщанамъ, такой ссуды получить не откуда. Точно также обходитъ десятинщиковъ крестьянскій земельный банкъ, какъ учрежденіе, существующее спеціально для крестьянъ, а десятинщики, будучи съ ногъ до головы крестьянами, имѣютъ несчастье числиться мѣщанами. Мало того, крестьянскій банкъ можетъ даже вредить десятинщикамъ. На послѣднемъ херсонскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, членъ губернской управы, г. Андреевскій, сообщилъ о любопытномъ случаѣ покупки крестьянскимъ обществомъ имѣнія при содѣйствіи крестьянскаго банка. Оказалось, что на покупаемой землѣ стояла деревня десятинщиковъ и что крестьяне покупали землю, съ тѣмъ чтобы выжить десятинщиковъ, прожившихъ на этой землѣ 15 лѣтъ, и въ оставшіяся послѣ нихъ хаты выселить часть своего общества (Сборникъ Херсонскаго земства, 1884 г. № 1).

Этотъ несчастный классъ десятинщиковъ очень многочисленъ. Десятинщики наполняютъ губерніи Херсонскую, Бессарабскую, Таврическую и встрѣчаются въ губерніяхъ Подольской и Екатеринославской. Общая численность десятинщиковъ неизвѣстна даже приблизительно, такъ какъ статистика въ Новороссійскомъ краѣ только зарождается. Подворная перепись была сдѣлана только въ Одесскомъ уѣздѣ, причемъ оказалось на 23,000 дворовъ, имѣющихся въ уѣздѣ, десятинщиковъ 4,640 дворовъ, т. е. $^1/_5$ населенія.

Въ однородномъ съ десятинщиками положеніи находится группа мѣщанъ, образовавшаяся изъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости незадолго передъ 19 февраля 1861 года. Отпуская на волю такихъ крестьянъ, помѣщики оставляли себѣ всѣ свои земли. Образовалось такимъ образомъ безземельное населеніе, которое записалось въ мѣщанскія общества, а жить оставалось на своихъ прежнихъ земляхъ, платя теперь и владѣльцу арендную плату. Эта группа мѣщанъ имѣетъ представителей по всей Россіи. О положеніи ихъ можетъ дать понятіе слѣдующій примѣръ. Года за три до уничтоженія крѣпостнаго права, владѣлецъ деревни Тараканова (Рязанской губ), князь Вяземскій, отпустилъ крестьянъ своихъ на волю, а землю съ постройками *продалъ тогда же* купцамъ Клопову и Политову. Крестьяне, выйдя

на свободу, приписались въ мѣщане и за условленную плату съ владѣльцами продолжали пользоваться, по прежнему, своими домами и усадебною землею. Такъ продолжалось до 1870 года, когда купцы Клоновъ и Политовъ предъявили въ рязанскій окружной судъ искъ объ изъятіи изъ владѣнія мѣщанъ домовъ и усадебъ, какъ принадлежащихъ имъ по купчей крѣпости. Приговоръ состоялся въ смыслѣ выселенія мѣщанъ. Но когда было приступлено къ приведенію въ исполненіе судебнаго приговора, мѣщане заявили, что они и сами бы вышли изъ домовъ, въ которыхъ выросли ихъ отцы и дѣды, но бѣда въ томъ, что имъ некуда дѣться самимъ и некуда дѣвать больныхъ стариковъ и дѣтей, а потому они и рѣшили не выходить изъ домовъ. Составленъ былъ актъ о неповиновеніи мѣщанъ, и одиннадцать изъ нихъ были преданы суду...*). Исторія эта является далеко не исключительною. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно много дѣлъ, аналогичныхъ съ разсказаннымъ.

Иногда этимъ «новоявленнымъ» мѣщанамъ приходится терпѣть испытанія особаго рода, которыя приличествуютъ болѣе XVII вѣку, чѣмъ нашему. Объ этихъ испытаніяхъ можно составить понятіе по участи нѣкоторыхъ гороховецкихъ мѣщанъ. Крестьяне пелагинскаго общества, Невѣро-Слободской волости, Гороховецкаго уѣзда Владимірской губерніи, числомъ до 100 душъ, бывшіе временно-обязанные наслѣдниковъ Головина, лѣтъ шесть тому назадъ отказались, по 128-ой ст. мѣстнаго положенія, отъ земельнаго надѣла и перечислились, большею частью, въ гороховецкіе мѣщане. Землю они сдали довѣренному владѣлицы имѣнія, дома и всѣ хозяйственныя надворныя строенія, скотъ, земледѣльческія орудія, хлѣбъ на корню и въ зернѣ, сѣно и весь кормъ для скота—распродали за безцѣнокъ и разъѣхались на жительство въ Пермь, Оренбургъ, Иркутскъ, Барнаулъ и другія мѣста. Между тѣмъ, въ 1880 году, опекунша надъ имѣніемъ наслѣдниковъ Головина возбудила дѣло о неправильномъ увольненіи крестьянъ и ходатайствовала о возвращеніи ихъ въ первобытное состояніе, доказывая, что волостнымъ старшиною не были соблюдены всѣ требуемыя закономъ для увольненія формальности. Въ 1881 году, по этому дѣлу гороховецкое уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе рѣшило «признать неправильно уволенными и возвратить въ первобытное состояніе» 54 души (до половины всѣхъ уволенныхъ крестьянъ), а волостнаго старшину оштрафовать и предоставить владѣлицѣ искать съ него убытки. Старшина апелировалъ и въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, и въ сенатъ, но оба эти учрежденія утвердили постановленіе гороховецкаго присутствія, и полиція принялась за энергическій розыскъ «неправильно уволенныхъ» мѣщанъ для обращенія ихъ «въ первобытное состояніе... **)

---

*) «Голосъ» 1882 г., № 30.

**) «Русскій Курьеръ» 1882 г., № 156.

Наконецъ, послѣднюю группу мѣщанъ, заслуживающую особаго вниманія, составляютъ мѣщане-переселенцы. Всѣмъ извѣстно, съ какими затрудненіями и расходами крестьяне переселенцы достигаютъ причисленія въ сельскія общества своего новаго мѣстожительства. Въ виду этихъ трудностей, многіе переселенцы, живя гдѣ-нибудь на Кавказѣ или въ Сибири, продолжаютъ числиться въ сельскихъ обществахъ внутреннихъ мѣстностей Россіи, посылаютъ туда подати и получаютъ оттуда паспорты. Такой порядокъ вещей, однако, очень неудобенъ для переселенцевъ, и многіе изъ нихъ предпочитаютъ причисляться къ мѣстнымъ мѣщанскимъ обществамъ, что сравнительно легко: такъ образовался въ губерніяхъ Уфимской, Оренбургской, Томской и на сѣверномъ Кавказѣ обширный классъ мѣщанъ, не живущихъ въ городахъ и обработывающихъ арендуемую землю. Численность этого класса очень значительна, особенно въ областяхъ, занятыхъ казаками, такъ какъ въ составъ казачьихъ станичныхъ обществъ крестьяне совсѣмъ не могутъ входить. Оттого здѣсь замѣчается чрезвычайно ненормальный ростъ городскаго населенія. Такъ, въ городахъ Илецкѣ, Верхнеуральскѣ и Орскѣ въ 1868 году числилось жителей 2,370, 6,100 и 3,590 душъ обоего пола, а въ 1881—уже 5,769, 10,354 и 14,341, т. е. за 14 лѣтъ населеніе этихъ городовъ возросло въ $1^1/_2$, 2 и 4 раза, что только и можетъ быть объяснено припиской къ нимъ переселенцевъ *). То же наблюдается и относительно городовъ сѣвернаго Кавказа, особенно Екатеринодара и Майкопа. Положеніе этихъ мѣщанъ-переселенцевъ, при обиліи земель и низкомъ стояніи арендныхъ цѣнъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ они поселились, пока *сносно*, но въ будущемъ имъ грозитъ участь десятинщиковъ.

Таково неприглядное житье мѣщанства.

Что же нужно сдѣлать, чтобы измѣнить положеніе мѣщанъ къ лучшему? Для обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ понадобился бы новый трактатъ; тѣмъ не менѣе я думаю, что послѣ всего вышесказаннаго нижеслѣдующія указанія по этому предмету не окажутся неожиданными.

Для улучшенія положенія мѣщанъ необходимо:

а) реформировать радикально «Городовое Положеніе», въ смыслѣ уничтоженія имущественныхъ разрядовъ избирателей и предоставленія всѣмъ обывателямъ одинаковаго права участія въ городскомъ управленіи.

б) распоряженіе городскими землями, какъ основой благосостоянія массы городскаго населенія, предоставить непосредственному вѣдѣнію общихъ сходокъ горожанъ, какъ то было до введенія «Городоваго Положенія», а не представительныхъ учрежденій.

---

*) «Русская Мысль» 1884 г., № 4, ст. *Григорьева*, стр. 50.

в) строго и всесторонне опредѣлить отношенія городскаго и мѣщанскаго общественнаго управленій, городской общины и мѣщанскаго общества.

г) точно опредѣлить законодательнымъ порядкомъ права мѣщанскаго общества, какъ юридическаго лица и самоуправляющагося общества, и возстановить ихъ тамъ, гдѣ они нарушены, и

д) изыскать способы надѣленія землею мѣщанъ безземельныхъ городовъ десятинщиковъ, мѣщанъ-переселенцевъ и т. д.

Я. Абрамовъ.

Скряга Мортибой.

Истинное происшествіе.

Вальтера Безанта и Джемса Райса.

Часть первая.

I.

Въ Маркетъ-Базингѣ, въ Гольмшайрѣ, лѣтъ восемьдесятъ или сто тому назадъ, было выстроено пять-шесть хорошихъ домовъ. Они воздвигнулись въ то время, когда фабриканты и купцы жили въ своихъ мастерскихъ и лавкахъ, а не въ изысканныхъ виллахъ вдоль Генслопской дороги, гдѣ живутъ теперь. Въ тѣ благословенныя времена, лавочникъ сидѣлъ въ своей лавкѣ, и нисколько этого не стыдился. Теперь въ этихъ домахъ живутъ люди того же сословія, какіе въ нихъ жили тогда, когда кирпичи были еще новы и красны. Домъ около церкви принадлежитъ адвокату Баттискомбу. Домъ перешелъ къ нему отъ его дяди. Домъ саженей на пятьдесятъ поближе къ центру города принадлежитъ мистеру Френсису Меллишипу, и на немъ красуется надпись: „Меллишипъ, Мортибой и К°“. Въ этомъ домѣ находится Меллишипскій банкъ, а Мортибоя тутъ нѣтъ. Банкъ Мортибоя на другомъ концѣ улицы, около почты. Банки во многихъ отношеніяхъ находятся на крайнихъ полюсахъ. Въ самомъ концѣ города, въ Дернгетѣ стоитъ еще одинъ старинный домъ, въ которомъ живетъ мистеръ Ричардъ Матью Мортибой, въ адресахъ на письмахъ, вѣжливо называемый эсквайромъ, а за глаза просто скрягой Мортибоемъ.

Причину такого прозвища вы узнаете изъ моего разсказа.

Сторы въ обоихъ его домахъ опущены сверху до низу, а внизу закрыты даже ставни.

Въ домѣ же, въ Дернгетѣ, на подъѣздѣ, по обѣимъ сторонамъ стоятъ на ступенькахъ два факельщика съ тупыми физіономіями и съ палками, обвитыми черной матеріей.

Сусанна Мортибой умерла и ее хоронили въ церкви св. Джи
са, а факельщики стояли у дверей дома ея брата. — одинъ
правую руку, другой по лѣвую, одѣтые въ погребальное пла
и со значками своего ордена.

Почетная стража какъ бы говорила, что главнокомандую
„Смерть“ вошелъ въ домъ и принятъ съ подобающимъ почето

На дворѣ стоитъ холодная январьская погода, а въ домѣ
столовой сидятъ родные покойницы. Въ каминѣ разведенъ хо
шій огонь, и сидѣть имъ удобно. Столовая Мортибоя,—больш
холодная комната съ высокими узкими окнами, съ опущенны
жалузи, со стульями и диваномъ, обитыми волосяной матери
съ красными шерстяными занавѣсками и круглымъ столомъ
среди комнаты, покрытымъ красной скатертью, доходящей до
лу. На столѣ стоитъ графинъ съ хересомъ и восемь стакано

Собравшееся общество еще не пробовало хересу, но сидѣло
глядѣло на него. Если кто нибудь изъ присутствующихъ по
дался въ томъ, что смотрѣлъ на хересъ, то онъ тотчасъ же в
мательно начиналъ разсматривать потолокъ, картины, огонь, ви
на улицу, но никакъ не хересъ.

Мистеръ Ричардъ Матью Мортибой, ближайшій родственни
стоитъ, повернувшись спиною къ огню. Онъ вздохами желае
выразить свое горе, но выражаетъ въ сущности только, что о
очень усталъ и отъ души желалъ бы кончить поскорѣе эту
чальную процессію.

Ему шестьдесятъ три года; онъ высокій, лысый и сухощав
мужчина. Его черный сюртукъ—вѣнчался онъ во фракѣ — та
ему узокъ, что всякій могъ бы прійти въ недоумѣніе, какимъ
разомъ онъ влѣзъ въ него, и какъ онъ изъ него вылѣзетъ?
люди, близко знающіе скрягу Мортибоя, знаютъ вмѣстѣ съ эти
что онъ, какъ угорь, съумѣетъ ловко влѣзть и вылѣзть.

Лидія Гискотъ, его племянница, сидитъ съ открытой на ко
няхъ библіей и смотритъ на своего дядю.

Она его ближайшая кровная родственница, послѣ умерш
сестры его Сусанны.... а старикъ Мортибой милліонеръ.

Честный Джонъ Гискотъ. ея мужъ, сидитъ подлѣ нея. Фермеръ
единственный человѣкъ въ этой комнатѣ, который не своди
глазъ съ графина, хотя бы даже его на этомъ и поймали. О
невполнѣ сознаетъ, но чувствуетъ, что въ комнатѣ это единстве
ный отрадный предметъ, и потому прямо на него смотритъ.

Фамильный адвокатъ, Веньяминъ Баттискомбъ, сидитъ въ уд
номъ креслѣ. Фамильнаго доктора, мистера Керби, ждутъ кажд
минуту.

Мистеръ Гоггудъ, судья Маркетъ-Базинга, торговецъ полотняными товарами, изъ уваженія къ банкиру присутствуетъ лично, въ качествѣ офиціальнаго гробовщика. Лицо его выражаетъ торжественную печаль, но не столь глубокую, какую выражало при погребеніи мѣстнаго магната, погребеннаго подрядчикомъ Гоггудомъ-сыномъ.

Тутъ же присутствуетъ Жоржъ Краймсъ, довѣренный клеркъ мистера Мортибоя, другъ и совѣтникъ покойной Сусанны Мортибой.

Изъ всей этой милѣйшей компаніи только Люси, дочь мистриссъ Гискотъ, закрывшая глаза Сусанны Мортибой, своей тетки, искренно горюетъ о ней.

— Надо полагать, что это поставлено для того, чтобы пили, полголоса проговорилъ своей женѣ Джонъ Гискотъ, протянувъ къ графину свою смуглую руку.—Не налить-ли тебѣ, Лидія, рюмочку хересу? прибавилъ онъ вслухъ.

Мистриссъ Гискотъ отказалась, но взяла налитую рюмку.

Молчаніе было нарушено и всѣмъ, за исключеніемъ хозяина, было налито по рюмкѣ хересу.

До настоящей минуты тишина въ комнатѣ нарушалась только звономъ густаго колокола св. Джильса: „Бомъ!.. бомъ!.. бомъ!.." черезъ каждыя полминуты.

Мистеръ Мортибой съ своей стороны тоже нарушилъ молчаніе.

— Чего мы ждемъ? спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ утомленнаго человѣка.

— Мы ждемъ мистера Френсиса Меллишипа и мистера Керби, отвѣчалъ судья.

— Охъ! вздохнулъ хозяинъ и покорился.

— Френсисъ Меллишипъ вѣчно такъ... Не правда-ли, дядя Ричардъ? сказала мистриссъ Гискотъ.—Онъ вѣчно опаздываетъ. Моя покойная мама часто говорила, что когда вы женились на его сестрѣ Эмиліи, онъ заставилъ себя ждать цѣлыхъ четверть часа, чтобы везти невѣсту въ церковь. Ха! ха! ха!..

Она оборвала смѣхъ, вспомнивъ, что они на похоронахъ.

Дядя ея сердито посмотрѣлъ, при воспоминаніи о своемъ бракѣ съ миссъ Меллишипъ, и Лидія Гискотъ поняла свою ошибку, прежде чѣмъ онъ проворчалъ отвѣтъ.

— Я уже много лѣтъ не имѣю понятія о дурныхъ привычкахъ въ частной жизни мистера Меллишипа.

— Сколько лѣтъ не былъ онъ у васъ въ домѣ? прервала обтекаль Джонъ Гискотъ.

— Лѣтъ *двѣнадцать, должно* быть, сказала Лид

— Я сейчасъ скажу вамъ, отвѣчалъ мистеръ Мортибой. О
не былъ у меня со времени похоронъ моей покойной жены...
апрѣлѣ было шестнадцать лѣтъ.

— А!

— Бѣдная милая тетя, проговорила Люси Гискотъ:—какъ
рошо я ее помню, хотя была маленькой. Когда бы она ни п
ходила къ намъ въ Генелонъ, она всегда приносила чего-нибу
для Гресъ и для меня. Я помню ея бомбоньерки, а изъ игруше
у меня до сихъ поръ сохраняются двѣ вещицы. Бѣдная т
Эмилія.

— Бѣдняжка! проговорила мистриссъ Гискотъ.

— Она, какъ и всѣ Меллишипы, съ самаго сотворенія ми
замѣтилъ мистеръ Мортибой: — вѣчно все раздавала и дурачи
всѣхъ, милая Лю.

Въ этомъ отношеніи дѣдушка Мортибой никогда не ду
чилъ своей внучки Люси.

— Съ той поры много воды утекло, философски замѣти
Джонъ Гискотъ.

— Мистеръ Меллишипъ такъ оскорбилъ меня, что я никог
этого не забуду... хотя я надѣюсь, что простилъ ему, сказа
мистеръ Мортибой.

— Онъ принадлежалъ къ такимъ людямъ, которые мягко с
лятъ да жостко спать.

— Такъ отчего же вы не помиритесь съ нимъ? То-ли д
жить въ ладу съ родными.

— Мнѣніе ваше совершенно справедливо, сказалъ адвока
въ первый разъ вмѣшавшійся въ разговоръ.

— Съ тобой вѣдь не изъ-за чего и ссориться, Джонъ! съ ул
комъ проговорила его жена.

— Да и я ни съ кѣмъ не могу ссориться.

— Да, если васъ не станутъ задѣвать, сказалъ мистеръ М
тибой:—но меня оскорбили, Джонъ... Вотъ и дроги!.. Господи
онъ вынулъ изъ кармана часы.—Я такъ и думалъ, что намъ п
быть въ церкви.

— Не послать-ли, дядя, за Френсисомъ Меллишипомъ?

— Нѣтъ, Лидія, съ злобной усмѣшкой отвѣчалъ ея дядя
Мы достаточно долго напрасно ждали мистера Френсиса Мел
шипа; всѣ въ Маркетъ-Базингѣ знаютъ его неисправность.

— За глаза дурно говорить о человѣкѣ не слѣдуетъ, нач

Фамильномъ креслиссъ Гискотъ метнула на него молнію изъ своихъ ч
минуту. означавшую: „Какъ смѣешь ты противорѣчить д

Мортибоя?" но супругъ ея не счелъ нужнымъ замѣтить этой мелочи. Онъ продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Я всегда уважалъ мистера Меллишипа, и надѣюсь, что всегда буду уважать его. Я желалъ-бы, чтобы онъ бывалъ въ Генелонѣ почаще, чѣмъ онъ бываетъ.

Жена его сильно ущипнула. Ея положеніе было довольно трудное. Она была короткой знакомой съ семействомъ другого банкира, но въ то же время была ближайшей кровной родственницей скряги Мортибоя.

— Мой шуринъ, съ насмѣшкой сказалъ Мортибой, — любитъ чрезчуръ наряжаться... Френсисъ Меллишипъ настоящій павлинъ, вотъ что! гнѣвно прибавилъ онъ:—Я ненавижу франтовство такъ въ женщинахъ, такъ и въ мужчинахъ!

Мистриссъ Гискотъ незамѣтно смяла свой крепъ. Она любила пофрантить.

Въ эту минуту, въ комнату вошелъ съ печальнымъ поклономъ главный помощникъ судьи, чтобы надѣть на ближайшаго родственника покойной длинный креповый шарфъ. Мистеръ Мортибой отстранилъ шарфъ и сказалъ:

— Это еще что за пустяки?

— Это шарфъ, сэръ... такъ принято на всѣхъ порядочныхъ похоронахъ.

— Это всегда надѣваютъ, сэръ, вмѣшался судья.

— Я никогда не надѣвалъ этого прежде, раздражительно выразилъ мистеръ Мортибой. — Я ограничился-бы крепомъ на шляпѣ и черными перчатками. Просто, но нарядно. Ненавижу вычуры. Покойная Сусанна тоже не любила лишняго, мистеръ Краймсъ.

— Предоставляю судить мистеру Гонгуду, сэръ. Онъ лучше меня знаетъ, какъ дѣлается въ такомъ случаѣ.

— Шарфъ всегда надѣвается, сэръ, отвѣчалъ судья.

— Ну, хорошо, хорошо, надѣвайте. Разъ, что вы ихъ нашли, то, конечно надо, надѣвать. Бѣдная Сусанна!

Старикъ бросилъ печальный взоръ на крепъ, болтавшійся у него колѣнъ, затѣмъ покачалъ головой, вынулъ изъ кармана лиючій, дырявый шолковый платокъ и вытеръ имъ глаза, но не слезы. Слезы изъ глазъ его могла вызвать только одна потеря,— потеря денегъ. При видѣ его горя, всѣ присутствующіе были тронуты, каждый по своему. Люси Гискотъ въ одинъ мигъ была около него. Она поцѣловала старика. Послѣ этого онъ снова обтеръ глаза.

— Я сейчасъ скажу вамъ, отвѣча
не былъ у меня со времени похорон
апрѣлѣ было шестнадцать лѣтъ.

— А!

— Бѣдная милая тетя, прого
рошо я ее помню, хотя была м
ходила къ намъ въ Генелонъ,
для Гресъ и для меня. Я пом
у меня до сихъ поръ сох
Эмилія.

— Бѣдняжка! проговор

— Она, какъ и всѣ М
замѣтилъ мистеръ Морти
всѣхъ, милая Лю.

Въ этомъ отношені
чилъ своей внучки Лк

— Съ той поры
Джонъ Гискотъ.

— Мистеръ Мел
этого не забуду...
мистеръ Мортибой

— Онъ прина
лятъ да жостко с

— Такъ отче
жить въ ладу с

— Мнѣніе
въ первый раз

— Съ тобо
комъ проговор

— Да и я

— Да, ес
тибой:—но м
онъ вынулъ
быть въ цер

— Не п

— Нѣтъ
Мы достатс
шипа; всѣ

— За

Фамйѣ·
номъ кресл
минуту.

...ришла въ ужасъ отъ такой мысли, и

...ти, продолжалъ Мортибой,—я все надѣ-
...онъ измѣнится, полюбитъ занятія... и все
...докъ умеръ... сынъ мой умеръ... и... и... мнѣ
...ало, что я могу разстаться съ Сусанной.

...Она была такая болѣзненная, желая утѣшить,
...иссъ Гискотъ.

...осмотрѣлъ на племянницу и продолжалъ не обра-
...на ея слова.

...нде я не могъ бы сказать этого, право не могъ-
...могу сказать, что вернись ко мнѣ сынъ... мой
...огъ бы тратить сколько хотѣлъ, и я могъ бы от-
...амѣчанія, что сынъ мой, послѣ моей смерти, все
...это отъ души... согласенъ на это.

...него не было, и говорить ему о ней не слѣдовало.

...я сказалъ бы «отъ души». Въ особенности, если трата
...оставляла бы ему такое же удовольствіе, какъ мнѣ сбе-
...ихъ. — Въ эту минуту мистриссъ Гискотъ смяла с...
...и торжественно покачала головою, какъ будто бы...
...гла доставить никакого удовольствія возможность тра...
...старика Мортибоя; она въ то же время превратилась...
...духъ.—Я былъ бы доволенъ.

— Вѣдь вамъ не унести на тотъ свѣтъ съ собой денегъ, какъ
унести никому другому, сказалъ мистеръ Гискотъ.

— Джонъ! прошептала его жена, тономъ суроваго упрека.

— Не унести Гискотъ... нѣтъ, отвѣчалъ старикъ;—да я и не
очу уно..ить. Деньги приносятъ хлопоты и непріятности, и
льше ничего.

Въ эту минуту, по лѣстницѣ послышались торопливые шаги,
кто-то деликатно постучалъ въ дверь.

Вслѣдъ за этимъ, въ столовую вошелъ мистеръ Меллишипъ.
нъ прямо подошелъ къ столу: это былъ статный, красивый
ужчина среднихъ лѣтъ, одѣтый безукоризненно хорошо и въ
адко обтянутыхъ перчаткахъ. Платье его было несомнѣнно
ито Вестэндскимъ портнымъ.

Мистеръ Меллишипъ былъ джентльменомъ и велъ знакомство
...шимъ мѣстнымъ обществомъ. Не всѣ пользовались этимъ
...ществомъ и потому стѣснялись его. Онъ сдѣлалъ общій
...ъ, не глядя ни на кого. Взоръ его былъ обращенъ прямо
...ну.

— Я потерялъ всѣхъ... всѣхъ... близкихъ... теперь,—говорилъ онъ.

— Нѣтъ, не всѣхъ, дядя Ричардъ —нѣжно замѣтила мистриссъ Гискотъ, въ свою очередь закрывъ лицо носовымъ платкомъ.

Но старикъ точно не замѣтилъ ея вмѣшательства и продолжалъ:

— Вотъ Эмилія... скончалась... покинула меня... только что мы съ ней близко узнали... другъ друга...

— Охъ, охъ, охъ! простонала Лидія Гискотъ. Она всю жизнь презирала покойную, говорила о ней за глаза всякую гадость и ни за что на свѣтѣ не захотѣла бы вернуть ее обратно въ Маркетъ-Базингъ.

— А Дикъ... сынъ мой... сынъ мой! Я любилъ мальчика... какъ не любилъ никого на свѣтѣ...

Отецъ прогналъ его однажды ночью изъ дому въ три шея, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Ушелъ, убѣжалъ отъ меня... и... я брошенъ... одинокъ и вотъ теперь... Сусанна...

Онъ поднялъ глаза на верхъ, гдѣ была спальня.

— Вы не одиноки, милый дядя, ласково сказала Люси.

Дѣвушка любила старика лично, а не за его деньги. Другіе же льстили только ему, потому что онъ былъ первымъ человѣкомъ въ городѣ. Маркетъ-Базингъ, какъ городъ, такъ и обитатели, принадлежали ему.

— Жена умерла и покинула меня.—Онъ отеръ воображаемыя слезы изъ глазъ.—Сынъ умеръ... и погребенъ... неизвѣстно гдѣ! Сусанна... Сусанна... умерла! Я старый человѣкъ. Мы потратили триста... по крайней мѣрѣ Сусанна потратила... пытаясь разыскать Дика.

— Онъ немало огорчалъ васъ, сэръ, замѣтилъ адвокатъ, не разъ выпутывавшій Дика Мортибоя изъ разныхъ сомнительныхъ положеній.

— Какія карманныя деньги давались мальчику,— почти дѣйствительно плача, продолжалъ старикъ:—то есть давала сыну Сусанна. Не говоря дурно о покойницѣ, я сказалъ бы, что она портила... баловала его. Она вѣчно была съ нимъ въ заговорѣ противъ отца. Ахъ, я сотни разъ говорилъ: „милый мой мальчикъ, у тебя деньги сквозь пальцы проходятъ“. Онъ бросалъ деньги. Я не хотѣлъ, чтобы изъ него вышелъ мотъ. Она подарила ему часы и золотую цѣпочку, когда ему минуло только десять лѣтъ. У меня часовъ не было, пока не умеръ мой отецъ. Я хотѣлъ, чтобы онъ походилъ на меня. Но этого не было. Мнѣ всѣ говорили, что я копилъ всю жизнь для того, чтобы послѣ моей смерти сынъ мой все спустилъ.

Мистриссъ Гискотъ пришла въ ужасъ отъ такой мысли, и взглянула на дядю.

— Послѣ ея смерти, продолжалъ Мортибой,—я все надѣялся, что съ годами онъ измѣнится, полюбитъ занятія... и все такое. Нѣтъ, нѣтъ! Дикъ умеръ... сынъ мой умеръ... и... и... мнѣ въ голову не приходило, что я могу разстаться съ Сусанной.

— Бѣдняжка! Она была такая болѣзненная, желая утѣшить, проговорила мистриссъ Гискотъ.

Старикъ посмотрѣлъ на племянницу и продолжалъ не обращать вниманія на ея слова.

— Ахъ, прежде я не могъ бы сказать этого, право не могъ бы, но теперь могу сказать, что вернись ко мнѣ сынъ... мой Дикъ, онъ могъ бы тратить сколько хотѣлъ, и я могъ бы отвѣтить на замѣчанія, что сынъ мой, послѣ моей смерти, все спуститъ:—что отъ души... согласенъ на это.

Души у него не было, и говорить ему о ней не слѣдовало.

— Да, я сказалъ бы «отъ души». Въ особенности, если трата денегъ доставляла бы ему такое же удовольствіе, какъ мнѣ сбереженіе ихъ. — Въ эту минуту мистриссъ Гискотъ смяла себѣ платье и торжественно покачала головою, какъ будто бы ей не могла доставить никакого удовольствія возможность тратить деньги старика Мортибоя; она въ то же время превратилась вся въ слухъ.—Я былъ бы доволенъ.

— Вѣдь вамъ не унести на тотъ свѣтъ съ собой денегъ, какъ не унести никому другому, сказалъ мистеръ Гискотъ.

— Джонъ! прошептала его жена, тономъ суроваго упрека.

— Не унести Гискотъ... нѣтъ, отвѣчалъ старикъ;—да я и не хочу уносить. Деньги приносятъ хлопоты и непріятности, и больше ничего.

Въ эту минуту, по лѣстницѣ послышались торопливые шаги, кто-то деликатно постучалъ въ дверь.

Вслѣдъ за этимъ, въ столовую вошелъ мистеръ Меллишипъ. Онъ прямо подошелъ къ столу: это былъ статный, красивый мужчина среднихъ лѣтъ, одѣтый безукоризненно хорошо и въ гладко обтянутыхъ перчаткахъ. Платье его было несомнѣнно шито Вестэндскимъ портнымъ.

Мистеръ Меллишипъ былъ джентльменомъ и велъ знакомство съ высшимъ мѣстнымъ обществомъ. Не всѣ пользовались этимъ преимуществомъ и потому стѣснялись его. Онъ сдѣлалъ общій поклонъ, не глядя ни на кого. Взоръ его былъ обращенъ прямо на стѣну.

— Извините, пожалуйста, тутъ произошло какое-то недоразуѣніе. Я вовсе не желалъ оскорблять васъ.

Онъ взялъ бумажку изъ рукъ мистриссъ Гискотъ, машинально ложилъ ее и, положивъ въ карманъ, опять сталъ смотрѣть на портретъ.

На всѣхъ присутствующихъ рецептъ покойнаго мистера Ганса произвелъ дѣйствіе упавшей въ комнату бомбы.

Вслѣдъ за испугомъ, послышалось хихиканье. Старикъ-скряга такъ разсвирѣпѣлъ, а между тѣмъ онъ былъ такъ лысъ, что присутствующіе забыли, гдѣ они находились, и не могли сдержаться отъ хохота.

Когда хихиканье прекратилось, всѣ, глядя на мистера Меллишипа, ждали объясненія. Но онъ показался всѣмъ такимъ нестественнымъ, что спрашивать его никто не рѣшался, и потому всѣ сидѣли молча.

Между тѣмъ мистриссъ Гискотъ и Люси искренно, но безуспѣшно старались утѣшить старика.

— Онъ... пьянъ, я убѣжденъ въ этомъ, шепталъ старикъ на ухо мистриссъ Гискотъ, бросая гнѣвные взоры на человѣка, котораго много лѣтъ считалъ своимъ врагомъ.

Оказалось, что мистеръ Меллишипъ, кромѣ того, оскорбилъ чувство приличія всего собравшагося общества.

Старый скряга невольно отшатнулся, увидѣвъ приближавшагося къ себѣ шурина. Онъ былъ не изъ храбрыхъ. Прежде всѣ смотрѣли только на лицо мистера Меллишипа, такъ какъ изъ-за стола ногъ его не было видно, теперь же всѣ взглянули на ноги.

— Господи помилуй! Мистеръ Меллишипъ! сэръ!.. вскричалъ главный помощникъ судьи, приготовившійся приколоть банкиру шарфъ.

— Мистеръ Меллишипъ! въ одинъ голосъ вскричали адвокатъ и судья, широко раскрывъ глаза.

На банкира взглянули и старый скряга и Люси.

— Боже ты мой! вскричала мистриссъ Гискотъ: — съ какой стати вы нарядились въ свѣтлые... гм... панталоны?

Попробуйте нарушить такимъ образомъ приличіе и вы убѣдитесь, въ какое неописанное негодованіе приведете общество.

Въ двери раздался стукъ, нѣсколько громче стука мистера Меллишипа. Въ комнату вошелъ мягкій и вѣжливый докторъ Керби. Онъ началъ извиняться, что заставилъ себя ждать, но онъ былъ приглашенъ къ дамѣ...

— Мистеръ Мортибой... мистеръ Баттискомбъ... что тутъ случилось?

Онъ осмотрѣлся кругомъ, встрѣтился глазами съ Френсисомъ Меллишипомъ, и понялъ, что тутъ не все въ порядкѣ.

— А! мы съ вами старые знакомые, и хорошіе знакомые, сказалъ онъ, взявъ подъ руку мистера Меллишипа:—и вы, какъ самый вѣжливый человѣкъ, какого только можно встрѣтить... человѣкъ, никогда не отказывавшій мнѣ въ просьбѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, кошелекъ мой всегда къ услугамъ... бѣдныхъ. Вы хотите напомнить мнѣ о деньгахъ... что я обѣщалъ дать для... госпиталя...

— Нѣтъ, я хотѣлъ просить васъ подарить мнѣ минутъ пять вашего драгоцѣннаго времени, и подарить сейчасъ же...

Они пошли подъ руку къ дому мистера Меллишипа. Выходя изъ комнаты, докторъ многозначительно посмотрѣлъ на оставшееся общество.

Старикъ выходилъ изъ себя, Люси сидѣла огорченная, а всѣ остальные ждали, чѣмъ все это кончится.

— Онъ пьянъ, какъ стелька, и это въ часъ дня! И докторъ зналъ это очень хорошо. Мистеръ Френсисъ Меллишипъ, вы скоро услышите обо мнѣ, да... скоро.

Любезный адвокатъ выразилъ готовность подтвердить это, тѣмъ болѣе, что Френсиса Меллишипа онъ не считалъ въ числѣ своихъ кліентовъ. Джонъ Гискотъ прямо высказалъ свою мысль.

— Я полагаю, мистеръ Мортибой, что вы несправедливы къ Меллишипу. Я прежде много слышалъ, будто онъ пьетъ, но никогда этому не вѣрилъ. Мнѣ кажется, онъ боленъ!

— Джонъ! вскричала его жена.

— Онъ не хотѣлъ оскорблять ни васъ и никого другаго. Онъ для этого слишкомъ порядочный человѣкъ.

Старикъ опять побагровѣлъ.

— Джонъ!—и Лидія ущипнула его, что было у нея мочи.

Всѣ высказывали различныя предположенія относительно причины такого страннаго поведенія мистера Меллишипа, а разгадка между тѣмъ лежала тутъ же на полу.

Люси прежде всѣхъ увидала ее. Она подняла письмо, написанное тою же рукой, какой былъ написанъ рецептъ противъ лысинъ.

Пробѣжавъ содержаніе письма, она подала его старику. Въ этомъ письмѣ жена его, сестра Френсиса Меллишипа, пыталась, съ истинно женскимъ тактомъ, уладить недоразумѣніе между своимъ мужемъ и братомъ, и умоляла ихъ жить въ дружескихъ отношеніяхъ.

Старикъ прочелъ и нахмурился.

— Это письмо мистеръ Меллишипъ и хотѣлъ дать вамъ, дѣ-тушка Ричардъ; я увѣрена въ этомъ. А ту бумажку онъ далъ по ошибкѣ.

Старый скряга отрицательно покачалъ головой.

— Такъ почему же онъ мнѣ другую далъ? А потому что онъ ьянъ, вотъ что!

Всѣ, кромѣ него, были увѣрены, что предположеніе Люси праведливо. Хотя это предположеніе не оправдывало мистера Меллишипа, явившагося на похороны въ свѣтлыхъ панталонахъ.

Все это походило на загадку, и всѣмъ страстно хотѣлось раз-адать ее.

— Придетъ-ли онъ опять? Ждать-ли намъ его? шептали они.

Прошло еще съ полчаса, и факельщики, стоявшіе у дверей, азябли. Но они стояли, не трогаясь съ мѣста, хотя зубы у нихъ тучали, а руки и ноги окоченѣли.

Въ столовую вошла прилично одѣтая горничная и прошеп-ала что-то на ухо мистриссъ Гискотъ. Она направила ее къ дядѣ.

Но скряга оказался глухъ, и горничной пришлось громко по-торить свое заявленіе. Услыхавъ слова горничной, онъ раздра-кительно вскричалъ:

— Что? водки? Это съ какой стати! Факельщикамъ-то! Имъ ачѣмъ водка?

— Они, сэръ, совершенно окоченѣли отъ холода, сказалъ глав-ный распорядитель:—и я полагалъ, что вы будете настолько обры, что пошлете имъ хоть по рюмкѣ. Я не хотѣлъ безпокоить асъ, но горничная сказала намъ, что ключи у васъ.

— Деньги факельщикамъ заплачены, слѣдовательно водки они ребовать никакъ не могутъ.

— Да вѣдь у нихъ зубъ на́ зубъ не попадаетъ, сэръ, а бѣд-няга мистеръ Мопсъ весь окоченѣлъ. Извините меня за безпо-койство, сэръ, но право это такъ.

— Пусть побѣгаютъ, чтобы согрѣться.

Такой неподобающій совѣтъ мистера Мортибоя привелъ рас-порядителя въ такое недоумѣніе, что онъ, посмотрѣвъ нѣ-сколько секундъ на старика, могъ только отвѣчать:

— Это не годится, сэръ. Это вовсе неприлично во время та-кой церемоніи. Но я имъ передамъ вашъ совѣтъ.

Въ комнату опять вошла Гестеръ, горничная.

— Докторъ Керби приказали кланяться, сэръ, и сказать, что, къ сожалѣнію, ни онъ, ни мистеръ Меллишипъ не могутъ быть на похоронахъ. Мистеръ Меллишипъ захворалъ.

Присутствующіе пожалѣли и двинулись къ путь.

— Я потерялъ всѣхъ... всѣхъ... близкихъ... теперь,—говорилъ онъ.

— Нѣтъ, не всѣхъ, дядя Ричардъ —нѣжно замѣтила мистрисъ Гискотъ, въ свою очередь закрывъ лицо носовымъ платкомъ.

Но старикъ точно не замѣтилъ ея вмѣшательства и продолжалъ:

— Вотъ Эмилія... скончалась... покинула меня... только что мы съ ней близко узнали... другъ друга...

— Охъ, охъ, охъ! простонала Лидія Гискотъ. Она всю жизнь презирала покойную, говорила о ней за глаза всякую гадость и ни за что на свѣтѣ не захотѣла бы вернуть ее обратно въ Маркетъ-Базингъ.

— А Дикъ... сынъ мой... сынъ мой! Я любилъ мальчика какъ не любилъ никого на свѣтѣ...

Отецъ прогналъ его однажды ночью изъ дому въ три шестьнѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Ушелъ, убѣжалъ отъ меня... и... я брошенъ... одинокъ... вотъ теперь... Сусанна...

Онъ поднялъ глаза на верхъ, гдѣ была спальня.

— Вы не одиноки, милый дядя, ласково сказала Люси.

Дѣвушка любила старика лично, а не за его деньги. Другіе же льстили только ему, потому что онъ былъ первымъ человѣкомъ въ городѣ. Маркетъ-Базингъ, какъ городъ, такъ и обитатели принадлежали ему.

— Жена умерла и покинула меня.—Онъ отеръ воображаемыя слезы изъ глазъ.—Сынъ умеръ... и погребенъ... неизвѣстно гдѣ! Сусанна... Сусанна... умерла! Я старый человѣкъ. Мы потратили трата... по крайней мѣрѣ Сусанна потратила... пытаясь разыскать Дика.

— Онъ немало огорчалъ васъ, сэръ, замѣтилъ адвокатъ, разъ выпутывавшій Дика Мортибоя изъ разныхъ сомнительныхъ положеній.

— Какія карманныя деньги давались мальчику,— почти дѣйствительно плача, продолжалъ старикъ:—то есть давала сыну Сусанна. Не говоря дурно о покойницѣ, я сказалъ бы, что она портила... баловала его. Она вѣчно была съ нимъ въ заговорѣ противъ отца. Ахъ, я сотни разъ говорилъ: „милый мой мальчикъ у тебя деньги сквозь пальцы проходятъ“. Онъ бросалъ деньги. не хотѣлъ, чтобы изъ него вышелъ мотъ. Она подарила ему часы и золотую цѣпочку, когда ему минуло только десять лѣтъ. У меня часовъ не было, пока не умеръ мой отецъ. Я хотѣлъ, чтобы онъ походилъ на меня. Но этого не было. Мнѣ всѣ говорили, что я копилъ всю жизнь для того, чтобы послѣ моей смерти сынъ все спустилъ.

Мистриссъ Гискотъ пришла въ ужасъ отъ такой мысли, и взглянула на дядю.

— Послѣ ея смерти, продолжалъ Мортибой,—я все надѣялся, что съ годами онъ измѣнится, полюбитъ занятія... и все такое. Нѣтъ, нѣтъ! Дикъ умеръ... сынъ мой умеръ... и... и... мнѣ въ голову не приходило, что я могу разстаться съ Сусанной.

— Бѣдняжка! Она была такая болѣзненная, желая утѣшить, проговорила мистриссъ Гискотъ.

Старикъ посмотрѣлъ на племянницу и продолжалъ не обращать вниманія на ея слова.

— Ахъ, прежде я не могъ бы сказать этого, право не могъ-бы, но теперь могу сказать, что вернись ко мнѣ сынъ... мой Дикъ, онъ могъ бы тратить сколько хотѣлъ, и я могъ бы отвѣтить на замѣчанія, что сынъ мой, послѣ моей смерти, все спуститъ:—что отъ души... согласенъ на это.

Души у него не было, и говорить ему о ней не слѣдовало.

— Да, я сказалъ бы «отъ души». Въ особенности, если трата денегъ доставляла бы ему такое же удовольствіе, какъ мнѣ сбереженіе ихъ. — Въ эту минуту мистриссъ Гискотъ смяла себѣ платье и торжественно покачала головою, какъ будто бы ей не могла доставить никакого удовольствія возможность тратить деньги старика Мортибоя; она въ то же время превратилась вся въ слухъ.—Я былъ бы доволенъ.

— Вѣдь вамъ не унести на тотъ свѣтъ съ собой денегъ, какъ не унести никому другому, сказалъ мистеръ Гискотъ.

— Джонъ! прошептала его жена, тономъ суроваго упрека.

— Не унести Гискотъ... нѣтъ, отвѣчалъ старикъ;—да я и не хочу уносить. Деньги приносятъ хлопоты и непріятности, и больше ничего.

Въ эту минуту, по лѣстницѣ послышались торопливые шаги, и кто-то деликатно постучалъ въ дверь.

Вслѣдъ за этимъ, въ столовую вошелъ мистеръ Меллишипъ. Онъ прямо подошелъ къ столу: это былъ статный, красивый мужчина среднихъ лѣтъ, одѣтый безукоризненно хорошо и въ гладко обтянутыхъ перчаткахъ. Платье его было несомнѣнно шито Вестэндскимъ портнымъ.

Мистеръ Меллишипъ былъ джентльменомъ и велъ знакомство съ высшимъ мѣстнымъ обществомъ. Не всѣ пользовались этимъ преимуществомъ и потому стѣснялись его. Онъ сдѣлалъ общій поклонъ, не глядя ни на кого. Взоръ его былъ обращенъ прямо на стѣну.

Всѣ поклонились ему въ отвѣтъ. Мистриссъ Гискотъ обратилась къ нему:

— Мы уже начинали думать, не задержало-ли васъ что-нибудь, мистеръ Меллишипъ, въ настоящій печальный...

Она не кончила фразы. Странное выраженіе глазъ шурина мистера Мортибоя поразило всѣхъ. Всѣ посмотрѣли на предметъ, обратившій вниманіе мистера Меллишипа, и увидали, что онъ не сводилъ глазъ съ портрета Сусанны Мортибой, снятаго съ нея еще въ молодости.

Мистриссъ Гискотъ тотчасъ-же нашлась, и яснымъ шопотомъ передала то, что, по ея мнѣнію, думалось мистеру Меллишипу.

— Онъ давно уже тутъ не былъ. Теперь онъ думаетъ о Сусаннѣ или о своей сестрѣ Эмиліи.

— Извините, мистеръ Мортибой, началъ онъ, и затѣмъ, глядя на красную скатерть, опять задумался.

Очевидно, что онъ почему-то не могъ прійти въ себя, и потомъ началъ шарить у себя въ карманѣ.

— Я... я не могу прійти въ себя. Говоря по правдѣ, сегодня я чувствую себя очень дурно. Сегодня утромъ я нашелъ вотъ это, и оно меня поразило. Вамъ почеркъ этотъ, конечно, знакомъ. Хорошо, еслибы это было такъ.

Онъ подалъ мистеру Мортибою старую пожелтѣвшую бумажку.

Старикъ взялъ ее. Это былъ почеркъ его жены—голосъ съ того свѣта—хотя такой голосъ не могъ тронуть его. Развернувъ бумажку, онъ съ негодованіемъ бросилъ ее и побагровѣлъ, потому что прочелъ:

«Рецептъ покойнаго мистера Ганса противъ лысинъ на головѣ. Взять каенскаго перцу и тресковаго жира и хорошенько натирать утромъ и вечеромъ».

Старый скряга не помнилъ себя отъ негодованія и задыхался.

Его голова была лысая, какъ колѣно. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ подалъ бумажку мистриссъ Гискотъ. Она прочла и съ удивленіемъ вопросительно посмотрѣла сначала на своего дядю, а потомъ на мистера Меллишипа.

— Тресковый жиръ и каенскій перецъ! Что вы, сударь! Много лѣтъ тому назадъ... вы оскорбили меня! Теперь, когда сестра моя лежитъ въ гробу, вы пришли снова оскорблять меня! крикнулъ мистеръ Мортибой, дрожащими пальцами старался распустить свой галстухъ.

— Извините, пожалуйста, тутъ произошло какое-то недоразумѣніе. Я вовсе не желалъ оскорблять васъ.

Онъ взялъ бумажку изъ рукъ мистриссъ Гискотъ, машинально сложилъ ее и, положивъ въ карманъ, опять сталъ смотрѣть на портретъ.

На всѣхъ присутствующихъ рецептъ покойнаго мистера Ганса произвелъ дѣйствіе упавшей въ комнату бомбы.

Вслѣдъ за испугомъ, послышалось хихиканье. Старикъ-скряга такъ разсвирѣпѣлъ, а между тѣмъ онъ былъ такъ лысъ, что присутствующіе забыли, гдѣ они находились, и не могли сдержаться отъ хохота.

Когда хихиканье прекратилось, всѣ, глядя на мистера Меллишипа, ждали объясненія. Но онъ показался всѣмъ такимъ нестественнымъ, что спрашивать его никто не рѣшался, и потому всѣ сидѣли молча.

Между тѣмъ мистриссъ Гискотъ и Люси искренно, но безуспѣшно старались утѣшить старика.

— Онъ... пьянъ, я убѣжденъ въ этомъ, шепталъ старикъ на ухо мистриссъ Гискотъ, бросая гнѣвные взоры на человѣка, котораго много лѣтъ считалъ своимъ врагомъ.

Оказалось, что мистеръ Меллишипъ, кромѣ того, оскорбилъ чувство приличія всего собравшагося общества.

Старый скряга невольно отшатнулся, увидѣвъ приближавшагося къ себѣ шурина. Онъ былъ не изъ храбрыхъ. Прежде всѣ смотрѣли только на лицо мистера Меллишипа, такъ какъ изъ-за стола ногъ его не было видно, теперь же всѣ взглянули на ноги.

— Господи помилуй! Мистеръ Меллишипъ! сэръ!.. вскричалъ главный помощникъ судьи, приготовившійся приколоть банкиру шарфъ.

— Мистеръ Меллишипъ! въ одинъ голосъ вскричали адвокатъ и судья, широко раскрывъ глаза.

На банкира взглянули и старый скряга и Люси.

— Боже ты мой! вскричала мистриссъ Гискотъ: — съ какой стати вы нарядились въ свѣтлые... гм... панталоны?

Попробуйте нарушить такимъ образомъ приличіе и вы убѣдитесь, въ какое неописанное негодованіе приведете общество.

Въ двери раздался стукъ, нѣсколько громче стука мистера Меллишипа. Въ комнату вошелъ мягкій и вѣжливый докторъ Керби. Онъ началъ извиняться, что заставилъ себя ждать, но онъ былъ приглашенъ къ дамѣ...

— Мистеръ Мортибой... мистеръ Баттискомбъ... что тутъ случилось?

Онъ осмотрѣлся кругомъ, встрѣтился глазами съ Френсисомъ Меллишипомъ, и понялъ, что тутъ не все въ порядкѣ.

— А! мы съ вами старые знакомые, и хорошіе знакомые, сказалъ онъ, взявъ подъ руку мистера Меллишипа:—и вы, какъ самый вѣжливый человѣкъ, какого только можно встрѣтить... человѣкъ, никогда не отказывавшій мнѣ въ просьбѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, кошелекъ мой всегда къ услугамъ... бѣдныхъ. Вы хотите напомнить мнѣ о деньгахъ... что я обѣщалъ дать для... госпиталя...

— Нѣтъ, я хотѣлъ просить васъ подарить мнѣ минутъ пять вашего драгоцѣннаго времени, и подарить сейчасъ же...

Они пошли подъ руку къ дому мистера Меллишипа. Выходя изъ комнаты, докторъ многозначительно посмотрѣлъ на оставшееся общество.

Старикъ выходилъ изъ себя, Люси сидѣла огорченная, а всѣ остальные ждали, чѣмъ все это кончится.

— Онъ пьянъ, какъ стелька, и это въ часъ дня! И докторъ зналъ это очень хорошо. Мистеръ Френсисъ Меллишипъ, вы скоро услышите обо мнѣ, да... скоро.

Любезный адвокатъ выразилъ готовность подтвердить это, тѣмъ болѣе, что Френсиса Меллишипа онъ не считалъ въ числѣ своихъ кліентовъ. Джонъ Гискотъ прямо высказалъ свою мысль.

— Я полагаю, мистеръ Мортибой, что вы несправедливы къ Меллишипу. Я прежде много слышалъ, будто онъ пьетъ, но никогда этому не вѣрилъ. Мнѣ кажется, онъ боленъ!

— Джонъ! вскричала его жена.

— Онъ не хотѣлъ оскорблять ни васъ и никого другаго. Онъ для этого слишкомъ порядочный человѣкъ.

Старикъ опять побагровѣлъ.

— Джонъ!—и Лидія ущипнула его, что было у нея мочи.

Всѣ высказывали различныя предположенія относительно причины такого страннаго поведенія мистера Меллишипа, а разгадка между тѣмъ лежала тутъ же на полу.

Люси прежде всѣхъ увидала ее. Она подняла письмо, написанное тою же рукой, какой былъ написанъ рецептъ противъ лысинъ.

Пробѣжавъ содержаніе письма, она подала его старику. Въ этомъ письмѣ жена его, сестра Френсиса Меллишипа, пыталась, съ истинно женскимъ тактомъ, уладить недоразумѣніе между своимъ мужемъ и братомъ, и умоляла ихъ жить въ дружескихъ отношеніяхъ.

Старикъ прочелъ и нахмурился.

— Это письмо мистеръ Меллишипъ и хотѣлъ дать вамъ, дѣдушка Ричардъ; я увѣрена въ этомъ. А ту бумажку онъ далъ по ошибкѣ.

Старый скряга отрицательно покачалъ головой.

— Такъ почему же онъ мнѣ другую далъ? А потому что онъ пьянъ, вотъ что!

Всѣ, кромѣ него, были увѣрены, что предположеніе Люси справедливо. Хотя это предположеніе не оправдывало мистера Меллишипа, явившагося на похороны въ свѣтлыхъ панталонахъ.

Все это походило на загадку, и всѣмъ страстно хотѣлось разгадать ее.

— Придетъ-ли онъ опять? Ждать-ли намъ его? шептали они.

Прошло еще съ полчаса, и факельщики, стоявшіе у дверей, озябли. Но они стояли, не трогаясь съ мѣста, хотя зубы у нихъ стучали, а руки и ноги окоченѣли.

Въ столовую вошла прилично одѣтая горничная и прошептала что-то на ухо мистриссъ Гискотъ. Она направила ее къ дядѣ.

Но скряга оказался глухъ, и горничной пришлось громко повторить свое заявленіе. Услыхавъ слова горничной, онъ раздражительно вскричалъ:

— Что? водки? Это съ какой стати! Факельщикамъ-то! Имъ зачѣмъ водка?

— Они, сэръ, совершенно окоченѣли отъ холода, сказалъ главный распорядитель:—и я полагалъ, что вы будете настолько добры, что пошлете имъ хоть по рюмкѣ. Я не хотѣлъ безпокоить васъ, но горничная сказала намъ, что ключи у васъ.

— Деньги факельщикамъ заплачены, слѣдовательно водки они требовать никакъ не могутъ.

— Да вѣдь у нихъ зубъ на́ зубъ не попадаетъ, сэръ, а бѣдняга мистеръ Мопсъ весь окоченѣлъ. Извините меня за безпокойство, сэръ, но право это такъ.

— Пусть побѣгаютъ, чтобы согрѣться.

Такой неподобающій совѣтъ мистера Мортибоя привелъ распорядителя въ такое недоумѣніе, что онъ, посмотрѣвъ нѣсколько секундъ на старика, могъ только отвѣчать:

— Это не годится, сэръ. Это вовсе неприлично во время такой церемоніи. Но я имъ передамъ вашъ совѣтъ.

Въ комнату опять вошла Гестеръ, горничная.

— Докторъ Керби приказали кланяться, сэръ, и сказать, что, къ сожалѣнію, ни онъ, ни мистеръ Меллишипъ не могутъ быть на похоронахъ. Мистеръ Меллишипъ захворалъ.

Присутствующіе *пожалѣли* и двинулись въ путь.

Оставшіяся дамы, мистриссъ Гискотъ и Люси, отъ нечег
лать угадывали, чѣмъ бы могъ захворать мистеръ Меллишп
въ своихъ догадкахъ далеки были отъ истины.

II.

Когда траурныя кареты привезли обратно съ похорон
дому мистера Мортибоя, родныхъ и гостей, имъ оставалос
позавтракать и выслушать чтеніе завѣщанія.

Всѣ мысленно разбирали вопросъ: осмѣлилась-ли Сусанна
тибой, во всю свою жизнь тратившая одну половину своих
ходовъ на благочестивыя дѣла, а другую на содержаніе дом
которомъ жилъ ея братъ,—оставить по завѣщанію свои де
кому нибудь иному, а не скрягѣ Мортибою? Отъ отца ей д
лось двадцать пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. На эту с
братъ ея тотчасъ же взялъ трехпроцентныхъ бумагъ, а ей
тилъ, и платилъ весьма акуратно по два процента.

Скряга Мортибой считалъ всякую благотворительность св
личнымъ врагомъ, хотя изъ приличія самъ вносилъ по
гиней въ годъ въ какое-то человѣколюбивое общество.

За двадцать лѣтъ и два мѣсяца передъ тѣмъ, какъ начин
нашъ разсказъ, онъ уговорилъ прихворнувшую сестру свою
лать завѣщаніе. Въ этомъ завѣщаніи сестра Сусанна оста
брату своему, мистеру Мортибою, все свое состояніе безусл
Завѣщаніе было составлено самимъ скрягою, для того чтоб
дать гиней пять адвокату Баттискомбу. Завѣщаніе было про
Сусаннѣ и она подписала его въ присутствіи своей горничной
теръ Нобль и Джоржа Смита, садовника, послѣ чего мистеръ
тибой заперъ его къ себѣ въ конторку. Такимъ образомъ,
похоронъ было прочитано завѣщаніе, написанное четкимъ п
комъ мистера Мортибоя, въ силу котораго все состояніе зав
лось Сусанною брату, если въ теченіе двѣнадцати лѣтъ не
нется сынъ его Дикъ.

Двѣнадцать лѣтъ прошло. Дикъ не вернулся и, сверхъ
ченнаго срока, прошло уже два мѣсяца.

Состояніе перешло къ мистеру Мортибою.

Окончивъ чтеніе, скряга сложилъ завѣщаніе и спряталъ

— Я этого завѣщанія не писалъ, сказалъ мистеръ Б
скомбъ.

— Я самъ написалъ его, отвѣчалъ мистеръ Мортибой.—
вѣкъ, умѣющій писать и сложить дважды два, можетъ
вить и завѣщаніе, мистеръ Баттискомбъ. Я нерѣдко слы
это отъ васъ.

— А вотъ мы посмотримъ, сказалъ адвокатъ, наступая подъ столомъ на мозоль Краймса.

— Посмотрите, мистеръ Баттискомбъ, отвѣчалъ старикъ, гордившійся своимъ знаніемъ законовъ.

— Не мѣшало бы вамъ дать мнѣ заработать тутъ копѣйку, сэръ.

Говоря это, адвокатъ снова телеграфировалъ подъ столомъ Краймсу. Но тотъ, боясь, что ему опять наступятъ на мозоль, прибралъ свои ноги, и адвокатъ придавилъ только коверъ.

— Желаніе своей сестры Сусанны я могъ выразить не хуже васъ, мистеръ Баттискомбъ, отвѣчалъ старикъ.—Я надѣюсь, что завѣщаніе написано совершенно ясно. Я всегда считался неглупымъ человѣкомъ. Завѣщаніе составлено безусловно на законномъ основаніи. Все оставлялось Дику. Дикъ не вернулся въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, и всѣ деньги переходятъ ко мнѣ. Душеприкащиками назначаются Джонъ и Джоржъ Гискоты.

— Въ настоящую минуту, мистеръ Мортибой, возразилъ Баттискомбъ—завѣщаніе это есть ничто иное, какъ просто исписанная бумага, и...

— Мистеръ Баттискомбъ, я знаю, что вы любите шутить, но теперь шутки неумѣстны...

— Да, сэръ, конечно неумѣстны. Старое завѣщаніе не всегда имѣетъ значеніе. Еслибы вы обратились ко мнѣ за совѣтомъ, я бы сказалъ вамъ это.

Рука мистера Мортибоя, державшая завѣщаніе, задрожала. Онъ позеленѣлъ и готовъ былъ задохнуться.

Лидія подбѣжала къ нему и, тономъ участія, стала утѣшать его. Клеркъ поднялся съ своего мѣста и началъ такимъ образомъ:

— Мистеръ Мортибой! Я чувствую, что долѣе молчать мнѣ не слѣдуетъ. Можетъ быть, вамъ покажется, что я поступилъ дурно. Въ свое оправданіе я могу сказать, что миссъ Мортибой, которой я очень многимъ обязанъ въ жизни, заставила меня сдѣлать то, что я сдѣлалъ, я... я... Къ завѣщанію, прочитанному вами, есть дополнительное завѣщаніе.

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана сложенный листъ бумаги. Всѣ, за исключеніемъ адвоката, встрепенулись отъ любопытства.

— Продолжайте, Краймсъ, задыхаясь, проговорилъ старикъ.— Прежде вы никогда не обманывали меня.

— Миссъ Сусанна взяла съ насъ—съ мистера Баттискомба и съ меня - обѣщаніе никому не говорить объ этомъ...

— *Прежде вы никогда*, сколько мнѣ извѣстно, не обманывали

меня, молодой человѣкъ. Никакое обѣщаніе не могло помѣшать вамъ разсказать мнѣ все. Когда... сестра моя... сдѣлала глупость, а?.. Ну, говорите же!

— За недѣлю до своей смерти, миссъ Сусанна позвала...

— Васъ и Баттискомба. Ну, говорите же! Что же она сдѣлала? Ну, говорите же, ради Бога!..

— Миссъ Сусанна отмѣнила тотъ пунктъ завѣщанія, по которому отдавала свое состояніе племяннику своему Дику, а передавала все брату, съ тѣмъ чтобы онъ сдѣлалъ въ память объ ней разрисованное окно въ церковь св. Джильса.

Лицо скряги сначало просіяло, а потомъ омрачилось, когда рѣчь зашла объ окнѣ, которое ему приходилось сдѣлать теперь на свой счетъ.

Все время, пока гости допивали послѣ завтрака портвейнъ и хересъ, старикъ мучился мыслью объ окнѣ, и если забывалъ окно, то только для того, чтобы досадовать на сестру, зачѣмъ она не довѣрилась ему, и на адвоката, и на своего клерка, зачѣмъ они не разсказали ему о томъ, что сдѣлалось.

— Она знала, что я не допустилъ бы ее до такой глупости, безпрестанно повторялъ онъ.

Но сестра его любила церковь, любила свои школы и бѣдныхъ, и хотѣла, чтобы о ней осталось хоть какое нибудь воспоминаніе.

Наконецъ-то гости разошлись и старикъ остался одинъ.

Теперь постараемся просмотрѣть родословную героя настоящаго разсказа.

Родословная его не велика. Въ городѣ извѣстны только четыре поколѣнія Мортибоевъ: старый скряга, его отецъ, его дѣдъ и его прадѣдъ. Кто былъ его пра-прадѣдъ—неизвѣстно.

Изъ четырехъ лицъ этой фамиліи, трое жили, дѣйствовали и умерли въ Маркетъ-Базингѣ; а въ то время, какъ начинается нашъ разсказъ, послѣдній изъ четырехъ Мортибоевъ жилъ и работалъ тамъ же, гдѣ жили его предки, и подобно имъ копилъ деньги.

Городъ Маркетъ-Базингъ находится по дорогѣ къ сѣверу, между двумя значительными городами, и потому въ прежнія времена всѣ почтари останавливались въ Маркетъ-Базингѣ, и пассажиры отдыхали тутъ и обѣдали. Такимъ образомъ, пока сѣть желѣзныхъ дорогъ не покрыла Англію, Маркетъ-Базингъ былъ одной изъ извѣстнѣйшихъ станцій.

Главная гостинница называлась „Лошадью и Жокеемъ“, и въ этой-то гостинницѣ Мортибой первый служилъ конюхомъ.

Подобно многимъ другимъ конюхамъ, Матъ Мортибой пользовался правомъ продавать для лошадей останавливавшихся обозовъ сѣно, овесъ и воду. Выгода отъ этой продажи была значительная и Матъ накопилъ кое-какія деньжонки, которыя и держалъ въ чулкѣ на сѣновалѣ и въ кожаномъ бумажникѣ, подъ грубой рубашкой.

По мѣрѣ того, какъ богатѣлъ слуга, хозяинъ бѣднѣлъ, что нерѣдко бываетъ въ торговыхъ предпріятіяхъ.

Въ 1745 году, для Маркетъ-Базинга наступили тяжелыя времена, и хозяинъ „Лошади и Жокея“ едва нашелъ взаймы денегъ. Матъ Мортибой далъ ему двѣ тысячи гиней, подъ залогъ его заведенія, на 6%. Писать онъ не умѣлъ и подъ документомъ у стряпчаго вмѣсто подписи поставилъ крестъ.

Матъ хорошо обдѣлалъ свои дѣла. Старый хозяинъ гостинницы, разорившись, умеръ, а мистеръ Мортибой и толстая жена его сдѣлались хозяевами главной гостинницы Маркетъ-Базинга. Достойная чета была ловка и экономна. Супруги умерли богачами,—вдова умерла черезъ два дня послѣ мужа, оставивъ все до копѣйки своему единственному сыну Матью. Тутъ началось царствованіе Мортибоя втораго. Онъ женился, завелъ пивоварню, и воспиталъ единственнаго, оставшагося изъ пятерыхъ дѣтей, сына—„ученымъ“. Въ свою очередь онъ умеръ и былъ похороненъ, и все, что онъ получилъ послѣ отца и что нажилъ самъ, оставилъ своему сыну. Онъ полушки не оставилъ ни на церкви, ни на благотворительныя дѣла, ни бѣднымъ роднымъ своей жены.

Тутъ начинается долгое царствованіе Мортибоя третьяго, „ученаго“. Онъ продалъ гостинницу, разослалъ всюду свое пиво, и половину своего состоянія помѣстилъ въ Меллишиповскій банкъ. Онъ сдѣлался банкиромъ, оракуломъ и эсквайромъ. Бракъ его съ миссъ Анною Краймсъ сдѣлалъ его отцомъ троихъ дѣтей...

Анна, старшая дочь его, вышла замужъ за своего кузена митера Краймса, и стала матерью Лидіи Гискотъ.

Сусанна умерла.

И Ричардъ Матью, первый изъ этого рода, получилъ при крещеніи два имени.

„Ученый“ покуривалъ трубочку и попивалъ джинъ съ водою. На вечеръ онъ покупалъ себѣ джину на треть шиллинга, и, если ему не доставало, то онъ удовлетворялся и простой водой. Человѣкъ онъ былъ умный. Предвидя, что Маркетъ-Базингъ будетъ разростаться, онъ скупалъ всѣ земли кругомъ города. Всю свою жизнь онъ покупалъ по дешевой цѣнѣ, а продавалъ по дорогой.

Анна, его дочь, получила въ приданое тысячу фунтовъ, и всѣ пожимали руку Альфреду Граймсу и поздравляли его. Но жена его умерла вскорѣ послѣ того, какъ родилась Лидія, ихъ дочь, и онъ не видѣлъ отъ своего тестя болѣе ни копѣйки. Банкиръ даже послѣ смерти дочери потребовалъ обратно тысячу фунтовъ. Но Граймсъ былъ фермеръ, а фермеры народъ стойкій и денегъ онъ не отдалъ, вслѣдствіе чего возникла жесточайшая вражда. Они съ тестемъ никогда болѣе не говорили.

Такимъ образомъ Мортибой третій, умирая, оставилъ дочери своей Сусаннѣ двадцать пять тысячъ фунтовъ, а все остальное свое движимое и недвижимое состояніе—своему единственному сыну Ричарду Матью.

Скряга вступилъ на престолъ послѣ отца. Мортибой четвертый не наслѣдовалъ ума своего отца, но былъ скупъ, какъ типичный еврей, и хитеръ, какъ старая лисица.

Богатства свои онъ держалъ подъ замкомъ, и не тратилъ изъ нихъ ничего. Онъ съ молокомъ матери всосалъ страсть къ наживѣ, и никогда въ жизни ничего другаго не слыхалъ, кромѣ разговора о деньгахъ: какъ ихъ добывать, какъ беречь и какъ пускать въ ростъ.

Онъ носилъ бумажныя панталоны до тѣхъ поръ, пока не сталъ носить панталонъ своего отца, хотя они ему были если и не длинны, то широки.

Еще будучи въ школѣ, онъ продавалъ мячики, яблоки и пирожки, и съ тѣхъ поръ пріобрѣлъ навыкъ къ банкирскому дѣлу.

При жизни отца произошелъ расколъ въ банкѣ Меллишипъ, Мортибой и К°. Меллишипъ открылъ новый банкъ, а отецъ скряги остался въ старомъ.

Граймсъ, человѣкъ здраваго смысла, управлялъ дѣлами банка. Онъ былъ правою рукою скряги-Мортибоя и человѣкомъ безпримѣрной честности. Даже скряга могъ довѣриться Граймсу, и довѣрялся. Вообще же онъ не вѣрилъ ни въ какую честность, и подозрѣвалъ и сестру, и племянницу, и конторщиковъ, и прислугу, и вкладчиковъ.

Въ Маркетъ-Базингѣ люди снисходительные называли его эксцентричнымъ, а болѣе прямые—скрягою. Относительно его прозвища „скряги“ ходили всевозможные анекдоты. Но болѣе другихъ былъ распространенъ слухъ, что „скрягою“ онъ прозвалъ себя самъ, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ: жена одного изъ вновь поступившихъ священниковъ отправилась къ мистеру Мортибою съ подпиской для бѣдныхъ. Въ банкѣ въ дверяхъ она встрѣтила какого-то оборванца.

— Дома мистеръ Мортибой?

— Я самый и есть, сударыня... Къ вашимъ услугамъ. Они стояли на крыльцѣ. Жена священника съ удивленіемъ осмотрѣла его съ головы до ногъ.

— Такъ вы мистеръ Мортибой, сэръ?.. Мистеръ Рич...

— Скряга-Мортибой, сударыня.

Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ о происхожденіи этого прозвища, оставшагося за старикомъ до самой его смерти.

Просить его о какой либо помощи было совершенно безполезно; онъ отговаривался весьма ловко, говоря, что онъ уже подписался на другое благотворительное дѣло.

Теперь, по уходѣ гостей, онъ никакъ не могъ забыть о разрисовкѣ окна, упомянутаго его сестрой. Такое желаніе покойной сестры онъ считалъ просто личнымъ для себя оскорбленіемъ и залѣзаніемъ въ его карманъ.

— Надо будетъ посовѣтоваться съ Баттискомбомъ, какъ-бы извернуться? Френсисъ Меллишипъ, конечно, сейчасъ бы сдѣлалъ такую глупость. Разрисованное окно! Лучше бы она завѣщала, чтобы это сдѣлали учителя и священники ея воскресной школы, столько лѣтъ получавшіе отъ нея деньги! Они навѣрное исполнили бы ея завѣщаніе.

Лицо его приняло радостное выраженіе при этой мысли, но вдругъ онъ омрачился.

Четыре свѣчи, зажженныя для гостей, еще горѣли на столѣ. Онъ торопливо потушилъ три свѣчи, мокрыми пальцами зажавъ коптившія свѣтильни. Потомъ онъ посмотрѣлъ, много-ли осталось въ графинѣ вина, поднявъ его къ огню, и затѣмъ дрожащей старческой рукой собралъ стаканы.

Краймсъ оставилъ полстакана вина. Впрочемъ удивляться тутъ нечему, Джоржъ Краймсъ ничего не пьетъ.

Оставшіеся полстакана онъ влилъ обратно въ графинъ.

— Лидія, моя милая, проговорилъ онъ, поднимая стаканъ мистриссъ Гискотъ:—у тебя покраснѣетъ лицо... какъ у твоей покойной матери, если ты не будешь осторожнѣе.

Наконецъ онъ подошелъ къ мѣсту адвоката Баттискомба.

— Ну, я такъ и думалъ. Вѣрьте послѣ этого адвокатамъ. Ни капли, хоть цѣлую недѣлю держи стаканъ вверхъ дномъ.

Онъ сѣлъ у камина, прибавилъ угля и положилъ ноги на рѣшетку. Сидя въ такомъ удобномъ положеніи, онъ задумался. Думалъ онъ о томъ, что бы сказали про него, еслибы видѣли, что онъ сливаетъ въ графинъ опивки; но ему совершенно все равно, что бы о немъ ни говорили. Думалъ: разсчитываетъ-ли Лидія

Гискотъ на его смерть, и увѣрена-ли она, что получитъ деньги? Думалъ: зачѣмъ это сестра его Сусанна скрыла отъ него свою волю и отняла отъ него нѣсколько сотъ фунтовъ...

Онъ крѣпко заснулъ.

Спалъ онъ цѣлый часъ, и свѣчи сгорѣло, по крайней мѣрѣ, дюйма два съ половиною, пока онъ не проснулся.

Горничная его сестры принесла въ обычный часъ чайный приборъ, и приходъ ея разбудилъ старика. Онъ проснулся въ испугѣ, пересчиталъ сухари на тарелкѣ и, задыхаясь, спросилъ:

— Неужели я уснулъ? А!.. четыре... сегодня я... шесть... не выспался, вамъ что... восемь часовъ. А я думалъ ужь девять! Скверная привычка, Мери.

— Отчего же, сэръ? отвѣчала дѣвушка, уходя.

— Модница-то, конечно, разсчитываетъ на меня, но ошибется. сѣ они ошибутся.

Онъ всталъ, досталъ ключи и спряталъ въ буфетъ вино и сухари; затѣмъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ него. На улицѣ было темно, луна еще не взошла, но фонарь около крыльца бросалъ свѣтъ въ комнату.

Онъ погасилъ свою послѣднюю свѣчку.

— Думать—а подумать мнѣ есть о чемъ—можно и безъ огня. Кромѣ того, въ этой комнатѣ всегда свѣтло.

Онъ не прикоснулся къ чаю, и сидѣлъ, задумавшись, до тѣхъ поръ, пока опять не задремалъ.

Когда онъ проснулся, огня въ каминѣ уже не было, ноги у него затекли, а на часахъ было безъ четверти девять. Онъ дернулъ за звонокъ.

— Что значитъ привычка-то! Изъ-за того, что мнѣ не удалось вздремнуть сегодня днемъ, я потерялъ цѣлый вечеръ.

— Прикажете накрыть здѣсь, сэръ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я поужинаю въ кухнѣ, когда вы ляжете спать. Пошлите ко мнѣ Гестеръ и кухарку.

Въ черныхъ траурныхъ платьяхъ и въ передникахъ, наготовѣ, для утиранья слезъ, прислуга ждала его приказаній. Три женщины застали его съ маленькой записной книжкой покойной сестры въ рукахъ. Онѣ думали, что ихъ ожидаетъ какая нибудь награда, но очень ошиблись. Онъ намѣревался отказать имъ.

— Что значитъ привычка-то, началъ онъ, наливая себѣ холоднаго чаю, и отхлебывая его.—Я не заснулъ сегодня днемъ, и вотъ потерялъ драгоцѣнный вечеръ... драгоцѣнный... вечеръ.

Бѣлые передники поднялись, всѣ трое ждали, пока онъ пилъ

— Мнѣ слѣдовало бы сдѣлать это раньше, но мысль о покойницѣ,—онъ взглянулъ на потолокъ,—останавливала меня.

Передники опять поднялись, готовые къ услугамъ. Гестеръ, старая прислуга, дѣйствительно залилась слезами.

— Вы слышали, что меня называли эксцентрикомъ?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчали онѣ.

— Но слышали, что меня прозываютъ скрягой?

— Ахъ, нѣтъ, сэръ! громко отвѣчали онѣ.

— Ну, конечно, слышали. Вы вѣдь служили Сусаннѣ, а не мнѣ. Вы, вѣрно, тоже слышали, что я богатъ?

— Да, сэръ.

— Я не былъ бы богатъ, еслибы тратилъ деньги, какъ тратила ихъ моя покойная сестра. Одной служанки мнѣ будетъ болѣе чѣмъ достаточно.

Передники опять поднялись.

— Гестеръ, васъ одной мнѣ будетъ довольно. Итакъ, вы, кухарка, и вы, милая Мери, знайте, что вы у меня не останетесь. Но я обѣимъ вамъ могу дать отличные аттестаты.

— Благодарю васъ, мистеръ Мортибой, сказала кухарка, смѣло глядя на него и сложивъ руки по наполеоновски: — благодарю васъ, мистеръ Мортибой; но моя госпожа, у которой я прожила четыре года и три четверти—въ нынѣшній Михайловъ день было бы пять лѣтъ — дала бы мнѣ аттестатъ во всякое время. Здѣсь же я прожила четыре мѣсяца.

— Я предупредилъ васъ, сказалъ мистеръ Мортибой, перебивая ее.—За слѣдующій мѣсяцъ я заплачу вамъ жалованье, но держать васъ не буду.

Онъ начиналъ сердиться.

— Благодарю васъ. Закону должны подчиняться, какъ богатые, такъ и бѣдные, проговорила кухарка, рѣзко присѣдая.

— Я заплачу вамъ сейчасъ же! крикнулъ мистеръ Мортибой.

— Какъ вамъ угодно, сэръ, я уложу свой сундукъ, и сегодня же вечеромъ уѣду. Я не намѣрена терпѣть....

Бѣдная маленькая Мери, перепуганная дерзкимъ обращеніемъ кухарки, дернула ее за платье.

— Я отниму у васъ траурное платье, если вы скажете еще хоть одно слово.

— Нѣтъ, сэръ... извините, въ этомъ платьѣ я поступлю на другое мѣсто, а объ аттестатѣ я ужь васъ не побезпокою. Я слышала, что васъ зовутъ скрягой, да и не разъ сама...

Но договорить кухаркѣ не дали Гестеръ и Мери, выгнавшія ее изъ комнаты.

Черезъ полтора часа, мистеръ Мортимбой успокоился, заплатилъ кухаркѣ, посмотрѣлъ, какъ вынесли его вещи, и послалъ Мери и Гестеръ спать.

Онъ сѣлъ передъ кухоннымъ очагомъ и сталъ ѣсть кусокъ холодной вареной говядины, положенной на корку хлѣба. Онъ не взялъ ни тарелки, ни вилки, но держалъ въ рукахъ очень острый ножъ.

Онъ рѣзалъ хлѣбъ съ говядиной правильными квадратиками и тихо клалъ ихъ въ ротъ.

Вставъ съ своего мѣста, онъ отворилъ дверь и выглянулъ на дворъ. Луна уже взошла, но густыя тучи безпрестанно закрывали ее.

Послѣдніе полчаса его преслѣдовала одна мысль: онъ хотѣлъ выйти и направиться на кладбище, чтобы высмотрѣть, какое въ церкви окно было поменьше. Вѣдь въ завѣщаніи не говорилось о размѣрѣ. Не зажигая свѣчи, онъ нашелъ въ прихожей свое теплое пальто и, отворивъ въ парадной двери задвижку, вышелъ.

Луна въ это время ярко освѣтила дверь; онъ увидалъ на ней надпись: „Старый скряга! настоящій скряга."

— Ну, ужь это слишкомъ! вскричалъ онъ, вынимая изъ кармана дырявый платокъ.—Надо стереть. Къ чему звать полицейскаго, хоть я далъ бы ему шиллингъ, чтобы узнать, кто это намаралъ, и повѣсилъ бы негодяя.

Онъ стеръ съ двери надпись и сошелъ на мостовую. Домъ его выходилъ на улицу. По другую сторону было огороженное пустопорожнее мѣсто, принадлежавшее ему, и у него былъ ключъ отъ калитки, въ которую онъ и вошелъ. Другой стороной мѣсто выходило къ церкви, и при его приходѣ изъ сырой травы поднялось нѣсколько овецъ.

Когда онъ пришелъ на кладбище, луна совершенно скрылась за тучи и впотьмахъ онъ не замѣтилъ, что какая-то массивная фигура слѣдила за нимъ отъ самаго дома.

Старикъ шелъ впередъ.

— Луна закатилась. Я не суевѣренъ. Я могу заснуть на кладбищѣ также хорошо, какъ и въ другомъ мѣстѣ, говорилъ онъ самъ съ собой, обходя церковь съ южной стороны. А вотъ и опять луна!

Человѣкъ, шедшій за нимъ, отошелъ шага на четыре подальше. Шаговъ его по мокрой травѣ не было слышно.

— Теперь осмотримъ окна. Я знаю, что тутъ есть одно окно *поменьше*, впрочемъ... и это не велико. Въ прежнія времена это

можно было бы сдѣлать подешевле! А вотъ и небольшое окно, вставить въ него стекло будетъ стоить не болѣе десяти фунтовъ.

Луна снова зашла за тучу, и провожатый подошелъ къ старику поближе. Ихъ раздѣлялъ только уголъ.

— Да нѣтъ, нѣтъ, и десяти не будетъ стоить. Не болѣе восьми.

Провожатый подошелъ еще ближе. Онъ поднялъ руку.

— Бѣдная сестра моя Сусанна. Ты и не упомянула, какое вставить окно. Ха! ха! Такъ ты довѣрилась Краймсу, а не своему родному брату!

Рука незнакомца почти касалась его.

— Ну, теперь я обошелъ церковь. Пойду домой, а то, пожалуй, еще простужусь. Сыро, точно въ водѣ... Что это такое?

Онъ наткнулся на что-то твердое. Луна въ эту минуту выкатилась и ярко освѣтила памятникъ надъ могилой его жены. Онъ много лѣтъ не былъ на этой могилѣ. При свѣтѣ луны старикъ прочелъ надпись.

— Надо бы поправить немного, прошепталъ онъ.

Человѣкъ, слѣдовавшій за нимъ, подошелъ къ нему вплоть.

— Тутъ есть еще мѣсто для имени Дика, если мы услышимъ о немъ. Не услышимъ о бѣднягѣ, не услышимъ. Ну, теперь пора домой. Холодно... мнѣ...

При этихъ словахъ, на плечо его, какъ кузнечный молотъ, опустилась рука, и сжала его, какъ въ клещахъ.

III.

Мистеръ Мортибой, почувствовавъ на плечѣ своемъ чью-то руку, прежде всего хотѣлъ звать на помощь, но потомъ, стряхнувъ руку, онъ обернулся. Надо признаться, что, освободившись отъ руки, онъ возъимѣлъ желаніе бѣжать отъ незнакомца со всѣхъ ногъ.

— Кто... кто... вы такой? спросилъ онъ.

Лицо, глядѣвшее на него, было ему незнакомо. Это былъ высокій мужчина, одѣтый въ теплое, толстое морское пальто, съ толстой палкой въ рукѣ и круглой шляпой на головѣ. При свѣтѣ мимолетно выглянувшей луны, мистеръ Мортибой, кромѣ всего этого, замѣтилъ, что лицо незнакомца вплоть до самыхъ глазъ заросло черной густой бородой, спускавшейся на грудь.

— Старый мистеръ Мортибой, должно быть? хриплымъ голосомъ проговорилъ незнакомецъ.

— Конечно, мистеръ Мортибой... и, можетъ быть, старый. Говорите же: кто вы, и что вамъ надо?

— Мнѣ надо поговорить съ вами. Выйдемте съ кладбища и пойдемте домой. Я пойду съ вами.

— Вы можете прійти завтра въ банкъ. Я тамъ принимаю всѣхъ.

— Въ банкъ я не пойду. Я пойду теперь съ вами домой. Кончайте тутъ ваше дѣло, какое бы оно тамъ ни было, и идемте вмѣстѣ въ Дернгамъ.

— Вамъ надо видѣть меня по дѣламъ?

— Я не думаю, чтобы къ вамъ ходили въ гости, а не по дѣламъ, не такъ-ли, мистеръ Мортибой?

— Такъ. Я не люблю тратить времени на пустые разговоры.

— Съ тѣхъ поръ какъ сынъ вашъ ушелъ отъ васъ, я не думаю, чтобы у васъ бывали гости!

Мистеръ Мортибой схватилъ незнакомца за руку.

— Мой сынъ! Вы знаете моего сына Дика? Вы можете сообщить мнѣ что нибудь о немъ?

— Идемте домой, и я сообщу вамъ все, что̀ знаю.

— Двѣнадцать лѣтъ и два мѣсяца, проговорилъ мистеръ Мортибой, какъ-бы про себя.—Вчера было двѣнадцать лѣтъ и два мѣсяца. Неужели онъ знаетъ что нибудь о моемъ сынѣ?

Онъ направился домой, но не черезъ пустопорожнее мѣсто, а по улицамъ.—Незнакомецъ, повидимому, очень хорошо зналъ дорогу. Идя по улицѣ рядомъ со старикомъ, онъ пытался разобрать вывѣски и кивалъ трактирамъ, какъ старымъ знакомымъ.

Путь по улицамъ былъ не далекъ, и путники черезъ нѣсколько минутъ остановились у крыльца дома мистера Мортибоя.

— Все еще здѣсь живете, да? спросилъ незнакомецъ.

Мистеръ Мортибой не безъ тревожнаго чувства отворилъ дверь и слушалъ гостя. Въ прихожей было совершенно темно, и онъ просилъ его подождать, пока онъ не зажжетъ свѣчу. Къ его ужасу и удивленію, незнакомецъ очевидно зналъ, гдѣ что стояло;повѣсилъ свою шляпу на крючокъ и палку поставилъ,гдѣ стояли зонтики. Впотьмахъ такое знаніе мѣстности показалось старику сверхъестественнымъ, и хотя мистеръ Мортибой не принадлежалъ къ разряду суевѣрныхъ или нервныхъ людей, но онъ затрепеталъ, видя, что незнакомецъ проходитъ прямо въ столовую.

Въ столовой читалось завѣщаніе. Каминъ въ ней не горѣлъ, и теперь она освѣщалась только свѣчей, зажженной старикомъ.

Незнакомцу—въ чемъ скряга убѣдился теперь—было тридцать два, тридцать три года. Его черные курчавые волосы были коротко обстрижены. Онъ былъ высокій, коренастый мужчина, съ широкимъ, хорошимъ лбомъ и съ блестящими умными глазами.

Мистеръ Мортибой поднялъ свѣчку и пристально посмотрѣлъ въ

лицо незнакомцу. Онъ поставилъ свѣчку, окончивъ осмотръ, который незнакомецъ выдержалъ, не моргнувъ.

— Я васъ не знаю. Что вамъ отъ меня надо? и что вы хотите сообщить мнѣ?

— Такъ вы меня не знаете? спросилъ незнакомецъ.

— Не знаю, сэръ. И, говоря по правдѣ, не желаю знать, потому, что наружность ваша не возбуждаетъ во мнѣ довѣрія.

Незнакомецъ протянулъ руку и взялъ графинъ со стаканомъ вина, бывшаго въ немъ.

— Сегодня холодная ночь, и съ вашего позволенія... Онъ понюхалъ вино и, вздрогнувъ отъ отвращенія, поставилъ обратно. Хересъ? Нѣтъ, спасибо. Неужели у васъ нигдѣ нѣтъ огня? Нѣтъ ли въ кухнѣ?

Мистеръ Мортибой съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Съ какой стати незнакомецъ заговорилъ о кухнѣ? Домъ стоялъ особнякомъ, и онъ началъ побаиваться грабежа.

— Если у васъ есть какое нибудь дѣло, то вѣдь недолго же вамъ переговорить о немъ, хоть бы и въ холодной комнатѣ. Садитесь, говорите, что вамъ надо, и отправляйтесь.

— У насъ съ вами есть дѣла, и дѣла такія, что мнѣ, вѣроятно, придется остаться всю ночь. Берите свѣчку, мистеръ Мортибой, и пойдемте въ кухню, гдѣ вы сидите обыкновенно, когда Гестеръ уходитъ спать. Идите. Я знаю, какъ пройти туда.

Онъ взялъ свѣчу и прямо пошелъ куда слѣдовало. Старикъ пошелъ вслѣдъ за незнакомцемъ, тяжелые сапоги котораго такъ и стучали по коридорамъ, повидимому, хорошо ему извѣстнымъ, къ немалому ужасу скряги. Могъ-ли онъ не повиноваться такому громадному и грозному человѣку, — человѣку, который вдобавокъ еще такъ хорошо зналъ домъ?

Въ кухнѣ горѣлъ яркій огонь, и незнакомецъ подсѣлъ къ нему, чтобы согрѣться.

— Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, густымъ басомъ началъ незнакомецъ: — какъ сынъ вашъ Дикъ ушелъ отъ васъ,— или, лучше сказать, съ тѣхъ поръ, какъ вы выгнали его изъ дому.

— Двѣнадцать лѣтъ и два мѣсяца. Вчера минуло двѣнадцать лѣтъ и два мѣсяца.

— Къ чорту ваши два мѣсяца. Съ тѣхъ поръ вы никогда о немъ не слыхали?

— Никогда.

— А хотите слышать о немъ?

— Да, если онъ живетъ хорошо. Если онъ сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ, то я желалъ бы слышать о немъ.

— Слѣдовательно, вы желали бы слышать, что сынъ вашъ Дикъ, вскорѣ послѣ ухода отъ васъ, раскаялся въ своихъ ошибкахъ и исправился; что онъ остепенился и сдѣлался трудолюбивымъ человѣкомъ, что онъ пріобрѣлъ состояніе и теперь пользуется уваженіемъ порядочныхъ людей?

— Желалъ бы? Господи Боже мой, если вы можете сообщить мнѣ это, то говорите же скорѣе!

— Прежде всего, мистеръ Мортибой,—незнакомецъ говорилъ все время грубымъ, сиплымъ голосомъ,—я ѣхалъ издалека, и дорогою простудился. Дайте мнѣ рюмку водки.

— Водки... водки! Проклятые факельщики сегодня тоже просили у меня водки. Очень жаль, сэръ, но водки у меня нѣтъ. Не угодно-ли джину?

Незнакомецъ кивнулъ головой. Мистеръ Мортибой подошелъ къ шкафу, открылъ его, и досталъ бутылку и рюмку. Прежде чѣмъ подать бутылку гостю, онъ посмотрѣлъ ее на свѣтъ и пальцемъ смѣрилъ, много-ли тамъ вина. Покачавъ головой, онъ прошепталъ:

— Должно быть, она побывала въ чьихъ нибудь рукахъ.

Скряга налилъ рюмку потихоньку, точно лилъ дорогой шартрезъ. Незнакомецъ залпомъ выпилъ рюмку, потомъ взялъ бутылку изъ рукъ старика, налилъ вторую рюмку, и опять залпомъ выпилъ ее. Послѣ этого онъ сѣлъ и задумался. Мистеръ Мортибой, сложивъ руки на колѣни, пристально смотрѣлъ на него. Старикъ былъ взволнованъ воспоминаніемъ о сынѣ. Въ душѣ его пробудились старыя воспоминанія, надежда и привязанность, дремавшія въ продолженіе столькихъ лѣтъ.

— Скажите мнѣ что нибудь о Дикѣ, нетерпѣливо стуча ногами, говорилъ старикъ.

Незнакомецъ всталъ и наклонился къ нему.

— Я Дикъ, сказалъ онъ тихо, своимъ собственнымъ голосомъ.

Мистеръ Мортибой вскочилъ, какъ отъ удара. Онъ схватилъ свѣчу и поднесъ ее къ лицу незнакомца, потомъ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, потомъ поставилъ свѣчу и дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— Глаза моего сына Дика, и голосъ тоже его. Но я его не знаю. Дикъ не былъ такимъ высокимъ; лицо его было нѣжное и онъ боялся меня. Вы не Дикъ, сэръ. Вы наглый самозванецъ, пожелавшій выманить у меня нѣсколько фунтовъ, зная, какъ я желалъ, чтобы Дикъ вернулся... зная, что я скучалъ о немъ, жалобно прибавилъ онъ,—и какъ еще скучалъ!..

— Дику было девятнадцать лѣтъ, когда вы выгнали его изъ своего дома, и сказали, чтобы онъ не смѣлъ переступать вашего порога. Конечно, тогда лицо его было нѣжнѣе, и вы, вѣроятно, вспомните, если подумаете, что у него было немало причинъ бояться васъ.

— Докажите мнѣ.... докажите мнѣ.... что вы мой сынъ, мой родной сынъ!

Тощая, но почти такая же высокая, какъ у сына, фигура его дрожала отъ волненія, и онъ съ мольбой протягивалъ руки.

— Дайте руку, батюшка, и садитесь, а я вамъ разскажу все.

Онъ чистосердечно протянулъ обѣ руки.

Мистеръ Мортибой нерѣшительно взялъ одну изъ его рукъ, и тихо ощупывалъ ее.

— Скажи мнѣ что нибудь, говорилъ онъ:—какія нибудь пустяки... чтобы доказать, что ты точно Дикъ.

Незнакомецъ досталъ изъ боковаго кармана маленькій свертокъ.

— Когда сынъ вашъ ушелъ отъ васъ, разсказывали-ли вы кому нибудь причину, почему вы выгнали его?

— Никто до нынѣшняго дня не знаетъ этой причины, кромѣ меня и Дика. Шепните мнѣ.

— Тутъ никто насъ не слышитъ?... Я скажу вамъ. Онъ не былъ мотомъ, но по временамъ ему нужны были деньги.... какъ и всякому молодому человѣку. Тетя Сусанна давала ему немного. Вы не давали ему нисколько. Онъ поддѣлалъ чекъ, всего на пять фунтовъ. Но онъ поддѣлалъ его! У васъ этотъ чекъ?

— Онъ никогда не выходилъ изъ моего кармана.

— Ну, такъ теперь достаньте его. Я желаю получить его обратно. Вы заплатили по чеку, и сказали, что никогда ему не простите... и что болѣе не желаете его видѣть.

— Да сказалъ,—Боже прости мои прегрѣшенія!—сказалъ.

— Сказали. Вы, въ отвѣтъ на его письмо, написали ему въ Лондонъ. Вотъ оно... я прочту вамъ его. Вы помните, что оно было очень коротко?

„Отецъ твой посылаетъ тебѣ прилагаемые десять фунтовъ. Уѣзжай и исправься“.

— Вотъ и письмо.

Старикъ дрожащими руками взялъ его.

— Это оно! вскричалъ онъ:—оно! Такъ ты дѣйствительно Дикъ?

— Позвольте. Дайте мнѣ кончить. Десять фунтовъ и пять составляютъ пятнадцать. Предположимъ, что сумма эта приносила

бы по двѣнадцати процентовъ въ годъ, слѣдовательно тел
вмѣсто пятнадцати фунтовъ было бы двадцать шесть фунт
восемнадцать шиллинговъ и пенни съ чѣмъ то. Вотъ вамъ д
цать шесть фунтовъ, восемнадцать шиллинговъ и шесть пенс
за которые я прошу васъ вернуть мнѣ чекъ.

Онъ досталъ маленькій кошелекъ, изъ котораго высып
деньги на столъ, и сталъ отсчитывать.

Мистеръ Мортибой тщательно пересчиталъ послѣ него, но
ресчиталъ чисто по привычкѣ. Послѣ этого онъ досталъ бум
никъ и изъ бумажника вынулъ конвертикъ.

На конвертикѣ было написано: „Остатки отъ Дика", а въ
вертикѣ лежалъ чекъ, уже оплаченный въ банкѣ. Старикъ
далъ его.

Дикъ прочелъ чекъ и, бросивъ въ огонь, сказалъ:

— Ну, теперь мы квиты. Деньги свои вы получили. Но сс
наша еще не кончена. Да, кстати, помните, какъ я упалъ въ ог
когда былъ еще маленькимъ, и обжегъ руку? Взгляните!—
заворотилъ рукавъ и показалъ бѣлый рубецъ на рукѣ.—Та
штуку не поддѣлаешь.

— Ты Дикъ! вскричалъ отецъ.—Теперь я тебя узналъ.
узналъ тебя, когда ты заговорилъ своимъ голосомъ, но все
тебѣ перемѣнилось. Ты такой большой.

— Не пожмете-ли вы мнѣ руку?

Отецъ пожалъ ему руку, но все таки еще несовсѣмъ
души. Въ ту минуту, какъ онъ убѣдился, что передъ нимъ
сынъ, а не самозванецъ, въ душѣ у него естественная рад
была заглушена подозрѣніемъ, что сынъ, можетъ быть, прищ
къ нему затѣмъ, чтобы занять денегъ или же сѣсть на его ш
Мысль о новыхъ затратахъ потушила въ душѣ его всякое рад
ное чувство.

— Ну, продолжай же Дикъ... разсказывай мнѣ о себѣ.

— Нѣтъ. Сначала вы разскажите о себѣ.

— Я здоровъ... я здоровъ.... Дѣла идутъ по прежнему...
физически я здоровъ.

— А тетя?

— Умерла, Дикъ..... умерла. Она умерла на прошлой нед
сегодня ее похоронили. Ахъ, Дикъ .. Дикъ... какая жалость,
ты не явился недѣлей раньше!

— Отчего?

— Оттого, что ты получилъ бы всѣ ея деньги. А теперь,
получилъ я.... да, я ихъ получилъ. Немного, это правда, н

безусловно. То туда выдать сотню, то сюда другую, то сдѣлать окно въ церковь. Господи! Господи! какіе расходы.

— Окно? ха, ха! Въ церкви?... ха, ха! Ну, отецъ, ничего! мы сдѣлаемъ по дешевой цѣнѣ. Я имѣю возможность пріобрѣтать рисованныя стекла по фабричнымъ цѣнамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? живо спросилъ отецъ.—Скажи, гдѣ?

— Нѣтъ, дорогой сэръ, такія вещи не разсказываются, дѣловымъ тономъ отвѣчалъ сынъ.—Сначала намъ надо вообще столковаться. Такъ старушка умерла. Жаль мнѣ ее, жаль.

— Ну, какъ же ты поживалъ?

— Вамъ угодно, чтобы я разсказалъ вамъ, какъ прожилъ эти двѣнадцать лѣтъ? Но это въ одинъ вечеръ не разскажешь. На это понадобятся, пожалуй, всѣ вечера, которые я проведу съ вами.

— Какъ, Дикъ... какъ? Да неужели ты хочешь уже и отправляться, не успѣвъ пріѣхать домой?

— Дѣла могутъ заставить ѣхать. У меня гдѣ-нибудь есть свои дѣла.

Мистеръ Мортибой просіялъ, и родительская любовь, очищенная отъ сомнѣнія, запылала въ его душѣ до такой степени, что онъ поднялся съ своего мѣста и, схвативъ руку сына, съ искреннимъ чувствомъ пожималъ ее. Потомъ онъ поправилъ огонь и поставилъ бутылку съ джиномъ.

— Дикъ, въ такую ночь, какъ сегодня, намъ надо выпить за наше здоровье. Не принести-ли портвейна, гости не допили его... или водки?

— Для меня, батюшка, водки.

Мистеръ Мортибой ушелъ съ единственной свѣчей, и скоро вернулся съ бутылкой водки, которую онъ тщательно и торжественно раскупорилъ.

Сынъ его закурилъ коротенькую деревянную трубочку, и такъ спокойно курилъ, точно онъ никогда и не уѣзжалъ изъ родной стороны.

— Я всегда выкуриваю трубку и выпиваю рюмку какого нибудь вина, сказалъ отецъ.—А съ тѣхъ поръ, какъ я лишился Сусанны, я хотѣлъ отказать всей прислугѣ и оставить себѣ только одну Гестеръ, которая ложится спать въ восемь часовъ. У меня вся прислуга ложится спать рано. Такимъ образомъ, мы теперь можемъ совершенно спокойно разговаривать. Ну, разсказывай же, Дикъ.

Дикъ глотнулъ водки съ водой.

— Ну, съ чего же мнѣ начать? Дайте-ка подумать. Я уѣхалъ изъ Англіи вскорѣ послѣ того, какъ ушелъ отъ васъ, и проѣхалъ

прямо въ Капъ, гдѣ попыталъ счастья на овцеводствѣ. Но барыши тутъ оказались плохими. Какъ ни старался я, а скопить не могъ ничего. Такая работа мнѣ надоѣла, и я отправился въ Америку, въ Калифорнію на пріиски, и работалъ удачно. Потомъ отправился въ Мексику за тѣмъ же.

— Это что за пріиски, Дикъ?

— Отправился искать серебра. Нашелъ его таки довольно, о чемъ потомъ разскажу вамъ. Тутъ вспыхнула американская война, и мнѣ опять повезло; я взялъ военный подрядъ.

— Что ты... да неужто Дикъ?... въ самомъ дѣлѣ?—Глаза старика такъ и засверкали отъ удовольствія.—Можно было хорошо нажиться.

— Да, можно было, и мы нажились. Но потомъ потерпѣли неудачу. Судно наше сѣло на мель... и затонуло. Тутъ, безъ дальнѣйшихъ словъ, мы ликвидировали наши дѣла, купили плантацію съ хлопкомъ въ три тысячи акровъ, и опять поправили дѣла.

— И ты въ самомъ дѣлѣ имѣешь деньги, сынокъ?

— Имѣешь? Конечно кое-какія тыщонки имѣю. Еслибы не имѣлъ, то не пріѣхалъ бы сюда. Деньги у меня есть, и я желаю посовѣтоваться съ вами, какъ бы мнѣ ихъ помѣстить.

— Я радъ тебѣ, Дикъ, сказалъ мистеръ Мортибой, дѣйствительно отъ души протягивая сыну руку:—радъ, сынокъ, и помогу тебѣ помѣстить деньги.

— Помогите, сэръ.

— А... а.... ты не привыкъ-ли выпивать, Дикъ, и спокойнаго-ли ты характера? У меня въ домѣ тишина.... тихо и спокойно.... и привычекъ своихъ измѣнять я не могу.

— Мышь не проживетъ тише меня. Надѣюсь, что курить-то вы мнѣ позволите?

— Ну, конечно.

— Что же касается до выпиванья.... то позвольте мнѣ грогу или джину съ водой, или какаго нибудь другого вина вечеромъ, и я останусь доволенъ. Прежде всего надо копить деньги.

— Хорошо сказано.... хорошо сказано. Ну, а теперь я тебѣ скажу, Дикъ, что выпиваю въ недѣлю бутылку джину. Теперь на насъ двоихъ намъ нужны будутъ двѣ бутылки. Не такъ-ли?

— Такъ.

— Лишніе расходы будутъ пополамъ.... не такъ-ли Дикъ?

Мистеръ Мортибой младшій взглянулъ на родителя своего и съ насмѣшкою прищурилъ глаза.

— Ну, объ этомъ спорить мы не будемъ. А пока я буду съ

вами, я буду помогать вамъ въ банковыхъ операціяхъ и въ другихъ дѣлахъ. Но, знаете, недаромъ.

— Ну, конечно, недаромъ. Но разскажи мнѣ о подрядѣ, и много-ли ты пріобрѣлъ на немъ. Привезъ-ли съ собой кое какія деньги, нажитыя на немъ, Дикъ?

— Да, кое-что есть.... оставлено въ Лондонѣ. Остальное въ Мексикѣ.

— А! въ Мексикѣ. Долгій путь туда?

— Всего четыре недѣли. Земля моя тамъ. Землю вѣдь не перевезешь.

— Не перевезешь. Ну, я радъ, Дикъ, что ты вернулся. Будь мнѣ помощникомъ, а... тамъ.... почемъ знать, что изъ этого выйдетъ. Ахъ, какая жалость, Дикъ, что ты не вернулся недѣлей раньше, чтобы получить деньги послѣ тетки.

— Такъ вы теперь ходили на кладбище?

— Я проходилъ тамъ совершенно случайно, и мнѣ пришла въ голову мысль зайти и посмотрѣть, какое выбрать окно, чтобы вставить въ память тетки.

— Несовсѣмъ случайно, батюшка. Я вѣдь слѣдилъ за вами. Я выбралъ бы самое маленькое.

— Въ самомъ дѣлѣ? Неужто, Дикъ? А не станутъ-ли объ этомъ говорить? Я тоже думалъ.

— Да пусть говорятъ! Ну, теперь, батюшка, такъ какъ мы помирились съ вами, то выпьемте еще по рюмкѣ водки, а я закурю еще одну трубочку, и мы поговоримъ о прежнихъ временахъ.

Они бесѣдовали еще очень долго, потомъ Дикъ спросилъ, гдѣ ему лечь спать.

— Господи! вскричалъ старикъ:—я и не подумалъ объ этомъ. У насъ только и есть постелей, что моя, да твоей покойной тетки. Запасныя постели не сдѣланы.

— Ну, такъ что же? тетка вѣдь умерла, слѣдовательно я могу лечь на ея постель.

— Если ты не боишься.

— Боюсь? Нисколько. Положите меня куда угодно. Я разъ спалъ на постели человѣка, за сутки передъ тѣмъ зарѣзаннаго въ этой же постели, и спалъ крѣпчайшимъ сномъ. Боюсь? Я то? Она, конечно, спала тамъ же, гдѣ и прежде?

Отецъ проводилъ его въ комнату покойницы. Дикъ съ удовольствіемъ осмотрѣлся кругомъ и началъ раздѣваться. Сверхъ жилета, на немъ былъ надѣтъ тяжелый поясъ, который онъ шумно бросилъ на столъ.

— Это что такое?

— Это „очищенное“, отвѣчалъ онъ.—Это металлъ, который всѣ мы такъ любимъ. Золото, батюшка....

— Дикъ, торжественно проговорилъ мистеръ Мортибой:—я *очень* радъ, что ты вернулся. А въ особенности радъ, что ты вернулся съ такими правильными взглядами на вещи.

Онъ вышелъ, а сынъ продолжалъ раздѣваться.

Мистеръ Мортибой, вернувшись, заглянулъ въ дверь.

— Не жги напрасно свѣчей, Дикъ. Это вѣдь восковыя свѣчи твоей покойной тетки. Я не ухожу спать, пока въ домѣ не потушены всѣ свѣчи.

— Хорошо, батюшка, отвѣчалъ сынъ, задувая свѣчу.—Старая корга! не перемѣнился. Чортъ бы побралъ его бутылку джину въ недѣлю. Надо полагать, что мои проценты на проценты показались ему искреннимъ раскаяніемъ.

Черезъ три минуту онъ спалъ сномъ праведника. Вотъ какимъ образомъ Дикъ Мортибой вернулся домой.

IV.

Выйдя изъ дома мистера Мортибоя утромъ, во время похоронъ, мистеръ Меллишипъ и докторъ Керби пошли прямо къ банку. Докторъ велъ своего паціента подъ руку. Они вошли съ задняго крыльца, и банкиръ, пройдя въ кабинетъ, сѣлъ тамъ и положилъ голову на руку.

— Все прежніе симптомы? спросилъ докторъ.

— Все прежніе. Я забываю, что дѣлаю. Вы сами видѣли, какъ сегодня я оскорбилъ всѣхъ. Мысли мои постоянно заняты однимъ, другъ мой.

— Чѣмъ же?

— Деньгами и деньгами. У меня бываетъ такъ разстроена голова, что иногда я не знаю, думаю-ли я о предметѣ, дѣйствительно существующемъ или существующемъ только у меня въ воображеніи. Неужели нѣтъ лѣкарства противъ моей болѣзни?

— А вы пробовали то, что̀ я вамъ совѣтовалъ?

Банкиръ вздохнулъ.

— Я не могъ совсѣмъ не прикасаться къ водкѣ.

Докторъ серьезно покачалъ головой, и молчалъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ.

— Вамъ надо уѣхать. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я вамъ говорилъ это. Вамъ надо отдохнуть, по крайней мѣрѣ, мѣсяца три.

— Это также невозможно, какъ еслибы вы предписали мнѣ отдыхать три года.

— Мой милѣйшій другъ, мозгъ человѣка не чугунная машина. Имъ нельзя работать всю жизнь безъ отдыха. Вамъ надо отдохнуть.

— Не могу еще, докторъ.

— Еслибы я самъ говорилъ съ вами, какъ докторъ, то я долженъ былъ бы сказать вамъ, что вы можете обратиться за совѣтомъ къ другому доктору. Но я говорю съ вами, какъ другъ, и говорю вамъ: ради Бога отдохните, или—съ вами случится что-нибудь нехорошее.

— Что-же докторъ... что? живо спросилъ мистеръ Меллишипъ.

Докторъ не далъ ему прямаго отвѣта.

— Болѣзни бываютъ различныя:— болѣзни мозга, желудка, сердца, и рождаются онѣ отъ слишкомъ напряженнаго труда. Надо избѣгать ихъ и отдыхать.

Мистеръ Меллишипъ задумался. Затѣмъ онъ взялъ календаръ съ записной книжкой.

— Если я не могу положиться теперь на свою память, то все таки могу довѣриться вотъ этому, прошепталъ онъ.—Черезъ двѣ недѣли, докторъ, я сравнительно буду свободенъ, и обѣщаю вамъ, при первой же возможности, оставить занятія.

— А до тѣхъ поръ ни капли вина, сверхъ положенной порціи.

— Это я также могу обѣщать.

По окончаніи этого разговора, на похороны отправляться было уже поздно.

Докторъ пошелъ по своимъ дѣламъ, а банкиръ позвонилъ и, призвавъ своего старшаго конторщика, объяснилъ ему, что внезапная болѣзнь, помѣшавшая ему присутствовать на похоронахъ, заставляетъ его не выходить изъ кабинета. Послѣ этого онъ подвинулъ свое кресло къ столу и глубоко задумался.

Въ половинѣ шестаго онъ всталъ и пошелъ одѣваться къ обѣду.

Обѣды въ домѣ мистера Меллишипа представляли нѣчто торжественное. За столъ садились минута въ минуту въ извѣстный часъ, во фракахъ, и хозяинъ выказывалъ утонченную вѣжливость къ своимъ гостямъ.

Въ этотъ день гостей не было, и мистеръ Меллишипъ, войдя въ гостинную за пять минутъ до шести часовъ, нашелъ тамъ только жену и дочь. Сынъ его Френкъ еще долженъ былъ прійти. Но банкиръ, не замѣчая его отсутствія, задумчиво сѣлъ на удобное кресло и, положивъ голову на руку, сталъ смотрѣть на гоѣвшіе уголья. Жена и дочь, относившіяся съ благоговѣніемъ къ

банкиру, не нарушали его задумчивости. Пробило шесть часовъ и, къ немалому удивленію прислуги, вслѣдъ за этимъ не раздалось обычнаго звонка, которымъ хозяинъ дома возвѣщалъ, что онъ не ждетъ болѣе никого.

Френкъ, поздно вернувшись домой и наскоро одѣвшись, вошелъ въ гостинную уже въ четверть седьмаго. Мистеръ Меллишипъ машинально посмотрѣлъ на часы и, не говоря ни слова, позвонилъ.

Банкиръ любилъ кончать дневную работу до обѣда, чтобы имѣть возможность вечеръ проводить, ничего не дѣлая. Работу онъ не очень любилъ, хотя добросовѣстно занимался у себя въ конторѣ, гдѣ посѣтители всякій день могли съ нимъ видѣться и говорить о дѣлахъ. У него не было такого вѣрнаго и близкаго человѣка, какой былъ у мистера Мортибоя, можетъ быть, только потому, что ему не случилось встрѣтиться съ человѣкомъ, которому онъ могъ бы довѣриться. Всѣ его конторщики любили его, но все это были не очень умные люди, и годились только какъ рабочіе.

Много лѣтъ банкиръ ждалъ того времени, когда сынъ его Френкъ займетъ его мѣсто и поведетъ дѣла въ банкѣ. Время это теперь наступило. Френкъ кончилъ курсъ въ Кембриджѣ и вернулся домой, готовый, по приказанію отца, начать учиться банкирскому дѣлу. Но отецъ до сихъ поръ не выказывалъ этого желанія, и хотя всѣмъ было извѣстно, что Френкъ будетъ компаньономъ, но онъ до сихъ поръ только ходилъ по знакомымъ и на охоту.

Но это еще не все. Послѣднее время онъ сталъ замѣчать странную перемѣну въ отцѣ. Мистеръ Меллишипъ, человѣкъ самаго ровнаго, тихаго характера, сдѣлался раздражительнымъ и капризнымъ. Прежней веселости какъ не бывало, и онъ пересталъ даже принимать участіе въ разговорахъ.

Френкъ чувствовалъ, но и онъ и сестра его боялись сказать прямо, что отецъ начинаетъ опускаться. Причину зналъ только докторъ Керби, увѣренный, что у банкира начинался параличъ мозга.

Мистеръ Меллишипъ очень любилъ давать обѣды, и любилъ, чтобы за столомъ у него сидѣло изысканное общество. Теперь же обѣды давать онъ пересталъ и по вечерамъ сидѣлъ не съ семьей, а уходилъ къ себѣ въ кабинетъ.

Въ этотъ день онъ молчалъ за обѣдомъ болѣе обыкновеннаго, и если говорилъ, то съ очевиднымъ усиліемъ. Кушанья онъ оставлялъ почти нетронутыми, а только пилъ одну рюмку *мадеры* за другой, къ немалому изумленію Френка и Кэтъ.

тѣмъ, неожиданнымъ и непріятнымъ смѣхомъ, вдругъ прервалъ ихій разговоръ жены:

— Какая глупость, сказалъ онъ:—забавная глупость... я правился сегодня на похороны въ цвѣтныхъ панталонахъ!

— Что ты, другъ мой! вскричала жена: — о тебѣ Богъ наетъ что начнутъ говорить.

— Что-же дѣлать! Я совсѣмъ забылъ переодѣться. Конечно, то была глупѣйшая ошибка.

Онъ снова замолчалъ, а Френкъ, почувствовавшій крайнюю ловкость, началъ разсказывать анекдоты о забывчивыхъ и разѣянныхъ людяхъ. Но отецъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія а его разсказы.

Френкъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что послѣ обѣда отецъ илъ очень мало вина, и послѣ ухода матери и сестры, онъ редложилъ банкиру пойти на верхъ пить чай.

Мистеръ Меллишипъ тотчасъ же всталъ и пошелъ впередъ, но, точно вспомнивъ что-то, вернулся и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Мнѣ надо было сказать тебѣ что-то, Френкъ. Но что такое?.. Да, да; мнѣ нездоровилось послѣднее время.

— Я замѣтилъ это, батюшка. Не могу-ли я помочь вамъ по банку... помочь въ дѣлахъ?

— Нѣтъ, мой милый мальчикъ... нѣтъ... еще не теперь. Черезъ нѣсколько дней я устроюсь такъ, чтобы ты могъ помогать мнѣ. Да, да, если все будетъ хорошо. А предположи, что не все будетъ хорошо?

Онъ снова замолчалъ и задумался.

— Полноте, батюшка, почему же не все будетъ хорошо? Пойдемте пить чай и слушать музыку.

Мистеръ Меллишипъ захохоталъ.

— Да, да, чай и музыку. Пойдемъ, забудемъ всѣ горести изни. Кто это, слушая музыку, сѣлъ въ ванну и открылъ себѣ илы?

— Господи! я не знаю кто, со страхомъ глядя на отца, отвѣчалъ Френкъ.—Идемте же на верхъ.

Мистеръ Меллишипъ взялъ чашку чаю и сѣлъ въ кресло.

— Сыграй мнѣ *мою* сонату, Кэтъ, сказалъ онъ дочери;—а я азскажу вамъ о сегодняшней печальной церемоніи.

Френкъ весь вечеръ съ тревогою слѣдилъ за отцомъ. Онъ ачалъ подозрѣвать, что денежныя дѣла отца не въ порядкѣ, и то это тревожитъ отца. Если другіе банки лопаются, развѣ банкъ Меллишипа и К° тоже не можетъ потерпѣть краха?

Въ десять часовъ мистеръ Меллишипъ всталъ.

— Спокойной ночи, дѣти, сказалъ онъ:—я иду въ кабинетъ. Куда это я положилъ книгу, что̀ читалъ?

— Какую книгу, папа? спросила Кэтъ.

— «Записки лорда Кестльрига». А, вотъ она. Ты читалъ эти записки, Френкъ? Завтра, если хочешь, можешь взять эту книгу. Тамъ есть одинъ фактъ просто удивительный. Лордъ ночевалъ разъ въ старинномъ замкѣ въ Ирландіи, въ большой комнатѣ, на другомъ концѣ которой топился каминъ. Онъ долго не могъ заснуть и увидалъ, что изъ горячей золы выходитъ ребенокъ. Ребенокъ, приближаясь къ нему, становился все больше и больше, и страшнымъ великаномъ, раненымъ и въ крови, остановился у его постели, гдѣ смотрѣлъ на него дикимъ, отчаяннымъ взоромъ. Лордъ всталъ, схватилъ шпагу и пошелъ на великана. По мѣрѣ того, какъ онъ подходилъ къ нему, великанъ становился меньше, меньше и меньше, пока наконецъ не сдѣлался ребенкомъ и не исчезъ въ огнѣ. Потомъ вѣдь лордъ покончилъ самъ съ собою. Какъ ты думаешь, видѣлъ-ли онъ это видѣніе передъ смертью? Мнѣ кажется, что видѣлъ.

Онъ осмотрѣлся кругомъ съ какой то боязнью и ушелъ, не говоря ни слова.

— Право, не понимаю, зачѣмъ это папа разсказалъ намъ эту страшную исторію, сказала мистриссъ Меллишипъ.

— Сегодня всѣ его мысли, кажется, направлены къ смерти, замѣтила Кэтъ:—онъ не можетъ избавиться отъ впечатлѣній нынѣшняго дня. Вы знаете, какъ онъ любилъ покойную миссъ Мортибой.

Они не знали, что онъ не былъ на похоронахъ, а разговаривалъ въ это время съ докторомъ.

У Френка явилась надежда, что отецъ дѣйствительно разстроился на похоронахъ.

— Я пойду и посмотрю, сказалъ онъ:—не надо-ли чего отцу. Сегодня ему положительно нездоровится.

— За обѣдомъ онъ совсѣмъ ничего не ѣлъ. Спроси, не хочетъ ли онъ чего нибудь поѣсть, сказала вслѣдъ ему мать.

Кабинетъ находился въ концѣ дома около банка, и туда никто не ходилъ, кромѣ Кэтъ, при которой поутру кабинетъ убирался.

Войдя въ кабинетъ, мистеръ Меллишипъ зажегъ лампу и, помѣстившись передъ каминомъ, взялъ книгу и снова прочелъ разсказъ о самоубійствѣ лорда Кестльрига. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, онъ все болѣе и болѣе разстраивался и блѣднѣлъ.

Затѣмъ онъ со вздохомъ оттолкнулъ отъ себя книгу и, отво-

ривъ шкафчикъ около камина, вынулъ бутылку водки и рюмку. Откупоривая бутылку, онъ услыхалъ шаги сына въ коридорѣ. Онъ только что успѣлъ спрятать бутылку и сѣсть на прежнее мѣсто, какъ Френкъ, стукнувъ въ дверь, вошелъ.

— Входи, входи, Френкъ, сказалъ мистеръ Меллишипъ: — только я очень занятъ.

— Я пришелъ предложить свои услуги, батюшка.

— Сегодня принять ихъ не могу; оставь меня, у меня много дѣла.

— Но вѣдь вы нездоровы, батюшка.

— Да, нездоровъ, Френкъ, печально сказалъ онъ.

— Не послать-ли завтра за докторомъ?

— У меня былъ сегодня докторъ Керби и предписалъ мнѣ средство, невозможное безъ твоей помощи. Онъ велѣлъ мнѣ подольше отдыхать. Но теперь я не могу еще оставить дѣлъ. Спокойной ночи, милый.

Френку пришлось удовольствоваться этимъ объясненіемъ и уйти. Когда шаги сына раздались уже въ концѣ коридора, мистеръ Меллишипъ опять досталъ водку и налилъ себѣ рюмку. Посмотрѣвъ ее на свѣтъ, онъ поставилъ рюмку нетронутой, и на лицѣ его появилось выраженіе утомленія.

— Незачѣмъ! прошепталъ онъ.—Отъ водки только тупѣешь, а тупѣть мнѣ не для чего. Тупѣя, начинаешь надѣяться, а мнѣ надѣяться нечего! Пьяному все кажется въ розовомъ свѣтѣ, въ то время, какъ въ дѣйствительности все впереди мрачно и черно. Господи, Боже мой! да неужели у меня не достанетъ силъ прямо встрѣтить свою судьбу? Но все таки я попытаюсь сдѣлать все, что могу, нашему проклятому старику, затягивающему петлю у меня на шеѣ...

Онъ присѣлъ къ столу и написалъ:

„Дорогой мистеръ Мортибой! Вы можете спасти меня отъ бѣды, или...“

Онъ остановился, потому что въ глазахъ у него потемнѣло и въ головѣ помутилось. Онъ закрылъ лицо руками и громко застоналъ. Время шло своимъ чередомъ, а онъ продолжалъ сидѣть неподвижно, потомъ поднялъ голову и тревожно осмотрѣлся кругомъ.

Письменный столъ, за которымъ онъ писалъ, стоялъ посреди комнаты, и онъ сидѣлъ на креслѣ, которое вертѣлось на оси. Повернувшись къ камину, онъ со страхомъ сталъ смотрѣть на портретъ своихъ дѣтей, снятыхъ еще маленькими.

По ужасу, изобразившемуся у него на лицѣ, можно было заклю-

чить, что онъ видитъ что-то сверхъестественное. Дѣйствительно онъ видѣлъ покойницу Сусанну Мортибой, ясно и громко говорившую:

— Твердо иди на встрѣчу своей судьбѣ!

— Сусанна! шепталъ онъ:—не смѣйся надо мною. Могу-ли я твердо встрѣтить разореніе, позоръ и нищету? Сусанна, ты любила меня, и я любилъ тебя. Поддержи меня, помоги мнѣ...

Сѣрое зимнее утро заглянуло въ кабинетъ мистера Меллиша, па, и освѣтило банкира, по прежнему, сидѣвшаго за столомъ. Н только наканунѣ онъ сидѣлъ несчастнымъ, а теперь онъ уж былъ и счастливъ и веселъ. За столомъ сидѣлъ сумашедшій, по мѣшавшійся на томъ, что онъ богатъ, страшно, невообразимо бо гатъ.

V.

Въ четвергъ утромъ, Дикъ Мортибой отправился въ Лондонъ для свиданія съ своимъ „компаньономъ“, о которомъ онъ говорилъ своему отцу. „Ты можешь встрѣтить меня“, писалъ онъ ему,— „въ Эстонѣ съ двухчасовымъ поѣздомъ“. Минутъ за десять до прихода поѣзда, на дебаркадеръ пришелъ тоненькій, худенькій мужчина, который сталъ ходить взадъ и впередъ, нетерпѣливо посматривая на часы.

Ему было лѣтъ сорокъ. Выбритыя, ввалившіяся щеки его были блѣдны, а бритый подбородокъ синеватаго цвѣта. Коротко обстриженные, густые черные волосы торчали какъ щетина. Съ перваго раза черты лица его казались тонкими, но если ихъ разсмотрѣть внимательнѣе, то въ нихъ замѣчалось что-то непріятное и даже жестокое. Таковъ былъ компаньонъ мистера Ричарда Мортибоя.

Знакомые Альсида Лафлера всегда въ душѣ подозрѣвали его. Правда, что Дикъ не подозрѣвалъ его ни въ чемъ, оттого что не отличался тонкимъ чутьемъ Дикъ принадлежалъ къ разряду людей громадной физической силы и здраваго смысла, безъ всякихъ хитростей, и потому, встрѣчаясь съ людьми, не боялся ихъ и не всматривался въ нихъ.

Мистеръ Альсидъ Лафлеръ былъ одѣтъ безукоризненно въ темно-сѣрый костюмъ и черное пальто. По виду, его можно было принять за иностранца; но когда онъ подошелъ къ сторожу, т заговорилъ съ нимъ самымъ изящнымъ, чистымъ англійскимъ язы комъ, какимъ говорятъ образованные американцы. Поѣздъ при шелъ въ назначенное время, и однимъ изъ первыхъ вышелъ Дик

Мортибой. Компаньоны, пожавъ другъ другу руки, пошли со станціи и сѣли на извощика.

— Никогда не бери извощика со станціи, сказалъ Дикъ съ видомъ человѣка, проповѣдывающаго новое правило, — если не хочешь, чтобы всему свѣту было извѣстно, куда ты ѣдешь.

— А куда мы ѣдемъ? спросилъ его компаньонъ.

— Куда угодно, милѣйшій Лафлеръ, только бы въ такое мѣсто, гдѣ мы могли бы поговорить спокойно. Мнѣ надо разсказать тебѣ чортову пропасть.

Лафлеръ отдалъ приказаніе извощику, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ привезли въ Греческую улицу.

— Тихій домъ, сказалъ Лафлеръ, идя передъ Ричардомъ:— въ этомъ домѣ собираются ослы-заговорщики и строятъ планы, которые никогда не осуществятся и не разрушатъ міра. Я живу иногда въ этомъ домѣ.

— Развѣ ты сдѣлался республиканцемъ и занимаешься политикой?

— Да, съ цѣлью узнать тайны этихъ ословъ. Ну, идемъ же.

Домъ этотъ оказался скромнымъ прачешнымъ заведеніемъ. Двѣ или три француженки въ чистыхъ бѣленькихъ чепцахъ, съ миловидными личиками, гладили передъ окномъ. Одна изъ прачекъ обернулась при входѣ компаньоновъ.

— Tiens!.. Это вы, мосье Лафлеръ. А это, вѣрно, вашъ пріятель?

— Это я, madame, отвѣчалъ Лафлеръ, снимая шляпу:—а это мой пріятель.

— Очень радъ, по французски сказалъ Дикъ—познакомиться съ вами, сударыня.

— Позвольте намъ комнату, прикажите затопить каминъ, принести бутылку водки, и... и...

— И бифштексъ, бутылку портера и колоду картъ, добавилъ Дикъ.

— Все будетъ подано, господа. Пожалуйте за мною.

Она повела ихъ на лѣстницу, въ заднюю комнату перваго этажа, окна которой выходили на старинное кладбище, съ заплѣснѣвшими могилами и сырой землей. Дикъ выглянулъ въ окно и засмѣялся.

— Славное мѣсто для ночлега, сказалъ онъ.

— Что? Да не все-ли равно? По мнѣ такъ рѣшительно все равно: спать-ли на кладбищѣ, или въ отелѣ.

— Мы еще не очень давно, милѣйшій другъ, спали съ тобой и не въ такихъ мѣстахъ.

Лафлеръ засмѣялся, но вмѣстѣ съ тѣмъ остался недоволенъ.

Главный проклятый недостатокъ этого англичанина заключ
въ томъ, что онъ постоянно припоминалъ непріятное прошлое

Хозяйка, улыбаясь, принесла огромный бифштексъ изъ сосѣд
гостинницы, и все, что они требовали, и поставила на кру
столъ посреди комнаты. Затѣмъ она поставила чернильницу и
ложила нѣсколько листочковъ бумаги.

Потомъ она остановилась и съ восторгомъ посмотрѣла на с
ную фигуру Дика—самаго красиваго заговорщика, какого то
ей случалось принимать у себя въ домѣ.

— Вы привезли съ собой хорошія вѣсти, сударь? спросила

Дикъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Но Лафлеръ отвѣч
за него:

— Хорошія, но секретныя.

— Понимаю, сказала она.—Желаю вамъ успѣха.

Она ушла, тщательно заперевъ за собою дверь, и шумно с
тилась съ лѣстницы, чтобы показать, что она не подслушив
у двери.

— Она воображаетъ, что ты агентъ „интернаціоналки“ или
нибудь въ этомъ родѣ, небрежно замѣтилъ Лафлеръ.—Ну, пог
римъ же о дѣлѣ.

— Нѣтъ, сначала пообѣдаемъ, сказалъ Дикъ.—Господи, ка
голоденъ! А помнишь...

— Нѣтъ, не помню. Я ничего не желаю помнить изъ
шлаго. Желалъ бы, чтобы и ты не помнилъ.

Дикъ засмѣялся и сѣлъ за столъ.

— Хочешь бифштекса. Такихъ бифштексовъ, кромѣ Анг
нигдѣ не найдешь. Поѣшь, другъ, поѣшь. Ѣда освѣжитъ твою
мять.

— Ну, разсказывай, какъ идутъ твои дѣла, сказалъ компань
взявъ маленькій кусочекъ говядины.

— Прежде всего, я умираю съ голода.

— Я вижу, сказалъ Лафлеръ.

— Старикъ остался себѣ вѣренъ, или сталъ еще скупѣе, ч
былъ. Теперь слушай внимательнѣе, потому что планы н
должны измѣниться. Онъ не только простилъ и забылъ, какъ
говоритъ, но вѣритъ въ каждое мое слово. Онъ позволилъ
вполнѣ руководить собой, если только я ловко разыграю
игру.

— Говорилъ-ли ты ему о рудникахъ?

— Онъ и слышать не хочетъ о рудникахъ.

— *А говорилъ-ли ты ему о скрытомъ сокровищѣ?*

— *Я пробовалъ вчера вечеромъ, но онъ холодно принялъ*

извѣстіе. Дѣло въ томъ, Лафлеръ... Хочешь еще бифштексу? Нѣтъ? Ну, такъ я доѣмъ его.

Онъ доѣлъ бифштексъ, прежде чѣмъ кончилъ говорить. Потомъ отодвинулъ тарелку, осушилъ портеръ и, пододвинувшись къ камину, набилъ трубку и закурилъ ее.

— Отецъ мой ѣстъ всегда въ кухнѣ, замѣтилъ онъ.—Отличная привычка. И я тоже слѣдую ей. Мы садимся одинъ противъ другаго, а старуха рѣжетъ намъ мясо. Отецъ съѣдаетъ только кусокъ, если мясо горячее, и одинъ ломтикъ на кускѣ хлѣба, если мясо холодное; я ѣмъ столько же. Я говорилъ ему, что такая ѣда напоминаетъ мнѣ мое кочевое житье, и потому нравится мнѣ. Не правда ли, забавно? И онъ мнѣ вѣритъ!

Онъ началъ курить трубку.

— Милѣйшій Ричардъ, ты забываешь мое нетерпѣніе, кротко сказалъ Лафлеръ.

— Нѣтъ, не забываю. По вечерамъ мы сидимъ другъ противъ друга, и я, покуривая трубочку, разсказываю ему о ловкости моего компаньона, какимъ образомъ мы пріобрѣли состояніе, и хотимъ теперь начать что нибудь новое, чтобы больше разжиться.

— Ага! улыбаясь, сказалъ Лафлеръ.

— Да. Все это только начало, согласно нашему условію. Но, видишь ли, старикъ до такой степени вѣритъ мнѣ, что мы могли-бы сдѣлать что нибудь получше, то есть я могъ бы сдѣлать что-нибудь получше.

— Что же ты хочешь сдѣлать? Неужели ты бросишь меня, Дикъ? спросилъ Лафлеръ, въ волненіи подавшись впередъ.

— Кажется, что такъ, холодно отвѣчалъ Дикъ.—Ты слушай. Я пріѣхалъ въ Англію съ тобой. Мы кашу заварили вмѣстѣ, съ намѣреніемъ, чтобы ее было какъ можно болѣе. Я долженъ былъ отправиться къ отцу и, какъ блудный сынъ, сказать ему, что я раскаиваюсь въ томъ, что сдѣлалъ прежде.

— А что ты сдѣлалъ? спросилъ Лафлеръ.

— Ну, это до тебя не касается, милѣйшій Альсидъ.—Что раскаиваюсь и оплакиваю свой поступокъ, и что только любовь къ родителю заставила меня вернуться домой, да желаніе показать ему, какимъ я теперь сдѣлался. Такъ? Я долженъ былъ вручить ему условіе нашего товарищества и разсказать ему о плантаціи. Такъ? И затѣмъ я долженъ былъ предложить ему въ залогъ нашу драгоцѣнную плантацію, или же какимъ нибудь другимъ способомъ достать у него пять тысячъ, изъ которыхъ дать тебѣ половину. Такъ-ли я говорю?

— Такъ. Пяти тысячъ будетъ достаточно.

— Ты совершенно увѣренъ въ своей системѣ?

— Совершенно, Дикъ! Увѣренъ-ли я? На какія же деньги мы заварили кашу?

— На деньги твоей системы.

— На что мы жили въ Санъ-Франциско?

— Тоже твоей системой.

— А ты еще спрашиваешь, увѣренъ-ли я въ ней! вспыхнувъ, сказалъ Лафлеръ.—Диъ! еслибы у меня за душой былъ всего одинъ долларъ и я былъ бы увѣренъ, что другаго никогда не достану, я отдалъ бы его за свою систему. Дай мнѣ только пять тысячъ фунтовъ и я взорву какой угодно банкъ въ Европѣ, отправлюсь потомъ въ Америку и взорву тамъ всѣ банки. И затѣмъ барыши мы раздѣлимъ пополамъ!

— Хорошо! холодно сказалъ Дикъ.—Теперь я скажу тебѣ, что намѣренъ дѣлать. Я куплю и свезу завтра въ Маркетъ-Базингъ все, о чемъ мы съ тобой говорили, и покажу отцу. Но послѣ этого я тактику перемѣняю. Я посмотрю, нельзя-ли мнѣ будетъ здѣсь остаться и получить побольше, чѣмъ пять тысячъ. Я хочу—замѣть это себѣ хорошенько—сдѣлаться помощникомъ отца въ его старости, другъ мой.

— А! проговорилъ Лафлеръ.

— Да. И мнѣ можетъ быть удастся показать ему, что дѣла при моей помощи пойдутъ лучше, чѣмъ безъ меня. Но дай мнѣ сроку три мѣсяца.

— И тѣмъ временемъ?

— Я увѣренъ, Лафлеръ... я совершенно увѣренъ: ты вѣдь меня знаешь?... что я такъ или иначе достану тебѣ денегъ.

— Такъ или иначе?

Лафлеръ многозначительно смотрѣлъ въ лицо своего друга.

— Да, твердо отвѣчалъ Дикъ.—Это можно сдѣлать и я сдѣлаю. Черезъ три мѣсяца ты получишь пять тысячъ, а я или сдѣлаюсь богатымъ человѣкомъ, или...

— Или что?

— Или останусь прежнимъ членомъ фирмы Лафлера, Роринга-Дика и К°, почтенныхъ комерсантовъ въ Санъ-Франциско, Новомъ Орлеанѣ, въ Каирѣ и другихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, и другихъ мѣстахъ земнаго шара.

— Я могу свободно прожить три мѣсяца, задумчиво сказалъ Лафлеръ.—Занятій у меня большихъ нѣтъ, это правда, но все таки сидѣть, сложа руки, я не стану. Я здѣсь знаю кое-какіе игорные дома. И у меня денегъ все таки есть еще тысяча.

— Ты хочешь сказать, что *у насъ* денегъ еще есть тысяча.

— Ну, конечно, конечно.

— Надо быть точнымъ, тѣмъ болѣе, что свою половину я возьму въ Маркетъ-Базингъ.

— Что же тебѣ дѣлать тамъ съ деньгами?

— Неужели ты не понимаешь? Я видѣлся съ своимъ компаньономъ и онъ далъ мнѣ мою половину дивиденда... И затѣмъ компаньонъ мой уже уѣхалъ обратно, чтобы присутствовать при сборѣ.

Лафлеръ кивнулъ головой.

— Гдѣ деньги? спросилъ Дикъ.

— Въ банкѣ. Тебѣ придется подождать до завтра. Держать деньги въ банкѣ гораздо спокойнѣе.

— Ну, такъ идемъ закупать, что намъ надо, а потомъ пріятно проведемъ вечеръ. Гдѣ же мнѣ ночевать?

— Здѣсь, если хочешь. Хозяйка нерѣдко даетъ пріютъ на ночь своимъ заговорщикамъ. Ты вѣдь не подозрительнаго характера?

— Милѣйшій мой Лафлеръ, развѣ ты замѣчалъ когда нибудь во мнѣ это свойство? Да и кромѣ того, посмотри.

Онъ распахнулъ жакетку и показалъ въ одномъ боковомъ карманѣ рукоятку ножа, а въ другомъ — шестиствольнаго револьвера.

— Ты не забываешь старыхъ друзей?

— Никакихъ. Ни ножа, ни пистолета, ни Лафлера. Ну, идемъ же, пока еще свѣтло.

Къ вечеру они накупили удивительную коллекцію вещей, и Дикъ съ торжествомъ разложилъ ихъ по столу.

— Вотъ хлопокъ, сыры, доставляющее намъ главные барыши. Вотъ фотографія нашей плантаціи. Дьявольски походитъ, не правда ли? Вотъ чернокожій африканецъ, безстрастный и холодный, довольный, свободный и счастливый, энергично работающій изъ любви къ Лафлеру, Рорингу-Дику и К°. Вотъ перья, подаренныя мнѣ королевой мадагаскарскою, и планъ нашихъ владѣній, который надо немного подрисовать чернилами изъ чернилицы, подаренной мнѣ тоже ея величествомъ. А вотъ самородокъ, найденный мною въ Калифорніи,—это, по крайней мѣрѣ, не обманъ!—гдѣ я былъ настолько благоразуменъ, что не остался, предпочитая правильную и порядочную жизнь—жизни на удачу.

— Старикъ религіозенъ?

— Нисколько. Кажется, я купилъ все. Это ножъ, употребляемый подлымъ янки.

— Досталъ-ли ты планъ съ наброскомъ мѣста, гдѣ заключается скрытое сокровище?

— Вотъ онъ. А вотъ и серебряная руда изъ рудника въ мексиканскихъ горахъ, извѣстнаго только намъ съ тобой, и который мы можемъ получить за ничто. У меня все припасено. Ну, а теперь, Лафлеръ, вотъ водка, а вотъ и карты. Сыграемъ партію. Я увѣренъ, что во всемъ Маркетъ-Базингѣ никто не умѣетъ играть въ экръ. Конечно, ставка всегдашняя?

Оба пріятеля положили по небольшой кучкѣ золота на столъ и начали играть. Въ игрѣ ихъ была замѣтна одна любопытная особенность: и тотъ, и другой глазъ не спускали съ рукъ своего партнера. Кромѣ того, они держали руки на столѣ, высунувъ впередъ; рукава у нихъ были засучены и они, снимая и сдавая, точно говорили: «Смотри, какъ я играю честно и чисто».

Они проиграли до двѣнадцати часовъ, послѣ чего Лафлеръ всталъ, онъ былъ въ небольшомъ выигрышѣ и надѣлъ шляпу. Не смотря на то, что онъ выпилъ полбутылки, онъ былъ по прежнему блѣденъ и спокоенъ.

— Развѣ тебѣ пора уходить? Ну, такъ завтра мы видимся съ тобою въ банкѣ и возьмемъ деньги. Пошли-ка сюда, пожалуйста, француженку-то.

Хозяйка явилась. Лафлеръ уже говорилъ съ нею о комнатѣ. Комната была готова, и она повела Дика наверхъ.

Хозяйка была веселая маленькая женщина, лѣтъ двадцати пяти, недурненькая и чистенькая на видъ. Дикъ, любившій красивыхъ женщинъ, пригласилъ ее посидѣть и, наливъ ей водки, сталъ разсказывать разныя вымышленныя исторіи, будто бы случившіяся съ нимъ. Черезъ часъ, распрощавшись съ хозяйкой, онъ легъ спать.

Въ двери не было ни ключа, ни задвижки, что̀ Дикъ тотчасъ же замѣтилъ, и въ головѣ у него мелькнуло подозрѣніе. Съ нимъ было много денегъ и вещей. Но онъ былъ человѣкъ привычный и изобрѣтательный. Вытащивъ изъ кармана веревку, онъ привязалъ одинъ конецъ ее къ большому пальцу на ногѣ, а другой — къ ручкѣ двери. Затѣмъ подъ подушку положилъ пистолетъ и ножъ, и легъ спать.

— Ха, ха, ха! захохоталъ онъ. — Что будетъ, какъ они отворятъ двери.

VI.

Беллетристъ прежде всего долженъ быть вѣренъ истинѣ, при *описаніи* характеровъ своихъ героевъ, не увлекаться ихъ хорошими

горонами и не скрывать дурныхъ. Въ силу этого правила мы олжны сказать, что Ричардъ Мортибой младшій былъ вовсе не ѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ казаться своему, черезъ-чуръ довѣрчивому тцу. Никакой плантаціи и никакихъ рудниковъ у него не было, ыли только порядочныя деньги, добытыя весьма сомнительнымъ бразомъ. И какъ разъ въ сердце самаго Маркетъ-Базинга, одного изъ невиннѣйшихъ городовъ Англіи, попалъ, точно свалившись съ неба, самый безсовѣстный и испорченный негодяй, какого только можно было найти на бѣломъ свѣтѣ.

Какъ легко разсказывалась-бы исторія о добродѣтельныхъ людяхъ, какъ тихи и скромны были-бы разговоры, но увы! какъ неинтересны были-бы разсказы!

Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ холодный, мрачный ноябрьскій вечеръ, часовъ въ девять, мистеръ Мортибой старшій, въ сопровожденіи сына, въ то время девятнадцатилѣтняго юноши, вышелъ въ сѣни и отворилъ дверь. Вѣтеръ такъ и рвалъ, и дождемъ хлестнуло въ сѣни. Отецъ весь трясся отъ гнѣва; сынъ точно окоченѣлъ отъ ужаса. Мистеръ Мортибой, указывая на ночной мракъ, рѣзко и грубо сказалъ:

— Убирайся. Не переступай болѣе моего порога. Ты мнѣ болѣе не сынъ.

Сынъ не сказалъ ни слова, но выглянулъ на улицу, какъ-бы желая посмотрѣть, какова погода.

— Убирайся, повторилъ отецъ.

— Надо сначала надѣть теплое пальто въ такую-то погоду, хладнокровно сказалъ сынъ.—Не лучше-ли вамъ, батюшка, запереть дверь, а то еще простудитесь, пока я одѣваюсь?

Отецъ не обратилъ вниманія на его слова и, стоя у дверей, не спускалъ съ него глазъ. Молодой человѣкъ, не спѣша, надѣлъ теплое пальто, взялъ зонтикъ и надѣлъ шляпу. Потомъ онъ вынулъ свой кошелекъ и посмотрѣлъ на него.

— Дайте мнѣ денегъ, сказалъ онъ.

— Напиши мнѣ изъ Лондона, и я скажу тебѣ, какъ намѣренъ съ тобой поступить. А теперь отправляйся. Тетка твоя не будетъ знать зачѣмъ.

Черезъ два дня, изъ Лондона пришло письмо, только съ адресомъ молодаго Мортибоя. На это письмо отецъ отвѣчалъ присылкою десяти фунтовъ, не написавъ ни слова прощенія, ни слова порицанія; и съ этой минуты всякая корреспонденція прекратилась, и имя Дика Мортибоя не произносилось болѣе въ домѣ его отца.

Всѣ смутно понимали, «что онъ что-то сдѣлалъ».

Молодой человѣкъ съ десяти-фунтовой бумажкой въ карманѣ, и съ пятью или шестью фунтами стерлинговъ, кромѣ того, добытыхъ имъ отъ продажи часовъ и цѣпочки, отправился на пристань, чтобы поискать отходившаго парохода. Ему было все равно, куда-бы ни уѣхать, только-бы уѣхать и никогда болѣе не возвращаться.

Онъ нашелъ пароходъ, совершенно готовый къ отплытію на Пальмовый островъ, и отходившій въ тотъ-же день. За десять фунтовъ онъ взялъ мѣсто во второмъ классѣ, съ условіемъ, что если онъ будетъ помогать кассиру, то ему возвратятъ часть десяти фунтовъ. Черезъ нѣсколько дней, молодой Мортибой беззаботно плылъ по Бискайскому заливу, разсѣявъ по вѣтру всѣ свои печали, довольный тѣмъ, что увидалъ свѣтъ, и счастливый, что покинулъ долги и стѣсненныя обстоятельства, заставившія его поддѣлать подпись отца такъ искусно, что даже банковскіе клерки не могли узнать, что это не забористая подпись скряги Мортибоя.

Онъ не только помогалъ кассиру, но взялъ на себя всю его обязанность, и пароходныя книги никогда еще не бывали въ такомъ порядкѣ, какъ въ этотъ переѣздъ. Кассиръ не остался неблагодарнымъ за такое вниманіе, и уговорилъ капитана опредѣлить Мортибоя помощникомъ кассира и возвратить ему всѣ деньги, заплаченныя имъ за проѣздъ. Когда, черезъ три мѣсяца плаванія, пароходъ вошелъ въ портъ Дофина, то Дику, назвавшемуся мистеромъ Меллономъ, было дано вознагражденіе. Отъ мѣста на этомъ пароходѣ онъ отказался, и капитанъ далъ ему отличное рекомендательное письмо въ одинъ изъ лучшихъ торговыхъ домовъ порта Дофина.

Рекомендація подѣйствовала, и онъ получилъ, по его мнѣнію, отличное жалованье:—прежде онъ никогда не получалъ болѣе фунта въ недѣлю, а тутъ ему дали полтораста фунтовъ въ годъ. Занятій у него было немного, и послѣ четырехъ часовъ онъ могъ дѣлать, что̀ ему было угодно. Это-то и послужило къ его несчастію. Съ четырехъ до шести часовъ можно было гулять и быть на воздухѣ, въ шесть Дикъ обѣдалъ за табльдотомъ, а затѣмъ вечеромъ вмѣсто того, чтобы отправляться домой, оставался играть на билліардѣ и пить. Послѣ билліарда начиналась игра въ карты, и всѣ деньги, выигранныя въ билліардъ, переходили въ карманы его партнеровъ. Такой образъ жизни не могъ не дойти до слуха его хозяевъ, почтенныхъ и богобоязненныхъ купцовъ, и потому не удивительно, что въ одинъ прекрасный день мистеръ *Меллонъ* получилъ вѣжливое, но положительное извѣщеніе, что

слуги его болѣе не будутъ нужны съ слѣдующаго мѣсяца. Но и утъ Дикъ, падая, всталъ на ноги. На островѣ было много кофейныхъ и сахарныхъ плантацій. И между плантаторами, продававшими сахаръ хозяевамъ Дика, былъ одинъ старый англичанинъ которому очень полюбились лицо и простыя манеры Дика. Узнавъ, что тотъ безъ мѣста, онъ предложилъ ему занятія у себя на плантаціи, гдѣ обязанности его заключались въ присмотрѣ за „кули", которымъ онъ долженъ былъ выдавать плату за сборъ тростника, присмотрѣть за ихъ продовольствіемъ и вести счеты. Кромѣ пятнадцати фунтовъ въ мѣсяцъ жалованья, ему предложили готовую квартиру и продовольствіе. Дикъ принялъ предложеніе съ восхищеніемъ, и съ восторгомъ ребенка поѣхалъ на плантацію Гобуа. У Дика былъ такой характеръ, что стоило ему выпутаться изъ какого нибудь затрудненія, чтобы тотчасъ-же снова стать веселымъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ все шло хорошо. Гобуа находилось по другую сторону острова, миль за сорокъ отъ порта Дофина. Тамъ не было ни билліарда, ни картъ, ни шапочныхъ знакомыхъ, всегда готовыхъ на выпивку. Правда, что общества тамъ не было, но зато было много работы, и Дикъ, наработавшись, радешенекъ былъ лечь спать въ девять часовъ. Домъ въ Гобуа стоялъ за десять миль отъ ближайшаго жилья, у опушки дѣвственнаго лѣса, окруженный безмолвными деревьями, такъ какъ обезьяны съѣдали птичьи яица, или же ураганами разоряло гнѣзда. Дику сначала нравилась жизнь въ такой глуши. Мистеръ Освальдъ, его хозяинъ, приглашалъ его къ себѣ обѣдать, говорилъ объ Англіи, гдѣ онъ жилъ еще молодымъ человѣкомъ и былъ въ Оксфордскомъ университетѣ, и разсказы его о прежнемъ хорошемъ времени не разъ заставляли Дика стыдиться своего прошлаго. Старая мистриссъ Освальдъ очень полюбила Дика, и въ отсутствіе мужа часто призывала его къ себѣ поболтать. Узнавъ, что гардеробъ юноши скуденъ, мистеръ Освальдъ пополнилъ его; кромѣ того онъ обмеблировалъ ему домикъ и выучилъ вести дѣла съ кадѣйцами.

Занятій Дику хватало всего на три часа въ день. Потомъ онъ отправлялся на заводъ и смотрѣлъ, какъ дѣлали сахаръ. Вскорѣ онъ сталъ настолько опытнымъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всемъ, къ чему присматривался, что мистеръ Освальдъ прибавилъ ему еще пять фунтовъ въ мѣсяцъ. Дикъ выучился говорить по кадѣйски и управлялъ рабочими очень хорошо, хотя и строго.

Такимъ образомъ, Дикъ жилъ довольно весело, и прошлое нисколько его не тревожило. Но вотъ наступила охотничья пора;

мистеръ Освальдъ созвалъ гостей, и мистеръ Меллонъ оказ
замѣчательнымъ стрѣлкомъ. Кромѣ того, онъ хорошо ѣздилъ
хомъ, такъ какъ еще, будучи мальчикомъ, привыкъ къ лошад
у кучеровъ Гискота и у дяди Меллишипа. Таланты свѣтскаго ч
вѣка заставили съѣхавшееся общество обратить свое вниманіе
молодаго человѣка и относиться къ нему, какъ къ истому
нтльмену. Шопотомъ говорили, что мистеръ Меллонъ поссори
съ своимъ отцомъ, человѣкомъ колоссальнаго состоянія, и бѣж
отъ него. Вслѣдствіе ловко пущеннаго слуха, всѣ двери б
открыты ему.

Все шло совершенно хорошо, пока Дикъ былъ въ Гобуа
ѣздилъ къ сосѣдямъ. Дамы были очень рады познакомит
съ молодымъ человѣкомъ, красивымъ собой и съ такимъ рома
ческимъ прошлымъ. Слава о немъ дошла даже до порта Дофи
и когда тамъ начались скачки, балы, обѣды и концерты, Д
получилъ приглашенія и поѣхалъ повеселиться вмѣстѣ съ мис
ромъ и мистриссъ Освальдъ.

Пройти молчаніемъ эту недѣлю мы не можемъ. Дикъ прож
шесть мѣсяцевъ у мистера Освальда. Легко сосчитать, много
онъ накопилъ денегъ, откладывая по десяти фунтовъ ежемѣся
Забравъ накопленныя деньги, онъ нанялъ въ гостинницѣ комн
на недѣлю скачекъ, и собрался наслаждаться. Его всѣ люби
дамы его любили, потому что онъ былъ молодъ и красив
ловко танцовалъ; мужчины любили, потому что онъ всегда б
веселъ и уступчивъ, и могъ просидѣть всю ночь за картами,
окончаніи танцевъ. Эти-то карты и довели его до бѣды, такъ к
по окончаніи недѣли Дикъ уѣхалъ домой съ тяжестью на ду
и съ пятидесятью фунтами долгу, который онъ честью обяза
уплатить черезъ мѣсяцъ. Онъ былъ глубоко несчастливъ; ме
всѣми его знакомыми у него не было друга; на всемъ остр
не было ни единой души, у которой онъ могъ бы занять дес
фунтовъ, за исключеніемъ старой мистриссъ Освальдъ. Есл
только молодой человѣкъ довѣрился ей въ своемъ несчастіи,
было бы хорошо, такъ какъ бездѣтная старуха отъ души по
била веселаго, счастливаго юношу, который могъ бы быть
сыномъ.

Но Дикъ уже разъ вкусилъ роковаго плода, и переступ
черту, отдѣляющую невинность отъ преступленія. „Ce n'est
le premier pas qui coûte:“ разбойникъ, считающій убійства свои с
нями, забываетъ подъ конецъ, какихъ страданій стоило ему
первое преступленіе.

Черезъ мѣсяцъ долгъ былъ уплаченъ, и Дикъ вышелъ изъ

руднительнаго положенія. Онъ продолжалъ заниматься, но былъ
нѣденъ и подавленъ. Мистриссъ Освальдъ спрашивала его: не
оленъ-ли онъ, и чаще стала приглашать его обѣдать—по доб-
отѣ своей думая, что онъ тяготится одиночествомъ. А мужъ ея
редложилъ ему съѣздить въ портъ Дофинъ на двѣ недѣли, чтобы
звлечься. Но Дикъ покачалъ головой и отказался.

Такимъ образомъ прошло два или три мѣсяца. Однажды мис-
еръ Освальдъ получилъ письмо, которое прочелъ съ изумленіемъ.
Онъ тотчасъ же велѣлъ запрягать лошадей и уѣхалъ въ городъ.
На ночь мистеръ Освальдъ домой не вернулся. Въ этомъ не было
ичего удивительнаго. Но на слѣдующій день онъ вернулся въ
опровожденіи двухъ господъ, взглянувъ на которыхъ Дикъ тот-
асъ же догадался, что это полицейскіе чиновники. Въ то время,
акъ экипажъ подъѣзжалъ, онъ проходилъ лужайку, между его
омикомъ и заводомъ. Онъ остановился и сдѣлалъ движеніе, будто
отѣлъ бѣжать; но потомъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и, забывъ
всякую гордость, пошелъ впередъ.

Мистеръ Освальдъ позвалъ его. Старикъ точно обезумѣлъ отъ
тревоги и ужаса. Глядя на него, можно было подумать, что онъ
самъ и есть преступникъ, за которымъ пріѣхала полиція.

Дикъ старался казаться спокойнымъ. Это ему нѣсколько уда-
лось, и онъ подошелъ къ верандѣ, гдѣ стоялъ его хозяинъ.

— Мистеръ Меллонъ, сказалъ мистеръ Освальдъ:—случилось
нѣчто очень непріятное. Кто-то поддѣлалъ чекъ на пятьдесятъ
унтовъ, по которому были уплачены деньги. Банкъ представилъ
этотъ чекъ въ судъ, и... и... теперь понятно, что... поддѣлали его
мы.—Онъ прокашлялся—Ну, конечно, я увѣренъ, что это ошибка.

— Конечно, сэръ, отвѣчалъ Дикъ, и губы его задрожали.—
Такъ эти господа...

Онъ посмотрѣлъ на полицейскихъ.

— Мы пріѣхали арестовать васъ, мистеръ Меллонъ.

— А! Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами, мистеръ Ос-
вальдъ.

Чиновники, въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ стараго
плантатора, утвердительно кивнули, и мистеръ Освальдъ повелъ
Дика въ столовую. Въ то время, какъ они входили въ одну дверь,
въ другую вошла мистриссъ Освальдъ, но Дикъ не видалъ ея.

— Я не хочу долго задерживать васъ, сэръ, сказалъ онъ.—
Вы были такъ добры ко мнѣ... болѣе чѣмъ добры... но обвиненіе
то справедливо.

— Какое обвиненіе? спросила мистриссъ Освальдъ.

— Меня *арестовываютъ* за поддѣлку чека. Это вѣрно. Я под-

ирный, веселый плутъ, и, сообщивъ ему тюремныя правила, пре-
упредилъ его, что сегодня его поведутъ въ судъ.

Можетъ быть, въ продолженіе всей жизни Дика Мортибоя,—
изни богатой разными треволненіями,—только объ одномъ со-
ытіи онъ не любилъ вспоминать, и если вспоминалъ, то крас-
ѣлъ отъ стыда. Событіе это заключалось въ позорномъ и унизи-
ельномъ способѣ препровожденія арестантовъ изъ тюрьмы въ
удъ. Впереди шли, плачущіе индѣйцы, обвиняемые въ покушеніи
а убійство —они шли, плача и говоря о своей невинности; затѣмъ
или трое или четверо людей, взятыхъ за пьянство и буйство,—
изъ всей партіи, это были самые безсовѣстные; потомъ негръ,
ромко хохотавшій надъ безсмысленнымъ обвиненіемъ—его обви-
яли въ кражѣ утокъ; потомъ шелъ Дикъ — веселый, пріятный
олодой англичанинъ—онъ шелъ пунцовый отъ стыда и въ сто-
онѣ отъ партіи; потомъ выступалъ китаецъ, обвиняемый въ
ѣмъ-то беззаконномъ, касающемся чужой свиньи,—онъ казался
дивленнымъ и точно говорилъ: „Ахъ ты, Боже мой, какъ это
транно, право, какъ это странно! Что за причина?“ Сзади него
ило еще съ полдюжины индѣйцевъ, и затѣмъ шествіе заклю-
алось двумя полицейскими. Вдоль партіи тянулась веревка, за
оторую каждый арестантъ долженъ былъ держаться одной
рукой.

Ужасный день! Въ судѣ были многіе изъ его знакомыхъ, и
въ томъ числѣ человѣкъ, для котораго онъ поддѣлалъ чекъ и
который явился главнымъ свидѣтелемъ; и никто изъ людей, съ
которыми онъ пилъ, игралъ и веселился, не бросилъ на него
взгляда сожалѣнія. Дикъ тщетно старался закалить сердце свое
противъ стыда. Этотъ день надолго ожесточилъ его, но и онъ
наконецъ окончился, и партію повели тѣмъ-же порядкомъ въ
тюрьму. Слѣдствіе разъяснило виновность Дика, котораго назна-
чено было судить въ слѣдующую сессію, черезъ два мѣсяца. Сто-
рожа пихнули его въ каморку, дали ему пообѣдать и оставили
одного.

Въ тюрьмѣ, въ это же время, сидѣлъ еще арестантъ изъ обра-
зованнаго сословія, и ждалъ суда. Это былъ одинъ молодой фран-
цузъ, на нѣсколько лѣтъ постарше Дика. Въ извѣстные часы,
арестантовъ выпускали гулять на дворъ, соединявшійся съ глав-
нымъ выходомъ большой комнатой, въ которой сидѣли сторожа и
полицейскіе. Со двора, кромѣ того, былъ выходъ черезъ желѣз-
ную дверь, никогда не отворявшуюся. Она вела въ квартиру
главнаго смотрителя тюрьмы, и была сдѣлана для того, чтобы
онъ могъ войти *прямо въ тюрьму* въ случаѣ какихъ-нибудь без-

порядковъ. Въ концѣ двора была устроена большая комната для работъ арестантовъ, когда работать на воздухѣ не представлялось возможнымъ.

Въ этой-то комнатѣ, на другой день своего заключенія, Дикъ, отправляясь гулять, увидѣлъ человѣка, сидѣвшаго на каменной скамейкѣ, устроенной кругомъ. Онъ вздрогнулъ, измѣнился въ лицѣ и повернулся, чтобы уйти, но уйти было некуда, и потому онъ остался. Человѣкъ, сидѣвшій тутъ, былъ одинъ изъ его прежнихъ знакомыхъ. Онъ обѣдалъ съ нимъ за однимъ табльдотомъ, когда жилъ въ портѣ Дофина. Это былъ французъ изъ колоніи, клеркъ торговаго дома, такой же, какъ и онъ, и также игрокъ, но только репутаціей Лафлеръ пользовался нехорошей. Онъ былъ тщедушенъ, блѣденъ, съ гладкими черными волосами и густой черной бородой, какія бываютъ у уроженцевъ южной Франціи. Дикъ зналъ его преимущественно, какъ главное дѣйствующее лицо въ одномъ карточномъ скандалѣ. Ссора кончилась дуэлью, не состоявшеюся потому, что противникъ Лафлера далъ знать полиціи, и поединокъ былъ остановленъ на мѣстѣ. Но послѣ этого происшествія общество съ недовѣріемъ стало смотрѣть на Лафлера, и даже въ портѣ Дофина, гдѣ общественная нравственность стояла не на очень высокой степени, знакомства съ нимъ стали избѣгать.

Французъ, услыхавъ шаги, обернулся. Онъ всталъ и съ смущеніемъ, ему не свойственнымъ, нерѣшительно протянулъ руку, сказавъ:

— Вы пришли навѣстить меня, Меллонъ? Это очень мило съ вашей стороны.

— Я то? Нѣтъ! Я думалъ, что вы пришли навѣстить меня. Я—Дикъ вспыхнулъ—я арестованъ.

— И я тоже, отвѣчалъ французъ.

— Вы тоже? Что же вы сдѣлали?

— Говорятъ, будто я убилъ молодаго Детана.

Дикъ невольно отступилъ, потомъ весело засмѣялся.

— А про меня говорятъ, будто я поддѣлалъ чекъ. Чортъ бы ихъ побралъ!... мало-ли они что говорятъ. Но только, Лафлеръ, ваши дѣлишки похуже моихъ.

— Ну, что за важность! воскликнулъ французъ.—Во-первыхъ, это была дуэль. Я не виноватъ. А во-вторыхъ...

— Ну, пустяки, сказалъ Дикъ.—Все таки это очень глупо.

— Доказательствъ противъ меня нѣтъ никакихъ.

Дикъ пожалъ плечами и сѣлъ, очень довольный, что можно

поговорить хотя бы и съ убійцей. Надо знать, что тюремное заключеніе въ портѣ Дофина не отличается строгостью.

Время шло своимъ чередомъ. Лафлеръ все болѣе и болѣе тревожился. Навѣщать его приходилъ только его адвокатъ; изъ родныхъ никто къ нему не ходилъ. Мистеръ Освальдъ тоже пріобрѣлъ адвоката, который, по временамъ, навѣщалъ Дика. Но посѣщенія его не способствовали успокоенію молодаго человѣка, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе падавшаго духомъ.

Однажды Лафлеръ явился въ первый разъ не только спокойнымъ, но даже веселымъ.

— Что это значитъ? спросилъ Дикъ. Въ это утро ему было особенно тяжело.—Право, вы не могли бы быть веселѣе, еслибы выходили отсюда.

— Другъ мой, мнѣ мелькнула надежда. У меня составленъ планъ: мы можемъ бѣжать.

— Не, вижу, какимъ образомъ.

— Слушайте.

Онъ взялъ Дика подъ руку и началъ ощупывать его мускулы, не говоря еще ничего. Дикъ былъ силенъ, мускулистъ и высокъ.

— Ахъ, другъ мой, еслибы у меня были ваши мускулы....

— Ну, говорите же, говорите..

Лафлеръ осмотрѣлся кругомъ. Во дворѣ не было никого, кромѣ нѣсколькихъ полицейскихъ, стоявшихъ къ нимъ спиною. Онъ вынулъ изъ кармана ключъ и быстро показалъ его Дику.

— Это собственный ключъ смотрителя.... ключъ отъ желѣзной двери.

Дикъ кивнулъ, не говоря ни слова.

— Мулатъ-сторожъ досталъ его мнѣ. Онъ сынъ моего отца.

— Вашъ братъ?

— Извините... Я говорю: сынъ моего отца. Теперь слушайте-же. Все зависитъ отъ васъ. Въ шесть часовъ намъ надо будетъ расходиться по нашимъ кельямъ. Кто обыкновенно уводитъ васъ?

— Пьеръ, вашъ.... вашъ пріятель, и Смитъ.

— Такъ вамъ надо покончить Смита. Съ Пьеромъ я управлюсь. Съ нимъ уже у насъ все условлено.

Дикъ призадумался.

— Смитъ человѣкъ громадный, но я думаю, что справлюсь съ нимъ. Такъ намъ нужно ждать до шести часовъ? Ахъ, Лафлеръ! зачѣмъ вы такъ рано сказали мнѣ?

День казался ему нескончаемымъ. Съ двухъ до пяти они были заперты.

Въ пять ихъ выпустили погулять, и сердце Дика замирало съ приближеніемъ назначеннаго часа.

Часы пробили безъ четверти шесть. Солнце уже закатывалось за горы, и черезъ нѣсколько минутъ должна была наступить ночь.

Въ главную дверь вошелъ, побрякивая громадной связкой ключей, Смитъ, громадный, тяжеловѣсный англичанинъ, въ сопровожденіи Пьера. По обыкновенію онъ остановился, чтобы запереть за собою двери, и спокойно прошелъ черезъ дворъ въ мастерскую. Дикъ стоялъ за дверью.

— Ну, идите же, сказалъ Смитъ, стоя въ дверяхъ:—пора. А гдѣ мистеръ Меллонъ?

Онъ смотрѣлъ прямо въ комнату, гдѣ стоялъ Лафлеръ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— А вотъ гдѣ, крикнулъ Дикъ, ударяя его кулакомъ въ високъ со всего размаха. Смитъ зашатался и хотѣлъ крикнуть, но другимъ ударомъ онъ былъ опрокинутъ, и, ударившись о каменную скамейку, упалъ, обливаясь кровью.

Онъ замолкъ.

Лафлеръ, въ сопровожденіи Дика, бросился вонъ. Они забыли прихлопнуть бѣднаго Пьера, съ дурацкимъ видомъ ожидавшаго удара, отъ котораго бы онъ могъ полетѣть. Къ его немалому удивленію, они отворили маленькую дверь и вышли, не давъ ему даже щелчка.

Черезъ домъ смотрителя, по коридору, они вышли въ палисадникъ, гдѣ не было никого. Пройдя палисадникъ, они вышли на улицу.

По лѣвую сторону отъ нихъ стояла кучка сторожей и полицейскихъ, беззаботно разговаривавшихъ. Лафлеръ тихо дотронулся до руки своего товарища и они пошли направо, а потомъ повернули въ переулокъ. Было уже совершенно темно, такъ какъ подъ тропиками сумерекъ не бываетъ, и въ этотъ вечеръ, къ ихъ счастью, не было луны.

— Куда же теперь? задыхаясь, спросилъ Дикъ, раздумывая, что свобода безполезна въ такомъ мѣстѣ, гдѣ негдѣ спрятаться.

— Идите за мною. Все приготовлено. Только бы намъ найти лодку.

Дикъ начиналъ кое-что понимать, и они поспѣшно пошли по узкимъ переулкамъ Индѣйскаго квартала, гдѣ не рискозали встрѣтить европейцевъ, которые могли бы узнать ихъ.

Они никого дѣйствительно не встрѣтили, за исключеніемъ двухъ индѣйцевъ, и чрезъ десять минутъ вышли за городъ на

ольшую дорогу, отдѣлявшуюся отъ морскаго берега пустошью, ерезъ которую Лафлеръ пустился бѣгомъ. Тутъ ни днемъ, ни очью никогда никого не бывало, и они скоро добрались до бе-ега. Море было тихо и гладко, и только за какія нибудь чет-ерть мили кипѣло на рифахъ и шло бѣлой полосой вдоль бе-ега, точно желая оградить островъ отъ возможности нападенія на него.

— Ну, что же намъ дѣлать теперь? спросилъ Дикъ.

— Видите бѣлую полосу? Это отмель. Намъ надо держаться этой линіи и форта...

— Я форта не вижу.

— Я знаю, гдѣ онъ... насъ ждутъ за рифами. Все приготов-лено, говорю вамъ. Умѣете плавать?

— Вы бы спросили: умѣю-ли я ходить?

— Ну, такъ плывите за мною.

Въ то время былъ отливъ. Повидимому, имъ все благопріят-ствовало. Они вошли въ воду и пошли вдоль рифовъ. Идти было не легко, и они часто скользили. Ноги ихъ то касались коралловыхъ рифовъ, то вязли въ тинѣ, и они едва выплывали. Пу-тешествіе было опасное и тяжелое, но они боролись, не смотря на полнѣйшій мракъ. Слышали они только плескъ волнъ, а за бѣлой пѣной, поднимавшейся выше ихъ головъ, не видали ничего. Шуму и плеска веселъ они разобрать не могли.

— Да гдѣ же они? вскричалъ Дикъ, начинавшій ослабѣвать.— Господи! зачѣмъ вы завели меня въ такое мѣсто, гдѣ нельзя ничего найти.

— Лучше умереть здѣсь, чѣмъ на висѣлицѣ. Вспомните, что мы убили Смита!

Дикъ ничего не сказалъ, и дрожалъ, стоя по поясъ въ водѣ.

Они простояли такимъ образомъ съ полчаса, думая, что стоятъ полвѣка,—стояли молча, омываемые волнами. Начался уже при-ливъ, и имъ предстояло или вернуться обратно, или потонуть. Но никто не рѣшался заговорить.

Вдругъ Дикъ схватилъ Лафлера за руку.

— Я слышу голоса! вскричалъ онъ.—Кричите имъ, кричите!

Лафлеръ съ истерическимъ дыханіемъ сталъ прислушиваться. Что если это лодка, но не та! Но нѣтъ, этого быть не могло! Кому нужно быть около рифовъ въ такую темную ночь!

Онъ крикнулъ. Отвѣта не было.

Онъ крикнулъ еще разъ, но напрасно. Тогда Дикъ приложилъ свою руку ко рту и крикнулъ такъ, что его крикъ слышенъ былъ даже на берегу.

Въ отвѣтъ раздался грубый матросскій окликъ и свисто
Голоса слышались близёхонько, но ничего не было видно.

— Хорошо! крикнулъ Лафлеръ.—Не отставай и впередъ!

Онъ бросился вплавь и исчезъ.

— Господи, спаси отъ акулъ! подумалъ Дикъ и бросился вслѣ
за нимъ.

За рифами, на тихихъ волнахъ Атлантическаго Океана, стоя
лодка съ гребцами, тревожно смотрѣвшими на нихъ. Чер
двѣ минуты она уже была около бѣжавшихъ арестантовъ. Ди
плывшій скорѣе, ухватился за бортъ и, перебравшись, сѣлъ
лодку, дрожа всѣмъ тѣломъ. Лафлеръ утомился сильнѣе его. О
ухватился за весло, но не могъ взобраться въ лодку, и его в
нули черезъ бортъ, при свѣтѣ фонаря. Вслѣдъ за тѣмъ, на повер
ности воды на одну секунду показалось большое черное пят
и затѣмъ скрылось.

— Это акула, сказалъ человѣкъ, сидѣвшій у руля.

— Я дотронулся до нея ногой, тихимъ дрожащимъ голосо
проговорилъ Дикъ.—Господи помилуй!... Дайте мнѣ водки.

Ему дали водки, и онъ немного ожилъ. Потомъ дали вод
и Лафлеру.

Французъ указалъ на Дика.

— Онъ сдѣлалъ все, сказалъ онъ.—Безъ него я не выбрал
бы. Его надо тоже отправить на суднѣ.

Гребцы заворчали; но рулевой остановилъ ихъ.

— Одинъ или два—большой разницы не составляетъ. Я ул
улажу съ капитаномъ.

За двѣ мили отъ рифовъ, въ открытомъ морѣ стояла неболь
шая шкуна. Ночь была такъ темна, шкуна видна была толь
по фонарямъ, и гребцы гребли прямо на нее. Лишь только лод
подошла къ ней, какъ сверху опустилась веревка.

— Капитанъ, сказалъ человѣкъ, сидѣвшій на рулѣ и, пок
дикому, распоряжавшійся всѣмъ:—вмѣсто одного—тутъ двое. Я дам
вамъ знать. когда вы придете въ свой портъ.

— Хорошо, сэръ, хорошо. Ну, джентльмены, не мѣшкайте.

Дикъ взобрался наверхъ и, вставъ на палубу, дико ося
трѣлся кругомъ; ему казалось, что все это онъ видитъ во снѣ.

Капитанъ ударилъ его по плечу.

— Ну, идемте, сказалъ онъ.—Ловко сдѣлано. Гдѣ же другой

Въ ту минуту, какъ Лафлеръ поднимался по веревкѣ, ем
крикнули съ лодки „Adieu“, и лодка отошла отъ шкуны.

Капитанъ свиснулъ, паруса на шкунѣ надулись и Дик

очувствовалъ, что они плывутъ. Черезъ полчаса они неслись на сѣхъ парусахъ въ Гаванну.

Капитанъ свелъ ихъ внизъ и показалъ имъ маленькую каютку ъ двумя койками. Имъ нужно было переодѣться, и хотя трудно ыло достать платье, годное для такого рослаго дѣтины, какъ Дикъ, но все таки онъ переодѣлся.

— Никто на шкунѣ ничего не знаетъ. Въ портѣ мы стояли сего два дня и, кромѣ повара, никто на берегъ не сходилъ, а поваръ глухъ. Мистеръ Лафлеръ, я, ради вашего батюшки, охотно езу васъ, и васъ тоже, молодой человѣкъ, что бы вы тамъ ни дѣлали.

Дикъ задрожалъ. „Что онъ сдѣлалъ?“ При мысли о громадномъ сторожѣ, черная кровь котораго потекла по камнямъ, холодъ пробѣжалъ по его членамъ.

Онъ протянулъ Лафлеру руку и съ неподдѣльнымъ волненіемъ казалъ:

— Ты избавилъ меня отъ проклятаго мѣста и вмѣстѣ со ной плылъ въ лодкѣ. Я клянусь тебѣ, Лафлеръ, всѣмъ, чѣмъ я могу поклясться, что до смерти буду помогать тебѣ. Если мнѣ будетъ чѣмъ помочь—я помогу. Если представится возможность спасти тебя—я спасу. Если можно будетъ защитить тебя—я защищу. Если у меня будутъ деньги, ты получишь половину или даже болѣе. Если мнѣ повезетъ счастье, то я раздѣлю его съ тобой. Богъ тому свидѣтель!

Лафлеръ пожалъ ему руку и не сказалъ не слова. Такимъ образомъ, между ними былъ заключенъ союзъ, сдѣлавшій ихъ компаньонами на всю жизнь.

На слѣдующій день подули попутные вѣтры и шкуна летѣла, какъ стрѣла.

— Кто это сидѣлъ въ лодкѣ? спросилъ Дикъ, стоя послѣ завтрака на палубѣ съ Лафлеромъ и глядя на море.

— Человѣкъ, сидѣвшій на рулѣ, былъ мой отецъ, одинъ изъ ребцовъ—мой братъ, а остальные—кузены. Все дѣло устроено оимъ кузеномъ-адвокатомъ. Цьеръ досталъ оттискъ замка зъ воска и сдѣлалъ ключъ. Онъ славный слесарь. Непріятно ловѣку въ моемъ положеніи быть повѣшеннымъ за убійство, отя бы на дуэли, и я былъ увѣренъ, что, рано или поздно, они ля меня что нибудь сдѣлаютъ.

— Ну, ловкачи же вы, право! вскричалъ Дикъ:—Ну, а что либы акула разстроила всѣ наши планы? Мнѣ жаль, что я къ сильно ударилъ Смита. Онъ все таки былъ славный малый.

Но регулировать ударъ такъ, чтобы ошеломить, а не убить—
вольно трудно. Для этого надо имѣть руку полегче моей.

Смитъ, впрочемъ, убитъ не былъ, а только ошеломленъ; о
вскорѣ пришелъ въ себя, то есть минуты черезъ три послѣ то
какъ птички вылетѣли. Онъ вскочилъ на ноги и тотчасъ
схватилъ за шиворотъ Пьера. Пьеръ, конечно, потерялъ мѣсто,
смотря на то, что громко взывалъ о своей невинности. О
впрочемъ, не очень огорчался потерею мѣста и завелъ слесарн
мастерскую.

Прослѣдить за жизнью Дика, въ послѣдующія десять лѣ
между его бѣгствомъ изъ тюрьмы и возвращеніемъ въ Англі
довольно трудно. Вмѣстѣ съ Лафлеромъ и капитаномъ онъ ве
небольшую торговлю чернымъ живымъ товаромъ, проходя
шкунѣ между Конго и Кубой, и никогда не попадался въ ру
властей. Торгуя людьми, онъ и отростилъ себѣ бороду, и р
добрѣлъ. Тутъ наступила американская война и время разл
ныхъ подрядовъ. Въ это время капитанъ, которому принадлежа
шкуна, умеръ; Дикъ и Лафлеръ, какъ и подобаетъ пиратам
приняли на себя командованіе экипажемъ, изъ котораго нико
въ голову не приходило спросить о наслѣдникахъ капитана.
нѣсколько сотъ миль отъ Новаго Орлеана существуетъ небольш
гавань, мало посѣщаемая англійскими кораблями. Тамъ на
искатели приключеній нашли поприще для своей дѣятельности
сдѣлали немало рейсовъ изъ Нассау, нагруженные военн
контрабандой. Но въ одно прекрасное утро, послѣ мрачной бу
ной ночи, неподалеку отъ шкуны показался федеральный па
ходъ; онъ посадилъ шкуну на мель и затопилъ ее. Въ дол
вечера и ночи на шкунѣ Дикъ пріобрѣлъ отъ Лафлера страс
къ игрѣ. Онъ сдѣлался страстнымъ игрокомъ. Игралъ-ли Ла
леръ добросовѣстно, или шулерничалъ,—неизвѣстно; но надо п
лагать, что Дика онъ не обманывалъ. Дружба ихъ была искре
няя, и хотя они не уважали другъ друга, но были связаны о
щими интересами.

Года за три до возвращенія въ Англію, они жили въ южн
Мексикѣ и проводили время преимущественно въ игорныхъ д
махъ. Они выигрывали, проигрывали, опять выигрывали и опя
проигрывали. Дикъ, послѣ двухъ счастливыхъ вечеровъ въ Н
вомъ Орлеанѣ, выигралъ денегъ настолько, что могъ поѣхать
Англію, взглянуть, что́ сдѣлалось со старикомъ. Отправляясь
Англію, товарищи ничѣмъ не рисковали. Побѣгъ Меллона и Ла
лера давно былъ забытъ. Да и кто могъ узнать ихъ теперь?

Такимъ образомъ, они явились въ Англію, какъ дикіе звѣри съ лѣсу, высматривая, что̀ бы имъ растерзать.

VIII.

Парксайдъ, гдѣ жили Гискоты, находился на солнечномъ скатѣ, какъ разъ насупротивъ деревни Генелопъ, неподалеку отъ Маркетъ-Базинга.

Добрякъ Джонъ Гискотъ арендовалъ землю подъ запашку и, кромѣ того, запахивалъ свою собственную. Мистриссъ Гискотъ постоянно ворчала, что онъ платитъ лорду Генелопу за аренду слишкомъ дорого, но мужъ и вниманія не обращалъ на ея воротню и спокойно выслушивалъ ее.

Въ Парксайдѣ обѣдали обыкновенно въ половинѣ третьяго, а послѣ обѣда сидѣли у камина и разговаривали.

— Что же онъ говоритъ, Джонъ? спросила мистриссъ Гискотъ про Дика Мортибоя

— Я не видалъ его.

— Какъ не видалъ?

— Я видѣлъ только дядю Ричарда.

— Да вѣдь ты же сказалъ, что Дикъ будетъ сегодня къ намъ.

— Это мнѣ передалъ дядя.

— Зачѣмъ же ты не звалъ его обѣдать?

— Я звалъ.

— Экое чудо, право, что ты догадался позвать.

Мистеръ Гискотъ промычалъ что-то въ знакъ согласія.

— Въ послѣдній разъ, когда Дикъ былъ здѣсь, онъ переломилъ себѣ ключицу.

— Да, свалившись съ вороной лошади. Какъ молодецки онъ ѣздилъ верхомъ!

— Да, нечего сказать! ѣздилъ до того, что чуть не сломалъ себѣ шеи. Я всегда говорила, что онъ явится какъ, снѣгъ на голову.

— Кажется, Лю, твоя мама говорила, что ей извѣстно, будто его нѣтъ въ живыхъ.

— Да, она такъ думала, папа, тихо отвѣчала Люси.

— Мнѣ, видно, никогда не получить наслѣдства, со вздохомъ проговорила мистриссъ Гискотъ.

Возвращеніе кузена Дика было для нея весьма горькой пилюлей, которую она однако же проглотила.

— Неужели ты желала его смерти? Развѣ ты въ нуждѣ? серьезно спросилъ ее мужъ.

— Ну, да, я никогда и не разсчитывала на деньги дяди Ричарда, потому что знала, что Дикъ вернется. Развѣ такіе люди пропадаютъ когда нибудь? Что же говорятъ о немъ въ городѣ? Я думаю, весь Маркетъ-Базингъ говоритъ о немъ?

— Да, сегодня утромъ всѣ о немъ говорили, отвѣчалъ мистеръ Гискотъ.

— Что же они говорили?

— Подожди, пока Дикъ самъ пріѣдетъ сюда, и тогда все узнаешь. А гдѣ же Гресъ?

— Она пошла съ Френкомъ Меллишипомъ въ церковь, поиграть на органѣ и подготовиться къ воскресенью. Какъ они могутъ распростудиться въ такой день!

— Кто надуваетъ имъ мѣхи органа? спросилъ мистеръ Гискотъ.

— Силли Билли, батюшка, отвѣчала Люси.

— Готовъ побиться объ закладъ, что онъ забылъ затопить печь въ теплицѣ. Я велѣлъ ему затопить.

Мистеръ Гискотъ надѣлъ шляпу и пошелъ затоплять самъ.

— Какъ мнѣ хочется видѣть поскорѣе кузена Дика, мама, сказала Люси.—Каковъ онъ на видъ? Я совсѣмъ его не помню.

— Напрасно ты желаешь его видѣть.

— Чего только онъ не испыталъ, скитаясь по бѣлу свѣту! и все это послѣ жизни въ такомъ тихомъ городкѣ, какъ Маркетъ-Базингъ! Онъ замѣтилъ, я думаю, перемѣну! Какъ бы я желала побывать въ разныхъ мѣстахъ, и...

— Вотъ лѣтомъ поѣдешь въ Скарбири, если только докторъ Керби предпишетъ тебѣ ѣхать. Отецъ свезетъ насъ.

— Женатъ-ли кузенъ Дикъ?

Мать ея быстро повернулась къ ней.

— Женатъ! Ну, конечно, нѣтъ. На комъ жениться въ такихъ далекихъ странахъ? Развѣ на королевѣ людоѣдовъ?

— Не знаю. Мнѣ просто хотѣлось бы знать, женатъ онъ или нѣтъ.

Возвращеніе Дика поразило мать-командиршу, но она тотчасъ же составила новый планъ: женить его на Гресъ; поэтому-то она и утверждала, что онъ былъ не женатъ.

— По парку кто-то ѣдетъ верхомъ, мама, сказала Люси, глядя въ окно.

— Гдѣ? гдѣ? вскричала мистриссъ Гискотъ, подходя къ Люси.— Это кузенъ Дикъ!.. а Гресъ сидитъ тамъ въ церкви!

— Какъ онъ плетется. Да ужь кузенъ-ли это?

— Да, да, это Дикъ Мортибой. Я знаю его лошадь. Это лошадь покойницы Сусанны. Поставь-ка стаканъ на столъ, чтобы онъ

идѣлъ, что мы его ждали. Онъ навѣрное пьетъ... И посмотри, дѣта-ли Мери. Позвони.

Люси Гискотъ, исполнивъ всѣ порученія матери, вернулась къ окну.

— Посмотри-ка, въ порядкѣ-ли у меня сзади волосы?

— Все въ порядкѣ, мама. Это вовсе не та лошадь, на которой ѣздила обыкновенно тетя Сусанна, сказала Люси. — Это лордъ Лаунтонъ.

— Ахъ, да. Что ему тутъ надо?

— Онъ ѣдетъ, можетъ быть, въ деревню.

— Можетъ быть.

Но, черезъ минуту или двѣ, наслѣдникъ Генелопъ-Тоуэрса направлялся къ дому, рядомъ съ мистеромъ Гискотомъ.

Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, бѣлокурый, близорукій, высокій и тонкій. Онъ конфузился и извинялся, что заѣхалъ. Родители молодаго человѣка, обѣднѣвшіе лордъ и леди, надѣялись, что сынъ ихъ женится на богатой и поправитъ ихъ дѣла, но сынъ, не спросивъ ихъ согласія, влюбился въ дочь арендатора, Гресъ Гискотъ.

Жена добряка Гискота была женщина необразованная, вульгарная и честолюбивая. Дочери ея на нее не походили. Онѣ получили воспитаніе въ Лондонѣ, и воспитаніе хорошее.

Люси, младшая, дѣвушка девятнадцати лѣтъ, пользовалась особенною любовью миссъ Сусанны Мортибой, отъ которой она наслѣдовала религіозность. Она была миньятюрная, блѣдная дѣвушка съ прекрасными черными глазами и роскошными каштановыми волосами. Джонъ Гискотъ обожалъ своихъ дочерей.

Лордъ Лаунтонъ, возвращаясь домой, встрѣтилъ двухъ пѣшеходовъ, повидимому, никуда не торопившихся, не смотря на холодную, суровую погоду. Гуляющіе шли рядомъ; дѣвушка шла, наклонивъ голову.

Лордъ Лаунтонъ вспыхнулъ, увидавъ ихъ. Онъ пріостановился, какъ бы съ намѣреніемъ вернуться, но потомъ передумалъ и направился на встрѣчу гуляющимъ. Услыхавъ лошадиный топотъ, пѣшеходы подняли глаза. Онъ снялъ шляпу и протянулъ руку.

— А я только что былъ на фермѣ, миссъ Гискотъ.

— Были? Развѣ вы не узнаете мистера Меллишипа?

Лордъ сконфузился.

— Мнѣ... мнѣ кажется, мы были вмѣстѣ въ Итонѣ, мистеръ Меллишипъ, но только вы были въ старшихъ классахъ и врядъ-ли помните меня.

Френкъ Меллишипъ засмѣялся.

— Во всякомъ случаѣ, трудно предполагать, чтобы мы могли черезъ пять лѣтъ помнить другъ друга.

Отъѣхавъ, лордъ съ отчаяніемъ подумалъ:

— Господи! онъ настоящій мужчина, а я то что? я пяти минутъ не могу пробыть, не конфузясь!

Дѣвушка пошла далѣе съ молодымъ человѣкомъ. Ростомъ она была выше обыновеннаго. Теплая мѣховая кофточка плотно обтягивала ея красивую фигуру, а черезъ густую вуаль видпѣлись ея розовыя щечки, и блестящіе каріе глаза. Волосы ея были также густы и красивы, какъ волосы сестры. Гресъ Гискотъ была такъ мила, что юношеской любви лорда Лаунтона можно было также мало удивляться, какъ и любви молодаго человѣка, рядомъ съ которымъ она шла.

— Вы были въ школѣ вмѣстѣ съ лордомъ Лаунтономъ и могли забыть его, Френкъ? спросила Гресъ.

— Я не видалъ его пять лѣтъ. А вы часто съ нимъ видитесь? съ оттѣнкомъ ревности спросилъ онъ.

— Да... очень часто. Я его очень люблю. Онъ бывалъ въ Парксайдѣ мальчикомъ.

— Какъ и я.

— Да, но вы ломали мои игрушки и заставляли меня плакать.

— Но вѣдь потомъ мы цѣловались и мирились.

— Ну, конечно, какъ всѣ дѣти.

— Въ такомъ случаѣ, я желалъ бы быть ребенкомъ.

Гресъ засмѣялась.

— Для того, чтобы ломать мои игрушки?

— Нѣтъ.

Френкъ Меллишипъ снова замолчалъ. Не всегда легко приступить къ трудному предмету. Гресъ продолжала:

— И вы теперь окончательно оставили Кембриджъ и переселились въ Маркетъ-Базингъ; будете-ли вы счастливы въ такомъ мѣстѣ?

— Это зависитъ отъ двухъ условій.

Гресъ не стала разспрашивать.

— Съ отцомъ моимъ что-то дѣлается нехорошее, продолжалъ молодой человѣкъ.—Что-то тревожитъ его. Прежде всего, надо разъяснить это.

— А что же второе, что̀ можетъ сдѣлать васъ счастливымъ?

— Надежда. Я надѣюсь осуществить свою мечту, а мечту эту *я началъ* лелѣять еще мальчикомъ. Гресъ, скажите мнѣ, сбудется

ли моя мечта, что мое счастье можетъ быть счастьемъ и другаго? Гресъ, скажите мнѣ, такъ-ли это. Скажите мнѣ... моя дорогая... потому что я люблю васъ!

Она положила свою руку въ его руку, и прямо посмотрѣла ему въ лицо.

— Надежда ваша можетъ сбыться, Френкъ, если только счастье ваше зависитъ отъ нея.

— А васъ, Гресъ, можетъ-ли осчастливить моя любовь? Не оскорбили-ли васъ мои слова?

— Френкъ! никакія ваши слова не могутъ оскорбить меня, и ничто въ мірѣ, кромѣ вашей любви, не можетъ осчастливить меня.

Вмѣсто всякаго отвѣта, онъ поднялъ вуаль съ ея лица, и сталъ цѣловать ея губы, щеки, глаза и лобъ. Только заходившее солнышко видѣло ихъ и какъ бы благословляло своими лучами.

Послѣ этого Гресъ отошла отъ своего возлюбленнаго и, подержавъ его за обѣ руки, повернула за изгородь и убѣжала домой.

IX.

Мы оставили Дика Мортибоя, крѣпко уснувшаго въ домѣ прачки. Всѣ принятыя имъ предосторожности оказались ненужными. Домъ этотъ посѣщался заговорщиками, а не мошенниками.

Дикъ всталъ въ половинѣ одиннадцатаго; цѣлый день онъ провелъ въ дѣловыхъ хлопотахъ, вечеромъ счастливо игралъ въ карты, а на слѣдующій день уѣхалъ въ Маркетъ-Базингъ.

Отецъ его неохотно разстался съ пропадавшимъ сыномъ, даже на нѣсколько дней. Онъ согласился на отъѣздъ сына только въ силу неотлагательныхъ его дѣлъ.

Старый скряга встрѣтилъ сына съ бо̀льшимъ восторгомъ, чѣмъ встрѣчалъ его, когда онъ пришелъ въ первый разъ послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія.

Тогда Ричардъ Меллишипъ Мортибой казался ему какимъ то призракомъ. Теперь же „сынъ мой Ричардъ“ былъ дѣйствительностью.

Старикъ самымъ оригинальнымъ образомъ выражалъ свою радость. Онъ вѣрилъ въ Дика: онъ слушалъ, какъ евангеліе, все, что̀ тотъ говорилъ ему: имя сына постоянно вертѣлось у него на языкѣ.

— Ричардъ вернулся къ своему старику отцу. Какой мнѣ помощникъ!.. Много видѣлъ онъ на своемъ вѣку! Здѣсь равнаго ему не найти!

— Извините, мистеръ Краймсъ... онъ позволялъ себѣ удовольствія. Безъ этого человѣкъ жить не можетъ. Для него удовольствіе заключается въ сознаніи, что состояніе его увеличивается. Мнѣ такое сознаніе удовольствія бы не доставило.

— Скряга Мортибой былъ счастливъ по своему, откладывая ежедневно часть своихъ доходовъ.

— Вотъ такъ жизнь, со вздохомъ сказалъ Дикъ:—ее можно назвать тяжкимъ трудомъ. Но и я бывалъ счастливъ, когда видѣлъ удачу. И трудомъ можно наслаждаться, мистеръ Краймсъ. Удовольствіе можно находить во всемъ.

— Это такъ.

— Да. Вы представьте себѣ, что у васъ отнимаетъ земли новое правительство, но вы отбиваете ихъ? Или же вы везете караванъ съ серебромъ въ портъ и лишаетесь въ одну минуту всего, что вы нажили въ полгода? А потомъ, представьте себѣ, что вы какой нибудь штукой ловко отбиваете все обратно и вѣшаете тѣхъ негодяевъ, которыхъ не успѣли застрѣлить... а?.. Развѣ въ этомъ нельзя находить удовольствія?

Дикъ хлопнулъ его по спинѣ и, засмѣявшись, показалъ свои бѣлые зубы.

— Разскажите мнѣ поподробнѣе о вашей жизни на западѣ, сказалъ мистеръ Краймсъ.

— Непремѣнно разскажу. Приходите какъ нибудь вечеркомъ къ намъ. Мы съ отцомъ чертовски весело проводимъ вечера. Вы пьете джинъ?

Мистеръ Краймсъ улыбнулся. Всѣ въ Маркетъ-Базингѣ знали недѣльную бутылку джина мистера Мортибоя.

— Приходите лучше вы ко мнѣ, сказалъ онъ:—я приглашу Френка Меллишипа.

— Въ самомъ дѣлѣ! Я совсѣмъ забылъ о немъ. Что онъ за человѣкъ?

— Отличный малый! съ восторгомъ сказалъ Краймсъ. Живой, энергичный и умный.... хотя не такой начитанный, какъ отецъ. Онъ поправитъ дѣла банка, лишь только примется за нихъ.

— А дѣла шли плохо въ послѣднее время?

— Не очень хорошо, нерѣшительно проговорилъ Краймсъ. Но они поправятся, непремѣнно поправятся.

Поговоривъ еще съ Краймсомъ, Ричардъ надѣлъ шляпу и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ ходьбы, онъ былъ уже въ старомъ банкѣ. Остановившись передъ домомъ, онъ прочелъ старую вывѣску: „Меллишипъ, Мортибой и К°“, и вошелъ.

— Мистеръ Меллишипъ дома?

— Да, сэръ. Они теперь заняты. Какъ прикажете доложить?

— Скажите ему, что его желаетъ видѣть племянникъ, мистеръ Ричардъ Мортибой.

Конторщикъ ясно выразилъ удивленіе. Неужели этотъ великанъ—сынъ стараго скряги? Слухъ о его пріѣздѣ уже облетѣлъ городъ, но о наружности его еще ничего не говорилось.

Мистеръ Меллишипъ былъ у себя въ кабинетѣ. У него сидѣлъ священникъ. Банкиръ, красивый и, повидимому, свѣжій, стоялъ спиной къ камину.

— Богатые люди должны содѣйствовать по мѣрѣ своихъ силъ такому дѣлу.

— Хорошо, если бы всѣ богатые люди такъ говорили, замѣтилъ миссіонеръ.

— Я съ своей стороны готовъ.... Тутъ конторщикъ шепнулъ ему что-то на ухо.—Просите, просите моего племянника. Я, продолжалъ онъ при входѣ Ричарда въ комнату:—я съ удовольствіемъ подпишу сто фунтовъ.

— Дорогой сэръ, съ восторгомъ началъ миссіонеръ.

— Ни слова... ни слова, прошу васъ... Любезный мой племянникъ, я очень радъ васъ видѣть.

Онъ проводилъ миссіонера, заперъ за нимъ дверь и потомъ снова протянулъ руку Дику.

— Итакъ, вы пріѣхали домой и пришли навѣстить меня. Очень радъ, очень радъ. Мои отношенія съ вашимъ отцомъ не должны разстраивать отношеній съ вами. Гдѣ же вы были все это время? Какъ вы походите на Эмилію!

— Все искалъ наживы.

— Всѣ мы ищемъ наживы. Никто не доволенъ своей судьбой.

— Моя судьба давала мнѣ по фунту въ недѣлю, сказалъ Дикъ:—понятно, что я взбунтовался и отправился искать чего нибудь получше.

— Я надѣюсь, что вы отобѣдаете сегодня съ нами?

— Нѣтъ, благодарю васъ, сэръ. Я сегодня занятъ. На будущей недѣли, если позволите. Что подѣлываетъ Френкъ?

— Онъ здѣсь въ Генелопѣ. Не могу-ли я чѣмъ нибудь служить вамъ, Дикъ? Не надо-ли вамъ денегъ?

— Не надо, сэръ, не надо, благодарю васъ.

— Къ несчастію, мы съ вашимъ отцомъ несовсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Говоря между нами, главную роль тутъ играетъ зависть. Видите-ли что, Дикъ—мистеръ Мортибой оста-

овился и потомъ прошепталъ:—завидуютъ, что мнѣ все такъ дается.

Дикъ не могъ прійти въ себя отъ удивленія. Что это такое? Онъ слышалъ отъ отца о странномъ поведеніи дяди на похоронахъ.

— Года идутъ и приносятъ мнѣ только удачу, Ричардъ. И задыхаюсь... меня давитъ излишекъ богатства. Взгляните—онъ отворилъ ящикъ, наполненный соверенами.—Но это вѣдь бездѣлица, чистая бездѣлица. Однако, милѣйшій племянничекъ, мнѣ терять времени некогда. Мнѣ надо написать еще своимъ лондонскимъ агентамъ относительно займа, на который уйдетъ почти весь мой капиталъ. Прощайте, племянникъ, прощайте. Помните же, что на будущей недѣлѣ вы у насъ обѣдаете.

Дикъ ушелъ, совершенно пораженный. На что намекалъ его отецъ, говоря о жестокомъ ударѣ? Между тѣмъ онъ видѣлъ человѣка, который подписывалъ сто фунтовъ миссіонеру, предлагалъ денегъ ему, говорилъ о необыкновенномъ успѣхѣ и занимался иностраннымъ займомъ.

Послѣ обѣда онъ направился въ Генелопъ, по хорошо знакомой ему дорогѣ. Въ годы его отсутствія тутъ ничего не измѣнилось. У маленькой калитки, въ которую, въ былые дни, Дикъ не разъ проѣзжалъ верхомъ, какой-то молодой человѣкъ тщетно бился съ своей лошадью, боязливо пятившеюся назадъ. Дикъ вѣжливо отворилъ ему калитку.

„А! это сынъ лорда Генелопа,“ подумалъ Дикъ. Но лордъ Лаунтонъ не зналъ его и, поблагодаривъ, заставилъ также лошадь проскочить въ калитку.

Черезъ двадцать минутъ Дикъ былъ въ Парксайдѣ. Онъ пришелъ туда къ концу короткаго зимняго дня. Дверь ему отворила высокая, плотная женщина, лѣтъ тридцати шести. Въ прихожей уже горѣла лампа, и когда свѣтъ отъ нея упалъ на Дика, женщина тихо вскрикнула и схватила его за руку. Онъ пристально посмотрѣлъ на нее и отшатнулся, проговоривъ сквозь зубы:

— Чортъ возьми!.. да это Полли?

— Это ты, Дикъ... ты? Я слышала, что ты вернулся, и знала, что рано или поздно ты отыщешь свою...

— Заприте дверь, Мери! крикнулъ голосъ изъ комнаты.—Изъ дверей сквозитъ. Кто тамъ такой? Не мистеръ-ли Ричардъ?

— Приходи въ воскресенье, успѣла прошептать Полли, — на полянку за домомъ отца. Я пойду въ Маркетъ-Базингъ къ матери.

— На старомъ мѣстѣ?

— На старомъ мѣстѣ. Тамъ никого не будетъ. Приходи во

время обѣдни.—Она, какъ-бы плача, поцѣловала его руку и, отворивъ дверь въ гостиную, сказала: — Мистеръ Дикъ Мортибой ма'амъ.

— Кузенъ Дикъ! вскричала мистрисъ Гискотъ, вскочивъ съ своего мѣста.—Хорошъ мистеръ, Мери! такой огромный, взрослый мужчина.

Дикъ, по родственному, поцѣловался какъ съ матерью, такъ и съ дочерьми и, пожавъ руку мистеру Гискоту и Френку Меллишипу, сѣлъ къ камину и далъ возможность хорошенько осмотрѣть себя.

Много лѣтъ тому назадъ, когда Дикъ былъ еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, послѣ смерти его матери, онъ только на Гепелопской фермѣ скрывался отъ преслѣдованій отца, который порицалъ рѣшительно все, что онъ ни дѣлалъ, что ни говорилъ. Во всякое время года, это былъ отрадный для него пріютъ. Зимою онъ возился тамъ съ собаками или ходилъ съ дядей на охоту, или же, когда бывали гости, танцовалъ по вечерамъ съ Гресъ, Люси, Френкомъ и Кетъ Меллишипъ, между которыми онъ разыгрывалъ роль героя, такъ какъ былъ всѣхъ ихъ старше. Въ остальное же время года, онъ наслаждался на фермѣ въ лѣсу.

Такъ прожилъ онъ до шестнадцати лѣтъ, когда отецъ заявилъ, что учиться ему достаточно, и помѣстилъ его въ банкъ, безъ гроша жалованья и безъ минуты свободнаго времени. Тутъ началась для него тяжелая жизнь, въ скучномъ старомъ домѣ, куда почти никто не заглядывалъ. Гостей у тетки не бывало, и веселья тоже не было. Сама она, хотя и добрая, не допускала свѣтскихъ удовольствій и была предана одной религіи. Ей и въ голову не приходило, что мальчикъ могъ скучать безъ общества. За неимѣніемъ свободнаго времени днемъ, онъ началъ уходить ночью, когда домашніе воображали, что онъ преспокойно спитъ у себя въ спальнѣ, въ первомъ этажѣ; и, не чувствуя потребности, началъ пользоваться удовольствіями, какія могли быть ночью въ маленькомъ городишкѣ. Эти-то ночныя похожденія и довели его до подлога, вслѣдствіе котораго онъ былъ выгнанъ изъ дому. Но добрая тетушка Сусанна не знала объ этихъ ночныхъ похожденіяхъ, и всю жизнь горевала о пропавшемъ племянникѣ.

Надо признаться, что возвращеніе Дика нанесло страшный ударъ надеждамъ мистриссъ Гискотъ. Дикъ вернулся не какъ блудный сынъ, голоднымъ, оборваннымъ и раскаивающимся, какимъ отецъ непремѣнно-бы опять прогналъ его, а богатымъ, красивымъ и независимымъ,—и отецъ былъ отъ него въ восторгѣ.

Мистриссъ Гискотъ, однако, даже своимъ собственнымъ до-

ерлимъ не выказала досады на неожиданное появленіе наслѣд-
ика; она дружески протянула ему руку и, по родственному, под-
тавила ему для поцѣлуя щеку. По случаю его прихода она при-
готовила къ ужину лишнее кушанье, и громкой молитвой благо-
дарила Бога за его счастливое возвращеніе.

Фермеръ Джонъ былъ искренно обрадованъ приходомъ Дика, и
они тотчасъ же сдѣлались друзьями, въ особенности, когда послѣ
ужина Дикъ разсказалъ кое-какіе эпизоды изъ своей жизни въ ко-
ніяхъ. Онъ тщательно поддерживалъ убѣжденіе, что владѣетъ
хлопчатниками.

Послѣ ужина Люси сѣла за фортепіано и съиграла что-то, а
Гресъ спѣла съ Френкомъ дуэтъ. Дикъ уже десять лѣтъ не былъ
въ дамскомъ обществѣ. Онъ былъ нѣсколько стѣсненъ, но присут-
ствіе дѣвушекъ смягчало его грубые инстинкты. Онъ былъ ди-
кимъ животнымъ, за которымъ уже давно не охотились.

— Вы вѣдь прежде пѣли, кузенъ Дикъ, сказала Лидія.—Спойте-
ке намъ какой-нибудь романсъ.

Дикъ покачалъ головой.

— Я забылъ и слова и музыку прежнихъ романсовъ. Но если
ы хотите, то я спою вамъ нѣчто другое.

Онъ сѣлъ за фортепіано, и пробѣжалъ пальцами по клавишамъ;
атѣмъ, подобравъ простой акомпанементъ, какой можетъ подобрать
ялкій человѣкъ, не лишенный слуха, онъ запѣлъ мексиканскую
юбовную пѣсенку. Во время пѣнія, онъ, на испанскій ладъ, постуки-
алъ сгибами пальцевъ по дереву, и богатый голосъ его огласилъ
омнату, а блестящіе глаза устремились на дѣвушекъ. Онъ пѣлъ
юбовную пѣсню; и хотя словъ никто не понималъ, но Люси
атрепетала и ухватилась за ручки креселъ, а Гресъ смотрѣла
а него, какъ бѣдная птичка смотрѣла-бы на страшную змѣю.

Обѣ онѣ обрадовались, когда онъ кончилъ.

— Ну, вотъ это такъ настоящая пѣсня, сказалъ фермеръ
Джонъ.—Надо будетъ вамъ выучить кое-какія англійскія пѣсни,
тогда мы можемъ заниматься музыкой, какъ слѣдуетъ.

— У всѣхъ Меллишиповъ хорошіе голоса, сказала мистриссъ
Тискотъ.—У васъ—басъ, а не правда-ли, какой славный теноръ у
Френка? Въ воскресенье вы его услышите въ церкви.

— Здѣсь Дикъ можетъ послушать его лучше, сказалъ мистеръ
Тискотъ.—Приходите къ намъ почаще. Съ старикомъ вамъ вѣрно
не весело. Ну, проститесь съ дѣвочками, а мы еще выкуримъ по
трубочкѣ передъ нашимъ уходомъ. Завтра вѣдь воскресенье: Френкъ
довезетъ васъ до дому.

(*Продолженіе будетъ*).

МАРГАРИТКА.

Сказка-поэма.

(Изъ Андерсена).

I.

Природа очнулась отъ зимняго сна;
Въ саду растворилась калитка.
За садомъ же тѣмъ—одинока, грустна—
Малютка цвѣла—маргаритка.
И солнце ласкало ее съ высоты,
Ласкало и тѣ дорогіе цвѣты,
Которые глупо гордились,
Что въ барскомъ саду находились.

II.

И къ солнцу головку свою обратя,
Сверкая, какъ снѣгъ, бѣлизною,
Малютка шептала:—„Я—крошка, дитя;
Никто не любуется мною,
Но я не горюю... Мнѣ плакать о чемъ?—
Согрѣтая солнечнымъ теплымъ лучемъ,
Живу я зато не въ неволѣ:
Здѣсь поле, свободное поле!

III.

„Качаясь на вѣткѣ, склонившись къ землѣ,
У вѣтра я слушаю сказки.
Меня онъ колышетъ въ таинственной мглѣ
И въ полночь даритъ свои ласки.
И здѣсь, подъ навѣсомъ зеленыхъ вѣтвей,
Концерты даетъ молодой соловей.
Я счастлива... Господи-Боже,
Ты добръ къ маргариткѣ за что-же?

IV.

„За что̀ Милосердный меня наградилъ?
Вѣдь я не изъ знатнаго рода;
Ученый садовникъ меня не садилъ:
Мнѣ жизнь подарила природа“...
И спрятавшись робко, закрывшись травой,
Колеблемый вѣтромъ, цвѣтокъ полевой
Тихонько къ землѣ наклонился,
Какъ будто онъ Богу молился.

V.

...А розы въ саду, какъ царицы, цвѣли;
Струились изъ нихъ ароматы.
Пеоніи важно надулись. Вдали,
Какъ будто гвардейцы-солдаты,
По стрункѣ стояли тюльпановъ ряды;
Собою довольны, спѣсивы, горды,
Смотрѣли они чрезъ калитку
На бѣдный цвѣтокъ-маргаритку.

VI.

—„О, какъ благовонны, прекрасны они!—
Малютка въ восторгѣ шептала...
Завидно!—Нѣтъ, Боже меня сохрани,
Чтобъ я имъ завидовать стала!
Я буду невинна, бѣла и чиста...
Пускай соловей прилетитъ къ нимъ съ куста,
И—всѣхъ музыкантовъ чудеснѣй—
Утѣшитъ ихъ звонкою пѣсней“...

VII.

Вдругъ быстро съ орѣшника свѣжихъ вѣтвей
Спустился пѣвецъ голосистый;
Но только не въ садъ прилетѣлъ соловей,
Склонился не къ розѣ душистой,—
Ее позабылъ, на нее не взглянулъ...
Къ малюткѣ-цвѣтку, къ маргариткѣ прильнулъ...
И свиснулъ онъ, къ ней подлетая:
—„Здорово, малютка святая!“

VIII.

„Тебя отыскалъ мой внимательный взоръ,
Дитя дорогое, простое!
Мнѣ нравятся твой серебристый уборъ
И сердце твое золотое.
Люблю я не розы въ садахъ богачей,
Пою не для нихъ, не смыкая очей.
Тамъ пахнетъ неволей, тамъ пытка!
Пою для тебя, маргаритка"!

IX.

Пѣвецъ улетѣлъ. Закрываясь травой,
Подобно невѣстѣ, стыдливо
Задумался бѣдный цвѣтокъ полевой,
А розы шептали ревниво:
—„Противный! измѣнникъ! негодный поэтъ!"
—„Измѣнникъ!" пеоніи вторили вслѣдъ.
—„Измѣнникъ!" звенѣли тюльпаны,
Надувшись, какъ важные паны.

X.

Вдругъ въ садъ прибѣжала хозяйская дочь
И рвать стала пышныя розы.
—„О, какъ-бы желала я бѣднымъ помочь!
Малютка сказала сквозь слёзы:—
Имъ горько и больно. За что ихъ карать?
Въ стаканахъ и вазахъ должны умирать
Онѣ на потѣху людскую...
Всю ночь я объ нихъ протоскую"...

XI.

И снился ей ночью таинственный сонъ,
Печальный и радостный вмѣстѣ:
Ей видѣлось небо; ей видѣлся *онъ*,
Слетающій къ ней, какъ къ невѣстѣ...
И солнце пылало на небѣ огнемъ,—
И поле стонало: тоскливо на немъ
Работалъ народъ... Надъ равниной
Ей слышался свистъ соловьиный.

XII.

И пѣлъ соловей:
—„Бѣдняковъ и сиротъ
„Утѣшу я пѣсней звенящей;
„На стра̀дѣ утѣшу печальный народъ,—
„И узникъ въ цѣпяхъ, и болящій
„Ко мнѣ прибѣгаютъ на смертномъ одрѣ...
„Пою о любви, о Творцѣ, о добрѣ,—
Пою и для васъ также, дѣти,
„Пока... не изловите въ сѣти!“

XIII.

Проснулася днемъ маргаритка... И вотъ
Ей слышится: въ клѣткѣ желѣзной
Поетъ соловей, но печально поетъ,
И бьется въ тоскѣ безполезной.
Словили поэта. Попалъ онъ въ тюрьму.
О! какъ маргаритка желала ему
Помочь, отпустить на свободу,
Чтобъ пѣлъ онъ, какъ прежде, народу!

XIV.

Два мальчика вышли изъ сада съ ножемъ,
И рѣ̀вятся въ полѣ просторномъ.
—„Мы птичку словили... Ее сбережемъ,
Утѣшимъ цвѣтами и дерномъ.
Отличное мѣсто—зеленый лужокъ...
А! Вотъ маргаритка, бѣла, какъ снѣжокъ,—
Какъ блескъ ея нѣженъ и ярокъ!
Для плѣнника славный подарокъ...

XV.

„Красивѣе дернъ съ маргариткой-цвѣткомъ,—
„Счастливая мысль намъ явилась“...
И вотъ маргаритка въ неволѣ рядкомъ
Съ пѣвцомъ-соловьемъ очутилась.
Стоналъ онъ:
—„Какъ люди свирѣпы, горды:
„И пить не даютъ мнѣ... Воды мнѣ, воды!
„Больнѣе съ минутою каждой
„Горю я мучительной жаждой...

XVI.

„Моихъ палачей я напрасно зову:
„Забыли воды дать— напиться"...
И бѣдный пѣвецъ вдругъ упалъ на траву,
Чтобъ влагой ея освѣжиться.
—„Какое свиданье! сказалъ соловей:—
Ты здѣсь, маргаритка, въ темницѣ моей?
Покинувъ свободное поле,
И ты очутилась въ неволѣ!"

XVII.

„Тебя, вмѣстѣ съ маленькимъ дерна кускомъ,
Мнѣ дали въ замѣну свободы,
Хотятъ, чтобъ надъ каждымъ твоимъ лепесткомъ
Я мучился долгіе годы.
Ошиблись тираны. Клянусь! По ночамъ,
Не буду ласкаться къ моимъ палачамъ,
„Свободною пѣснью чаруя...
„Воды мнѣ! воды мнѣ!—Умру я!

XVIII.

„Мнѣ жаль и тебя, маргаритка! За мной,
„Погибнешь въ неволѣ сама ты...
„Изъ листьевъ твоихъ заструились волной
„Сильнѣй на меня ароматы.
„Спасибо, малютка! Спасибо, дитя!"
И къ ясному небу свой взоръ обратя,
Онъ умеръ въ мучительной пыткѣ,
Головкой склонясь къ маргариткѣ.

XIX.

Задумались дѣти о бѣдномъ пѣвцѣ,
Въ тиранствѣ себя обвинили
И, сдѣлавши гробикъ, съ тоской на лицѣ
Въ саду соловья схоронили;
Потомъ былъ составленъ военный совѣтъ:
„Что̀ дѣлать съ цвѣточкомъ?—Въ немъ запаху нѣтъ"
И бросили вонъ, за калитку,
Погибшій цвѣтокъ-маргаритку...

Леонидъ Трефолевъ.

ПОХОРОНЫ.

Историческій романъ въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Выкупъ полонянокъ.

По гладкой, какъ пролитая ртуть, темносиней поверхности моря медленно двигались турецкія галеры. Красныя, съ золотымъ двурогимъ полумѣсяцемъ и такою же звѣздою, широкія полотнища, привѣшенныя къ спускающимся отъ рей снастямъ, чуть замѣтно полоскались въ воздухѣ, колыхаемыя тихимъ, западнымъ вѣтеркомъ. Галеры входили въ просторную гавань крымскаго города Хезлеве, по тогдашнему Козловъ, а нынѣ Евпаторія. Гордая, построенная еще въ 1552 году ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, мечеть Джуми-джами, съ ея яйцеобразнымъ куполомъ и стройными, тонкими, какъ кипарисы, минаретами, была какъ бы путеводнымъ маякомъ для приближающихся галеръ. Флаги стоявшихъ въ гавани кораблей различныхъ странъ, преимущественно же венеціанскіе съ крылатыми львами на расшитыхъ золотою битью полотнищахъ, яркими пятнами вырѣзывались на синевѣ безоблачнаго неба и на темной зелени садовъ, живописно окутывавшихъ бѣлыя и пестрыя, причудливой постройки, зданія этой нѣкогда греко-эллинской колоніи Каркинитесъ, извѣстной еще отцу исторіи, Геродоту.

Надъ гаванью и надъ пристанью стоялъ невообразимый гулъ, волнами перекатывавшійся въ утреннемъ воздухѣ. Но этотъ гулъ и таинственный рокотъ жизни шумнаго города не заглушали пронзительныхъ и жалобныхъ криковъ морскихъ чаекъ, огромная стая которыхъ кружилась нѣсколько лѣвѣе гавани, у берега, гдѣ медленно, размѣренно набѣгали на пологій берегъ морскія волны и также медленно отступали назадъ, въ море. Чайки недаромъ оглашали воздухъ не то жалобными, не то радостными криками. Набѣгавшія на берегъ волны качали на своей зыбкой поверхности что-то бѣлое, распластанное на водѣ. Это былъ трупъ — трупъ человѣка. Голое

раздувшееся тѣло, съ разметанными по сторонамъ руками и съ опрокинутымъ къ небу, посинѣвшимъ лицомъ, какъ-то безпомощно колыхалось на водѣ и, казалось, съ нѣмою укоризною глядѣло на безучастное небо. Ото лба трупа шла къ лѣвому уху и трепалась въ водѣ длинная прядь черныхъ волосъ, а въ такіе же черные, длинные усы вплелись зеленыя нити водорослей.

Кто же былъ этотъ несчастный, потерявшій свою могилу?—Да кому же быть иному, какъ не невольнику-казаку съ Украины. Длинный черный чубъ и такіе же усы, со вплетенными въ нихъ прихотливой волною зелеными нитями морской травы, достаточно изобличали его родину и національность, а входившія въ этотъ моментъ въ гавань турецкія галеры, наполненныя также невольниками, краснорѣчиво говорили, какъ много этого живаго товара подвезено было на невольничьи рынки Козлова и Кафы, послѣ того, какъ бездарный сынокъ даровитаго „батька Богдана“ Юраско Хмельниченко, „зъ турецкой ласки“, писавшійся подъ универсалами „Гедеонъ-Георгій-Венжикъ Хмельницкій, князь сарматскій, гетманъ запорожскій“, съ помощью турокъ и татарскихъ ордъ разоривъ Чигиринъ, распустилъ эти орды по Украинѣ словно саранчу:—вонъ сколько галеръ наполнила саранча этимъ живымъ товаромъ — казаками, „дівчатами“, малыми дѣтьми, привезенными теперь въ Козловъ на невольничій рынокъ. Такъ кому же какое дѣло до того, что одинъ изъ этихъ невольниковъ, умершій на галерѣ во время пути отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ, выброшенъ за бортъ въ море и качается теперь на волнахъ голубаго побережья. Вмѣсто лавроваго вѣнка героя, его голову обвиваютъ зеленыя морскія водоросли, а завтра волны прибьютъ къ берегу другой трупъ, третій—трупъ казака, дѣвушки, ребенка.

Галеры — въ гавани. Цѣлыми сворами выгружаютъ изъ нихъ свѣжій товаръ и ведутъ на рынокъ. На рынкѣ говоръ, оживленіе, радость. Подвозъ свѣжаго товара разомъ понижаетъ цѣну на невольниковъ—какъ же не радоваться!

Вонъ старый, одноглазый Ибрагимъ, посѣдѣвшій на торгѣ невольниками, увидавъ вступившія на рынокъ новыя ихъ партіи, старается поскорѣе сбыть залежалый товаръ—трехъ молодыхъ женщинъ и курчаваго загорѣлаго мальчика, сидящихъ подъ полотняннымъ навѣсомъ его лавочки. Замѣтивъ проходящихъ мимо его товара нѣсколькихъ гяуровъ, сопровождаемыхъ почетною ханскою стражею, и догадавшись, что это—знатные „москòвы“ и казаки, онъ проворно сдергиваетъ покрывало съ головы одной молоденькой женщины, чтобы обратить вниманіе на ея красоту. Женщина вскрикиваетъ:

— О Господи! помилуй и спаси!—и закрываетъ лицо руками.

Этотъ возгласъ останавливаетъ тѣхъ, которымъ Ибрагимъ хотѣлъ показать свой товаръ лицомъ.

— Кажись, это наша хрестьянская полонянка, бояринъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, помоложе.

— Рѣчь-то наша, слышу, да и обличье хрестьянское, отвѣчалъ тотъ, котораго назвали бояриномъ.

Это былъ плотный русый мужчина, съ просѣдью въ окладистой бородѣ. Узенькіе сѣрые глаза его щурились, какъ у близорукаго, и онъ во все пристально вглядывался. Одѣтъ онъ былъ въ темномалиновый кафтанъ съ черными шнурами и съ высокимъ, унизаннымъ жемчугами, воротомъ—„козыремъ“. Высокая бобровая шапка и массивный посохъ въ рукѣ, съ серебрянымъ набалдашникомъ, придавали ему наружность протопопа. Другой, помоложе, который называлъ его бояриномъ, былъ черенъ и горбоносъ. Черная курчавая борода и такая же голова выдавали его южное происхожденіе. Кафтанъ на немъ былъ красный, длинный, какіе носили тогда московскіе стрѣльцы. Съ ними было нѣсколько казаковъ и рядовыхъ стрѣльцовъ, а также ханскій чаушъ и нѣсколько вооруженныхъ татаръ.

— Здравствуй-ко-ся, молодайка! Христосъ въ помочь тебѣ, ласково обратился къ молодой невольницѣ тотъ, котораго называли бояриномъ:—ты, чаю, полонянка, не вѣмъ твоего имени, отчества.

Невольница и ея сосѣдки, съ удивленіемъ и радостью, посмотрѣли на говорившаго и на его спутниковъ, но ничего не отвѣчали. Ибрагимъ также молчалъ, приложивъ руку къ сердцу и почтительно поглядывая на гостей и на невозмутимаго чауша.

— Не пужайся, милая, мы тебѣ никакого дурна не учинимъ, успокоивалъ черноволосый:—ты давно въ полону?

— Давно, дяденька, вскинула она на него своими ясными, робкими глазами.

— А откедова родомъ? изъ какого мѣста полонена?

— Съ Украины, а мѣсто не запомню: меня увели махонькою.

Черноволосый заговорилъ съ Ибрагимомъ по-татарски. Они долго говорили, поглядывая на полонянку, которая вся раскраснѣлась отъ стыда, повидимому, понимая все, что объяснялъ про нее старый рабо-торговецъ. Стыдъ, составляющій, по толкованію философовъ-физіологовъ, лучшее украшеніе женщины, придалъ ея миловидному личику еще болѣе симпатичности. И бояринъ, и стрѣльцы, и стражи не спускали съ нея глазъ. Драпированная бѣлою одеждою, голова полонянки была убрана въ мелкія косички. Бѣлые, нѣжные пальцы рукъ оканчивались тонкими крашеными ноготками.

— Видишь ли, бояринъ, обратился черноволосый къ своему пожилому спутнику:—эта молодайка полонена, слышь, давно, еще махонькою дѣвочкой, и купилъ ее на рынкѣ Ибрагимъ,—вотъ этотъ; у Ибрагима купилъ оную дѣвочку мурза Карадагъ для себя, и выросла она у него въ гаремѣ подъ началомъ старшей жены мурзиной, полонянки-жъ, и въ тѣ поры, какъ она выросла, старшая мурзиха ее невзлюбила, ревнуетъ-де къ мужу. А онамедни, когда Карадагъ-мурза отбылъ въ Царьградъ, по указу салтанову, невѣдомо для какого дѣла, оная мурзиха и загадала сбыть съ рукъ свою супротивницу, да тайно отъ мужа и продала ее оному Ибрагиму.

Бояринъ задумался. Судьба дѣвушки видимо заинтересовала его.

— А какъ тебя зовутъ, милая? ласково обратился онъ къ ней.

— Мелася, былъ робкій отвѣтъ.

— Мелася? удивился бояринъ:—такого имени я не слыхивалъ. Оно, можетъ, татарское, а?

— Ни, дяденька: господинъ мурза зоветъ меня Фатьмой, а дома меня звали Меласею.

— Мелася; чудно̀е имя, въ святцахъ такового нѣтути. Да ты крещеная?

— Крещена, дядюшка.—И дѣвушка перекрестилась, робко взглянувъ на Ибрагима.

— Да, точно, крестится, хоша не истовымъ крестомъ.

— Да она, бояринъ, изъ черкасскаго роду, черкашенка, вмѣшался черноволосый:—а черкасскіе люди испо̀конъ не поистовому творятъ крестное знаменіе.

— И то правда.—А ты, милая, не басурманена?

— Нѣту, дяденька, не басурманена.

— И каномъ не мазана?

— Не мазана.

— И палецъ, поди, по-басурмански не подымала?

— Не подымала, дяденька.

— Это хорошо. А въ посты, поди, мясо ѣла?

Дѣвушка молчала. На глазахъ у нея показались слезы.

— Ѣдала, чу?

— Ѣдала, сквозь слезы проговорила вопрошаемая.

— Гмъ!... это нехорошо.

Дѣвушка совсѣмъ расплакалась, закрывъ лицо обѣими руками, которыя видимо дрожали.

— Ничего-ничего—не плачь: – ты ѣла съ неволи, утѣшалъ ее бояринъ.—Ну, такъ какъ же тебя зовутъ?—запамятовалъ я, имя такое мудреное, а? какъ?

— Мелася, отвѣчала дѣвушка, всхлипывая.

— Мелася, ишь ты! Попъ что-ль такое имя далъ?

— Не знаю.

— А отца твоего какъ звали?

— Не помню.

— Ишь ты дѣло какое! А мать помнишь?

— Помню.

— А какъ звали?

— Не знаю.

— И прозвища не знаешь?

— Не знаю.

— А изъ какого города, али-бо деревни тебя угнали? Сказывай, милая, не бойся: я тебя выкуплю.

— Насъ взяли въ лѣсу; мы по калину ходили: это помню. И сестру мою взяли, и брата—много тогда угнали насъ въ полонъ; это все помню. Верблюдовъ много было, и насъ, малыхъ дѣтей, на верблюдовъ посадили, а большихъ гнали на арканахъ.

— А давно это было, не помнишь? спросилъ бояринъ, соображая что-то.

— Сказывали, лѣтъ десять будетъ: еще сказывали тогда про гетмана Дорошенка, да про Юрася Хмельниченка.

— Такъ-такъ. Это, значитъ, при Демкѣ Многогрѣшномъ было, давненько.

Бояринъ задумался. Среди рыночнаго гула и говора, съ берега ясно доносились назойливые крики чаекъ.

— Такъ какъ же, милая,—хотѣла бъ ты изъ полону ослободиться? Не тоскуешь ты по родной сторонѣ? Хочешь, я тебя выкуплю? Только гдѣ искать твоего отца-матери?

Дѣвушка не отвѣчала. Блѣдность покрыла ея опечаленное лицо. При послѣднихъ словахъ боярина, мальчикъ и другія полонянки заплакали.

— И вы будете наши, русскіе? обратился къ нимъ бояринъ.

— Ни, мы зъ Украйны, отвѣчала одна молодуха.

— А давно въ полону?

— Ни, недавно: насъ съ хлопчикомъ на Головатого Ивана забрано у поли, а сю молодицу заразъ писля Полупетра.

Взглянувъ снова на ту дѣвушку, которая называла себя Мелаей, бояринъ повторилъ прежній вопросъ:

— Хочешь въ свою сторону, милая? а? Охота тебѣ домой?

Дѣвушка не отвѣчала. Она только заплакала.

— Такъ какъ же? настаивалъ бояринъ:—али не желаешь?

— О-о! громко зарыдала несчастная:—я не знаю, гдѣ моя род-

ная сторона, я ничего не помню, я все съ той поры забыла, забыла и тату и маму, я никого не знаю.

Слезы душили ее. Она разливалась—плакала. Бояринъ самъ не зналъ, что ему дѣлать. Какое онъ могъ дать ей утѣшеніе? Что могло манить ее въ будущемъ? Свобода, возвращеніе на родину, къ роднымъ, къ воспоминаніямъ дорогаго дѣтства? Но гдѣ ея родина, кто ея родные—она сама ничего не знала. А воспоминанія дѣтства? Это отрывки какого-то сна. Да и сонъ этотъ, полно, видѣла ли она? Не грезилось-ли ей, что она играла когда-то, гдѣ-то, съ своими сверстницами и рвала калину? Она помнитъ только то, что они „ходили по калину“ и ихъ захватили татары. Помнитъ она верблюдовъ, на которыхъ везли ихъ, полоненныхъ дѣтей. Потомъ помнитъ она свое дѣтство въ гаремѣ мурзы Карадага и его сварливую старшую жену, тоже полонянку изъ Россіи. Куда ей дѣться, куда приклониться? Бояринъ тотчасъ сообразилъ все это, и въ головѣ его озрѣло рѣшеніе.

— Не плачь, не убивайся, дѣвонька, со слезами въ голосѣ заговорилъ онъ:—я буду тебѣ вмѣсто отца роднаго; жена моя приметъ тебя, аки дочь свою, обласкаетъ; а коли сыщутся твои родители—ихъ воля, инъ ступай къ имъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, торгъ съ Ибрагимомъ былъ заключенъ, и выкупленные полонянки съ мальчикомъ, сопровождаемые нѣсколькими стрѣльцами и татарскою стражею, оставили рынокъ, гдѣ съ прибытіемъ новыхъ партій невольниковъ, закипѣла еще болѣе дѣятельная купля и продажа человѣческихъ жизней.

II.

Въ ногайскихъ степяхъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго нами въ первой главѣ торга невольниками, по ногайскимъ степямъ, разстилавшимся отъ Перекопа вплоть до рѣчки Конки, впадающей въ Днѣпръ, или вплоть до земель запорожскихъ, двигался караванъ изъ вьючныхъ верблюдовъ и лошадей и нѣсколькихъ рыдвановъ. Впереди каравана и по сторонамъ ѣхали вооруженные всадники: часть изъ нихъ были стрѣльцы, другіе—крымскіе татары, вооруженные большими сагайдаками и стрѣлами въ колчанахъ за плечами. Въ среднемъ большомъ рыдванѣ, окрашенномъ яркою голубою краскою, съ желтыми полосами и золоченными двуглавыми орлами на стекляныхъ дверцахъ, сидѣлъ знакомый намъ бояринъ съ товарищемъ, которыхъ мы видѣли въ Козловѣ на невольничьемъ рынкѣ, а проти

ихъ, на переднемъ сидѣньѣ, та молоденькая полонянка, или „бран-
ка“, что̀ называла себя Меласею.

Бояринъ этотъ былъ думный дворянинъ Сухотинъ, посолъ мос-
ковскаго царя Ѳедора Алексѣевича къ крымскому хану Мурадъ-
Гирею, возвращавшійся теперь, въ концѣ лѣта 1679 года, изъ сво-
его посольства въ Москву. Черноволосый же товарищъ его былъ
дворянинъ Максимъ Исаевичъ Сумбуловъ. Возвращаясь изъ Крыма,
посолъ, по обычаю того времени, умыслилъ порадовать всемогущую
въ ту пору на Москвѣ царевну Софью Алексѣевну приличнымъ
подаркомъ—выкупленною ея именемъ изъ неволи христіанскою дѣ-
вицею, которая къ тому же не знала ни роду, ни племени. Въ
другомъ, меньшемъ рыдванѣ помѣщались другія выкупленныя поло-
нянки, вмѣстѣ съ мальчикомъ, котораго называли Пилипкомъ.

День былъ необыкновенно тихій и знойный, скорѣе удушливый.
Степь, по которой двигался караванъ, казалась такою мертвою
пустынею, что напоминала собою безбрежное море, на которомъ не
мелѣлось ни одного паруса. Только изрѣдка проносился надъ степью
бѣлый лунь, плавными взмахами крыльевъ разсѣкая знойный воз-
духъ, да иногда, гдѣ-то въ невидимой высотѣ, слышался жалобный
клекотъ орла. На безоблачной синевѣ горизонта, или на высокой
могилѣ вырисовывался стройный силуэтъ сайгака на тонкихъ, словно
соломенный дигиль, ножкахъ, и, постоявъ мгновенье-другое, какъ
стрѣла, исчезалъ въ далекой, синеватой мглѣ.

—Экая пустынь нѣмая, сказалъ задумчиво Сухотинъ, огляды-
вая разстилавшуюся передъ нимъ равнину: хоть бы тебѣ дымокъ,
хоть бы деревцо.

— Точно, бояринъ, словно въ сказкѣ: какъ Иванъ царевичъ
ѣхалъ степью за жаръ-птицей, подтвердилъ его спутникъ.

— Да за прекрасной царевной...

— Точно, точно, да за живой и мертвой водой, бояринъ.

— А мы вотъ прекрасную царевну и добыли, улыбнулся Су-
хотинъ, глядя на задумчиво сидящую дѣвушку.

— И вѣрно, бояринъ, добыли, хоть мы и не царевичи.

Дѣвушка, казалось, не слышала ихъ разговора. Она неподвижно
смотрѣла въ синюю даль, не то созерцая эту безконечность пус-
тыни, не то прислушиваясь къ чему-то, что̀ слышно было ей од-
ной. Ея черные большіе глаза, съ какимъ-то, если можно такъ
выразиться, матовымъ блескомъ, выдавали тихую грусть.

— А ты что, Маланьюшка, кажись, засмутилась? ласково спро-
сить ее Сухотинъ.

— Нѣтъ, я такъ, не смутна, какъ-бы очнувшись, отвѣчала дѣ-
вушка.

— То-то... Може Крымъ изъ мыслей не выходитъ?

— Нѣту. Что мнѣ Крымъ!

—Да я къ слову, милушка... О-о-хо-хо! то-то горе твое, сиротка бѣдная: будь у тебя сторона родная, къ ей бы нонѣ сердце твое ласточкой летѣло. А то на поди! потеряла свою сторонку родную: отбили тебя вороги отъ гнѣзда, аки птенчика, и сталъ для тебя божій свѣтъ, словно вотъ эта степь широкая, пустынь безлюдная... Только ты загодя не кручинься, дѣвка: можетъ, мы еще и найдемъ твоего отца съ матерью.

Въ это время, сопровождавшіе караванъ всадники одинъ за другимъ начали останавливаться и во что-то вглядываться.

— Что, Обросимъ? крикнулъ одному изъ стрѣльцовъ Сумбуловъ:—нòли татаровя?

— А не вѣмъ что, отвѣчалъ стрѣлецъ:—ни оболоко, ни пыль.

— А може дымъ? може степь горитъ?

— Нѣтъ, дыму не надо бы быть.

— Да то саранча летитъ, послышались голоса.

Съ юга, съ нагайскихъ степей дѣйствительно надвигалась странная туча. Она неровно колыхалась въ воздухѣ, заволакивая собою горизонтъ. Внизу она сгущалась какими-то полосами, то разрываясь на отдѣльныя тучи, то переплетаясь. Слышенъ былъ какъ-бы отдѣльный гулъ не то ливня, не то градовой тучи. Туча надвигалась все ближе и ближе. Въ воздухѣ мелькали и сверкали на солнцѣ миріады чего-то подвижнаго, трепещущаго. Солнечный свѣтъ началъ мало по малу, какъ-бы заволакиваясь дымкой, меркнуть. На землю быстро опускались клубы темныхъ точекъ, другія неслись дальше, перекрещивались, сталкивались, колотились о крышки рыдвановъ.

Гулъ все приближался. Небо заволакивалось больше и больше.

— Господи владыко! говорилъ, крестясь, Сухотинъ, выглядывая изъ рыдвана:—вотъ насланье-то!

— Туча тучей! и свѣту божья не видать.

— Истинно гнѣвъ Господень.

— А вотъ и Конка, слава те, Господи! обрадовался Сумбуловъ:—и водопой и роздыхъ.

— Эй, Обросимъ! сказалъ Сухотинъ ближайшему стрѣльцу:—вели переднимъ остановиться: здѣсятка станъ разобьемъ.

Приказъ старшòго быстро разнесся по каравану. И верблюды и вьючныя лошади остановились. Лошади радостно ржали, чуя близость воды и корма.

— Ну, Маланьюшка, скачи на земь, сказалъ Сухотинъ, когда

его рыдванъ остановился:—скучно, чаю, тебѣ было сидѣть съ нами стариками.

Мелася выпрыгнула изъ рыдвана и побѣжала туда, гдѣ были другія полонянки. Лицо ея видимо просвѣтлѣло, въ глазахъ искрилась радость: здѣсь, въ этой безлюдной степи, она не могла не чувствовать, что она на волѣ, хоть и сирота на этомъ свѣтѣ.

Сумбуловъ проводилъ ее долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, и вздохнулъ.

— А тучѣ саранчи, кажись, и конца не будетъ, сказалъ онъ, глядя по тому направленію, откуда несся этотъ бичъ растительности.

Сухотинъ поймалъ одну саранчу и сталъ ее разсматривать.

— Ишь ты, и впрямь гнѣвъ божій... А гдѣ жъ у нея написано?

— Что, бояринъ, написано?

— Нѣли ты не знаешь, что у саранчи на крыльяхъ написаніе есть?

— Какое написаніе? я, признаюсь, не слыхивалъ.

— У каждой саранчи, слышь, на крыльяхъ написано: „гнѣвъ божій“.

— И подлинно, бояринъ?

— Подлинно... Вотъ, глядь-ко-сь.

Бояринъ расправилъ крылышки насѣкомаго и показалъ Сумбулову: „Во здѣся начертаніе божья перста“.

Сумбуловъ сталъ вглядываться. На прозрачныхъ крыльцахъ онъ дѣйствительно видѣлъ какія-то начертанія, словно изогнутыя жилки на древесномъ листѣ.

— Вижу, бояринъ, сказалъ онъ:—только ничего не прочту.

— Не при тебѣ, знать, писано? улыбнулся посолъ.

— Не при мнѣ, точно.

— То то-же... Не мудрено, что не прочтешь: начертаніе оное написано языкомъ халдейскимъ.

— Ну, гдѣ жъ мнѣ честь таку премудрость? Эко чудеса божьи! Поди жъ ты!

— Да, положи Господь знаменіе гнѣва своего на прузѣхъ.

Между тѣмъ стрѣльцы разбивали палатки, разводили огни, таскали изъ Конки воду, собирали сушнякъ для костровъ. Татары развьючивали верблюдовъ, которые оглашали степь дикими криками. Пилипко бѣгалъ взадъ и впередъ, гоняясь за саранчой, тучи которой неслись къ сѣверу, а на смѣну имъ съ юга двигались новыя тучи Надъ кострами на высокихъ деревянныхъ треножникахъ висѣли уже чугунные котлы, и въ нихъ варилась жидкая кашица

съ вяленою рыбою. Саранча падала на огонь и попадала въ котлы, такъ что стрѣльцы принуждены были наломать пучки зеленаго верболозу и ивняка, и смахивать ими отъ котловъ непрошенную приправку къ кашѣ.

— Истинно, гнѣвъ божій это насланіе, говорилъ Сухотинъ, глядя изъ своей палатки на мелькающія мимо нея облака крылатыхъ насѣкомыхъ.—Не мимо, знать, идутъ словеса апостола Іоанна въ Апокалипсисѣ: и вострубѣ—глаголетъ онъ—пятый ангелъ, и омерче солнце и воздухъ, и изыдоша отъ дыма прузи на землю, и дана бысть имъ область, якоже имутъ область скорпіи земніи...

— Точно, точно похоже на то, качалъ головой Сумбуловъ.

— Да, похоже. Только тамъ сказано: и речено бысть имъ, да не вредятъ травы земныя, ни всякаго злака, ни всякаго древа, но человѣки точію. А эти, вишь, злакамъ-то да хлѣбу и вредятъ.

— Точно, точно. Пропадетъ теперь хлѣбъ во всей Украйнѣ.

— На то похоже, коли Богъ не помилуетъ, а гляди и святую Русь посѣтитъ гнѣвъ божій.

Въ это время, среди гула и треска, которыми сопровождался перелетъ саранчи, послышались какіе-то далекіе глухіе раскаты, потомъ настала опять тишина, такая тишина, словно бы природа, въ ожиданіи чего-то, съ боязнью прислушивалась къ своему собственному дыханію. Но вотъ снова что-то глухо прокатилось вдали, да съ такою силою, что въ воздухѣ чувствовалась дрожь. Съ одного края небо заволакивалось темною пеленою, и пелена эта надвигалась выше и выше. Потомъ пелена точно разорвалась сверху до низу, и разорвалась неровными, ломаными изгибами съ золотою оторочкою. Грянулъ громъ. Въ верхъ палатки, въ кузовы рыдвановъ и въ потухающіе костры зашлепали крупныя, тяжелыя капли дождя. Еще сверкнуло изъ золотой прорѣзи въ небѣ—снова ударъ, да какой!

— Святъ! святъ! святъ! Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы твоея! пробормоталъ Сухотинъ, крестясь набожно.

— Господь благость свою являетъ, перекрестился и Сумбуловъ.

— Благость, ино во гнѣвѣ.

— Добро-ста, а саранчу все-таки попримнетъ малость.

Въ станѣ все засуетилось. Забѣгали стрѣльцы и татары, ловя спутанныхъ лошадей, верблюдовъ, таская и укрывая вьюки. А Пилипко радостно скакалъ около полонянокъ и звонко припѣвалъ, хлопая въ ладоши:

Иди, иди, дощику!
Дамо тоби борщику.

А гроза все усиливалась. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ, и послѣ каждаго удара дождь переходилъ въ ливень, молнія падала съ неба какъ бы передъ самыми глазами, и земля дрожала.

III.

Соборное избраніе царя.

Разсказанное въ предыдущихъ главахъ происходило въ 1679 году. Теперь же задача нашего повѣствованія требуетъ, чтобы мы изъ татарскихъ степей перенеслись прямо въ Москву и притомъ въ 1682 годъ. Весна начинаетъ вступать въ свои права, вливая новую силу и оживленіе во все, что̀ носитъ въ себѣ зачатки жизни, и быстро добиваетъ то, въ чемъ гнѣздится зародышъ смерти.

Во дворцѣ царей московскихъ, въ Кремлѣ, смерть безжалостно проявила свою державную мощь: не стало одного изъ мудрѣйшихъ и несчастнѣйшихъ царей всея Русіи — смерть подкосила юнаго царя Ѳедора Алексѣевича на двадцать первомъ году жизни.

Оттого во дворцѣ такой плачъ и стонъ. Громче всѣхъ плачутъ женщины—молодая вдова, царица Марѳа, шесть сестеръ покойнаго, въ особенности царевны Софья и Марѳа Алексѣевна и тетки умершаго царя. Что же ждетъ ихъ, у которыхъ никого не осталось, кромѣ больнаго, почти слѣпаго и слабоумнаго брата Ивана да ненавидящей ихъ мачихи. Плачетъ и этотъ жалкій братъ ихъ Иванушка, торопливо утирая дрожащими руками свои больные подслѣповатые глаза. Не плачетъ одна эта суровая, угрюмая мачиха: стоитъ, словно заряженная, словно выпугнутая изъ берлоги медвѣдица, оберегающая своего медвѣжонка. Да ее иначе и не называли тихонько царевны-падчерицы, какъ „медвѣдицей“. И медвѣжонокъ стоитъ около нея—это десятилѣтній, скорѣе девятилѣтній царевичъ Петръ Алексѣевичъ—Петрушенька, любимецъ и баловень покойнаго батюшки, тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Медвѣжонокъ тоже не плачетъ: его живые, острые и какіе-то жгучіе глаза безпрестанно скользятъ своею холодною сталью по плачущимъ лицамъ рыдающихъ сестеръ-царевенъ, чужихъ ему не родныхъ, и по лицамъ вельможъ, толпящихся у одра царственнаго покойника и тревожно наблюдающихъ другъ за другомъ, и по иконописнымъ ликамъ высшаго духовенства—патріарха, митрополитовъ, архіереевъ. Картина эта почему-то напоминаетъ ему картину страшнаго суда, видѣнную имъ въ одномъ изъ кремлевскихъ соборовъ:—нѣтъ только ангеловъ и бѣсовъ.

Онъ скользнулъ своими стальными глазами по лицу мертваго

брата-царя и тотчасъ перевелъ ихъ на группу бояръ, стоявшихъ недалеко отъ него и о чемъ-то шептавшихся. Онъ зналъ этихъ бояръ больше другихъ, потому что чаще ихъ видѣлъ и на всѣхъ почти верхомъ ѣздилъ, когда находила на него блажь шалить: это вотъ его дядька, веселый князь Борька Алексѣевичъ Голицынъ, а это его братъ Ивашка, а это Долгорукіе: Яшка, Лушка, Бориска и Гришка.

— А каковъ нашъ-отъ соколикъ? шепчетъ Иванъ Голицынъ, глядя на царевича Петра.

— Да, скоро братца головой догонитъ, шепчетъ Яковъ Долгорукій.

— Догонитъ, головой-то? улыбается чуть замѣтно Борисъ Голицынъ:—давно ужъ перегналъ.

— И точно—востеръ... За него постоимъ...

— Добро-ста! Только безъ крови не обойдется.

— Знамо. Я и панцырь вдѣлъ подъ кафтанъ, какъ на верхъ*) ѣхалъ.

— И я сдѣлалъ то же.

— Да и я парень не промахъ: тоже стальную срачицу вздѣлъ.

— Оболокся и я сталью, княже.

Начинается обрядъ прощанья съ новопреставленнымъ царемъ. Всѣ цѣлуютъ его худую и холодную, какъ мраморъ, нѣкогда державную руку. Рыданія царевенъ переходятъ въ раздирающія душу причитанья.

— Братецъ! братецъ! царюшко родненькій! на кого ты насъ покинулъ?

— Охъ, свѣтики! охъ, сестрицы родимыя! горькія мы сироты, о—о!

Обрядъ цѣлованія мертвой руки конченъ. Начинается цѣлованье живыхъ рукъ,—рукъ оставшихся царевичей.. Въ чьи-то руки перейдетъ скифетро царское, державное яблоко?...

Царевичей сажаютъ на сѣдалища, и всѣ поочередно подходятъ къ нимъ, словно къ мѣстнымъ иконамъ, и прикладываются.

Конченъ и этотъ обрядъ. Патріархъ, архіереи и бояре выходятъ въ переднюю палату. Тамъ собраніе всѣхъ чиновъ людей московскаго государства. И тѣсно, яблоку упасть негдѣ: всѣ пришли узнать, кого Богъ соизволитъ поставить царствовать надъ русскою землею. Тихо въ палатѣ, только слышны вздохи да треніе кафтановъ объ кафтаны. Изъ царственной опочивальни доносятся

*) „На верхъ“—значитъ въ »дворецъ“.

оны и причитанья царевенъ. Патріархъ осѣняетъ собраніе рестнымъ знаменіемъ. Всѣ глубоко кланяются ему, встряхивая олосами и распространяя по палатѣ убійственный запахъ дереинnаго масла, словно бы пролили бочку этого масла, которымъ огда благочестивые бояре умащали свои головы и бороды вмѣсто омады.

— Изволеніемъ и судьбами божіими, возгласилъ патріархъ,— еликій государь Ѳеодоръ Алексіевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи, оставя земное царствіе, преселился въ вѣчный покой.

Всѣ усиленно вздохнули, точно стонъ волною прошелъ по палатѣ.

— Нынѣ, продолжалъ патріархъ — остались по немъ братія его, государевы чада, великіе князья Іоаннъ и Петръ Алексѣевичъ. Соблаговолите, чада, князи и бояра, волею Всемогущаго Бога изрещи ваше соизволеніе, какъ Господь на мысли положитъ: кому изъ царевичей быть преемникомъ новопреставленнаго? или обоимъ государствовать вмѣстѣ? Объявите единодушнымъ согласіемъ намѣреніе свое предъ всѣмъ ликомъ святительскимъ и синклитомъ царскимъ.

Всѣ молчали; слышалось только тяжелое дыханіе. Бояре стояли, уставя брады.

Заговорилъ одинъ Языковъ, ближній совѣтникъ покойнаго царя, „глубокій московскихъ площадныхъ и дворскихъ обхожденій проникатель“.

— Сіе дѣло великое и страшное: какъ намъ таковое дѣло безъ всѣхъ чиновъ московскаго государства рѣшать и вершить?

— Во истину, во истину, отозвались голоса.

— Соборнѣ вершимъ, всею землею.

— Аминь! заключилъ патріархъ.

Молча, прошелъ онъ чрезъ всю палату къ выходу на Красное крыльцо. За нимъ двинулись архіереи, бояре. Передъ Краснымъ крыльцомъ волновалось море головъ человѣческихъ. Всѣ сняли шапки. Патріархъ, поднятіемъ обѣихъ рукъ, благословляетъ это море. Стало тихо, такъ тихо, что слышно было, какъ голуби ворковали на карнизахъ царскихъ теремовъ.

— Православные! началъ патріархъ:—изволеніемъ и судьбами Всемогущаго Бога, великій государь царь Ѳеодоръ Алексіевичъ всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Русіи, оставя земное царствіе, преселился въ вѣчный покой. Остались по немъ братія его, государевы, блаженныя памяти царя Алексія Михайловича чада, великіе князья Іоаннъ и Петръ Алексіевичи. Православные, всѣхъ чи-

новъ московскаго государства люди! вѣщайте хотѣніе ваше, кам Господь на мысли положитъ: кому изъ нихъ быть на царствѣ или обоимъ вмѣстѣ царствовать? Повѣдайте единодушно, общим согласіемъ хотѣніе ваше предъ всѣмъ ликомъ святительскимъ синклитомъ царскимъ и всѣми чиновными людьми. Повѣдайте!

Дрогнуло собраніе и словно море заколыхалось. Но не раздалось ни одного звука.

— Повѣдайте, кому быть на царствѣ?

— Петру Алексѣичу! выкрикнулъ чей-то глухой голосъ.

— Петру Ликсѣичу! прорвались тысячи глотокъ:—Петру Ликсѣичу!

— Іоанну Алексѣевичу! Ивану! вырвался чей-то одиночный голосъ.

Въ окно глядѣла царевна Софья Алексѣевна. Она узнала одинокаго крикуна: это былъ нашъ знакомый по Крыму и по татарскимъ степямъ съ саранчею, дворянинъ Максимъ Исаичъ Сумбуловъ. И онъ замѣтилъ въ окнѣ царевну, да не одну, а съ сестрой, царевной Маѳой Алексѣевной. Но лицо его перекрылось яркимъ румянцемъ, когда за лицами царевенъ онъ увидалъ еще одно личико—смущенное и блѣдное личико знакомой уже намъ крымской полоняночки Меласи...

Но намъ не до нея теперь.

Сумбуловъ бѣшено рявкнулъ:—„Іоанну Алексѣевичу! Іоанну!"

— Іоанну Алексѣичу! Іоанну! подхватили его другіе голоса.

Но буря криковъ за Петра Алексѣевича заглушила и поглотила немногіе голоса за Іоанна Алексѣевича. Это послѣднее имя захлебнулось и потонуло, словно въ пучинѣ, въ неистовомъ ревѣ:

— Петру Ликсѣичу! Петру!

— Да будетъ единый царь и самодержецъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи — царевичъ Петръ Алексѣевичъ! словно колоколъ, отчетливо прозвенѣлъ чей-то звучный голосъ.

— Петръ! Петръ! поддали другіе—вся площадь.

Сумбуловъ видѣлъ, какъ мертвая блѣдность покрыла лица обѣихъ царевенъ.

„Сорвалось!" защемило въ душѣ у него: прощай, лапушка!"— Онъ уже не видѣлъ въ окнѣ того смущеннаго личика.

Патріархъ повторилъ вопросъ:

— Кому на престолѣ россійскаго царства быть государемъ?

— Іоанну! Іо-а-нну! съ воплемъ отчаянья отозвался Сумбуловъ и часть стрѣльцовъ.

Ихъ опять заглушили и еще съ большею, неистовою силой. А изъ всего стона опять отчетливо выдѣлился знакомый голосъ:

— Да будетъ по избранію всѣхъ чиновъ московскаго государства великимъ государемъ царемъ Петръ Алексѣевичъ!

— Да будетъ тако! осѣнилъ крестомъ всю площадь патріархъ:— минь!

Вверхъ полетѣли шапки, словно тучи птицъ. Но падали шапки на чужія головы, и изъ-за шапокъ началась такая свалка, что волосы летѣли клочьями и устилали площадь... „Моя шапка! моя!“— „Вотъ тебѣ твоя! вотъ тебѣ!“—Караулъ! помогите, православные! рѣжутъ!“...

Патріархъ, архіереи и бояре двинулись назадъ, въ хоромы.

Странный видъ представляла теперь палата, въ которой поконилось тѣло умершаго царя. Она казалась пустою и мрачною. По серединѣ ея, на возвышеніи, стоялъ гробъ, полуприкрытый дорогими золотыми парчами. Изъ-за парчей выглядывало восковое лицо мертвеца. За гробомъ, къ стѣнѣ, возвышался царскій тронъ. Тотъ, кто могъ на немъ сидѣть, теперь лежалъ въ гробу. А около гроба, словно въ полузабытьѣ, сидѣлъ съ закрытыми глазами царевичъ Иванъ Алексѣевичъ. Казалось, и онъ и мертвецъ прислушивались къ тому, что̀ читалъ у гроба церковникъ въ печальныхъ ризахъ. А онъ медленно, заунывно читалъ: „Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ“... Душу выматывало это чтеніе. Вдали, подъ окнами, тихо сидѣли совсѣмъ убитыя царевны. Только „медвѣдица“ стояла посреди палаты, рядомъ съ своимъ „медвѣжонкомъ“, и выжидательно смотрѣла на дверь.

Вошелъ патріархъ, за нимъ архіереи, бояре.

— Буди здравъ, великій государь царь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Русіи самодержецъ! торжественно возгласилъ владыка.

„Медвѣдица“ дрогнула и выпрямилась во весь свой ростъ. Царевичъ-„медвѣженокъ“, теперь царь, ухватился было за подолъ матери, но потомъ быстро отдернулъ руку и выпрямился. Царевичъ Иванъ даже головы не поднялъ. Патріархъ подошелъ къ новоизбранному маленькому царю и благословилъ его крестомъ.

— Буди благословенъ, великій государь царь Петръ Алексѣевичъ всея Русіи! Буди благословенно царство твое и царствованіе. Облекися, царю, въ ризы царскія и пріими державство твое, Богомъ врученное. Возсяди нынѣ на вдовствующемъ престолѣ прародителей твоихъ!

Потомъ, обращаясь къ предстоящимъ, патріархъ проговорилъ:

— Творите положенное по чину.

Маленькій царь стоялъ неподвижно, точно мраморный, только руки его нервно сжимали одна другую. Онъ поднялъ свои черные

выразительные глаза и встрѣтился съ глазами своего дядьки—Бориса Голицына, радостные глаза котораго, казалось, говорили: „ну, царюшко милый, допрежъ сего батюшка твой, блаженныя памяти тишайшій царь, за провинки купалъ бояръ въ пруду въ Коломенскомъ, а ты—котятъ да щенятъ топилъ во мѣсто бояръ, а теперь и самихъ бояръ, что щенятъ, топить станешь — набилъ ручку“....

Между тѣмъ на его юнаго питомца уже надѣвали царскія облаченія—кафтанъ становой, зипунъ червчатаго атласу, платно атласъ золотной по бѣлой землѣ, и взводили на чертожное мѣсто, на тронъ. Потомъ въ руки его вложили „скифетро“ и „яблоко державное“.

Патріархъ, вкладывая эти царскія регаліи въ руки юнаго царя, замѣтилъ, что руки эти холодны, какъ ледъ, конечно, отъ волненія; но гордый царственный ребенокъ не хотѣлъ обнаружить этого волненія.

— Пріими скифетро сіе—жезлъ царевъ, говорилъ патріархъ:—да будетъ жезлъ сей для злыхъ — бичъ наказуяй, для добрыхъ—вѣтвь маслична.

Передавая ему державу, патріархъ говорилъ:

— Пріими яблоко сіе и како убо яблоко въ рукѣ своей держиши, тако держи и вся царствія, данныя тебѣ отъ Бога, соблюдая отъ враговъ внѣшнихъ.

По бокамъ трона стали царскіе приближенные: Борисъ Голицынъ и Яковъ Долгорукій. Мать, „медвѣдица“, стояла тутъ же, не спуская глазъ съ царственнаго сына и боясь, какъ бы онъ не закапризничалъ... А отъ него станется: еще сегодня онъ не хотѣлъ одѣваться, чтобъ идти проститься съ умершимъ царемъ и сбилъ съ головы старой няньки своей волосникъ, чѣмъ и опозорилъ сѣдую голову старухи. Нѣтъ, теперь онъ сидитъ смирно. Его начинаетъ тѣшить обрядъ, точно всѣ нарочно играютъ „дѣйство“, какъ при покойномъ батюшкѣ дѣйство о „Навуходоносорѣ царѣ“ игрывали.

Но вотъ начинается цѣлованіе царской руки. Первою подходитъ мать-„медвѣдица“. Ребенокъ царь не выдерживаетъ своей царственной роли и, торопливо передавъ „скифетро“ и „яблоко“ въ руки Голицина и Долгорукаго, стремительно бросается въ объятія матери...

— Мама! мама!

— Сыночекъ мой! Петрушенька! царюшко мой державный!

Но ребенокъ быстро приходитъ въ себя.

— Будетъ... довольно... не плачь, матушка... стань на мѣсто.

Царица-мать отходитъ. Ребенку царю вновь подаютъ скипетръ державу, на колѣни кладутъ бархатную подушку, изъ правой руки опять берутъ державу, а маленькую ручку кладутъ на подушку, для цѣлованія. Блѣдная, какъ полотно, царевна Софья и мущенная царевна Марѳа ведутъ подъ руки царевича Ивана для ѣлованія руки братишки-царя. Софья уже не плачетъ, только оспаленные глаза блестятъ лихорадочнымъ огнемъ. Царевичъ Иванъ двигается, какъ автоматъ.

— Иди, иди, братецъ, у младшаго братца-царя руку цѣловать, злобно шипитъ Софья Алексѣевна.

Больной подслѣповатый царевичъ Иванъ смиренно цѣлуетъ рохотную ручку младшаго брата.

За нимъ прикладываются царевны, Софья не цѣлуетъ, а какъю злобно тычется концами губъ, словно бы это была не ручка ребенка, а холодная змѣя.

Прикладываются къ этой ручкѣ бояре, дворяне, гости торговые, тяглые и „всякихъ чиновъ людишки“.

— Эка ручка! махонька, бѣленька, точно сахарна, и скифетро ержитъ — ишь ты!“ невольно смущается тяглецъ Микишка, съ оязнью нагибая свою всклоченную голову съ суконнымъ рыломъ ъ царской ручкѣ, точно бы это было раскаленное желѣзо.

Одинъ Сумбуловъ не прикладывается и затирается въ толпѣ: ъ боится взглянуть въ глаза ребенка, сидящаго на тронѣ. Ему очему-то разомъ вспоминается далекій Крымъ, голубое море и айки, жалобно кричащія надъ трупомъ прибитаго къ берегу неольника...

„А надо мной вороньё будутъ каркать, какъ выростетъ вотъ отъ...

Какъ рябина, какъ рябина кудрявая,
Какъ тебѣ, рябинушка, не стошнится,
Во сыромъ бору стоючи,
На болотину смотрючи....

„Фу ты, дьяволъ! сгинь-пропади“!...

Прикладывались къ царской ручкѣ и стрѣльцы. А думали-ли они, что эта самая ручонка будетъ когда-то рубить ихъ воловьи шеи?...

IV.

Начало конца.

Послѣ бурнаго дня, въ который послѣдовало избраніе на царство юнаго Петра, наступила тихая, безмолвная ночь, какія были

только въ то доброе старое время, когда не существовало еще на Руси ни клубовъ, ни театровъ, ни общественныхъ собраній, и когда московскіе люди заваливались спать вмѣстѣ съ курами. Такъ и теперь, 28-го апрѣля 1682 года, спитъ Москва, хотя вечерняя заря еще и не думала потухать. Но не всѣ спятъ въ эту ночь. Вонъ, въ высокомъ терему царевны Софьи Алексѣевны теплится огонекъ, да на царской половинѣ, въ покояхъ царицы матери и ея маленькаго царственнаго сына, трепетно мигаетъ лампада. Нѣтъ сна царевнѣ Софьѣ, не спитъ и „медвѣдица". Первая тоскуетъ объ ускользнувшей изъ ея рукъ власти, которая теперь вся перешла въ руки ненавистной мачихи, торжествующей „медвѣдицы". А „медвѣдица" не спитъ отъ счастья, отъ волненія. Она тихонько, какъ воръ, пробралась въ опочивальню своего Петрушеньки-царя и, сложивъ молитвенно руки, стоитъ на колѣняхъ у его кроватки, изъ которой онъ уже выросъ—растетъ не по днямъ, а по часамъ, словно богатырь въ сказкѣ. Что-то изъ него выйдетъ?... Сердце матери такъ и таетъ... А онъ лежитъ—разметался, и атласное на гагачьемъ пуху одѣяльце сбилъ съ себя. Безпокойно спитъ. Мать креститъ его и поднимаетъ умиленные глаза къ лампадѣ.

А Софья не спитъ отъ тяжкихъ думъ. Шутка-ли — въ двадцать пять лѣтъ отказаться отъ всего — отъ власти, отъ жизни! При покойномъ братѣ, больномъ, но добромъ и тихомъ, ей хорошо жилось: рядомъ съ нимъ она государствовала, выслушивала доклады вельможъ, давала рѣшенія по важнымъ дѣламъ. Вмѣстѣ съ милъ-сердечнымъ другомъ, князь Васинькой, княжъ-сыномъ Васильевичемъ—свѣтъ Голицынымъ, она и совсѣмъ надѣялась управлять царствомъ; а тутъ „медвѣдица" выхватила изъ ея рукъ власть для своего „стрѣлецкаго сына"... Такъ у нея у самой есть стрѣльцы, они помогутъ ей. А то виданное-ли дѣло! у старшаго брата престолъ перебить для младшаго! статочное-ли дѣло! Что онъ больной, Ваня-то царевичъ? Что жъ съ того? И Оедя братецъ былъ больной, а государствовалъ же, да еще какъ государствовалъ! И Иванушка братецъ со мной бы государствовалъ. А то на-ко-ся! Въ Нарышкиныхъ родъ скифетро-то батюшково повернули... Такъ не бывать тому!

И она тревожно расхаживала по полуосвѣщенной свѣтлицѣ.

Вотъ такою же сѣрою дымкою ночь ложилась на Коломенское когда, еще при покойномъ батюшкѣ, она въ первый разъ спозналася съ свѣтомъ очей своихъ, съ Васенькой Голицынымъ... Какъ онъ обнималъ ее! какъ изнывала она отъ истомы на его богатырской груди!... И соловушко пѣлъ тогда въ рощѣ, до утра пѣлъ имъ свободную пѣсенку... Да, то была свадебка, да только о

ватьевъ, ни бояръ, ни тысяцкихъ не было на той свадебкѣ воль-ой, тайной, и одна лишь сирень пахучая служила имъ пологомъ остельнымъ...

При одной мысли объ этой ночи, ее бросаетъ въ жаръ.

„Гдѣ-то теперь онъ, свѣтъ очей моихъ, Васенька". — Далеко-алеко, въ чужой Черкасской сторонѣ... Коли бы онъ былъ здѣсь, то этого-бъ, можетъ, не случилось"...

Кто-то тихо входитъ въ свѣтлицу, Софья вздрагиваетъ.

— А, это ты, Марѳуша?

— Я, сестрица.

— А я было испугалася... Ты что не спишь?

— Да не спится что-то, сестрица: сонъ отъ очей бѣжитъ.

— И мнѣ сна нѣту... Да и какъ ему быть! Экося, что дѣется!

— Да, Софьюшка, милая, осиротѣли мы, обнищали.

— Не говори такъ, Марфуша! горячо возразила Софія: — „не обнищали мы! Есть у насъ родной братъ, и ему быть на царствѣ. Я подниму стрѣльцовъ: они выкрикнутъ на государскій столъ братца Иванушку. Нѣту такого закону, чтобы старшаго брата обходить. Наша сторона не ихней чета, у насъ все родовое боярство, столбовое: Милославскіе, Толстые, Хованскій Иванъ.

— А князь Василій Васильевичъ Голицынъ?

— Объ немъ я и не говорю ужъ... А сила наша въ стрѣльцахъ...

— И отцы нашу руку тянутъ, архиреи... Мнѣ ужò Иванъ Гаврилычъ сказалъ...

— А ты гдѣ его видѣла? быстро спросила Софья.

Царевна Марѳа вспыхнула. Даже уши ея покраснѣли.

— Мы... я ужò... онъ даве надъ братцемъ псалтырь читалъ... такъ я... онъ и сказывалъ. Говоритъ, отцы...

Софья внимательно посмотрѣла на нее и улыбнулась.

— Ничего-ничего, Màрѳушка,—я знаю, я давно запримѣтила, что онъ тебѣ любъ... Что-жъ! не всѣмъ же князи да бояри, а теремная-то неволя намъ дѣвкамъ не сладка... Любитесь съ Богомъ, только чтобъ оказательства не случилось...

Марѳа Алексѣевна совсѣмъ зардѣлась.

— Чего вы, царевны мои золотыя, полуночничаете? послышался вдругъ еще голосъ въ свѣтлицѣ:—òнъ уже рàнокъ божій—заря утренняя занимается.

Это вошла въ свѣтлицу довѣренная постельница царевны Софьи Алексѣевны, Ѳедора Семеновна Родимица, вдова-украинка, уже не молодыхъ лѣтъ женщина, съ замѣтною просѣдью въ черныхъ какъ вороненая сталь, волосахъ.

— Что не баинькаете, царевнушки золотыя, червонныя?

— Да какъ же, Ѳедорушка, спать-то! Али не видала, какъ обошла насъ „медвѣдица"-то?

— А на „медвѣдицу", рыбка моя, есть рогатина... Стрѣльцы-то на что! Мнѣ Цыклеръ давно сказывалъ, что стрѣльцы на бояръ, да на Нарышкиныхъ дышутъ адомъ и зубы точутъ, а кто—говоритъ — имъ зубы позолотитъ, того и на царство посадятъ. Такъ у насъ на Украинѣ и гетмановъ,—того ссаживаютъ казаки съ уряду, а тому, кто имъ любъ, даютъ булаву и бунчукъ—это по вашему, по москозски—„скихветро" та „яблуко".

Софья задумалась. Гдѣ-то въ Замоскворѣчьѣ пронесся въ сонномъ воздухѣ звонъ колокола. Благовѣстили къ заутренѣ.

— Инъ, быть такъ, Ѳедорушка, рѣшительно сказала Софья:—утро, я сама вижу, мудренѣе вечера... Сегодня я оповѣщу о себѣ Москвѣ.

— Какъ, сестрица? спросила Марѳа Алексѣевна.

— Пойду въ ходахъ, за гробомъ братца пойду.

— Какъ! сама пойдешь! изумилась Марѳа.

— Сама, моими рѣзвыми ноженьками...

— Владычица! съ испугомъ проговорила Марѳа:—да развѣ жъ царевнѣ, дѣвкѣ, можно это!

— Мнѣ все можно! рѣзко сказала Софья.

— Дѣвкѣ-то, въ городѣ! безъ фаты на улицѣ!

— А чѣмъ лицо дѣвичье зазорно?

— Да вѣдь ты царевна, подумай!

— А чѣмъ лицо царевнино зазорно?

Марѳа не нашлась, что отвѣчать. Она окаменѣла отъ изумленія. Видано-ли, чтобъ царевна, дѣвка, показывалась въ народѣ съ незакрытымъ лицомъ! Да этого не бывало, какъ и свѣтъ стоитъ.

Украинка нашлась: тамъ, въ ея милой, далекой Гетманщинѣ, не знали этихъ предразсудковъ.

— Что жъ тутъ зазорнаго, царевнушка моя золотая! обратилась она къ Марѳѣ!—И Богородица Марія тоже изъ царскаго роду, а ходила же дѣвицею съ непокрытымъ лицомъ... Да и у насъ, на Украинѣ, гетманивны ходятъ просто, съ непокрытою косою.

Софья Алексѣевна между тѣмъ рылась въ дорогомъ массивномъ ларцѣ, звеня золотомъ. Потомъ она вынула оттуда увѣсистую сафьянную калиту-кису и отдала ее своей постельницѣ.

— На, Ѳедорушка... Золоти стрѣлецкіе зубы...

Востокъ алѣлъ. Наступалъ день царскихъ похоронъ. Съ ранняго утра, Кремль сталъ наполняться народомъ. Стрѣльцы въ

траивались шпалерами, которыя, съ небольшимъ перерывомъ для рохода духовенства и бояръ во дворецъ, тянутся отъ крыльца царскихъ теремовъ до Архангельскаго собора. Кареты и колымаги ельможъ и бояръ останавливаются за шпалерами, а сами бояре между рядами стрѣльцовъ направляются къ Красному крыльцу.

Не смотря на то, что на дворѣ весна и яркое солнце порядочно грѣетъ и головы собравшагося на царскія похороны народа, и сѣрые камни мостовой, не занятой толпою и давно просохшей,— передъ Краснымъ крыльцомъ стоятъ двое саней, обитыхъ дорогимъ бархатомъ съ бѣлыми серебряными тесьмами и такими же кистями. Около саней чинно стоятъ стольники.

Зачѣмъ же здѣсь сани, и притомъ безъ лошадей? Кто поѣдетъ въ нихъ!—Да развѣ зима теперь, чтобъ въ саняхъ ѣздить?

Но вотъ все уже духовенство въ печальномъ облаченіи, съ крестами и иконами, князья, бородачи-бояре, гостинная знать—все прослѣдовало во дворецъ.

Простоналъ большой колоколъ на Архангельскомъ соборѣ и смолкъ, но стонъ его долго, долго замиралъ въ сотрясенномъ воздухѣ. Погребальный стонъ повторился на Иванѣ Великомъ, потомъ на Успенскомъ соборѣ, и затѣмъ простонали всѣ московскіе храмы. Печальное, недосказанное что-то слышалось въ этихъ мѣдныхъ, не повторявшихся крикахъ... Чего-то ждется... Чего же? Вѣдь это смерть: въ ней-то и есть что-то недосказанное...

— Несутъ! несутъ! заволновались толпы, и весь Кремль какъ-бы дрогнулъ.

Дѣйствительно, съ „верху“, отъ дворца потянулась погребальная процессія. Задвигались и засверкали въ воздухѣ кресты, дорогія иконы въ ризахъ, потянулись ряды пѣвчихъ, духовенства. Заговорили колокола всѣхъ московскихъ церквей, заговорили нескладно, но разомъ, какъ-то торопливо, словно бы испуганно.

— Несутъ! несутъ! эво-на! несутъ! Только теперь можно было произнести это слово.

Изъ дворца выносили гробъ. Послышались женскія рыданія. Гробъ положили въ первыя сани. За гробомъ монахини вывели подъ руки что-то живое, закутанное во все черное.

— Царицу ведутъ! матыньки! ахнули бабы.

Вдову-царицу посадили въ другія сани. Тѣ и другія сани— сани съ мертвецомъ и сани съ оставленною имъ вдовою—стольники подняли на плечи и понесли. Странно и страшно было видѣть эти колыхающіяся надъ человѣческими головами сани. Странный поѣздъ лѣтомъ!... Но мертвецъ отправляется въ далекую, невѣдомую страну, можетъ быть, къ студеному океану, къ непрохо-

димымъ снѣгамъ... Прежде, предковъ этого покойника послѣ смерти клали въ лодку и сожигали на кострѣ. Сожигали вмѣстѣ съ нимъ и его жену, и любимаго коня. А теперь вонъ покойника въ саняхъ несутъ. Прежде, душа покойника должна была черезъ рѣки и моря переѣзжать, оттого мертвеца и сожигали въ лодкѣ, а чтобъ не скучно было ему тамъ быть одному, жгли съ нимъ и его жену. Теперь душа мертвеца идетъ на тотъ свѣтъ по снѣгамъ. Вотъ почему мертваго царя и несутъ въ саняхъ, а за нимъ ѣдетъ и жена...

— Матыньки! да это никакъ сама царевна, Софья Алексѣевна!

— Владычица! она и есть! сама идетъ за гробомъ.

— Ахти, соромота какая! дѣвка, царевна, въ народъ показалась.—Да экой соромоты не бывало, какъ и Москва стоитъ!

— Съ поконъ-вѣку, мать моя, не бывывало—ужь и времена настали!

— И не говори! И чего мачиха-то смотрѣла!

— Что мачиха, голубая моя! Мачиха—мачиха и есть.

— Ну, инъ тетки бы не пустили, сестры, бояра!

— Послушаетъ она ихъ-ту!—сама востра... А какъ голосить!

— Точно, инда душенька надрывается: сироточка вить, ну и плачетъ.

— А чернички-ту какъ голосятъ! ужь и голоса!

— А все жъ царевна пересиливаетъ ихъ... Ну, голосъ! истинно царской.

— Гляди-тко, гляди-тко! и царёкъ молоденькій идетъ—сущее дитё.

— Какъ есть молоденецъ.

Софья дѣйствительно была первая русская царевна, которая показалась публично на похоронахъ брата. Какъ ее ни отговаривали отъ этого сестры, тетки и все дворское бабьё, она никого не послушалась. Ей непремѣнно хотѣлось, чтобы вся Москва замѣтила ее, чтобы объ ней заговорили, пожалѣли ее. Она еще и другое нѣчто держала въ умѣ, но это она берегла къ концу похоронъ. Она насолитъ матери юнаго, вновь избраннаго царя, ненавистной мачихѣ, косолапой „медвѣдицѣ“: она такъ ударитъ по столу, что ножницы сами скажутся гдѣ они, звякнутъ. Она стукнетъ по всей Москвѣ, и ножницы скажутся...

Ребенокъ-царь шелъ за санями брата, рядомъ съ матерью. Подвижное личико его выдавало недовольство, капризъ. Его слишкомъ рано разбудили, и онъ злился. А тутъ еще эта Софья воетъ, черницы воютъ. Въ церкви наконецъ терпѣніе его лопается. Онъ постоянно дергаетъ мать за рукавъ.

— Мама! а мама!

— Что, сынокъ?

— У меня ножки устали.

— Такъ садись, мой свѣтъ, отдохни малость.

— Не хочу сидѣть! всѣ стоятъ.

— Тебѣ можно, мой соколикъ: ты государь.

— Я ѣсть хочу!.. Мнѣ Бориска ничего сегодня не далъ ѣсть: говоритъ—нельзя до обѣдни.

— И нельзя, сынокъ.

— А я хочу! До обѣдни нельзя, а теперь ужь обѣдня.

Мать знала характеръ своего баловня. Она чувствовала, что онъ сейчасъ раскапризничается и затопаетъ ногами: въ церкви-то, среди торжественнаго служенія—да это срамъ!

— Ну, пойдемъ, соколикъ... Только простись съ братомъ!

— Я ужь прощался.

— Такъ еще надо, дитятко, а тамъ и домой.

Они простились съ покойникомъ и ушли. За ними вышли и ихъ приближенные. Софья видѣла все это и кипѣла гнѣвомъ.

„Хорошъ братецъ!—точно смерда хоронятъ, а не царя! не могъ и обѣдни выстоять... Добро!.. я имъ отпою!..

Но вотъ все кончено. Толпы повалили изъ Архангельскаго собора. Впереди шла Софья. Даже стрѣльцы своими шпалерами не могли сдержать народъ, который напиралъ со всѣхъ сторонъ, точно на пожарѣ, чтобы только поближе взглянуть на такое невиданное диво—шутка ли! дѣвка-царевна идетъ, и лицо видно, не закрыто фатой! Да эдакого дивища отродясь Москва не видала! дѣвка-царевна лицо открыла! Мало того, дѣвка голоситъ въ источный голосъ!

— Православные! вопитъ царевна:—видите, какъ братъ нашъ, царь Ѳедоръ, нечаянно отошелъ съ сего свѣта... Отравили его враги зложелательные, отравили! Умилосердитесь надъ нами сиротами, православные! Нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата. Братъ нашъ Иванъ, старшій, не выбранъ на царство, а выбрали младшаго... Если мы чѣмъ передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужую землю, къ королямъ христіанскимъ. Умилосердитесь, православные! отпустите насъ!

— Зачѣмъ пущать! заволновалась толпа:—мы ихъ, зложелателей, тряхнемъ! мы ихъ переберемъ! Мы...

Софья достигла того, чего желала.

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Два стихотворенія.

I.

Я далекъ отъ тебя—но не ширью морей,
Не безумною силой житейскихъ препонъ,
И не пошлостью свѣта, не злобой людской,
Отъ тебя я, мой другъ, отдѣленъ...
Нѣтъ! любовь такъ сильна—ей моря ни почемъ,
Ни почемъ ей мірскую нужду побѣдить,
Бросить пошлости свѣта перчатку въ лицо,
Злобу сильныхъ враговъ усыпить...
Нѣтъ! красой твоей ясной, спокойной души,
Чистотой твоихъ свѣтлыхъ молитвъ—вотъ чѣмъ я,
Лучезарный мой другъ, отрѣшенъ,
Навсегда отрѣшенъ отъ тебя!

II.

Нѣтъ, не скрывайся, не таи
Мечты завѣтныя твои.
Взростивши ихъ въ душѣ своей,
Не допусти ихъ сгибнуть въ ней:
Другой душѣ ихъ передай,
А не поймешь тебя—страдай!
Чего умомъ нельзя понять,
Пытайся сердцемъ передать.
Пусть ложью мысль облечена,
Въ любви-же—истина одна.
Питаясь ей, другихъ питай,
А оттолкнутъ тебя—страдай!
Умѣй въ другихъ собою жить,
Умѣй себя въ другихъ любить.
Узка, терниста та стезя,
Но не страшись! По ней идя,
Сомнѣнью пищи не давай,
Пріемли крестъ твой и страдай!

А. Орловъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПИСЬМА.

Нѣсколько общихъ замѣчаній о рабочемъ вопросѣ на западѣ.—Попытки соглашенія интересовъ труда и капитала. — Допущеніе рабочихъ къ участію въ прибыляхъ производства. — Фамилистеръ въ Гизѣ.—Его цѣли, современное состояніе, администрація, фонды, заработная плата. — Принципіальное основаніе распредѣленія прибылей.—Различныя категоріи членовъ фамилистера.– Размѣры ихъ личныхъ прибылей и сбереженій.—Ближайшее будущее фамилистера.—Его страховыя учрежденія. — Касса страхованія отъ нужды. — Пенсіонная касса.—Касса страхованія отъ болѣзней. — Аптечный фондъ. — Воспитаніе и обученіе дѣтей.—Библіотека.—Красильное заведеніе Ше.—Другія индустріальныя фирмы, практикующія систему дѣлежа прибылей.—Кому выгодна эта система?—Результаты ея. Общіе выводы и заключеніе.

Рабочій вопросъ, который около полугода тому назадъ мы затронули мимоходомъ въ одномъ изъ нашихъ писемъ, рѣшительно не сходитъ со сцены. Съ каждымъ днемъ, изъ подъ печатныхъ станковъ выходитъ все большее и большее количество книгъ и брошюръ, посвящаемыхъ его разработкѣ и рѣшенію; онъ завоевалъ уже себѣ полное право гражданства на университетскихъ каѳедрахъ; на каждомъ шагу приходится касаться его въ парламентахъ, сплошь и рядомъ вдохновляются имъ теперь даже церковные проповѣдники; надъ нимъ ломаютъ голову государственные люди, въ родѣ князя Бисмарка; онъ вторгается даже въ область беллетристики... Однимъ словомъ, куда ни обернешься, къ чему ни прислушаешься, всюду только и рѣчи, что о соціальномъ или рабочемъ вопросѣ. Совершенно очевидно, что вопросъ этотъ настолько уже назрѣлъ, что игнорировать его становится совершенно невозможно, что съ нимъ, волей-неволей, приходится считаться и что трудная задача рѣшенія его насильно навязывается современнымъ обществамъ исторіею, которая весьма недвусмысленно предостерегаетъ, что если упомянутая соціальная проблемма не будетъ удовлетворительно и притомъ безъ замедленія разрѣшена сверху, то рѣшеніе ея роковымъ образомъ должно будетъ прійти снизу. Въ виду такой грозной альтернативы, всякому, дѣйствительно благонамѣренному человѣку, хоть сколько нибудь знакомому съ общественными тенденціями текущей современности, приходится крѣпко призадуматься о ближайшемъ будущемъ. Въ его головѣ неизбѣжно должны вставать

тревожные вопросы: что сулитъ намъ это будущее? Чѣмъ разрѣшится настоящее натянутое положеніе, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ становящееся все болѣе и болѣе тяжелымъ и угрожающимъ? Есть-ли надежда на мирный исходъ пока еще глухой борьбы между буржуазіею и пролетаріатомъ,—борьбы, исчерпывающей собою все содержаніе новѣйшей исторіи?.. Законность всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ вопросовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; на нихъ наталкиваетъ насъ сама жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ видѣ представляется намъ положеніе вещей въ современныхъ западно-европейскихъ обществахъ?.. Въ очень печальномъ. Недовольство и раздраженіе въ нѣдрахъ низшихъ классовъ все болѣе и болѣе наростаютъ; пропасть между капиталомъ и трудомъ, между представителями буржуазіи и представителями пролетаріата, становится все болѣе широкою и глубокою; на аванпостахъ враждебныхъ другъ другу лагерей завязываются уже кровавыя стычки... Для всякаго, хоть сколько нибудь думающаго и безпристрастнаго, наблюдателя должно быть ясно, какъ божій день, что всѣ эти прискорбныя явленія вовсе не случайны, что для объясненія ихъ совершенно недостаточно ссылки на «злую волю» какихъ либо отдѣльныхъ личностей, что предупредить ихъ, — какъ объ этомъ и свидѣтельствуетъ практика, — при данныхъ условіяхъ, совершенно безсильны какія-бы то ни было полицейскія мѣры, какія-бы то ни было репрессіи. Все это до такой степени элементарно, что, казалось-бы, должно быть доступно пониманію любаго школьника, а между тѣмъ западно-европейскій буржуа, видимо, не понимаетъ такихъ простыхъ вещей. Когда среди его рабочихъ возникаютъ тѣ или другія волненія и безпорядки, то онъ прежде всего спѣшитъ разыскать «подстрекателей», «злоумышленниковъ», находитъ ихъ въ лицѣ представителей тѣхъ или другихъ мнѣній, требуетъ для нихъ примѣрной кары и, когда правосудіе сдѣлаетъ свое дѣло, успокоивается до новаго подобнаго-же случая, не давая себѣ труда даже и подумать о принятіи какихъ нибудь общихъ органическихъ мѣръ для устраненія зла. Его близорукость, его непониманіе смысла совершающихся передъ его глазами общественныхъ явленій рѣзко проявляются, между прочимъ, и въ томъ, что онъ, несмотря на предостереженія, ка каждомъ шагу даваемыя ему жизнью, ни на іоту не измѣняетъ своихъ грубо-эгоистическихъ отношеній къ безпощадно эксплуатируемому имъ рабочему классу... Мудрено, при такихъ условіяхъ, не дрожать ежеминутно за общественное спокойствіе, не тревожиться за дѣло мирнаго прогресса!..

На всѣ эти размышленія навелъ насъ, между прочимъ, собиравшійся мѣсяца два тому назадъ въ Блуа конгрессъ французской ассоціаціи ученыхъ (*Association française pour l avanceemnt des sciences*), политико-экономическая секція котораго дебатировала вопросъ о „средствахъ для ослабленія антагонизма между капиталомъ и трудомъ“. Отмѣчая мимоходомъ тотъ знаменательный фактъ, что теперь, какъ читатель видитъ, сами буржуа признаютъ существованіе «антагонизма» между названными соціальными фак-

ми,—до недавняго времени вѣдь они все толковали объ «экономическихъ
оніяхъ»!—мы спѣшимъ сказать, что, какъ на одномъ изъ наиболѣе вѣр-
ъ средствъ для достиженія поставленной цѣли, упомянутая секція, со-
вшая изъ лучшихъ французскихъ экономистовъ, фабрикантовъ, заводчи-
и т. д., остановила свое вниманіе на *допущеніи рабочихъ къ учa-
о въ прибыляхъ производства*. Фактъ такого допущенія многими вы-
ляется на видъ, какъ блестящее доказательство готовности современ-
капиталистовъ-предпринимателей на жертвы въ пользу рабочаго
а; на это допущеніе съ торжествомъ указывается, какъ на радикальное
ніе жгучаго соціальнаго вопроса; оно прославляется, какъ всемогущая
дея чуть-ли не противъ всѣхъ золъ и бѣдъ, тѣсно связанныхъ съ сала-
мъ... Вопросу объ этомъ чудотворномъ средствѣ мы почти цѣликомъ и
щаемъ настоящую нашу бесѣду съ читателемъ. Цѣлью нашею будетъ
ать, насколько, съ общей точки зрѣнія, это средство, рекомендуемое
довыми" капиталистами и ихъ учеными приспѣшниками, выдерживаетъ
ку, насколько оно можетъ считаться панацеею, насколько видоизмѣ-
современную постановку рабочаго вопроса и способствуетъ его рѣше-
Но прежде чѣмъ приступить къ принципіальной оцѣнкѣ названной
мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ практикою этой
получившей за послѣднее время сравнительно большое распростране-
сферѣ капиталистическаго производства. Къ сожалѣнію, недостатокъ
тельныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній заставляетъ насъ ограничиться на
разъ одною Франціею.

ачнемъ съ наиболѣе блестящаго опыта ассоціаціи капитала и труда,
менитаго „*фамилистера*" въ Гизѣ, учрежденія, единственнаго въ
ъ родѣ. На немъ мы остановимся нѣсколько дольше,—съ одной сто-
потому, что это, въ полномъ смыслѣ слова, прекрасное учрежденіе и
о себѣ представляетъ немалый интересъ и напрашивается на вниманіе,
другой,—и прежде всего,—потому, что въ виду блестящихъ успѣховъ,
остигнутыхъ, на примѣрѣ его всего нагляднѣе можно показать, чего ра-
классъ, взятый въ цѣломъ, можетъ ожидать отъ промышленныхъ орга-
й подобнаго рода... Насколько намъ извѣстно, въ русской литературѣ
олько одинъ источникъ, по которому читающая публика можетъ, въ
ъ чертахъ, ознакомиться съ упомянутымъ фамилистеромъ. Источникъ
—книга г. А. Михайлова—„*Ассоціаціи*", вышедшая въ свѣтъ, если
баемся, въ концѣ шестидесятыхъ или въ самомъ началѣ семидесятыхъ
. Въ ней довольно обстоятельно изображено устройство фамилистера
яйственной стороны, описаны помѣщенія для рабочихъ, организація
ннаго управленія, школы, образъ жизни населенія, и т. д. Но г. Ми-
ъ писалъ свою книгу сравнительно уже очень давно; данныя, на ко-
ь онъ основывался, относятся къ началу шестидесятыхъ годовъ. Съ
ремени много воды успѣло утечь, многое измѣнилось въ жизни фамили-

стера. Пятнадцать-двадцать лѣтъ тому назадъ, фамилистеръ представлялъ собою ничто иное, какъ колонію наемныхъ рабочихъ, имѣвшихъ счастіе пристроиться къ промышленному предпріятію умнаго, честнаго и человѣколюбиваго патрона-капиталиста и пользовавшихся всѣми удобствами и выгодами совмѣстнаго житья. Житье это и тогда уже было очень хорошее, но, повторяемъ, обитатели фамилистера являлись тогда простыми рабочими, вполнѣ зависѣвшими отъ воли хозяина. Теперь это нѣсколько не такъ. Вполнѣ упрочивъ и доведя свое предпріятіе до блестящаго состоянія, г. Годенъ, владѣлецъ фамилистера, лѣтъ 7—8 тому назадъ, началъ привлекать своихъ рабочихъ къ участію въ прибыляхъ производства. Мало по малу мѣра эта, носившая на первыхъ порахъ совершенно частный, домашній характеръ и практиковавшаяся только по доброй волѣ самого фабриканта, стала примѣняться все болѣе и болѣе широко и привела наконецъ къ тому, что въ 1880 году фамилистеръ обратился въ легальное, основанное на правильномъ юридическомъ договорѣ, товарищество рабочихъ-пайщиковъ. Такимъ образомъ, въ качествѣ правильно-организованной ассоціаціи труда съ капиталомъ, фамилистеръ функціонируетъ только четыре года, въ теченіе которыхъ онъ и успѣлъ уже заявить о себѣ весьма замѣтными результатами. Объ этихъ-то результатахъ мы здѣсь и скажемъ нѣсколько словъ *).

Фамилистеръ, основанный Годеномъ въ 1859 году, находится въ городѣ Гизѣ (департ. Aisne), лежащемъ вблизи крупнаго промышленнаго центра, С.-Кентена, и группируетъ около себя до 1.500 рабочихъ, занятыхъ на заводѣ металлическихъ издѣлій (чугунныхъ, мѣдныхъ, цинковыхъ). Своими жилыми помѣщеніями, заводскими зданіями, школами, театромъ, общественными столовыми, складочными магазинами, булочными, бойнею, газовымъ заводомъ, дворами, садами, паркомъ, онъ занимаетъ громадное пространство и представляетъ изъ себя цѣлый рабочій городъ, собственными средствами удовлетворяющій почти всѣ свои нужды. При организаціи его имѣлось въ виду: 1) соединить, по возможности, большее число рабочихъ семействъ въ одномъ общемъ центрѣ, предоставляя имъ комфортабельно устроенныя помѣщенія, удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ гигіены и приспособленныя для правильнаго и легкаго функціонированія различныхъ общественныхъ учреж-

*) Для тѣхъ, кто пожелалъ-бы подробнѣе ознакомиться съ фамилистеромъ, съ его учрежденіями и духомъ, а также идеями его основателя, мы указываемъ здѣсь слѣдующіе литературные источники: 1) Еженедѣльный органъ фамилистера — „*Le Devoir*, revue des questions sociales“, основанный въ 1876 году. 2) *Godin* — „Le gouvernement, ce qu'il a été, ce qu'il doit être“. 3) Его-же — „Solutions sociales“. 4) Его-же — „Mutualité sociale et association du capital et du travail“ (содержитъ, между прочимъ, статутъ и регламентъ фамилистера). 5) *S. Deynaud* — „Le familistère de Guise, solution de la question ouvrière“.

Съ требованіями можно прямо обращаться въ книжный магазинъ фамилистера (Guise, depart. Aisne, France).

ений, необходимыхъ въ каждомъ благоустроенномъ общежитіи; 2) на широкихъ началахъ повести дѣло взаимной помощи и взаимнаго страхованія на случай несчастій, старости, неспособности къ работѣ, вдовства, сиротства,—страхованія, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ семействъ, ресурсы которыхъ оказываются недостаточными для удовлетворенія насущныхъ нуждъ; 3) дать возможность жителямъ выгодно пріобрѣтать всѣ предметы повседневнаго потребленія; 4) доставить населенію развлеченія, необходимыя для физическаго, умственнаго и нравственнаго здоровья; 5) организовать систему охраненія, воспитанія и обученія дѣтей обоего пола, нерабочаго возраста; 6) дать рабочему помѣщеніе вблизи мѣста его занятій, такъ чтобы онъ былъ избавленъ отъ непроизводительной траты времени и силъ на переходы; 7) облегчить для обитателей кооперативную дѣятельность всякаго рода; 8) *распредѣлять, на началахъ строгой справедливости, промышленныя и комерческія выгоды предпріятія между всѣми его участниками*, и, наконецъ, 9) *способствовать переходу заводской собственности въ руки активныхъ рабочихъ*. Насколько успѣшно достигаются фамилистеромъ цѣли, перечисленныя въ 1—7 пунктахъ, объ этомъ читатель можетъ справиться въ упомянутомъ нами выше сочиненіи г. Михайлова; сообщимъ и мы на этотъ счетъ кое-какія данныя, относящіяся къ новѣйшему времени. Что-же касается до послѣднихъ двухъ пунктовъ (8 и 9), то на нихъ мы обратимъ особенное вниманіе, такъ какъ они представляются наиболѣе интересными и важными.

Опытъ показалъ Годену, что, съ точекъ зрѣнія экономической и нравственной, наивыгоднѣйшіе результаты общежитія получаются въ группѣ, состоящей изъ 1,500 — 2,000 человѣкъ. При меньшемъ числѣ членовъ, невозможна вполнѣ удовлетворительная организація и веденіе нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій; такъ, напр., невозможно строго провести систему раціональнаго распредѣленія дѣтей по различнымъ отдѣленіямъ, соотвѣтственно возрасту; при бо̀льшей-же численности общины получилось-бы излишнее усложненіе хозяйственныхъ и всякихъ иныхъ разсчетовъ. Теперешняя цифра обитателей фамилистера какъ разъ и соотвѣтствуетъ этой предѣльной нормѣ. Въ трехъ,—одномъ главномъ и двухъ придаточныхъ,—«общественныхъ дворцахъ» (*palais socials*), какіе доступны подавляющему большинству современныхъ рабочихъ только развѣ въ мечтахъ, помѣщается около 1,800 человѣкъ рабочаго населенія, считая тутъ женщинъ и дѣтей. Нѣсколько сотъ рабочихъ, занятыхъ на заводѣ Годена, но не находящихъ себѣ помѣщенія въ зданіяхъ фамилистера,—квартиръ тамъ недостаетъ для всѣхъ желающихъ, онѣ разбираются на расхватъ, — живутъ отчасти въ городѣ Гизѣ, отчасти въ ближайшихъ окрестныхъ селеніяхъ... Кромѣ собственности въ Гизѣ, ассоціаціи принадлежитъ еще другой такой-же заводъ въ Лекенѣ (Бельгія, близъ Брюсселя). Внутренняя организація тамъ та-же, что и въ Гизѣ. Для лекенскаго отдѣленія фамилистера отстраивается въ

настоящее время обширный „общественный дворецъ“... Здѣсь-же прибавимъ, что, по условіямъ юридическаго договора Годена съ пайщиками-рабочими, заключеннаго въ 1880 году, товарищество фамилистера должно существовать, въ настоящемъ его видѣ, до 1979 года; до этого-же отдаленнаго срока договоръ можетъ быть нарушенъ или видоизмѣненъ только по взаимному согласію сторонъ, т. е. рабочихъ-компаньоновъ и самого Годена или его наслѣдниковъ. Такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобы рабочіе согласились, еще до перехода фамилистера въ ихъ полную собственность, на измѣненіе или отмѣну чрезвычайно выгоднаго, составленнаго въ ихъ-же собственныхъ интересахъ, договора, то, слѣдовательно, существованіе товарищества можетъ считаться вполнѣ обезпеченнымъ, по крайней мѣрѣ, на сто лѣтъ, до истеченія которыхъ фамилистеру не можетъ угрожать ни смерть, ни перемѣна во взглядахъ, убѣжденіяхъ и чувствахъ лицъ, представляющихъ сторону капитала.

Основной капиталъ (въ землѣ, заводскихъ зданіяхъ, рабочихъ дворцахъ, машинахъ и т. д.) опредѣлялся, при передачѣ его Годеномъ, въ 1880 году, въ вѣдѣніе товарищества, цифрою въ 4.600,000 фр.; въ настоящее-же время онъ возросъ до 6.000,000 фр. Главное управленіе товарищества, его *siège social*, находится въ Гизѣ. Высшій контроль и высшее руководство всѣми дѣлами предпріятія сосредоточивается въ рукахъ главноуправляющаго администратора, которымъ въ настоящее время пожизненно состоитъ старикъ Годенъ. Послѣ его смерти постъ этотъ, также пожизненно, будетъ занятъ лицомъ, выбраннымъ членами фамилистера;— однако-же, по статуту, лицо это можетъ быть и смѣщено, въ силу рѣшенія общаго собранія. Главный администраторъ дѣйствуетъ и распоряжается не единолично, а съ согласія и при помощи административнаго совѣта, промышленнаго совѣта и совѣта фамилистера собственно. Члены всѣхъ этихъ трехъ совѣтовъ выбираются на общихъ собраніяхъ, на три года, изъ среды рабочихъ-компаньоновъ. Что касается до рабочаго и служебнаго персонала, то онъ, какъ уже замѣчено выше, доходитъ до 1,500 человѣкъ и состоитъ изъ мужчинъ, женщинъ и подростковъ-подмастерьевъ... Заработная плата рабочихъ стоитъ всегда значительно выше, чѣмъ въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ округа; колеблется она въ довольно широкихъ предѣлахъ, между 30 и 200 фр. въ мѣсяцъ; большинство получаетъ ежемѣсячно 60—150 фр. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что за все время существованія фамилистера рабочіе его ни разу не подвергались бѣдствіямъ, вызываемымъ сокращеніями и временными пріостановками работъ, столь обычными въ сферѣ труда при существующихъ хаотическихъ условіяхъ капиталистическаго производства.

Покончивъ со всѣми этими предварительными и общими замѣчаніями, переходимъ теперь къ наиболѣе важному и интересному для насъ вопросу о томъ, на какихъ основаніяхъ производится въ фамилистерѣ распредѣле-

ie прибылей между представителями труда и представителями капитала. Въ большей части промышленныхъ предпріятій, практикующихъ допущеніе рабочихъ къ участію въ прибыляхъ, доля этихъ прибылей, удѣляемая труду, опредѣляется произволомъ патрона. Годенъ-же руководится въ данномъ случаѣ слѣдующимъ основнымъ принципомъ: *каждый факторъ производства долженъ участвовать въ прибыляхъ пропорціонально оказываемымъ имъ услугамъ*. Факторами этими являются: 1) Земля и вообще ресурсы природы, а также всякаго рода даровыя полезности соціальнаго происхожденія; 2) активная работа индивидуумовъ, и 3) капиталъ, факторъ пассивный. Что касается до даровыхъ полезныхъ агентовъ, предоставляемыхъ въ распоряженіе частныхъ лицъ природою и обществомъ, то, по Годену, получающіяся отъ нихъ выгоды должны цѣликомъ идти въ пользу бѣдныхъ; при помощи ихъ общество должно обезпечивать существованіе всѣхъ своихъ членовъ. Остаются затѣмъ трудъ и капиталъ. Какъ, спрашивается, не нарушая законовъ справедливости, подѣлить между ними прибыль? Сообразно ихъ услугамъ производству,—отвѣчаетъ основатель фамилистера. Т къ какъ капиталъ, затраченный на произво ство, получаетъ опредѣленный процентъ, представляемый извѣстнымъ числомъ франковъ, а рабочіе получаютъ заработную плату, представляемую также извѣстнымъ числомъ франковъ, и такъ какъ общія суммы процентовъ, съ одной стороны, и платы, съ другой, какъ разъ и выражаютъ величины содѣйствія производству,—то, заключаетъ отсюда Годенъ, прибыль и должна дѣлиться прямо пропорціонально этимъ суммамъ. Такъ, если данное промышленное заведеніе выплачиваетъ своимъ рабочимъ въ годъ, подъ видомъ заработной платы, сумму въ два, три, пять, десять разъ большую, чѣмъ сумма процентовъ, получаемыхъ за то-же время патрономъ съ его капитала, то и выдѣляемая рабочимъ доля общихъ прибылей должна быть въ два, три, пять, десять разъ больше доли капиталиста. Такъ какъ рабочіе фамилистера, взятые въ цѣломъ, получаютъ въ годъ 1.888,000 фр. заработной платы, Годену-же его капиталъ приноситъ, въ видѣ процентовъ, до 230,000 франковъ, то поэтому здѣсь часть общихъ прибылей, приходящаяся на долю труда, въ *восемь* разъ больше доли Годена, какъ капиталиста.

Разъ точно опредѣлена часть прибылей производства, предназначаемая для представителей труда, то распредѣлить эту долю между трудящимися (рабочими, администраторами, помощниками и т. д.) представляется уже дѣломъ нетруднымъ: величина индивидуальной доли опредѣляется величиною годового заработка каждаго. Таковъ общій принципъ, который однако же примѣняется въ фамилистерѣ не одинаково ко всѣмъ категоріямъ членовъ, между которыми установлены весьма существенныя различія. Основываясь на своей практической опытности и знаніи промышленнаго дѣла, Годенъ думаетъ, что одно изъ главнѣйшихъ условій успѣшнаго хода каждаго предпріятія заключается въ хорошемъ общемъ веденіи дѣла, въ хо-

рошей администраціи. По его мнѣнію, административный талантъ способствуетъ производству въ несравненно большей степени, чѣмъ другіе факторы, а потому, по справедливости, и вознаграждаться онъ долженъ по особой, высшей нормѣ. Въ виду этого, при дѣлежѣ прибылей въ фамилистерѣ, прежде всего и отсчитывается на долю администраціи 25%, которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 12% главному администратору, 9% членамъ административнаго совѣта, 2% надзирающему персоналу и 2% опять-таки административному совѣту для вознагражденія членовъ фамилистера за особенныя, выдающіяся заслуги. Остающіяся затѣмъ 75% прибылей поступаютъ рабочимъ, значеніе которыхъ для товарищества весьма не одинаково. Одни изъ нихъ живутъ и работаютъ въ фамилистерѣ давно,—лѣтъ 10, 15, 20 и больше, — отличаются опытностью, умѣлостью, въ большей или меньшей степени способствовали упроченію и развитію предпріятія, состоятъ пайщиками. Годенъ полагаетъ, что было-бы несправедливо одѣлять ихъ прибылью въ такой же мѣрѣ, какъ и новичковъ, незнающихъ, неумѣлыхъ, обнаруживающихъ менѣе энергіи и любви къ дѣлу. Поэтому, въ силу выработанныхъ основателемъ статутовъ товарищества, весь рабочій персоналъ подраздѣляется на слѣдующія категоріи: 1) *пайщики*, 2) *общинники*, 3) *участники*, 4) *помощники* и 5) просто *заинтересованныя* лица. Чтобы попасть въ первый разрядъ, нужно имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, прожить въ помѣщеніяхъ фамилистера, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ, проработать по меньшей мѣрѣ столько-же времени, умѣть читать и писать, быть обладателемъ части общественныхъ фондовъ, на сумму, не меньшую 500 фр., и быть, наконецъ, принятымъ на общемъ собраніи пайщиковъ. *Пайщики* представляютъ изъ себя избранный, такъ сказать, аристократическій элементъ ассоціаціи, въ которой ихъ насчитывается въ настоящее время всего только 68 человѣкъ. При распредѣленіи прибылей имъ назначается сумма, вдвое большая той, которая должна была-бы приходиться имъ пропорціонально ихъ годовому заработку. *Общинники* должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: имѣть не менѣе 21 года, быть свободнымъ отъ воинской повинности, числиться въ спискахъ активныхъ рабочихъ не менѣе трехъ лѣтъ, жить въ „общественномъ дворцѣ» и быть принятымъ административнымъ совѣтомъ. Въ фамилистерѣ ихъ теперь 95 человѣкъ; получаютъ-же они полуторную, по разсчету ихъ заработка, долю прибылей. *Участники*, въ числѣ 573 чел., пользуются простою долею, пропорціональною ихъ заработку. Въ ихъ категорію, по согласію административнаго совѣта, можетъ быть принятъ каждый обитатель фамилистера, достигшій 21-лѣтняго возраста, свободный отъ воинской повинности и по меньшей мѣрѣ въ теченіи одного года принимавшій участіе въ работахъ ассоціаціи. Въ разрядъ *помощниковъ* (258 чел.) относятся всѣ тѣ рабочіе, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не входятъ въ первыя три категоріи. Непосредственно они не принимаютъ уча-

стія въ прибыляхъ производства; тѣ доли прибыли, которыя должны были бы приходиться имъ по ихъ заработку, цѣликомъ поступаютъ въ пенсіонный, страховой и т. д. фонды, на помощь которыхъ, въ случаѣ нужды, рабочіе этого разряда только и имѣютъ право. *Заинтересованными* (286 чел.) въ фамилистерѣ считаются всѣ лица, владѣющія большею или меньшею долею общественнаго имущества, пріобрѣтенною ими не личнымъ трудомъ, а путемъ наслѣдства, покупки или какъ нибудь иначе. На ихъ долю выдѣляется изъ общихъ доходовъ товарищества только обыкновенный процентъ на капиталъ, въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ величинѣ ихъ личной собственности... Прибыль, отсчитываемая рабочимъ двухъ первыхъ, высшихъ категорій, поступаетъ въ сберегательную кассу и предназначается для выкупа у Годена принадлежащаго ему фамилистера, со всѣмъ его движимымъ и недвижимымъ имуществомъ... Сумма такого сбереженія составляетъ пай рабочаго въ общемъ предпріятіи. Владѣющій паемъ является уже собственникомъ фамилистера, на величину этого пая; онъ участвуетъ въ производствѣ не только трудомъ, но и своимъ капиталомъ, который и приноситъ ему опредѣленный процентъ. Такихъ рабочихъ-капиталистовъ имѣется уже теперь въ фамилистерѣ довольно много. Изъ отчета, составленнаго въ мартѣ текущаго года, мы узнаемъ, что 188 человѣкъ располагаютъ капиталомъ по 100—500 фр., 167 чел. имѣютъ по 500—1,000 фр., 318 чел. по 1,000—5,000 фр., 12 чел. по 5,000—10,000 фр., 2 чел. по 10,000—15,000 фр., 4 чел. по 25,000—50,000 фр., 3 человѣка—выше 50,000 франковъ... Въ общемъ, личная собственность рабочихъ въ фамилистерѣ представляется въ настоящее время цифрою въ 1.969,000 фр. Почти вся эта громадная сумма, за исключеніемъ 260,000 фр., скопившихся въ сберегательной кассѣ ранѣе, составилась изъ рабочихъ долей прибыли въ короткій промежутокъ четырехъ лѣтъ, считая съ 1880 года, когда товарищество было организовано. Если дѣла въ фамилистерѣ и впредь пойдутъ также успѣшно, какъ шли до сихъ поръ,—а предполагать противное нѣтъ никакихъ основаній,—то черезъ какихъ нибудь 10—15 лѣтъ рабочіе выкупятъ у Годена всѣ имущества, которыми теперь пользуется товарищество и которыя, какъ уже сказано, оцѣниваются въ 6.000,000 фр., и станутъ полными собственниками фамилистера, со всѣми его заведеніями. Тогда мечта Годена будетъ достигнута, по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны: въ лицѣ рабочихъ фамилистера, трудъ сольется съ капиталомъ.

Для того, чтобы дорисовать картину современнаго состоянія фамилистера, мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ положеніи находятся различныя учрежденія его, основанныя на принципѣ взаимности, и какъ они функціонируютъ. Изъ такихъ учрежденій мы прежде всего обратимъ вниманіе читателя на кассу *страхованія отъ нужды* (Assurance de nécessaire). Назначеніе этой кассы—приходить на помощь наиболѣе нуждающимся семействамъ или отдѣльнымъ лицамъ, заработокъ которыхъ

недостаточенъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей. Соображаясь съ существующими цѣнами на продукты первой необходимости, касса пополняетъ бюджетъ бѣдняковъ на всю сумму ихъ дефицита. Благодаря ей, каждый членъ фамилистера, какъ бы ни былъ малъ его заработокъ, обезпеченъ во всемъ необходимомъ для жизни. *Пенсіонная касса* (Assurance des pensions) выдаетъ пожизненныя пенсіи тѣмъ лицамъ, которыя вслѣдствіе-ли долгой работы въ фамилистерѣ, вслѣдствіе-ли какого-либо несчастія, случившагося съ ними на работѣ, стали неспособными къ труду. Величина пенсій опредѣляется по спеціальному тарифу; такъ, мужчинѣ, проработавшему 15 лѣтъ, выдается 1 фр. въ день, женщинѣ—0,75 фр.; за 20 лѣтъ труда мужчина получаетъ $1^1/_2$ фр. въ день, женщина—1 фр.; за 25 лѣтъ мужчина — 2 фр., женщина — $1^1/_4$ фр.; за 30 лѣтъ — мужчина $2^1/_2$ фр. женщина—$1^1/_2$ фр. Это минимальныя нормы; въ дѣйствительности-же инвалиды труда въ большинствѣ случаевъ получаютъ значительно больше Если съ рабочимъ, хотя-бы и новичкомъ, происходитъ несчастіе въ мастерской, дѣлающее его неспособнымъ къ продолженію работы, то онъ получаетъ пенсію по нормѣ за 20-лѣтнюю службу; если жертва несчастія имѣетъ за собой 15-лѣтнюю службу, то пенсія ему выдается такая, на какую онъ имѣлъ бы право послѣ 30-лѣтней службы... Фонды кассы страхованія отъ нужды и кассы пенсіонной составляются изъ удерживаемыхъ администраціею 2% заработной платы рабочихъ и жалованья служащихъ, а также изъ тѣхъ долей общей прибыли, которыя должны были-бы приходиться, по разсчету ихъ заработка, «помощникамъ». Расходы этихъ двухъ кассъ за послѣдніе три года, въ общей сложности, опредѣляются цифрою въ 90,000 фр. Въ текущемъ году, пенсіонерами ассоціаціи состоятъ: 18 человѣкъ въ самомъ фамилистерѣ, 24 чел. въ Гизѣ и окрестностяхъ, и 1 чел. въ Лекенѣ; всего 43 человѣка. Денежные фонды обѣихъ названныхъ кассъ достигаютъ теперь, въ сложности, до 500,000 франковъ. Такимъ образомъ, недалеко уже то время, когда проценты съ этого фонда будутъ вполнѣ покрывать расходы кассъ и даже будетъ оставаться излишекъ, который дастъ возможность обойтись безъ вычета упомянутыхъ 2% изъ заработной платы, позволитъ увеличить размѣръ пенсій и расширить дѣятельность другихъ отраслей взаимнаго страхованія. Не мѣшаетъ въ заключеніе замѣтить, что, по уставу, каждый пенсіонеръ, принимающій безъ вѣдома административнаго совѣта какую-бы то ни было платную работу внѣ ассоціаціи, лишается пенсіи. Параграфъ этотъ введенъ Годеномъ въ уставъ въ тѣхъ видахъ, чтобы рабочіе, субсидируемые фамилистеромъ, не могли, пользуясь своимъ обезпеченнымъ положеніемъ, понижать своимъ дешевымъ предложеніемъ заработную плату въ окружающей рабочей сферѣ... Касса *страхованія отъ болѣзни* беретъ на себя уплату гонорара врачамъ, посѣщающимъ больныхъ членовъ товарищества, а также выдаетъ самимъ больнымъ суммы, необходимыя для ихъ содержанія. Фондъ кассы составляется изъ штрафовъ за нарушеніе заводскаго

ег.амента, изъ вычетовъ за порчу матеріаловъ, а также изъ $1^1/_2\%-2\%$, держиваемыхъ изъ заработной платы. Въ теченіе 1883 года касса эта платила около 18,000 дней болѣзни и поддержала свыше 700 больныхъ. За послѣдніе три года, въ сложности, общіе расходы ея превысили 160,000 франковъ... *Аптечный фондъ* составляется, съ одной стороны, изъ $^1/_2$-франковаго сбора съ каждаго обитателя фамилистера, старше 14 лѣтъ, а съ другой, изъ суммъ, вносимыхъ администраціею и равныхъ суммѣ сборовъ. Фондъ этотъ даромъ доставляетъ больнымъ лѣкарства, назначаемыя врачами или акушерками, а также принимаетъ на свой счетъ расходы по устройству похоронъ членовъ товарищества. За три послѣдніе года онъ издержалъ больше 17,000 фр.

Еще нѣсколько словъ объ учрежденіяхъ фамилистера. Школьное дѣло поставлено здѣсь превосходно. Воспитаніе и обученіе организованы такимъ образомъ, чтобы всесторонне способствовать полному физическому, умственному и нравственному развитію дѣтей, начиная съ момента рожденія и кончая 14-лѣтнимъ возрастомъ. Въ вѣдѣніи дѣтскаго, если можно такъ выразиться, департамента, въ настоящее время находится около 400 дѣтей. Эти послѣднія распредѣлены по 10 отдѣленіямъ. Воспитательный и учебный персоналъ состоитъ изъ 16 лицъ, живущихъ въ „общественномъ дворцѣ“. Годовой бюджетъ этого департамента опредѣляется цифрою въ 33,000 фр. Чтобы дать понятіе объ относительной величинѣ этой цифры, мы замѣтимъ, что богатый городъ Гизъ, насчитывающій до 800 дѣтей учебнаго возраста, тратитъ на школьное дѣло около 13,500 фр. въ годъ, а еще болѣе богатый С.-Кентенъ, съ 5,000 дѣтей, расходуетъ на тотъ-же предметъ всего 45,000 франковъ въ годъ!.. Не лишнимъ считаемъ прибавить ко всему вышесказанному, что въ фамилистерѣ имѣется очень хорошая библіотека, каталогъ которой содержитъ свыше 3,000 названій избранныхъ сочиненій.

Таковъ фамилистеръ въ настоящемъ его видѣ. Всѣмъ своимъ благосостояніемъ и своимъ цвѣтущимъ положеніемъ онъ всецѣло обязанъ Годену. Если мы посмотримъ на этого послѣдняго, какъ на капиталиста, то должны будемъ признать, что капиталистъ этотъ совсѣмъ необыкновенный, что онъ приноситъ громадныя жертвы ради блага своихъ рабочихъ... Однако же, самъ Годенъ полагаетъ, что онъ нимало не въ проигрышѣ: въ качествѣ главнаго администратора, онъ пользуется весьма солиднымъ содержаніемъ и 12% общей прибыли; какъ капиталистъ, онъ получаетъ весьма достаточный процентъ съ фондовъ, довѣренныхъ имъ ассоціаціи фамилистера. Все это, взятое вмѣстѣ, создаетъ, по его мнѣнію, вполнѣ приличное для него положеніе, съ чѣмъ, конечно, и нельзя не согласиться. Съ другой стороны, и рабочіе его блаженствуютъ. Живутъ они при такой обстановкѣ и при такихъ условіяхъ, что имъ могутъ позавидовать остальные ихъ собратья, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ обреченные на каторжное существованіе. Работа у нихъ всегда есть въ достаточномъ количествѣ; вознаграждается она лучше, чѣмъ

въ другихъ мѣстахъ. Рабочій здѣсь застрахованъ на случай нужды, старости, несчастныхъ случаевъ; во время болѣзни ему обезпечена медицинская помощь; дѣти его находятся подъ надежною охраною фамилистера, который заботливо ихъ воспитываетъ и обучаетъ. Но этого мало: кромѣ заработной платы, онъ получаетъ здѣсь $^8/_9$ общей прибыли производства, что̀ даетъ ему возможность становиться, съ каждымъ годомъ, все на бо̀льшую и бо̀льшую сумму, собственникомъ предпріятія, для котораго онъ работаетъ... Въ настоящее время, рабочій персоналъ фамилистера владѣетъ уже, на правахъ собственности, почти $^1/_3$ всего основнаго фонда товарищества (2 милліонами изъ 6); а въ близкомъ будущемъ и весь этотъ фондъ станетъ его достояніемъ. Всякіе слѣды патроната и саларіата тогда сотрутся; рабочій сдѣлается совершенно самостоятельнымъ и независимымъ производителемъ, такъ какъ въ его распоряженіи будутъ находиться *принадлежащія ему* орудія труда и средства производства. Капиталъ и трудъ перестанутъ быть антагонистическими факторами, такъ какъ они не будутъ существовать въ отдѣльности, а сольются воедино, въ лицѣ *рабочаго-капиталиста*. Что, спрашивается, можетъ быть, лучше такой прекрасной дѣйствительности и такой блестящей перспективы?!.. Не имѣемъ-ли мы права назвать фамилистеръ Годена рабочимъ раемъ? Не представляетъ-ли наконецъ годеновская организація производства радикальнаго рѣшенія жгучаго соціальнаго или рабочаго вопроса?.. Прежде чѣмъ отвѣтить на послѣдній изъ поставленныхъ нами вопросовъ, мы бросимъ бѣглый взглядъ на то, какимъ образомъ принципъ допущенія рабочихъ къ участію въ прибыляхъ производства примѣняется на практикѣ другими капиталистами-предпринимателями. Спѣшимъ при этомъ предупредить читателя, что переходъ отъ фамилистера въ Гизѣ къ другимъ очагамъ капиталистическаго производства будетъ въ этомъ отношеніи довольно рѣзкій.

Вопросъ о допущеніи рабочихъ къ участію въ прибыляхъ производства поставленъ на очередь сравнительно уже давно. Первый опытъ въ этомъ смыслѣ сдѣланъ былъ еще въ 1842 году Леклеромъ, въ его красильномъ заведеніи въ Парижѣ. Мало по малу, не смотря на враждебную критику однихъ, на недовѣріе и насмѣшки другихъ, система эта стала все болѣе и болѣе распространяться и завоевывать себѣ право гражданства въ мірѣ индустріи. Въ настоящее время, въ одной только Франціи, ее практикуютъ до *80* промышленныхъ фирмъ. Съ общей точки зрѣнія, число это представляется совершенно ничтожнымъ; но и этихъ немногихъ «доброжелательныхъ» фирмъ вполнѣ достаточно для того, чтобы на примѣрѣ ихъ ознакомиться съ духомъ, тенденціями и соціальными послѣдствіями интересующей насъ системы.

Нѣкто Ше (Chaix), владѣлецъ обширнаго типографскаго заведенія въ Парижѣ и горячій сторонникъ системы дѣлежа прибылей, представилъ, на *упомянутомъ* выше конгрессѣ французскихъ ученыхъ въ Блуа, весьма любо-

пытный и обширный докладъ по вопросу о практикѣ этой системы, — докладъ, очень богатый фактическими, цифровыми и всякими иными данными. Кое-какими изъ этихъ данныхъ мы здѣсь и воспользуемся, причемъ прежде всего ознакомимъ читателя съ положеніемъ дѣлъ въ заведеніи самого г. Ше, какъ лучшемъ въ этомъ родѣ, не считая, конечно, фамилистера. Въ этомъ промышленномъ заведеніи ежегодно отсчитывается изъ общихъ прибылей 15% (у Годена около 88%), которые и распредѣляются между служащими и рабочимъ персоналомъ. Распредѣленіе это производится пропорціонально годовому заработку каждаго. На долю прибыли имѣетъ право только тотъ, кто пробылъ въ заведеніи по меньшей мѣрѣ три года. Сумма, причитающаяся каждому заинтересованному лицу, дѣлится на три части, изъ которыхъ первая тотчасъ-же выплачивается деньгами, вторая поступаетъ въ сберегательный фондъ и выдается рабочему только въ моментъ выхода изъ заведенія, и наконецъ третья, хотя тоже относится на его счетъ, но становится его собственностью только послѣ 25-лѣтней работы или по достиженіи 60-лѣтняго возраста. Обѣ послѣднія части, до ихъ выдачи на руки пускаются заведеніемъ въ оборотъ и приносятъ рабочему 4%. Въ настоящее время, у Ше насчитывается до 1,200 рабочихъ, изъ которыхъ участниками состоятъ около 400 человѣкъ. Средняя норма выдѣляемой рабочимъ прибыли доходитъ, приблизительно, до $7\frac{1}{2}$% заработка; такъ, если рабочій или служащій получаетъ въ годъ 1,000 фр., то его доля прибыли опредѣляется суммою въ 75 фр. По крайней мѣрѣ, половина «участниковъ» отдаетъ и первую часть своей доли въ сберегательную кассу или-же посвящаетъ ее на страхованіе жизни; по соглашенію съ администраціею заведенія, такое-же назначеніе можетъ быть дано и второй части. Какіе результаты даетъ такая распредѣлительная практика, это, между прочимъ, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ: 5 чел. изъ рабочихъ Ше имѣютъ въ оборотѣ заведенія по 8,000 фр. и больше, 5 чел. по 6,000—8,000 фр., 22 чел. по 4,000—6,000, 30 чел. по 2,000—4,000 фр. и 306 чел. по 2,000 фр. и меньше. Дѣлясь такимъ образомъ прибылью со своими рабочими, Ше строго придерживается того принципа, что допущеніе рабочихъ къ участію въ прибыляхъ производства ни въ какомъ случаѣ не должно давать патрону повода понижать нормальную заработную плату: — назначеніе прибыли, по его мнѣнію, заключается въ томъ, чтобы она служила дополненіемъ къ платѣ, но никоимъ образомъ не замѣною ея.

Въ другихъ индустріальныхъ фирмахъ, рабочіе пользуются обыкновенно несравненно меньшими выгодами, чѣмъ даже у Ше, который, съ своей стороны, въ этомъ отношеніи не можетъ быть сравниваемъ съ Годеномъ. Такъ, на фабрикѣ Кестнера рабочій персоналъ довольствуется только 10% общей прибыли; типографъ Годшо удѣляетъ своимъ рабочимъ только 5%, товарищество складовъ и текущихъ счетовъ — 2%, компанія суэцскаго

канала—тоже 2%; въ большинствѣ-же случаевъ доля, удѣляемая трудящимся, не превышаетъ $1^1/_2$%, 1% и даже $^1/_2$% общей прибыли. Въ нѣкоторыхъ фирмахъ величина этой доли формально опредѣляется статутомъ; обыкновенно-же патроны назначаютъ ее, при разсчетѣ въ концѣ года, по собственному усмотрѣнію, причемъ одни изъ нихъ сообразуются только съ величиною заработка, другіе-же принимаютъ во вниманіе также и давность службы рабочаго.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ входить въ дальнѣйшія подробности примѣненія на практикѣ системы допущенія рабочихъ къ участію въ прибыляхъ производства. Но наиболѣе существенныя черты этой системы намѣчены нами съ достаточною опредѣленностью, которая позволяетъ сдѣлать намъ кое-какіе не безъинтересные выводы и заключенія. Постараемся прежде всего отвѣтить на слѣдующіе вопросы: насколько обезпечиваетъ рабочаго интересующая насъ система? Чѣмъ она является въ рукахъ практикующихъ ее капиталистовъ-предпринимателей? Дѣйствительно-ли рѣшаетъ она рабочій вопросъ, какъ объ этомъ говорятъ ея сторонники?

При внимательной и безпристрастной оцѣнкѣ всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ и данныхъ, насъ прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что капиталисты-патроны, признавая за рабочимъ право на участіе въ прибыляхъ, почти во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ опредѣляютъ степень этого участія своею доброю волею или, вѣрнѣе, своимъ произволомъ. Захочетъ патронъ,—дастъ больше; захочетъ,—дастъ меньше; а не захочетъ, такъ и вовсе ничего не дастъ, и никакихъ *легальныхъ* претензій къ нему за это и предъявить нельзя. Рабочему говорятъ: «бери, что даютъ, и будь благодаренъ, такъ какъ вѣдь мы могли-бы и ничего тебѣ не давать, кромѣ заработной платы»... При такихъ условіяхъ, доля общихъ прибылей, уступаемая рабочимъ, является ничѣмъ инымъ, какъ подачкою, милостынею, что̀, очевидно, не можетъ удовлетворить рабочій классъ, еслибы даже такая уступка стала общимъ правиломъ въ сферѣ производства, чего на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Не надо забывать, что современный рабочій пролетаріатъ борется съ патронатомъ не только изъ-за прибавки къ заработной платѣ, но что онъ, помимо лишнихъ грошей, отстаиваетъ въ этой борьбѣ свои человѣческія права, свое человѣческое достоинство. Понимая громадное значеніе своего труда для производства, рабочій требуетъ, чтобы ему воздавали по заслугамъ, добивается не милостыни, а справедливости; — и пока онъ не будетъ удовлетворенъ въ этомъ отношеніи, до тѣхъ поръ его не удовлетворятъ и не успокоятъ никакія подачки со стороны капитала. Таковъ органическій порокъ интересующей насъ системы со стороны нравственной. Но этого мало. Пойдемъ дальше и спросимъ себя, что̀ собственно скрывается за «великодушіемъ» капиталистовъ-предпринимателей, бросающихъ своимъ рабочимъ упомянутыя подачки; чѣмъ, въ сущности, руководятся *эти* капиталисты-предприниматели въ своей «благожелательной» политикѣ

по отношенію къ рабочему классу? На эти вопросы мы можемъ отвѣтить весьма недвусмысленными заявленіями и откровенными признаніями самихъ представителей капитала.

Что, въ самомъ дѣлѣ, заставляетъ патрона жертвовать хотя-бы и ничтожною долею своихъ прибылей? Чувство справедливости? Желаніе улучшить положеніе рабочаго класса? Явиться въ роли благотворителя?.. Нимало!.. Капиталъ, вообще, не склоненъ ни къ какимъ сантиментальностямъ... Какое ему дѣло до какой-то отвлеченной справедливости?! Какое ему дѣло до положенія рабочаго пролетаріата, какъ-бы это положеніе ни было тяжело? Что ему за интересъ благодѣтельствовать?!.. Ему присуща только одна тенденція самовозростанія, путемъ извлеченія изъ рабочаго «прибавочной стоимости», какъ выражаются экономисты,—и если онъ дѣлаетъ рабочему какія-нибудь «уступки», приноситъ какія нибудь «жертвы», то мы á priori можемъ сказать, что эти «уступки» и «жертвы» выгодны прежде всего ему самому. А такъ-какъ интересы труда и интересы капитала, по признанію самихъ-же патроновъ, находятся въ «антагонизмѣ» между собою, то отсюда логически слѣдуетъ, что все то, что̀ выгодно и благопріятно для одного, роковымъ образомъ должно быть невыгодно и неблагопріятно для другаго. При такихъ условіяхъ, та или другая формальная уступка рабочему со стороны капитала не только, вообще говоря, не обезпечиваетъ положенія рабочаго, не только не способствуетъ эмансипаціи послѣдняго,—что̀ меньше всего входитъ въ разсчеты капиталиста, — но, наоборотъ, въ концѣ концовъ ухудшаетъ это положеніе, ставитъ трудящагося въ бо̀льшую зависимость отъ работодателя. Справедливость этого общаго положенія какъ нельзя нагляднѣе доказывается примѣрами системы допущенія рабочихъ къ участію въ прибыляхъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, къ какимъ конечнымъ результатамъ приводитъ эта система.

Заводчики и фабриканты, собиравшіеся на конгрессъ въ Блуа, единогласно констатировали тотъ фактъ, что рабочій, заинтересованный въ выгодахъ предпріятія, становится чрезвычайно бережливымъ и экономнымъ по отношенію къ орудіямъ и матеріаламъ производства. «Чѣмъ меньше будетъ непроизводительной порчи и растраты матеріаловъ, — разсуждаетъ онъ, — тѣмъ больше будутъ барыши предпріятія и, слѣдовательно, тѣмъ значительнѣе моя доля прибыли»... И пусть не подумаетъ читатель, что выгода, происходящая отъ такого усиленія духа экономіи, незначительна. Представитель извѣстной фирмы Леклеръ, Дефурно и К° утверждаетъ, что выгода эта опредѣляется у нихъ 25 сантимами въ день на каждаго рабочаго, что̀, при 300 рабочихъ, даетъ 23,000 фр. сбереженія въ годъ!.. Итакъ, фирмы, жертвующія въ пользу своего рабочаго персонала извѣстный, почти всегда очень небольшой процентъ своей общей прибыли, почти сполна вознаграждаются за эту «жертву» упомянутыми сбереженіями. Убытка, слѣдовательно, для нихъ никакого нѣтъ, выгоды же несомнѣнны и весьма значительны, какъ

это видно изъ нижеслѣдующаго..... Рабочій, заинтересованный въ прибыляхъ и трудящійся до нѣкоторой степени также и въ свою пользу, до крайней степени напрягаетъ свою рабочую силу, старается произвести какъ можно больше и тѣмъ даетъ предпринимателю возможность, за ту же плату, извлечь изъ него несравненно больше «прибавочной стоимости», чѣмъ прежде. Это обстоятельство ведетъ къ двоякаго рода послѣдствіямъ, одинаково неблагопріятнымъ для рабочаго... Усиленный трудъ въ громадныхъ размѣрахъ увеличиваетъ продуктивность предпріятія, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе примѣры, приводившіеся на конгрессѣ въ Блуа. Компанія заводовъ для выработки «черной глины» (*Usines de Terre Noire*) до 1858 года производила только 13,000 тоннъ; десять же лѣтъ спустя, производство опредѣлялось уже цифрою въ 34,000 тонны, т. е. возросло почти на 200 проц. Эвертъ, членъ этой компаніи, категорически утверждалъ на конгрессѣ, что такое громадное усиленіе производительности произошло *исключительно* отъ возросшей интенсивности труда рабочихъ, энергія которыхъ была стимулирована допущеніемъ къ участію въ прибыляхъ... Громадная бумажная фабрика Ларошъ-Жубера производила, прежде, всего только 25,000 килограммовъ бумаги въ мѣсяцъ; съ момента же введенія упомянутаго стимула она стала производить ежемѣсячно 45,000—50,000 килограммовъ, т. е. на 100 проц. больше, чѣмъ прежде... Такихъ примѣровъ можно было бы привести много... Итакъ, повторяемъ, усиленіе интенсивности труда, стимулируемаго перспективою прибылей, ведетъ къ огромному усиленію продуктивности, доходности промышленныхъ предпріятій, другими словами, способствуетъ быстрѣйшему возрастанію капитала. А чѣмъ больше капиталъ растетъ, тѣмъ и давленіе его на рабочій пролетаріатъ неотразимѣе, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ исторія экономическихъ отношеній. Но этого мало. Извѣстно, что все современное производство основано на конкуренціи производителей. Эти послѣдніе нуждаются прежде всего въ рынкахъ для сбыта своихъ фабрикатовъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ для захвата рынка является удешевленіе производимыхъ продуктовъ. Чѣмъ дешевле будетъ производитель продавать, тѣмъ и покупателей будетъ больше, и сбытъ вѣрнѣе. А для того, чтобы дешево продавать, надобно дешево и производить; а чтобы дешево производить, для этого необходимо производить какъ можно больше, такъ какъ съ расширеніемъ производства уменьшаются издержки его. И вотъ мы видимъ, что капиталисты-производители, стремящіеся подорвать другъ друга дешевизною, изо всѣхъ силъ стараются производить все больше и больше. Ближайшій результатъ этихъ стараній—такъ называемое перепроизводство, переполненіе рынка товарами, избытокъ предложенія надъ спросомъ: фабрикатовъ вырабатывается больше, чѣмъ нужно, и дѣвать ихъ некуда. Отсюда—застой въ промышленности, экономическіе кризисы, необходимость сокращенія, а иногда даже и полной пріостановки производства. А это, въ свою очередь, влечетъ за собою пониженіе спроса на рабочія руки,

выбрасываніе ненужныхъ рабочихъ на мостовую, безработицу, со всѣми ея страшными послѣдствіями для рабочаго класса... При такихъ хаотическихъ, неурегулированныхъ отношеніяхъ въ сферѣ производства, упомянутое выше усиленіе производительности труда, вызванное допущеніемъ рабочихъ къ участію въ прибыляхъ, можетъ только способствовать, — и дѣйствительно способствуетъ,—возникновенію кризисовъ и, слѣдовательно, обездоленію рабочаго класса. И безъ того уже зарвавшіеся предприниматели не по разуму усердствуютъ въ дѣлѣ наполненія и переполненія рынка, а тутъ еще сами рабочіе преисполняются, въ виду прибылей, усердіемъ въ томъ же направленіи!....

Но пойдемъ дальше. По пословицѣ: «рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ— гдѣ лучше», рабочій, связанный съ тѣмъ или другимъ промышленнымъ предпріятіемъ системою участія въ прибыляхъ, въ значительной степени затрудненъ въ пріисканіи лучшаго заработка, болѣе обезпеченнаго положенія, такъ какъ въ случаѣ оставленія имъ данной фабрики или завода онъ можетъ потерять если не все, то, по крайней мѣрѣ, значительную часть того, что̀ имъ скоплено въ видѣ долей прибыли и что̀ находится *въ кассѣ патрона*. Зависимость рабочаго отъ патрона такимъ образомъ увеличивается. Затрудненъ для рабочаго выходъ изъ мастерской, затруднена для него также и возможность произвести давленіе на капиталиста, съ цѣлью улучшенія своего положенія. Такъ какъ представитель труда пользуется частью прибылей предпріятія только по доброй волѣ патрона, то всякій протестъ противъ послѣдняго роковымъ образомъ повлечетъ за собою отмѣну дѣлежа барышей. Такъ, еслибы рабочіе вздумали добиваться повышенія заработной платы и, предположимъ, добились бы его, то раздраженный патронъ тотчасъ же, конечно, въ наказаніе имъ, сократилъ бы, а не то такъ и вовсе уничтожилъ бы процентъ прибылей, выдѣлявшійся имъ въ пользу рабочаго персонала... При такихъ условіяхъ, какая бы ни была, борьба съ патрономъ становится крайне невыгодною, убыточною для рабочихъ;—патрону нечего бояться стачекъ,— между прочимъ, еще и потому, что стачка, всегда болѣе или менѣе вредно отзывающаяся на ходѣ предпріятія, угрожала бы и судьбѣ *рабочихъ* сбереженій, пущенныхъ въ оборотъ предпріятія... И дѣйствительно, стачекъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, гдѣ функціонируетъ система дѣлежа прибылей, почти вовсе не бываетъ. Упомянутый нами выше, капиталистъ Ше немало хвалился на конгрессѣ въ Блуа тѣмъ, что въ 1878 году, во время громадной стачки типографщиковъ въ Парижѣ, его рабочіе не примкнули къ стачникамъ и вообще остались совершенно спокойны... Итакъ, отъ введенія системы дѣлежа прибылей, при настоящихъ условіяхъ, выигрываютъ почти исключительно одни только капиталисты, выгоды же для рабочихъ отъ этой системы весьма проблематичны, чтобы не сказать болѣе.

Чтобы закончить оцѣнку системы дѣлежа прибылей, намъ остается еще сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній относительно годеновскаго фами-

листера, въ которомъ эта система находитъ себѣ такое широкое примѣненіе. При этомъ, кстати, мы будемъ имѣть случай высказаться мимоходомъ и о соціальномъ значеніи тѣхъ дивидендовъ, которые выпадаютъ на долю рабочихъ и, для многихъ изъ этихъ послѣднихъ, опредѣляются довольно почтенными суммами въ нѣсколько тысячъ, а иногда (напр., въ фамилистерѣ) и десятковъ тысячъ франковъ.

Въ отношеніи широты и полноты примѣненія принципа дѣлежа прибылей, фамилистеръ, какъ мы видѣли, стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ промышленныхъ предпріятій, практикующихъ упомянутый принципъ. Въ фамилистерѣ дѣлежъ прибылей производится не ради сугубой эксплуатаціи и закрѣпощенія рабочихъ, а въ видахъ ихъ дѣйствительнаго обезпеченія и эмансипаціи; тамъ рабочіе получаютъ не жалкія крохи общей прибыли, какъ въ остальныхъ фирмахъ, а бо́льшую часть ея: у Годена вопросъ о *справедливомъ* вознагражденіи труда,—если не вдаваться въ частности,—разрѣшается на практикѣ весьма удовлетворительно, а не фиктивно, какъ у его собратовъ-фабрикантовъ. Но, тѣмъ не менѣе, фамилистеръ, какъ опытъ раціональной организаціи труда, все таки еще не имѣетъ на нашъ взглядъ того общественнаго значенія, какое придаетъ ему самъ основатель. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ возникъ, развился и окрѣпъ только потому, что за организацію его взялся такой «чудакъ», какъ Годенъ, рѣшившійся отдавать своимъ рабочимъ бо́льшую долю барышей отъ своего предпріятія. Смѣло можно утверждать, что въ нашъ вѣкъ безумной погони за наживою, безкорыстный «чудакъ» этотъ не найдетъ себѣ подражателей среди современныхъ капиталистовъ, отличающихся въ огромномъ большинствѣ случаевъ самымъ бездушнымъ эгоизмомъ и не брезгающихъ никакими средствами для обогащенія. Оспаривать это положеніе, конечно, невозможно; а если это такъ, то совершенно очевидно, что фамилистеръ при настоящихъ условіяхъ не можетъ служить примѣромъ окончательнаго рѣшенія вопроса, который и не можетъ быть разрѣшенъ безъ участія государства. Но этого мало. Если мы вдумаемся въ детали его организаціи, а именно, если мы надлежащимъ образомъ оцѣнимъ то, какимъ образомъ производится въ немъ распредѣленіе прибыли между рабочимъ персоналомъ и какое конечное назначеніе получаетъ эта прибыль, то неизбѣжно придемъ къ тому заключенію, что фамилистеръ недолговѣченъ, что ему угрожаетъ разложеніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ фамилистерѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ ему заведеніяхъ, прибылями пользуются не всѣ рабочіе, а только меньшинство, для котораго такимъ образомъ создается привилегированное положеніе. Въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, члены этого меньшинства подѣлаются почтенными капиталистами, вполнѣ подчинятъ своему вліянію избираемый ими же административный совѣтъ, измѣнятъ, съ общаго согласія пайщиковъ, первоначальный уставъ, — и фамилистеръ не замедлитъ обратиться въ обыкновенное акціонерное предпріятіе, эксплуати-

руемое наемнымъ трудомъ;—другими словами, съ нимъ повторится та же поучительная исторія, что и со знаменитою Рочдельскою ассоціаціею (въ Англіи), которая первоначально была кооперативною ассоціаціею рабочихъ, а впослѣдствіи стала ассоціаціею капиталистовъ, выросшихъ изъ скромныхъ тружениковъ, основателей кооперації... Итакъ, выдѣленіе изъ рабочей массы немногочисленной группы привилегированныхъ рабочихъ, роковымъ образомъ имѣющихъ обратиться въ капиталистовъ-эксплуататоровъ; неизбѣжное сокращеніе числа занятыхъ рабочихъ рукъ, какъ слѣдствіе увеличенія интенсивности труда, стимулируемаго перспективою прибылей; усиленіе новыми толпами и безъ того уже громадной и грозной арміи обездоленнаго, не обезпеченнаго въ средствахъ существованія, рабочаго пролетаріата,—вотъ дальнѣйшіе результаты хваленой системы допущенія рабочихъ къ участію въ прибыляхъ производства.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ тому неотразимому заключенію, что система дѣлежа прибылей не обезпечиваетъ вполнѣ рабочаго класса и не рѣшаетъ окончательно жгучаго рабочаго вопроса. А вѣдь система эта есть лучшее изъ того, что до сихъ поръ придумано буржуазными теоретиками и практиками для «уменьшенія антагонизма между капиталомъ и трудомъ...» Если и это лучшее подлежитъ критикѣ, то гдѣ же, спрашивается, выходъ, въ чемъ же спасеніе? Объ этомъ стоитъ подумать разумнымъ и прозорливымъ государственнымъ людямъ. По отношенію къ землѣ, вопросъ о національзаціи ея уже поставленъ на очередь въ Англіи, гдѣ онъ теперь приковываетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ лучшихъ мыслящихъ людей и гдѣ, надо думать, онъ будетъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, не сегодня—завтра. Вслѣдъ за землею, въ силу исторической необходимости, придетъ, можетъ быть, очередь и для другихъ орудій и средствъ труда.

И. Денисовъ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Народная сказка про „дурня“.—Унизительныя представленія объ „особенностяхъ“ русскаго народа. — Историческая справка.—Доказательства, что развитіе русскаго народа находится въ самой тѣсной связи и зависимости отъ общечеловѣческой цивилизаціи.—Неизбѣжность преобразованій и значеніе противорѣчивыхъ съ ними явленій. — Скопинское дѣло.—Мнимое бездѣйствіе. — Ошибки прежней банковой политики.—Дѣло Сарры Беккеръ.—Причины сомнѣній.—Преобразованіе слѣдственной части.—Заявленіе министра юстиціи.

Въ одной изъ малороссійскихъ сказокъ говорится о трехъ братьяхъ: двухъ умныхъ и третьемъ — дуракѣ. Послали дурака за таганомъ.

Идетъ онъ и, чтобъ не забыть, все твердитъ дорогою: «таганы, таганы». Попадается навстрѣчу мужикъ съ волами и, покажись ему, что дурень ругаетъ воловъ словомъ «поганый». Мужикъ прибилъ дурака. Возвращается онъ къ братьямъ и жалуется. — «Ахъ, дурень, дурень! говорятъ братья, — ты-бы сказалъ мужику: дай Боже продать, да много денегъ набрать... Вотъ онъ и не прибилъ-бы тебя». Пошелъ дуракъ и встрѣчаетъ похороны. — „Дай Боже продать, да много денегъ набрать", — говоритъ онъ провожатымъ. Опять прибили дурака. Возвращается онъ къ братьямъ и передаетъ о новой своей бѣдѣ.—«Эхъ, дурень, дурень! говорятъ братья;—да ты-бы снялъ шапку, да перекрестился». Идетъ онъ снова и видитъ, что мужикъ опаливаетъ кабана. Дурень снялъ шапку и перекрестился.—«Что ты открещиваешься, развѣ я чортъ!» закричалъ мужикъ и сталъ бить дурака...

Долго еще тянется сказка, все въ томъ-же родѣ, пока дурня совсѣмъ не заколотили; по другому-же варіанту, дурень возвратился къ братьямъ и, съ той поры, никакими силами уже нельзя было его сдвинуть съ мѣста или заставить говорить.

Совершенное подобіе этой сказки, со всевозможными измѣненіями, слышится изъ лагеря извѣстной части нашей печати, притязающей на выраженіе парочитаго патріотизма и патентованной благонадежности. По напыщенности тона этой печати, можно подумать, что рѣчами ея изливается сама премудрость. Въ сущности-же, на страницахъ ея, перебирается на всякіе лады заимствованная отъ нянюшекъ и старыхъ бабъ сказка «про дурня». Въ видѣ дурака изображается, смотря по надобности, то Россія, то русскій народъ, то русское общество или даже администрація. Все, что ни дѣлается у насъ, все оказывается невпопадъ, все приноситъ если не вредъ, то совершенно отрицательныя послѣдствія. Все, что у людей умныхъ, у старшихъ братьевъ, считается добромъ, обезпечиваетъ общее благополучіе, содѣйствуетъ порядку и развитію благосостоянія, то у насъ является зломъ и отзывается на нашемъ народномъ или государственномъ организмѣ болѣе или менѣе сильными, общими или мѣстными, колотушками.

Въ цѣломъ свѣтѣ уничтоженіе рабства, освобожденіе личности содѣйствовали умственному росту, развитію гражданственности и народнаго благосостоянія; а у насъ, если послушать извѣстныхъ господъ, упраздненіе крѣпостнаго права привело только къ распущенности, лѣности, пьянству, обѣдненію. «Народъ ослабъ, народъ пропился; старики жалуются, что молодежь совсѣмъ изъ рукъ выбилась и что порядка въ селѣ не стало; семейное начало подорвано, хозяйство вести невозможно»... Таковы обычные припѣвы, которыми

сопровождаются у насъ изображенія тѣхъ бытовыхъ измѣненій, которыя послѣдовали, будто-бы, вслѣдствіе упраздненія крѣпостнаго права.

Упроченіе судебной власти, организація суда, зависимаго только отъ закона, гласнаго и милостиваго, дѣйствующаго при участіи общественныхъ силъ и подъ вліяніемъ науки, считается повсюду вѣрнѣйшимъ оплотомъ правильной жизни и задачею государственной власти; по нашему „дурню“, по газетнымъ пересказамъ, отъ подобнаго суда хоть въ гробъ ложись. Нѣтъ хуже зла, какъ «новый судъ». Судъ консисторій, военный судъ, старые, дѣйствующіе еще кое-гдѣ суды и всякія административныя рѣшенія служатъ у насъ выраженіемъ правды и святой истины, укрѣпляютъ власть, удовлетворяютъ самымъ идеальнымъ представленіямъ населенія; но отъ новаго суда, особенно тамъ, гдѣ Судебные Уставы 1864 года дѣйствуютъ въ полномъ объемѣ, просто житья нѣтъ. Народъ, русское общество не только наяву, но даже и во снѣ, только и помышляютъ о томъ, чтобы у нихъ было отнято право участія въ судѣ, пугемъ уничтоженія выборныхъ мировыхъ судей и суда присяжныхъ. Всѣ, якобы, возмущены по поводу той силы, которая придается судебнымъ рѣшеніямъ, и ждутъ не дождутся того времени, когда редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, въ качествѣ высшаго источника земнаго правосудія, будетъ предоставлено передѣлывать судебныя рѣшенія по своему усмотрѣнію и указывать, какія дѣла могутъ и какія не должны возникать въ судѣ.

Во всемъ мірѣ, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ человѣческая исторія, признаётся, что общественное участіе въ дѣлахъ управленія и развитіе общественной самодѣятельности служатъ вѣрнѣйшимъ залогомъ жизненности народа, міровой роли его, прочности государственной власти и порядка; но нашему „дурню“ міровые, общественные законы не указъ. У насъ, все по тѣмъ-же толкованіямъ, развитіе гражданственности приводитъ къ безначалію, къ «упраздненію власти», къ хищеніямъ, къ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ.

Вездѣ желѣзныя дороги, банки, широкій кредитъ служатъ къ усиленію производства, предпріимчивости, торговли, усиленію экономическаго благосостоянія; но у насъ желѣзныя дороги только обогащаютъ своихъ строителей и управителей, нарушаютъ интересы производителей и потребителей, являются тормазомъ сообщенія и экономическаго оборота, и излишнею угрозою для жизни и здоровья людей; что-же касается до кредитныхъ учрежденій, то они или соблазняютъ честныхъ людей, или разоряютъ трудолюбивыхъ землевладѣльцевъ, предпріимчивыхъ промышленниковъ и купцовъ,

расхищая сбереженія и лишая людей обезпеченнаго положенія въ старости.

Не лучшія послѣдствія получаются отъ образованія, отъ распространенія науки. Повсемѣстно распространеніе знанія считается первѣйшею основою всякой дѣятельности, единственнымъ условіемъ развитія народнаго духа и творчества; но у насъ, благодаря образованію, получается только «оторванность отъ народа», разрушеніе семьи и паденіе нравственности. Если въ какую нибудь комисію, чего Боже упаси, попадаетъ профессоръ или, вообще, по какому нибудь дѣлу наводятся научныя справки, то въ газетахъ происходитъ истинный переполохъ и чуть не раздаются крики: «караулъ, рѣжутъ!»—«Слышите-ли, вмѣсто того, чтобъ умнаго мужика пригласить, посадили профессора!»—«Мало у насъ анархистовъ и публичныхъ женщинъ — еще высшіе научные курсы понадобились!» — «Тутъ не съ наукою надо справляться, а съ русскими потребностями, къ которымъ наука касательства не имѣетъ!» — «Комисія имѣетъ задачи, болѣе скромныя, чѣмъ задачи *науки*, и болѣе прозаическія, если можно такъ выразиться. Комисіи, поэтому, врядъ-ли подобаетъ относиться къ русскому опыту столь-же пренебрежительно, какъ относится къ нему *наука*»! Вотъ какіе возгласы, сплошь и рядомъ, попадаются на страницахъ современной журналистики. Послѣднія двѣ фразы буквально выписаны нами изъ одной недавней газетной статьи...

Что же это такое происходитъ? Неужели же наука, образованость, всѣ техническія изобрѣтенія, развитіе гражданственности, свободный трудъ, законность, независимый судъ, гласность,—словомъ все, что̀ выработано обще-человѣческою цивилизаціею, оказывается вреднымъ и непригожимъ для русскаго народа? Неужели же русскому народу, въ самомъ дѣлѣ, суждено разыгрывать роль сказочнаго «дурня?»

Конечно, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Въ этомъ убѣждаетъ насъ тотъ же «русскій опытъ», который безсмысленно противопоставляется наукѣ, точно научныя истины основываются не на опытѣ.

Никогда еще, нигдѣ общечеловѣческія истины не приносили вреда. Бывали, конечно, и будутъ примѣры, что не всѣ народы оказывались воспріимчивыми къ этимъ истинамъ и потому обезличивались и поглощались другими болѣе способными и культурными націями, но русскій народъ, по счастью, не принадлежитъ къ этимъ пасынкамъ человѣческаго рода. Порукою тому—десять вѣковъ русской исторіи. Уже первые вѣка этой исторіи застаютъ русскій народъ на широкой дорогѣ общенія и передвиженія на-

родовъ. Древняя Русь не замкнута и не отчуждена отъ сторонних вліяній. Національныя особенности ея не были запрятаны за семью печатями и семью замками и не боялись открытой встрѣчи съ сторонними вліяніями. Въ древней Руси происходилъ живой обмѣнъ съ Западомъ, въ области духа, умственной жизни, политики, торговли. Внутренняя жизнь русскаго человѣка настолько была доступна общечеловѣческой истинѣ, что безъ особаго труда, безъ кровопролитія, пытокъ и казней воспріяла вселенское ученіе Христа. Народныя былины и сказки свидѣтельствуютъ, какъ рано умственная жизнь русскаго народа находилась въ общеніи съ общечеловѣческими мнѣами, понятіями и идеалами. Торговыя и политическія связи Новгорода и Кіева съ Западомъ настолько были вліятельны, что опредѣляютъ самыя крупнѣйшія событія русской исторіи первыхъ вѣковъ. Въ государственномъ и бытовомъ отношеніяхъ, древняя Русь была ничуть не ниже средней сѣверной Европы. Татарское нашествіе и двухвѣковое азіатское иго прерываютъ естественный ходъ русской исторіи и пріостанавливаютъ культурное развитіе Россіи. Цѣлый рядъ поколѣній обрекается на борьбу противъ орды и на отстаиваніе государственности. Полная побѣда увѣнчиваетъ, въ концѣ концовъ, эти усилія, но русская народность и государственность выходятъ изъ этой тяжкой борьбы не безъ утратъ. Цѣлыя области, прежде цвѣтущія и полныя жизни, превратились въ безплодныя степи; цѣлыя отрасли русскаго народа обособились или подпали чужеземному господству. Литва, Юрьевъ со всѣмъ балтійскимъ поморьемъ, даже древнѣйшій русскій городъ Кіевъ съ его святынею, со всѣмъ окружнымъ населеніемъ, и все Черноморье,—все это отпало отъ татарской Руси, было растеряно во время борьбы съ татарскою ордою. Вмѣстѣ съ тѣмъ упала областная жизнь, обезличились мѣстныя особенности, такъ какъ, ради борьбы съ татарами, пришлось усилить централизацію и многое принести въ жертву идеѣ государственности. Въ этомъ отношеніи, съ московскою Русью произошло, — конечно, въ болѣе рѣзкой формѣ, — то самое, что̀ наблюдается въ наши дни въ Германіи. Нѣмцы добились политическаго единства и внѣшняго могущества, но достигли этихъ пріобрѣтеній дорогою цѣною. Въ 1870 г., въ Версали праздновалась побѣда Германіи надъ Франціей, но на дѣлѣ происходило торжество Пруссіи надъ всѣми нѣмцами и надолго освящался культъ физической силы и солдатской выправки. Франція скоро избавилась отъ нѣмецкаго нашествія; но сами нѣмцы, а черезъ нихъ и вся Европа, не скоро освободятся отъ пагубнаго гнета политики «крови и желѣза» и возрожденнаго, въ лицѣ Бисмарка, нѣмецкаго бонапартизма. Въ московской Руси было еще

хуже. Побѣжденное, съ внѣшней стороны, татарское иго над
покорило насъ нравственно и умственно, внесло въ нашу ж
много чуждыхъ азіатскихъ понятій и привычекъ, оторвало
отъ прежнихъ связей съ просвѣщеннымъ человѣчествомъ и
древняго уклада русской жизни, сообщило ей самое узкое и о
стороннее направленіе, превратило гражданъ въ «холоповъ»,
мѣнило право своеволіемъ и придало государственной власти
тѣнокъ патримоніальный, вотчинный. «И вотъ — говоря сти
гр. А. К. Толстаго:

.... „Наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете".

Это недоразумѣніе продолжается и до сихъ поръ, благо
отчасти такъ называемому славянофильству. И до сихъ поръ
гія черты русскаго быта и характера, несомнѣнно привитыя
намъ двухсотлѣтнимъ гнетомъ азіатской орды, считаются на
самобытниками несомнѣнной принадлежностью національнаго
а коренныя основы древняго русскаго быта, наоборотъ, прово
шаются ересью и новшествомъ.

Московскій періодъ обыкновенно характеризуется, какъ пер
«собиранія русской земли». Это пониманіе едва-ли отвѣчает
тинѣ и вкоренилось у насъ, благодаря слабой разработкѣ кул
ной и философской стороны нашей исторіи. Москва собирал
что̀ и безъ того было не отчуждено въ государственномъ
шеніи. Несравненно болѣе Москва растеривала, подавляла
чуждала. Она утратила, какъ уже сказано, цѣлыя облас
завѣтнѣйшія побережья русской земли; она подавила облас
жизнь и гражданственность; она утратила культурныя свя
образованнымъ міромъ. Только къ концу московскаго періода,
бенно послѣ смутнаго времени, когда русскому народу, ру
землѣ (земству) пришлось возстановлять государственную вл
растерянную при деспотическомъ управленіи и благодаря азіат
отчужденности,—прокладываются пути къ просвѣщенію и у
дочѣнію внутренней жизни (основаніе греко-латинской академіи
женіе 1649 года и самый способъ его выработки) и возстановив
древнее стремленіе къ общенію съ образованнымъ міромъ. По
русскіе, посланные для образованія въ западную Европу, не
вращаются въ Россію: до того они чувствуютъ ея отсталость
того было подавлено у насъ чувство гражданственности.
также и народъ разбѣгался во всѣ стороны, въ далекія степ
Литву, въ дикіе лѣса, лишь бы освободиться отъ московскаго
За недостаткомъ собственныхъ знаній и своихъ умственныхъ
московской Руси пришлось обратиться къ иностранцамъ, опять

вопреки обычнымъ представленіямъ, будто нашествіе чужеземщины началось съ Петра. «Допущеніе все большаго и большаго количества иностранцевъ внутрь государства, — говоритъ Соловьевъ, — явно высказываемая потребность въ нихъ, явно высказываемое признаніе превосходства ихъ въ наукѣ, необходимость учиться у нихъ, предвѣщали скорый переворотъ въ жизни русскаго общества, скорое сближеніе съ западной Европой. При царѣ Михаилѣ вызывали изъ-за границы не однихъ рабочихъ людей, не однихъ мастеровъ и заводчиковъ, — понадобились и люди ученые... Съ одной стороны, въ наукѣ нуждалось государство для удовлетворенія самымъ необходимымъ потребностямъ, для охраненія цѣлости и самостоятельности своей отъ иностранцевъ, болѣе искусныхъ и потому болѣе сильныхъ; съ другой стороны — нуждалась въ наукѣ церковь, для охраненія чистоты своего ученія». Геній Петра, взросшій на почвѣ этого возрожденія нашихъ связей съ общею образованностью, разомъ далъ могучій толчокъ къ сближенію русскаго народа съ Западомъ и навсегда вдвинулъ Россію въ образованный міръ, въ кругъ общечеловѣческихъ интересовъ. Благодаря этому, въ петербургскій періодъ, съ замѣчательною быстротою развивается русская государственность и совершается дѣйствительное собираніе растерянной было русской земли. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія заканчивается это собираніе, и русскій народъ прочно становится въ свои естественные государственные предѣлы, овладѣвая тѣми морскими берегами, въ которыхъ находятся устья главнѣйшихъ его рѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на почвѣ того-же единенія съ общечеловѣческою цивилизаціею, возрождается и развивается русская гражданственность, растутъ общественныя силы, проявляется народное самосознаніе, создаются русская литература, искусство и, наконецъ, наука—эти нравственные и умственные вклады въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній и творчества. Крѣпостное право и соотвѣтственныя ему бытовыя и государственныя условія явились новымъ тормозомъ для этого движенія въ нашей исторіи. Общая реакція, наступившая въ Европѣ послѣ кровопролитнѣйшихъ войнъ и потрясеній, послѣдовавшихъ вслѣдъ за французскою революціей, сильнѣе всего сказалась на болѣе молодомъ и менѣе культурномъ организмѣ, какимъ являлась Россія. Не привыкшимъ къ самостоятельному мышленію и ослѣпленнымъ людямъ казалось, что въ періодъ «тридцатилѣтія» (1826—1855 г.) Россія пребывала въ «самобытныхъ» началахъ и отчуждалась отъ общенародной жизни ради развитія своихъ національныхъ интересовъ и особенностей. На дѣлѣ-же, начиная съ крѣпостнаго права и полицейско-бюрократическаго режима, и кончая войнами, Россія являла въ теченіе этого

тридцатилѣтія самый печальный примѣръ жалкаго подражанія, только не хорошему и доброму (что всегда плодотворно), а дурному и отжившему въ европейскомъ мірѣ. Надо всѣмъ тридцатилѣтіемъ господствовало вредоносное вліяніе меттерниховской политики, тѣмъ болѣе досадное, что именно особенности русскаго быта нисколько не оправдывали ни тѣхъ страховъ, ни тѣхъ цѣлей, подъ вліяніемъ которыхъ «меттерниховскія идеи» возобладали было въ Европѣ. Внѣшнія силы Россіи, за ничтожными исключеніями, направлены были на служеніе не только совершенно чуждымъ, но и вообще ложнымъ интересамъ. Въ такое-же ложное положеніе была поставлена и наша внутренняя жизнь. Россія превратилась въ страну *частныхъ* интересовъ. Государственный интересъ очутился въ полномъ небреженіи, хотя по внѣшности все было взято въ казну, все было подстрижено, выправлено, выравнено и поставлено въ ряды, съ чисто нѣмецкою акуратностью, во имя общихъ государственныхъ цѣлей. Права милліоновъ людей отрицались для доставленія матеріальнаго благополучія немногимъ. Это создавало наружное довольство, такъ какъ за спиною помѣщика, окружнаго надзирателя или командира военныхъ поселеній не слышны были жалобы и не видны были лишенія крестьянъ, а груды исписанной бумаги прикрывали неправосудіе и хищенія. Несостоятельность «тридцатилѣтія» въ дѣлѣ служенія государственнымъ интересамъ обнаружилась въ крымскую войну, когда, по современному сказанію, обошедшему всю Россію и долго передававшемуся изъ устъ въ уста, императоръ Николай Павловичъ, возмутившись до глубины души злоупотребленіями повсюду «присутствовавшаго правительства», выразился такъ, въ разговорѣ съ наслѣдникомъ престола, будущимъ Царемъ-Освободителемъ:—«*Мнѣ кажется, что во всей Россіи только ты да я не воруемъ!*» У оторваннаго еще разъ отъ общей цивилизаціи «могучаго богатыря» не хватило ни силъ, ни умѣнья оградить государство даже отъ вторженія врага и, вопреки тому собиранію русской земли, которое знаменовало весь петербургскій періодъ и сопровождало общеніе съ цивилизаціей, снова явилось самое серьезное опасеніе за государственную цѣлость. Тутъ ужь и для самыхъ ослѣпленныхъ стало ясно, что «самобытность» не заключается въ застоѣ и отчужденіи отъ общей культуры и приводитъ только къ безсилію и безсознательному подражанію дурнымъ образцамъ. Самые упорные приверженцы «внушенія страха и слѣпаго повиновенія» уразумѣли, что *безъ гражданъ нѣтъ государства* и что общіе интересы не могутъ безнаказанно пренебрегаться; что государственная власть создана для обезпеченія законныхъ правъ *всѣхъ* и извращаетъ свою сущность, подры-

ваетъ сама себя, вступая въ жалкую роль прислужника единичныхъ, частныхъ интересовъ.

Освободительная идея сама собою возродилась, сказалась въ умѣ и чувствѣ каждаго сколько нибудь честнаго и разумнаго гражданина, не смотря на то, что противъ «либерализма», ради искорененія его въ Россіи, направлены были всѣ мѣропріятія, всѣ заботы «вездѣсущей и во все проникающей власти», и старанія эти дошли до крайнихъ проявленій именно передъ крымскою войною, начиная съ 1848 года. Прежде всѣхъ призналъ идею освобожденія самъ покойный императоръ Николай Павловичъ. Исторія когда нибудь скажетъ, почему Николай I остановилъ дѣло освобожденія, вопреки своему-же сознанію, выразившемуся въ учрежденіи комисіи 1826 года; но не дожидаясь суда исторіи, слѣдуетъ признать, что положивъ въ основу своей «системы» это отрицаніе общаго блага, «тридцатилѣтіе» должно было катиться по наклонной плоскости и довести Россію до небреженія всѣхъ общихъ, всѣхъ государственныхъ интересовъ, небреженія, составляющаго и причину неудачъ крымской войны, крайне позорныхъ и опасныхъ для государства.

Преобразованія прошлаго царствованія, въ основу которыхъ легли «освободительныя идеи» и возвратъ къ единенію съ общечеловѣческими истинами, явились, такимъ образомъ, не продуктомъ моды или увлеченія, а неотразимою *историческою потребностью*, неудовлетвореніе которой грозило или серьезными государственными потрясеніями, или разложеніемъ Россіи, паденіемъ русскаго народа, лишеніемъ его политической и всякой другой самостоятельности. Ничто иное, какъ именно нашъ собственный «русскій опытъ» убѣждаетъ въ этомъ, согласно съ тѣми, конечно, истинами, которыя раскрываетъ историческая наука, общая всему человѣчеству. Поэтому лишь простому недомыслію или преднамѣренному извращенію дѣйствительности слѣдуетъ приписать современныя выкрикиванія противъ совершившагося, въ послѣднюю четверть вѣка, обновленія Россіи. Всѣ эти выходки противъ «науки», всѣ эти призывы къ «самобытности», рядомъ съ самымъ нецеремоннымъ навязываніемъ Россіи отрицательныхъ сторонъ чужой жизни и другихъ примѣровъ, — не должны бы вводить въ обманъ, еслибъ у насъ не была коротка память и было усвоено сознательное отношеніе къ сравнительно недавнему опыту. То же самое подтвердило-бы сколько нибудь безпристрастное изученіе послѣдней четверти вѣка и современнаго положенія Россіи. Изъ этого изученія вытекаетъ одинъ только выводъ:—не смотря на всѣ задержки и естественныя трудности, сопровождавшія такую коренную бытовую реформу, какъ упраздненіе крѣпостнаго права и тѣсно связанныя съ нею другія

преобразованія, Россія совершила въ эти 25 лѣтъ громадный шагъ на пути своего историческаго развитія, и всѣ стороны современной дѣйствительности, при всѣхъ ихъ несовершенствахъ, все же представляютъ самое очевидное улучшеніе, по сравненію съ эпохою «тридцатилѣтія». Поскольку общечеловѣческія истины, находящіяся въ основѣ этихъ преобразованій, успѣли проникнуть въ нашу жизнь, постольку онѣ принесли самые несомнѣнные и плодотворные результаты; наоборотъ, каждое отрицательное явленіе, связанное съ новыми условіями быта, служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ, что въ источникѣ его кроется нарушеніе или искаженіе основной идеи преобразованій, какое нибудь злоупотребленіе или недодѣлка, не говоря уже о вліяніи застарѣлыхъ привычекъ и стародавнихъ, не успѣвшихъ еще искорениться заблужденій и предразсудковъ.

Удобный, хотя и прискорбный поводъ практически прослѣдить правильность этихъ выводовъ доставляетъ пресловутое «скопинское дѣло». Это тѣмъ болѣе поучительно, что именно скопинскій процессъ послужилъ матеріаломъ для новыхъ вылазокъ противъ преобразовательной эпохи. Въ самомъ разгарѣ судебнаго разбирательства г. Катковъ счелъ долгомъ отвести мнѣніямъ Рыкова передовое мѣсто на страницахъ «Москов. Вѣд.» и засвидѣтельствовалъ свое единомысліе со скопинскимъ хищникомъ. Оба эти благодѣтеля Россіи, изъ которыхъ Рыковъ, по счастью, уже устраненъ «отъ дѣлъ», увѣряли—одинъ со скамьи подсудимыхъ, а другой со столбцовъ «университетской газеты», что знаменитый скопинскій грабежъ, безнаказанно творившійся не менѣе 20 лѣтъ, является доказательствомъ «упраздненія власти» въ Россіи. Даже свою защиту на судѣ Рыковъ пробовалъ основать на восхваленіи «Московскихъ Вѣдомостей» и на своемъ единомысліи съ г. Катковымъ.

Скопинское дѣло безспорно обнаруживаетъ множество видовъ самаго разнообразнаго *бездѣйствія*: бездѣйствія власти, бездѣйствія городскаго общественнаго управленія, бездѣйствія печати, бездѣйствія, наконецъ, вкладчиковъ. Благодаря всѣмъ этимъ бездѣйствіямъ, разграблено 12 милліоновъ рублей. Но почему возможны были всѣ эти бездѣйствія? неужели всѣ вмѣстѣ, вся печать, вся Россія была въ стачкѣ, въ заговорѣ съ Рыковымъ? «Московскія Вѣдомости» рѣшаютъ, что все это произошло благодаря освободительнымъ преобразованіямъ и связанной съ ними «доктринѣ упраздненія власти». Посмотримъ, такъ ли это?

Вкладчики *бездѣйствовали*, такъ какъ довѣрчиво положились на печатные отчеты, воззванія и объявленія банка. Печать обязана была вѣрить, такъ какъ ни одно объявленіе не можетъ въ ней

появиться безъ разрѣшенія цензуры. Тѣ же газеты, которыя сомнѣвались, не могли обличить ложь этихъ отчетовъ, такъ какъ это означало «подрывъ кредита», колебаніе банка. Все же, однако, первое обличеніе грабежа принадлежитъ печати, и эта честь досталась на долю «Русскаго Курьера»,—какъ это засвидѣтельствовано на судѣ, даже обвинительною властью,—то есть той самой газеты, которую, по не разъ выраженному мнѣнію г. Каткова, давно бы слѣдовало упразднить, для обезпеченія благополучія «Московскихъ Вѣдомостей» и дѣльцовъ, въ родѣ Рыкова. Скопинское городское управленіе бездѣйствовало, потому что почти поголовно участвовало въ грабежѣ. Остальные граждане, какъ извѣстно, вовсе устраняются отъ участія въ управленіи, и тѣ изъ нихъ, которые пробовали обличать Рыкова, преслѣдовались, попадали въ тюрьму, переводились изъ Скопина и даже исчезали изъ него иными способами. Общее, господствующее сознаніе въ населеніи Скопина заключалось въ томъ, что «противъ Рыкова нельзя идти», что если Рыковъ «захочетъ чего, то такъ тому и быть (!!)».

Уже изъ этого видно, что власть если и бездѣйствовала, то не вся и не вполнѣ. До введенія городоваго положенія, городскія дѣла Скопина, въ томъ числѣ и имущественныя, были вполнѣ подчинены губернской власти. Она же наблюдаетъ «въ присутствіи по городскимъ дѣламъ» и за нынѣшнимъ управленіемъ; она утвердила тѣхъ головъ, которыхъ выбиралъ собственно Рыковъ. Наконецъ, изъ рѣчи прокурора московской судебной палаты видно даже весьма близкое участіе или присутствіе мѣстной власти въ операціяхъ скопинскаго банка. Въ этой рѣчи, на основаніи удостовѣренныхъ на судѣ фактовъ, прямо указано, что бывшій рязанскій губернаторъ Болдыревъ и бывшій вице-губернаторъ Волковъ «кредитовались» въ скопинскомъ банкѣ и «переписывали векселя» также, какъ дѣлалъ это Рыковъ и всѣ, кто обязанъ былъ его контролировать... Въ Рязанской губерніи, какъ въ уѣздѣ, такъ и въ губернскомъ городѣ, не было такого общественнаго или должностнаго лица, которое такъ или иначе не было бы запутано въ сѣти Рыкова... Если таково было «участіе» или проявленіе мѣстной власти, то весьма понятно, почему скопинское грабительство могло такъ долго ускользать отъ зоркости правительства, прокуратуры, печати, всей Россіи...

Лучшимъ отвѣтомъ на увѣренія, будто скопинскій грабежъ является послѣдствіемъ „упраздненія власти“, служатъ слова защитника Рыкова, на судѣ, подкрѣпленныя какъ судебнымъ слѣдствіемъ, такъ и обвинительною властью. Вотъ что, между прочимъ, сказалъ защитникъ Рыкова:

«Но не спѣшите, враги реформъ, радоваться и потирать руки; взгляните

на оборотную сторону медали! Самоуправленіе по закону не безконтрольно—оно подъ контролемъ центральной власти; губернаторъ по закону блюститель надъ органами городскаго самоуправленія: онъ по жалобамъ или по собственному усмотрѣнію можетъ прекратить всякую неправду или злоупотребленіе городскихъ органовъ и передать дѣйствія думы и управы на разсмотрѣніе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Были жалобы, было собственное усмотрѣніе, но увы! Губернаторъ, вице-губернаторъ, прокуроръ суда, предсѣдатель губернской земской управы—всѣ члены губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія *были должниками скопинскаго банка*. Я не иду далѣе, *я не выйду изъ береговъ Оки*; я указываю все это не для порицанія властей, а для того, чтобы развить и уяснить вопросъ: сталъ на преступный путь, нашелъ-ли гдѣ-нибудь Рыковъ камень преткновенія, который остановилъ-бы его на этомъ пути? Нѣтъ! такого камня не было все потворствовало ему и увлекало его далѣе и далѣе. Укажу просто на факты: министерство финансовъ призывало Рыкова, замѣчая подлоги, совѣтовало ему прекратить ихъ; Рыковъ обѣщалъ, но не исполнилъ. О, сколь лукавъ этотъ Рыковъ! Это—коварный котъ Васька, которому поваръ читаетъ наставленія, а Васька слушаетъ, да ѣстъ! Я не смѣю и не позволю себѣ винить министерство внутреннихъ дѣлъ; оно было право, оно оставляло жалобы на Рыкова безъ вниманія на законномъ основаніи—за неприложеніемъ гербовой марки. Высшая администрація была не за Рыкова, а противъ него; шефъ жандармовъ, напримѣръ, приказалъ Рыкову возвратить векселя Бернарда на 510 тысячъ. Оставляя всякое сужденіе о дѣйствіяхъ власти, я укажу только, какъ дурно понялъ и истолковалъ ихъ Рыковъ! Ему приказали, одному, не спрашиваясь правленія банка и городской управы, возвратить векселя на 500 т., онъ возвратилъ ихъ и замѣнилъ своими векселями; онъ понялъ изъ этого, что на него смотрятъ, какъ на полнаго хозяина и безусловнаго распорядителя банковскими милліонами и *распорядился онъ ими на чистоту*».

Такимъ образомъ, власть вовсе не бездѣйствовала и даже черезчуръ близко присутствовала въ „операціяхъ“, во внутренней жизни скопинскаго банка; но, къ сожалѣнію, это было вовсе не то дѣйствіе, которое возлагали на нее законъ и сознаніе государственнаго долга. Здѣсь, въ видѣ исключенія, повторилось то же самое, что́ повсемѣстно, какъ общее правило, господствовало въ «эпоху тридцатилѣтія». Никто не мѣшалъ дѣйствовать власти, и власть дѣйствовала, но не тамъ и не такъ, какъ слѣдовало. Скопинская исторія убѣждаетъ, что „система“ прежняго уклада нашей жизни не изсякла еще и не успѣла уступить мѣсто новой системѣ. Какъ только гласность и независимый отъ администраціи новый судъ успѣли коснуться скопинскихъ дѣлъ,—произволу кулака, безнаказанному грабежу, подкупу, растлѣнію цѣлаго города и насилію надъ всѣми противниками злоупотребленій положенъ былъ конецъ. Прокуроръ московской судебной палаты, Муравьевъ, прямо заявилъ на судѣ:

«Услугу эту оказала обществу *сначала печать*, настойчиво указывавшая—*не безъ немногихъ прискорбныхъ исключеній*—на совершающіеся въ скопинскомъ банкѣ злоупотребленія, а затѣмъ и судебная власть, сказавшая

Рыкову и его сподвижникамъ: «не все-же брать, пора расплачиваться»! Она отнюдь не ставитъ этого себѣ въ заслугу, потому что только исполнила свою обязанность, но само дѣло показало, до какой степени важно и необходимо было ея вмѣшательство. Вспомните слова свид. Вас. Попова, что сверстникъ его Рыковъ былъ очень силенъ, такъ силенъ, что *безъ судебной власти «свалить» его было невозможно».*

Исторія скопинскаго банка составляетъ только наиболѣе рѣзкое выраженіе дѣятельности и положенія огромнаго большинства нашихъ кредитныхъ учрежденій. Московскій ссудный банкъ, кронштадтскій банкъ, саратовскій земельный банкъ, нѣкоторые эпизоды уголовнаго свойства въ дѣятельности разныхъ другихъ банковъ, какъ акціонерныхъ, такъ и основанныхъ на началѣ взаимной поруки, вплоть до разыгрывающейся въ настоящее время исторіи въ петербургскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ,—все это, вмѣстѣ взятое, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что въ нашей банковой политикѣ были, а отчасти и теперь существуютъ, очень крупные промахи.

Провѣримъ, прежде всего, то утвержденіе, которое приписываетъ всѣ банковыя злоупотребленія и ложное направленіе кредита «доктринѣ упраздненія власти». Какъ извѣстно, общественныя кредитныя учрежденія, акціонерныя или кооперативныя, стали возникать у насъ только съ того времени, когда общественность и самодѣятельность стали признаваться въ нашей странѣ, какъ законные факторы жизни. До тѣхъ поръ существовали только казенныя формы кредита. Если общественная форма кредита равносильна «упраздненію власти» и злоупотребленія неизбѣжно связаны съ нею, то слѣдуетъ допустить, что въ дореформенное время, при казенномъ или государственномъ кредитѣ все обстояло благополучно и ничего похожаго на нынѣшнія банковыя расхищенія не совершалось. Чтобъ опровергнуть это предположеніе, достаточно было бы напомнить хотя бы знаменитѣйшее произведеніе нашего геніальнаго писателя. Если для внѣшней фабулы своихъ «Мертвыхъ душъ» Гоголь избралъ «похожденія Чичикова» и его продѣлки по залогу несуществовавшихъ душъ, то уже изъ этого можно судить, что разные обманы въ пользованіи казеннымъ кредитомъ составляли довольно обычное явленіе. Гоголь былъ родоначальникомъ здраваго *реализма* въ литературѣ и могъ положить въ основу своей великой бытовой «поэмы» только реальные, а не фантастическіе факты. Къ тому же имѣются указанія, что Гоголь имѣлъ въ виду на этотъ разъ дѣйствительно практиковавшійся обманъ. Но мы можемъ привести на память нѣсколько примѣровъ еще болѣе вразумительнаго свойства. Извѣстно, что ради предоставленія помѣщикамъ оборотнаго капитала и освобожденія ихъ отъ произвола скупщиковъ, былъ учрежденъ кредитъ изъ при-

казовъ общественнаго призрѣнія, подъ обезпеченіе сельскихъ продуктовъ. Предполагалось, что въ помѣщичьемъ имѣніи хлѣбъ собранъ, но не имѣетъ сбыта, по отсутствію ли цѣнъ, или по другимъ случайнымъ причинамъ. Помѣщику выдавалось удостовѣреніе, скрѣпленное мѣстными властями, въ томъ числѣ предводителемъ дворянства, и на основаніи этого свидѣтельства, сообразно количеству и качеству продукта, изъ приказа отпускалась соотвѣтственная сумма денегъ, за небольшіе проценты, на короткіе сроки. Въ обезпеченіе вѣрности уплаты требовалось, кромѣ того, поручительство двухъ сосѣднихъ помѣщиковъ. И вотъ этотъ кредитъ послужилъ для самыхъ вопіющихъ злоупотребленій, обмановъ и подлоговъ. Стали выдаваться свидѣтельства на несуществующіе продукты, въ родѣ, напримѣръ, канареечнаго сѣмени: помѣщики ручались другъ за друга, а предводители дворянства и другія власти, обязанныя контролировать наличность закладываемыхъ продуктовъ, подписывали свои удостовѣренія за пулькою преферанса, въ видѣ пріятельскаго одолженія. Краткосрочный кредитъ превратился въ долгосрочный. Свидѣтельства переписывались изъ года въ годъ, какъ переписывали векселя въ скопинскомъ и другихъ банкахъ. Когда же дѣло доходило наконецъ до расплаты, то выдавались новыя свидѣтельства, удостовѣрявшія разныя несчастныя случайности: то амбары сгорѣли, то мыши поѣли зерно, то наводненіе унесло десятки тысячъ пудовъ какого нибудь льнянаго сѣмени. Эти злоупотребленія, ставшія общимъ явленіемъ, дошли до особенно рѣзкихъ формъ въ одномъ изъ уѣздовъ харьковской губерніи. Чуть не все дворянство этого уѣзда приходилось предать уголовному суду за обманъ и подлоги. Благодаря милосердію покойнаго государя Александра II, уголовное преслѣдованіе было прекращено; но еслибъ вся эта исторія была раскрыта съ тѣми же подробностями, какія извѣстны относительно скопинскаго банка, то расхищеніе суммъ приказовъ общественнаго призрѣнія, подъ видомъ кредита, представило бы такую широкую и богатую бытовыми красками картину, передъ которою поблѣднѣли бы даже похожденія Чичикова и его новѣйшаго преемника—Рыкова. Другой примѣръ представляетъ исторія всѣхъ залоговъ, какъ по откупамъ и казеннымъ подрядамъ, такъ и по разсрочкѣ акциза. Только архивы могли бы раскрыть, сколько милліоновъ казенныхъ рублей и разныхъ недоимокъ было сложено „по безнадежности", благодаря тому, что обезпечивавшіе поступленіе этихъ суммъ *залоги* оказались мыльными пузырями. Достаточно указать, что нѣкоторые даже спекулировали залогами. Скупались за безцѣнокъ какія нибудь болота въ Полѣсьѣ и, подъ видомъ залога, втридорога навязывались казнѣ. Какъ ни громадна представляется растрата

12.000.000 рублей, совершенная при посредствѣ скопинскаго банка, но она является ничтожною крупицею передъ потерями казны по всѣхъ видахъ прежняго казеннаго кредита. Если объ этихъ растратахъ и хищеніяхъ не кричали и не шумѣли, то это объясняется двумя причинами: во-первыхъ, тѣмъ, что въ то время «присутствіе власти» проявилось бы, прежде всего, по отношенію къ той печати, которая попробовала бы указать на эти злоупотребленія; и, во-вторыхъ, тѣмъ, что государ твенная казна слагается изъ такихъ средствъ, растрата или дурное употребленіе которыхъ неспособны возбуждать „благородное негодованіе“ и патріотическое вниманіе такихъ пѣстуновъ государственнаго и общественнаго блага, какъ „Московскія Вѣдомости“. Какъ извѣстно, ту же государственную казну эта газета желаетъ сдѣлать отвѣтственною даже за расхищеніе скопинскаго банка!..

Закрытіе казеннаго и созданіе общественнаго кредита было дѣломъ истинной политической мудрости и справедливости. Оно основывалось на мысли, что тѣ классы населенія, которые нуждаются въ кредитѣ, сами должны его организовать и сами должны быть отвѣтчиками за правильное пользованіе имъ. Примѣшивать сюда казну и переводить, въ концѣ концовъ, государственныя средства, съ трудомъ собираемыя, въ частные карманы — по меньшей мѣрѣ несправедливо. Наконецъ, являлось основательное соображеніе, что казенное завѣдываніе частными кредитными операціями вдвойнѣ невыгодно:—организація казеннаго управленія обходится всегда дороже частнаго, а неизбѣжный въ казенныхъ дѣлахъ формализмъ и необходимая осторожность при обращеніи съ казенными суммами не отвѣчаютъ всѣмъ условіямъ и потребностямъ кредита.

Но, ставъ на эту вѣрную почву, наша банковая политика не была послѣдовательна. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, избрана была полумѣра, предпочтено было нерѣшительное, неполное чуженіе принципу. Слѣдовало просто издать банковый уставъ, предоставить полную свободу банковой дѣятельности, допустить самую широкую гласность и внушить населенію мысль, что дѣло это является вполнѣ общественнымъ, за которое ни правительственная власть, ни казна отвѣчать не будутъ, точно также, какъ ни эта власть, ни казна не отвѣчаютъ за торговыя операціи или состоятельность какой нибудь купеческой фирмы или частной банкирской конторы. Вмѣсто этого, организовались какія-то смѣшанныя, не то общественныя, не то казенныя кредитныя учрежденія. Уже одно то обстоятельство, что ни одно банковое учрежденіе не могло возникнуть безъ особаго разрѣшенія, даваемаго въ видѣ концессіи, внушало обществу нѣкоторую безпечность, заставляло возлагать упо-

ваніе не на свой разумъ и не на свою личную зоркость, а на мнимый контроль чиновниковъ. Непосредственное-же участіе банковскихъ и другихъ чиновниковъ въ управленіи общественными кредитными учрежденіями, примѣръ котораго былъ поданъ самимъ бывшимъ управляющимъ государственнымъ банкомъ, г. Ламанскимъ, такъ называемыя «поддержки» изъ суммъ государственнаго банка и, наконецъ, стѣсненіе гласности, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что печатаемые отчеты, какъ дозволенные цензурою и представляемые министерству финансовъ, содержатъ одну истину, — все это еще болѣе располагало вѣрить, ничего не дѣлать и относиться къ банковымъ учрежденіямъ, какъ къ источникамъ легкаго полученія дохода, безъ всякаго риска и труда. Вышло ни то, ни се: ни общественный, ни казенный кредитъ; отсутствіе и совсѣмъ неумѣстное присутствіе власти. Вышедшій на-дняхъ законъ противъ совмѣстительства, принципіально направленный противъ смѣшенія общественнаго дѣла съ казеннымъ, является нѣкоторою поправкою и въ дѣлѣ банковой политики.

Банковыя неурядицы, однако, коренятся гораздо глубже и только косвенно зависятъ отъ той или другой формы. Духъ промышленной предпріимчивости былъ подавленъ и не могъ развиться въ крѣпостное время. На дорогѣ его стояли крѣпостная лѣнь, привычка къ пользованію даровымъ трудомъ. Бездѣятельность поддерживалась еще цѣлою сѣтью бюрократическихъ и полицейскихъ стѣсненій. Если наша жизнь не успѣла еще и до сихъ поръ избавиться отъ системы разрѣшеній даже на прочтеніе какой нибудь лекціи, на изданіе газеты, на учрежденіе школы или хотя-бы клуба; если даже вывѣски нельзя повѣсить, помимо долгаго «хожденія» по разнымъ полицейскимъ участкамъ, то странно было-бы думать, что крѣпостной духъ бездѣятельности и непредпріимчивости, отсутствіе привычки къ самостоятельному труду и привычка искать даровыхъ выгодъ—могутъ исчезнуть по мановенію жезла. Это дурное послѣдствіе прежнихъ бытовыхъ условій внесено было и въ общественныя кредитныя учрежденія. Вкладчики привлекались высокими процентами. Отдать деньги банку, въ формѣ-ли вклада, или путемъ пріобрѣтенія кредитной бумаги (закладнаго листа, облигаціи) было весьма заманчиво. Это значило—не трудясь, не сѣя, пожинать значительные доходы. Чего-же хлопотать, изъ-за чего биться, если какой нибудь Рыковъ выплачиваетъ вамъ 7 или 8 проц., безъ всякаго труда. Предполагалось, конечно, что Рыковъ трудится, что деньги, направленныя въ кредитное учрежденіе, идутъ на промышленное, производительное дѣло. Но и лица, имѣвшія возможность получить изъ банковъ деньги, проникнуты были тѣмъ-же духомъ.

На дорогѣ ихъ предпріимчивости стояли тѣ же соображенія, тѣ же соблазны и привычки, тѣ же, наконецъ, общія преграды, о которыхъ упомянуто выше. Бывшіе помѣщики получили всевозможныя суды: сначала въ видѣ выкупныхъ суммъ, потомъ въ видѣ разныхъ долгосрочныхъ и краткосрочныхъ кредитовъ. Пошли-ли эти деньги на улучшеніе сельской промышленности? Нѣтъ,—по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Прежде, получивъ деньги изъ казеннаго банка, заложивъ «души» или сельскіе продукты, помѣщикъ заводилъ охоту, покупалъ рысаковъ или кутилъ съ цыганками на ярмаркахъ. Теперь явился соблазнъ заграничныхъ путешествій, городской жизни, разныхъ „Аркадій" и „Самаркандовъ". Мы не противъ помощи образованному классу землевладѣльцевъ и не желали-бы предвѣщать дурное; но есть основаніе предполагать, что нынѣшніе *solo-векселя*, учитываемые въ государственномъ банкѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, раздѣлятъ участь прежнихъ ссудъ и породятъ такія же исторіи, какъ и дореформенныя ссуды подъ залогъ сельскихъ продуктовъ. Обращенные теперь со всѣхъ сторонъ взоры на казну—не сулятъ ничего добраго. Скопинское крушеніе, въ свою очередь, указываетъ, какое направленіе кредитъ далъ торговцамъ и промышленникамъ по ремеслу. Вмѣсто производства новыхъ цѣнностей, стали спекулировать существующими. Это породило искусственное возвышеніе цѣнъ, страсть къ легкой наживѣ, и самымъ естественнымъ образомъ привело къ несостоятельности, прикрываемой «перепиской векселей». На дѣлѣ, посредствомъ разныхъ банковъ, цѣлые милліоны рублей были отняты у промышленности.

Теперь мы стоимъ на распутіи. Нѣкоторые помышляютъ уже о томъ, какъ-бы запустить тѣ-же длани въ казенный сундукъ. Приглашенія «возстановить правительство» не могутъ имѣть другаго смысла, кромѣ приглашенія возвратиться къ прежней системѣ казеннаго кредита. На помощь этимъ вожделѣніямъ являются и модныя теперь, но превратно-понимаемыя идеи «государственнаго соціализма». Мы полагаемъ, что настоятельнѣйшая потребность и искреннее желаніе оберечь государственную казну диктуютъ и другія мѣры. Необходимо, прежде всего, облегчить предпріимчивость и оживить частную и общественную самодѣятельность. Государство не можетъ и не должно вмѣшиваться въ частныя кредитныя сдѣлки, приберегая свои силы и средства для крупныхъ государственныхъ цѣлей. Если вкладчики будутъ твердо знать, что общественныя кредитныя учрежденія не покоятся на правительственномъ контролѣ и что казна ни въ какомъ случаѣ не можетъ брать на себя отвѣтъ за расхищенія, то они станутъ осмотрительнѣе ввѣрять свои сбереженія банкамъ и зорко слѣдить за направленіемъ банковой дѣя-

тельности. Это подорветъ, прежде всего, спекуляцію и заставитъ подумать людей о болѣе прямыхъ средствахъ направленія своихъ сбереженій къ производительному труду.

Мы видимъ такимъ образомъ, что общественный кредитъ возможенъ въ Россіи также, какъ и во всѣхъ другихъ образованныхъ странахъ; больныя-же его стороны прямо коренятся въ условіяхъ, унаслѣдованныхъ нами отъ прежнихъ крѣпостныхъ порядковъ. Они основаны, по выраженію поэта,—«на *вчерашнемъ* еще духѣ».

Такіе-же точно выводы получаются изъ безпристрастнаго изслѣдованія другаго громкаго процесса, надѣлавшаго, въ послѣднее время, много шума. По поводу личностей подсудимыхъ уже опять много было наговорено крайне нелестнаго для нашей современности. Это справедливо еще относительно Семеновой и Безака. Это дѣйствительно новѣйшіе типы, съ ихъ полнѣйшею безпринципностью, съ извращенной страстью и шальными психическими вожделѣніями. Что же касается до Мироновича, то это прямой наслѣдникъ Скворешника-Дмухановскаго и Держиморды. Наконецъ, самое преступленіе Мироновича было настолько обычно въ крѣпостное время, что нерѣдко причислялось къ простымъ барскимъ развлеченіямъ. Женщины и дѣвушки крѣпостнаго времени могли-бы многое поразсказать на этотъ счетъ, и если не всѣ отдѣльные случаи сопровождались смертью, то это объясняется только сознаніемъ безнаказанности возмутительнаго насилія надъ женщиною. Негодованіе и даже пессимизмъ, порожденные преступленіемъ Мироновича, служатъ, слѣдовательно, признаками, что наше общество все-же теперь лучше, нежели лѣтъ 30—40 тому назадъ.

Подобное же заключеніе можно вывести изъ тѣхъ сомнѣній, которыя высказывались по поводу приговора присяжныхъ по дѣлу объ убійствѣ Сарры Беккеръ. Сколько сомнительныхъ и прямо несправеливыхъ приговоровъ было поставлено старыми судами, даже помимо «судебныхъ ошибокъ»! Но все это прикрывалось безгласностью. Только одно упорное недовѣріе къ правосудію, выразившееся въ самыхъ разнообразныхъ народныхъ поговоркахъ, обнаруживало это неправосудіе. Теперь-же общество волнуется по поводу одного предположенія о возможности судебной ошибки, хотя существуетъ полная увѣренность, что *сознательнаго вреда* никто не желалъ нанести подсудимымъ, что дѣло рѣшено *по совѣсти* и что передъ подсудимыми раскрыто еще множество законныхъ средствъ исправить судебную ошибку, если она представляетъ хотя малѣйшую вѣроятность. Эта возможность заключается, какъ извѣстно, и въ правѣ кассаціи, и въ правѣ пересмотра дѣла по существу, если имѣются несомнѣнныя доказательства невинности. Нельзя

не пожалѣть, что къ этого рода вполнѣ здоровымъ и желательнымъ сомнѣніямъ, свидѣтельствующимъ о преимуществахъ нынѣшнихъ условій правосудія, примѣшались дурныя побужденія. Нѣкоторые органы печати стали спекулировать этимъ процессомъ, ради оживленія газетныхъ столбцовъ и приманки публики «пикантнымъ» сюжетцемъ; другіе направили свои стрѣлы противъ новаго суда. Недавно насъ увѣряли, будто присяжные «всѣхъ оправдываютъ»; теперь уже утверждаютъ, что присяжные обвиняютъ невинныхъ, осуждаютъ людей безъ достаточныхъ доказательствъ.

Не станемъ вдаваться въ давно рѣшенный споръ о судѣ совѣсти и судѣ формальномъ. Укажемъ здѣсь только на тѣ обстоятельства, которыя оказали вліяніе на обвинительный приговоръ присяжныхъ по означенному дѣлу. Для обвиненія Мироновича, дѣйствительно, имѣются весьма слабыя улики; но чрезмѣрную тяжесть имъ придало все прошлое этого взяточника и тайнаго содержателя «гласной кассы ссудъ». Въ Англіи запрещено обвинителю разоблачать прошлое подсудимаго. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ подсудимый ссылается на свое прошлое, дозволяется его опровергать и, такимъ путемъ, разоблачать невыгодныя для него обстоятельства. Эти правила основаны на сознаніи необходимости какъ можно болѣе предоставить обвиняемому средствъ защиты и на убѣжденіи, что лучше виновнаго оставить безъ наказанія, нежели судить невиннаго въ томъ именно дѣяніи, за которое онъ призывается къ отвѣту. У насъ, въ послѣдніе годы, господствуетъ совершенно иная практика. Подъ ея вліяніемъ, обвинительная власть ступила на дорогу французскаго правосудія и дозволяетъ себѣ вернить подсудимаго даже помимо фактовъ, на основаніи однихъ вздоказательныхъ предположеній. Разоблаченіе-же прошлаго подсудимаго, хотя-бы оно не имѣло ни малѣйшей связи съ дѣломъ, опускается сплошь и рядомъ, какъ самое лучшее средство *косвеннаго* подтвержденія сомнительныхъ или слабыхъ уликъ.

Не могла остаться безъ вліянія на присяжныхъ и та отвратительная, гнусная травля, которой подвергались судьи совѣсти, по поводу всякаго оправдательнаго вердикта. Извѣстно, что дѣло доходило до разоблаченія именъ присяжныхъ и тайны ихъ совѣщаній. Ихъ поносили и ругали самымъ безцеремоннымъ образомъ и требовали объясненій по поводу того внутренняго убѣжденія, которое сложилось у нихъ на судѣ и въ которомъ невозможно дать отчета. Нѣкоторыя газеты простерли свою дикость даже до прямыхъ требованій, чтобъ надъ присяжными производились разныя расправы, въ случаѣ, если ихъ приговоръ не понравится. Кому-же охота подвергнуться подобнымъ истязаніямъ? Весьма возможно, что

присяжные, предубѣжденные противъ Мироновича всѣмъ его прошлымъ и настоящимъ, склонились въ пользу обвиненія подъ давленіемъ еще и того соображенія, что оправдательный приговоръ способенъ поднять цѣлую газетную бурю, какъ противъ нихъ лично, такъ и противъ новаго суда вообще.

Наконецъ, какъ для всѣхъ очевидно, основною и безспорною причиною всѣхъ тѣхъ смущеній, которыя сопровождаютъ дѣло объ убійствѣ Сарры Беккеръ, служитъ неудовлетворительность предварительнаго слѣдствія, организованнаго у насъ, какъ извѣстно, на разыскномъ, безгласномъ, письменномъ,—вообще, *дореформенномъ* началѣ.

Недостатки и промахи предварительнаго слѣдствія по дѣлу Сарры Беккеръ дали, наконецъ, толчокъ давно желанной, давно проповѣдуемой лучшею частью печати, мысли — о преобразованіи слѣдственной части ради согласованія ея съ началами новаго суда. Съ этою цѣлью образована уже, какъ слышно, особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ сенаторовъ.

Мы вступаемъ такимъ образомъ въ новый годъ съ нѣкоторыми надеждами на укрѣпленіе тѣхъ началъ, на которыхъ основаны новыя бытовыя условія Россіи и противъ которыхъ, по истинѣ съ мальчишескимъ задоромъ, возстаютъ такіе «психопаты», какъ нѣкоторые московскіе публицисты. Многое служитъ признакомъ, что истинное значеніе невѣжественной и лживой проповѣди этой публицистики достаточно разоблачилось. Въ этомъ убѣждаетъ, между прочимъ, и рѣчь, произнесенная министромъ юстиціи въ Москвѣ, послѣ ревизіи новыхъ судовъ въ главнѣйшихъ округахъ Россіи.

Въ этой рѣчи министръ юстиціи, между прочимъ, выразилъ:

„Я объѣхалъ многія судебныя мѣста Россіи, обозрѣвалъ дѣлопроизводство, присутствовалъ на публичныхъ засѣданіяхъ судовъ и вынесъ отрадное впечатлѣніе какъ изъ самаго суда, такъ и отъ лицъ, съ которыми познакомился лично и по отзывамъ о нихъ. Я *убѣдился, насколько всѣ дѣятели суда относятся честно, съ глубокимъ сознаніемъ долга, къ своему дѣлу.* Особенно понравилось мнѣ, что вездѣ судебная власть идетъ рука объ руку съ административною властью. *Нареканія на суды, раздающіяся въ послѣднее время, не имѣютъ основанія.* По возвращеніи въ Петербургъ, сочту за счастіе обо всемъ доложить Его Императорскому Величеству".

Къ этому офиціальному и компетентному засвидѣтельствованію добавлять нечего. Оно подтверждаетъ то, что всегда утверждала добросовѣстнѣйшая часть печати, въ томъ числѣ и нынѣшняя «Русь», и прежнія изданія г. Каткова. Эта рѣчь подкрѣпляетъ начала и главнѣйшія основы новаго суда, и дѣлаетъ возможнымъ усовершенствованіе *въ томъ-же духѣ* нѣкоторыхъ частей судебнаго механизма.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Политическія встрѣчи новаго года двадцать лѣтъ тому назадъ и теперь.—Новогодняя рѣчь Вильгельма I. Проченъ-ли миръ въ Европѣ?—Новый претендентъ на Конгское королевство, желающій пріобрѣсти его за 15 милліоновъ франковъ.—Благоразумная экспедиція генерала Уольслея.—Неблагоразуміе англійской высшей политики.—Внутренніе враги Европы.—Процессъ нидерландскихъ динамитчиковъ.—Анархисты, ненавидящіе соціалистовъ.—Взрывъ лондонскаго моста.—Колоніальная политика Бисмарка.—Новая Британія, превращающаяся въ Новую Германію.—Чѣмъ можно объяснять англійскія претензіи?—Повсемѣстные стратегическіе ключи.—Въ чемъ состоитъ главная идея политики Бисмарка?—Австрійско-католическая политика у себя и на Балканахъ.—Македонскія звѣрства.—Турецкое высокомѣріе.—Куда намъ идти: въ Афганистанъ, въ Корею или въ Абиссинію?—Развѣ мы еще не въ Гератѣ?—Шестая великая держава, „Times“, ополчившаяся на шестую часть свѣта, Россію.—1885-й годъ, какъ рѣшитель судебъ Франціи.—Французскіе анархисты.—Землетрясеніе въ Испаніи.—Жалобы ватиканскаго узника.—Россія, опередившая если не Европу, то, по крайней мѣрѣ, Австрію.

Было время,—и европейскіе дипломаты очень хорошо помнятъ его,—когда всѣ кабинеты, наканунѣ Новаго Года, находились въ тревожномъ ожиданіи: какими словами „тюльерійскій сфинксъ“ отвѣтитъ на поздравленія посланниковъ иностранныхъ державъ при французскомъ дворѣ. И какъ бы ни были ясны и даже совершенно незначительны эти слова, они коментировались на тысячу ладовъ, въ нихъ доискивались тайнаго смысла, угрожающихъ или благосклонныхъ намековъ, залоговъ спокойствія въ Европѣ или враждебныхъ дѣйствій противъ какой нибудь державы, навлекшей на себя немилость „декабрьскаго героя“, изрекавшаго съ концомъ декабря свои двусмысленные оракулы. И не разъ, не два, а десять, пятнадцать лѣтъ продолжалась зависимость спокойствія въ Европѣ отъ прихоти авантюриста, взошедшаго на престолъ путемъ заговора, нарушенія присяги и кроваваго убіенія защищавшихъ законность гражданъ подкупленною и подпоенною солдатчиною. И когда этотъ сумрачный деспотъ, боясь каждую минуту внутреннихъ волненій и разсчитывая выйти изъ нихъ путемъ внѣшнихъ побѣдъ, бросался то порабощать Мексику, то освобождать Италію, останавливаясь вездѣ на полпути, дипломатія всей Европы искала ключа къ его сумасброднымъ выдумкамъ въ новогоднихъ рѣчахъ, произносимыхъ въ тюльерійскомъ дворцѣ. Но вотъ, наконецъ, Пруссія избавила весь міръ отъ этого оперетточно-оффенбаховскаго императора и, ставъ въ главѣ германской имперіи, сдѣлалась первенствующею державою въ Европѣ. И міръ сталъ довѣрчиво относиться къ маститому вождю новой имперіи, всѣ усилія котораго клонились къ предупрежденію столкновеній между державами, къ сохраненію спокойствія. Слѣдуя дипломатическимъ традиціямъ, и онъ обращался съ новогоднимъ привѣтствіемъ къ представителямъ дружественныхъ державъ, но какъ далеки

были его всегда простыя и ясныя слова отъ преднамѣренно-запутанной
зеологіи Наполеона III. Ихъ незачѣмъ было разгадывать дипломатіи,
стала приводить ихъ безо всякихъ коментарій, какъ сдѣлала это въ пр
немъ году, только упомянувъ, что императоръ Вильгельмъ сказалъ нѣск
ласковыхъ словъ посламъ итальянскому, австрійскому, французскому
глійскому и турецкому (русскій — находится въ отпуску, и въ нового
пріемѣ не участвовалъ). Да и къ чему послужили бы рѣчи съ какими н
программами или обѣщаніями въ наше время, когда вѣрятъ не слова
фактамъ, когда сила обстоятельствъ можетъ измѣнить самыя твердыя н
гія намѣренія. Конецъ прошлаго года обѣщалъ Европѣ миръ, послѣ с
нія трехъ императоровъ, но,—не говоря уже о томъ, что одному изъ ни
мартѣ будетъ 88 лѣтъ, а о миролюбіи его наслѣдника нѣтъ никакихъ
ныхъ,—внѣ сферы германскаго вліянія находится Англія, отношенія ко
къ Германіи весьма натянуты, да и Франція можетъ сходится съ свое
бѣдительницей только на почвѣ африканскихъ, а не европейскихъ пр
совъ. Если мы присоединимъ къ этому все усиливающееся недоброжела
ство и нерасположеніе нѣмечины (Deutschthum) къ славянству вообще
Россіи въ особенности, попытки окатоличить славянскія племена, еще
ющіяся вѣрными православію,—то надежды на прочный миръ—даже въ
жайшемъ будущемъ, окажутся весьма шаткими.

Изъ-за Египта или Конго война, конечно, не начнется, хотя вопр
той и другой странѣ трудно рѣшить къ общему удовольствію всѣхъ за
ресованныхъ въ немъ сторонъ. Еще разграниченіе африканскихъ земель и
текторатъ надъ ними могутъ быть устроены посредствомъ какого н
компромисса, такъ какъ за это дѣло взялась конференція. Но и тутъ
созданія международнаго государства встрѣтились съ притязаніями бе
скаго короля, требующаго, чтобы главою этого государства былъ один
членовъ бельгійскаго королевскаго дома, а такъ какъ членовъ этого
всего только два—самъ король, да наслѣдникъ престола, сынъ королев
брата, графа Фландрскаго, неспособнаго управлять чѣмъ бы то ни бы
и выходитъ, что Леопольду II желательно править въ Африкѣ, сидя въ
селѣ. Права же его на царствованіе надъ чернокожими конгскими дик
основаны на томъ, что онъ первый устроилъ экспедицію на рѣку Конго,
любви къ наукѣ и для общей пользы", пожертвовавъ на это 15 милли
франковъ. Сумма еще не богъ знаетъ какъ велика, чтобы за нее уст
огромное царство такой крошечной монархіи, какъ Бельгія, которая и
ствуетъ-то только благодаря тому, что великія державы признали ея
тралитетъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что бельгійскія пре
встрѣчены были съ неудовольствіемъ Германіею и Франціею, и очень
тельно, чтобы были удовлетворены. Что касается Египта, вопросъ объ
странѣ разрѣшится такъ или иначе, смотря по тому, какой результатъ
имѣть экспедиція генерала Уольслея противъ Махди. Объ ней давн

нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній; извѣстно только, что англичане не пошли изъ Донголы на Хартумъ, для освобожденія Гордона, прямымъ путемъ черезъ пустыню, а избрали другой, болѣе безопасный, хотя и вдвое длиннѣйшій путь по Нилу, потому что въ пустынѣ ихъ ждалъ Махди со всѣми своими силами. Благоразуміе, конечно, дѣло похвальное и цѣнится какъ слѣдуетъ въ европейской войнѣ, но у жителей востока оно синонимъ трусости и на нихъ можно подѣйствовать только смѣлостью да силою. Финансовый вопросъ въ Египтѣ также замеръ, въ ожиданіи, чѣмъ кончится вопросъ военный. Проэктъ лорда Нортбрука о конверсіи египетскаго долга, разосланный европейскимъ державамъ, оставленъ ими безъ отвѣта; въ свою очередь и Англія отвѣчала молчаніемъ на требованія Германіи и Россіи имѣть своихъ комисаровъ въ египетской комисіи по урегулированію долга. Офиціальные органы нѣмецкой печати воспользовались только этимъ проэктомъ, чтобы сказать нѣсколько любезностей Франціи и пригласить Нортбрука войти въ соглашеніе съ этою державою, „имѣющею неоспоримыя права на Египетъ“. Другія газеты прямо заявили, что безъ назначенія новой международной конференціи, взамѣнъ лондонской, такъ нецеремонно закрытой лордомъ Гренвилемъ, нечего и пытаться рѣшать египетскій вопросъ, и, кажется, Англіи придется прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, если только ея войска не покончатъ чѣмъ нибудь быстрымъ и рѣшительнымъ съ возстаніемъ въ Суданѣ. Въ этой странѣ, какъ и въ Египтѣ, Англія, не говоря уже о потерѣ своихъ армій, истратила, конечно, больше пятнадцати милліоновъ, за которые Бельгія требуетъ себѣ цѣлое королевство, но это еще не заставитъ Европу отдать страну фараоновъ въ полное распоряженіе англичанъ.

Но, воюя съ суданскими фанатиками и китайцами, Европа все еще не можетъ собраться начать правильную войну противъ своихъ внутреннихъ враговъ—анархистовъ, не перестающихъ заявлять свою разрушительную дѣятельность динамитными взрывами и покушеніями противъ общественнаго спокойствія. Въ прошломъ мѣсяцѣ, имперскій верховный судъ въ Лейпцигѣ разсмотрѣлъ процессъ анархиста Рейнсдорфа и его сообщниковъ, замышлявшихъ уничтожить однимъ ударомъ всѣхъ германскихъ государей съ императоромъ Вильгельмомъ I въ главѣ. По чудовищности замысла, эта попытка безпримѣрна въ исторіи. Проведена была динамитная мина подъ Нидервальдомъ, куда собрались въ сентябрѣ 1883 года,—по случаю открытія національнаго памятника: колоссальной статуи Германіи,—почти всѣ германскіе государи, Бисмаркъ, Мольтке, множество выдающихся нѣмецкихъ дѣятелей и масса народа. Только благодаря счастливой случайности—мина отсырѣла вслѣдствіе дождей—не удалась небывалая доселѣ катастрофа. Процессъ этотъ возбудилъ сильное волненіе въ Германіи. Ему предшествовали тщательные обыски во всѣхъ казармахъ германскихъ войскъ: осматривали всѣ уголки, ранцы, предметы обмундированія; читались всѣ найденныя у солдатъ письма; даже частныя квартиры унтеръ-офицеровъ и вольноопредѣляющихся были подвержены

осмотру. Утверждаютъ, что не найдено ни соціалистическихъ брошюръ, ни компрометирующихъ писемъ. Въ то же время былъ высланъ изъ Берлина, административнымъ порядкомъ, гласный тамошней думы Эвальдъ за то, что предсѣдательствовалъ на сходкѣ соціалистовъ, отличавшейся чрезвычайно бурнымъ характеромъ. За возмутительныя рѣчи полиція хотя и закрыла сходку, но участвовавшіе въ ней стали бросать въ полицейскихъ стульями и пивными кружками. Подоспѣвшіе на помощь городовые были вытѣснены изъ залы. Тогда послано было за подкрѣпленіемъ, при появленіи котораго участники сходки обратились въ бѣгство. На другой-же день Эвальду было объявлено, чтобы въ теченіе трехъ часовъ онъ выѣхалъ изъ Берлина. Многимъ непремѣнно хотѣлось слить соціалистическое движеніе съ попытками анархистовъ, хотя во время процесса Рейнсдорфъ заявилъ о томъ, что онъ и его партія ненавидятъ соціалистовъ. Обвиняемыхъ по этому дѣлу было восемь человѣкъ, все рабочіе: 2 наборщика, 2 басонщика, ткачъ, башмачникъ, красильщикъ и сѣдельный подмастерье. Глава заговора Рейнсдорфъ не принадлежалъ однако къ числу первоклассныхъ представителей анархизма, онъ только исполнитель предписаній вождей, управляющихъ движеніемъ и стремящихся къ ниспроверженію общественнаго строя, какъ Мостъ, редакторъ газеты „Freiheit“. Дѣятельность Рейнсдорфа началась еще въ 1870 году, въ Швейцаріи, потомъ въ Парижѣ; въ Лондонѣ онъ сошелся съ Мостомъ, и сталъ проповѣдывать необходимость убійства не только коронованныхъ лицъ, но и вообще людей съ достаткомъ. Въ 1878 году онъ принималъ участіе съ Гёделемъ въ покушеніи на жизнь Вильгельма I и разорвалъ свои связи съ соціалистами, органъ которыхъ газета „Social-democrat“ обозвала Рейнсдорфа „бѣшенымъ субъектомъ“. Онъ неоднократно подвергался тюремному заключенію, но становился все неукротимѣе и прямо заявлялъ, что необходимо дѣйствовать динамитомъ, — во всѣхъ случаяхъ. Кюхлеру онъ объявилъ прямо, что убьетъ его, если онъ не будетъ помогать ему въ проведеніи мины подъ Нидервальдъ. Всѣ остальные шесть участниковъ заговора были только послушными орудіями Рейнсдорфа.

Допросъ подсудимыхъ начался съ Бахмана, который произвелъ взрывъ въ эльберфельдскомъ ресторанѣ. И это преступленіе было совершено по приказанію Рейнсдорфа, хотя онъ самъ лично въ немъ не участвовалъ, также какъ и въ нидервальдскомъ покушеніи. Бахманъ сознался, что произвелъ взрывъ потому, что Рейнсдорфъ находилъ необходимымъ «навести страхъ на богачей», собиравшихся въ ресторанѣ. Рейнсдорфъ при допросѣ назвалъ себя атеистомъ и анархистомъ, и утверждалъ, что «только путемъ анархіи человѣчество можетъ достигнуть высшей степени культуры и только такимъ путемъ воцарится господство разума, можно будетъ обойтись безъ законовъ, изгладится всякое суевѣріе, прекратится нужда и бѣдность. Съ уничтоженіемъ собственности, на землѣ наступитъ такая благодать, что для удовлетворенія насущныхъ потребностей достаточно будетъ двухчасовой работы въ сутки.

Тогда не будетъ надобности ни въ войскѣ, ни въ полиціи». Противъ учрежденія семьи Рейнсдорфъ ничего не имѣетъ, а религія уничтожится сама собою, при торжествѣ анархіи. Президентъ суда спросилъ его, какимъ-же путемъ анархисты надѣются достигнуть своихъ «идеаловъ?» Рейнсдорфъ отвѣчалъ, что не намѣренъ сообщать о своихъ операціонныхъ планахъ, зная наперед, что онъ здѣсь „не для того, чтобы быть оправданнымъ". Сознавая свое участіе въ нидервальдскомъ покушеніи, онъ такъ объяснялъ его: „всѣ либеральныя фразы, такъ щедро расточаемыя послѣ нашихъ якобы славныхъ войнъ, послѣ которыхъ должна была взойти заря мнимой счастливой эры—оказались обманомъ и ложью: рабочіе, производящіе все то, что имѣетъ цѣнность на свѣтѣ, теперь въ еще болѣе худшемъ положеніи, вслѣдствіе нужды и гнета. Государство полагаетъ, что его интересъ требуетъ дальнѣйшаго существованія такого порядка вещей. Неужели намъ слѣдуетъ глядѣть на это, сложа руки? Рабочіе, поступающіе такъ—негодяи и я самъ былъ-бы негодяемъ, еслибы поступалъ такимъ образомъ. Для противодѣйствія такому положенію возникло соціалистическое движеніе, но оно было слишкомъ слабо и его мѣсто заступило—анархическое. Соціалисты заботятся о насущномъ хлѣбѣ, мы-же стремимся къ культурнымъ пріобрѣтеніямъ (это—уничтожая всякую-то культуру?!). Мы не хотимъ, чтобы толчокъ данъ былъ Франціей и стремимся построить собственными силами отечественное зданіе». И это говорится, когда разрушаются всякія общественныя зданія! Затѣмъ Рейнсдорфъ началъ такъ выражаться о коронованныхъ особахъ и высшихъ классахъ, что президентъ лишилъ его слова. Спрошенный о самомъ покушеніи, подсудимый объявилъ, что въ виду не имѣлось убійство императора и другихъ лицъ, но хотѣли только произвести демонстрацію, которая доказала-бы, что „германскіе рабочіе не любятъ своихъ государей и протестуютъ противъ прославленія войны. Еслибы при взрывѣ и были убитые, мы не почувствовали-бы угрызенія совѣсти. Такія соображенія неумѣстны въ подобныхъ дѣлахъ. Я рисковалъ для этой демонстраціи своею головою и охотно приношу ее въ жертву. Сила на вашей сторонѣ. Дайте намъ нѣсколько армейскихъ корпусовъ и роли переменятся». Остальные подсудимые, сваливъ всю вину на Рейнсдорфа, утверждаютъ, что они исполняли только его приказанія. Такъ, Бахманъ увѣрялъ, что, производя взрывъ въ ресторанѣ Эльберфельда, онъ не имѣлъ намѣренія нанести вредъ собиравшимся тамъ богачамъ, а хотѣлъ только напугать ихъ. Между тѣмъ жестянка съ динамитомъ, принесенная въ ресторанъ, была очень велика и наполнена свинцомъ, который, при взрывѣ, долженъ былъ дѣйствовать, какъ картечь. Только счастливая случайность предотвратила катастрофу, подготовленную злоумышленниками, и раненъ былъ только одинъ кельнеръ ресторана. Взрывъ на Нидервальдѣ было поручено сдѣлать Рупшу, за которымъ наблюдалъ Кюхлеръ. Рупшъ увѣряетъ, что перерѣзалъ шнуръ, проведенный къ минѣ, когда Кюхлеръ приходилъ зажечь его, но слѣдствіе показало, что это неправда: шнуръ не былъ перерѣзанъ и только отсырѣлъ

отъ дождя. Когда, послѣ двукратной попытки, взрыва не послѣдовало, анархисты рѣшили, по крайней мѣрѣ, взорвать помѣщеніе, гдѣ праздновали открытіе памятника, и причинили увѣчья нѣсколькимъ лицамъ, произведя поврежденія въ зданіи. Въ заключительной рѣчи Рейнсдорфъ высказалъ всю ненависть къ государственному и общественному строю и буржуазіи и, закончивъ словами: «но у рабочихъ есть динамитъ и вскорѣ ни одинъ буржуа не будетъ чувствовать себя въ безопасности», самъ просилъ смертнаго приговора. Рупшъ со слезами умолялъ судъ о пощадѣ или, по крайней мѣрѣ, о позволеніи просить помилованья у императора. Кюхлеръ просилъ снисхожденія, какъ отецъ многочисленнаго семейства. Судъ приговорилъ Рейнсдорфа къ «смертной казни и къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 15 лѣтъ». Эта же странная форма нѣмецкой юстиціи (fiat justitia—pereat sensus) соблюдена и при осужденіи Рупша и Кюхлера— на смерть и 10-лѣтнее заключеніе. Бахманъ и Гольцгауеръ приговорены просто къ десятилѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ; остальные трое подсудимыхъ оправданы.

Въ то время, какъ въ Лейпцигѣ судились нѣмецкіе анархисты, англійскіе собраты ихъ пытались взорвать въ Лондонѣ одно изъ капитальнѣйшихъ сооруженій столицы. 13-го декабря, въ шестомъ часу вечера, на Темзѣ, въ центрѣ Сити, раздался страшный взрывъ. Онъ былъ такъ силенъ, что даже въ Вульвичѣ, на десятиверстномъ разстояніи, всѣ думали, не взорвало-ли знаменитый вульвичскій арсеналъ. Въ зданіяхъ близъ Лондонскаго моста полопались всѣ стекла по сѣверной сторонѣ, даже до Тоуера, въ полверстѣ отъ моста. Въ рыбномъ рынкѣ, со стороны рѣки, не уцѣлѣло ни одного стекла; въ тавернѣ, близъ моста, вылетѣли толстыя зеркальныя стекла, осколками которыхъ ранены трое. На самомъ мосту попадали люди и лошади; по счастью, въ это время на немъ проходило мало публики. Въ маленькихъ улицахъ погасъ газъ, на станціи желѣзной дороги пострадала крыша; на мосту повреждены арки и устои, опускающіеся въ воду. Мѣсяца за два до покушенія, полиція получила письмо съ увѣдомленіемъ, что мостъ будетъ взорванъ, и съ тѣхъ поръ охраняла его. Инспекторъ съ двумя констэблями, бывшіе въ лодкѣ въ моментъ взрыва, замѣтили пламя на рѣкѣ и испытали сильное сотрясеніе, но, подъѣхавъ подъ мостъ, не нашли уже слѣдовъ злоумышленниковъ. Это новое покушеніе испугало англійскихъ негоціантовъ и они назначили крупныя суммы для раскрытія виновныхъ, которые, конечно, не найдены. Встревожился даже всегда спокойный «Times» и спрашиваетъ: не пора-ли обратиться къ Сѣверной Америкѣ съ предложеніемъ измѣнить ея законы для того, чтобы они не обезпечивали безнаказанность людямъ, не дѣлающимъ секрета изъ своихъ убійственныхъ намѣреній. Пора-то давно, конечно, но зачѣмъ отправляться далеко въ Америку, когда въ самомъ Лондонѣ завѣдомо существуетъ пристанище анархистовъ, отправляющихъ оттуда во всѣ страны свѣта свои прокламаціи и динамитъ. Не сама-ли Англія постоянно противодѣйствовала всѣмъ соглашеніямъ державъ континен-

тальной Европы—оградить себя отъ покушеній анархистовъ? Когда же они начали работать и въ Англіи, она стала жаловаться на Америку, какъ будто въ Соединенномъ Королевствѣ никакіе злоумышленники никогда не находили пріюта. А они напомнили о себѣ тотчасъ послѣ взрыва лондонскаго моста новымъ взрывомъ въ подземной желѣзной дорогѣ подъ Лондономъ. И здѣсь не было лицъ, пострадавшихъ отъ покушенія, но постройки и галереи сильно повреждены, а виновники точно также не отысканы. Въ Дуврѣ таможенные чиновники нашли ящики съ 200 фунтами динамита. Въ то-же время и въ Барселонѣ поврежденъ одинъ частный домъ; близъ Вѣны открытъ динамитный складъ. До сихъ поръ всѣ попытки разрушенія общественныхъ сооруженій не достигали своей цѣли, вслѣдствіе-ли еще мало изслѣдованныхъ свойствъ взрывчатаго вещества, или по счастливой случайности,—но неужели надо дожидаться, чтобы несчастіе приняло огромные размѣры, для того чтобы принять мѣры противъ покушеній анархистовъ?

Англичане недовольны внѣшнею политикою своего премьера, хотя обвиняютъ больше въ ея шаткости и непослѣдовательности министра иностранныхъ дѣлъ, Гренвиля, и даже требуютъ его смѣны. «Times» говоритъ, что неспособность правительства въ этомъ отношеніи «принимаетъ характеръ національной опасности». Упреки эти относятся въ особенности къ такъ называемой «колоніальной политикѣ» Бисмарка, которая дѣйствительно должна казаться англичанамъ вызывательной и агрессивной. Сколько лѣтъ они почти безраздѣльно господствовали на всѣхъ моряхъ, основывая свои колоніи и факторіи вездѣ, гдѣ имъ вздумается, захватывая, гдѣ захочется, земли, зачастую пространствомъ вдвое, втрое больше ихъ отечества, и вдругъ держава, вовсе неизвѣстная въ лѣтописи мореплаванія и колоній, у которой и флотъ-то завелся всего лѣтъ двадцать тому назадъ, «ставитъ препоны» морскому владычеству Британіи, признанному цѣлымъ міромъ, безцеремонно захватываетъ огромныя владѣнія бокъ-о-бокъ съ англійскими, поднимая свой флагъ во всѣхъ частяхъ свѣта, въ земляхъ, издавна считавшихся достояніемъ «владычицы морей», являясь такимъ образомъ вездѣ ея соперницею, смѣлою, наступательною, опасною. Такъ, едва успѣла Англія взять подъ свой протекторатъ часть Новой Гвинеи, изслѣдованную русскимъ ученымъ, какъ Германія поднимаетъ свой флагъ на сѣверовосточномъ берегу того же острова, на островахъ Адмиралтейства и даже на архипелагѣ, давно носящемъ названіе «Новой Британіи», которому теперь даютъ имя «Новой Германіи». Этотъ архипелагъ изъ множества острововъ, между которыми главные: Новая Британія, Новая Ирландія и Новый Ганноверъ, занимаютъ въ общей сложности пространство до 48.000 кв. миль, то есть вчетверо болѣе площади всей Германіи. Занятая ею треть Новой Гвинеи составляетъ 4,000 кв. миль; острова Адмиралтейства (до 30-ти) лежатъ между Гвинеею и Новой Британіей. Всѣ эти три группы мало населены, но очень плодородны. Этимъ не ограничиваются захваты Германіи въ Тихомъ океанѣ и она приготовляется

занять острова: Королевскіе, Соломоновы, Тонга и Самоа. Здѣсь Бисмаркъ уже не дѣлалъ запроса Англіи, не имѣетъ-ли она какихъ-либо претензій на эти земли, какъ сдѣлалъ по отношенію къ Ангрѣ-Пеквенѣ. Исторія съ основаніемъ этой колоніи показала, какъ слѣдуетъ поступать съ англійскими претензіями всякой уважающей себя державѣ. Когда на запросъ Бисмарка Гренвиль отвѣчалъ, что „суверенитетъ или юрисдикція всякой державы надъ территоріей между границею Капской колоніи и португальскими владѣніями на западномъ берегу Африки были бы нарушеніемъ законныхъ правъ Англіи», германскій канцлеръ объявилъ, что не можетъ признать такихъ притязаній. Гренвиль на это увѣдомилъ, что обратится къ правительству Капской колоніи и спроситъ его мнѣнія. Бисмаркъ возразилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до капскаго правительства, и онъ ведетъ сношенія только съ Англіей. Въ то же время министръ колоній Дерби предложилъ колоніальному правительству въ Капштадтѣ — присоединить Ангру-Пеквену къ территоріи Капа. Колонія согласилась на это, но, узнавъ о ея согласіи, Бисмаркъ твердо заявилъ, что не признаетъ ни этого присоединенія, ни права Англіи сдѣлать его. Тогда Гренвиль, черезъ 17 мѣсяцевъ послѣ перваго запроса, сообщилъ, что англійское правительство признаетъ протекторатъ Германіи надъ Ангрой-Пеквеной, съ тѣмъ условіемъ однако, чтобы въ этой странѣ не учреждалось колоній для преступниковъ. Бисмаркъ отвѣчалъ и на это, что о такомъ необычайномъ условіи онъ и не доложитъ императору, и упоминая о поступкѣ лорда Дерби, деликатнѣйшимъ дипломатическимъ языкомъ доказывалъ его неделикатность, обвиняя и самого Гренвиля въ ложныхъ показаніяхъ. Депеша была составлена въ такомъ тонѣ, что если принять во вниманіе ея смыслъ, слѣдовало отвѣчать не иначе какъ разрывомъ дипломатическихъ сношеній или категорическимъ отказомъ въ признаніи правъ Германіи на основаніе колоніи въ Ангрѣ-Пеквенѣ. Но Гренвиль предпочелъ изъявить Германіи дружественныя благопожеланія къ ея обладаніи африканскою колоніею.

Это прямое указаніе на то, какъ слѣдуетъ держать себя въ сношеніяхъ съ Англіею, германская официальная печать подкрѣпляетъ косвенными совѣтами другимъ державамъ. Journal de St. Pétersbourg говорилъ недавно о претензіяхъ, заявляемыхъ англійскою комисіею по проведенію границы между Афганистаномъ и русскими владѣніями въ Средней Азіи. Комисія эта видитъ въ каждомъ незначительномъ мѣстѣ ключъ къ обладанію Афганистаномъ Norddeutsshe Zeitung, соглашаясь со словами Journal de St Pétersbourg, что если постоянно и всюду искать стратегическій ключъ, то въ концѣ концовъ на всемъ земномъ шарѣ нельзя будетъ найти ни одного пункта, который не былъ бы ключомъ къ чему нибудь, къ этимъ словамъ прибавляетъ: «если англійская печать и впредь будетъ предоставлять свободный полетъ своей изобрѣтательности, то вскорѣ не только въ Европѣ, но и въ остальныхъ частяхъ свѣта не останется ни одного пункта, который не считался бы за стратегическій ключъ». Мудрено-ли, что послѣ такихъ замѣчаній англійская печать ви-

дитъ въ нѣмецкомъ канцлерѣ прямаго врага, политика котораго, по словамъ Daily News, клонится исключительно къ тому, чтобы свергнуть Гладстона ко вреду Англіи. Правда, не лучше отзываются о Бисмаркѣ и органы другихъ странъ. Такъ, не смотря на всѣ его любезности съ Франціей, „Gaulois“ говоритъ, что «единственная цѣль его—изолировать Францію, чтобы сдѣлать ее совершенно безсильною. Католическія газеты говорятъ, что Бисмаркъ только и думаетъ, какъ бы подчинить себѣ католическую церковь; всѣ дѣйствія его—только средства къ достиженію этой цѣли. Dziennik Poznanski утверждаетъ, что руководящая, главная идея политики Бисмарка—порабощеніе поляковъ и что у него нѣтъ другой мысли. Не лучше отзываются о немъ и періодическіе органы Россіи, которой онъ сдѣлалъ много вреда на злополучномъ берлинскомъ конгрессѣ. Наконецъ, въ самой Германіи ему враждебны многія вліятельныя партіи, и самый парламентъ, доходящій даже до мелочности въ выраженіи своей непріязни къ канцлеру. Такъ, отказъ парламента въ прибавкѣ незначительной суммы въ 20,000 марокъ къ содержанію его канцеляріи по иностраннымъ дѣламъ возбудилъ неудовольствіе даже въ противникахъ канцлера, и составилась національная подписка, тотчасъ же собравшая и поднесшая Бисмарку эту сумму, которой онъ однако не принялъ, благодаря только за выраженное ему сочувствіе. Даже петербургскіе нѣмцы нашли нужнымъ по этому случаю прислать ему адресъ, восхваляющій его политику и порицающій парламентъ. Бисмаркъ, во всякомъ случаѣ, противникъ прямой, дѣйствующій явно, идущій открыто къ своей цѣли, и его нельзя не предпочесть тѣмъ врагамъ, которые на словахъ заявляютъ чувства расположенія, а втихомолку, на каждомъ шагу, противодѣйствуютъ, вредятъ тѣмъ, кого увѣряютъ въ дружбѣ и преданности.

Особенно усиленно работаетъ теперь австрійско-католическая политика на Балканскомъ полуостровѣ и въ Велеградѣ, гдѣ 5-го апрѣля готовятся торжественныя манифестаціи въ тысячелѣтнюю годовщину кончины св. Меѳодія, просвѣтителя славянъ, составившаго для нихъ, вмѣстѣ со св. Кирилломъ, азбуку, съ помощью которой священное писаніе было переведено на славянскій языкъ. Папа, причисливши уже этихъ святыхъ греческой церкви къ католическимъ святымъ, собирается теперь причислить къ своей паствѣ и славянъ, принадлежащихъ къ вѣроученію во точной церкви, или подѣйствовать на нихъ такъ, чтобы они признали его духовное главенство, признанное уже племенами чеховъ, поляковъ, хорватовъ. Во всякомъ случаѣ, это славянское торжество, на которое не приглашено главное славянское племя, русское, должно окончательно убѣдить насъ въ невозможности какого нибудь соглашенія съ папствомъ, претендующимъ на подчиненіе себѣ православной церкви, которую католицизмъ называетъ схизматическою, еретическою. Уничтоженіе между славянами этой церкви составляетъ теперь предметъ главной политической дѣятельности Австріи, дѣйствующей очень успѣшно въ этомъ направленіи, особенно въ Босніи и Герцеговинѣ, къ которой стремятся присоединить Македо-

нію. Въ этой послѣдней провинціи, оставленной берлинскимъ конгрессомъ подъ властью Турціи, происходятъ теперь точно такія же сцены, которыя предшествовали герцеговинскому возстанію и принудили сначала Сербію и Черногорію, а потомъ и Россію вступиться за своихъ истребляемыхъ соплеменниковъ, послѣ того какъ свидѣтельство такихъ государственныхъ дѣятелей, какъ нынѣшній англійскій премьеръ, обнаружило «турецкія звѣрства» надъ болгарами и сербами. Теперь роль Гладстона принялъ на себя извѣстный бельгійскій публицистъ, Лавеле, обратившій вниманіе Европы на систематическое безчеловѣчное истребленіе турками македонскихъ болгаръ, чему нисколько не противится Австрія, во-первыхъ потому, что болгары—схизматики, не признающіе папства, а, во-вторыхъ, потому, что если Европа найдетъ наконецъ нужнымъ прекратить эти звѣрства, кому-же ближе вступить въ Македонію для прекращенія волненій и умиротворенія страны, какъ не державѣ, хозяйничающей уже въ сосѣднихъ съ Македоніей провинціяхъ? Но любопытно, что въ то время, когда на обличеніе Турціи Гладстономъ довѣрчиво отозвались всѣ кабинеты, на свидѣтельство Лавелэ членъ гладстоновскаго кабинета Гренвиль заявилъ, что «Македонія теперь пользуется бо́льшимъ спокойствіемъ, чѣмъ когда либо». Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ основываетъ свое заключеніе на донесеніяхъ англійскаго консула въ Салоникахъ, но Лавелэ замѣтилъ на это, что этотъ же самый консулъ въ 1876 году «проглядѣлъ» батокскую рѣзню и доставлялъ вообще своему правительству такія неполныя и невѣрныя свѣдѣнія, что Гладстонъ долженъ былъ подтверждать свои свѣдѣнія донесеніями сѣверо-американскаго консула, тогда какъ нынѣшній англійскій консулъ отрицаетъ даже такіе факты, въ которыхъ сознается само турецкое правительство, какъ напр. въ сожженіи шести фермъ и убійствѣ пяти болгаръ близъ Веллеса. На самомъ дѣлѣ, говоритъ Лавелэ, при этомъ нападеніи 250-ти хорошо вооруженныхъ солдатъ, совершенно ограблены и уничтожены двѣ большія деревни Попротихте и Орехе, и убито болѣе пятидесяти мужчинъ, женщинъ и дѣтей—остальные разбѣжались. Въ городѣ Дебрезѣ убитъ викарій экзарха Теофила, и жители не смѣютъ выйти за городскую черту, чтобы не быть захваченными и убитыми. На истребленіе болгаръ смотрятъ равнодушно греки, заявляющіе притязанія на обладаніе этой провинціей, хотя господствующее населеніе Македоніи несомнѣнно болгарское. Чтобы уяснить себѣ вполнѣ положеніе дѣлъ въ этой несчастной странѣ, европейскія державы отправили туда своихъ комисаровъ. Послужатъ-ли къ чему нибудь эти официальныя изслѣдованія, подвержено сильному сомнѣнію. Донесенія Англіи будутъ завѣдомо ложны, потому что она сама создала на берлинскомъ конгрессѣ это невозможное положеніе Македоніи. Австрія занята теперь въ этой странѣ и вообще на Балканскомъ полуостровѣ, кромѣ католической пропаганды, гораздо болѣе важнымъ вопросомъ: проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, которыя передали бы всю торговлю съ этимъ полуостровомъ въ ея руки, вытѣснили англійскіе товары, и теперь уже рѣдко тамъ

встрѣчающіеся. Болгары и турки боятся, въ стратегическомъ отношеніи, сооруженія этихъ дорогъ, соединяющихся съ австрійскими; первые хотѣли бы отдать постройку ихъ русскимъ, вторые — оставить за собою, но Австрія настаиваетъ, чтобы онѣ были отданы прежнему концессіонеру, австрійско-жидовскому барону Гиршу, заявляющему громадныя требованія къ турецкому правительству, въ свою очередь пасчитывающему на баронѣ какіе-то милліоны неустойки по постройкѣ имъ прежнихъ дорогъ въ Турціи. Трудно разобраться во всемъ этомъ австрійско-жидовскомъ гешефтмахерствѣ. Но что всего обиднѣе, это тонъ турецкихъ газетъ, заручившихся благоволеніемъ Австріи и Англіи и отзывающихся съ высокомѣріемъ о Болгаріи и Россіи. Органъ султанскаго двора «Османовъ», менторскимъ тономъ разъясняетъ, какъ важно для Россіи дорожить дружбою Турціи, которая, охраняя проливы, тѣмъ самымъ охраняетъ и спокойствіе Россіи. Обезпечивъ за султаномъ исключительное вліяніе по охранѣ Суэзскаго канала, «Россія можетъ безпрепятственно укрѣплять свое вліяніе въ Средней Азіи». Даже Турція посылаетъ насъ въ Среднюю Азію!...

Впрочемъ, отчего же и нѣтъ, если другіе посылаютъ насъ еще дальше— въ Корею, гдѣ произошла революція, о которой еще нѣтъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній. Тамъ давно уже борятся между собою два иноземныхъ вліянія: китайское и японское. Національный элементъ равно враждебенъ имъ обоимъ, и высказался въ возстаніи противъ правительства, подчинявшагося Китаю. Семь министровъ и наслѣдникъ престола были убиты. Верхъ взяла японская партія; потомъ опять захватили власть приверженцы Китая и перерѣзали приверженцевъ Японіи, причемъ убили и дядю королевы. Во время рѣзни, король, опасаясь и за свою жизнь, куда-то бѣжалъ и скрылся. Японскій посланникъ подвергался нападенію въ домѣ посольства, сожженнаго корейцами, и долженъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ проложить себѣ дорогу до гавани, гдѣ спасся на корабль. Англія, конечно, тотчасъ же отправила въ столицу Кореи, Сеуль, военныя суда; то же сдѣлала и Германія, на что у нея, кромѣ соперничества съ Англіею, былъ еще другой поводъ: первымъ министромъ молодаго корейскаго короля, управлявшимъ съ диктаторскою властью, былъ нѣмецъ Меллендорфъ, спасшійся, во время рѣзни, въ домѣ англійскаго консула. Съ другой стороны—Китай и Японія также посылаютъ войска въ Корею. Между тѣмъ ближайшая пограничная сосѣдка Кореи—Россія, отдѣляется, по айгунскому трактату 1858 года, лишь рѣкою Туманъ отъ корейскаго полуострова, съ его восьмимилліоннымъ населеніемъ, омываемаго съ востока Японскимъ, а съ запада—Желтымъ или Китайскимъ моремъ. Нашъ портъ на Восточномъ, океанѣ, Владивостокъ, всего въ 35-ти миляхъ отъ Кореи, и нашъ крейсеръ могъ бы скоро прійти туда. Но усмиреніемъ анархіи на полуостровѣ займется, конечно, Англія или Германія, причемъ могутъ легко прійти въ столкновеніе съ Китаемъ или Японіей. Правда, вѣнская «Allgemeine Zeitung», доказывавшая въ нѣсколь-

кихъ передовыхъ статьяхъ, что Drang nach Osten существуетъ не въ Германіи, а въ Россіи прямо утверждаетъ, что Корея скоро перейдетъ въ наши руки, а затѣмъ послѣдуетъ занятіе всѣхъ сѣверныхъ китайскихъ провинцій съ Пекиномъ включительно; въ Самаркандѣ, въ то-же время, будетъ учрежденъ операціонный базисъ для наступательнаго движенія Россіи къ Гиндукушу. Здѣсь нѣмецкій политикъ сходится съ англійскимъ, утверждающимъ въ „Civil and Military Gazette“, что русскіе серьезно готовятся къ занятію Афганистана и что сами афганцы не прочь отъ тѣснаго союза съ этой державою, въ надеждѣ поживиться богатою добычею въ Индіи. Извѣстно, что какъ только вопросъ касается этой страны, самый разсудительный англичанинъ начинаетъ вѣрить нелѣпѣйшимъ слухамъ о посягательствѣ на его ахиллесову пяту. Даже придворная Сентъ-джемская газета совѣтуетъ не завязывать распри съ владѣльцами вассальныхъ государствъ и не понуждать ихъ къ сокращенію своихъ многочисленныхъ армій, о чемъ подняли было рѣчь въ парламентѣ, доказывая довольно основательно, что англійская армія въ Индіи существуетъ не для охраны страны, а для наблюденія за трехсотъ-тысячною арміею вассальныхъ раджей, и поэтому самые важные стратегическіе пункты для сообщеній внутри страны и для защиты ея отъ внѣшняго врага остаются почти безъ войска, поставленнаго только тамъ, откуда оно можетъ наблюдать за индѣйскими арміями. „Весьма вѣроятно,—говоритъ „St. James Gazette“,—если мы затѣемъ вражду съ туземными раджами, изъ Петербурга пошлютъ приказъ двинуть сто тысячъ солдатъ для захвата Герата, Кабула и другихъ мѣстъ, откуда вторженіе въ Индію такъ легко“. Всѣ ждутъ многаго отъ управленія Индіею лордомъ Дёфферином, но что можетъ сдѣлать бывшій посланникъ въ Петербургѣ, если страна требуетъ самоуправленія, а предшественника Дёфферина, лорда Рипона, правительство смѣнило за то, что онъ началъ дѣйствовать въ пользу возрожденія двухсотъпятидесятимилліоннаго населенія. Рипонъ пріобрѣлъ громадную популярность между туземцами только тѣмъ, что былъ справедливъ и относился гуманно къ массѣ, лишенной не только гражданскихъ, но и человѣческихъ правъ. За это соотечественники встрѣчали его съ явными знаками нерасположенія, тогда какъ его прощальныя поѣздки по Индіи походили на тріумфальное шествіе. „Times“, въ послѣднее время, прямо утверждаетъ, что гератскія племена просили о присоединеніи ихъ къ Россіи и что если это присоединеніе еще не совершается, то потому только, что отъ этого произошло бы паденіе министерства Гладстона, а это не желательно въ данную минуту. Вообще, нерасположеніе къ Россіи самой вліятельной англійской газеты доходитъ до крайней степени: она представляетъ наше отечество въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и печатаетъ даже на своихъ столбцахъ статьи нигилистовъ, потому, будто-бы, что въ Россіи можетъ свободно высказываться только одна сторона, что положеніе печати въ ней очень печально, а европейскія газеты не говорятъ объ этомъ.

отому что владѣльцы ихъ, банкиры, находятъ теперь выгоднымъ ладить съ Россіей. Далѣе „Times“ говоритъ и о притѣсненіяхъ евреевъ и о пагубныхъ послѣдствіяхъ покровительственной политики, и о неудачныхъ и дорого стоющихъ попыткахъ поднять дворянское сословіе, расшатанное въ конецъ, и о «невозможности отвѣчать за всѣхъ иностранцевъ, разсылающихъ изъ Англіи возмутительныя воззванія, когда мы сами не можемъ ни предупредить, ни покарать такого подлаго покушенія на убійство безъ разбора, какъ попытка взорвать лондонскій мостъ». Въ заключеніе, Россія называется «политическимъ отрицаніемъ, но способнымъ къ поглощенію другихъ отрицаній», то есть разлагающихся народовъ на ея восточныхъ окраинахъ. Такія рѣзкія выходки заставили даже благодушный „Journal de S.-Pétersbourg“ отвѣчать своему англійскому собрату, какъ «органу, отличающемуся всегда положительностью и практическимъ здравымъ смысломъ». Нашъ, также положительный и практическій органъ категорически опровергаетъ только утвержденіе „Times'a“, что Россія намѣрена овладѣть Гератомъ, тогда какъ объ этомъ нѣтъ и рѣчи, и соглашеніе двухъ имперій въ Средней Азіи оставило Афганистанъ внѣ сферы вліянія Россіи. Послѣ этого, если Англія, а за нею и другія державы перестанутъ посылать насъ въ Гератъ, то намъ остается еще Корея или Абиссинія, куда также направляютъ насъ даже нѣкоторые отечественные политики, сообразившіе, что теперь самое время утвердить православіе въ странѣ, гдѣ уцѣлѣло нѣсколько обрядовъ греко-восточной церкви. Подумаешь, какъ у насъ, должно быть, мало дѣла внутри отечества, если насъ приглашаютъ прогуляться въ Абиссинію!

Для Франціи 1885-й годъ долженъ доказать, созрѣла-ли страна для умѣренной, демократической республики или вновь подвергнется раздорамъ анархическихъ и монархическихъ партій. Въ этомъ году обновляется почти весь составъ французскаго правительства. Въ январѣ выбываетъ треть сената и должны происходить выборы въ верхнюю палату республики; осенью оканчивается срокъ полномочій нижней палаты и вся она, въ полномъ составѣ, подвергается новому избранію; наконецъ, въ декабрѣ должно все приготовить къ избранію новаго президента, который вступитъ въ управленіе въ январѣ 1886 г. Ни одно изъ французскихъ правительствъ съ конца прошлаго столѣтія не продержалось долѣе восемнадцати лѣтъ. Первая республика жила восемь лѣтъ, считая и директорію, вторая—вполовину меньше; третья живетъ уже пятнадцать лѣтъ: это уже большое чудо, но если она просуществуетъ еще дольше трехъ лѣтъ, это уже будетъ нарушеніемъ порядка, принятаго съ 1774 года, когда за пятнадцатилѣтнимъ самодержавнымъ царствованіемъ Людовика XVI наступила конституціонная монархія, въ 1792 году превратившаяся въ республику, замѣненную черезъ четыре года директоріею, потомъ черезъ четыре года консульствомъ и наконецъ, еще черезъ четыре—имперіею, продержавшеюся 15 лѣтъ, столько же, какъ и реставрація. Іюльская монархія жила тремя годами дольше, столько же, какъ и вторая имперія, смѣнившая

вторую республику, державшуюся почти пять лѣтъ. Двѣнадцатое по счету правительство, въ теченіе 111-ти лѣтъ (считая и эфемерную конституціонную имперію, учрежденную Наполеономъ I во время Стадней), живетъ уже столько же, какъ обѣ бурбонскія монархіи—самодержавная и конституціонная. Дадутъ ли ей анархисты прожить еще нѣсколько лѣтъ—это трудно рѣшить. Они не опасны, пока у нихъ нѣтъ предпріимчиваго, рѣшительнаго вождя, или пока ихъ не привлечетъ на свою сторону какой нибудь генералъ, опирающійся на преданныхъ ему солдатъ. Тогда соединеніе военнаго и гражданскаго возстанія можетъ отдать страну въ руки смѣлаго авантюриста, которому нечего терять. Теперь, когда орлеанскіе принцы, исключенные изъ арміи, не имѣютъ вліянія на нее, въ пользу ихъ нельзя ждать военнаго заговора, а штатскіе орлеанисты не имѣютъ корней въ странѣ. Еще меньше шансовъ у имперіалистовъ, окончательно потерявшихъ всякій кредитъ. Масса народа ненавидитъ цезаризмъ, но ее могутъ увлечь теоріи анархистовъ, проповѣдующихъ уничтоженіе частной собственности и грабежъ зажиточныхъ классовъ. Дѣйствуя на животные инстинкты толпы, ее можно поднять грубымъ обманомъ на всевозможныя преступленія. До сихъ поръ всѣ попытки парижскихъ анархистовъ увлечь за собою массу—были неудачны. Въ послѣдніе дни прошлаго года и первые нынѣшняго, было нѣсколько анархическихъ сходокъ, отличавшихся бурными сценами, но не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій. На одной изъ такихъ сходокъ безобразныя выходки доходили до крайней глупости и пошлости. На черной доскѣ написали имя министра Вальдека-Руссо и приглашали присутствовавшихъ плевать на доску, что и исполнялось весьма усердно. Въ залѣ Леваля, гдѣ собралось до шести тысячъ, происходили драки между партіей Бланки и анархистами. Бланкистъ Мишель совѣтовалъ брать примѣръ съ нѣмцевъ, не затѣвающихъ дракъ на улицахъ, а покушающихся на жизнь императора. При выходѣ изъ собранія, нѣсколько членовъ этой сходки были арестованы. Въ годовщину смерти Бланки происходила демонстрація на его могилѣ, гдѣ произносились рѣчи, возбуждавшія къ возстанію. На другой день была такая же демонстрація на похоронахъ матери Луизы Мишель. Въ процессіи несли красные флаги, раздавались виваты въ честь коммуны, анархіи и амнистіи всѣхъ преступниковъ. Войска были наготовѣ, но дѣло обошлось безъ столкновеній съ полиціей. Похоронами распоряжался Рошфоръ и редакція его газеты «L'Intransigeant». Анархисты взбѣшены увольненіемъ военнаго министра Кампенона и замѣной его орлеанистомъ Левалемъ, хотя послѣдній тотчасъ же послалъ приказъ генералу Негріэ дѣйствовать энергично въ Тонкинѣ и тотъ уже одержалъ значительную побѣду надъ китайцами. На театръ войны посланы также новыя подкрѣпленія, и вообще Франція рѣшилась вести войну энергично. Давно пора.

Въ Испаніи конецъ года ознаменовался большими несчастіями: землетрясеніе прошло по южнымъ провинціямъ полуострова, задѣвъ впрочемъ и сѣверныя. Офиціальныя свѣдѣнія насчитываютъ болѣе 2,000 погибшихъ при

томъ, по число ихъ должно быть несравненно выше. Болѣе всего извѣстій
ришло изъ Мадрида, гдѣ ударъ почувствовали 26-го декабря въ 9 часовъ
ечера. Матеріальный вредъ—поврежденіемъ и разрушеніемъ зданій—нанесенъ
ольше всего въ Альгамѣ, гдѣ разрушена половина города; маленькій городъ
льбулукасъ весь превращенъ въ груду развалинъ; въ Гренадѣ великолѣп-
ый соборъ, замѣчательнѣйшій памятникъ испанско-мавританской архитек-
уры, такъ оѣлъ, что опасаются его разрушенія, въ Севильѣ также постра-
али: каѳедральный соборъ, знаменитая Джиральда и древній монастырь.
трашныя опустошенія произведены въ Малагѣ, Хаенѣ, Бенагарсѣ, Нерія,
льфанатехо. Землетрясеніе отзывалось въ Португаліи и на Балеарскихъ
стровахъ.

Италія продолжаетъ поправлять свои финансы. Папа продолжаетъ жа-
оваться на свою судьбу. Принимая поздравленія кардиналовъ съ новымъ
одомъ, онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой рисовалъ невыносимое по-
ложеніе католической церкви, глава которой долженъ жить въ Римѣ подъ
гнетомъ „чужестраннаго“ правительства, простирающаго свою дерзость до
ого, что „предоставляетъ еретикамъ свободу служенія въ самой столицѣ
апства“. Какъ въ этихъ жалобахъ видна христіанская вѣротерпимость
атолицизма! Намековъ на Германію въ рѣчи папы нѣтъ, но по адресу Рос-
іи послана смиренная замѣтка о невыносимомъ положеніи церкви, доходя-
щемъ до того, что за папою не признаютъ даже права любить ближнихъ и
принимать ихъ прошенія. О томъ, что за папой остается право,—которымъ
онъ и пользуется въ широкихъ размѣрахъ,—сѣять раздоры между единопле-
менными народами, исповѣдующими только различные догматы вѣроученія—
не говорится ничего.

Въ Австріи годъ закончился новыми значительными кражами. Директоръ
одного изъ главныхъ кредитныхъ учрежденій въ Вѣнѣ, Лука Яунеръ, стянулъ
четыре милліона гульденовъ и застрѣлился. Директоръ другаго учрежденія
„Giro und Kassenverein“ Іоганнъ Люкасъ стянулъ нѣсколько сотенъ тысячъ
гульденовъ и также пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Въ Вѣнѣ арестованы двое
изъ ихъ соучастниковъ; биржевые дѣятели въ Пештѣ—чиновникъ почтамта
и гласный думы—растратили значительныя деньги. Въ Лайбахѣ застрѣлился
Ценари, управляющій кернтскимъ учетнымъ банкомъ и укравшій также сотни
тысячъ. Директоръ галиційскаго ссуднаго банка скрылся съ похищенными
имъ суммами. Близъ Вѣны застрѣлились два брата, биржевые спекуляторы.
Грабежи солидные, но они не рѣдкость и въ другихъ странахъ и, въ этомъ
отношеніи, мы не только не отстаемъ отъ Европы, а опережаемъ ее. Что
значатъ эти 4—5 милліоновъ гульденовъ въ сравненіи съ 13-ю рыковскими
милліонами и съ несосчитанными еще милліонами, которыми дѣлились между
собою заправилы петербургскаго городскаго кредитнаго общества!

ОДИНЪ ИЗЪ ПРАЗДНИКОВЪ РУССКАГО СЛОВА.

Общество наше нерѣдко упрекаютъ въ индиферентномъ отношеніи къ своимъ дѣятелямъ, къ положенію тѣхъ лицъ, которыя своимъ примѣромъ или живымъ словомъ пробуждаютъ въ массахъ стремленіе къ самосознанію, къ развитію, къ полезной дѣятельности на пользу своихъ согражданъ. Не будемъ разбирать, въ какой степени справедливы эти обвиненія общества въ равнодушіи къ собственнымъ интересамъ. Признавая даже основательными всѣ упреки, припомнимъ, что для нихъ,—говоря юридическимъ терминомъ,—существуютъ весьма серьезныя «облегчительныя обстоятельства». Не смотря на то, что Россія считаетъ уже за собою тысячелѣтнее существованіе,—давно-ли началась въ ней сознательная жизнь общества, стремленія котораго не всегда совпадаютъ съ государственными интересами? Общественное движеніе, высказывавшееся по временамъ въ удѣльный и вѣчевой періодъ, заглохшее совершенно въ эпоху татарщины и неистовствъ Ивана IV, пробудилось только къ „лихолѣтье“ и, въ борьбѣ противъ попытокъ правящихъ классовъ—подчинить страну полякамъ или боярщинѣ, стойко отвоевало свое исконное выборное начало, въ призваніи на царство юноши, излюбленнаго народомъ. Затѣмъ интеллигентная часть общества горячо стояла за петровскія реформы, возставала противъ бироновщины и онѣмеченія, участвуя въ переворотахъ при воцареніи Елисаветы и Екатерины II. Только при этой послѣдней императрицѣ, съ развитіемъ русской литературы, развилось и сознательное общественное мнѣніе, сочувственно отозвавшееся реформамъ и „Наказу“ и несочувственно—отношеніямъ къ Новикову и Радищеву, въ послѣдніе годы царствованія. Съ отрадными надеждами встрѣтило общество и воцареніе юнаго монарха, послѣ четырехлѣтняго тяжелаго правленія Павла I, и въ грустномъ раздумьѣ провожало въ раннюю могилу властителя, разочарованнаго въ людяхъ и въ мірскомъ величіи. Суровое управленіе его преемника, также разочаровавшагося, подъ конецъ жизни, въ несокрушимости военнаго могущества Россіи, въ жертву которому были принесены всѣ другія силы государства; великія реформы благодушнаго Царя-Освободителя—еще слишкомъ близки къ намъ, чтобы опредѣлить, какую роль играло общественное движеніе въ послѣднее полустолѣтіе. Достаточно припомнить только стремленіе общественной жизни въ шестидесятыхъ годахъ и при началѣ сербской войны, вовлекшей правительство въ войну съ Турціей, чтобы убѣдиться въ значеніи этихъ стремленій. Высказываться они могутъ только въ литературѣ, въ публицистикѣ, такъ какъ у насъ нѣтъ ни митинговъ, ни политической трибуны. Но все таки надо сознаться, что между нашимъ обществомъ и печатью—единственнымъ органомъ, въ которомъ оно выражаетъ свои стремленія,—еще *слишкомъ* мало солидарности и единомыслія. Это происходитъ отчасти от-

того, что и сами представители печати не сплочены между собою въ корпорацiи, въ литературныя общества, какъ во всей Западной Европѣ. У насъ, какъ извѣстно, нѣтъ не только сословiя литераторовъ, но и никакого кружка писателей, который заботился бы хотя о чисто матерiальныхъ интересахъ своихъ собратiй. Литературный фондъ оказываетъ только временную поддержку нуждающимся труженикамъ, и въ теченiе четверти вѣка никакъ не рѣшается перейти отъ благотворительности къ самопомощи, не смотря на требованiя самихъ писателей. У этого фонда нѣтъ даже своего угла и комитетъ его собирается въ помѣщенiи другихъ обществъ, а у самихъ литераторовъ нѣтъ не только клуба, какой завели себѣ даже сапожники (шустеръ-клубъ), но и никакого прiюта, ни богадѣльни, гдѣ могли бы найти убѣжище инвалиды мысли и слова. Писатели справляютъ торжественно только поминки да похороны, или празднуютъ столѣтнiе юбилеи своихъ предшественниковъ на литературной аренѣ. Только въ самое послѣднее время живые начали думать о живыхъ, вспоминать о своихъ современникахъ, потрудившихся на поприщѣ русскаго слова. Если на государственной службѣ ученая и педагогическая дѣятельность награждаются пенсiею за 25 лѣтъ, то какъ же не сказать хоть простаго русскаго „спасибо“ людямъ, не покидавшимъ, въ теченiе четверти вѣка, тяжелаго, неблагодарнаго литературнаго труда! Празднованiе такихъ юбилеевъ положительно необходимо: на нихъ публика проникается уваженiемъ къ представителямъ литературы, а молодые писатели, сплотившись вокругъ юбиляра, придаютъ ему новыя силы къ продолженiю полезной дѣятельности, а сами укрѣпляются въ борьбѣ съ обстоятельствами, неблагопрiятными для литературы, почерпая въ примѣрѣ старшаго собрата увѣренность въ томъ, что честная служба русскому слову и русскому обществу приноситъ благотворные плоды, не смотря ни на какiя препятствiя.

Одинъ изъ такихъ праздниковъ русскаго слова былъ устроенъ 23 ноября прошлаго года, въ воспоминанiе двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности *Александра Петровича Пятковскаго*. Въ небольшой залѣ отеля Демутъ, за скромной трапезой собрался небольшой кругъ писателей, (дѣло устраивалось безъ всякой шумной огласки), всего сорокъ лицъ — число, равное членамъ французской академiи. Это были, конечно, не „сорокъ безсмертныхъ“, но вѣрящихъ въ безсмертiе русской мысли и русской литературы. Тутъ были редакторы перiодическихъ изданiй и ихъ сотрудники и сотрудницы, и лица, занимающiя почетные посты на государственной и общественной службѣ. Говорились рѣчи, вспоминалось прошлое нашей литературы, оцѣнивалась дѣятельность юбиляра во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленiяхъ на поприщѣ служенiя русской мысли, журналистикѣ, критикѣ, педагогикѣ, общественному дѣлу. Мы, конечно, не будемъ говорить объ А. П. Пятковскомъ, какъ о редакторѣ, — журналъ его передъ глазами читателей, и они сами могутъ составить объ немъ безпристрастное сужденiе. Но то, что онъ сдѣлалъ, прежде чѣмъ основалъ собственный журналъ,

интересно для исторіи журналистики, которую изучалъ А. П. Пятковскій. Наши ежедневныя газеты, занятыя конференціею о Конго и другими важными вопросами, сказали нѣсколько словъ о юбилеѣ. Болѣе сочувственно отнеслись къ нему московскіе періодическіе органы, интересующіеся русскою литературою ближе своихъ петербургскихъ собратовъ. „Русскій Курьеръ“ напечаталъ даже біографическій очеркъ юбиляра и слова, сказанныя имъ въ отвѣтъ на застольныя рѣчи и привѣтствія. Эти слова опредѣляютъ значеніе нашей журналистики и ея отношенія къ литературѣ — и потому мы приведемъ ихъ ниже, но помѣщенный въ газетѣ очеркъ излагаетъ только фактическую часть біографіи юбиляра, не говоря о значеніи его произведеній, и потому мы передадимъ нѣсколько подробнѣе эту сторону его curriculum vitae.

А. П. Пятковскій родился въ Тамбовѣ, воспитывался въ тамошней гимназіи, откуда, по окончаніи курса, поступилъ въ петербургскій университетъ. Здѣсь 19-ти-лѣтній студентъ началъ свое литературное поприще критическими статьями. Первымъ произведеніемъ его была статья—„О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова“, помѣщенная въ „Сборникѣ“, изданномъ студентами петербургскаго университета въ 1859 году. Статья эта вышла отдѣльною брошюрою и, переработанная, явилась въ „Полномъ собраніи сочиненій Веневитинова“. Въ томъ же году, въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“, подъ редакціею А. В. Никитенко, явились статьи А. П. о „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева, о стихотвореніяхъ Юліи Жадовской и объ „Обломовѣ“ Гончарова, а въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (подъ редакціею Дружинина) „Замѣтка о студенческомъ бытѣ“, въ которой авторъ разъяснилъ очень старую, но все еще плохо сознаваемую многими истину, что университеты учреждаются для того, чтобы въ нихъ учиться, а не для того, чтобы заниматься фразерствомъ и кутежами. Статьи эти обратили вниманіе публики на молодаго человѣка, рано выступившаго на многотрудное поприще серьезнаго критика. Біографія Веневитинова познакомила автора ея съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, другомъ покойнаго поэта, и князь, по выходѣ въ 1861 году А. П. изъ университета кандидатомъ юридическаго факультета, рекомендовалъ его великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, какъ педагога, не увлекавшагося „судоговореніемъ“ и не желавшаго вступать на судебное поприще. Онъ поступилъ преподавателемъ русской словесности въ маріинскій институтъ, находившійся подъ покровительствомъ великой княгини, нѣсколько разъ посѣщавшей лекціи молодаго наставника. Шестидесятые и семидесятые годы были эпохою усиленной дѣятельности А. П. Онъ работалъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (подъ редакціей Краевскаго), въ „Современномъ Словѣ“ Писаревскаго (статья объ „Отцахъ и дѣтяхъ“, подъ названіемъ: „Кто лучше?“), въ „Сѣверной Пчелѣ“ подъ редакціей Усова (статья о Достоевскомъ); завѣдывалъ журнальнымъ обозрѣніемъ въ „Новомъ Времени“ (подъ редакціей Устрялова), писалъ въ „Недѣлѣ“, въ сатирическ-

кихъ журналахъ: „Искрѣ“, „Гудкѣ“, „Будильникѣ“. Въ 1865—1866 г. въ „Современникѣ“ печатались статьи А. П. по исторіи русской журналистики; въ 1867 г. въ „Дѣлѣ“ явилась замѣчательная статья: „И. И. Бецкій и его время“; а съ 1868 г., по переходѣ „Отечественныхъ Записокъ“ къ Некрасову, А. П. принималъ постоянное участіе въ отдѣлѣ критики и библіографіи. Нѣкоторыя статьи этого времени были собраны въ отдѣльную книгу и изданы въ 1870 году, подъ заглавіемъ: „Живые Вопросы“—критическіе очерки и этюды изъ современной жизни. Здѣсь, дѣйствительно, затронуто и разработано много вопросовъ, относящихся къ категоріи тѣхъ, которые Гейне называетъ „проклятыми“. Такъ, статья „По окраинамъ“, изъ путевыхъ замѣтокъ—представляетъ немало любопытныхъ фактовъ и наблюденій по обрусенію Западнаго Края. Статья „Борьба классицизма съ реализмомъ на русской почвѣ“ подробно изслѣдуетъ всю непригодность строго классической системы образованія въ примѣненіи къ русской жизни. Много вѣрныхъ мыслей высказано въ статьѣ: „Историческая эпоха въ романѣ гр. Л. Н. Толстаго „Война и миръ“, и въ статьѣ: „Журнальные ратоборцы“ по поводу полемики между „Московскими Вѣдомостями“ и „Вѣстью“; здѣсь гг. Катковъ и Скарятинъ являются живыми типами публицистики извѣстнаго рода. Серьезные вопросы затронуты въ статьѣ: „Расколъ, изобличаемый г. Ливановымъ“, по поводу его неопрятной книги „Раскольники и острожники“, и въ статьѣ „Мирный отзывъ на военные вопросы“, гдѣ несостоятельность фаддѣевскаго и французскаго шовинизма разбивается мирною логикою простаго гражданина.

Издавъ въ 1863 г. сборникъ стихотвореній, подъ названіемъ «Гражданскіе Мотивы», гдѣ во введеніи указано на значеніе развитія русской поэзіи послѣ крымской войны, А. П. въ семидесятыхъ годахъ проявилъ свою дѣятельность въ еще болѣе серьезныхъ и обширныхъ трудахъ. Такъ, въ 1874—75г. печатались его статьи по исторіи Воспитательнаго Дома, въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ». Начальство здѣшняго Воспитательнаго Дома поручило ему составить исторію этого учрежденія ко дню его столѣтней годовщины, но разойдясь съ авторомъ во взглядахъ на цѣль, тонъ и объемъ сочиненія, оказалось отъ своего намѣренія, хотя въ то же время заявило странную претензію, чтобы А. П., извлекшій изъ восьми архивовъ старинныя дѣла, на половину изъѣденныя мышами и подмоченныя наводненіемъ 1824 года, и составившій по этимъ жалкимъ остаткамъ стройное цѣлое—не смѣлъ публиковать своихъ изысканій. Когда-же авторъ отказался исполнить такое непостижимое требованіе, Воспитательный Домъ заявилъ въ судъ свои претензіи, не уплативъ автору ни копѣйки за обработанную уже имъ половину огромнаго труда. Петербургское общество сильно интересовалось въ 1872 году этимъ процессомъ, исходъ котораго не могъ быть, впрочемъ, сомнительнымъ. Окружной судъ призналъ за авторомъ право пользоваться своимъ сочиненіемъ. Начальство Воспитательнаго Дома не удовольствовалось этимъ логическимъ рѣшеніемъ дѣла

и апелировало въ судебную палату, подтвердившую приговоръ окружнаго суда. Оставалась еще инстанція—сенатъ, но Воспитательный Домъ, противъ котораго поднялось общественное мнѣніе, не рѣшился перенести свое ничѣмъ не оправдываемое требованіе въ это высшее правительственное учрежденіе.

Съ 1875 года А. П. принялъ постоянное участіе въ „Дѣлѣ", гдѣ помѣщались его фельетоны подъ псевдонимомъ «Мизантропова». Онъ работалъ также и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» Корша, составляя тамъ обозрѣніе журналовъ. Въ 1876 г. вышелъ новый обширный сборникъ статей А. П. (два тома въ 770 стр.) составленный изъ статей, помѣщавшихся въ разныхъ журналахъ и представляющихъ довольно полный, не лишенный систематичности, очеркъ развитія нашей литературы и общественной жизни въ новый періодъ русской исторіи. Сборникъ этотъ начинается монографіею: «О жизни и сочиненіяхъ Фонвизина», напечатанной въ полномъ (глазуновскомъ) изданіе сочиненій этого писателя. Не менѣе важенъ для исторіи литературы разборъ исторіи русской словесности Галахова. По отдѣлу педагогики замѣчательна статья «О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ»; по общественнымъ вопросамъ: «Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ» и «Цензурный проэктъ Магницкаго»; по русской исторіи: «Новая передѣлка карамзинской теоріи», «Опытъ философской разработки русской исторіи» и «Осьмнадцатый вѣкъ»—разборъ историческаго изданія Бартенева. Второй томъ сборника «Изъ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія» весь посвященъ «очеркамъ изъ исторіи русской журналистики» отъ Петра I до 1820 года. Къ этому очерку присоединена еще отдѣльная глава: „Журнальный тріумвиратъ", заключающая въ себѣ характеристику Булгарина, Греча и Сенковскаго. Нельзя не пожалѣть, что авторъ не продолжалъ своихъ очерковъ до позднѣйшаго времени. Въ 1880 году появилась послѣдняя: монографія «Князь В. О. Одоевскій», литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями. Печаталась она въ «Историческомъ Вѣстникѣ» а затѣмъ вышла отдѣльной брошюрою. Здѣсь внимательно оцѣнена разнообразная общественная дѣятельность этого достойнаго уваженія человѣка и талантливаго писателя.

На томъ же поприщѣ гражданскаго служенія и общественной благотворительности дѣйствовалъ и А. П., соединяя ее, въ то же время, съ педагогическими цѣлями. Такъ, въ шестидесятыхъ годахъ, онъ читалъ лекціи русской словесности въ институтѣ инженеровъ путей сообщеній, до закрытія каѳедры въ этомъ заведеніи и преобразованія его въ спеціальную академію, и преподавалъ въ разныхъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. По оставленіи службы въ маріинскомъ институтѣ въ 1874 году, А. П. былъ переведенъ въ государственную канцелярію, гдѣ, по порученію бывшаго государственнаго секретаря Д. М. Сольскаго, занимался сначала разборомъ и описью дѣлъ въ архивѣ государственнаго совѣта, причемъ описалъ болѣе 5,000 листовъ и ра-

лъ всѣ бумаги Потемкина по управленію Новороссійскимъ краемъ, потомъ
илъ по департаменту государственной экономіи, не получая въ теченіе
лѣтъ никакого содержанія. Только оставляя государственный совѣтъ въ
году, вслѣдствіе разрѣшенія издавать «Наблюдатель», А. П. награж-
былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Одновременно
ужбой государству, онъ служилъ и обществу. Въ 1872 г., утвержденный
ваніи директора петербургскаго тюремнаго комитета, онъ былъ назначенъ,
иногласному избранію директоровъ, завѣдывать «Пріютомъ для арестант-
ъ дѣтей», которымъ завѣдуетъ и до настоящаго времени, какъ предсѣ-
ль попечительства, организованнаго въ 1879 году. Во время его управ-
. онъ обратилъ пріютъ въ настоящее учебно-воспитательное заведеніе.
въ этого заведенія, утвержденный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вы-
танъ А. П. и имъ же собрано немало средствъ для содержанія пріюта
годная субсидія отъ города въ 600 руб., столько же отъ попечительства
исправительною тюрьмою, и разныя единовременныя пожертвованія).
ты А. П. за первые годы управленія пріютомъ печатались въ „Правитель-
номъ Вѣстникѣ“; по образцу его устраивались подобныя же заведенія въ
инціи. О томъ, въ какомъ положеніи находится этотъ пріютъ въ настоящее
я, свидѣтельствуетъ сообщеніе о его дѣятельности, недавно напечатанное
азетахъ по поводу годичнаго праздника пріюта, 20-го декабря 1884 года.
ванный съ цѣлью призрѣнія арестантскихъ дѣтей, родители которыхъ
аны въ Сибирь или другія мѣстности, или же умерли въ за-
ченіи, пріютъ этотъ, въ теченіе своего четырнадцатилѣтняго существо-
, выпустилъ изъ стѣнъ своихъ до 400 воспитанниковъ, обученныхъ реме-
ъ. По собраннымъ справкамъ видно, что за всѣ 14 лѣтъ ни одинъ
питомцевъ его, по выходѣ изъ пріюта, не попадалъ въ тюрьму, ни въ
едѣльческую колонію для исправленія несовершеннолѣтнихъ. Въ настоящее
я, въ пріютѣ призрѣвается 40 человѣкъ и обученіе ремесламъ идетъ
ма успѣшно. Но вслѣдствіе того, что призрѣваемые, въ настоящее время,
ольшинствѣ—малолѣтки, проходятся пока только два ремесла: швейное и
жное. Вся обувь, одежда и бѣлье для домашняго употребленія сшиты
ми призрѣваемыми. Дѣти въ пріютѣ, благодаря заботливости на-
ницы и учительницъ, содержатся превосходно, а между тѣмъ весь го-
й расходъ пріюта простирается только до 6,000 рублей. Въ „С.-Петер-
скихъ Вѣдомостяхъ“, еще въ 1876 г., П. Д. Боборыкинъ, въ воскресномъ
етонѣ, подробно описалъ этотъ дѣйствительно образцовый пріютъ, сопо-
ивъ общественную дѣятельность А. П. съ литературною. Для общества
. трудился и по тюремному вѣдомству, состоя съ 1874 года членомъ по-
тельства надъ исправительною тюрьмою, причемъ много сдѣлалъ для
изаціи тюремной школы; около полутора года занималъ онъ должность
сѣдателя этого попечительства и, за это время, подъ его руководствомъ

составлено и напечатано «Обозрѣніе дѣятельности попечительства» за 11 лѣтъ (съ 1871 по 1882 годъ).

Такимъ образомъ, посвятивъ государству и обществу двадцать лѣтъ службы, и изъ нихъ 12 лѣтъ по пріюту и 7 по государственному совѣту безъ всякаго вознагражденія, не получая ни жалованья, ни пенсіи, А. П. жилъ литературнымъ трудомъ, только въ 1878 году сдѣлавшись редакторомъ-издателемъ «Народной Школы» (до половины 1882 года вмѣстѣ съ В. А. Евтушевскимъ) а съ 1882 года началъ издавать «Наблюдатель». О его общественной и педагогической дѣятельности, на юбилеѣ, сказалъ первымъ нѣсколько горячихъ сочувственныхъ словъ вице-президентъ тюремнаго комитета генералъ-лейтенантъ Ю. Ф. Нейманъ; затѣмъ значеніе этой стороны трудовъ А. П. развилъ членъ тюремнаго комитета В. Н. Никитинъ причемъ ввелъ въ залу двухъ воспитанниковъ пріюта, поднесшихъ юбиляру адресъ заведенія, развитію котораго такъ много способствовалъ А. П. Мы приводимъ этотъ адресъ вмѣстѣ съ другимъ, говорящимъ о литературныхъ заслугахъ юбиляра:

1) Адресъ Александровскаго пріюта.

«Ваше превосходительство, Милостивый Государь Александръ Петровичъ. Друзья, знакомые и почитатели чествуютъ Васъ сегодня съ истекшею 25-ти лѣтнею плодотворною литературною Вашею дѣятельностью. Мы, служащіе и воспитывающіеся въ Александровскомъ пріютѣ, которымъ Вы управляете сряду 12 лѣтъ, всегда чувствовали къ Вамъ привязанность за Ваше истинно-отеческое, безкорыстное о насъ попеченіе; а потому, въ настоящемъ случаѣ, рѣшаемся принести Вамъ и наше посильное поздравленіе съ этимъ знаменательнымъ для Васъ днемъ. Молимъ Бога, чтобы даровалъ Вамъ счастіе на долгіе еще годы и искренно желаемъ пользоваться покровительствомъ Вашимъ навсегда».

Адресъ подписанъ начальницею пріюта, Р. И. Казанскою, ея помощницами и старшими воспитанниками.

2) Адресъ литераторовъ.

«Многоуважаемый Александръ Петровичъ! Въ истинно пріятный для насъ и знаменательный для Васъ нынѣшній день, пусть этотъ памятный листъ вкратцѣ подведетъ итогъ Вашей двадцатипятилѣтней литературной и общественной дѣятельности. Какъ писатель, Вы твердо и неуклонно шли по тому тернистому, но всѣмъ намъ близкому пути, который былъ намѣченъ Вамъ, при самомъ вступленіи на него, Вашимъ умомъ, Вашимъ сердцемъ и Вашимъ гражданскимъ чутьемъ. Какъ редакторъ, Вы издаете хорошій и симпатичный журналъ, занявшій уже свое мѣсто въ первыхъ ру-

оводящихъ рядахъ нашей журналистики. Какъ педагогъ, Вы успѣли остаить послѣ себя самую добрую и теплую память въ своихъ многочисленыхъ слушателяхъ и слушательницахъ. Какъ общественный дѣятель, Вы отратили много лѣтъ и безкорыстныхъ усилій на возможное облегченіе части людей, безпредѣльно несчастныхъ и отверженныхъ. Наконецъ, какъ еловѣкъ, Вы послѣдовательно расширяли кругъ своихъ друзей, почти не стрѣчаясь съ врагами.

«Позвольте же принести Вамъ самое лучшее поздравленіе и пожелать Вамъ, по обычаю, процвѣтать во всѣхъ отношеніяхъ—по крайней мѣрѣ, ще столько лѣтъ, сколько буквъ насчитаете Вы на досугѣ въ нижеслѣдующихъ подписяхъ». С.-Петербургъ, 23 Ноября 1884 года.

Подъ этимъ адресомъ подписались: М. И. Семевскій, В. Р. Зотовъ, Г. К. Градовскій, М. Л. Песковскій, П. В. Засодимскій, П. Д. Боборыкинъ, И. Ф. Василевскій, А. И. Поповицкій, Д. Л. Мордовцевъ, В. П. Гаевскій, В. В. Чуйко, Е. П. Карновичъ, В. О. Михневичъ, В. А. Евтушевскій, Д. Д. Семеновъ, Я. Л. Паперъ, Д. И. Георгіевскій, Ю. Ѳ. Нейманъ, А. К. Гриневскій, В. Н. Никитинъ, А. Н. Линдегренъ, К. В. Назарьева, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Н. О. Бартошевскій, Г. Э. Корнфельдъ, А. С. Виреніусъ, Н. А. Арепьевъ, С. Средовъ и др.

Служеніе А. П. обществу вообще и, въ частности, городу Петербургу, выставилъ на видъ М. И. Семевскій, нашъ извѣстный писатель-редакторъ и товарищъ городскаго головы. Пріѣхавшій изъ Москвы, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ говорилъ о необходимости единодушія и единомыслія въ литературѣ; русскій писатель болгарскаго происхожденія, г. Средовъ — о желаемомъ единеніи всѣхъ славянскихъ интересовъ; другіе литераторы говорили о томъ, что̀ такъ близко сердцу каждаго изъ насъ—о положеніи нашей литературы; серьезные выводы сливались въ этихъ живыхъ импровизаціяхъ съ юмористическими замѣчаніями. Такъ, одинъ изъ писателей (В. О. Михневичъ) остроумно выразился, говоря о „Наблюдателѣ“, что „русскому журналисту гораздо рѣже приходилось наблюдать, чѣмъ быть наблюдаемымъ“. Большимъ увлеченіемъ отличалась рѣчь Г. К. Градовскаго, которую мы приводимъ вполнѣ.

„Вашъ юбилей невольно обращаетъ мысль къ тому движенію, которое охватило, четверть вѣка тому назадъ, всю Россію, отъ самыхъ верхнихъ слоевъ до послѣднихъ рядовъ русскаго народа. Горячими и приверженными провозвѣстниками этого движенія были виднѣйшіе государственные люди Россіи, знаменитѣйшіе представители русской науки и литературы, гуманнѣйшіе члены русскаго общества. Это движеніе окрыляли такъ называемыя *„идеи шестидесятыхъ годовъ“*...

„Служить этимъ идеямъ вовсе не такъ легко, какъ кажется. Сущность этихъ идей заключается, прежде всего, въ признаніи *личности*, ея свободы въ дѣйствіи и трудѣ, свободы совѣсти, мысли и слова. Эта сторона

идей шестидесятыхъ годовъ была очень охотно, но своеобразно понята и усвоена всѣми. За нее крѣпко держатся до сихъ поръ всѣ и каждый. Дѣйствовать по своему усмотрѣнію, работать по призванію, вѣрить или отрицать, мыслить и говорить—все это такъ естественно, такъ присуще человѣку, такъ свойственно было ему во всѣ времена, что провозглашеніе всѣхъ этихъ „правъ", всѣхъ этихъ „свободъ" способно было стяжать себѣ разомъ цѣлыя толпы прозелитовъ. Это какъ разъ то, что̀ отвѣчаетъ если не сознанію, то инстинкту каждой человѣческой особи. И прежде было много охотниковъ дѣйствовать по своему произволу, и прежде многіе знали цѣну свободному труду, понимая его въ смыслѣ ничего недѣланія. И прежде было достаточно охотниковъ даже „вольнодумствовать" и сомнѣваться, мыслить и говорить, не ломая благородной головы. Но для русскаго человѣка *ново* было то, что естественная истина и свобода личности начали получать *юридическую санкцію*, клались въ основу *новыхъ бытовыхъ условій Россіи*. Идеи шестидесятыхъ годовъ тѣмъ и отличались отъ прежней эпохи, что, удерживая эти права за каждою личностью, они заставляли признавать ихъ и за всѣми другими. Это уже не могло всѣмъ нравиться: тутъ ужъ начиналось для многихъ охлажденіе и отрезвленіе. Каждому хотѣлось бы удержать свободу дѣйствія и труда, свободу совѣсти, мысли и слова *только для себя одного*. Идеи же шестидесятыхъ годовъ признавали эти права за всѣми. Это само собою создавало уже такія ограниченія и такіе предѣлы, которые далеко не всѣмъ приходились по вкусу.

„Но самое главное и самое тяжкое ограниченіе заключалось въ другой половинѣ или части „идей шестидесятыхъ годовъ". Онѣ признавали всѣ эти свободы, всѣ эти природныя свойства личности подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ,—подъ условіемъ *служенія общему благу*. Онѣ говорили каждому: ты свободенъ, но съ тѣмъ, чтобъ эту свободу направлялъ на пользу своихъ ближнихъ, своего народа, а, черезъ посредство его, и всего человѣчества; ты свободенъ, но съ обязательствомъ меньше всего заботиться о своихъ частныхъ интересахъ. Дѣйствуй по убѣжденію, работай по призванію, вѣрь, мысли и говори какъ угодно, но дѣйствія и трудъ твой должны быть согласованы съ общею пользою, но сердечныя убѣжденія, мысли и слово твое должны быть проникнуты неизбѣжною любовью къ ближнимъ, особенно „къ меньшей братіи".

„Вотъ эта-то существенная, самая органическая часть „идей шестидестидесятыхъ годовъ" не могла найти такую-же могучую, цѣльную и искреннюю толпу приверженцевъ, какъ идея личной свободы, личной выгоды и частнаго благополучія. Въ этомъ отношеніи, раньше всего объявились отщепенцы и перебѣжчики. Это положило начало расколу среди, повидимому, единодушныхъ и единомышленныхъ приверженцевъ „идей шестидесятыхъ годовъ". Торжество этихъ идей явилось, поэтому, неполнымъ

односторонним. Проведеніе ихъ въ жизнь ознаменовалось нерѣшительностью, колебаніями. Служеніе имъ оказалось не только дѣломъ труднымъ, но превратилось въ цѣлый подвигъ, затребовало отъ каждой личности чрезвычайной энергіи, самой глубокой убѣжденности; оно взывало къ истинной гражданской доблести, требовало самой неподкупной совѣсти, выдающихся нравственныхъ и умственныхъ силъ. Оно требовало всего человѣка, хорошаго человѣка... Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только оглянуться назадъ, на эту четверть вѣка. Гдѣ, въ какихъ рядахъ понесены главнѣйшія утраты Россіи за это время? Чьи силы преждевременно истощались, гдѣ смерть налагала чаще всего свою безжалостную руку, въ какихъ рядахъ произошли наибольшія опустошенія? Возьмемъ-ли мы сферу государственной дѣятельности, передъ нами воскресаютъ образы такихъ преждевременно угасшихъ людей, какъ Николай Милютинъ...

„И въ ту самую минуту, когда міровая, вѣчная *истина*, лежащая въ основѣ этихъ идей, воскресла съ новою силой,—до очевидности стало ясно, какая пагуба, какія невзгоды приноситъ всякое колебаніе, нерѣшительность и разладъ съ этими идеями, признаніе ихъ на словахъ и отрицаніе на дѣлѣ... Въ общественной дѣятельности мы понесли рановременныя утраты въ лицѣ Юрія Самарина, князя Александра Васильчикова, барона Корфа. Остановился-ли на литературѣ... но наши утраты въ этой сферѣ слишкомъ живы, чувствительны и близки къ намъ, чтобы ихъ надо было напоминать. Пришлось бы не скоро кончить, еслибъ

„... Считать мы стали раны,
Товарищей считать!“

„Тутъ передъ нами встаетъ длинная вереница самыхъ почетныхъ именъ, которыхъ не забудетъ и добромъ помянетъ исторія русской культуры, исторія государственнаго и общественнаго развитія Россіи.

„Да, не легко давалось и выносилось *сообщество* съ «идеями шестидесятыхъ годовъ». Много потребовали онѣ жертвъ... Трудно предвидѣть, насытились-ли онѣ, или еще имъ мало, и онѣ еще предъявятъ свой неумолимый запросъ на новыя жертвоприношенія... Во всякомъ случаѣ, тѣмъ, кто уцѣлѣлъ, кто по нравственному своему складу не можетъ и не желаетъ оказаться въ «нѣтчикахъ», когда исторія потребуетъ отчета въ ихъ жизни и дѣятельности, остается поддерживать и поздравлять другъ друга уже за то, что они пребывали вѣрными своему знамени среди повальнаго дезертирства или равнодушія.

„Александръ Петровичъ! Не старайтесь оправдываться и не разсчитывайте на снисхожденіе!.. Вы обвиняетесь въ сообществѣ съ «идеями шестидесятыхъ годовъ». Тяготѣющая надъ вами вина тѣмъ болѣе тяжка, что принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ *длящихся* преступленій... Ваша вина длится двадцать пять лѣтъ!.. Это четверть вѣка, это не шутка даже для народа, а тѣмъ болѣе для человѣка. Вы имѣли полную возмож-

пость *одуматься, отрезвиться* и *раскаяться*, вмѣстѣ со многими другими *трезвенными* людьми. Но вы упорствовали... Уже за одно это упорство, помимо всякихъ другихъ оказательствъ вашего сообщества съ упомянутыми „идеями", — вы подлежите отвѣту... И вы осуждены... Приговоръ надъ вами произнесенъ собравшимися здѣсь представителями русскаго общественнаго мнѣнія... Чтобъ наказать васъ такъ, какъ вы того достойны, провозглашаю тостъ: за торжество „идей шестидесятыхъ годовъ!"

Приводимъ также рѣчь бывшаго директора закавказской учительской семинаріи, а нынѣ эксперта по городскимъ начальнымъ училищамъ С.-Петербурга, извѣстнаго педагога Д. Д. Семенова.

„Двадцать пять лѣтъ самой сердечной, теплой и безкорыстной дружбы что нибудь да значатъ, въ особенности въ наше столь измѣнчивое время. А именно таковы были и есть наши взаимныя отношенія съ глубокоуважаемымъ Александромъ Петровичемъ, котораго честную, не омраченную ни единымъ пятномъ, литературно-педагогическую дѣятельность мы собрались почтить въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ. Я знаю Александра Петровича еще съ университетской скамьи и уже тогда удивлялся и его трудолюбію, и его скромной жизни, и его довольствомъ даже бѣднымъ положеніемъ, и его возвышеннымъ идеаламъ служенія отечеству.

„Получивъ основательное и солидное юридическое образованіе, обладая притомъ даромъ слова, Александръ Петровичъ могъ бы разсчитывать на блестящую юридическую карьеру, но онъ предпочелъ ей скромное педагогическое и литературное поприще, которому остался вѣренъ въ продолженіе 25-ти лѣтъ, не свернувъ съ него ни разу ни подъ вліяніемъ „вѣяній вѣтра", ни соображеній чиновничьей карьеры и корыстныхъ цѣлей. Онъ всегда принадлежалъ къ кружку тѣхъ педагоговъ и литераторовъ 60-хъ годовъ, которые желали бы обновленія русскаго общества естественнымъ путемъ науки, воспитанія и широкихъ общественныхъ реформъ, а не какого-либо насильственнаго переворота.

„Насколько я припомню, первымъ солиднымъ педагогическимъ трудомъ А. П. былъ рядъ статей „о Бецкомъ", помѣщенныхъ въ „Дѣлѣ" въ 1867 г.; далѣе появился рядъ статей о петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ въ „Вѣстникѣ Европы" и „Русской Старинѣ".

„Въ это же время А. П. преподавалъ русскую словесность въ Маріинскомъ женскомъ институтѣ, сотрудничалъ въ педагогическомъ журналѣ „Народная Школа", принималъ постоянное и самое живое участіе въ обсужденіи различныхъ педагогическихъ вопросовъ въ Педагогическомъ Обществѣ, нынѣ уже не существующемъ, писалъ критическія статьи въ нашихъ лучшихъ журналахъ и газетахъ. Послѣ внезапной смерти редактора „Народной Школы" Ѳ. Н. Мѣдникова, въ 1878 году, А. П. становится редакторомъ этого педагогическаго журнала, сначала вмѣстѣ съ В. А. Евтушевскимъ, а съ 1882 года—единолично.

„Въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ А. П. никогда не былъ слѣпымъ поклонникомъ „нѣмецкой педагогики“, не увлекался и модными педагогическими иллюзіями, но и не былъ, разумѣется, защитникомъ отжившей тарой рутины, а обосновывалъ свои взгляды на твердыхъ началахъ науки, естественнаго развитія человѣческой природы и историческихъ, не выдуманныхъ требованіяхъ русской народности.

„Здравый трезвый взглядъ на дѣло обученія и воспитанія не остался безъ вліянія на молодыхъ педагоговъ и избавилъ ихъ отъ утопій и крайнихъ увлеченій въ ту или другую сторону. Въ этомъ заключается несомнѣнная заслуга А. П., какъ педагога. Какъ литераторъ, А. П. всегда былъ поборникомъ честнаго, свободнаго, критическаго направленія литературы—безъ фальши, односторонннихъ увлеченій, безъ заискиванія, безъ слѣпаго служенія излюбленнымъ кумирамъ. Какъ человѣкъ, А. П. всегда поражалъ стойкостью своихъ убѣжденій, неизмѣнностью хорошихъ отношеній къ своимъ друзьямъ и сотрудникамъ, всегда былъ добрымъ товарищемъ и остроумнымъ застольнымъ собесѣдникомъ.

„Какъ старѣйшій другъ, отъ души поднимаю бокалъ за здоровье А. П., какъ разумнаго педагога, какъ честнаго, безпристрастнаго литератора, какъ полезнаго общественнаго дѣятеля, какъ хорошаго человѣка и какъ любимаго нами друга и товарища“.

Юбиляръ получилъ также много телеграммъ, поздравленій и писемъ изъ разныхъ мѣстъ и отъ разныхъ лицъ, которыя почему либо не могли присутствовать на праздникѣ. Писали и народные учители, и ученики А. П., и лица, стоящія на высокихъ ступеняхъ служебной іерархіи, и извѣстные литераторы, и сослуживцы А. П. по государственному совѣту, учебному и горному вѣдомству. Изъ этихъ писемъ приводимъ только одно, послѣднее, написанное за нѣсколько дней до смерти, другимъ дѣятелемъ шестидесятыхъ годовъ, Н. С. Курочкинымъ. Вотъ что писалъ этотъ, всѣми уважаемый, литераторъ на имя одного изъ распорядителей праздника, И. Ф. Василевскаго:

„Милостивый Государь
Ипполитъ Федоровичъ!

„Я получилъ любезное приглашеніе отъ гг. распорядителей юбилейнаго обѣда Александру Петровичу Пятковскому, но, къ крайнему моему сожалѣнію, принять участія въ немъ не могу, такъ какъ уже пятый годъ мучительная болѣзнь не позволяетъ мнѣ оставлять постели.

„Я очень сокрушаюсь, что судьба не позволяетъ мнѣ принять никакого, сколько нибудь дѣятельнаго участія въ вашемъ праздникѣ; честное и неуклонное служеніе почтеннаго юбиляра интересамъ литературы и просвѣщенія мнѣ хорошо и близко извѣстно: немало лѣтъ сряду я былъ чуть не изо-дня въ день очевидцемъ той тяжелой борьбы, которую онъ велъ на избранномъ имъ пути, далеко не усыпанномъ розами. Трудъ его былъ

не легкій и онъ съ неутомимой энергіей шелъ къ предназначенной имъ себѣ цѣли, подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ, никогда не падая духомъ, не ослабѣвая отъ усталости и не теряя вѣры въ высокіе и прекрасные идеалы, которымъ онъ никогда не измѣнялъ. Многое хотѣлось выска зать по поводу настоящаго юбилея, но, лишенный возможности сдѣлать это, я все таки попросилъ бы васъ, Милостивый Государь, привѣтствовать и отъ моего имени любезнаго Александра Петровича и пожелать, какъ ему, такъ и его журналамъ, дальнѣйшихъ успѣховъ, благоденствія и долголѣтія. Журналы эти, не разорвавшіе связи съ лучшими литературными традиціями прежняго времени, „не позабывшіе родства“ и умѣющіе „хранить огонь на алтарѣ“, теперь болѣе чѣмъ когда либо необходимы, въ эпоху нашего тяжелаго прозябанія, когда злобный рокъ гаситъ одинъ за другимъ всѣ свѣтильники разума, когда во главѣ весьма немногихъ еще изданій остаются люди, къ которымъ примѣнимо Квинтиліановское опредѣленіе: „vir probus scribendi peritus“, и на журнальной аренѣ, чуть не сплошь поросшей крапивой и волчецомъ, производится какое-то упраздненіе идейной литературы и начинаются какія то грандіозныя охоты за читательскими и сотрудническими грошами, затѣваемыя чуть не гробовыхъ и заплечныхъ дѣлъ мастерами, готовыми съ одинаковою развязностью знакомить русскую публику какъ съ американскимъ гешефтмахерствомъ, такъ и съ персидскимъ мазурничествомъ“.

Вотъ что отвѣчалъ юбиляръ на принесенныя ему поздравленія и пожеланія:

«Милостивые государи! Случай, который соединилъ насъ въ одинъ тѣсный кружокъ, рѣдко выпадаетъ на долю русскаго писателя. «Жизнь пережить—не поле перейти»; но пережить цѣлую четверть вѣка на скользкомъ и мало привѣтливомъ поприщѣ русскаго публициста—совсѣмъ не то, что провести это время въ какомъ нибудь мирномъ затишьѣ или даже на другихъ поприщахъ дѣятельности. Стоять въ средоточіи умственной и общественной борьбы, которая во время великихъ реформъ велась въ литературѣ и журналистикѣ, какъ на единственной аренѣ, доступной у насъ для открытаго обсужденія вопросовъ; видѣть и жертвъ и побѣдителей этой борьбы; присутствовать при смѣнѣ идей, системъ и тенденцій; на себѣ самомъ испытывать вліяніе разныхъ треволненій, принимать ихъ близко къ сердцу — это, право, стоитъ не одной военной кампаніи, хотя въ этихъ безкровныхъ войнахъ я игралъ только роль простаго рядоваго или матроса на кораблѣ. Но,—хотя-бы въ званіи простаго матроса,—я могу гордиться тѣмъ, что корабль, на которомъ совершалось мое житейское плаваніе, былъ вольный корабль, что онъ держалъ путь къ обѣтованной землѣ, что въ его трюмѣ не было уже закованныхъ рабовъ, что съ нихъ снялъ цѣпи самъ Вѣнчанный Шкиперъ,—

„Тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля".

«Я смѣю думать, Мм. Гг., что ваше сочувствіе и вниманіе ко мнѣ вызваны именно тѣмъ фактомъ, что въ моемъ лицѣ вы видите скромнаго труженика, оставшагося вѣрнымъ тѣмъ освободительнымъ идеямъ, тому честному отношенію къ печатному слову, той искренней вѣрѣ въ великое будущее русскаго народа, достижимое только путемъ прогрессивнаго улучшенія формъ жизни,—съ которыми онъ, на зарѣ 60 годовъ, выступилъ на новое литературное и общественное поприще.

«Ваше вниманіе послужитъ для меня лучшею наградой за пройденный путь, и оно-же подкрѣпитъ меня на продолженіе моей дѣятельности въ томъ направленіи, для котораго найдутся еще и отзывчивыя сердца, и добрыя души, и трезвые умы!

«Мы всѣ,—скажу словами старѣйшаго русскаго историка—одно любимъ, одного желаемъ: любимъ свое отечество, желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы. «Во имя этой любви къ отечеству, мы можемъ смѣло подать другъ другу руки, не взирая на различіе, быть можетъ, иныхъ второстепенныхъ взглядовъ и мнѣній».

Изъ этой рѣчи, въ которой юбиляръ отступаетъ на второй планъ, предоставляя первое мѣсто русской литературѣ и публицистикѣ, изо всего, что говорилось на этомъ юбилеѣ, читатели видятъ, почему мы придаемъ ему значеніе, почему назвали его «праздникомъ русскаго слова». Лицо тутъ, дѣйствительно, выдвигаетъ впереди себя принципъ,—борьбу за журналистику,—и если въ этой четверть-вѣковой тяжелой борьбѣ нельзя, какъ въ борьбѣ севастопольской, считать каждый мѣсяцъ за годъ, то можно смѣло считать каждый годъ за два. А усиліямъ этой борьбы отдадутъ справедливость наши потомки... **В. З.**

НОВЫЯ КНИГИ.

Дриль, Дм. **Малолѣтніе преступники.** Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ ней. *Выпускъ первый.* М. 1884.

Наука уголовнаго права, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ разбираемаго нами почтеннаго труда, находится въ настоящее время въ переходномъ состояніи, вслѣдствіе столкновенія на ея почвѣ различныхъ теченій. Между тѣмъ какъ въ старой метафизической, или, какъ ее чаще называютъ,

классической школѣ еще живы руководящія идеи отмщенія или возмездія, или вознагражденія, возникшія первоначально на почвѣ грубой междуродовой мести,—новыя теченія приносятъ съ собою въ науку уголовнаго права и новыя, противоположныя воззрѣнія. Въ то время, какъ старая школа еще продолжаетъ исходить въ своихъ построеніяхъ отъ общаго понятія о «человѣкѣ вообще», и въ своихъ рѣшеніяхъ вопросовъ о человѣческой преступности продолжаетъ руководиться самонаблюденіемъ или, иначе говоря, внутреннимъ опытомъ авторовъ,—соприкоснувшаяся съ уголовнымъ правомъ психіатрія ясно показываетъ всю несостоятельность такого предположенія и раскрываетъ передъ нами цѣлый міръ невѣдомыхъ психическихъ явленій. Основываясь на многочисленныхъ и тщательно провѣренныхъ наблюденіяхъ, она показываетъ, что психическіе моменты, отмѣчаемые уголовнымъ правомъ подъ общими терминами «злаго умысла» или «злой воли», на самомъ дѣлѣ представляютъ величайшее разнообразіе оттѣнковъ психическихъ состояній, а потому настоятельно требуютъ конкретнаго изученія на почвѣ опыта и наблюденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новая позивитивная школа уголовнаго права прямо выставляетъ своимъ девизомъ необходимость приложенія опытныхъ методовъ и къ рѣшенію вопроса о борьбѣ съ преступленіемъ, совершенно основательно находя, что если эти методы привели къ столь плодотворнымъ результатамъ въ однихъ отдѣлахъ науки, то рѣшительно нѣтъ основаній не прилагать ихъ и къ другимъ, такъ какъ всѣ научные отдѣлы составляютъ въ своей совокупности лишь одно цѣлое,—единую науку, какъ результатъ дѣятельности испытующаго ума человѣка, направившагося на изученіе единаго, хотя и необъятнаго цѣлаго,—природы.

Ученіе этой школы, представителями которой являются преимущественно итальянскіе юристы, несомнѣнно имѣетъ будущность, потому что оно не ограничивается отвлеченными опредѣленіями, а стремится выяснить основы понятія о преступности, на которомъ зиждется все уголовное право. Оно стремится свести всѣ проявленія порочности и преступности къ одному общему источнику,—особенностямъ психо-физической организаціи, и такимъ образомъ устранить безплодные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и несправедливые въ своихъ послѣдствіяхъ споры *о качественныхъ* различіяхъ въ человѣческой порочности; оно разсматриваетъ преступника, наравнѣ съ душевно-больнымъ, какъ жертву особенностей его организаціи, которыя, не будучи своевременно измѣнены воздѣйствіемъ другихъ, не преступныхъ людей, опредѣлили его дальнѣйшій путь. А это, въ свою очередь, уничтожаетъ то *коренное* различіе между душевно-больнымъ и душевно-здоровымъ преступникомъ, которое и до сихъ поръ еще рѣзко проводится уголовными законодательствами. Дѣйствительно, если все зависитъ отъ особенностей психо-физической организаціи, то и различіе этихъ двухъ категорій, очевидно, не можетъ быть существеннымъ, а можетъ заключаться лишь въ степени совершенства организмовъ, что, въ свою очередь, обусловливаетъ лишь различіе въ употребле-

ыхъ *однородныхъ* средствахъ, а не такую казенную разницу мѣръ, какъ ѣченіе и возмездіе.

Авторъ разбираемаго нами труда является представителемъ именно этого оваго взгляда въ наукѣ уголовнаго права. Избравъ себѣ надежныхъ представителей въ лицѣ наиболѣе выдающихся изъ европейскихъ криминалистовъ-озитивистовъ, онъ подробно излагаетъ развиваемую ими теорію, подкрѣпляя свои доводы массою фактическихъ данныхъ. Преступленіе онъ опредѣляетъ, какъ отклоненіе человѣка отъ нормальнаго типа, какъ результатъ несоотвѣтствія психо-физической структуры личности съ условіями жизни окружающаго ее общества,—и, сообразно съ этимъ опредѣленіемъ, разсматриваетъ различные виды психо-физическихъ аномалій и старается опредѣлить причины, ихъ порождающія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ доказываетъ, что хотя позитивная теорія и ведетъ къ измѣненію взгляда на преступленіе и на преступника, но при этомъ она нисколько не подрываетъ и не колеблетъ понятія о вмѣняемости, какъ это утверждаютъ нѣкоторые. «Изъ какихъ бы источниковъ ни истекала человѣческая преступность,—говоритъ онъ,—общество, страдающее отъ зла преступленій, потрясающихъ въ самыхъ его основахъ, не можетъ не принимать мѣръ къ ихъ искорененію; а такъ какъ ближайшая причина ихъ кроется въ преступникѣ, то и (мѣръ) противъ этого послѣдняго, называйся онъ здоровымъ или больнымъ. Все различіе новаго взгляда отъ прежняго заключается въ томъ, что прежній искалъ ближайшаго источника преступленій лишь въ психикѣ («злая воля»), тогда какъ новый ищетъ его въ «нераздѣльной психо-физикѣ»,—стараясь научно опредѣлить причины, порождающія въ человѣкѣ злую волю». Вмѣстѣ съ тѣмъ, новый взглядъ значительно измѣняетъ существующія въ настоящее время понятія о дѣйствительныхъ средствахъ борьбы съ преступленіемъ. Прежде всего, онъ приводитъ къ индивидуализаціи наказанія въ соотвѣтствіи съ различіями въ оттѣнкахъ преступленія. Насколько невозможно лѣченіе отъ болѣзни *вообще*, настолько же невозможна и борьба съ преступностью по общей формулѣ. Во всѣхъ случаяхъ и всегда необходимо исходить отъ изученія живой личности съ ея разнообразными особенностями. Во-вторыхъ, онъ приводитъ къ измѣненію и въ самомъ характерѣ наказанія. Пока въ преступленіи видѣли результатъ только злой воли, какъ особой сущности души, до тѣхъ поръ во всѣхъ случаяхъ дѣйствовали лишь страданіемъ и устрашеніемъ. Новая, позитивная теорія говоритъ, что наказаніе должно быть лѣченіемъ, т. е. должно имѣть цѣлью исправленіе порочности психо-физической организаціи преступника и поднятіе его до типа нормальнаго общественнаго человѣка.

Вообще, авторъ касается въ своемъ изслѣдованіи вопросовъ основныхъ, чрезвычайно важныхъ и интересныхъ не только для криминалиста, но и для всякаго образованнаго человѣка. Трудъ этотъ задуманъ въ очень обширныхъ размѣрахъ; въ разсматриваемомъ нами теперь первомъ выпускѣ, о «малолѣтнихъ преступникахъ», собственно, нѣтъ ни слова: имъ будетъ посвященъ вто-

рой выпускъ; здѣсь же изложены только основныя положенія и руководящія начала, которымъ слѣдуетъ авторъ. Дальнѣйшая часть труда будетъ посвящена вопросу о взрослыхъ преступникахъ, такъ что весь трудъ въ цѣломъ явится полнымъ изслѣдованіемъ вопроса о преступности,—вопроса, который составляетъ одинъ изъ труднѣйшихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важнѣйшихъ отдѣловъ человѣческаго вѣдѣнія, и затрогиваетъ самые насущные, животрепещущіе интересы общественной жизни. Въ виду такого значенія задачи, взятой на себя г. Дриленъ, нельзя не пожелать, чтобы авторъ не отступалъ передъ ея трудностями и довелъ до конца свой чрезвычайно полезный и добросовѣстно выполненный трудъ.

Отчетъ русскагогеографи́ческаго общества за 1883 годъ. Спб. 1884.

По привитому обычаю, отчетъ этотъ начинается „за упокой", поминаніемъ членовъ, скончавшихся въ прошломъ году, и оканчивается цифрами и данными, доказывающими „здравіе" общества. Оно потеряло въ 1883 г. 14 членовъ: графа Путятина, англичанъ: статистика Фарра и генерала Себойна, извѣстнаго своими трудами о земномъ магнетизмѣ; публициста и журналиста В. Ѳ. Корша, астронома Кнорре, секретаря вольнаго экономическаго общества А. И. Ходнева, знатока Сибири Щукина, молодаго Скачкова, астронома Савича, писателей: Чубинскаго, Церетелева, Шульца и др. Общее число членовъ также уменьшилось къ 1884 году: вмѣсто 1010 человѣкъ теперь ихъ 858; 87 членовъ сложили съ себя это званіе въ прошломъ году. Изъ предпріятій, осуществленныхъ обществомъ, замѣчательны: экспедиція М. Н. Пржевальскаго въ Тибетъ, продолжающаяся и въ нынѣшнемъ году; экспедиція въ Китай Г. Н. Потанина; экскурсія врача холерной станціи на Новой Землѣ поперекъ южнаго острова; экспедиція въ Дарвазъ и Шугнанъ, г. Регеля. Метеорологическія наблюденія продолжались въ 70 пунктахъ. Издало общество: «Третье путешествіе въ Центральной Азіи» Пржевальскаго, „Очерки сѣверозападной Монголіи" Потанина, два тома записокъ (X и XI), XII томъ „Извѣстій" и два выпуска Географическаго Словаря. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ много любопытныхъ статей, но словарь, изданіе котораго тянется 15 лѣтъ, и по окончаніи потребуетъ большихъ дополненій и исправленій, если даже къ нему не присоединять Царства Польскаго и Финляндіи, почему то не вошедшихъ въ составъ русскаго словаря. Высшія награды присуждены: г. Сѣверцову за изслѣдованія въ Средней Азіи (Константиновская медаль) и г. Вильду за сочиненіе «О температурѣ воздуха въ Россіи» (медаль графа Литке); общее число томовъ въ библіотекѣ было 44,362. Расходъ, простиравшійся до 26 тысячъ слишкомъ, былъ на 335 рублей болѣе противъ того, сколько имѣлось текущихъ суммъ, и передержка покрыта изъ запаснаго капитала, уменьшившагося до 12,495 рублей. Неприкосновенный капиталъ возросъ до 26,584 р. Всего израсходовано въ отчетномъ году 117,000 слишкомъ. Къ отчету приложены четыре отзыва о трудахъ гг. Сѣверцова, Вильда, Лесоара, Агапитова и Хансалова, смѣта, разные списки, отчеты и т. д.

ФОНОГРАФЪ.

(фельетонъ „Наблюдателя.“)

Рябь и зыбь роднаго прогресса.

1884-й годъ.

Годъ, какъ историческая единица, какъ лѣтописное цѣлое, особенно, когда рѣчь идетъ о 365 дняхъ, пережитыхъ 100 милліонами обывателей, представляетъ собою такое объемистое и внушительное понятіе, которое непремѣнно требуетъ отъ пишущаго самой безупречной серьезности и обязательнаго философскаго паренія. Публицистъ, хотя бы и склонный къ нѣкоторому легкомыслію, приступая къ очертанію общей физіономіи истекшаго года, сравнивается въ писательскомъ рангѣ съ историкомъ. Онъ инстинктивно чувствуетъ позади себя великія тѣни Геродота, Плинія, Нибура, Д. И. Иловайскаго, а впереди видитъ, въ воображеніи разумѣется, болѣе или менѣе длинные ряды читателей, шумно, и неотвязно,—такъ, по крайней мѣрѣ, предполагается.—приступающихъ къ нему съ запросами: «скажите, кто мы? что мы и какъ мы? Милуйте или казните, надѣвайте лавровые вѣнки или дурацкіе колпаки, привѣтствуйте златоперстую зарю или волчьи сумерки, кричите «ура» или «караулъ», продѣлывайте всякую гимнастику на трапеціяхъ индукціи и дедукціи, но только помогите намъ изловить какой нибудь общій смыслъ у вчерашняго прошлаго и выжать изъ него хотя бы нѣсколько поучающихъ наставленій, для ближайшаго будущаго. Не можетъ быть, чтобы годичная жизнь цѣлой страны прошла безъ всякихъ видимыхъ слѣдовъ. Вѣдь муха, приставшая къ стеклу, и та оставляетъ послѣ себя насѣстъ. Не можетъ быть, чтобы полный русскій годъ не навелъ васъ на размышленія и чтобы послѣднія, пройдя чрезъ горнило критики чистаго разума, не вылились въ формѣ тѣхъ или иныхъ аксіомъ и основоположеній. А потому, взбирайтесь не гору, устремляйте ваши взоры на окружающіе горизонты, и «жгите наши сердца вашимъ глаголомъ».

Пишущій всегда твердо думаетъ, что читающіе въ душѣ говорятъ ему именно такъ и, нетерпѣливо посматривая на часы, ждутъ не дождутся до зарѣзу нужныхъ имъ откровеній и прозрѣній. Въ дѣйствительности, быть можетъ, ничего подобнаго и нѣтъ, но въ сочинительской профессіи никакъ невозможно обойтись безъ извѣстныхъ иллюзій и условностей, ибо если предпо-

ложить, что читатель ничего не ждетъ отъ писателя, то чего же можетъ ждать писатель отъ читателя? Зачѣмъ тогда писать писателю и читать читателю?

И вотъ «годичный обозрѣватель»,—титулъ въ родѣ прежняго, дореформеннаго непремѣннаго засѣдателя,—степенно и неторопливо поднимается на каѳедру, ясно видя и сознавая умѣстность и необходимость начать свои прощальныя съ упраздненнымъ годомъ слова какими нибудь обобщенными «увертюрными» истинами или изреченіями, насчетъ текущей и бѣгущей современности. Память пишущаго обязательно приходитъ тутъ ему на помощь и, по ассоціаціи идей, подсказываетъ разныя подходящія вступленія. «Начни, говоритъ она ему, хотя бы такъ: исторія—это апелляціонная жалоба на современныя заблужденія, подаваемая въ судъ потомства. Тутъ будетъ язвительный и злорадный намекъ. Мы, молъ, современники, о себѣ ничего не говоримъ. Намъ что! Мы и въ запертомъ на задвижку клозетѣ душу отведемъ. Но, подумайте, что скажутъ потомки»?.. Или, продолжаетъ память совѣтовать пишущему, скажи такъ: «отнять правду у исторіи—значитъ вырвать глаза у прекраснаго лица». Это будетъ кратко и наглядно. Или поставь вопросъ такъ: «исторія человѣка, а также и народа заключается въ словахъ—безплодные поиски счастія». Написавъ это, ты разольешь вокругъ себя струю меланхоліи и ущемишь сердце читателя. Или, наконецъ, напоминаетъ все та же память, все тому же пишущему, хотя бы то же восторженное и энергическое восклицаніе Монтескье: «чтобы достойнымъ образомъ писать исторію, нужно забыть о своемъ отечествѣ, о своей вѣрѣ, даже о самомъ себѣ!» Прочитавъ, въ началѣ обозрѣнія, такое жгучее обѣщаніе, читатель непремѣнно обострить вниманіе и про себя подумаетъ: «вишь какъ его забираетъ—такъ прямо, съ мѣста, съ самозабвенія, да съ восклицательнаго знака и понесется».

Вашъ покорный слуга, нѣсколько знакомый съ заклинательною силою вступительныхъ и финальныхъ словесныхъ эффектовъ, и хотѣлъ такъ начать. Онъ имѣлъ въ виду, забывъ, ради исторіи, о самомъ себѣ, напомнить лишній разъ, рядомъ неопровержимыхъ доказательствъ—сколь безплодны поиски счастія.

Ему хотѣлось выдать прошлому году вполнѣ обстоятельную и хорошо мотивированную аттестацію. Чтобы легче справиться съ ворохами сыраго фактическаго матеріала, послѣдній былъ подвергнутъ предварительной расцѣнкѣ, группировкѣ и переборкѣ. Подобно тому, какъ въ чиновничьихъ формулярахъ имѣются, для системы и справокъ, разныя графы—о семейномъ и имущественномъ положеніи чиновника, о его лѣтахъ, военныхъ доблестяхъ и личныхъ отношеніяхъ къ судебной власти, и даже есть особая графа для перечня особыхъ заслугъ, предъ обществомъ и человѣчествомъ, формулируемаго формуляромъ чиновника, въ случаѣ, если-бы онъ, состоя на службѣ, открылъ Америку или законы паде-

нія тѣлъ,—подобно тому и мы разбили весь багажъ истекшаго года на особыя рубрики. Не прибѣгая къ новаторству, плохо цѣнимому и недоброжелательно встрѣчаемому въ наши сѣренькіе дни, мы воспользовались общепринятыми и уже готовыми календарными подраздѣленіями. Мы отвели одну рубрику политикѣ внутренней, другую—политикѣ внѣшней, третью—арміи и флоту, четвертую—финансамъ, пятую—народному просвѣщенію, шестую—судебной лѣтописи, седьмую—печати и т. д., прибавивъ отъ себя, для разнородныхъ остатковъ отъ предъидущихъ отдѣловъ, только лишь послѣднюю и дополнительную рубрику, озаглавленную такъ: «разныя извѣстія, утѣшительныя явленія и необыкновенныя происшествія».

Исполнивъ эту предварительную работу, мы принялись за сортировку лѣтописнаго матеріала, размѣщая его по соотвѣтствующимъ группамъ. Но когда мы справились съ нимъ, дошли въ очередномъ порядкѣ до конца декабря и внимательно перелистовали лежавшія передъ нами тетради, то горькое чувство разочарованія мгновенно овладѣло нами. Сдѣлавъ очень многое, мы съ грустью замѣтили, что почти ничего не сдѣлали. Сотни разнороднѣйшихъ фактовъ были нами примѣчены, записаны, а между тѣмъ всѣ установленныя календарныя рубрики, исчерпывающія дѣловую суть общественной и государственной жизни, поражали и смущали своею пустопорожностью и бѣдностью. Кое-гдѣ виднѣлись въ нихъ кое-какіе фактики, мелкіе, разрозненные, случайные, конфузливо и сиротливо выступающіе на широкихъ бѣлыхъ поверхностяхъ почти не тронутыхъ перомъ листовъ. Зато послѣдняя, добавочная, собственно нами сочиненная рубрика не только вся была исписана самымъ мелкимъ убористымъ текстомъ, но потребовала еще многократнаго и томительнаго подшиванія къ ней новыхъ и полныхъ листовъ. При такихъ данныхъ, насколько жидкими и неопредѣленными обѣщали быть выводы, добытые изъ тетрадокъ; политика, финансы, законодательство, печать, и проч., на столько же крупнымъ и знаменательнымъ долженъ былъ выйти итогъ, подведенный у отдѣла «разныхъ извѣстій, утѣшительныхъ явленій и необыкновенныхъ происшествій».

Этотъ контрастъ, будучи курьезнымъ, былъ еще и весьма огорчительнымъ. Онъ прямо наводилъ на заключенія: что наша русская общественная жизнь, взятая въ ея годичной цѣлостности и совокупности, преимущественно, если не исключительно, размѣнивается на «разныя извѣстія и необыкновенныя происшествія», иллюстрирующіяся такъ называемыми «утѣшительными явленіями»; что нашъ духъ, наше творчество, наше могущество и наша коллективная работа на пользу развитія и цивилизаціи главнѣйше сводятся къ воспроизведенію безконечно разнообразныхъ «разныхъ извѣстій», «необыкновенныхъ происшествій», и что, собираясь повѣствовать о русскомъ годѣ, нужно отнюдь не взбираться на каѳедру исто-

рика, а садиться въ качающееся кресло неунывающаго анекдотиста.

Вотъ что напередъ сказалъ намъ разсортированный „по мастямъ“ сырой лѣтописный матеріалъ.

Конечно, можно было, изъ любви къ отечеству и народной гордости, войти въ компромиссъ съ своей совѣстью и постараться какъ нибудь исправить, подкрасить, подбѣлить и видоизмѣнить имѣющіяся слагаемыя данныя. Можно было слегка пройтись по всѣмъ отдѣламъ, восполняя ихъ подходящими и ловкими позаимствованіями изъ послѣдней, чрезвычайно обильной рубрики. Можно было на ея счетъ обогатить и округлить другіе отдѣлы. При умѣломъ раздѣлѣ, этой тучной коровы хватило бы на всѣхъ захудалыхъ тѣлокъ. Можно было, напримѣръ, перенести факты расхищенія кассъ въ отдѣлъ финансовъ; пріѣздъ нѣмецкаго писателя Шпильгагена—въ отдѣлъ народнаго просвѣщенія, открытіе подъ Москвою нѣсколькихъ фабрикъ печатныхъ ситцевъ — въ отдѣлъ печати, цѣлый рядъ землетрясеній, бывшихъ на Кавказѣ, въ Сибири,— въ отдѣлъ внутренней политики; пріѣздъ принца Монако въ Петербургъ—въ отдѣлъ политики внѣшней и т. д. Подобная подстановка и перестановка фактовъ легко установила бы полное равновѣсіе между отдѣлами. Благодаря ей, сразу получилось бы все требуемое, недостающее, и историческая репутація года была бы спасена. Но такое искусственное и произвольное восполненіе пустыхъ рубрикъ граничило бы съ передёржкой событій и съ такъ называемымъ «проворствомъ рукъ». Противъ него возстали бы не только Геродотъ, но даже и Д. И. Иловайскій. Кромѣ того, оно противорѣчило бы и прекрасному, уже изображенному выше афоризму, весьма резонно замѣчающему, что „отнять правду у исторіи, значитъ отнять глаза у прекраснаго лица“ Пока нигдѣ не принято еще составлять „историческіе отчеты“, по правиламъ „новѣйшей“ банковой бухгалтеріи, и мы не могли рѣшиться на столь тяжкое и нравственно отвѣтственное преступленіе. Но, тѣмъ не менѣе, мы должны были найти какой нибудь выходъ изъ нашего «рискованнаго“, затруднительнаго положенія.

Мы обрѣли его на самомъ честномъ пути,—преклонившись передъ истиною и воздержавшись отъ какихъ бы то ни было компромиссовъ и передержекъ. Мы отложили въ сторону всѣ свои тетради, посвященныя общеустановленнымъ календарнымъ отдѣламъ, какъ ненужныя, безсодержательныя, и исключительно сосредоточились на единственно полной, богатой и занимательной хроникѣ «разныхъ извѣстій, утѣшительныхъ явленій и необыкновенныхъ происшествій».

Она и слѣдуетъ ниже, въ хронологическомъ порядкѣ.

Авторъ, предлагая ее, покорнѣйше проситъ читателя объ одномъ: прочесть эту хаотическую лѣтопись сразу, безъ всякихъ перерывовъ и разсѣивающихъ вниманіе коментаріевъ; прочесть залпомъ,

одобно тому, какъ выпиваютъ рюмку полынной водки, и въ заключеніе крякнуть. Можно крякать на разные манеры: одобрительно, безразлично, вопросительно и восклицательно. Но авторъ не оговариваетъ, каковъ долженъ быть внутренній смыслъ заключительнаго кряканья, ибо онъ хочетъ предоставить полный просторъ личному усмотрѣнію читающаго и не желаетъ связывать себя часто поспѣшными, ошибочными, а иногда и превратными мнѣніями и сужденіями современниковъ.

Январь.

Новый годъ начинается ровно 1-го января. По этому поводу можно вообще замѣтить, что наши счеты съ календаремъ отличались и продолжаютъ отличаться полною и безупречною исправностью. При всей нашей сбивчивости, неустойчивости и переметности, никогда, однако, не было у насъ такого случая, чтобы Рождество, напримѣръ, совпало съ Петровымъ постомъ, а Пасха съ крещенскими морозами.

Насчетъ стараго 1883 года, газеты единогласно удостовѣряютъ, что въ теченіе его «мы были кругомъ объяты непроницаемымъ туманомъ неизвѣстности». Критически разсмотрѣвъ въ «Руси» эту аттестацію, г. Аксаковъ трагически восклицаетъ: «мы бѣдны и глупы!» Первая половина аксаковскаго афоризма принята безъ возраженій. Оказалось, что никто и никогда не сомнѣвался въ томъ, что мы бѣднѣе самаго бѣднаго чорта. Но вопросъ о нашей глупости встрѣчаетъ много утѣшительныхъ и успокоительныхъ возраженій. Между прочимъ, указываютъ и доказываютъ, что наша глупость весьма доброкачественна и даже симпатична, ибо вытекаетъ она изъ чистаго сердца и отъ избытка вѣры, любви и правды. На томъ и остановимся.

Бури и землетрясеніе на Кавказѣ привѣтствуютъ наступленіе преобразовательныхъ порядковъ и процессъ переливанія стараго вина въ новые мѣха. Много прежнихъ дѣятелей остаются за штатомъ и, лишившись прежней цивилизующей миссіи, объясняютъ кавказскую реформу печальнымъ петербургскимъ недоразумѣніемъ, могущимъ имѣть для края безотрадныя и даже гибельныя послѣдствія. Всѣмъ пріятно удостовѣриться, что есть еще у насъ горячіе и заботливые піонеры государственности, столь близко принимающіе къ сердцу судьбы иноплеменниковъ окраинъ.

Въ городѣ Нерчинскѣ, центрѣ сибирской золото-промышленности, открывается уѣздное казначейство, единственное учрежденіе, имѣющее полную возможность немедленно и точно исполнять слова каждой бумажки, размѣнивая ее на звонкую монету.

Въ Одессѣ умираетъ бывшій вдохновитель «Русскаго Міра», А. А. Фадѣевъ, генералъ-философъ, самобытный государство-устроитель, излюбленный Токвиль русскихъ лордовъ изъ московскаго англійскаго «клуба», авторъ многихъ «новыхъ словечекъ» и даже

цѣлыхъ теорій, нѣсколько смутныхъ, не весьма понятныхъ, но хитро задуманныхъ и горячо выраженныхъ. Газеты признаютъ въ покойномъ не оцѣненнаго при жизни и своевременно не разслѣдованнаго, но замѣчательнаго зиждителя, цѣлителя и устроителя. Кстати припоминаютъ, что Фадѣевъ желалъ спеціальнаго переустройства русскаго общества на началахъ индійскихъ кастъ, отрицалъ бюрократію, замѣнялъ ея дѣятельность щегольски обложенною вотчинною опекою представителей дворянской «бѣлой кости», и требовалъ перенести «силу русскихъ разгромовъ», не особенно впрочемъ губительныхъ, изъ Константинополя въ Вѣну.

Петербургъ проливаетъ новые, ослѣпительно яркіе лучи свѣта, украсивъ Невскій проспектъ двумя десятками электрическихъ фонарей. Въ то же время петербургскія женщины, продолжая традиціи прежнихъ лѣтъ насчетъ женскаго просвѣщенія, сіяютъ электрическими булавками на шиньонахъ и электрическими медальонами на лебяжьихъ шейкахъ. Въ этой дамской погонѣ за свѣтомъ, даже «Гражданинъ» не усматриваетъ ничего опаснаго и предосудительнаго.

Выходитъ положеніе о «поземельномъ устройствѣ проживающихъ на башкирскихъ дачахъ князей и мурзъ». Во вниманіе къ чистотѣ и благородству ихъ крови, князьямъ и мурзамъ предоставляется даже и зимою жить на дачахъ.

Въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ падаетъ занавѣсъ, послѣ окончанія героической фееріи, относящейся до интендантскихъ подвиговъ и отличій. Приговоръ суда сваливаетъ съ ногъ интендантскаго оберъ-режиссера, «главнаго хозяина» на войнѣ, генерала Россицкаго, колеблетъ установленныя вѣками традиціи о безнаканности атамановъ, и производитъ на интендантскихъ крысъ самое тяжелое впечатлѣніе. Россицкій получаетъ сочувственныя телеграммы отъ низверженныхъ своихъ предтечъ, генераловъ Буша и Макшеева, которые, благополучно войдя въ составъ высшей интеллигенціи и аристократіи, и щедро размѣнивая прежнія свои «сбереженія» на расходы «по представительству», находятъ зауральскій климатъ вовсе не такимъ суровымъ, какимъ считаютъ его русскіе географы и иноземные путешественники.

Распространяется слухъ, будто бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ Крыжановскій, возвращаясь въ Петербургъ чрезъ уфимскіе лѣса, задумалъ написать большой и тенденціозный романъ, взявъ для него названіе у покойнаго Печерскаго и назвавъ свое произведеніе: «*Въ Лѣсахъ*». Роману генерала Крыжановскаго пророчатъ захватывающій интересъ и особенно разсчитываютъ на сочность и яркость «мѣстнаго колорита».

Въ Москвѣ, въ дворянскомъ собраніи, нѣкто С. П. Мясниковъ взываетъ къ необходимости учрежденія такого государственно-земельно-ссуднаго банка, который, ради поднятія общественнаго значенія землевладѣнія, выдавалъ бы деньги подъ «нравственныя га-

антіи», подъ «честныя слова благородныхъ людей». Мысль г. Мясникова многимъ очень нравится и обстоятельно развивается, какъ въ московской газетѣ, такъ и въ салонахъ княгини Марьи Алексѣевны, но гдѣ-то и почему-то застреваетъ по пути, и теряется въ массѣ неосуществленныхъ мечтаній. Это общая участь смѣлыхъ, большихъ и счастливыхъ проэктовъ.

Петербургское земство, очевидно, заканчивая свои прежніе счеты съ «модными идеями», забаллотировываетъ извѣстнаго писателя и почтеннаго общественнаго дѣятеля К. К. Арсеньева и выбираетъ, вмѣсто него, въ гласные—корифея петербургской плутократіи Е. И. Ламанскаго, къ несказанному удовольствію ужинающихъ у него биржевыхъ тузовъ и танцующихъ польки великосвѣтскихъ юношей.

Очень много шуму дѣлаетъ въ Петербургѣ дочь Ротшильда и супруга банкира Ефрусси, появляющаяся на балахъ не иначе, какъ съ брилліантовою подковою на спинѣ. Добраться до внутренняго, символическаго смысла этой алмазной подковы никакъ не могутъ, но тѣмъ не менѣе ждутъ по этому случаю поднятія курса.

Изъ «Московскихъ Вѣдомостей» вылетаетъ первая ракета о коварствѣ и вредоносности новыхъ судебныхъ учрежденій. Лопнувъ, она освѣщаетъ предметы яркокрасными огнями.

Четыре туркменскіе хана, надѣвъ родные халаты, прилетаютъ верхомъ на нашу восточную границу и, прося принять увѣреніе въ ихъ истинномъ почтеніи и совершенной преданности, сознаются, что земля ихъ велика и обильна, но что порядка въ ней нѣтъ, и что они разсчитываютъ на насъ, какъ на людей вполнѣ порядочныхъ. Послѣ такого вступленія, Мервъ присоединяется, и отечественные патріоты долго хихикаютъ надъ скрытой злостью и тайною завистью англичанъ. Безкровное и безмездное завладѣніе Мервомъ разсматривается, какъ заслуженная награда неба за нашу простость, теплоту и справедливость. Нѣжность и любезность мервскихъ хановъ заставляетъ насъ забыть о двоедушіи, малодушіи и равнодушіи австралійскихъ папуасовъ, позорно отдавшихся въ руки англичанъ.

А. Г. Рубинштейнъ пожинаетъ новые лавры за своего «Нерона». Онъ далъ для русской публики на итальянскомъ языкѣ римскаго героя съ нѣмецкою музыкою. Кромѣ того, онъ предлагаетъ «большой и великолѣпный» пожаръ за сценою, два хора гвардейскихъ музыкантовъ и процессію, съ участіемъ хищныхъ звѣрей, изображаемыхъ прыгающими на четверенькахъ статистами. Публика оцѣниваетъ великодушіе композитора и одобряетъ.

Февраль.

Черезъ вязниковскій уѣздъ пролетаетъ большой метеоръ отъ запада къ сѣверу. Что это значитъ? никто не берется рѣшить.

Московскіе писчебумажные фабриканты входятъ въ министерство финансовъ съ петиціею о повышеніи пошлины на бумагу финляндскаго производства, такъ какъ низкая цѣна ея отбиваетъ у нихъ барыши и не доставляетъ имъ никакого удовольствія. Человѣческая откровенность никогда не высказывалась съ такою обезоруживающею силою. Фабриканты разсчитываютъ однако на вполнѣ успѣшный исходъ своего домогательства, потому что они выступаютъ съ нимъ вполнѣ благовременно—въ моментъ, когда въ воздухѣ носится самое безпардонное протекціонистское повѣтріе, весьма заманчивое и любезное для разуваевскихъ взглядовъ на «удобности правильно защищенной отъ нѣмцевъ комерціи, а также и промышленности всякихъ производствъ».

Утверждено положеніе объ открытіи при всѣхъ казначействахъ сберегательныхъ кассъ, уже самое существованіе которыхъ должно усилить любовь населенія къ труду и развить сбереженія.

Кутаисскій дворянскій земельный банкъ ограбленъ, казусъ—не первый и не послѣдній.

Извѣстная писательница временъ Очакова и покоренья Крыма, Ю. Кохановская открываетъ въ «Гражданинѣ» крестовый походъ противъ безвѣрія, вольтеріанства и еретичества графа Льва Толстаго. Древняя романистка, пригрозивъ занявшемуся выправкой церковныхъ книгъ беллетристу всѣми небесными громами, бросаетъ въ него чепцомъ, недовязаннымъ чулкомъ и ридикюлемъ. Графъ вовсе не отвѣчаетъ юродивой злючкѣ, невозмутимо продолжая,—чтобы искупить свой долгъ, какъ дармоѣда-интеллигента, предъ русскимъ народомъ,—тачать сапоги и колоть лучину.

Въ ананьевскомъ уѣздѣ херсонской губерніи происходитъ землетрясеніе. Капризы и дурачество подземной силы необъяснимы.

Въ Петербургѣ значительною сенсаціею сопровождается не сложное, но весьма характерное и занимательное дѣло нѣсколькихъ писарей главнаго штаба, «упрекаемыхъ» обвинительнымъ актомъ въ почти сказочномъ превышеніи писарской «власти», въ рѣшеніи восходившихъ въ главный штабъ дѣлъ и вопросовъ по личному усмотрѣнію писарской компаніи, рѣшительно безъ всякихъ послѣдствій, и въ учрежденіи при главномъ штабѣ негласной справочной конторы, раздававшей мѣста и повышавшей въ чины. Дѣло, между прочимъ, выяснило, что „имя писаря Шумейкина было извѣстно даже на самыхъ далекихъ окраинахъ".

Шумейкинскіе «кліенты» изъ армейскихъ офицеровъ дѣлали ему визиты и смотрѣли на развеселаго штабнаго гитариста, какъ на весьма «вліятельнаго человѣка».

Въ управленіи уральской желѣзной дороги, своевременно обобранной учредителями и строителями, забираются еще пришлые мошенники «съ воли» и уносятъ кассовый сундукъ со всѣмъ его содержаніемъ. Даже сами обокраденные и тѣ не удивляются, изъ

ниги, что ростетъ. Хорошаго правителя уподобляютъ кучеру. Усер- все превозмогаетъ. Глядя на міръ, нельзя не удивляться. Если чешь быть счастливымъ, будь имъ". И многіе другіе.

И всѣмъ, при чтеніи Пруткова, дѣлается немножко совѣстно: къ мало мы бдѣли и смотрѣли въ корень, такъ много стригли, козыряли и почти совсѣмъ отучились, глядя на окружающій ръ, какъ слѣдуетъ удивляться. Оказывается, что даже Козьма рутковъ и тотъ не былъ пророкомъ въ отечествѣ своемъ.

Апрѣль.

Много чернилъ и еще больше типографской краски щедро и ружно израсходывается на изображеніе порывистыхъ и смѣлыхъ осторговъ по поводу „неслыханнаго успѣха", выпавшаго на долю ового десятимилліоннаго желѣзнодорожнаго займа. Ликуютъ, при-ѣтствуютъ необыкновенный запросъ со стороны заграничныхъ рын-ковъ и предсказываютъ вѣрное поднятіе нашего курса вообще. Пред-варительная подписка дѣйствительно блестяща. Одинъ Берлинъ вде-сятеро превышаетъ сдѣланное ему предложеніе. Новые консоли раз-хватываются, какъ билеты на Сару Бернаръ, и курсъ обязательно поднимается на 3 марки, но держится на этой позиціи только съ пятничной биржи до ближайшей вторничной, а затѣмъ временно пріободрившійся рубль опять склоняетъ свою многострадальную го-лову на сторону. Тогда раздается пронзительный крикъ насчетъ измѣны. Иноземные капиталисты учинили явственный подвохъ! Выгодный для нихъ заемъ они прибрали и убрали, а съ курсомъ разыграли очень старый и даже не остроумный водевиль. Позднее разочарованіе приходитъ на смѣну преждевременныхъ иллюзій. По счастію, русская исторія давно пріучила насъ къ такимъ перехо-дамъ и только по этому случаю не палитъ себѣ въ лобъ изъ пи-столета.

Обвинительный актъ, сочиненный прокуратурою петербургскаго окружнаго суда, бойко выводитъ на авансцену новыхъ „двухъ во-ровъ", Роберта и Бертрама самой послѣдней и осложненной фор-маціи, соединившихъ въ своей „общественной дѣятельности" за-носный иностранный шантажъ съ чисто русскимъ архимошенни-чествомъ. Изъ нѣдръ дутой, показной петербургской буржуазіи вы-дѣляются творческія архибестіи на всѣ руки, господа Дубецкій и Зарудный, обстоятельно разъясняютъ природу и особенности своей благородно-карманнической профессіи, цитируютъ для наглядности примѣры самыхъ тонкихъ и занимательныхъ шантажныхъ и гра-бительскихъ махинацій, обогащаютъ судебную лѣтопись областью совершенно новыхъ похожденій и, проливая мутныя слезы на свои неоднократно битыя шандалами груди, вызываютъ у всѣхъ еди-нодушное восклицаніе: „Ахъ, что за прохвосты, что за феноме-нальные прохвосты"!

Къ истинному удовольствію западныхъ юмористовъ, Сер
вдругъ показываетъ фигу сестрѣ своей Болгаріи, отзываетъ по
изъ Софіи домой, прекращаетъ всякія сосѣдскія сношенія и г
зитъ кровопролитіемъ. Король Миланъ пѣтухомъ ходитъ и жела
дать Европѣ примѣрное представленіе, хоть-бы и на сценѣ „ф
тошей". Братья-славяне очень недалеки отъ родственной, и пот
самой сердитой трепки. Но въ Вѣнѣ графъ Таафе многозначе
тельно напѣваетъ: „уймитесь волненія страсти", и Сербія, поджа
хвостъ, любезно и почтительно дѣлаетъ подъ козырекъ. Всѣ
ходятъ, что такъ лучше.

Москва занята весьма оригинальнымъ проэктомъ мѣстнаго
бютирующаго финансиста, нѣкоего г. Цитовича, новатора и ра
кала, предлагающаго разрѣшить синдикату земельныхъ банковъ
пускать въ обращеніе особые „земельные рубли" и ставящаго,
несказанному удовольствію гуслицкихъ „художниковъ", общій
просъ о томъ, чтобы предоставить „частному почину" и масте
ству изготовленіе рублей разныхъ наименованій. Планъ г. Ци
вича встрѣчается и провожается съ неподдѣльнымъ веселіемъ.

Нежданно обрушивается Монбланъ на голову извѣстнаго и
тентованнаго—въ родѣ колесныхъ осей и ламповыхъ горѣлокъ
с.-петербургскаго дѣятеля и сѣятеля В. И. Лихачева, на фами
ной печати котораго изображены: лавровый вѣнокъ граждани
факелъ разума, синодикъ моралиста и мечъ правосудія. Его об
няютъ въ чрезмѣрной любви къ деньгамъ, въ чрезмѣрной дру
съ разными пестренькими воротилами и въ чрезмѣрной толера
къ весьма увеселительному заведенію, помѣщающемуся въ его чр
вычайно доходномъ домикѣ, трижды, „внѣ правилъ", переза
женномъ въ городскомъ кредитномъ обществѣ. Г. Лихачевъ изда
въ отвѣтъ жалостное „petit turlututu bête et mélancoliq
Орелъ, парившій на вершинахъ, сразу превращается въ подстр
леннаго грача съ выщипаннымъ хвостомъ. Многіе задумываю
при мысли о томъ, сколь мимолетна и непрочна земная слава.
туманиваются и цвѣтныя стекла игриваго домика у Банковск
мостика.

Май.

Николаевская, „самая благонадежная" желѣзная дорога съ
сомнѣннымъ успѣхомъ дѣлаетъ опытъ любительской постано
близь Бологова, кукуевскаго провала. Катастрофа удается. Она
производитъ фурора, но тѣмъ не менѣе приковываетъ къ себѣ
нѣсколько дней общее вниманіе. Гг. кукуевцы уклоняются одна
съ обычною ихъ сословію скромностью, отъ слѣдующихъ имъ л
ровъ и успокоиваютъ публику, выдавъ головою прокуратурѣ
кого то верстоваго сторожа Воронова, — полуидіота съ выпу
ными бѣльмами,—обвиняемаго въ самыхъ адскихъ и каверзны

замыслахъ. Ѳемида схватываетъ Воронова подъ мышку и покорнѣйше проситъ недоумѣвающую публику разойтись по домамъ.

Много говорятъ и пишутъ о лейпцигскомъ процессѣ престарѣлаго польскаго писателя Крашевскаго, обвиняемаго имперскимъ германскимъ судомъ въ явномъ желаніи извести пруссаковъ въ угоду французамъ. Восьмидесятилѣтняго инвалида судятъ чуть-ли не на военномъ барабанѣ. Прокуроры пытаютъ, свидѣтели ноги подставляютъ, суды захватываютъ во рту у обвиняемаго всякія объясненія и оправданія. Не довольствуясь усердіемъ судействующихъ удавовъ, самъ Бисмаркъ посылаетъ еще прокуратурѣ собственноручное письмо, которому и велѣно придать значеніе главнаго и неоспоримаго довода. Такъ и дѣлаютъ. Еле живаго старца запираютъ въ крѣпостное подземелье, при радостныхъ кликахъ юнкеровъ и фельдфебелей патріотически воинствующей пруссачины. Старенькая поговорка мельника изъ Сапъ-Суси «il y a des juges à Berlin» — превращается въ остроту и непонятную и несвоевременную.

С. петербургское городское кредитное общество — грандіозная касса ссудъ, держащая у себя въ залогѣ весь недвижимый Петербургъ,—настоятельно требуетъ у читающей публики особеннаго вниманія для себя, для своихъ обычаевъ и порядковъ. По справкѣ оказывается, что въ „обществѣ“ время „посѣвовъ“ давно кончилось и наступилъ періодъ „жатвы“. Жнецы, юля и вертясь между двумя огнями, между блюдущей пытливостью прокуратуры и хлесткою воздательностью печати, никакъ не могутъ придумать такого приличествующаго имъ образа дѣйствій, который, свидѣтельствуя о полной, сохраненной ими невинности, никого не наводилъ бы на щекотливыя мысли о пріобрѣтенныхъ ими капиталахъ. Тѣмъ временемъ, «жнецовъ» стегаютъ, бранятъ, разоблачаютъ и весьма наглядно доказываютъ: что дѣла городскаго кредитнаго общества, благодаря его внутреннимъ крайне разнообразнымъ злоупотребленіямъ, пошатнуты и разстроены, что оно не далеко отъ оглушительнаго краха, что кумовски выданы громадныя деньги подъ дутыя обезпеченія, подъ каменныя громады на курьихъ ножкахъ, что обществу уже нечѣмъ платить по текущимъ купонамъ и облигаціямъ, и что давно пора разогнать пожарною кишкою табунъ козловъ, залѣзшихъ въ огородъ. Бумаги «общества» на биржѣ падаютъ, на общихъ собраніяхъ заемщиковъ происходятъ жгучіе и живописные скандалы, а ревизоры отъ министерства финансовъ, тайно производящіе «вскрытіе» петербургской городской ипотеки, поражаютъ своей дипломатическою непроницаемостью и рѣшительно неслыханною у насъ архипарламентскою „осторожностью“. Глава ихъ д. с. с. Палтовъ, съ одной стороны какъ бы признаваясь, съ другой—никакъ не можетъ не сознаться ..

Двѣ женщины, двѣ героини заставляютъ очень много говорить о себѣ: тетенька Булахъ и дѣвица Угальдъ. Тетеньку су-

датъ въ Москвѣ за ржевскія дѣла по богоугодной части. Тетенька держитъ себя на судѣ злющею и непобѣдимою бой-бабою. Смотря на своего же адвоката, какъ на грудного, рѣшительно ничего не понимающаго младенца, она вступаетъ въ сраженіе со всѣми встрѣченными ей на пути властями. Тетенька кричитъ на предсѣдателя суда, подбоченивается и отвѣчаетъ въ „полъ-оборота“, пререкаясь съ обвинителемъ, коститъ свидѣтелей, проклинаетъ газетчиковъ и читаетъ нотаціи присяжнымъ засѣдателямъ. По ея словамъ, весь человѣческій родъ стакнулся осрамить и погубить ее, римскую матрону, искавшую утѣшенія только лишь въ уходѣ за добродѣтелями и въ примѣненіи ихъ къ текущей дѣйствительности. Съ тетенькой однако не церемонятся: ее берутъ подъ руки и уводятъ, не взирая на самые пронзительные дамскіе протесты, по ту сторону Урала.

Дѣвица Угальдъ служитъ единственнымъ живымъ вопросомъ нашей внутренней, успувшей на лѣтній сезонъ, политики. Многіе сановники находятъ ее прекрасною и очень занимательною. Самъ Штиглицъ доживаетъ въ „Ливадіи“ послѣдніе дни житія своего. Но Беттина-красноличка крайне заинтриговываетъ собою еще и весь дипломатическій корпусъ: вдругъ она прямо высказывается въ пользу международнаго всеславянскаго единенія, жертвуетъ сто рублей славянскому благотворительному обществу и выбирается почетнымъ членомъ послѣдняго.

Новыя узаконенія переформировываютъ порядки военнаго чинопроизводства и упраздняютъ навсегда столь многолѣтняго, столь типичнаго и столь благодушнаго *майора*. Вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ майорскіе погоны, майорскіе усы и майорскія вдовы.

Въ Петербургѣ мирно засѣдаетъ международный конгрессъ ботаниковъ и садоводовъ и вырабатываетъ обязательныя резолюціи о культурѣ розъ, о разведеніи гіацинтовъ, о прививкѣ плодовыхъ деревъ и о правильной номенклатурѣ тюльпановъ. Пренія носятъ почти буколическій характеръ и завершаются прощальною рѣчью президента С. С. Грейга, нашего извѣстнаго моряка, финансиста и цвѣтовода, меланхолически желающаго членамъ конгресса, чтобы жизненный путь ихъ былъ усыпанъ цвѣтами.

Іюнь.

Устанавливаются наказанія за нарушеніе постановленій о работахъ малолѣтнихъ на фабрикахъ, заводахъ и прочихъ мануфактурныхъ и промышленныхъ заведеніяхъ. Поскольку интеллигентное общество сочувствуетъ этой гуманной, справедливой, давно поджидавшейся мѣрѣ, постольку-же фабричные Китъ-Китычи, готовые подвѣшивать передаточные ремни даже къ качающимся колыбелямъ грудныхъ младенцевъ, злобно косятся на обѣщанныя имъ воздаянія, напередъ называя новый законъ «мертвымъ па-

аніемъ», придуманнымъ только ради одной путаницы въ масте-овщинскихъ умахъ.

Въ Тифлисѣ похищены деньги и вещественныя доказательства изъ окружнаго суда. Самъ судъ и тотъ обокраденъ. Со стороны г. мошенниковъ очень злая иронія.

Умираетъ генералъ Тотлебенъ, и «Новое Время» критически описываетъ его. Не безъ игривости приводится аллюръ, что по-койный, даже и защищая Севастополь, все-таки тянулъ-де къ Ригѣ и былъ распронѣмцемъ. Злыя и малорослыя военныя без-дарности охотно рукоплещутъ.

Опубликовано положеніе государственнаго совѣта объ усиле-ніи наказаній за присвоеніе и растраты. Этотъ спеціальный за-конъ, обращая обостренное вниманіе уголовнаго режима на одну изъ наиболѣе выдающихся сторонъ нашей «общественной дѣятель-ности», служитъ слабымъ отголоскомъ на трагическій и отчаян-ный зовъ: „батюшки, грабятъ! Батюшки, носы изъ глазъ уворо-вываютъ!“ Впредь гг. мазурики среднихъ и высшихъ слоевъ будутъ,—съ ихъ позволенія,—уже лишаться всѣхъ правъ состо-нія и отправляться въ наиболѣе отдаленное путешествіе.

Въ Петербургѣ гостятъ нѣсколько семей якобы дикихъ крас-нокожихъ индѣйцевъ изъ Небраски. По утрамъ они пьютъ кофе, курятъ сигары, читаютъ «Figaro», а съ наступленіемъ вечера, снимаютъ панталоны, подкрашиваютъ лядвеи, убираютъ головы вѣтушиными, страусовыми перьями, и, поѣдая папиросные окурки, а также катаясь по голой землѣ, даютъ петербуржцамъ понятіе о «кровожадной дикости». Лишнее говорить, какъ много выигры-ваетъ наша цивилизація отъ такого наглядваго и рѣзкаго сопо-ставленія.

Іюль.

125 сочиненій разныхъ названій и авторовъ изъяты изъ об-щенія въ общественныхъ библіотекахъ. De mortuis...

Утверждены правила о церковно-приходскихъ школахъ. По не-извѣстности мѣста жительства такихъ школъ, вопросъ о ихъ значеніи остается открытымъ.

Въ нѣдрахъ старѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ желѣзно-дорож-ныхъ обиралъ, въ «главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», разыгрывается громкая и очень скандальная исторія. Правительственная комисія, ревизовавшая дѣла компаніи, выно-ситъ, въ заключеніе своей раскопки, 40 обвинительныхъ пунк-товъ, единогласно свидѣтельствующихъ о своевольномъ похищеніи «главнымъ обществомъ» у казны болѣе 30-ти милліоновъ рублей. Государство обобрано путемъ подлоговъ, обмановъ, счетоводныхъ кредёржекъ и благодаря дружеской потачкѣ тѣхъ, кто долженъ былъ „стоять на сторожѣ“. Дюжинѣ совѣтскихъ генераловъ, руко-

положенныхъ всероссійскимъ желѣзнодорожникомъ, бывшимъ колесным смазчикомъ, американцемъ Уайненсомъ, приходится очень плохо. Генералы отвѣчаютъ за „хозяина“ и молча страдаютъ. Печать дѣлаетъ имъ афронтъ и посылаетъ по ихъ адресамъ весьма шаткотливые загадки и намеки. Ощетинившіеся генералы сначала обкусываютъ свои ногти до корней, а потомъ купно сочиняютъ «объяснительную записку—перлъ кукуевскаго остроумія и канцлярской находчивости. Между прочимъ, записка грозитъ газетамъ искомъ съ нихъ „убытковъ“ въ нѣсколько милліоновъ и категорически требуетъ самыхъ экстренныхъ мѣръ для обузданія „дерзости и нахальства русской журналистики“. Мрачные и сердитые крики прижатыхъ дверьми желѣзнодорожниковъ встрѣчаютъ сочувствіе во всѣхъ юмористическихъ изданіяхъ.

Въ газетахъ появляются выдержки и нѣкоторыя избранныя мѣста изъ сочиненій гр. Л. Н. Толстаго, какъ статскаго богослова. Никому не хочется вѣрить, чтобы эта томительная quasi-исповѣдь, темная и тяжелая, вымученная по содержанію и неуклюжая по формѣ, принадлежала блестящему и великолѣпному перу автору „Войны и Мира“. Невольно вспоминается тяжелый и печальный закатъ Гоголя и Достоевскаго.

Августъ.

Опубликованъ новый университетскій уставъ. Радушныя привѣтствія встрѣчаютъ его со всѣхъ сторонъ. Если какъ бы несовсѣмъ довольны тѣ, которые должны были быть вполнѣ довольными, такъ зато, съ другой стороны, какъ бы очень довольны тѣ, которые имѣли бы всѣ основанія быть недовольными. Многіе читатели отечественныхъ газетъ много удивляются такой причудливости вкусовъ и наотрѣзъ отказываются отъ всякихъ умозаключеній по этому вопросу.

Въ Петербургъ жалуетъ едва спасшійся, послѣ гибели фрегата Медузы у норвежскихъ береговъ, рулеточный монархъ, наслѣдный принцъ Монако. Онъ объявляетъ себя ученымъ знатокомъ и любителемъ метеорологіи, даритъ сувенирные термометры и барометры демидроновскимъ дѣвицамъ, предлагаетъ министерству финансовъ сдѣлать заемъ у папаши, живетъ въ столицѣ подъ строжайшемъ инкогнито, но милостиво бесѣдуетъ съ репортерами маленькихъ газетъ, заноситъ свое имя въ книгу почетныхъ посѣтителей пулковской обсерваторіи и замѣтивъ, что у насъ, по его метеорологическимъ наблюденіямъ, „сыро, туманно и вѣтрено“, уѣзжаетъ восвояси—подмазывать масломъ государственную рулетку своего вѣнценоснаго родителя.

Французская холера наводитъ петербургскихъ обывателей на мысль о слабыхъ сторонахъ повседневнаго, болѣе или менѣе скотскаго бытія. Начинается война городской и полицейской власти

съ мусоромъ, — война стремительная, довольно безпощадная и побѣдоносная. Положеніе объ усиленной охранѣ оказываетъ благое и рѣшительное дѣйствіе на усиленную очистку. Весьма чувствительно и съ быстротою электричества штрафуемые домовладѣльцы озлобленно фрондируютъ по угламъ и угрожаютъ коллективными жалобами и протестами въ городскую думу, въ пробирную палатку, въ кодификаціонный отдѣлъ и въ нотную контору с.-петербургскихъ театровъ. Но тѣмъ не менѣе ихъ штрафуютъ, штрафуютъ и штрафуютъ,—къ истинному удовольствію злорадствующихъ жильцовъ.

Неизвѣстно откуда идущіе, но упорные слухи разносятъ вѣсти о появленіи въ Кіевѣ „дамы со свиною мордою“—очень богатой, доброй, великодушной, но еще не замужней и потому ищущей жениха. Необыкновенная вѣсть производитъ огромную сенсацію по всему югу. Мѣстныя газеты переполнены по этому поводу письмами, предложеніями и запросами со стороны публики. Многія дамы со свиными мордами считаютъ себя героинями дня. Категорическое опроверженіе слуха вызываетъ общее разочарованіе. Публика справедливо досадуетъ. Ничего-то дѣйствительно-удивительнаго никакъ у насъ случиться не можетъ!..

Въ Одессѣ происходитъ международный съѣздъ археологовъ, но не возбуждаетъ особеннаго интереса, даже и въ средѣ самихъ археологовъ. Впрочемъ, еще Гамбетта разъ навсегда объяснилъ, когда его просили предсѣдательствовать въ Кагорѣ на археологическомъ собраніи, причину вялости и безцвѣтности конгрессовъ этого рода. „Напрасно, господа, сказалъ онъ археологамъ, желаете вы оживить допотопнаго человѣка—вполнѣ несчастнаго идіота, у котораго не было ни спичекъ, чтобы закурить сигару, ни содовой воды, чтобы убить отрыжку, ни даже сноснаго каламбура, чтобы развеселить хорошенькую женщину“. Великій французъ сказалъ великую истину.

Сентябрь.

Кіевскій университетъ празднуетъ пятидесятилѣтіе своего существованія. Знаменательный для всей русской интеллигенціи актъ открывается въ присутствіи блестящаго собранія чтеніемъ адресовъ, привѣтственныхъ поздравленій и кончается битьемъ стеколъ въ профессорскихъ квартирахъ. Для всѣхъ очевидно, что на всемъ земномъ шарѣ только мы одни и умѣемъ справлять такимъ образомъ свои именины духа и сердца. Башибузукскій характеръ кіевской исторіи вызываетъ общее осужденіе, и „отцы“ весьма основательно сожалѣютъ о нѣсколько трактирной подготовкѣ для публичной арены гг. „дѣтей“.

Въ Петербургѣ открываютъ грандіозное и въ то же время довольно курьезное, новое казенное сооруженіе—петербурго-кронштадт-

скій морской каналъ. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать столицу фактическимъ морскимъ портомъ, чтобы обезпечить прямой доступъ къ ней судамъ большаго калибра и избѣжать участія посредничающихъ, между Петербургомъ и Кронштадтомъ, передаточныхъ рукъ въ транспортировочномъ обиходѣ нашей привозной и отпускной торговли. Каналъ рыли гг. путейскіе кроты въ теченіе трехъ лѣтъ и затратили на него изъ государственнаго бюджета свыше 12 милліоновъ рублей. Когда же рѣшили требуемую задачу, то оказалось, что каналъ никому не нуженъ, что плавать по немъ ни для кого невыгодно, что самъ каналъ составляетъ конечную дробную часть вовсе не начатаго еще, по мысли покойнаго Путилова, цѣлаго, и что казенные милліоны израсходованы вовсе не для комерческой пользы Петербурга, какъ первоначально предполагали, а единственно ради „украшенія“ его на венеціанскій манеръ, какъ по справкѣ съ дѣйствительностью оказалось. Область крупныхъ анекдотовъ съ улыбкой передаетъ легенду объ этихъ 12 ти милліонахъ въ вѣдѣніе нѣсколько поумненной Русской Исторіи.

Въ теченіе цѣлой недѣли говорятъ въ обществѣ и спорятъ скрещиваясь полемическими пріемами въ печати, о внутренней морали „дѣла петербургскаго судебнаго слѣдователя Ѳедорова, рискнувшаго въ припадкѣ остраго любостяжанія украсть у подвѣдомственныхъ ему подслѣдственныхъ кліентовъ ужь ими украденное. Кляузники и чревовѣщатели извѣстнаго сорта становятся въ трагическія позы, бьютъ въ набатъ, проливаютъ крокодиловы слезы надъ упадкомъ нравственной природы русскихъ судебныхъ учрежденій и категорически ставятъ вопросъ: что же это однако у насъ будетъ, если слѣдователи станутъ обкрадывать воровъ, судьи слѣдователей, а прокуроры судей? Страшенъ случай, да милостивъ Богъ.

Два извѣстные галицкіе братья-славяне, о. Наумовичъ и Плащанскій, ища, по обычаю всѣхъ жалующихъ къ намъ славянъ, «неоскудѣвающихъ воспособленій», объѣзжаютъ послѣдовательно Кіевъ, Москву, Петербургъ, всюду поѣдаютъ парадные французскіе обѣды съ пѣнистыми тостами и привѣтствіями коноводовъ отечественнаго славянофильства, исполняютъ разныя элегіи на словесныхъ гусляхъ и съ азартомъ покрикиваютъ «ой, дидъ, лядо», косясь на венгерцевъ, косясь на австріяковъ. Габсбургамъ достается, пожалуй, больше чѣмъ обѣденнымъ рябчикамъ. Но чѣмъ ближе подъѣзжаютъ почтенные гости къ своей австрійской границѣ, тѣмъ они дѣлаются уступчивѣе, снисходительнѣе, даже габсбургскипатріотичнѣе, и наконецъ въ Варшавѣ, на прощаніе, объявляютъ, что, если сказать „по совѣсти“, такъ они даже лучшіе австріяки, чѣмъ сами австріяки. А мы-то сѣмена единенія сѣяли, да объ сиротинской судьбѣ братцевъ плакали. Извѣстно, впрочемъ, что странствующіе, вслѣдствіе „домовнаго оскудѣнія и избытка разноплеменныхъ печальностей“, славянскіе сродственники всегда

лась оболванивали съ большимъ мастерствомъ и даже съ юморомъ. Все имъ мало жертвуемыхъ нами фланелевыхъ одѣялъ, для отиранія слезъ разлуки.

Октябрь.

Довольно стремительно умираетъ всероссійскій и даже всеевропейскій крезъ, баронъ Штиглицъ. Скопивъ баснословное состояніе, снимая пѣнки съ финансовыхъ операцій русской казны и достигнувъ тридцатитысячнаго *ежедневнаго* дохода, онъ оставляетъ послѣ себя около 150 милліоновъ, разверставъ ихъ самымъ чудаческимъ и самодурствующимъ образомъ. Надѣливъ милліонами лакеевъ, поваровъ, парикмахеровъ, французскихъ пѣвицъ, женевскихъ часовщиковъ, банковыхъ сторожей, Штиглицъ отписываетъ только одно общественное пожертвованіе—десять милліоновъ въ пользу центральной рисовальной школы,—да и та не имѣетъ ни дѣйствительнаго значенія, ни практическаго смысла. Чудовищный фондъ школы, необходимость которой весьма проблематична, предоставляетъ никому не нужнымъ рисовальщикамъ выводить фигуры, хотя бы алмазными карандашами по золотымъ доскамъ, но не даетъ имъ ни опоры въ жизни, ни пригодной, пользующейся спросомъ, профессіи. Въ то же время ни университеты, ни среднія учебныя заведенія, ни литературный фондъ, ни благотворительныя учрежденія не получаютъ отъ Штиглица ни копѣйки. Кровнаго биржевика, какъ и горбатаго, даже могила и та не исправляетъ.

Вслѣдствіе крайней бѣдности текущаго дѣловаго сезона и за недостаткомъ темъ для поредовыхъ статей, ребромъ ставится, всесторонне освѣщается и опредѣлительно рѣшается *танцклассный вопросъ*. Марцинкевичъ, «Салоны де-Варьете», «Зимніе сады», «Пале де Кристали» впервые узнаютъ изъ газетъ о присущей имъ всероссійской роли и миссіи. Буфетчики этихъ заведеній подозрѣваютъ коварную интригу со стороны стакнувшихся репортеровъ, и улаживаютъ дѣло чрезъ посредство дамскаго вмѣшательства и вліянія.

Въ Петербургѣ вдругъ вспоминаютъ о существованіи перешедшей къ намъ по наслѣдству отъ «вѣянія», кохановской комиссіи и освѣдомляются насчетъ ея бытія. Получается справка такого рода: названная комисія сначала шла полнымъ ходомъ впередъ, потомъ, подтормозивъ свои колеса, двигалась такимъ же ходомъ назадъ, а теперь намѣрена, чтобы найти спасительный средній путь къ окончательному выходу изъ лабиринта проэктовъ и подготовительнаго хаоса, идти задомъ напередъ и передомъ назадъ. Благожелаютъ и даже хвалятъ, но ничего не ждутъ.

Главное гнѣздо кукуевскихъ операторовъ, свитое подъ крышею дома «Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ», еще разъ дрожитъ и трепещетъ. Въ газетахъ появляются извѣстія, что двѣнадцать совѣтскихъ апостоловъ, путешествуя по своей надобности въ кладовыя государственнаго казначейства, твердо и

спокойно ссылались на какую-то «7-ю статью» заключеннаго главнымъ обществомъ съ казною контракта, которой *вовсе никогда и не было*. Генералы тяжело дышатъ и отказываются понять, куда мы это идемъ съ такою безстыдною и разнузданною печатью. Да и складно-ли, чтобы въ такомъ содомскомъ договорѣ и вдругъ было лишь шесть, а не всѣ семь смертныхъ грѣховъ? Дѣйствительно, мало вѣроятно.

Ноябрь.

Мальбруги печальнаго образа купно выѣзжаютъ въ походъ противъ министра юстиціи Д. Н. Набокова, сказавшаго, во время своей поѣздки по Россіи, нѣсколько дружескихъ одобрительныхъ словъ представителямъ судебнаго вѣдомства. Каждая фраза г. Набокова расчленяется на составныя части и каждое слово на свѣтъ, какъ сомнительная бумажка, смотрится. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ возможность, хотя-бы и вчужѣ, любоваться чисто бельгійскою «свободою гласности».

Англичане Бишопъ и Кумберлендъ одновременно жалуютъ къ намъ разгадывать мысли. Наивные люди! Не найдена еще такая сила, которая была-бы способна уловить сущность, направленіе и законъ дѣятельности русской мысли. Долго еще не заберутся внутрь ея хотя-бы самые искусные и знаменитые прорицатели и престидигитаторы.

Нѣкіе гг. Бухтѣевъ и Пазухинъ, пріѣзжіе въ Петербургъ обыватели для депутатскаго засѣданія въ кохановской комисіи, обращаютъ на себя общее вниманіе сочиненнымъ ими проэктомъ учрежденія, для оздоровленія «корней», должности *участковыхъ блюстителей*.

Будучи людьми откровенными и прямолинейными, они отказываются отъ всякихъ сдѣлокъ, склеекъ, починокъ, компромиссовъ, и требуютъ, для блага горячо любимой ими родины, возрожденія незабвенной вотчинной полиціи. По мысли гг. Бухтѣева и Пазухина, участковый блюститель, избираемый дворянствомъ для извѣстнаго территоріальнаго околодка, долженъ быть одновременно: законодателемъ, судьею, исполнителемъ, полицмейстеромъ, оберегателемъ религіи, истолкователемъ морали, корректоромъ нравовъ, представителемъ сильныхъ, защитникомъ слабыхъ и преимущественнымъ въ своемъ околодкѣ радѣтелемъ о благѣ, счастіи и довольствіи обывателей. Многіе усматриваютъ въ этомъ безподобномъ проэктѣ первоначальную работу Манилова, но съ весьма существенными редакціонными вставками и передѣлками Чичикова и Ноздрева. Дѣло кончается для черноземныхъ прожектеровъ только тѣмъ, что княгиня Марья Алексѣевна приглашаетъ ихъ на винтъ и обыгрываетъ вмѣстѣ съ княземъ Тугоуховскимъ.

Неистовствующій передъ подпискою князь В. П. Мещерскій дѣ-

лаетъ въ «Гражданинѣ» неприличнѣйшую и недостойнѣйшую выпазку противъ петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ и получаетъ со всѣхъ сторонъ огромное количество воздаятельныхъ шлепковъ.

Литературный фондъ празднуетъ двадцатипятилѣтіе своего существованія. Онъ издаетъ толстый памятникъ-сборникъ, и, жалуясь въ лѣтописи «общества для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» на обидное и печальное равнодушіе нашего общества и писателей къ этому почтенному и благородному учрежденію, упускаетъ изъ виду нѣкоторыя причины такого безучастія, объясняемыя, быть можетъ, легче и проще, чѣмъ это дѣлаютъ несмѣняемые и неразлучные распорядители, чтобы не сказать единственные хозяева капиталовъ литературной складчины и самопомощи.

Кружокъ друзей и сотрудниковъ «Наблюдателя» очень мило, дружно и оживленно справляетъ двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности А. П. Пятковскаго, о чемъ говорится въ этой же книжкѣ подробнѣе въ другой статьѣ.

Декабрь.

Московская судебная палата, разбирая рыковскій процессъ, имѣетъ дѣло съ цѣлымъ жизненнымъ строемъ, съ цѣлою сѣтью взаимныхъ общественныхъ отношеній. Три недѣли постоянно подноситъ свои картины скопинская панорама. Общее впечатлѣніе ея самое удручающее и какое-то безпадежное. Наверху — попущеніе и мирволеніе, дружба, связи, знакомство, негласныя прихватыванія въ центрѣ—многолѣтній, систематическій, наглый и открытый, разбойничій грабежъ; внизу — дурь непроходимая, дурь безличная, дурь подневольная, и какъ выразился одинъ изъ свидѣтелей, „сырость нравовъ звѣроподобная“. Людисами лѣзли въ петли и собственноручно ихъ затягивали. Едва-ли мыслимъ болѣе трагическій идіотизмъ. Такъ только въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки просвѣщенные охотники подстрѣливаютъ неосмотрительныхъ обезьянъ изъ англійскихъ штуцеровъ.

Продолжающаяся вялость и безсодержательность петербургскаго, якобы дѣловаго сезона до того истомляютъ и публику и журналистику, что обѣ онѣ съ величайшею жадностью набрасываются на дѣло объ убійствѣ еврейской дѣвочки Сарры Беккеръ. Возникаетъ цѣлая литература, спеціально посвященная этому процессу. Временно все стушевывается передъ модною и ходкою, внутренне ничтожною и искусственно раздутою темою. Вся Россія считаетъ волосы Сарры Беккеръ, вся Россія рѣшаетъ споръ между психіатрами-экспертами, вся Россія изучаетъ біографію какого-то содержателя кассы ссудъ, вся Россія разбираетъ іероглифическія надписи на деревянной скамьѣ, доставленной въ судъ изъ Таврическаго сада. И всѣ довольны, всѣ заинтригованы, всѣ возбуждены. Какъ

легко исторіи имѣть дѣло съ такимъ стомилліоннымъ райкомъ изъ всероссійскаго балагана!

Опубликовывается законъ противъ совмѣстительства прерогативъ государственной службы съ приватнымъ сподвижничествомъ на пользу акціонерныхъ преуспѣяній. Тѣ, до кого этотъ законъ непосредственно относится, усматриваютъ въ немъ, говоря словами Щедрина, помѣсь «аракчеевщины съ соціализмомъ». Одновременное сидѣніе на нѣсколькихъ стульяхъ возвышало сидѣвшихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и приносило неоспоримо обильные плоды. И вдругъ законъ предложилъ вспомнить о стыдѣ людямъ, еще въ утробѣ матери стыда лишившимся.

Въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ показывали, въ теченіе нѣсколькихъ дней, двухъ генераловъ: П. Корицкаго и Ферро, бывшихъ заправилъ военно-медицинскаго управленія, которыхъ тормили сотни подчиненныхъ имъ врачей, ветеринаровъ и фармацевтовъ. Превосходительства признавали всякое даяніе благимъ и брали не только деньгами, но табакомъ, вареньемъ, икрою, картинами, старыми монетами, вязанными чулками и проч. Гоголевскій Сквозникъ-Дмухановскій былъ бы вполнѣ оправданъ, еслибы его судили вмѣстѣ съ этими департаментскими баграми, моментально распарывавшими карманъ у всякаго прохожаго. Ни въ одномъ процессѣ послѣднихъ годовъ старая канцелярская блудница - взятка не казалось такою молодою, такою свѣжею, такою улыбающеюся и легкокрылою.

А когда наконецъ пришли въ декабрѣ святки и новый годъ, то зажигали елки, играли въ карты, опрокидывали рюмки, славили начальство и всуе старались поглубже запрятать отмороженные уши въ узкую и неподатливую дыру треугольной шляпы.

Вы, конечно, видѣли торговую ношу странствующаго по деревнямъ коробейника.

Коробъ, точно годъ на мѣсяцы, раздѣленъ на отдѣленія.

Показывая товаръ лицомъ, коробейникъ послѣдовательно достаетъ одну перегородку на смѣну другой.

Передъ вами иголки, наперстки, тесемки, бусы, ножики, спички, гребенки, зеркальца, рыболовные крючки, пуговицы, трубки, козырьки, лубочныя книжонки, платки, мыло, крестики, кошельки, картинки.

Вся эта дрянь пестра, дешева и безсвязна. Нельзя ни упорядочить ее, ни орієнтироваться въ ней. Приходится лишь брать и пересматривать то, что есть.

Ну, такъ вотъ современный русскій годъ, пестрый, мелкій, дешевый и безсвязный, и есть именно такой коробъ плутоватаго и захудалаго офени, который до храма славы не дойдетъ, но въ избушку съ елкою на крышѣ, даже и въ самую волчью ночь, потрафитъ.

Буква.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ
НА
ІОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"

газету политическую, экономическую и литературную.
(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года, исполнится ровно **десять лѣтъ** съ поры, какъ мы приняли на себя изданіе „Новороссійскаго Телеграфа".

Немало средствъ, труда и энергіи пришлось намъ затратить, чтобы поставить бновленный нами „Новороссійскій Телеграфъ" на уровень общественныхъ за- и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія воз- таютъ и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему, ежегодно рас- я программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣш- ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а де- лѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ шибокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами всту- въ второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше подни- наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція „Новороссійскаго Телеграфа", не прибѣгая къ обѣщаніямъ и зазы- мъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литера- ными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **ивы** (г. Василевскаго), украшающаго страницы „Новороссійскаго Телеграфа" теченіе шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми силами; въ ущемъ году мы заручились двумя новыми сотрудниками по отдѣламъ руководя- съ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ ьзоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно тавляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обык- енно появляются въ „Новор. Телеграфѣ" 1—2 днями ранѣе (иногда одно- еменно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ. гдѣ омѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, „Нов. Телеграфъ", не увеличивая подписной ы, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими личными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право анія **«безплатныхъ премій»**, которыя будутъ выходить не періодически, не опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе ерьяловъ и возможность изготовленія соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на еображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
„ 2 „	2 „ 60 „	3 „ — „
„ 3 „	3 „ 85 „	4 „ 50 „
„ 4 „	5 „ — „	6 „ — „
„ 5 „	6 „ 30 „	7 „ 50 „
„ 6 „	7 „ — „	8 „ — „
„ 7 „	8 „ 30 „	9 „ 50 „
„ 8 „	9 „ 60 „	11 „ — „
„ 9 „	10 „ — „	11 „ 50 „
„ 10 „	11 „ — „	13 „ — „
„ 11 „	11 „ 50 „	13 „ 50 „
„ 12 „	12 „ — „	14 „ — „

легко исторіи имѣть дѣло съ такимъ стомилліоннымъ райкомъ изъ всероссійскаго балагана!

Опубликовывается законъ противъ совмѣстительства прерогативъ государственной службы съ приватнымъ сподвижничествомъ на пользу акціонерныхъ преуспѣяній. Тѣ, до кого этотъ законъ непосредственно относится, усматриваютъ въ немъ, говоря словами Щедрина, помѣсь «аракчеевщины съ соціализмомъ». Одновременное сидѣніе на нѣсколькихъ стульяхъ возвышало сидѣвшихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и приносило неоспоримо обильные плоды. И вдругъ законъ предложилъ вспомнить о стыдѣ людямъ, еще въ утробѣ матери стыда лишившимся.

Въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ показывали, въ теченіе нѣсколькихъ дней, двухъ генераловъ: П. Корицкаго и Ферро, бывшихъ заправилъ военно-медицинскаго управленія, которыхъ тормили сотни подчиненныхъ имъ врачей, ветеринаровъ и фармацевтовъ. Превосходительства признавали всякое даяніе благимъ и брали не только деньгами, но табакомъ, вареньемъ, икрою, картинами, старыми монетами, вязанными чулками и проч. Гоголевскій Сквозникъ-Дмухановскій былъ бы вполнѣ оправданъ, еслибы его судили вмѣстѣ съ этими департаментскими баграми, моментально распарывавшими карманъ у всякаго прохожаго. Ни въ одномъ процессѣ послѣднихъ годовъ старая канцелярская блудница - взятка не казалось такою молодою, такою свѣжею, такою улыбающеюся и легкокрылою.

А когда наконецъ пришли въ декабрѣ святки и новый годъ, то зажигали елки, играли въ карты, опрокидывали рюмки, славили начальство и всуе старались поглубже запрятать отмороженные уши въ узкую и неподатливую дыру треугольной шляпы.

Вы, конечно, видѣли торговую ношу странствующаго по деревнямъ коробейника.

Коробъ, точно годъ на мѣсяцы, раздѣленъ на отдѣленія.

Показывая товаръ лицомъ, коробейникъ послѣдовательно достаетъ одну перегородку на смѣну другой.

Передъ вами иголки, наперстки, тесемки, бусы, ножики, спички, гребенки, зеркальца, рыболовные крючки, пуговицы, трубки, козырьки, лубочныя книжонки, платки, мыло, крестики, кошельки, картинки.

Вся эта дрянь пестра, дешева и безсвязна. Нельзя ни упорядочить ее, ни ориентироваться въ ней. Приходится лишь брать и пересматривать то, что есть.

Ну, такъ вотъ современный русскій годъ, пестрый, мелкій, дешевый и безсвязный, и есть именно такой коробъ плутоватаго и захудалаго офени, который до храма славы не дойдетъ, но въ избушку съ елкою на крышѣ, даже и въ самую волчью ночь, потрафитъ.

Букша.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ
НА
НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"
газету политическую, экономическую и литературную.
(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года, исполнится ровно **десять лѣтъ** съ поры, какъ мы приняли на себя изданіе „Новороссійскаго Телеграфа".

Немало средствъ, труда и энергіи пришлось намъ затратить, чтобы поставить обновленный нами „Новороссійскій Телеграфъ" на уровень общественныхъ запъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возстаютъ и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему, ежегодно расрля программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣшго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а дестилѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ ошибокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше подымемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція „Новороссійскаго Телеграфа", не прибѣгая къ обѣщаніямъ и зазываніямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Аквы** (г. Василевскаго), украшающаго страницы „Новороссійскаго Телеграфа" въ теченіе шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми силами; въ будущемъ году мы заручились двумя новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ „Новор. Телеграфѣ" 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, „Нов. Телеграфъ", не увеличивая подписной цѣны, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«безплатныхъ премій»**, которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матеріяловъ и возможность изготовленія соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
„ 2 „	2 „ 60 „	3 „ — „
„ 3 „	3 „ 85 „	4 „ 50 „
„ 4 „	5 „ — „	6 „ — „
„ 5 „	6 „ 30 „	7 „ 50 „
„ 6 „	7 „ — „	8 „ — „
„ 7 „	8 „ 30 „	9 „ 50 „
„ 8 „	9 „ 60 „	11 „ — „
„ 9 „	10 „ — „	11 „ 50 „
„ 10 „	11 „ — „	13 „ — „
„ 11 „	11 „ 50 „	13 „ 50 „
„ 12 „	12 „ — „	14 „ — „

спокойно ссылались на какую-то «7-ю статью» заключеннаго главнымъ обществомъ съ казною контракта, которой *вовсе никогда и не было.* Генералы тяжело дышатъ и отказываются понять, куда мы это идемъ съ такою безстыдною и разнузданною печатью. Да и складно-ли, чтобы въ такомъ содомскомъ договорѣ и вдругъ было лишь шесть, а не всѣ семь смертныхъ грѣховъ? Дѣйствительно, мало вѣроятно.

Ноябрь.

Мальбруги печальнаго образа купно выѣзжаютъ въ походъ противъ министра юстиціи Д. Н. Набокова, сказавшаго, во время своей поѣздки по Россіи, нѣсколько дружескихъ одобрительныхъ словъ представителямъ судебнаго вѣдомства. Каждая фраза г. Набокова расчленяется на составныя части и каждое слово на свѣтъ, какъ сомнительная бумажка, смотрится. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы имѣемъ возможность, хотя-бы и вчужѣ, любоваться часто бельгійскою «свободою гласности».

Англичане Бишопъ и Кумберлендъ одновременно жалуютъ къ намъ разгадывать мысли. Наивные люди! Не найдена еще такая сила, которая была-бы способна уловить сущность, направленіе и законъ дѣятельности русской мысли. Долго еще не заберутся внутрь ея хотя-бы самые искусные и знаменитые прорицатели и престидижитаторы.

Нѣкіе гг. Бухтѣевъ и Пазухинъ, пріѣзжіе въ Петербургъ обыватели для депутатскаго засѣданія въ кохановской комиссіи, обращаютъ на себя общее вниманіе сочиненнымъ ими проэктомъ учрежденія, для оздоровленія «корней», должности *участковыхъ блюстителей.*

Будучи людьми откровенными и прямолинейными, они отказываются отъ всякихъ сдѣлокъ, склеекъ, починокъ, компромиссовъ, и требуютъ, для блага горячо любимой ими родины, возрожденія незабвенной вотчинной полиціи. По мысли гг. Бухтѣева и Пазухина, участковый блюститель, избираемый дворянствомъ для извѣстнаго территоріальнаго околодка, долженъ быть одновременно: законодателемъ, судьею, исполнителемъ, полицмейстеромъ, оберегателемъ религіи, истолкователемъ морали, корректоромъ правовъ, представителемъ сильныхъ, защитникомъ слабыхъ и преимущественнымъ въ своемъ околодкѣ радѣтелемъ о благѣ, счастіи и довольствіи обывателей. Многіе усматриваютъ въ этомъ безподобномъ проэктѣ первоначальную работу Манилова, но съ весьма существенными редакціонными вставками и передѣлками Чичикова и Ноздрева.. Дѣло кончается для черноземныхъ прожектеровъ только тѣмъ, что княгиня Марья Алексѣевна приглашаетъ ихъ на винтъ и обыгрываетъ вмѣстѣ съ княземъ Тугоуховскимъ.

Неистовствующій передъ подпискою князь В. П. Мещерскій дѣ-

ляетъ въ «Гражданинѣ» неприличнѣйшую и недостойнѣйшую выпазку противъ петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ и получаетъ со всѣхъ сторонъ огромное количество воздаятельныхъ шлепковъ.

Литературный фондъ празднуетъ двадцатипятилѣтіе своего существованія. Онъ издаетъ толстый памятникъ-сборникъ, и, жалуясь въ лѣтописи «общества для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» на обидное и печальное равнодушіе нашего общества и писателей къ этому почтенному и благородному учрежденію, упускаетъ изъ виду нѣкоторыя причины такого безучастія, объясняемыя, быть можетъ, легче и проще, чѣмъ это дѣлаютъ несмѣняемые и неразлучные распорядители, чтобы не сказать единственные хозяева капиталовъ литературной складчины и самопомощи.

Кружокъ друзей и сотрудниковъ «Наблюдателя» очень мило, дружно и оживленно справляетъ двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности А. П. Пятковскаго, о чемъ говорится въ этой же книжкѣ подробнѣе въ другой статьѣ.

Декабрь.

Московская судебная палата, разбирая рыковскій процессъ, имѣетъ дѣло съ цѣлымъ жизненнымъ строемъ, съ цѣлою сѣтью взаимныхъ общественныхъ отношеній. Три недѣли постоянно подновляетъ свои картины скопинская панорама. Общее впечатлѣніе ея самое удручающее и какое-то безнадежное. Наверху — попущеніе и мирволеніе, дружба, связи, знакомство, негласныя прихватыванія въ центрѣ — многолѣтній, систематическій, наглый и открытый, разбойничій грабежъ; внизу — дурь непроходимая, дурь безличная, дурь подневольная, и какъ выразился одинъ изъ свидѣтелей, „сырость нравовъ звѣроподобная“. Людисами лѣзли въ петли и собственноручно ихъ затягивали. Едва-ли мыслимъ болѣе трагическій идіотизмъ. Такъ только въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки просвѣщенные охотники подстрѣливаютъ неосмотрительныхъ обезьянъ изъ англійскихъ штуцеровъ.

Продолжающаяся вялость и безсодержательность петербургскаго, якобы дѣловаго сезона до того истомляютъ и публику и журналистику, что обѣ онѣ съ величайшею жадностью набрасываются на дѣло объ убійствѣ еврейской дѣвочки Сарры Беккеръ. Возникаетъ цѣлая литература, спеціально посвященная этому процессу. Временно все стушевывается передъ модною и ходкою, внутренне ничтожною и искусственно раздутою темою. Вся Россія считаетъ волосы Сарры Беккеръ, вся Россія рѣшаетъ споръ между психіатрами-экспертами, вся Россія изучаетъ біографію какого-то содержателя кассы ссудъ, вся Россія разбираетъ іероглифическія надписи на деревянной скамьѣ, доставленной въ судъ изъ Таврическаго сада. И всѣ довольны, всѣ заинтригованы, всѣ возбуждены. Какъ

легко исторіи имѣть дѣло съ такимъ стомилліоннымъ райкомъ изъ всероссійскаго балагана!

Опубликовывается законъ противъ совмѣстительства прерогативъ государственной службы съ приватнымъ сподвижничествомъ на пользу акціонерныхъ преуспѣяній. Тѣ, до кого этотъ законъ непосредственно относится, усматриваютъ въ немъ, говоря словами Щедрина, помѣсь «аракчеевщины съ соціализмомъ». Одновременное сидѣніе на нѣсколькихъ стульяхъ возвышало сидѣвшихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и приносило неоспоримо обильные плоды. И вдругъ законъ предложилъ вспомнить о стыдѣ людямъ, еще въ утробѣ матери стыда лишившимся.

Въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ показывали, въ теченіе нѣсколькихъ дней, двухъ генераловъ: П. Корицкаго и Ферро, бывшихъ заправилъ военно-медицинскаго управленія, которыхъ тормили сотни подчиненныхъ имъ врачей, ветеринаровъ и фармацевтовъ. Превосходительства признавали всякое даяніе благимъ и брали не только деньгами, но табакомъ, вареньемъ, икрою, картинами, старыми монетами, вязанными чулками и проч. Гоголевскій Сквозникъ-Дмухановскій былъ бы вполнѣ оправданъ, еслибы его судили вмѣстѣ съ этими департаментскими баграми, моментально распарывавшими карманъ у всякаго прохожаго. Ни въ одномъ процессѣ послѣднихъ годовъ старая канцелярская блудница - взятка не казалось такою молодою, такою свѣжею, такою улыбающеюся и легкокрылою.

А когда наконецъ пришли въ декабрѣ святки и новый годъ, то зажигали елки, играли въ карты, опрокидывали рюмки, славили начальство и всуе старались поглубже запрятать отмороженные уши въ узкую и неподатливую дыру треугольной шляпы.

Вы, конечно, видѣли торговую ношу странствующаго по деревнямъ коробейника.

Коробъ, точно годъ на мѣсяцы, раздѣленъ на отдѣленія.

Показывая товаръ лицомъ, коробейникъ послѣдовательно достаетъ одну перегородку на смѣну другой.

Передъ вами иголки, наперстки, тесемки, бусы, ножики, спички, гребенки, зеркальца, рыболовные крючки, пуговицы, трубки, козырьки, лубочныя книжонки, платки, мыло, крестики, кошельки, картинки.

Вся эта дрянь пестра, дешева и безсвязна. Нельзя ни упорядочить ее, ни ориентироваться въ ней. Приходится лишь брать и пересматривать то, что есть.

Ну, такъ вотъ современный русскій годъ, пестрый, мелкій, дешевый и безсвязный, и есть именно такой коробъ плутоватаго и захудалаго офени, который до храма славы не дойдетъ, но въ избушку съ елкою на крышѣ, даже и въ самую волчью ночь, потрафитъ.

Буква.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ
НА
НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ"
ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ.
(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ).

1-го января наступающаго 1885 года, исполнится ровно **десять лѣтъ** съ поры, какъ мы приняли на себя изданіе „Новороссійскаго Телеграфа".

Немало средствъ, труда и энергіи пришлось намъ затратить, чтобы поставить обновленный нами „Новороссійскій Телеграфъ" на уровень общественныхъ запросовъ и требованій; съ каждымъ годомъ мы убѣждались, что эти требованія возрастаютъ и значеніе печатнаго органа увеличивается, почему, ежегодно расширяя программу газеты, мы успѣли довести ее по пути улучшеній до нынѣшняго ея состоянія.

Сочувствіе общества даетъ намъ силы на дальнѣйшую дѣятельность, а десятилѣтній опытъ научилъ насъ по возможности избѣгать случайныхъ промаховъ и ошибокъ, неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ. Мы со свѣтлыми надеждами вступаемъ во второе десятилѣтіе, бодро и смѣло глядимъ впередъ и еще выше поднимаемъ наше знамя, во имя котораго трудились десять лѣтъ.

Редакція „Новороссійскаго Телеграфа", не прибѣгая къ обѣщаніямъ и заявленіямъ, всегда стремилась къ увеличенію состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Аквы** (г. Василевскаго), украшающаго страницы „Новороссійскаго Телеграфа" въ теченіе шести лѣтъ, мы ежегодно пополняемъ редакцію новыми силами; въ настоящемъ году мы заручились двумя новыми сотрудниками по отдѣламъ руководящихъ статей и фельетона. Кромѣ того, редакція и въ будущемъ году будетъ пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ, которыя обыкновенно появляются въ „Новор. Телеграфѣ" 1—2 днями ранѣе (иногда одновременно съ телеграммами) появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ онѣ помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Вступая во второе десятилѣтіе, „Нов. Телеграфъ", не увеличивая подписной платы, **увеличиваетъ свой форматъ**, сравниваясь такимъ образомъ съ большими столичными газетами. Независимо отъ этого, мы удерживаемъ за собою право изданія **«безплатныхъ премій»**, которыя будутъ выходить не періодически, не въ опредѣленные сроки, а когда того потребуютъ особыя событія, накопленіе матеріяловъ и возможность изготовленія соотвѣтствующихъ рисунковъ.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
„ 2 „	2 „ 60 „	3 „ — „
„ 3 „	3 „ 85 „	4 „ 50 „
„ 4 „	5 „ — „	6 „ — „
„ 5 „	6 „ 30 „	7 „ 50 „
„ 6 „	7 „ — „	8 „ — „
„ 7 „	8 „ 30 „	9 „ 50 „
„ 8 „	9 „ 60 „	11 „ — „
„ 9 „	10 „ — „	11 „ 50 „
„ 10 „	11 „ — „	13 „ — „
„ 11 „	11 „ 50 „	13 „ 50 „
„ 12 „	12 „ — „	14 „ — „

За границу, къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено вначалѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 руб. къ 1 января и къ 1 іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-го марта, 1-го іюня и 1 сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1885 года.

НА ГОДЪ
съ пересылкою и пересылкою преміи
ВО ВСѢ ГОРОДА
Россійской Имперіи
10 р.

О подпискѣ въ 1885 году
X. НА **X.**
художественно-юмористическій журналъ
„СТРЕКОЗА".

по ½ годіямъ
съ пересылкою
ВО ВСѢ ГОРОДА
Россійской Имперіи
безъ преміи
5 р. 50 к.

Иногородные адресуются: 16, Николаевская, СПБ.

Общій девизъ журнала: глубокомысліе, легкокрылость и благонамѣренность.

Для годичныхъ подписчиковъ преміею избранъ:

„ПУШКИНСКІЙ АЛЬБОМЪ",

двадцать рисунковъ in folio къ пушкинскимъ стихотвореніямъ, исполненныхъ какъ состоящими при журналѣ, такъ и многими первоклассными, нарочно для этого приглашенными, художниками. Кромѣ того, въ 1885 году, отъ времени до времени, нумера журнала будутъ увеличены въ объемѣ приложеніями, преимущественно посвященными или провинціальной жизни (въ карикатурахъ), или иностраннымъ художественнымъ произведеніемъ, исполненнымъ весьма изящно **геліографіей**.

ВЪ ВИДѢ ОСОБАГО СЮРПРИЗА,

по случаю 10-ти-лѣтняго юбилея журнала,

всѣмъ подписчикамъ будетъ разосланъ **«Юбилейный нумеръ»**, увеличенный текстомъ, рисунками и особыми приложеніями. Подписка принимается только въ конторѣ: по Михайловской, на углу Невскаго просп., въ домѣ Европейской гостиницы. Подписныя-же деньги, черезъ корреспонденцію, высылаются въ редакцію журнала, въ С.-Петербургъ, Николаевская, 16.

НА ГОДЪ
съ преміею,
съ доставкою
въ С.-Петербургѣ
9 р.

Редакторъ **И. Ф. Василевскій** (*Буква*)
Издатель **Германъ Корифельдъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГРАНИЦУ:
на годъ 12 р.—на ½ года 7 р.

по ½ годіямъ
безъ преміи
5 р.
Безъ доставки
на годъ 8 руб.,
по ½ годіямъ
4 р. 50 к.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Stanford University Libraries
3 6105 010 701 444

Stanford University Libra
Stanford, California

Return this book on or before date